ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

6/2026

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Главный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Заместитель главного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**
Ответственный секретарь – канд. психол. наук **Н.П. Андрюшкова**
Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, д-р филол. наук **Э.С. Ветрова**, канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **А.С. Ососкова**, канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**
Executive Secretary – Candidate of Psychology. **N.P. Andryushkova**
Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.S. Vetrova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **A.S. Ososkova**, Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел**: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: https://dongu-vestnik05.ru.

Технический редактор: А.М. Лыкова.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН в 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и психология

№ 6/2026

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

Беглова Е.И. Текст публицистического стиля как творческий продукт искусственного интеллекта и человека 5

Волкова Я.А. Моделирование эмотивности в генерированных медиатекстах 16

Бондаренко Е.В., Желтухина М.Р. Медиаобраз новых регионов в российских СМИ 29

Ицкович Т.В. Молитвы, созданные искусственным интеллектом: лингвотекстовые особенности 40

Васильченко М.А. Индивидуальное и социальное в генеративных и естественных текстах 52

Волкова В.В. Формирование визуального языка медиа с использованием искусственного интеллекта 62

Егошкина В.А. Лексико-синтаксическая и стилистическая специфика генеративного медиатекста (на примере аудиогидов) 73

Метлушко И.В. Репрезентация исторических личностей в ИИ-опосредованном дискурсе памяти 86

Николаева А.В., Силанов Е.А. Распределение авторских функций в цифровых играх при использовании генеративного ИИ 95

Туркина Е.В., Северская О.И. Интеллект, риск и технология будущего: развитие поля «искуственный интеллект» и его семантический потенциал в составе наиболее высокочастотных полей современного медиадискурса 105

Кравцов С.М., Жилнин А.Г. Прагмонимы, называющие продукты питания и блюда: национально-культурный аспект (на материале русского и французского языков) 119

Бирюкова Е.В., Борисова Е.Г., Мутовкина Е.В. Город в сознании: топонимика на разных уровнях восприятия 129

Милостивая А.И., Зайцев А.А., Бабушкина Л.Е. Эпистемическая модальность в нарративе по генетике как способ экспликации оценки научного наследия Грегора Менделя 139

Белоконь С.А. Карнавализация как способ создания особого художественного мира в интеллектуальной прозе К. Вагинова и Вс. Иванова 152

Валиева М.Д. Лингвистический ландшафт Цхинвала: социолингвистический анализ публичного языкового пространства 161

Безус С.Н., Варфоломеева Н.С., Смирнова М.А. Избыточность как стилевая черта текстов деловой письменности средневековой Испании 174

Лавриненко И.Ю., Тимошенко К.Р. Признаки концепта «Лошадь» в русском и шотландском сказочном эпосе 185

Неренц Д.В., Дякина А.А. Создание тематических телевизионных репортажей с помощью технологий искусственного интеллекта 203

Степанова Д.В. Авторские корпусные инструменты: опыт экспликации и интерпретации темы денег в романе Г. Белля «Глазами Клоуна» 218

Тельпов Р.Е., Первунинских Е.А. Названия казачьих поселений Челябинской области в сопоставительном аспекте с ойконимией донского казачества 231

Гадакчян А.С. Когнитивно-прагматическая интеграция и барьеры речевосприятия окказиональных фразеологизмов в современном английском дискурсе 242

Гапиенко П.Е. Структурно-типологические особенности онимов в англоязычном искусствоведческом дискурсе 253

Кетова К.Б. Лексико-грамматическая структура номинативного поля концепта «уважение» в языковом сознании современной молодёжи (на материале ассоциативного эксперимента) 263

Ли Юньчжу. Китайская классическая философия в интерпретации Л.Н. Толстого и ее осмысление У Цзэлинем 273

Текуева А.А. Аксиологическое ядро повседневности: описание концептосферы современных балкарцев по данным ассоциативного эксперимента 284

Томашевская Н.В. Нравственный выбор в драматургии А.Д. Салынского 295

Психология

Блинова Е.Е., Задорожнюк Н.В., Блинов О.Ю. Роль коммуникативной компетентности и академической мотивации в эффективной адаптации студентов в цифровой образовательной среде 305

Кушко О.Ю., Разуваева Т.Н. Модель когнитивной детерминации эмоциональной зависимости у женщин 317

Жихарева Л.В., Лучинкина А.И. Мотивация обращения к искусственному интеллекту: разработка и психометрическая апробация методик ШМОИ-ИИ и ШСВМ-ИИ 326

Самсоненко Л.С. Субъективное благополучие как предиктор склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте 341

Чуканов Е.В. Адаптационные ресурсы в структуре жизнеспособности человека 355

Шарова О.Л., Кожуховская А.А. Сравнительный анализ ситуативной тревожности и социальной желательности у кандидатов в ОВД при разных моделях профессионального отбора 364

Правила для авторов 374

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series D: Philology and Psychology

No 6/2026

CONTENTS

Philology

Beglova E.I. Publicistic text as creative product of artificial intelligence and human author 5

Volkova Ya.A. Modeling emotivity in generated media texts 16

Bondarenko E.V., Zheltukhina M.R. Image of new regions in Russian media 29

Itskovich T.V. Prayers generated by artificial intelligence: linguistic and textual features 40

Vasilchenko M.A. Individual and social in generative and natural texts 52

Volkova V.V. Forming media visual language using artificial intelligence 62

Egorshkina V.A. Lexico-syntactic and stylistic specificity of generative media text (on material of audio guides) 73

Metlushko I.V. Representation of historical figures in AI-mediated memory discourse 86

Nikolaeva A.V., Silanov E.A. Distribution of authorial functions in digital games when using generative AI 95

Turkina E.V., Severskaya O.I. Artificial intelligence, risk, and future technology: Artificial intelligence field development and its semantic potential within most frequent fields of contemporary media discourse 105

Kravtsov S.M., Zhilnin A.G. Pragmonyms designating food products and dishes: national and cultural aspect (on material from Russian and French) 119

Biryukova E.V., Borisova E.G., Mutovkina E.V. City in mind: toponymy at different levels of perception 129

Milostivaya A.I., Zaitsev A.A., Babushkina L.E. Epistemic modality in narrative on genetics as way of explicating assessment of Gregor Mendel's scientific legacy 139

Belokon S.A. Carnivalization as way of creating special artistic world in intellectual prose by Konstantin Vaginov and Vsevolod Ivanov 152

Valieva M.D. Linguistic landscape of Tskhinval: sociolinguistic analysis of public language space 161
Bezus S.N., Varfolomeeva N.S., Smirnova M.A. Redundancy in style of official documents in medieval Spain 174
Lavrinenko I.Yu., Timoshenko K.R. Features of concept "Horse" in Russian and Scottish fairy-tale epics 185
Nerents D.V., Dyakina A.A. Creation of thematic television reports using artificial intelligence technologies 203
Stepanova D.V. Author's corpus-based tools: explicating and interpreting theme of money in novel "The Clown" by H. Böll 218
Telpov R.E., Pervuninskikh E.A. Names of Cossack settlements in Chelyabinsk region as compared with Don Cossacks' oikonymy 231
Gadakchyan A.S. Cognitive-pragmatic integration and barriers in speech perception of occasional phraseological units in modern English discourse 242
Gapienko P.E. Structural and typological features of onyms in the English language art history discourse 253
Ketova K.B. Lexico-grammatical structure of nominative field of concept "respect" in linguistic consciousness of modern youth (based on associative experiment data) 263
Li Yunzhu. Chinese classical philosophy as interpreted by L.N. Tolstoy and its understanding by Wu Zeling 273
Tekueva A.A. Axiological core of everyday life: reconstruction of conceptual sphere of modern Balkars based on associative experiment data 284
Tomashevskaya N.V. Moral choice in drama by A.D. Salynsky 295

Psychology

Blinova E.E., Zadorozhnyuk N.V., Blinov O.Yu. Role of communicative competence and academic motivation in effective adaptation of students in digital educational environment 305
Kushko O.Yu. Razuvaeva T.N. Model of cognitive determination of women's emotional dependence 317
Zhikhareva L.V., Luchinkina A.I. Motivation for interacting with artificial intelligence: development and psychometric validation of the ShMOI-AI and ShSVM-AI scales 326
Samsonenko L.S. Subjective well-being as predictor of deviant behaviour in adolescence 341
Chukanov E.V. Adaptive resources of human resilience 355
Sharova O.L., Kozhukhovskaya A.A. Comparative analysis of police candidates' situational anxiety and social desirability under different selection models 364

Guidelines for authors 374

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 8.81.
DOI: 10.5281/zenodo.23860754

ТЕКСТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОДУКТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЧЕЛОВЕКА

© 2026 *Е.И. Беглова*
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
ORCID 0000-0002-3208-0549

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье демонстрируются три эссе, сгенерированные искусственным интеллектом, и одно эссе автора-человека на одну и ту же тему, проводится их лексический и стилистический анализ. В ходе анализа выявлены различия в лексических и выразительных средствах, способствующих передаче эмоциональности, оценочности и степени субъективности; определены функциональные стили каждого эссе, составленного искусственным интеллектом; сделан вывод о том, что искусственный интеллект не проводит четких границ между стилями и жанрами текстов, в частности, эссе, например, между публицистическим и художественным, разговорным и художественным стилями. Утверждается, что на данном этапе развития и применения искусственного интеллекта в порождении текстов разных стилей проблема заключается в неразграничении ИИ функциональных стилей и жанров текстов. ИИ не может порождать слова, ориентируясь на культурные, литературные, языковые и другие ассоциации, связанные с языковой игрой, как это может человек.

Ключевые слова: автор, искусственный интеллект, публицистический стиль, сгенерированный текст, средства выразительности, эссе.

Для цитирования: Беглова Е.И. Текст публицистического стиля как творческий продукт искусственного интеллекта и человека / Е.И. Беглова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 5–15. — https://doi.org/ 10.5281/zenodo.23860754.

Введение. Тема нашей статьи является продолжением обсуждения актуальных проблем медиалингвистики на X Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа», состоявшейся 1–4 июля 2026 года в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, в частности, на заседании пленарной сессии исследовательской группы «Стилистические исследования языка медиа» МАИЯМ (Международная ассоциация исследователей языка медиакоммуникации) по теме «Генерированный медиатекст в стилистической системе современной медиакоммуникации».

Предметом нашего исследования послужило эссе на тему «Зима-2026: как она влияет на человека», написанное автором статьи, и эссе, сгенерированное искусственным интеллектом (далее ИИ) в публицистическом стиле. Основная цель

заключалась в установлении различий в употреблении языковых средств в эссе, в частности, в средствах передачи эмоциональности, оценочности текста, особенностей сочетания стандарта и экспрессии как свойства публицистического стиля.

Нами был сформулирован запрос для ИИ: составить эссе в публицистическом стиле на тему «Зима-2026 и ее влияние на человека» с использованием выразительных средств языка. Выбор темы был обусловлен тем, что зима этого года закончилась, и ее можно было описать. Мы конкретизировали задачу — использовать выразительные средства при написании эссе. Следует уточнить, что мы ставили задачу перед ИИ на базе семейства моделей Alice AI.

Актуальность темы обусловливается активным внедрением ИИ в генерирование текстов разных функциональных стилей, например, когда ИИ может выступать в роли публициста.

Новизна заключается в том, что мы сравниваем свое эссе и эссе, сгенерированное ИИ, на одну и ту же тему в публицистическом стиле.

Следует отметить тот факт, что за последние пять лет проблема искусственного интеллекта, его определений, а также его роль в порождении медиатекста, риски и польза использования в современных СМИ активно освещались в ряде научных статей. Прежде всего, критически были осмыслены разные определения искусственного интеллекта. Это отражено в статье А.В. Болдачева [3], который предложил собственное понимание ИИ, а также сделал вывод о нецелесообразности замены человека на устройства с ИИ без изменения базовых принципов организации деятельности. В.С. Смолин анализирует книгу Макса Тегмарка, одного из основателей и лидеров движения «За дружественный AI», в которой обращает внимание на опасность и пользу, ожидающие человечество в результате развития технологий ИИ [14]. В ряде статей медиатекст, в том числе порожденный с помощью ИИ, исследуется с позиций нормы: коммуникативной, языковой, этической. Например, В.Г. Лебединская и Е.Г. Сомова рассматривают медиатекст как носитель коммуникативных норм [10], А.В. Жеребненко — сложившиеся на данном этапе развития инновации концепций грамотности в области ИИ, и определение круга ИИ-компетенций для специалистов сферы медиа и коммуникаций [7].

Л.А. Кочетова, используя методы корпусной лингвистики, проанализировала семантическую, образно-перцептивную и аксиологическую специфику медиарепрезентации ИИ в различных видах СМИ. С помощью корпусного дискурсивного анализа были установлены ключевые семантические домены, определяющие дискурсивную интерпретацию ИИ как социально значимого феномена; образно-оценочное и ценностное содержание медиарепрезентации ИИ и др. [9].

Особое внимание в ряде статей было уделено проблемам авторства медиатекста, в частности, журналиста и ИИ, а также авторского права. В статьях Е.А. Зверевой и О.А. Стрыгиной актуализируется проблема трансформации авторства в сетевых медиа, в частности, информация об авторском праве на произведения, созданные ИИ, делается вывод о необходимости расширения понятия авторства как одной из актуальных тенденций медиаиндустрии [5, 6].

Значимой проблемой в СМИ при порождении текста является взаимодействие журналиста (человека) и ИИ. Так, С.М. Осмаловская исследует взаимодействие человека и искусственного интеллекта в условиях цифровизации медиасреды, анализирует медиатексты, созданные журналистом и ИИ [11]. Н.И. Клушина справедливо утверждает, что сосуществование автора-журналиста и автора-ИИ в языковом пространстве современных медиа не только переформатирует данное пространство с точки зрения нормы и креативности, но и меняет его гуманитарную составляющую,

поскольку оно перестает быть человеческим [8]. В связи с этим одной из важных проблем является проблема этики ИИ при порождении медиатекста. Нельзя не согласиться с мнением исследователей данной проблемы А.В. Разиным [12] и С.Р. Распоповой [13], которые обратили внимание именно на вопросы этики ИИ. Так, С.Р. Распопова справедливо утверждает, что возникают этические риски, когда автором очерка, репортажа, интервью и медиатекстов других жанров может выступать не человек как субъект речи, а технологии (ИИ), которые не способны создавать оригинальные тропы и фигуры речи. В связи с этим возникает проблема этики ИИ, которая непосредственно связана с техноэтикой, лингвоэтикой и профессиональной этикой журналиста [13, с. 101–118]. Следует заметить, что именно с середины третьего десятилетия XXI века появилась злободневная проблема, касающаяся этики ИИ, когда цифровые технологии начинают проникать в те сферы, которые человек не предполагал; происходит трансформация, синтез цифровых программ, в результате чего ИИ выходит иногда из-под контроля человека, его создателя. Существуют неоднозначные мнения по поводу внедрения ИИ в разные сферы жизни, но одно мнение объединяет всех: ИИ должен быть подвластен человеку всегда, для ИИ должны быть установлены строгие границы его действий, сферы и ситуаций применения.

Мы считаем, что речь в разных ее формах (устной, письменной) и тексты разных функциональных стилей — это то пространство, в котором ИИ может активно применяться и быть помощником человеку / журналисту.

В данной статье мы остановимся на выявлении различий в лексических средствах, в частности, выразительных, создания текста эссе в публицистическом стиле, когда автором выступает человек (журналист или лингвист) и ИИ. Следует заметить, что к жанру эссе, созданному ИИ, частично обращался А.В. Болдачев [3].

Наша гипотеза заключается в следующем утверждении: сгенерированный ИИ текст эссе в публицистическом стиле отличается отстраненностью от личного, субъективного, снижением уровня эмоциональности за счет использования речевого клише, свойственного текстам официально-делового стиля и некоторым информативным жанрам публицистики, например, статье, заметке по поводу каких-либо официальных событий, а также хроникальной заметке, статье на первой полосе газеты и др.

Материалы и методы исследования. В изучении и лингвистическом анализе материала были использованы методы наблюдения, сравнения, а также лексический и стилистический анализы. Теоретико-методологическую базу обусловили научные публикации, в которых исследовался искусственный интеллект с разных точек зрения, автор-человек и искусственный интеллект в порождении текста разных функциональных стилей русского литературного языка.

Основная часть. Перед тем, как обратиться к эссе ИИ, представим и проанализируем эссе, автором которого является человек. Тема эссе аналогичная: «Зима-2026: как она влияет на человека».

Первый раз выпали осадки в виде снега. В свое время мы ждем наступления зимы и холодов, но все равно зима приходит неожиданно. Не всегда готов к ней не только человек, но и коммунальные службы: что-то не успели проверить, отремонтировать и пр. Зима в 2026 году была морозной и снежной, что вызвало ряд проблем для человека. Прежде всего, это переключение организма на энергосберегающий и тепловой ресурс. Нужно утепляться, а значит, покупать теплые вещи и обувь, чтобы не простудиться и не заболеть, а также не отказаться от прогулок на свежем воздухе. Нужно пересмотреть рацион питания, способствующий накоплению калорий и соответствующему обмену веществ в зимний период.

Коммунальные службы должны быть готовы к снегопадам, чтобы не допустить дорожного коллапса.

Не следует забывать о братьях меньших — птицах, зверушках и больших зверях, поэтому необходимо подготовить кормушки и корм для лесных зверей, чем занимаются сотрудники охотничьих хозяйств и заповедников.

Зима требует больше внимания к тому, чем живет человек, что его окружает, поэтому это время года мы переживаем более напряженно, с нетерпением ожидая прихода весны. И это несмотря на зимние праздники и развлечения! А 2026 год принес много проблем в связи со снегопадами, морозами. Но человек способен со всем справиться, если он подготовился к этому времени года. Так что все времена года хороши, но каждое со своими трудностями и нюансами. Снег, гололедица, сосульки — вот главные «персонажи» зимы, а в 2026 году они создали особые препятствия не только для коммунальных служб, но и для верхолазов, которые не успевали очищать крыши высотных домов от снега и сосулек, льда.

Произведем лексический и стилистический анализы данного эссе, написанное автором статьи. Устойчивые номинативные словосочетания соответствуют стандарту публицистического стиля: *осадки в виде снега, коммунальные службы, дорожный коллапс, охотничье хозяйство, времена года, энергосберегающий и тепловой ресурс, прогулки на свежем воздухе, рацион питания, обмен веществ.* В меньшей степени используется экспрессивная лексика: *утепляться, зверушки.* Используются оригинальные выразительные средства, способствующие выражению эмоций и субъективности: перифраза *братья меньшие,* олицетворение — *снег, гололедица, сосульки — вот главные «персонажи» зимы…* Экспрессия и эмоциональность создаются с помощью использования союзов — *а, но,* местоимения с союзом *и* ***это***, восклицания ***И*** *это несмотря на зимние праздники и развлечения!* Субъективность эссе передается с помощью неоднократного употребления личного местоимения ***мы:*** *мы ждем наступления зимы и холодов…, мы переживаем…,* которое подразумевает «я», то есть каждого человека.

Итак, проанализированное эссе написано в публицистическом стиле, в котором сочетаются языковой стандарт и экспрессивные средства, передающие эмоции и субъективность, то есть впечатления человека, его оценку зимы как суровой, снежной и морозной, что затрудняет его жизнь, но он должен и может найти выход из любой трудной ситуации, созданной зимними явлениями — морозами, снегопадами, гололедицей и др.

По нашему запросу написать эссе на тему «Зима-2026: как она влияет на человека» ИИ сгенерировал четыре эссе в публицистическом стиле, дав им следующие названия:

1. «Глобальное похолодание как новая реальность»,
2. «Города в снежном плену»,
3. «Сельское хозяйство под угрозой»,
4. «Человеческий фактор».

ИИ уточнил общую тему, предложенную нами, заменив ее на тему **«Зима: когда природа бросает вызов человечеству».**

Внутри этой темы ИИ выделил названные выше четыре микротемы и предложил небольшие по объему тексты эссе. Проанализируем короткое эссе, сгенерированное ИИ, на тему «**Сельское хозяйство под угрозой»,** так как оно реально отражало вторую часть сформулированной темы**:**

Аграрный сектор столкнулся с серьезными проблемами. Заморозки уничтожили посевы, а отсутствие тепла поставило под угрозу урожай следующего года. Фермеры

вынуждены искать новые способы защиты растений, используя дорогостоящие технологии и материалы.

Можно утверждать, что данное эссе написано в публицистическом стиле, о чем свидетельствуют экспрессивность и оценочность, созданные лексемами *серьезная* (проблема), *угроза* (урожаю). Однако преобладают клишированные словосочетания: *отсутствие тепла*, *дорогостоящие технологии и материалы, новые способы защиты, аграрный сектор*. Специфических, оригинальных выразительных средств не наблюдается. Сочетание стандарта и экспрессии подтверждают то, что эссе написано публицистическим стилем.

Если говорить об использовании выразительных языковых средств, например, журналистом, то следует обратить внимание на то, что профессионал с определенным уровнем языковой компетентности уместно использует разные средства языка для создания экспрессии и оценочности: историзмы, экзотизмы, окказионализмы и пр., о чем мы уже писали в одной из своих статей, посвященных языковой компетентности современного журналиста [1 с. 414–417], а также продемонстрировали специфику употребления экзотизмов в текстах современных СМИ [2, с. 61–66]. В.Е. Замальдинов, изучающий разного рода новообразования в авторских текстах СМИ, отмечал продуктивные в современном русском языке способы словообразования и окказиональные, что способен породить только человек [4 с. 13–19].

Можно предположить, что ИИ в большей степени будет создавать новые слова по продуктивным моделям словообразования, так как это заложено в цифровой программе, а человек / журналист, создавая необычные слова (окказиональные), использует не только широко известные способы и приемы словообразования, но и ассоциации, ориентированные на общие фоновые знания, на национальный культурный код. При этом применяются полисемия, омонимия, паронимия, разные приемы языковой игры.

Гораздо чаще ИИ создаются специальные средства образности и выразительности — тропы и стилистические фигуры.

Обратимся к лексико-стилистическому анализу эссе.

Следует отметить тот факт, что мы запрашивали эссе только в публицистическом стиле, но выдав четыре эссе в этом стиле, ИИ, игнорируя наш запрос, сгенерировал еще двадцать четыре эссе в ***разговорном стиле*** на двадцать четыре разные темы, которые были предложены ИИ в рамках все той же темы «Зима-2026: как она влияет на человека», хотя мы не ставили перед ним задачу сгенерировать тексты в разговорном стиле, но они вышли вместе с эссе в публицистическом стиле в одном ряду. В связи с этим нам представилась возможность продемонстрировать тематику эссе ИИ, отражающую нашу тему, но разбитую на микротемы.

Например, темы эссе ИИ *в разговорном стиле*:

1. «Зимние развлечения для всей семьи»,
2. «Зимние забавы и приключения»,
3. «Как сделать зимние фотографии»,
4. «Зимние рецепты: согревающие напитки и блюда»,
5. «Зимние примеры и поверья»,
6. «Зима: время для размышлений и самоанализа»,
7. «Зима: время для любви и добра»,
8. «Зимой можно сделать доброе дело, помочь нуждающимся, навестить одиноких или просто сказать доброе слово»,
9. «Волшебство зимнего утра»,
10. «Снежинки танцуют вальс»,

11. «Первый снег закружил»,

12. «Морозное дыхание зимы» и другие.

Как видим, тематика отображает разные явления зимы и действия человека, обусловленные образом жизни в зимнее время, в частности зимой 2026 года.

Следует заметить, что эссе ИИ, особенно в разговорном стиле, по структуре представляют собой короткие тексты, включающие от 3 до 9–11 строк. Например, эссе, сгенерированное ИИ в разговорном стиле: **«Советы по подготовке к зиме»** (помета ***разговорный стиль*** была дана ИИ перед текстами).

Зима — это время, к которому нужно готовиться заранее. Необходимо утеплить дом, проверить систему отопления, запастись теплыми вещами и продуктами питания. Зимой нужно быть особенно внимательным к своему здоровью. Необходимо одеваться тепло, избегать переохлаждения и укреплять иммунитет. Зимой нужно заботиться о природе и животных. Нужно подкармливать птиц, помогать животным пережить холода и беречь окружающую среду.

Произведем лексический и стилистический анализы эссе «Советы по подготовке к зиме», чтобы уточнить функциональный стиль. В данном тексте даны советы, поэтому употребляется большое количество глаголов в инфинитиве, например: *утеплить, проверить, одеваться, подкармливать* и др. Отсутствует лексика с эмоционально-оценочной окраской, поэтому в целом эссе характеризуется нейтральной окраской.

Используется книжная лексика: *система отопления, продукты питания, окружающая среда* и др.

Безусловно, жанр совета, рекомендации влияет на уровень экспрессивности, но повторяющееся слово со значением долга (*необходимо*) и книжная лексика обусловили стилистическую нейтральность, приблизив эссе к тексту публицистического и официально-делового стилей. Таким образом, эссе написано не разговорным стилем, а публицистическим.

Аналогично проанализируем еще одно эссе ИИ на тему «**Белым-бело за окном»,** так как само название изначально эксплицирует употребление выразительных средств.

*И вот она пришла, **долгожданная** зима! За окном все **белым-бело**. Снег укрыл землю **пушистым одеялом**, деревья стоят в **серебристом наряде**, а дома **словно утонули в сугробах**. Кажется, что мир замер в ожидании чего-то особенного. В такие моменты хочется просто стоять у окна и наблюдать за этой красотой, забыв обо всех заботах и проблемах. **Снег — это волшебство**. Он преображает все вокруг. Даже самые обычные здания и улицы становятся похожи на декорации к сказке. А когда выглядывает солнце, снег начинает сверкать и переливаться **всеми цветами радуги**. Это зрелище завораживает и дарит ощущение радости и восторга. Белый цвет — это символ чистоты и обновления. Зимой мы словно начинаем жизнь **с чистого листа**. Все старое и ненужное уходит, а на его место приходит новое, светлое и прекрасное. Зима — это время для размышлений, для подведения итогов и для планирования будущего.*

Второй текст ИИ на тему «Белым-бело за окном», в отличие от первого, обладает эмоционально-экспрессивной окраской, чему способствуют средства создания выразительности, например: сравнение *дома **словно утонули в сугробах,*** эпитет *долгожданная* (зима), метафоры *в серебристом наряде, пушистым одеялом,* а также фразеологизм *с чистого листа.* Использованы слова и словосочетания с эмоционально-оценочной окраской: *завораживает, сверкать, переливаться всеми цветами радуги, светлое, прекрасное, радость, восторг.* Эти лексические средства и тропы подтверждают, что эссе написано в художественном стиле, а не в разговорном и не в публицистическом.

Чтобы убедиться в том, может ли ИИ создавать оригинальные средства выразительности, например, окказионализмы, каламбуры и др., мы провели лексический эксперимент, предложив ИИ, создать новые слова на тему «Зима».

Известно, что продуктивным способом образования неологизмов в СМИ являются префиксация, например, ***анти****любовь,* ***анти****награда* (***анти***-) и др; или современный способ — использование суффиксоидов, например, -*гейт,* передающего отрицательную оценку описываемого адресантом / журналистом явления*: дизель****гейт,*** *Челябинск****гейт*** и др., что может быть активно использовано ИИ.

Нас интересовали не столько способы словообразования, сколько лексика, отличающаяся выразительностью, новизной, прежде всего, неологическая, окказиональная. Мы провели эксперимент, чтобы убедиться в результатах нашего наблюдения за неологической лексикой в текстах человека / журналиста и ИИ, поставив перед ИИ следующую задачу: создать новые слова для текста эссе на тему «Зима». ИИ предложил десять слов с пояснением их значения, целей, указав на уместность использования:

снежецвет — так можно назвать узор из снежинок, будто распустившийся, как цветок; подойдет для описания морозного узора на окне или россыпи снежинок в свете фонаря;

холодозвон — звук, который возникает, когда мороз «звенит» в воздухе; хорошо впишется в описание тихой морозной ночи;

ледопись — морозные рисунки на стекле, словно написанные льдом; можно использовать, чтобы подчеркнуть причудливость узоров;

вьюжесть — состояние, когда вокруг кружится вьюга, плотная метель; передает атмосферу движения и силы зимнего ветра;

морозкорь — тонкий слой льда, «прорастающий» по поверхности, будто корни; подойдет для описания корки льда на тротуаре или на ветвях;

белотень — мягкая тень от снега, которая выглядит не темной, а приглушенно-белой; поможет мягкая тень от снега, которая выглядит не темной, а приглушенно-белой; поможет описать зимний свет и контраст;

снегодых — ощущение свежего, холодного воздуха, который вдыхаешь на морозе; слово передает чувство бодрости от зимнего дыхания.

инеецвет — легкий, нежный оттенок инея, будто цвет, сотканный из морозных кристаллов; уместно в лирическом описании рассвета зимой;

стужевор — вихрь холодного воздуха, «ворчащий» от мороза; образное слово для передачи силы ветра и холода;

зимлесье — лес, полностью погруженный в зиму, укутанный снегом; создает ощущение отдельного, зимнего мира среди деревьев.

Следует заметить, что слова были образованы продуктивными способами русского словообразования, в большей степени сложением и суффиксацией (*вьюжесть).*

При этом некоторые слова явно ассоциировались с литературными, например, *снежецвет — первоцвет;* или являлись паронимичными литературному слову: *лед****о****пись — лет****о****пись.*

Чтобы получить более точный ответ, мы уточнили задачу ИИ, назвав конкретно функциональный стиль — публицистический, в котором нужно написать эссе на тему «Зима». Мы получили девять слов и одно словосочетание также с пояснениями семантики, функций и контекстом использования:

зимопись — образ, фиксирующий зиму как текст природы: *Городская **зимопись** складывается из инея на проводах, следов на свежевыпавшем снегу и тусклого света фонарей.*

снежест — ощущение одновременно красоты и суровости снежного пейзажа: *В этом пейзаже есть особая **снежест**: за внешней белизной прячется холод, который проверяет город на прочность.*

*холодостойкость***»** — не технический термин, а характеристика общества и человека в зимних условиях: *Зима каждый год испытывает нашу **холодостойкость** — и не столько физическую, сколько психологическую;*

белошум — тишина заснеженного пространства, которая воспринимается как особый звук: ***Белошум** окутал улицы — в нем нет резких нот, только приглушенные шаги и редкое шуршание шин по насту;*

морозный ритм — регулярность и предсказуемость зимних явлений в городе: *Морозный ритм города — это скрип снега под ногами, пар от дыхания, замерзшие капли на козырьках подъездов*;

ледоговор — момент, когда природа как будто «договаривается» с человеком о правилах поведения зимой: *Наступил **ледоговор**: скользкие тротуары требуют осторожности, а короткие дни — экономии сил;*

стужестойкость — способность выдерживать низкие температуры и связанные с ними трудности: ***Стужестойкость** — не врожденное качество, а навык, который город вырабатывает каждую зиму;*

снеговорот — динамика снегопадов, метелей, перераспределения снега ветром: ***Снеговорот** не дает улицам оставаться одинаковыми: каждый день метель заново рисует арту дворов и переулков;*

зимледенение — процесс, когда зима буквально «берет верх» над городской средой: *З**имледенение** наступает незаметно: сначала леденеют лужи, затем ступени, потом — целые кварталы покрываются коркой льда;*

хрусталеден — прозрачный, хрупкий лед, который выглядит красиво, но опасен**:** ***Хрусталеден** на тротуарах обманчиво красив — он ловит свет фонарей и превращает обычные улицы в декорации, где каждый шаг требует внимания*.

Во втором ряду новых слов, предложенных ИИ, наблюдаются те же способы и прием образования неологической лексики, то есть продуктивные (сложение) и напоминающие по созвучию литературные слова, в том числе паронимичные: *снеговорот — круговорот*, *стужестойкость — морозостойкость, земледенение — земледелие и оледенение* (возможна контаминация).

Итак, проведенный нами эксперимент подтверждает тот факт, о котором писала С.П. Распопова [13]: в настоящее время цифровые технологии способны создавать слова только на основе распространенных способов словообразования в русском литературном языке, но оригинальные, окказиональные слова способен создавать только человек/журналист, ориентируясь на фоновые знания, лексический потенциал, включая разные приемы языковой игры, паронимию, полисемию, омонимию.

Следует отметить тот факт, что для лексического и стилистического анализа мы отбирали эссе ИИ, близкие по содержанию авторскому эссе, или отражающие конкретные реалии зимы 2026 года, что входило в тему эссе, а также те, которые предполагали по своему названию использование выразительно-изобразительных средств.

Заключение. Таким образом, эссе, которые ИИ выдает как тексты в разговорном стиле, больше соответствуют текстам *художественного* и *публицистического стилей*,

что подтверждает проведенный нами лексический и стилистический анализ представленных выше двух эссе, сгенерированных ИИ.

Можно утверждать, что ИИ нечетко проводит границы между функциональными стилями, в которых генерирует тексты.

По нашему мнению, из сгенерированных ИИ эссе большая их часть написана в разговорном и художественном стилях, в которых употребляются выразительные средства речи, тропы и фигуры, эмоционально-оценочная лексика. Но совершенно очевидно, что отсутствует четкость границ текстов публицистического, художественного и разговорного стилей. Так, по нашему мнению, первое эссе ИИ написано публицистическим стилем, а второе — художественным. Отсутствуют границы между публицистическим и художественным, разговорным и художественным стилями.

Таким образом, на данном этапе развития и применения искусственного интеллекта в порождении текстов разных стилей рассмотренный нами материал эксплицирует проблему нечеткости неразграничения ИИ функциональных стилей и жанров текстов.

Кроме того, полученные нами данные позволяют говорить о том, что в настоящее время ИИ не может порождать слова, ориентируясь на культурные, литературные, языковые и другие ассоциации, связанные с языковой игрой, как это может человек / журналист.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беглова Е.И. Языковая компетентность как составляющая профессии современного журналиста / Е.И. Беглова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — № 2. — Часть 2. — 2014. — С. 414–417. — Режим доступа: https://vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=8975.
2. Беглова Е.И. Особенности функционирования экзотизмов в текстах современных печатных СМИ / Е.И. Беглова // Верхневолжский филологический вестник. — № 1 (16). — 2019. — С 61–66. —Режим доступа: https://vv.yspu.org/publication/1-2019/
3. Болдачев А.В. Эссе: мифы и тупики искусственного интеллекта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства / А.В. Болдачев. — № 2 (18). — 2020. — С. 27–41. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/esse-mify-i-tupiki-iskusstvennogo-intellekta/viewer (дата обращения: 20.08.2026). DOI: 10.17726/phiIIT/2020.2.3
4. Замальдинов В.Е. Словообразовательные неологизмы в языке СМИ и интернет-коммуникации: эколингвистический аспект / В.Е. Замальдинов // Экология языка и коммуникативная практика. № 4–1. — 2019. — С. 13–19. — DOI 10.17516/2311-3499-073. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-v-yazyke-smi-i-internet-kommunikatsii-ekolingvisticheskiy-aspekt?ysclid=mtwmy7jn837364 (дата обращения: 12.08.2026).
5. Зверева Е.А. Трансформация авторства в сетевых медиа / Е.А. Зверева., О.А. Стрыгина // Знак: проблемное поле медиаобразования. — № 4 (46). — 2022. — С. 123–132. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-avtorstva-v-setevyh-media/viewer (дата обращения: 17.08.2026). DOI 10.47475/2070-0695-2022-10416.
6. Зверева Е.А. Правовые аспекты авторства медиатекстов, созданных алгоритмами искусственного интеллекта / Е.А. Зверева, О.А. Стрыгина // Российская школа связей с общественностью. — № 37. — 2025. — С. 1–21. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-avtorstva-mediatekstov-sozdannyh-algoritmami-iskusstvennogo-intellekta/viewer (дата обращения: 22.08.2026). DOI: 10.24412/2949-2513-2025-37-10-30.
7. Жеребненко А.В. ИИ-грамотность как необходимая компетенция специалиста сферы медиа и коммуникаций / А.В. Жеребненко // Знак: проблемное поле медиаобразования. — № 3 (57). — 2025. — С. 41–49. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ii-gramotnost-kak-neobhodimaya-mediakompetentsiya-spetsialista-sfery-media-i-kommunikatsiy?ysclid=mt4ejbwwsx192932889 (дата обращения: 22.08.2026). DOI 10.47475/2070-0695-2025-57-3-41-49.
8. Клушина Н.И. Искусственный интеллект в языковом пространстве медиа / Н.И. Клушина // Русская речь. — № 2. — 2025. — С. 29–41. — Режим доступа: https://russkayarech.ru/ru/archive/2025-2/29-41?ysclid=mt1n6ctvuo249505511. (дата обращения: 18.08.2026). DOI: 10.31857/S0131611725020023.

9. Кочетова Л.А. Лингвокультурная специфика репрезентации искусственного интеллекта в англоязычном дискурсе: корпусный подход / Л.А. Кочетова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — Т. 22. — № 5. — 2023. — С. 6–18. — Режим доступа: https://l.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/846-science-journal-of-volsu-linguistics-2023-vol-22-no-5/glavnaya-tema-nomera/2660-kochetova-l-a-lingvokulturn (дата обращения: 21.08.2026). DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-152-165.
10. Лебединская В.Г. Медиатекст как носитель коммуникативных норм / В.Г. Лебединская, Е.Г. Сомова // Международный научно-исследовательский журнал. — № 1 (127). — 2023. — С. 1–3. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatekst-kak-nositel-kommunikativnyh-norm/viewer (дата обращения: 22.08.2026). DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.38.
11. Осмоловская С.М. Нейросети и медиатексты: соавторство человека и искусственного интеллекта / С.М. Осмоловская // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. — № 3 (55). — 2025. — С. 58–64. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neyroseti-i-mediateksty-soavtorstvo-cheloveka-i-iskusstvennogo-intellekta?ysclid=mt4f4a6q6e817036257 (дата обращения: 19.08.2026). DOI: 10.24412/2078-9238-2025-355-58-64.
12. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта / А.В. Разин // Философия и общество. — № 1. — 2019. — С. 57–73. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-iskusstvennogo-intellekta/viewer (дата обращения: 14.08.2026). DOI: 10.30884/jfio/2019.01.04.
13. Распопова С.Р. Медиатекст как продукт искусственного интеллекта: основные направления междисциплинарных исследований / С.Р. Распопова // Мир русскоговорящих стран. — № 3 (21). — 2024. — С. 101–118. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatekst-kak-produkt-iskusstvennogo-intellekta-osnovnye-napravleniya-mezhdistsiplinarnyh-issledovaniy/viewer (дата обращения: 22.08.2026). — DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-101.
14. Смолин В.С. Перспективы человека в эпоху технологической сингулярности / В.С. Смолин // Эпистемология и философия науки. — Т. 57. — 2020. — № 2. — С. 192–207. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-cheloveka-v-epohu-tehnologicheskoy-singulyarnosti/viewer (дата обращения: 20.08.2026). DOI: https:// doi.org/10.5840/eps202057230.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. РНейросеть. — Режим доступа : https://textplus.ru/209315-sochinenie-tema-zima-stil-razgovornyy (дата обращения: 15.08.2026).
16. Алиса AI. — Режим доступа: https://ya.ru/alice/chat/01a08fdd-a85b-4000-9289-70cc54e8d587/?reqid=1789120059029440-1684926832051664084-balancer-l7leveler-kubr-yp-sas-174-BAL&utm_so (дата обращения: 15.08.2026).

REFERENCES

1. Beglova E.I. (2014) Yazykovaya kompetentnost' kak sostavlyayushchaya professii sovremennogo zhurnalista [Language competence as a component of the modern journalist’s profession] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, ch.2, 2, pp. 414–417 (In Russian).
2. Beglova E.I. (2019) Osobennosti funkcionirovaniya ehkzotizmov v tekstah sovremennyh pechatnyh SMI [The specific features of the functioning of exoticisms in texts of modern print media] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik, 1 (16), pp. 61–66. (In Russian).
3. Boldachev A.V. (2020). Ehsse: mify i tupiki iskusstvennogo intellekta [Essay: myths and dead ends of artificial intelligence] // Filosofskie problemy informacionnyh tehnologij i kiberprostranstva. 2 (18), pp. 27–41. DOI: 10.17726/phiIIT/2020.2.3 (In Russian).
4. Zamal'dinov V.E. (2019) Slovoobrazovatel'nye neologizmy v yazyke SMI i internet-kommunikacii : ehkolingvisticheskij aspekt [Derivational neologisms in the language of the media and internet communication: an eco-linguistic perspective] // Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika, 4-1, pp. 13–19. 13–19. DOI 10.17516/2311-3499-073 (In Russian).
5. Zherebnenko A.V. (2025). II-gramotnost kak neobhodimaya kompetenciya specialista sfery media i kommunikacij [AI literacy as a necessary competence of a media and communications specialist] // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya, 3 (57), pp.41–49. DOI: 10.47475/2070-0695-2025-57-3-41-49 (In Russian).
6. Zvereva E.A., Strygina O.A. (2022). Transformaciya avtorstva v setevyh media [Transformation of authorship in online media] // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya, 4 (46), pp. 123–132. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10416 (In Russian).

7. Zvereva E.A., Strygina O.A. (2025). Pravovye aspekty avtorstva mediatekstov, sozdannyh algoritmami iskusstvennogo intellekta [Legal aspects of authorship of media texts created by artificial intelligence algorithms] // Rossijskaya shkola svyazej s obshchestvennostyu, 37, pp. 1–21. DOI: 10.24412/2949-2513-2025-37-10-30 (In Russian).
8. Klushina N.I. (2025). Iskusstvennyj intellekt v yazykovom prostranstve media [Artificial intelligence in the media language space] // Russkaya rech', 2, pp. 29–41. DOI: 10.31857/S0131611725020023 (In Russian).
9. Kochetova L.A. (2023). Lingvokul'turnaya specifika reprezentacii iskusstvennogo intellekta v angloyazychnom diskurse: korpusnyj podhod [Linguocultural specificity of AI representation in English-language discourse: a corpus approach] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2. Yazykoznanie, т. 22, 5, pp. 6–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-152-165 (In Russian).
10. Lebedinskaya V.G., Somova E.G. (2023). Mediatekst kak nositel kommunikativnyh norm [Mediatext as a carrier of communicative norms] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatelskij zhurnal, 1 (127), pp. 1–3. DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.38 (In Russian).
11. Osmolovskaya S.M. (2025). Nejroseti i mediateksty: soavtorstvo cheloveka i iskusstvennogo intellekta [Neural networks and media texts: co-authorship of humans and artificial intelligence] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki, 3 (55), pp. 58–64. DOI: 10.24412/2078-9238-2025-355-58-64 (In Russian).
12. Razin A.V. Ehtika iskusstvennogo intellekta. (2019). [Ethics of artificial intelligence] // Filosofiya i obshchestvo, 1, pp. 57–73. DOI: 10.30884/jfio/2019.01.04 (In Russian).
13. Raspopova S.R. (2024). Mediatekst kak produkt iskusstvennogo intellekta: osnovnye napravleniya mezhdisciplinarnyh issledovanij [Media text as a product of artificial intelligence: the main directions of interdisciplinary research] // Mir russkogovoryashchih stran, 3 (21), pp. 101–118. DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-101 (In Russian).
14. Smolin V.S. (2020). Perspektivy cheloveka v ehpohu tehnologicheskoj singulyarnosti [Human perspectives in the age of the technological singularity] // Ehpistemologiya i filosofiya nauki. T. 57, 2, pp. 192–207. DOI: 10.5840/eps202057230 (In Russian).

Поступила в редакцию 28.08.2026 г.

PUBLICISTIC TEXT AS CREATIVE PRODUCT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMAN AUTHOR

E.Iv. Beglova

The article deals with the lexical and stylistic analysis of three essays generated by artificial intelligence and one essay by a human author on the same topic. The differences in the lexical and expressive means that convey emotionality, evaluation, and the degree of subjectivity have been revealed. The functional styles of each essay produced by artificial intelligence have been identified. The conclusion is made that artificial intelligence does not draw clear boundaries between styles and genres of texts, between essays, in particular, for example, between the publicistic and literary styles, or between the colloquial and literary styles. It is claimed that at the current stage of the artificial intelligence development and application in generating texts of different styles, the problem lies in the AI's failure to distinguish between functional styles and text genres. AI cannot generate words based on cultural, literary, linguistic, and other associations related to word play in the way a human can.

Key words: author, artificial intelligence, publicistic style, generated text, expressive means, essay.

Беглова Елена Ивановна.
Доктор филологических наук, профессор.
Нижегородская академия МВД России, Российская Федерация, г. Нижний Новгород.

Профессор кафедры иностранного языка и культуры речи.
ORCID 0000-0002-3208-0549.
E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Beglova Elena Ivanovna.
Doctor of Philology, Professor.
Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Nizhny Novgorod.
Professor at Department of Foreign Language and Speech Culture.
ORCID 0000-0002-3208-0549.
E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'42:004.8
DOI: zenodo.23892460

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭМОТИВНОСТИ В ГЕНЕРИРОВАННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

© 2026 *Я.А. Волкова*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
ORCID 0000-0003-1456-5881

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена проблеме моделирования эмотивности в генерированных медиатекстах. Цель исследования состоит в выявлении того, какие компоненты эмотивной организации авторского текста воспроизводятся большими языковыми моделями, а какие трансформируются в процессе генерации. Материалом послужили публицистический текст Г. Туманова «Мечты вредят вашему здоровью» и три текста, созданные моделями ChatGPT, DeepSeek и GigaChat по единому промпту. Использовался сопоставительный лингвостилистический анализ с учетом языковых маркеров эмотивности, характера и динамики эмоционально-оценочной позиции, степени эксплицитности оценки, образности и композиционной организации текста. Установлено, что все три модели способны воспроизводить сложную эмотивную динамику, однако делают это по-разному. Для генерированных текстов в целом характерны более явное обозначение изменений субъектной позиции, большая логическая упорядоченность и стремление согласовать противоречивые оценки, тогда как авторский текст сохраняет большую степень эмоционально-оценочной неоднозначности.

Ключевые слова: эмотивность, медиатекст, генерированный текст, большие языковые модели, искусственный интеллект, текстовый субъект, субъектная позиция, эмотивная организация текста

Для цитирования: Волкова Я.А. Моделирование эмотивности в генерированных медиатекстах / Я.А. Волкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 16–28. — https://doi.org/zenodo.23892460.

Введение. В последние годы одной из наиболее заметных тенденций в развитии медийного дискурса является его эмоционализация. Явление это не случайно: публичное выражение эмоций давно стало не только способом передачи субъективного отношения к описываемым событиям, но и инструментом привлечения внимания, формирования оценки и воздействия на адресата [8; 10; 15]. Эмотивность без сомнения превратилась в одну из наиболее значимых характеристик медиатекста, зачастую затмевая собой информативность.

Широкое распространение больших языковых моделей ставит вопрос о том, в какой мере эмотивность медиатекста может быть воспроизведена в генерированных текстах. Современные LLM способны воспроизводить многие формальные и функциональные характеристики медиадискурса, включая его жанровую организацию, оценочность, стилистическую вариативность и ориентацию на определенный тип адресата. В число воспроизводимых характеристик входит и эмотивность: если задача сформулирована правильно, то генеративные модели адекватно используют соответствующую эмоционально-оценочную лексику, метафорические номинации, стилистические приемы и другие средства выразительности. Современные модели настолько хорошо создают тексты, копируя жанровые и индивидуальные

характеристики человеческой речи, что разграничение авторских и генерированных текстов можно рассматривать как отдельную исследовательскую проблему. Так, в исследовании В. Моравеца и соавторов, проведенном на материале новостных текстов, 1041 респонденту предлагалось определить, какие материалы были созданы человеком, а какие искусственным интеллектом, и результаты показали, что разграничение естественных и генерированных текстов вызывает у читателей заметные затруднения [13]. Еще более интересен эксперимент Б. Портера и Э. Машери, в котором рядовые читатели (не лингвисты и не литераторы) смогли определить авторство стихотворений, созданных искусственным интеллектом и известными поэтами, с точностью 46,6 %. Особого внимания заслуживает тот факт, что генерированные стихотворения в среднем были оценены респондентами выше по ряду качественных характеристик, включая ритм и красоту [14].

Однако успешное воспроизведение отдельных жанровых, стилистических и собственно эмотивных маркеров еще не означает воспроизведения эмотивности как целостного свойства текста. Эмотивность не сводится к простой совокупности эмоционально-оценочной лексики, образных средств и стилистических приемов. Она проявляется также в характере и динамике оценки, способах выражения авторской позиции, соотношении эксплицитных и имплицитных эмотивных смыслов, то есть в эмотивной организации текста. Иными словами, возникает вопрос о том, насколько генеративные модели способны воспроизводить не только языковые средства выражения эмоций, но и более сложную систему отношений между эмоциональной оценкой, позицией субъекта и композицией текста.

Для публицистического медиатекста ответ на этот вопрос видится особенно важным. Очевидно, что LLM может достаточно точно воспроизвести заданные жанровые и стилистические характеристики публицистического текста, однако пока не совсем ясно, где проходят границы моделирования эмотивной организации публицистического текста и существуют ли какие-либо особенности генерированной эмотивности, которые выдают ее искусственное происхождение.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей моделирования эмотивности в генерированных медиатекстах и определении того, какие компоненты эмотивной организации авторского текста воспроизводятся генеративными моделями, а какие претерпевают трансформацию.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужил публицистический текст Г. Туманова «Мечты вредят вашему здоровью» [16], а также три текста, сгенерированные большими языковыми моделями DeepSeek [18], GigaChat [17] и ChatGPT [19], Исходный авторский текст моделям не предъявлялся. Генерация осуществлялась в отдельных новых диалогах; для всех трех моделей использовался один и тот же промпт, а для анализа сохранялся первый полученный вариант текста без последующего редактирования или повторной генерации.

Промпт был сформулирован на основе общей тематической и эмоционально-оценочной динамики авторского текста, однако не содержал его фрагментов или прямых указаний на источник. Необходимо также отметить, что поскольку исходный текст опубликован в открытом доступе, нельзя полностью исключить возможность его присутствия в обучающих данных моделей. Промпт имел следующий вид:

«Напиши публицистическую колонку объемом 900–1100 слов от первого лица на тему "Нужно ли человеку мечтать?" Автор скептически относится к распространенным представлениям о мечте как о чем-то возвышенном и прекрасном и критически относится к популярной культуре "визуализации желаний". В начале

текста его позиция достаточно резкая и ироничная. По мере рассуждения она должна усложняться: автор приходит к выводу, что проблема заключается не в самой способности мечтать, а в противопоставлении мечты реальным целям и действиям. В финале отношение к мечте становится менее категоричным, хотя исходная критическая позиция полностью не снимается.

Текст предназначен для современного общественно-культурного интернет-издания. Он должен восприниматься как авторская колонка, а не как аналитическая статья или эссе для учебного задания. Не объясняй, какие языковые или стилистические средства ты используешь. Выведи только готовый текст»[1].

Основным методом исследования стал сопоставительный лингвостилистический анализ авторского и генерированных текстов. Рассматривались языковые и стилистические маркеры эмотивности, характер эмоционально-оценочной позиции текстового субъекта, способы ее изменения по мере развертывания текста, степень эксплицитности оценки, использование образности и композиционная организация эмотивных смыслов. Особое внимание уделялось не только наличию отдельных эмотивных средств, но и тому, как они взаимодействуют и формируют целостную эмотивную организацию текста.

Основная часть. Теоретические предпосылки изучения эмотивной организации медиатекста. В лингвистической теории эмоций, основы которой были заложены проф. В.И. Шаховским и его школой, разграничиваются понятия эмоциональности и эмотивности: эмоциональность относится к психической сфере и характеризует способность человека переживать эмоциональные состояния, а эмотивность представляет собой их языковую репрезентацию — эмотивность есть «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [3, с. 24]. Таким образом, объектом лингвистического анализа является не переживаемая субъектом эмоция как таковая, а способы ее выражения, описания и смыслового конструирования в речи и тексте.

Переход от анализа отдельных эмотивных единиц к исследованию эмотивности на уровне целого текста был осуществлен в работах С.В. Ионовой. Рассматривая текстовую эмотивность как самостоятельный аспект организации текста, ученый разграничила эмотивное содержание текста и его эмотивную окраску, то есть план содержания и план выражения эмотивности [1; 2]. Для нас особое значение имеет ее вывод о том, что эмотивное содержание не тождественно совокупности непосредственно представленных в тексте эмоционально маркированных единиц: одни и те же эмоциональные смыслы могут получать различное языковое воплощение, а характер эмотивности определяется не только набором используемых средств, но и их взаимодействием в структуре текста. Эмотивность текста, по С.В. Ионовой, непосредственно связана с языковой личностью автора — субъекта текста, что имеет важнейшее значение для изучения эмотивности генерированных текстов.

Многочисленные более поздние исследования эмотивной экологичности текстов доказывают, что эмоциональные смыслы не обязательно имеют прямое языковое соответствие в виде отдельного эмотивно-маркированного знака, а могут формироваться на разных уровнях языка, возникать за счет взаимодействия лексических, грамматических и стилистических средств и актуализироваться контекстуально [7].

[1] Полные тексты полученных генераций доступны по запросу.

Изучение механизмов формирования эмотивных смыслов получило развитие в работах по эмотивной валентности А.А. Штебы [5; 6], в особенности, в его докторской диссертации по диффузной эмотивности [4]. Эмотивный потенциал языковой единицы рассматривается автором как способность к актуализации определенных эмоциональных смыслов во взаимодействии с другими элементами высказывания и текста. Эмотивный смысл в таком случае формируется в результате взаимодействия явных и потенциальных эмоционально-оценочных компонентов значения. С этим связана и идея эмотивной ионизации семантики слова: «Приращение оценочной семантики нейтрального слова сопоставимо с процессом ионизации, когда нейтральные атомы под влиянием химических процессов, активных излучений, высоких температур и др. превращаются в положительно или отрицательно заряженные ионы» [6, с. 281].

Таким образом, можно утверждать, что уже на уровне семантики отдельных единиц и их сочетаний эмотивность проявляет контекстуальный и реляционный характер. На уровне текста эмотивность формируется за счет соотношения различных способов выражения и описания эмоций, их включения в общую смысловую структуру, взаимодействия с оценкой и позицией субъекта. Именно поэтому текст, содержащий большое количество эмоционально-оценочной лексики, стилистических средств, эмотивного синтаксиса, необязательно обладает более сложной эмотивной организацией, чем текст, в котором эмоциональность выражена преимущественно имплицитно. Существенным становится не только наличие тех или иных эмотивных маркеров, но и характер их взаимодействия, формируемая ими эмоциональная атмосфера и авторская позиция, а также способы ее развертывания по мере развития текста.

В публицистическом медиатексте эмотивность приобретает особое значение в силу присущей ему оценочности и направленности на воздействие. Эмоции в современном медиадискурсе не только получают языковое выражение, но и целенаправленно конструируются в соответствии с прагматическими задачами коммуникации, участвуя в формировании отношения адресата к событиям и их участникам [15]. Представление фактов при этом сопровождается их отбором, интерпретацией и включением в определенную систему оценок. Как показывает М. Беднарек на материале газетного дискурса, оценка является одним из механизмов выражения позиции автора и реализуется посредством комплекса языковых ресурсов, не ограничиваясь отдельными оценочно маркированными единицами [9]. Поэтому эмотивность публицистического текста логично рассматривать не только как средство создания экспрессии, но и как один из способов конструирования авторской позиции и воздействия на читателя.

Важную роль в эмотивной организации медиатекста играет взаимодействие эмоционального и оценочного компонентов. В исследованиях оценки последняя понимается достаточно широко — как выражение отношения, чувств и ценностей говорящего или пишущего, посредством которого в дискурсе формируется определенная авторская позиция [11]. При этом оценочное отношение далеко не всегда выражается непосредственно. Оно может формироваться за счет взаимодействия отдельных номинаций, деталей, контрастов, способов представления событий, образных характеристик, иронии и других элементов текста. Эмоционально-оценочное содержание в таком случае оказывается распределенным по тексту и возникает в результате взаимодействия эксплицитных и имплицитных смыслов.

Эмоционально-оценочная позиция автора также не обязательно представляет собой статичное и внутренне непротиворечивое образование. В рамках теории оценки показано, что языковые средства позволяют не только выражать эмоциональные реакции и оценки, но и варьировать их интенсивность, соотносить собственную позицию с

другими позициями и выстраивать определенные отношения с адресатом [12]. В публицистическом тексте это создает возможность изменения и усложнения авторского отношения по мере развертывания текста: различные оценки могут взаимодействовать друг с другом, а эмоциональная позиция – включать элементы иронии, дистанцирования, сочувствия, критики или одобрения. Именно динамика подобных отношений, а не только наличие отдельных эмоционально маркированных средств, участвует в формировании эмотивной целостности текста.

Особого внимания в связи с этим требует субъектная составляющая эмотивности. Исследование оценки в дискурсе традиционно связывает ее с авторской позицией (*authorial stance*), которая формируется посредством совокупности языковых выборов и может быть реконструирована на основании текста [11; 12]. Для целей настоящего исследования представляется важным различать реального автора как субъекта коммуникации и сконструированную в тексте эмоционально-оценочную позицию. Лингвистическому анализу доступен прежде всего второй компонент: не само переживание как психологический факт, а его текстовая репрезентация — способы номинации и категоризации действительности, характер оценки, отбор деталей, образность, синтаксическая и композиционная организация текста.

Именно такое разграничение позволяет корректно поставить вопрос об эмотивности генерированных медиатекстов. Отсутствие у генеративной модели реального эмоционального переживания не исключает возможности воспроизведения языковых механизмов, посредством которых в тексте конструируется позиция субъекта эмоции и оценки. Поэтому предметом лингвистического исследования становится не способность искусственного интеллекта «испытывать» эмоции, а способность модели создавать текст, в котором эмоционально-оценочные смыслы образуют определенную систему и последовательно разворачиваются в соответствии с заданной субъектной позицией.

Исходя из этого, при сопоставлении авторских и генерированных медиатекстов представляется целесообразным учитывать не только набор используемых эмотивных средств, но и характер выражаемой оценки, степень ее эксплицитности, способы репрезентации позиции субъекта, динамику эмоционально-оценочных смыслов и их композиционное развертывание. Такой подход позволяет рассматривать моделирование эмотивности как воспроизведение не отдельных формальных маркеров, а системы отношений между различными компонентами эмотивной организации текста.

Эмотивная организация авторского текста. Несмотря на то, что в тексте Г. Туманова [16] наблюдается высокая плотность эмотивных языковых средств, его общая эмотивность формируется за счет изменения субъектной позиции. Доминирующую тональность текста можно определить как иронически-полемическую: автор с самого начала демонстративно отрицает традиционное представление о мечте как о ценности. Уже в первом абзаце разговор о мечтах получает резко отрицательную эмоциональную оценку: «писать о мечтах довольно муторно, если не сказать тошнотворно», «Ну ведь пошлятина же», «ненавижу», «Ох, нет. Давайте иначе». Таким образом, исходная позиция автора строится, в первую очередь, на субъективной эмоциональной реакции — раздражении, неприятии и отторжении самого «дискурса о мечте».

Эта установка поддерживается многочисленными лексическими и стилистическими маркерами эмотивности. Автор активно использует разговорную и стилистически сниженную лексику («бред же», «бог с ним», «мямлить», «выруливать», «унять фантазию», «счистить шелуху»), единицы с выраженной отрицательной

оценочностью («пошлятина», «шарлатаны», «малодушничаем», «инфантильное кокетство»), а также эмотивные синтаксические конструкции и риторические вопросы: «Дальше что?», «Надо ли нажимать на кнопку "обновить"?», «Кокетство же какое-то инфантильное, не правда ли?». Эти средства вовлекают в разговор читателя и формируют образ ироничного, скептически настроенного собеседника-автора, сознательно разрушающего привычные представления о мечте.

Ирония в тексте выполняет смыслообразующую функцию. Особенно ярко она проявляется в автобиографических фрагментах. Рассуждая о детских мечтах стать Бэтменом, автор пишет: «На четверть план выполнен: отца нет в живых, мама, слава богу, жива, капитал поскромнее, чем у Брюса Уэйна, черных вещей в гардеробе с избытком. Но калечить кого-то на улицах по ночам пока не начал». Самоирония позволяет автору снизать пафос рассуждения и одновременно включить собственную личность в пространство оценки. Подобная позиция проявляется и в признании: «Я завидую тем, кто может с ходу, не задумываясь, ответить на вопрос, в чем заключается его мечта». Открытая номинация эмоции зависти нарушает первоначальную отрицательную оценку мечты, тем самым усложняя эмотивную организацию текста.

Характерной особенностью эмотивной организации является постоянное взаимодействие прямой и имплицитной оценки. В одних случаях автор открыто обозначает свое отношение посредством использования прямой номинации эмоций — «ненавижу», «завидую», «радостно», «жаль», — в других эмоциональный смысл создается контекстуально. Например, фраза «возьмем формы жизни более примитивные. Коучи и коучессы...» уже сама по себе задает негативную оценку последующего объекта высказывания, без конкретного обозначения эмоции. Аналогичным образом образ «фундамента» успешных историй, сложенного из «перемолотых костей всех, чьи мечты правда оказались безумными или просто неудачными», формирует сильный отрицательный эмоциональный смысл.

На глубинном уровне текст организован по принципу антитезы: мечта противопоставляется цели, фантазия — действию, возвышенное — обыденному, смелость — малодушию, романтизированный успех — реальному риску неудачи. Однако эмоционально-оценочная позиция автора постепенно трансформируется, и в середине текста появляется категоричное отрицание: «Потому что мечты, на самом деле, не существует». Здесь достигает кульминации скептическая установка автора: мечта интерпретируется как форма отрыва от реальности и нежелания предпринимать реальные действия.

Финал текста демонстрирует изменение субъектной позиции. Автор уже не предлагает отказаться от мечты как таковой: «Я вовсе не предлагаю упразднить мечту, но этим долгим спичем хочу счистить с нее ненужную шелуху». Метафора «счистить шелуху» становится ключевой для понимания всей композиции: отрицанию подвергается не сама способность мечтать, а закрепленное в нашей культуре представление о мечте как о чем-то обязательно возвышенном, абстрактном и потенциально неосуществимом. Если в начале текста «мечта» ассоциируется с пошлостью, пассивностью и отрывом от действительности, то в финале ей возвращается положительная ценность, но уже при условии связи с действием: «Она может быть смелой, дерзкой, но рано или поздно надо понять, как сделать то, что вы хотите». Финальное противопоставление «оставим мечтам право быть смелыми. А себе — смелость осуществлять их» завершает этот смысловой поворот.

Таким образом, эмотивная организация текста Г. Туманова строится на динамическом взаимодействии нескольких эмоционально-оценочных установок. Исходное раздражение и ироническое неприятие постепенно осложняются самоиронией, завистью, рефлексией и, в итоге, частичной положительной переоценкой самого понятия мечты. Языковые маркеры эмотивности — оценочная и разговорная лексика, риторические вопросы, экспрессивный синтаксис, ирония, метафорическая образность — включаются в общую композиционную динамику и работают на формирование целостной субъектной позиции, что позволяет рассматривать эмотивность данного текста как системное свойство его смысловой и композиционной организации.

Эмотивная организация генерированных текстов. В тексте, созданном DeepSeek [18], генеративная модель успешно воспроизвела не только отдельные языковые маркеры эмотивности, но и общую эмотивную динамику текста. Как и в исходном тексте, рассуждение начинается с резко отрицательного отношения к традиционному дискурсу о мечте: «меня тошнит от слова "мечта"», «тошнит от этих закатных фотографий», «дурацких советов», «легальная духовная мастурбация». Отрицательная оценка поддерживается разговорной и стилистически сниженной лексикой, риторическими вопросами, обращениями к адресату, антитезами и метафорической образностью.

При этом генерированный текст исправно конструирует заданное в промпте изменение авторской позиции. Первоначальное неприятие мечты постепенно уступает место ее переосмыслению: «Но потом я начал замечать странную вещь», «Проблема не в мечте», «я перестал быть в этом вопросе максималистом». Однако характер этой динамики существенно отличается от авторского текста. У Г. Туманова изменение оценки происходит нелинейно: отрицание мечты сочетается с завистью к людям, способным ее сформулировать; резко отрицательно оцениваемые коучи неожиданно оказываются «честнее» сторонников возвышенного представления о мечте; категорическое утверждение «мечты, на самом деле, не существует» в финале сменяется предложением «оставить мечтам право быть смелыми». Подобные колебания в оценках требуют, чтобы читатель следил за изменениями авторской позиции и реконструировал имплицитные эмоции.

В тексте DeepSeek эта трансформация организована значительно более последовательно и эксплицитно. Переходы между этапами рассуждения непосредственно обозначаются самим текстовым субъектом: «Но потом я начал замечать...», «И здесь я подошел к главному...», «я перестал быть в этом вопросе максималистом», «возвращаюсь к своему исходному скепсису, но с одной важной поправкой». В результате композиция текста просматривается очень четко: первоначальное отрицание сменяется осознанием ограниченности этой позиции и завершается синтезом двух противопоставленных точек зрения.

Различия обнаруживаются и в способах создания образности. Генерированный текст насыщен метафорическими и афористическими конструкциями: «мечта — это вопрос, а цель — это ответ», «это компас, а не карта», «мечта сгорает, как топливо», «не финиш, а стартовый пистолет». Однако эти образы преимущественно выполняют функцию обобщения и экспликации авторской мысли. В исходном тексте образность теснее связана с индивидуальным опытом субъекта и конкретными ситуациями: детскими мечтами стать Бэтменом, профессиональным опытом, разговором с родственниками, историей об объятиях со слоном. За счет этого субъектная позиция

формируется не только посредством риторической организации рассуждения, но и через систему индивидуализированных деталей.

Таким образом, генеративная модель в данном случае успешно воспроизвела основные компоненты эмотивной организации публицистического текста: высокую степень экспрессивности, выраженную субъектную позицию, взаимодействие положительной и отрицательной оценки и ее изменение по мере развертывания текста. Различия проявляются не столько в наличии или отсутствии эмотивных средств, сколько в способах организации эмоционально-оценочных смыслов. Генерированный текст демонстрирует большую эксплицитность переходов между оценочными позициями, более последовательную и симметричную композицию и высокую концентрацию обобщающих метафорических и афористических формул.

Текст GigaChat гораздо меньше похож на типичный ИИ-текст в том смысле, в каком это обычно понимается среднестатистическим читателем. У него есть развернутый текстовый субъект, детальная псевдоавтобиографическая история, конкретные бытовые детали, самооценка, изменение отношения. Например, модель не ограничивается декларацией «раньше я был скептиком», а конструирует целый жизненный эпизод: дешевые забегаловки, заношенная куртка, съемная комната, «системная» работа, метро, опен-спейс, растворимый кофе. Это позволяет нам сделать одно очень интересное наблюдение: *конкретность и индивидуальность сами по себе не могут рассматриваться как надежные признаки авторского текста.*

Текст GigaChat [17] также показывает способность модели воспроизводить сложную эмотивную организацию публицистического текста. Исходная позиция выражена чрезвычайно интенсивно: «дискурс о мечте» характеризуется с помощью резко отрицательной оценочной лексики и образных номинаций («тонна розовой ваты», «этот сироп льется круглосуточно», «меня тошнит», «леденец на палочке», «анестезировать собственную нереализованность»). Отрицательная оценка постепенно распространяется с самого понятия мечты на связанную с ним массовую культуру визуализации и пассивного ожидания, которая представляется как источник самообмана, чувства вины и неприятия реальной жизни.

В отличие от DeepSeek, GigaChat моделирует изменение субъектной позиции через развернутый псевдоавтобиографический нарратив. «Субъект» ИИ-текста рассказывает о собственной многолетней мечте об «идеальном проекте», финансовых трудностях, вынужденном устройстве на работу, первоначальном неприятии повседневной рутины и постепенном изменении отношения к ней. В тексте присутствуют конкретные бытовые детали, которые создают эффект индивидуального, более того — уникального человеческого опыта, тем самым показывая, что все эти детали также могут успешно моделироваться искусственным интеллектом. Однако характер их организации отличается от авторского текста. У Г. Туманова частные эпизоды нередко обладают относительной самостоятельностью и создают эффект свободно разворачивающейся авторской рефлексии. В тексте GigaChat практически каждая деталь функционально включена в заранее выстроенную аргументативную схему и непосредственно подготавливает последующий вывод.

Динамика позиции текстового субъекта также эксплицитна — изменение оценки последовательно объясняется самим субъектом речи. Переходы между различными этапами осмысления четко обозначены: «Именно там... я начал понимать, где проходит разлом», «Означает ли это, что мечтать вредно?», «К тридцати пяти годам я понял вторую часть уравнения».

Необходимо отметить, что в тексте GigaChat наблюдается чрезвычайно высокая плотность метафорических выражений, вербализующих концепт «мечта». Мечта концептуализируется как товар, анестетик, архитектурный чертеж, подушка, магнит, карта, наркотик, топливо, навигационная система и даже «встроенный баг». Практически каждый этап рассуждения получает собственную образную формулу. Финальная переоценка мечты оказывается еще более выраженной, чем в исходном авторском тексте. Если Г. Туманов сохраняет ироническую дистанцию и предлагает освободить понятие мечты от романтизированных представлений, то GigaChat категорично утверждает ее необходимость: «Так нужно ли человеку мечтать? Безусловно». Мечта получает положительную оценку как естественное свойство человека при условии ее связи с усилием и действием.

Текст, сгенерированный ChatGPT [19], также прекрасно следует промту, однако делает это иначе, чем DeepSeek и GigaChat. Его исходная тональность также основана на заданном в промте скептическом отношении к романтизированному представлению о мечте и культуре визуализации, однако степень экспрессивности оказывается существенно ниже. Вместо резко отрицательной лексики типа «меня тошнит» или подчеркнуто провокационных образов здесь преобладают ироническое дистанцирование и умеренная негативная оценка: «меня всегда немного настораживают люди, которые говорят о мечте с придыханием», «хочется проверить, не лежит ли где-нибудь поблизости карта желаний», «мир вообще не обязан интересоваться содержанием наших картинок в голове».

Эмотивность данного текста в меньшей степени строится на языковых средствах, выражющих высокую степень интенсивности эмоций, и в большей — на иронии, контрастах и последовательной оценочной аргументации. Текст также построен на противопоставлении романтизированного дискурса о мечте и требований реальности: визуализируемой книге противопоставляется необходимость написать текст, красивому телу — тренировки, новой квартире — первоначальный взнос. Аналогичный механизм используется позднее в рассуждении о мечте открыть кофейню, из которой в воображаемом образе исключены «бухгалтерия, поставщики, аренда, санитарные нормы и подъем в пять утра». Эмоциональная оценка здесь формируется преимущественно имплицитно, за счет несоответствия между идеализированным образом и повседневной практикой.

В отличие от GigaChat, ChatGPT практически не создает развернутой псевдоавтобиографии. Текстовый субъект обозначает собственную позицию и ее изменение («долгое время вызывал у меня почти физическое раздражение», «чем старше я становлюсь, тем меньше мне хочется высмеивать саму способность мечтать»), «Я» выступает как субъект рефлексии и оценки, а не как герой собственного повествования.

Итог рассуждений ChatGPT оказывается менее категоричным, чем в генерациях DeepSeek и GigaChat, и в этом отношении третий текст ближе к авторскому. В тексте специально оговаривается, что человек может «прекрасно жить без грандиозной мечты» и что мысль об обязательном наличии «большой мечты» может быть жестокой. Одновременно отвергается и противоположная крайность — представление о любой мечтательности как о слабости. В результате формируется условно положительная оценка мечты как способа увидеть возможность, если она не подменяет собой взаимодействие с реальностью.

Особо хочется отметить способ языкового оформления авторской позиции — модель использует афористические формулы: «У мечты вообще есть одно большое преимущество перед целью: она ни за что не отвечает»; «Мечта — это черновик цели»;

«Реальность не обязательно убивает мечту. Иногда она просто снимает с нее хороший фильтр». Подобные формулы используются экономно, как бы фиксируя переход на следующий этап рассуждения.

Финальная часть текста также демонстрирует тенденцию к рационализации эмотивного содержания. Мечта получает новое определение: если она действительно значима, ей необходимо «пережить неприятную метаморфозу: стать списком задач». Однако модель сохраняет сделанное ранее уточнение: не всякая фантазия обязана превращаться в проект и иметь практическое продолжение.

Обсуждение и выводы. При сравнении текстов, сгенерированных тремя LLM, необходимо учитывать, что общая динамика эмоционально-оценочной позиции была задана самим промптом. Поэтому предметом сопоставления является не само наличие этой динамики, а способы ее текстовой реализации.

Все три модели успешно воспроизвели заданную эмотивную траекторию, однако в ее организации и языковом оформлении наблюдаются различия. DeepSeek двигался наиболее последовательно, каждый шаг и этап изменения позиции автора четко обозначен вербально и логически подготавливает следующий. GigaChat реализует ту же схему, однако использует развернутый псевдоавтобиографический нарратив, насыщенный бытовыми деталями и метафорической образностью. ChatGPT проявил себя более эмоционально сдержанным, используя преимущественно рациональную рефлексию.

Общей чертой генерированных текстов является более явное, по сравнению с авторским текстом, обозначение изменений субъектной позиции. Модели прямо показывают, в какой момент и почему отношение к мечте начинает меняться, поэтому текст в целом выглядит более последовательным и предсказуемым. В авторском варианте этот процесс устроен сложнее: основная позиция постоянно уточняется, вступает в противоречие с отдельными эмоциональными реакциями и осложняется самоиронией. Изменение отношения здесь не всегда проговаривается напрямую и во многом восстанавливается из текста самим читателем.

Различия заметны и в том, как используется образность. В авторском тексте образность чаще связана с конкретными эпизодами и личным опытом автора. Она помогает передать его отношение и эмоции, а не просто оформить очередной промежуточный вывод. При этом текст GigaChat показывает, что конкретные детали и даже развернутый квазиличный опыт вполне успешно могут быть смоделированы, поэтому только по этим признакам нельзя уверенно отличить авторский текст от генерированного.

Еще одно интересное различие связано с финальной оценкой мечты. DeepSeek и GigaChat в конце приходят к положительной оценке и фактически снимают первоначальное противоречие. ChatGPT сохраняет больше оговорок и в этом отношении оказывается ближе к авторскому тексту, где исходный скепсис полностью не исчезает. Таким образом, различия между авторским и генерированными текстами проявляются не столько в наборе эмотивных средств, сколько в том, как выстраивается и развивается динамика эмотивности в тексте.

Заключение. Проведенное исследование позволило уточнить представления о том, что именно моделируют современные LLM, создавая эмотивный медиатекст. Полученные результаты показывают, что генеративные модели способны формировать целостную эмоционально-оценочную позицию текстового субъекта, связывать ее с композицией текста и изменять по мере развертывания рассуждения. Искусственный интеллект не является переживающим субъектом в психологическом смысле, однако способен достаточно убедительно моделировать текстового субъекта эмоции. Такой

субъект может демонстрировать раздражение, сомнение, самоиронию, менять отношение к предмету речи и объяснять причины этой трансформации.

Вместе с тем проведенный анализ показывает, что наиболее заметные различия между авторским и генерированными текстами проявляются не столько в наборе используемых эмотивных средств, сколько в характере их организации. В анализируемых генерациях наблюдается тенденция к большей логической упорядоченности, явному обозначению изменения позиции автора и стремлению согласовать первоначально противоречивые оценки. Авторский текст допускает гораздо большую степень неоднозначности: отдельные эмоциональные реакции могут не совпадать с основной линией рассуждения, а изменение позиции не всегда объясняется напрямую. Можно сказать, что в человеческом тексте сохраняется внутреннее противоречие, и автор не обязательно подводит читателя к его окончательному разрешению. Генеративные модели, напротив, в рассмотренном материале чаще стремятся объяснить это противоречие и превратить его в согласованную итоговую позицию.

Мы полагаем, что выявленные различия не следует рассматривать как однозначные признаки искусственного происхождения текста. Генеративные модели успешно воспроизводят и высокую экспрессивность, и образность, и конкретные детали, и даже детализированный «личный» опыт. Следовательно, задача поиска отдельных языковых маркеров, позволяющих надежно отличить авторский текст от генерированного, представляется все менее продуктивной. Более перспективным видится анализ способов организации эмотивных смыслов и характера взаимодействия между оценкой, субъектной позицией и композицией текста.

Ограниченный объем материала и заданная промптом общая динамика эмоционально-оценочной позиции не позволяют делать широкие выводы о моделировании эмотивности в генерированных медиатекстах в целом. Однако дальнейший вопрос, на наш взгляд, может звучать так: насколько успешно LLM способны моделировать (и генерировать) такую эмотивную организацию текста, в которой динамика оценки, степень ее имплицитности и внутренние противоречия не заданы заранее? Поиск ответа на этот вопрос на широком и разнородном материале представляется следующим этапом исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 Теория языка / Ионова Светлана Валентиновна. — Волгоград, 1998. — 197 с.
2. Ионова С.В. Роль эмоций в процессе текстообразования: структурно-семантический аспект / С. В. Ионова // Эмотивный код языка и его реализация : коллективная монография / отв. ред. В. И. Шаховский, С.В. Ионова, Н.Н. Панченко. — Волгоград : Перемена, 2003. — С. 120–134.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : На примере лексики английского языка / В. И. Шаховский. — М. : ЛЕНАНД, 2023. — 206 с.
4. Штеба А.А. Репрезентация диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации : дисс. ... д-ра филол. наук : 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика / Штеба Алексей Андреевич. — Волгоград, 2026. — 414 с.
5. Штеба А.А. Структурно-функциональный аспект эмотивных валентностей слова (на примере слова *cœur*) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Штеба Алексей Андреевич. — Волгоград, 2012. — 219 с.
6. Штеба А.А. Эмотивная ионизация семантики слова / А.А. Штеба // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2017. — № 2 (56). — С. 278–285.
7. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. Ред. Проф. В.И. Шаховский; отв. Ред. Проф. Н.Н. Панченко, редкол. : Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. — Волгоград, Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — 450 с.

8. Altheide D. L**.** *Creating Fear: News and the Construction of Crisis* / D. L. Altheide. — New York : Aldine de Gruyter, 2002. — 223 p.
9. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus / M. Bednarek. — London: Continuum, 2006. — 272 p.
10. D'Ancona M. Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back / M. D'Ancona. — London : Ebury Press, 2017. — 164 p.
11. Hunston S. Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / ed. by S. Hunston, G. Thompson. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 238 p.
12. Martin J.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English / J.R. Martin, P.R.R. White. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. — 278 p. — http://doi.org/10.1057/9780230511910.
13. Moravec V. Human or machine? The perception of artificial intelligence in journalism, its socio-economic conditions, and technological developments toward the digital future / V. Moravec, N. Hynek, M. Skare, B. Gavurova, M. Kubak // Technological Forecasting and Social Change. — 2024. — Vol. 200. — Art. 123162. — http://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.123162.
14. Porter B. AI-generated poetry is indistinguishable from human-written poetry and is rated more favorably / B. Porter, E. Machery // Scientific Reports. — 2024. — Vol. 14. — Art. 26133. — http://doi.org/10.1038/s41598-024-76900-1
15. Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Vol. 25. — N. 3. — P. 586–610. — doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Туманов Г. Мечты вредят вашему здоровью [Электронный ресурс] / Г. Туманов // Сноб. — 2025. — № 109. — 3 апреля. — Режим доступа: https://snob.ru/109/grigorii-tumanov-mechty-vrediat-vashemu-zdoroviu/ (дата обращения: 03.09.2026).
17. Сбер. GigaChat. Ответ на запрос «Напиши публицистическую колонку объемом 900–1100 слов от первого лица на тему "Нужно ли человеку мечтать?"…» [Электронный ресурс] / ПАО Сбербанк. — 05.09.2026. — Режим доступа: GigaChat (дата обращения: 05.09.2026).
18. DeepSeek. DeepSeek. Ответ на запрос «Напиши публицистическую колонку объемом 900–1100 слов от первого лица на тему "Нужно ли человеку мечтать?"…» [Электронный ресурс] / DeepSeek. — 05.09.2026. — Режим доступа: DeepSeek официальный сайт DeepSeek (дата обращения: 05.09.2026).
19. OpenAI. ChatGPT. Ответ на запрос «Напиши публицистическую колонку объемом 900–1100 слов от первого лица на тему "Нужно ли человеку мечтать?"…» [Электронный ресурс] / OpenAI. — 05.09.2026. — Режим доступа: https://chatgpt.com/ (дата обращения: 05.09.2026).

REFERENCES

1. Ionova S.V. (1998). Emotivnost' teksta kak lingvisticheskaia problema [Text emotivity as a linguistic problem] (Candidate of Philological Sciences dissertation, specialty 10.02.19 Theory of Language). Volgograd. (In Russian)
2. Ionova S.V. (2003). Rol' emotsii v protsesse tekstoobrazovaniia: strukturno-semanticheskii aspekt [The role of emotions in text production: A structural-semantic aspect]. In V.I. Shakhovskii, S.V. Ionova, & N.N. Panchenko (Eds.), *Emotivnyi kod iazyka i ego realizatsiia* [The emotive code of language and its realization] (pp. 120–134). Volgograd: Peremena. (In Russian)
3. Shakhovskii V.I. (2023). Kategorizatsiia emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme iazyka: Na primere leksiki angliiskogo iazyka [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language: The case of English vocabulary]. Moscow: LENAND. (In Russian)
4. Shteba A.A. (2026). Reprezentatsiia diffuznoi emotivnosti v raznozhanrovoi kommunikatsii [Representation of diffuse emotivity in multi-genre communication] (Doctor of Philological Sciences dissertation, specialty 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics). Volgograd. (In Russian)
5. Shteba A.A. (2012). Strukturno-funktsional'nyi aspekt emotivnykh valentnostei slova (na primere slova cœur) [The structural-functional aspect of the emotive valencies of a word: The case of *cœur*] (Candidate of Philological Sciences dissertation, specialty 10.02.19 Theory of Language). Volgograd. (In Russian)
6. Shteba A.A. (2017). Emotivnaia ionizatsiia semantiki slova [Emotive ionization of word semantics]. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 2(56), 278–285. (In Russian)
7. Shakhovskii V.I. (Ed.). (2013). Emotivnaia lingvoekologiia v sovremennom kommunikativnom prostranstve [Emotive linguoecology in the modern communicative space]. Volgograd: Izd-vo VGSPU "Peremena". (In Russian)
8. Altheide D.L. (2002). Creating fear: News and the construction of crisis. New York: Aldine de Gruyter.
9. Bednarek M. (2006). Evaluation in media discourse: Analysis of a newspaper corpus. London: Continuum.

10. D'Ancona M. (2017). Post-truth: The new war on truth and how to fight back. London: Ebury Press.
11. Hunston S. & Thompson G. (Eds.). (2000). Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse. Oxford: Oxford University Press.
12. Martin J.R. & White P. R. R. (2005). The language of evaluation: Appraisal in English. Basingstoke: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230511910
13. Moravec V., Hynek N., Skare M., Gavurova B. & Kubak M. (2024). Human or machine? The perception of artificial intelligence in journalism, its socio-economic conditions, and technological developments toward the digital future. Technological Forecasting and Social Change, 200, 123162. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.123162
14. Porter B. & Machery E. (2024). AI-generated poetry is indistinguishable from human-written poetry and is rated more favorably. Scientific Reports, 14, 26133. https://doi.org/10.1038/s41598-024-76900-1
15. Zappettini F., Ponton D. M. & Larina T. V. (2021). Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. Russian Journal of Linguistics, 25(3), 586–610. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

Поступила в редакцию 05.09.2026 г.

MODELING EMOTIVITY IN GENERATED MEDIA TEXTS

Ya.A. Volkova

The article addresses the problem of modeling emotivity in generated media texts. The study objective is to identify which components of the emotive organization of an authorial text are reproduced by large language models and which undergo transformation in the process of generation. The material includes Grigory Tumanov's journalistic text "Dreams Are Bad for Your Health" and three texts generated by ChatGPT, DeepSeek, and GigaChat using the same prompt. The study employs comparative linguostylistic analysis, focusing on linguistic markers of emotivity, the nature and dynamics of the emotional-evaluative position, the degree of explicitness of evaluation, imagery, and compositional organization. The results show that all three models are capable of reproducing complex emotive dynamics, although in different ways. Generated texts tend to make changes in the subject position more explicit, display greater logical organization, and reduce evaluative contradictions, whereas the authorial text preserves a higher degree of emotional and evaluative ambiguity.

Key words: emotivity, media text, generated text, large language models, artificial intelligence, textual subject, subject position, emotive organization

Волкова Яна Александровна.
Доктор филологических наук, доцент.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация.
Профессор кафедры теории и практики иностранных языков.
ORCID 0000-0003-1456-5881.
E-mail: y.a.v@list.ru

Volkova Yana Aleksandrovna
Doctor of Philology, Associate Professor.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation.
Professor at Department of Theory and Practice of Foreign Languages.
ORCID 0000-0003-1456-5881.
E-mail: y.a.v@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81’27:81'42
DOI: 10.5281/zenodo.23892881

МЕДИАОБРАЗ НОВЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКИХ СМИ

© 2026 Е.В. Бондаренко[1], М.Р. Желтухина[2]
[1]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»*
[1,2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»*
[2]*Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»*
ORCID[1] 0009–0008–9300–7119
ORCID[2] 0000–0001–7680–4003

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена исследованию формирования медийного образа регионов России. Цель — выявление лингвистических средств формирования медиаобраза новых регионов в российском медиадискурсе. В рамках системного подхода применяются описательный метод, элементы диахронического и сопоставительного анализа, дискурсивный и контент-анализ, дефиниционный анализ, лексико-семантический анализ, стилистический анализ, интерпретативный анализ. Основные результаты: уточнено понятие «медиаобраз региона»; выявлены основные нарративы трансляции медиаобраза новых регионов в российских СМИ; рассмотрены основные вербальные средства, используемые для формирования медиаобраза новых регионов в российском информационном пространстве; установлена трансформация медиаобраза региона в зависимости от социально-политических событий во времени и пространстве. Результаты применимы для сопоставительного анализа медиаобразов различных регионов, оценки изменений в их информационной репрезентации и прогнозирования возможных направлений развития регионального медиадискурса, а также в практической деятельности лингвистов, журналистов, политологов, PR-специалистов.

Ключевые слова: медиаобраз, новые регионы, медиадискурса, российские СМИ, дискурс-анализ, эмоциональная окраска лексики, нарративы.

Для цитирования: Бондаренко Е.В. Медиаобраз новых регионов в российских СМИ / Е.В. Бондаренко, М.Р. Желтухина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 29–39. — https://doi.org/ 10.5281/zenodo.23892881.

Введение. Современный мир является очень неустойчивым и характеризуется не только быстрым появлением и широким распространением новых предметов обихода, таких как мобильные телефоны или сеть интернет, но и глобальными событиями, процессами и явлениями, которые изменяют реальность как отдельного человека, так страны или мира в целом, которые активно освещаются и конструируются в массмедиа путем применения различных стратегий и тактик [9], особенно это касается политических событий [5; 21; 22].

Одними из таких событий стали события 2014 года на Украине, когда в результате правительственного переворота к власти пришли политические группы с крайне радикальными взглядами. Ответом на переворот и незаконный захват власти стал референдум о самоопределении, проведенный в 2014 году пророссийскими жителями тогда еще Донецкой и Луганской областей. По результатам референдума были созданы

Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР), признанные нелегитимными новым правительством Украины. Референдум стал отправной точкой в создании новой географической и политической мировой реальности. Нежелание украинских властей признавать легитимными создание новых республик привело к вооруженному конфликту между пророссийскими ополченцами и ВСУ, который вылился в полномасштабные боевые действия, продолжавшиеся до конца февраля 2022 года. После начала специальной военной операции были освобождены территории Донецкой и Луганской Народных Республик, территории Херсонской и Запорожской областей. В 2022 году 30 сентября на этих территориях был проведен референдум, по результатам которого они были приняты в состав Российской Федерации в качестве новых субъектов [17]. Все эти события широко освещались в медиапространстве как исторически значимые, формируя определенное отношение к ним, создавая новую реальность.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью активизации процессов информатизации и цифровизации в социуме, недостаточной изученностью лингвистических процессов, с помощью которых формируется новая политическая и социальная реальность. Процесс интеграции новых регионов в российское пространство является сложным и многоаспектным и сопровождается формированием особого дискурса, призванного легитимизировать произошедшие геополитические изменения, что ярко проявляется на медиауровне, делая возможным медиаинтеграцию новых регионов в российское и международное медиапространство. Актуальность работы объясняется необходимостью изучения вербального формирования и трансляции медиаобраза новых регионов в медиадискурсе России и других стран. В данной статье сузим исследовательские границы и сфокусируемся на российском медиадискурсе. В дальнейшем предполагается сопоставительное исследование российского и англоязычного медиапространства.

Объектом данного исследования выступает медиаобраз региона. **Предметом** является образ новых регионов России, создаваемый в российских медиасообщениях.

Цель данного исследования выявить лингвистические средства, которые используются для формирования медиаобраза новых регионов в российском медиадискурсе.

Основными **задачами** выступают следующие: уточнение понятия «медиаобраз региона», выявление основных нарративов медиатрансляции новых регионов в российских СМИ, выявление вербальных средств формирования медиаобраза новых регионов в российском информационном пространстве, установление трансформации медиаобраза в зависимости от социально-политических событий во времени и пространстве.

Научная новизна работы состоит в уточнении понятия «медиаобраз региона» как динамичной, эмоционально и идеологически окрашенной модели территории, конструируемой СМИ на основе фрагментов действительности и влияющей на общественное восприятие, в выявлении основных нарративов, репрезентирующих новые регионы как исторически связанных с Россией, интегрируемых, восстанавливающихся и перспективных территорий, в систематизации вербальных средств формирования данного образа, установлении зависимости трансформации медиаобраза новых регионов России от социально-политической ситуации. Результаты исследования теоретически значимы для развития когнитивной лингвистики, дискурсивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, а также практически ценны, поскольку могут быть полезны как в преподавательской деятельности по курсам лингвоконцептологии, медиалингвистики, теории текста и дискурса, теории

воздействия, имиджеологии, лексикологии, лингвокультурологии, так и в практической деятельности лингвистов, филологов, журналистов, педагогов, психологов, политологов, социологов, специалистов по связям с общественностью.

Материал и методы. Материалом исследования послужили медиасообщения, отобранные приемом сплошной выборки, на таких новостных порталах, как РИА Новости, Первый. Новости, Интерфакс, РБК, Коммерсант. Временной период охватывает 2014–2026 годы. Общий объем материала составляет 23 а. л. При исследовании проблемы формирования медиаобраза новых регионов в российских СМИ были использованы в рамках системного подхода описательный метод, элементы диахронического и сопоставительного анализа, дискурсивный и контент-анализ, дефиниционный анализ, лексико-семантический анализ, стилистический анализ, интерпретативный анализ.

Основная часть. На данный момент нет единства в определении понятия «медиаобраз», в т.ч. «медиаобраз территории». Проблеме формирования медийного образа человека, региона, государства, имиджа страны, бренда региона, территориальной идентификации посвящены исследования многих ученых [2–4; 6; 10–13; 15; 16 и др.].

С.И. Симакова и Д.И. Кваша делают акцент на том, что понятие медиаобраза можно использовать при описании трех видов объектов, а именно:

1) для описания медиаобраза конкретного человека или конкретных людей;

2) медиаобраза определенного абстрактного явления или события;

3) медиаобраза региона или территорий [19, с. 29–37].

Согласно Т.Н. Галинской, под медиаобразом можно понимать образ, созданный в текстах медиапространства, состоящий из отдельных фрагментов реальности и описанный профессиональными журналистами, которые имеют свои ценностные ориентации, систему мировоззрения и поддерживают определенные политические направления [3, с. 91–94]. Т.Н. Галинская отмечает, что исследования медиаобраза последних лет ведутся в следующих направлениях:

1) исследования, которые изучают медиаобразы актуальных экономических, политических и социальных проблем, а также медиаобразы публичных персон;

2) исследования, материалом для изучения которых являются медиаобразы социально-значимых явлений либо субъектов на базе речевых продуктов, полученных в результате работ фокус-групп;

3) исследования, которые реконструируют медиаобразы, основываясь на спонтанных речевых произведениях пользователей Интернета, относительно определенных явлений, которые становятся предметом обсуждения данными пользователями в социальных сетях и на сайтах медиаизданий [Там же].

По мнению Е.Н. Богдан, медиаобраз представляет собой особый тип реальности, который создается медиаиндустрией для массовой аудитории [1]. Автор рассматривает медиаобраз государства на примере России, который выступает средством консолидации общества.

Исследователи Е.Н. Богдан и А.В. Марущак, рассматривая медиаобраз России, выделяют следующие признаки, присущие медиаобразу. Медиаобраз должен быть стереотипным, так как формируется в массовом сознании общества, легче воспринимающем символы и стереотипы, а также иметь яркие черты объективного бытия и отличаться динамичностью и эмоциональностью, которые оказывают влияние на то, как общество воспринимает реальный объект действительности. Медиаобраз является двойственным по своей природе, так как, с одной стороны, его искусственно

создает медиаиндустрия, а, с другой стороны, основой медиаобраза является объективное бытие [1; 15].

Согласно Д.Н. Замятину, появление так называемых новых локальных мифов закрепляется в массовом сознании и превращается в элемент идентичного данного сознания, таким образом служа определенному региональному сообществу [8, с. 126–138], что ценно при рассмотрении медиаобраза региона.

Г.Е. Малышева и Н.А. Гриднев раскрывают медиаобраз в виде виртуальной модели определенного объекта или явления действительности, которая конструируется СМИ и формирует представления и знания адресата о данном объекте или явлении [14], предлагают реконструкцию медиаобраза города Омска.

В медиатексте, по результатам исследования М.Р. Желтухиной и А.Д. Гавриш, выделяются знаки, стимулирующие эмоциональное реагирование, выступающие катализаторами и интенсификаторами эмоционального реагирования, специфическими факторами медиатекста, которые облегчают когнитивно-эмоциональное усвоение информации целевой аудиторией [7].

О.Ф. Русакова и С.С. Курильченко изучают визуально-эмоциональную составляющую медиаобраза, которая позволяет создавать эффект «подлинной реальности» и оказывать определенное влияние на сознание общества [18].

Влияние коммуникативной ситуации и целевой аудитории на формирование образа в медиадискурсе в этнокультурном и социополитическом аспектах отмечает Т.Ю. Тамерьян с коллегами, исследующими концептуализацию смыслов и языковую репрезентацию медиаобраза [20].

Справедливым представляется указание Т.Ю. Тамерьян и других ученых на то, что на формирование политического медиаобраза оказывают влияние индивидуальные особенности менталитета представителей той или иной лингвокультуры и социальные условия, определяющие осуществление политической коммуникации в событийном аспекте во времени и пространстве [21, с. 139–146]. Для нашего исследования значим именно данный подход.

Медиаобраз в широком смысле является фрагментом информационной картины мира, который создают средства массовой информации. Данная картина мира является динамичной, меняющейся под воздействием внешних факторов, отображает глобальные изменения реальности и формирует новые знания о конкретном явлении.

В узком смысле слова медиаобраз формируется под влиянием профессиональных журналистов, блогеров и политических деятелей и отображает их мировоззренческие, ценностные и политические установки.

Аналитический обзор исследований наглядно демонстрирует тот факт, что создание определенного медиаобраза оказывает непосредственное влияние на формирование общественного сознания, продвижение определенных ценностей, восприятие обществом определенного явления или события в положительном или отрицательном ключе.

Медиаобраз государства в нашем понимании базируется на определении, предложенном в монографии «Человек и его дискурс — 7: медиаобраз — гражданин — государство — культура», представляет собой формирующееся стихийно в медиапространстве, напрямую зависящее от актуальной повестки дня, подверженное постоянным изменениям явление, основанное на эмоциональных и рациональных представлениях реципиентов [6, с. 183]. Авторами установлено, что идеология СМИ играет одну из основополагающих ролей в формировании образа государства [Там же], соответственно и его составных частей — регионов, городов, поселков и др.

Понятие *«новые регионы»* стало активно использоваться в российском медиапространстве для обозначения территорий Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей после проведения референдумов о присоединении этих территорий к России в сентябре 2022 года. До этого времени можно было встретить следующие медиаупоминания о данных территориях*:*

«Заседание трехсторонней контактной группы (Украина–ОБСЕ–Россия) по урегулированию ситуации на юго-востоке Украины состоялось 5 сентября в Минске. По итогам переговоров представители Украины и самопровозглашенных Донецкой Народной республики (ДНР) и Луганской Народной республики (ЛНР) с участием представителей РФ и ОБСЕ подписали протокол о прекращении огня с 18:00 (19:00 мск) пятницы» (Интерфакс, 2014) [25].

«Подконтрольные ополченцам территории в документе называются отдельными районами Донецкой и Луганской областей Украины. На них всеобъемлющее прекращение огня должно наступить с 00:00 15 февраля. Представитель ДНР Андрей Пургин ранее говорил, что незамедлительно прекращение огня наступить не может, так как решение должно быть доведено до сведения воюющих» (РБК, 2015) [27].

«Верховная рада Украины поддержала президентскую законодательную инициативу, по которой особый порядок местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей (ОРДЛО) будет введен со дня вступления в силу соответствующего закона на срок до 31 декабря 2019 года» (Интерфакс, 2018) [30].

«*Украинские войска обстреляли территорию ДНР 32 раза за сутки. В ДНР заявили, что ВСУ подвергли обстрелу территорию республики 32 раза в сутки, выпустив 147 снарядов»* (РИА Новости, 2022) [31].

В приведенных примерах, транслирующих медиаобраз новых регионов, использованы эмоционально неокрашенные деперсонифицированные аббревиатуры, лексика, формирующая образ конфликта, но не имеющая ярко выраженной эмоциональной окраски или идеологической составляющей.

Аббревиатура *ВСУ* (*Вооруженные силы Украины*) часто противопоставляется в репортажах аббревиатурам ДНР и ЛНР, семантически и визуально уравнивая их как стороны конфликта, создавая яркую бинарную оппозицию «свой — чужой» в общественном сознании, что является стандартной медийной практикой.

Акроним *ОРДЛО* (*отдельные районы Донецкой и Луганской областей*) является по своей сути деперсонифицированным, нейтральным, имеющим административную составляющую, характерную для официальных дипломатических коммуникаций, где речь идет о самой проблеме, а не об ее идеологической составляющей.

После февраля 2022 года лексика, которая используется в новостных репортажах приобретает положительную эмоциональную окраску:

«…на прилегающих к нам территориях,— замечу, на наших же исторических территориях…» (Коммерсант, 2022) [28].

«…могли воспользоваться все народы, проживающие на территории сегодняшней Украины, все, кто этого захочет…» (Коммерсант, 2022) [28].

Частое употребление притяжательного местоимения *«наши»,* эпитетов к слову *«территории»*: *«прилегающих к нам…», «исторические»,* повторов обобщений *«все народы, все, кто этого захочет…»* указывает на общность, единство и имеет ярковыраженную позитивную эмоциональную окраску, которая контрастирует с той нейтральной и дистанцированной, которая наблюдается до февраля 2022 г.

«Глава Запорожской ВГА рассказал об изменениях в регионе с его освобождением» (РИА Новости, 2022) [26].

«…жизнь на освобожденных территориях Запорожской области постепенно налаживается…» (РИА Новости, 2022) [26].

Использование однокоренных положительно окрашенных существительного «освобождение» и причастия *«освобожденные»* дает определенную моральную оценку явления и закрепляет легитимность и правомерность действий. Частое употребление словосочетания *«освобожденные территории»* формирует жизнеутверждающую реальность и уверенность в сознании общества, подчеркивает героизм и придает высокий смысл происходящим событиям.

«Долгожданное и радостное событие для жителей Запорожской и Херсонской областей — в канун Дня России там начали выдавать российские паспорта» (Первый. Новости, 2022) [29].

Употребление эмоционально окрашенных прилагательных *«долгожданный»* и *«радостный»* как эпитетов к слову *«событие»* описывает не только важность события для общества, но и указывает на то, что длительный период времени данное явление не имело места в реальной жизни, но существовало как стремление в сознании представителей народа, проживающего на конкретных территориях, — обрести.

После оглашения результатов референдумов в сентябре 2022 года в российском медиапространстве началось использование понятия *«новые регионы»*. Данное понятие получило распространение в официальных заявлениях, новостных репортажах и аналитических материалах, связанных с обсуждением текущей политической и экономической ситуации данных территорий и интеграции их в правовое и экономическое пространство Российской Федерации. Использование рассматриваемого понятия в современных российских СМИ с указанной даты несет в себе ярко выраженный позитивный коннотативный оттенок и смещает акцент с конфликта и военных действий на факт интеграции, возвращения территорий, а также на последующее восстановление инфраструктуры и мирной жизни на этих территориях.

Формирование медиаобраза новых регионов РФ представляет собой целенаправленный и идеологически детерминированный процесс, который происходит в условиях политической трансформации и является активным политическим и государственным инструментом закрепления новой системы координат в общественном сознании. Новая реальность отображается в общественном сознании как исторически обусловленная и морально оправданная. Средства массовой информации в данном процессе формирования медиаобраза новых регионов создают нарративы, целью которых является легитимизация происходящих изменений, определение новой системы ценностей, основанной на восстановлении исторической правды и справедливости, на поддержании духа патриотизма и на формировании у общественности ощущения причастности к процессу развития и интеграции.

Особо подчеркивается историческая связь новых регионов с остальной частью России, оказание всесторонней помощи и поддержки, а также перспективы их развития в новых условиях. Такой эффект достигается за счет акцентирования на героическом прошлом и настоящем, создании образов позитивных перемен, мобилизации патриотических чувств на фоне контраста негативного образа данных территорий, создаваемого годами украинскими СМИ.

«В результате <референдума> население России выросло более чем на 8 миллионов человек, а площадь страны увеличилась почти на 109 тысяч квадратных

километров. Но самое главное — после принятия новых территорий в состав России у жителей появилась уверенность в завтрашнем дне» (РИА Новости Крым, 2025) [24].

В первой части приведены сухие статистические данные, целью которых является апелляция к рациональному началу и демонстрация территориального роста государства. Примечательно, что новые территории России характеризуются не только рациональной фактической составляющей — миллионами человек и тысячами квадратных километров, но и эмоциональной составляющей — уверенностью в будущем. Второе предложение отличается большей эмоциональностью и идеологической окраской, фраза *«уверенность в завтрашнем дне»* апеллирует к базовой потребности человека в безопасности и стабильности, которая появилась именно после конкретных исторических событий в определенный период времени на конкретной территории.

«Выборы в новых регионах РФ проходят с высокой активностью, в отдельных случаях голосование проводят, проявляя героизм, заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков во время общения с журналистами в субботу» (РИА Новости, 2023) [23].

Смысловой лексической доминантой выступает существительное военно-политической сферы *«героизм»*, которое имеет не только высокую эмоциональную окраску, но и придает обыденному общественно-политическому событию высочайший моральный статус, подчеркивает не только проявление смелости, но и глубокое осознание гражданской ответственности. Использование данного эпитета не журналистом, а высокопоставленным официальным лицом не только придает особый вес утверждению и вызывает уважение и восхищение действиями обычных людей, но и подчеркивает тот факт, что голосование проходит в условиях сложной военно-политической обстановки, что делает каждый голос особенно ценным.

Заключение. В результате проведенного исследования уточнено понятие «медиаобраз региона». Медиаобраз региона трактуется как динамичная и эмоционально окрашенная модель территории, создаваемая СМИ на основе отдельных фрагментов реальности, отражающая ценностные, мировоззренческие и политические установки авторов и влияющая на восприятие региона обществом.

Выявлены основные нарративы медиатрансляции образа новых регионов в российских СМИ. Анализ фактического материала наглядно демонстрирует, что новые регионы отображаются как неотъемлемая часть России, исторически связанная с ней и возвращающаяся на «родную землю», все происходящие там процессы являются закономерными и положительными. Основными нарративами также выступают интеграция, восстановление, улучшение условий жизни, героизм жителей и перспективы развития территорий. Интеграция новых территорий представлена как воссоединение с *«родной землей»* и *«возвращением на родину / домой»*, что формирует чувство общности и поддержки у аудитории, пробуждает чувство гордости и причастности к великой истории, а также вызывает эмоциональный отклик. Восприятие процесса интеграции отображается как преодоление возникших трудностей и улучшение жизненных условий, появление перспектив для развития новых регионов.

Формирование медиаобраза новых регионов в российском медиапространстве является сложным и многогранным процессом, который переплетается с идеологическими задачами и сложными политическо-экономическими процессами. Анализ новостных порталов показывает, что создание медиаобраза осуществляется целенаправленно, с использованием определенных нарративов, целью которых является легитимизация произошедших изменений и формирование позитивного общественного мнения. Медиаобраз новых регионов создается не только посредством освещения текущих событий, но и через актуализацию исторических связей, создание контраста с

негативным прошлым, транслируемым до 2022 года, героизацию прошлого и настоящего, а также героизацию труда обычных жителей новых регионов.

Выявлены основные вербальные средства формирования медиаобраза новых регионов в российском информационном пространстве: эмоционально и оценочно окрашенная лексика (лексические единицы с положительной коннотацией *«радостный», «долгожданный», «героизм»* и др.), эпитеты, притяжательные местоимения *«наши»,* устойчивые словосочетания *«освобожденные территории», «новые регионы»*, а также противопоставления *«свой — чужой»*, сокращения, апелляция к исторической памяти.

Установлено, что медиаобраз новых регионов трансформируется в российском медиадискурсе в зависимости от социально-политических событий во времени и пространстве. Его содержание и эмоциональная окраска менялись под влиянием социально-политических событий: от нейтрального и дистанцированного описания территорий как зоны конфликта до позитивного образа регионов, связанного с интеграцией, освобождением, восстановлением и возвращением в состав России.

В качестве перспективы дальнейших исследований медиаобраза новых регионов России можно назвать выявление средств мультимодальной трансляции данного образа в разных лингвокультурах в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: дисс. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Е.Н. Богдан. — Москва, 2007. — 224 с.
2. Важенина И.С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования / И.С. Важенина // Экономика региона. — 2008. — № 1 (13). — С. 49–58.
3. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т.Н. Галинская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 11(160). — С. 91–94.
4. Енина Л.В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «информационная война» / Л.В. Енина, О.В. Ильина, Е.В. Каблуков, Э.В. Чепкина // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4(64). — С. 96–107.
5. Желтухина М.Р. Современный медиадискурс и медиакультура воздействия / М.Р. Желтухина // Верхневолжский филологический вестник. — 2016. — № 4. — С. 154–159.
6. Желтухина М.Р. Человек и его дискурс — 7: медиаобраз — гражданин — государство — культура: монография / М.Р. Желтухина, Д.В. Парамонова, М.В. Бусыгина / Отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. — М. — Волгоград: ИЯ РАН; ПринТерра–Дизайн, 2023. — 250 с.
7. Желтухина М.Р. Эмоциогенность современных медиатекстов / М.Р. Желтухина, А.Д. Гавриш // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 4(32). — С. 120–125.
8. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. — 2010. — № 4. — С. 126–138.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — Москва : ЛКИ, 2008. — 288 с.
10. Каблуков Е.В. Региональная идентификация россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие / Е.В. Каблуков, О.В. Ильина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 74. — С. 99–112.
11. Калинин О.И. Метафорическая репрезентация медиаобраза вооруженных сил (на примере ВС РФ и НОАК) / О.И. Калинин, Л.А. Радус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 12. — С. 4005–4010.
12. Ковач О.А. Принципы конструирования медиаобраза государства / О.А. Ковач // Медиасреда. — 2019. — № 15. — С. 57–62.
13. Кондратьева О.Н. Конструирование национальной идентичности в дискурсе современных российских массмедиа / О.Н. Кондратьева, Т.Ю. Сатучина // Вопросы теории и практики журналистики. — 2024. — Т. 13, № 2. — С. 325–341.
14. Малышева Е.Г. Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово–информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») /

Е.Г. Малышева, Н.А. Гриднев // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 4(17). — С. 57–61.
15. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве / А.В. Марущак // Журналистский ежегодник. — 2012. — № 1. — С. 93–96.
16. Нагибина И.Г. Медиаобраз США в китайских СМИ: стратегия дискредитации политического противника / И.Г. Нагибина, А.С. Экзархова // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. № 4. — С. 109–118.
17. Полегенько А. История вхождения новых регионов в состав России / А. Полегенько // ТАСС. — 30.09.2023. URL: https://tass.ru/info/18875697 (дата обращения 24.10.2025)
18. Русакова О.Ф. Политический медиадискурс: вопросы теоретико–методологического и регионального анализа / О.Ф. Русакова, С.С. Курильченко // Дискурс–Пи. — 2019. — № 4(37). — С. 28–48.
19. Симакова С.И. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона / С.И. Симакова, И.Д. Кваша // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2023. — Т. 29. — № 1. — С. 28–38.
20. Tameryan T.Y. Language explication of the conceptualized meanings in ethno–cultural and socio–political aspects of discourse / T.Y. Tameryan, M.R. Zheltukhina, I.G. Anikejeva, N.A. Arkhipenko, E.I. Soboleva, O.N. Skuybedina // Opción. — 2020. — No. 36. — P. 456–475.
21. Tameryan T.Y. New country's political discourse: formation of Speech Technologies / T.Y. Tameryan, M.R. Zheltukhina, G.G. Slyshkin, A.V. Shevchenko, V.V. Katermina, Y.V. Sausheva // Modern Journal of Language Teaching Methods. — 2018. — No 8. — P.139–147.
22. Volskaya N.N. Effective suggestive psychotechniques in the political media discourse / N.N. Volskaya, L.A. Borbotko, M.R. Zheltukhina, M.E. Kupriyanova, A.Yu. Ilina // XLinguae. — 2017. — Vol. 10. No. 4. — P. 84–95.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

23. В Кремле оценили активность на выборах в новых регионах [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 09.09.2023. URL: https://ria.ru/20230909/vybory–1895165445.html (дата обращения 24.10.2025)
24. Воссоединение Донбасса и Новороссии с Россией: как это было [Электронный ресурс] // РИА. Новости. Крым. — 23.09.2025. URL: https://crimea.ria.ru/20250923/vossoedinenie–donbassa–i–novorossii–s–rossiey–kak–eto–bylo–1149659089.html (дата обращения 24.10.2025)
25. Галактионова А. Протокол о мире [Электронный ресурс] // Интерфакс – Россия. — 05.09.2014. URL: https://www.interfax–russia.ru/view/protokol–o–mire (дата обращения 24.10.2025)
26. Глава Запорожской ВГА рассказал об изменениях в регионе с его освобождением [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 29.07.2022. URL: https://ria.ru/20220729/zaporozhe–1805917340.html (дата обращения 24.10.2025)
27. Новый мирный план: о чем удалось и не удалось договориться в Минске [Электронный ресурс] // РБК. — 12.02.2015. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/02/2015/54dc9b1f9a7947afcf9a4c6b (дата обращения 24.10.2025)
28. Обращение Президента России о начале специальной военной операции. Видео и стенограмма речи Владимира Путина [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 24.02.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5229815 (дата обращения 24.10.2025)
29. Соловьева В. В канун Дня России в Мелитополе начали выдавать российские паспорта [Электронный ресурс] // Первый. Новости. — 11.06.2022. URL: https://www.1tv.ru/news/2022–06–11/431021–v_kanun_dnya_rossii_v_melitopole_nachali_vydavat_rossiyskie_pasporta (дата обращения 24.10.2025)
30. Украинская Рада продлила действие закона об особом статусе Донбасса [Электронный ресурс] // Интерфакс — Россия. — 04.10.2018. URL: https://www.interfax.ru/world/631834 (дата обращения 24.10.2025)
31. Украинские войска обстреляли территорию ДНР 32 раза за сутки [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 07.12.2022. URL: https://ria.ru/20221207/donbass–1836861069.html (дата обращения 24.10.2025)

REFERENCES

1. Bogdan E.N. (2007). Mediaobraz Rossii kak sredstvo konsolidatsii obshchestva: strukturno–funktsional'nye kharakteristiki [Media image of Russia as a means of consolidation of society: structural and functional characteristics]. (PhD thesis in Philology). Moskva. (In. Rus.).
2. Vazhenina I.S. (2008). Imidzh i brend regiona: sushchnost' i osobennosti formirovaniya [Image and brand of region: essence and features of formation]. Ehkonomika regiona [Economy of the region], 1(13), pp. 49–58. (In Russian).

3. Galinskaya T.N. (2013). Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoi lingvistike [Media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University], 11(160), pp. 91–94. (In Russian).
4. Enina L.V., Il'ina O.V., Kablukov E.V., Chepkina E.V. (2017). Praktiki politicheskoi identifikatsii rossiyan pod vliyaniem mediakontsepta "informatsionnaya voina" [Practices of political identification of Russians under the influence of "information warfare" media concept]. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 4(64), pp. 96–107. (In Russian)
5. Zheltukhina M.R. (2016). Sovremennyi mediadiskurs i mediakul'tura vozdeistviya [Modern media discourse and media culture of influence]. Verkhnevolzhskii filologicheskii Vestnik [Verkhnevolzhsky philological bulletin], 4, pp. 154–159. (In Russian).
6. Zheltukhina M.R., Paramonova D.V., Busygina M.V. (2023). Chelovek i ego diskurs — 7: mediaobraz — grazhdanin — gosudarstvo — kul′tura [Person and his Discourse — 7: Media Image — Citizen — State — Culture] / Zheltukhina (Ed.), VSSPU, IL RAS. Moscow — Volgograd: IYa RAN; PrinTerra-Dizajn. (In Russian).
7. Zheltukhina M.R., Gavrish A.D. (2018). Ehmotsiogennost' sovremennykh mediatekstov [Emotiogenicity of modern media texts]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 4(32), pp. 120–125. (In Russian).
8. Zamyatin D.N. (2010). Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya [Humanitarian geography: a subject matter and mainstream evolution trends]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity], 4, pp. 126–138. (In Russian).
9. Issers O.S. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communication strategies and tactics of the russian language]. Moskva : LKI. (In Russian).
10. Kablukov E.V. Il'ina O.V. (2021). Regional'naya identifikatsiya rossiyan v diskurse SMI: edinstvo i raznoobrazie [Regional identification of russians in media discourse: sameness and difference]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 74, pp. 99–112. (In Russian).
11. Kalinin O.I., Radus L.A. (2021). Metaforicheskaya reprezentatsiya mediaobraza vooruzhennykh sil (na primere VS RF i NOAK) [Metaphorical representation of the media image of the armed forces (by the example of the armed forces of the Russian Federation and the Chinese People's Liberation Army)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 14(12), pp. 4005–4010. (In Russian).
12. Kovach O.A. (2019). Printsipy konstruirovaniya mediaobraza gosudarstva [Principles of constructing the media image of the state]. Mediasreda [Media environment], 15, pp. 57–62. (In Russian).
13. Kondrat'eva O.N., Satuchina T.Yu. (2024). Konstruirovanie natsional'noi identichnosti v diskurse sovremennykh rossiiskikh massmedia [National identity construction in modern russian mass media discourse]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Questions of theory and practice of journalism], 13(2), pp. 325–341. (In Russian).
14. Malysheva E.G., Gridnev N.A. (2017). Rekonstruktsiya mediaobraza Omska (na materiale tekstov regional'nogo televizionnogo massovo–informatsionnogo diskursa i dannykh resursa "Medialogiya") [Reconstruction of Omsk media image (on the material of texts of regional television mass–information discourse and data of resource "Medialogy")]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities Research], 4(17), pp. 57–61. (In Russian).
15. Marushchak A.V. (2012). Politiko–sotsial'nyi obraz Rossii v amerikanskom mediaprostranstve [The political and social image of Russia in the american media space]. Zhurnalistskii ezhegodnik [Журналистский ежегодник], 1, pp. 93–96. (In Russian)
16. Nagibina I.G., Ehkzarkhova A.S. (2023). Mediaobraz SSHA v kitaiskikh SMI: strategiya diskreditatsii politicheskogo protivnika [Media image of the US in chinese mass media: a strategy to discredit a political opponent]. Terra Linguistica, 14(4), pp. 109–118. (In Russian).
17. Polegen′ko A. (2023). Istoriya vkhozhdeniya novykh regionov v sostav Rossii [The history of the entry of new regions into Russia]. TACC [TASS]. 30.09.2023. URL: https://tass.ru/info/18875697 (data obrashcheniya 24.10.2025) (In Russian).
18. Rusakova O.F., Kuril'chenko S.S. (2019). Politicheskii mediadiskurs: voprosy teoretiko–metodologicheskogo i regional'nogo analiza [Political media discourse: issues of theoretic–methodological and regional analysis]. Diskurs–Pi, 4(37), pp. 28–48. (In Russian).
19. Simakova S.I., Kvasha I.D. (2023). Mediaobraz kak odna iz sostavlyayushchikh formirovaniya mediaehsteticheskogo koda regiona [Media image as one of the components for formation of media aesthetic code of the region]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i

kul'tury [News of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture], 29(1), pp. 28–38. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.09.2026 г.

IMAGE OF NEW REGIONS IN RUSSIAN MEDIA

E.V. Bondarenko M.R. Zheltukhina

The article deals with the study of the media image formation of the regions of Russia. The purpose is to identify linguistic means of forming the new regions media image in the Russian discourse of media. Within the framework of the systemic approach the following methods have been applied: descriptive method, elements of diachronic and comparative analysis, discourse and content analysis, definition analysis, lexical-semantic analysis, stylistic analysis, and interpretative analysis. In the course of the study, the concept "media image of the region" has been clarified. The main narratives of broadcasting the new regions media image in the Russian media have been identified. The main verbal means used to form the new regions media image in the Russian information space are considered. The transformation of the media image of the region depending on socio-political events in time and space is established. The results are applicable for comparative analysis of media images of different regions, assessment of changes in their information representation and forecasting of possible directions for the development of the regional media discourse, as well as in the practical activities of linguists, journalists, political scientists, PR specialists.

Key words: media image, new regions, media discourse, Russian media, discourse analysis, emotional colouring of vocabulary, narratives.

Бондаренко Елена Владимировна.
Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи; Пятигорский государственный университет, г. Мариуполь; г. Пятигорск, Российская Федерация.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации; аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации.
ORCID 0009–0008–9300–7119.
E–mail: e.v.bondarenko@mgumariupol.ru.

Желтухина Марина Ростиславовна.
доктор филологических наук, профессор, профессор РАО, академик РАЕН.

Пятигорский государственный университет; Московский международный университет; г. Пятигорск; г. Москва, Российская Федерация.
Директор, главный научный сотрудник НОЦ «Человек в коммуникации», ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре; профессор кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций.

ORCID 0000–0001–7680–4003.
E–mail: zzmr@mail.ru.

Bondarenko Elena Vladimirovna.
Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi; Pyatigorsk State University, Mariupol, Pyatigorsk, Russian Federation.
Senior lecturer at Department of Foreign Languages and Intercultural Communication; Post-graduate student at the Institute for Training Higher Qualification Personnel.

ORCID 0009–0008–9300–7119.
E–mail: e.v.bondarenko@mgumariupol.ru.

Zheltukhina Marina Rostislavovna.
Doctor of Philology, Professor, Professor at Russian Academy of Education, Member of Russian Academy of Natural Sciences.
Pyatigorsk State University; Moscow International University; Pyatigorsk; Moscow, Russian Federation.
Director, Chief Researcher at the Scientific and Educational Center "Person in Communication", Leading Researcher of Department for Coordination of Research and Innovation Project Activities in Specialist, Master's and Postgraduate Programs; Professor at Department of General Humanitarian Sciences and Mass Communications.

ORCID 0000–0001–7680–4003.
E–mail: zzmr@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'38:81'42
DOI: 10.5281/zenodo.23893450

МОЛИТВЫ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ЛИНГВОТЕКСТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© 2026 ***Т.В. Ицкович***
Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
ORCID 0000-0002-5841-2943

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Религиозный функциональный стиль представляет собой открытую систему, которая пополняется текстами разных жанров, относящихся как к ядру стиля, так и к его периферии: проповедями, молитвами, акафистами, объявлениями, протоколами. Особый пласт составляют тексты, создаваемые искусственным интеллектом. Материалом послужили тексты молитв авраамических религий и буддизма, созданные ChatGPT. Цель исследования состояла в сравнительном анализе ИИ-текстов и прототекста молитвы «Отче наш». Используемый категориально-текстовой метод, направленный на анализ экспликации текстовых категорий композиции и оценочности позволил прийти к следующим выводам. Тексты молитв различных религий (иудейские, православные, католические, протестантские, новоапостольские, буддийские, мусульманские), созданные искусственным интеллектом, обладают отличительными жанрообразующими чертами: строятся по типичной композиционной модели, в соответствии с интенциями просьбы, благодарения и хвалы. Молитвы на одну и ту же тему отличаются не только по формальным показателям — обращением к разным сакральным представителям в зависимости от религии, но и содержательно — соответствием конкретным церковным догматам.

***Ключевые слова*:** авраамические религии, иудаизм, католицизм, протестантство, православие, новоапостольское учение, буддизм, религиозный стиль**,** жанр, молитва, прототекст, искусственный интеллект.

Для цитирования: Ицкович Т.В. Молитвы, созданные искусственным интеллектом: лингвотекстовые особенности / Т.В. Ицкович // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 40–51. — https://doi.org/ 10.5281/zenodo.23893450.

Введение. Религиозный функциональный стиль, прочно занявший свое место в традиционной парадигме функциональных стилей [4, 15, 17, 18, 19], сегодня является объектом изучения в лингвистике и теолингвистике [1, 7, 9, 10]. Активно исследуются жанры, составляющие ядро стиля: проповедь, молитва, житие [2, 3, 22, 23]; начинается описание жанров, относящихся к периферии стиля, в области пересечения с другими функциональными стилями [12, 16]; изучаются религиозные тексты разных конфессий христианства [13] и тексты других традиционных религий [11].

Молитва — это репрезентативный ядерный жанр религиозного функционального стиля, отличительными чертами которого являются направленность коммуникации из мира профанного в мир сакральный [5, 6, 8], включение ценностных религиозных установок, композиционно-тематическое единство [14], формируемое ведущими интенциями просьбы, хвалы и благодарности. Сегодня молитвы создаются искусственным интеллектом. Мы понимаем ИИ как особый тип автора, который, обладая массивом реальных текстов, способен создать текст определенного жанра.

Цель исследования — изучить тексты молитв, созданные искусственным интеллектом, и определить, насколько они соответствуют инвариантным признакам жанра молитвы.

Материал и методы исследования — тексты молитв о здоровье различных религий (иудаизм, христианство, ислам, буддизм) и конфессий христианства (православие, католицизм, протестантизм, новоапостольское учение), созданные искусственным интеллектом (ChatGPT). В процессе сбора материала использовался единообразный промт: *Создайте, пожалуйста, текст молитвы о здоровье*, который конкретизировался последовательным добавлением в промт определения религии / конфессии: *иудейской, православной, католической, протестантской, новоапостольской, буддийской, мусульманской*. Предварительно канонические тексты молитв в ChatGPT не загружались; анализируемые молитвы создавались в момент запроса, без предварительной подготовки.

В исследовании используется категориально-текстовой метод анализа текста [20, 21], созданный в Уральской научной школе лингвокультурологии и стилистики, при помощи которого описаны инвариантные модели некоторых жанров религиозного стиля: проповеди, жития, молитвы, акафиста и др. [14, 23]. В настоящей статье анализируется текстовая категория композиции, под которой понимается формальное выражение категории темы; категория оценочности, понимаемая как эксплицитно или имплицитно выраженная позиция автора по отношению к теме текста.

Результаты исследования. Образцом жанра является молитва «Отче наш»: *Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь* [Мф. 6:9–13]. Протожанровый образец молитвы — «Отче наш» состоит из следующих последовательно расположенных речевых действий: обращение, хвала, просьба, покаяние, итог [9]. Обращение является развернутой конструкцией, характеризующей адресата; просьба включает материальную и духовную составляющие и оформляется грамматически при помощи императива, желание, касающееся адресанта опосредованно, выражается при помощи оптатива. Завершается молитва заключительным обязательным элементом *аминь*. Данную структуру можно считать базовой. Спроецируем инвариантную модель на полученные тексты.

Категория композиции отражает развитие темы [20]. Две сгенерированные искусственным интеллектом молитвы начинаются со своеобразного вступления: в буддийской молитве это приветствие в сочетании с развернутым обращением *Намасте, Великий Будда, источник просветления и сострадания*; в исламской молитве используется клишированный оборот *Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного!* Остальные молитвы (все христианские конфессии) начинаются с развернутого обращения, характерного для каждой религии, которое в свернутом виде повторяется в композиционно значимых сильных позициях текста: в начале, в теле текста, в местах логического перехода, в итоговой части: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий* (православие); *Боже, наш Отец* (католицизм); *Всемогущий Боже* (протестантизм); *Господи Иисус Христе, Великий Врач душ и тел* (новоапостольское учение).

Приведем пример иудейской молитвы о здоровье, сгенерированной ИИ:

***Адонай**, **Бог наш и Бог наших отцов**, мы обращаемся к Тебе с молитвой о здоровье нашего тела и души. Помоги нам, **Господи**, обрести исцеление от всех немощей и болезней, которые тяготят нас. Благослови нас силой и здоровьем, чтобы*

мы могли служить Тебе и исполнять Твою волю. Подай нам мудрость и руководство, чтобы мы могли принимать правильные решения для нашего физического и духовного благополучия. Помоги нам, ***Господи****, найти врачей и медицинских работников, которые будут лечить нас с заботой и компетентностью. Даруй им мудрость и умение, чтобы они могли помочь нам в нашем исцелении. Прости нам наши грехи и прегрешения, и да будут они исцелены Твоим милосердием. Помоги нам принять и понять Твою волю во всех обстоятельствах нашей жизни, включая наше здоровье. Мы верим в Твою силу и милость,* ***Господи****. Прославься в нас, и да будет наше здоровье восстановлено по Твоей воле. Во имя Тебя,* ***Адонай****, и в согласии с Твоей священной волей. Аминь.*

Характерное для иудаизма обращение *Адонай* расположено в сильной позиции начала и конца текста, выполняя функцию композиционного обрамления. Отметим, что в начале текста обращение развернутое ***Адонай, Бог наш и Бог наших отцов,*** в теле текста через равномерные смысловые фрагменты нейросеть использует лексему *Господи*, используется форма звательного падежа, свойственная текстам современного русского православия.

В прототексте молитвы *Отче наш* после обращения следуют композиционные блоки, связанные с реализаций трех основных интенций: просьбы, хвалы, благодарности.

Интенция просьбы эксплицирована во всех текстах, имеет при этом различные модификации. Обратимся к тексту католической молитвы, сгенерированной ИИ:

Боже, наш Отец, мы приходим к Тебе с просьбой о милости и исцелении нашего тела и души. ***Просим*** *Тебя, Господи,* ***даровать*** *нам здоровье и силу,* ***чтобы*** *мы могли служить Тебе и ближним нашим.* ***Помоги*** *нам, Господи, обрести душевное и физическое исцеление от всех немощей и болезней, которые тяготят нас.* ***Укрепи*** *наше тело и ум,* ***чтобы*** *мы могли исполнять Твою волю и служить Тебе с усердием и радостью.* ***Благослови*** *наших врачей и медицинских работников,* ***даруй*** *им мудрость и искусство,* ***чтобы*** *они могли лечить нас с заботой и состраданием.* ***Возложи*** *на них свою руку, Господи, и* ***да будут*** *их действия наполнены Твоим благословением. Прости нам наши грехи и прегрешения, и* ***да будут*** *они исцелены Твоим милосердием.* ***Помоги*** *нам отпустить все обиды и раздражения, и* ***да будем*** *мы жить в мире и согласии с Тобой и с ближними нашими. Господи, мы верим в Твою силу и милость.* ***Прославься*** *в нас, и* ***да будет*** *наше здоровье восстановлено по Твоей воле. Во имя Иисуса Христа, Сына Твоего, который живет и царствует во веки веков. Аминь.*

Просьба в католической молитве выражается комплексным блоком, состоящим грамматически из императива и оптатива: ***Прости*** *нам наши грехи и прегрешения, и* ***да будут*** *они* ***исцелены*** *Твоим милосердием.* ***Помоги*** *нам отпустить все обиды и раздражения, и* ***да будем*** *мы* ***жить*** *в мире и согласии с Тобой и с ближними нашими.*

Также в приведенной католической молитве просьба логически обоснована, указывается ее причина: *Благослови наших врачей и медицинских работников, даруй им мудрость и искусство,* ***чтобы*** *они могли лечить нас с заботой и состраданием.*

Подобная структура выражения интенции просьбы (сочетание императива и оптатива) характерна и для других молитв, например, иудейской, православной, исламской: ***Прости*** *мне все мои грехи и прегрешения, и* ***да будут*** *они* ***исцелены*** *Твоим милосердием*; синтаксические конструкции со значением причины: *Даруй мне терпение и смирение во время болезни,* ***чтобы*** *я мог (могла) принять ее как испытание и возможность для духовного роста*.

Отличительной чертой католической молитвы является использование дедуктивного логического хода: в начале текста обозначается тема: *Боже, наш Отец,*

мы приходим к Тебе с ***просьбой о милости и исцелении нашего тела и души***, которая затем конкретизируется рядом просьб, в заключении молитвы, перед ритуальным завершением также используется утвердительная конструкция: *Господи, мы верим в Твою силу и милость*. Подобный композиционный ход с некоторыми модификациями отличает также новоапостольскую молитву: *Господи Иисус Христе, Великий Врач душ и тел, мы обращаемся к Тебе* ***с молитвой о здоровье*** *в Новоапостольской Церкви*. Далее в тексте молитвы следует композиционный фрагмент, обнаруженный нами только в этой молитве, — это некоторым образом credo адресантов: ***Мы признаем*** *Тебя, Господи, как источник жизни и здоровья.* ***Мы верим****, что Ты имеешь власть и милость исцелять всех, кто обращается к Тебе с верой и смирением*.

Отметим присутствие в текстах молитв всех религий нетипичную для инварианта просьбу: *Прославься во мне*.

Интенция просьбы в текстах наиболее распространена, в то время как благодарность и хвала встречаются существенно реже. Так, интенция благодарности в сочетании с интенцией просьбы эксплицирована нейросетью только в молитве новоапостольской церкви: *Господи,* ***благодарим*** *Тебя за дар здоровья и* ***молим*** *Тебя сохранить его для нас и наших близких*. Интенция хвалы присутствует в имплицитной форме, в составе обращения и в сочетании с просьбой, в исламской молитве: *Помоги нам, о Милосердный, обрести исцеление; Помоги нам, о* ***Милостивый***. Можно ли развернутое обращение, включающее положительную характеристику называемого лица, считать реализацией интенции хвалы, вопрос дискуссионный и требующий дальнейшего изучения, что может быть перспективой исследования.

Особое композиционное строение отличает исламскую молитву, созданную ИИ.

Исламская молитва начинается с варианта на арабском языке الله الرحمن الرحيم

اللهم يا شافي، نلتجأ إليك بقلوب مؤمنة ورجاء صادق، نطلب منك الشفاء والعافية لأجسادنا وأرواحنا .اللهم أنت القادر على كل شيء، فأنعم علينا بالصحة والعافية واشفنا من كل نوع من الأمراض والآلام.

Затем дается транскрипция дуа: *Аллахумма, раббан-нас, музхибаль-ба’с, ишфи анташ-шафи, ля шафия илля анта, ишфи шифа’ан ля югадиру сакама*.

Перевод дуа: *Господь, о Опекающий людей! О устраняющий беды (несчастья; бедность и нужду) [для Тебя это не составляет ни малейшего труда]! Исцели, ведь Ты — Исцеляющий. Лишь Ты исцеляешь [бесследно и окончательно]. Исцели так, чтобы целительная сила Твоя попала прямо в цель [устранила корень проблемы]*.

Далее следует полный текст молитвы о здоровье, композиционно построенный в типичном для ислама порядке чередования дуа (отдельных фрагментов):

Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного! // ***О Аллах****! Обращаемся к Тебе с молитвой о здоровье наших тел и душ. Помоги нам,* ***Всемогущий Аллах****, обрести исцеление от всех болезней и недугов, которые нас терзают. //* ***О Аллах!*** *Ты владыка всего сущего и Твоя воля беспрекословна. Мы просим Тебя,* ***о Всемилостивый****, оздоровь наши тела и очисть наши души от грехов и недостатков. //* ***О Аллах!*** *Даруй нам силу и энергию, чтобы мы могли преодолеть страдания и обрести здоровье. Помоги нам,* ***о Всемудрый****, принять правильные решения для нашего физического и духовного благополучия. //****О Аллах!*** *Мы просим Тебя о милости и прощении грехов. Помоги нам,* ***о Милосердный****, обрести исцеление и стать причиной распространения добра и счастья в этом мире. //* ***О Аллах!*** *Даруй нам мудрость и силу, чтобы мы могли заботиться о наших телах правильным образом и использовать Твои дары в угоду Тебе. Помоги нам,* ***о Всеведущий****, преодолеть все трудности и испытания, которые мы встречаем на нашем пути. //****О Аллах!*** *Благослови наших врачей и медсестер, которые становятся средством исцеления для нас. Даруй им знания и мудрость, чтобы они могли*

*предоставлять лечение и заботу с мудростью и состраданием. // **О Аллах**! Помоги нам, **о Милостивый**, принять их помощь и руководство, и да будут их действия наполнены состраданием и благословением. Помоги нам обрести исцеление через их вмешательство и позволь нам укрепить нашу веру в Тебя. // **О Аллах!** Мы просим Тебя охранить наше здоровье от всех опасностей и бедствий. Помоги нам, **о Хранитель**, быть сильными и здоровыми, чтобы мы могли служить Тебе и исполнять Твою волю. // **О Аллах**! Даруй нам долгую и здоровую жизнь, наполненную верой и благочестием. Помоги нам использовать наше здоровье для достижения блага и счастья в этой жизни и в будущей. //Аминь.*

Каждый фрагмент начинается с единообразного обращения, которое в некоторых дуа получает смысловое развертывание, отражающее канонически верную характеристику Аллаха: *о Милосердный, Всемогущий, о Всемудрый, о Хранитель*.

Последний композиционный блок — заключение. Молитвы в авраамических религиях завершаются лексемой *Аминь*, буддийская молитва заканчивается лексемой *Амитабха*. Новоапостольская молитва завершается композиционным фрагментом, который в других молитвах находится в начале текста: *Все это мы просим во имя Иисуса Христа, нашего Господа и Спасителя*. *Аминь*.

Композиция молитв, созданных нейросетью, сохраняет структуру развертывания молитвенного текста, заданного протожанровым образцом молитвы *Отче наш*, при наличии некоторых модификаций: наличие вступительного и заключительного клишированных фрагментов, обозначающих тему текста и того, к кому обращается адресант; развернутое / свернутое обращение в сильных позициях текста, которое имплицитно выражает интенцию хвалы; композиционные блоки, включающие просьбу. Отличием ИИ-молитв от канонических текстов является преобладание интенции просьбы при минимальном включении или полном отсутствии интенций благодарности и хвалы.

Аксиологический потенциал ИИ-молитв. Перейдем к обсуждению способов экспликации текстовой **категории оценочности**.

Лингвоаксиологический анализ ИИ-молитв позволяет установить, как общая для всех молитв тема здоровья получает различную ценностную экспликацию. Во всех текстах здоровье представлено как избавление от болезни, дальнейшего существование адресанта не только в плане физического здоровья, но и в плане духовного, воспринимаемого как смысложизненное целеполагание.

В католической молитве просьба *даровать нам здоровье* мотивируется целью *служить Тебе и ближним нашим*; в протестантской молитве здоровье необходимо, *чтобы мы могли служить Тебе и исполнять Твою волю в повседневной жизни*. Лексемы *служить*, *ближним*, *воля* связывают телесное благополучие с выполнением духовного долга и отношением к другим людям. Подобная же взаимосвязь понятий выражена и в исламской молитве: *Помоги нам использовать наше здоровье для достижения блага и счастья в этой жизни и будущей*. Таким образом, просьба о здоровье, исцелении от болезней в ИИ-молитвах сопровождается указанием на причину, на то, ради чего адресанту необходимо здоровье.

Ценность заботы о другом человеке особенно отчетливо проявляется в композиционных фрагментах, посвященных таким субъектам коммуникативного акта, как медицинские работники и больные. Так, в исламской молитве отмечается знания, сострадание и забота, а также способность больного принять помощь: *О Аллах! Благослови наших **врачей** и **медсестер**, которые становятся средством исцеления для нас. Даруй им **знания** и **мудрость**, чтобы они могли предоставлять лечение и **заботу** с **мудростью** и **состраданием**. О Аллах! Помоги нам, о Милостивый, **принять их помощь***

и руководство, и да будут их действия наполнены ***состраданием*** *и* ***благословением***. В данном тексте забота предстает как двустороннее отношение: важным является как профессиональные действия врача, так и готовность принять их со стороны больного.

Общим для нескольких молитв является положительная оценка деятельности врачей, выраженная лексемами *помощь*, *забота*, *мудрость*. При этом состав признаков и обоснование их необходимости меняется. В католической молитве формулируется *даруй им* ***мудрость*** *и* ***искусство****, чтобы они могли лечить нас с* ***состраданием***; в протестантской молитве испрашивается *мудрость и* ***терпение*** *врачей*; в иудейской — ***забота*** *и* ***компетентность***.

В православной ИИ-молитве просьба о здоровье включена в один ряд с такими понятиями, как *покаяние*, *грех*, *терпение* и *принятие воли Бога*. В православии важным догматом является связь болезни и греховности человека, а также идея полного принятия воли Бога: *Прости мне все мои грехи и прегрешения, и да будут они исцелены Твоим милосердием. Помоги мне принять и понять Твою волю во всех обстоятельствах моей жизни, включая мою здоровье*. Формулы *помилуй мя грешнаго (грешную), недостойного (недостойную) раба Твоего* выражают отрицательную оценку собственного духовного состояния, которое и привело к болезни. Глаголы *помилуй, прости, исцели* обозначают желаемое изменение духовного и, как следствие, физического состояния. Просьба «*Даруй мне терпение и смирение во время болезни»* показывает, что ценностью является и сам способ переживания болезни. Указанные формулировки выражают благоговейную тональность, свойственную религиозному функциональному стилю, которая отличается дистанцией между субъектами сакрального и профанного миров, где человек осознает свою ничтожность перед лицом Бога.

В католической молитве покаянная тема получает иное развитие: *Помоги нам отпустить все обиды и раздражения, и да будем мы жить в мире и согласии с Тобой и ближними нашими*. Здесь лексемы *мир* и *согласие* распространяют значение исцеления на гармоничные отношения с окружающими.

В иудейской и протестантской молитвах *мудрость* связывается с осознанием *ответственности* человека за свои поступки, за собственное благополучие, за свое здоровье. В иудейской ИИ-молитве просьба «*Подай нам мудрость и руководство»* сопровождается пояснением, *чтобы мы могли принимать правильные решения для нашего физического и духовного благополучия*. В протестантском ИИ-тексте просьба *быть мудрыми в наших решениях* обосновывается необходимостью *заботиться о своем физическом и духовном благополучии*. Повтор лексем *мудрость*, *решение*, *заботиться* формирует представление о здоровье как ценности, сохранение которой требует участие самого адресанта.

В новоапостольской ИИ-молитве этот круг расширяется и конкретизируется просьбой *указать пути здорового образа жизни*. В этом же тексте называется ценность семьи: *Господи, мы также молимся о здоровье и благополучии наших семей. Помоги нам быть заботливыми и любящими, чтобы мы могли создать здоровую и благополучную обстановку в наших домах*. В молитве новоапостольской церкви важна ценность священнослужителя: *Господи, благослови наших* ***пастырей*** *и* ***служителей*** *в Новоапостольской Церкви. Даруй им мудрость и вдохновение, чтобы они могли руководить и укреплять нас духовно. Помоги им быть здоровыми и сильными, чтобы они могли служить нам примером и руководством.*

В целом, в католической молитве делается акцент на ценности миролюбия: *Помоги нам отпустить все обиды и раздражения, и да будем мы жить в мире и согласии с Тобой и с ближними нашими*; в иудейской и протестантской — на мудрости, но с

различным обоснованием ее необходимости: *Подай нам мудрость и руководство, чтобы мы могли принимать правильные решения для нашего физического и духовного благополучия* (иудейская); *Помоги нам, Господи, быть мудрыми в наших решениях, чтобы мы могли заботиться о своем физическом и духовном благополучии* (протестантская).

Молитвы, созданные ChatGPT, характеризуются соблюдением догматов той или иной религии. Так, в буддийской молитве центральными являются канонические в буддизме понятия *просветление, сострадание, внутренняя гармония*: *Помоги нам, Будда, обрести внутреннюю гармонию и понимание, и да будем мы жить в согласии с Дхармой и Законами Вселенной. Мы верим в силу сострадания и просветления, Будда*. Просьба *обрести внутреннюю мудрость и понимание* связывает выздоровление с изменением внутреннего состояния, а выражение *лечить нас с состраданием и мудростью* распространяет эту оценку на действия целителей. Тематически такой ряд отличается от христианских молитв, где более употребительными являются понятия грех, покаяние, прощение и воля. Вместе с тем клишированные формулы «*Помоги нам, Будда»* и «*прославься в нас»* показывают, что при создании буддийского текста нейросеть воспроизводит распространенные модели молитвенных формул. Отсюда следует, что использование в текстах специальной терминологической лексики еще не свидетельствует о точной передаче особенностей конкретной религиозной практики: *Будда*, *Дхарма, Законы Вселенной, Аллах, Адонай*; в православной молитве используются церковнославянизмы и специфические грамматические конструкции: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй* ***мя грешнаго*** *(грешную) и исцели душу и тело мое от* ***всякия*** *немощи и болезни.* ***Призри*** *милостиво на меня, недостойного (недостойную) раба Твоего. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.*

Таким образом, сравнительный лингвоаксиологический анализ ИИ-молитв выявляет общий ценностный ряд: здоровье, помощь, милосердие, мудрость и забота о других. Лексическое выражение указанных понятий варьируется в зависимости от того, с чем в тексте связывается исцеление: с покаянием и смирением, с миром между людьми, с ответственным решением, с благополучием или с преодолением страдания. Повторяющие сочетания *тело и душа, физическое и духовное благополучие*, просьбы о врачах и близкие по строению прошения обнаруживают унификацию изучаемых ИИ-молитв.

Приведем лингвоаксиологический анализ буддийской ИИ-молитвы, которая занимает в анализируемом корпусе особое положение. Она единственная представляет неавраамическую традицию, и уже это обстоятельство делает ее показательной: сопоставление с авраамическими текстами позволяет увидеть, насколько нейросеть способна выйти за пределы знакомой ей западной религиозной матрицы.

Буддийская молитва: аксиологический синкретизм ИИ-текста. Обратимся к композиции буддийской ИИ-молитвы. Как мы указывали выше, текст открывается приветствием, не встречающимся ни в одной другой молитве корпуса: *Намасте, Великий Будда, источник просветления и сострадания*. Лексема *Намасте* (санскр. namaḥ te — «поклон тебе») принадлежит индуистскому и буддийскому этикету и в канонических буддийских текстах как формула начала молитвы не используется: она маркирует светское представление о буддизме, распространённое в западной популярной культуре. Далее следует развёрнутое обращение *Великий Будда, источник просветления и сострадания*, построенное по авраамической модели: сакральный адресат получает эпитеты-характеристики, к нему направлена просьба, он способен даровать, прощать и прославляться в адресанте.

Композиционно текст воспроизводит ту же схему, что и христианские молитвы: обращение → просьба о здоровье → просьба о мудрости → просьба о врачах → просьба о прощении → заключительное славословие. Завершается молитва лексемой *Амитабха* — именем Будды Амитабхи, которое в буддийской традиции не выполняет функции ритуального завершения (аналогом *Аминь* в буддизме выступают формулы *сваха*, *садху* или просто молчание), что свидетельствует о формальном переносе авраамической модели завершения молитвенного текста на буддийский материал.

Лингвоаксиологическая характеристика. Центральные аксиологемы буддийского текста — *просветление, сострадание, внутренняя гармония, Дхарма, Законы Вселенной, Карма, Амитабха*. Остановимся на сказанном подробнее.

Просветление и *сострадание* выступают в тексте как парные ценности: *источник просветления и сострадания, Мы верим в силу сострадания и просветления, Будда,* что отвечает буддийской аксиологии, где это две взаимосвязанные доминанты. Однако в тексте они лишены своего специфического содержания: сострадание не распространяется на всех живых существ, а ограничивается просящими и врачами; просветление не связывается с постижением природы реальности, а выступает общим благом.

Внутренняя гармония — аксиологема, отсутствующая в канонических буддийских текстах именно в таком формальном выражении. В буддизме говорится о шанти (покое), саматхе (успокоении), но понятие *внутренняя гармония* скорее отражает современное западное представление о буддизме: *Даруй нам силу и гармонию, Помоги нам, Будда, обрести внутреннюю гармонию и понимание*.

Дхарма и *Законы Вселенной* употреблены как синонимические и взаимозаменяемые: *да будем мы жить в согласии с Дхармой и Законами Вселенной*, что также не соответствует догматам буддизма. В буддизме Дхарма представляет собой учение Будды и одновременно универсальный закон бытия, но не *закон Вселенной*, что типично для западного популярного буддизма и указывает на источник, из которого нейросеть черпала материал.

Карма появляется в финальном славословии: *да будет наше здоровье восстановлено по законам Кармы*. Это ключевая логическая и аксиологическая ошибка ИИ-молитвы. В буддизме карма — это закон причинно-следственной связи, согласно которому поступки определяют будущие состояния; здоровье и болезнь действительно мыслятся как плод кармы, но восстановление здоровья *по законам Кармы* противоречит логике буддизма: карма не *восстанавливает* здоровье, а определяет его текущее состояние. Более того, молитва о *восстановлении здоровья по законам Кармы* внутренне противоречива: если здоровье зависит от кармы, то просить о его изменении бессмысленно, нужно накапливать благую карму. Просьба к Будде *восстановить здоровье по законам Кармы* представляет собой оксюморон как соединение несовместимых представлений: личное божественное вмешательство (авраамическая модель) и безличный закон причинности (буддийская модель).

Обратимся к аксиологической структуре адресата и адресанта. Будда в тексте выступает в роли, не свойственной буддийской традиции. Он назван *Великим Буддой, источником просветления и сострадания*, к нему обращены просьбы: *Помоги нам, Будда, Даруй нам, Прости нам наши ошибки и незнание, Прославься в нас*. Между тем в буддизме Будда не Бог в авраамическом понимании; он учитель, указавший путь. Прощение в христианском смысле (отпущение грехов сакральным адресатом) в буддизме отсутствует. Нейросеть, таким образом, наделяет Будду функциями авраамического Бога, что является центральным аксиологическим сдвигом текста.

Показательна и формула «*Прославься в нас*», встречающаяся во всех семи молитвах корпуса. В буддийской традиции она не имеет аналога, она представляет прямой перенос христианской модели обожения (теозиса) на буддийский материал.

Адресант буддийской молитвы мы-коллективное: *Обращаемся к Тебе, Помоги нам, Даруй нам, Мы верим,* что соответствует буддийской идее сангхи — общины практикующих. Адресант мыслит себя как страдающее существо, нуждающееся в исцелении тела и души. Категория *души* в буддизме отрицается: буддийская доктрина анатмана (не-я) утверждает отсутствие постоянной самости. Употребление лексемы *душа* в тексте является следом авраамической модели, перенесённой на буддийский материал.

Таким образом, буддийская молитва, созданная ChatGPT, представляет собой наиболее показательный пример аксиологического синкретизма в анализируемом корпусе. Она соединяет буддийскую терминологию с авраамической моделью обращения к сакральному адресату, наделяя Будду функциями Бога-подателя и Бога-прощающего. Центральные буддийские аксиологемы (просветление, сострадание, Дхарма, Карма) присутствуют, но лишены доктринального содержания и переформулированы в терминах западного популярного дискурса (внутренняя гармония, Законы Вселенной). Это позволяет говорить о том, что нейросеть воспроизводит не буддийскую, а западную популярную модель буддизма, что делает текст ценным материалом для изучения того, как ИИ конструирует «религию вообще» на основе усредненных представлений.

Заключение. Исследование показало, что тексты молитв различных религий, создаваемые искусственным интеллектом, обладают характерными жанрообразующими чертами: строятся по типичной композиционной модели, в соответствии с интенциями просьбы, благодарения и хвалы. Молитвы на одну тему отличаются не только по формальным показателям — обращением к разным сакральным представителям в зависимости от религии, различным выражением интенции просьбы, но и содержательно — соответствием конкретным церковным догматам. Аксиологическое наполнение текстов также релевантно религиозным догматам и отражает общечеловеческие ценности, свойственные и понятные светскому адресату.

Перспективой исследования является изучение других жанров религиозного стиля, создаваемых искусственным интеллектом (например, акафиста, проповеди).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бугаева Ирина Владимировна. — Москва, 2010. — 48 с.
2. Войтак М. Индивидуальная реализация жанрового образца проповеди / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 2002. — С. 270–285.
3. Войтак М. Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) / М. Войтак // Текст: стереотип и творчество. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1998. — С. 214–230.
4. Войтак М. Религиозный стиль в генологической перспективе / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 2003. — Вып. 6. — С. 323–338.
5. Войтак М. Стереотипизация и креативность в вотивной молитве / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1999. — С. 268–280.
6. Войтак М. Стереотипность и творчество в поэтической молитве / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 2000. — С. 47–63.
7. Гадомский А.К. Теолингвистика: pro et contra / А.К. Гадомский, Т.В. Ицкович, Р. Левушкина, М.О. Новак, А.В. Бородин // Quaestio Rossica. — 2025. — Т. 13, № 4. — С. 1511–1528. — DOI 10.15826/qr.2025.4.1035.

8. Ицкович Т.В. Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля / Т.В. Ицкович // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2018. — Т. 17, № 1. — С. 6–15. — DOI 10.15688/jvolsu2.2018.1.1.
9. Ицкович Т.В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы / Т.В. Ицкович // Жанры речи. — 2016. — № 1 (13). — С. 87–93. — DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-87-93.
10. Ицкович Т.В. Религиозный функциональный стиль русской речи / Т.В. Ицкович // Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков. — Москва, 2023. — С. 86–101.
11. Ицкович Т.В. Мусульманские проповеди на русском языке: коммуникативно-прагматический аспект / Т.В. Ицкович, А. Туголбайкызы // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — 2019. — Т. 7, № 2 (14). — С. 47–62. — DOI 10.29252/iarll.13.2.47. — EDN UKIKGY.
12. Ицкович Т.В. Язык и стиль современных православных СМИ (на материале СМИ Екатеринбургской епархии) / Т.В. Ицкович // Меди@льманах. — 2011. — № 4 (45). — С. 44–48.
13. Келер А.И. Категория адресанта в новоапостольской молитве: категориально-текстовой и аксиологический аспекты / А.И. Келер // Научный диалог. — 2024. — Т. 13, № 1. — С. 26–44.
14. Келер А.И. Композиционно-тематическая организация христианской молитвы / А.И. Келер // Язык и религия : тезисы докладов Международной научной конференции, Екатеринбург, 15–17 сентября 2021 года / отв. ред. Т. В. Ицкович. — Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2021. — С. 54–57.
15. Крылова О.А. Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка разновидностью газетно-публицистического? / О.А. Крылова // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2001. — С. 259–270.
16. Крылова О.А. Портрет речевого жанра церковно-религиозного послания / О.А. Крылова // Русский язык в России на рубеже XX–XXI вв. : материалы Международной научной конференции (Самара, 5–6 мая 2003 г.). — Самара : Изд-во СамГПУ, 2003.
17. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный (церковно-проповеднический) функциональный стиль в современном русском литературном языке? / О.А. Крылова // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий : тезисы докладов. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. — С. 107–117.
18. Крысин Л.П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. — 1994. — № 3. — С. 69–79.
19. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка / Л. П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. — Москва, 1996. — С. 135–138.
20. Матвеева Т.В. Категориально-текстовой анализ речевого произведения: обоснование и применение метода / Т.В. Матвеева // Quaestio Rossica. — 2024. — Т. 12, № 3. — С. 901–920.
21. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т.В. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. — 172 с.
22. Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля / О.А. Прохватилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2006. — № 5. — С. 19–26.
23. Рядовых Н.А. Категория хронотопа в жанре акафиста / Н.А. Рядовых // Филология: научные исследования. — 2020. — № 10. — С. 54–64. — DOI 10.7256/2454-0749.2020.10.34061.

REFERENCES

1. Bugaeva I.V. (2010). Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya [The Language of the Orthodox Sphere: Current State and Development Trends] (Extended abstract of Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian).
2. Gadomski A., Itskovich T., Levushkina R., Novak M. & Borodin A. (2025). Theolinguistics: Pro et Contra. Quaestio Rossica, 13(4), 1511–1528. https://doi.org/10.15826/qr.2025.4.1035
3. Itskovich T.V. (2018). Prototekstual'nost' kak konstruktivnyi printsip religioznogo stilya [Prototextuality as a Constructive Principle of Religious Style]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie, 17(1), 6–15. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.1 (In Russian).
4. Itskovich T.V. (2016). Religioznyi funktsional'nyi stil' v zhanrovom aspekte: k postanovke problemy [Religious Functional Style in the Genre Aspect: Problem Statement]. Zhanry rechi, 1(13), 87–93. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-87-93 (In Russian).
5. Itskovich T.V. (2023). Religioznyi funktsional'nyi stil' russkoi rechi [The Religious Functional Style of Russian Speech]. In Stilistika slavyanskikh stran na rubezhe XX–XXI vekov [Stylistics of Slavic Countries at the Turn of the 20th and 21st Centuries] (pp. 86–101). Moscow. (In Russian).

6. Itskovich T.V. & Tugolbaikyzy A. (2019). Musul'manskie propovedi na russkom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt [Muslim Sermons in Russian: A Communicative-Pragmatic Perspective]. Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury, 7(2/14), 47–62. https://doi.org/10.29252/iarll.13.2.47 (In Russian).
7. Itskovich T.V. (2011). Yazyk i stil' sovremennykh pravoslavnykh SMI (na materiale SMI Ekaterinburgskoi eparkhii) [Language and Style of Contemporary Orthodox Media: Based on the Media of the Yekaterinburg Diocese]. Medi@l'manakh, 4(45), 44–48. (In Russian).
8. Keler A.I. (2024). Kategoriya adresanta v novoapostol'skoi molitve: kategorial'no-tekstovoi i aksiologicheskii aspekty [The Addresser Category in New Apostolic Prayer: Categorical-Textual and Axiological Aspects]. Nauchnyi dialog, 13(1), 26–44. (In Russian).
9. Keler A.I. (2021). Kompozitsionno-tematicheskaya organizatsiya khristianskoi molitvy [Compositional and Thematic Organization of Christian Prayer]. In T. V. Itskovich (Ed.), Yazyk i religiya [Language and Religion] (pp. 54–57). Azhur. (In Russian).
10. Krylova O.A. (2001). Mozhno li schitat' tserkovno-religioznyi stil' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka raznovidnost'yu gazetno-publitsisticheskogo? [Can the Church-Religious Style of Contemporary Standard Russian Be Considered a Variety of Newspaper-Publicistic Style?]. In Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypy and Creativity in Text] (pp. 259–270). Perm. (In Russian).
11. Krylova O.A. (2003). Portret rechevogo zhanra tserkovno-religioznogo poslaniya [A Portrait of the Speech Genre of the Church-Religious Epistle]. In Russkii yazyk v Rossii na rubezhe XX–XXI vv. [The Russian Language in Russia at the Turn of the 20th and 21st Centuries]. Samara State Pedagogical University Press. (In Russian).
12. Krylova O.A. (2000). Sushchestvuet li tserkovno-religioznyi (tserkovno-propovednicheskii) funktsional'nyi stil' v sovremennom russkom literaturnom yazyke? [Does a Church-Religious (Church-Preaching) Functional Style Exist in Contemporary Standard Russian?]. In Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoi Rossii [The Cultural and Speech Situation in Contemporary Russia] (pp. 107–117). Ural State University Press. (In Russian).
13. Krysin L.P. (1994). Ob odnoi lakune v sisteme funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo yazyka [On a Lacuna in the System of Functional Styles of Contemporary Russian]. Russkii yazyk v shkole, 3, 69–79. (In Russian).
14. Krysin L.P. (1996). Religiozno-propovednicheskii stil' i ego mesto v funktsional'no-stilisticheskoi paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Religious-Preaching Style and Its Place in the Functional-Stylistic Paradigm of Contemporary Standard Russian]. In Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura: pamyati T.G. Vinokur [Poetics. Stylistics. Language and Culture: In Memory of T. G. Vinokur] (pp. 135–138). Moscow. (In Russian).
15. Matveeva T.V. (2024). Kategorial'no-tekstovoi analiz rechevogo proizvedeniya: obosnovanie i primenenie metoda [Categorical-Textual Analysis of a Speech Work: Rationale and Application of the Method]. Quaestio Rossica, *12*(3), 901–920. (In Russian).
16. Matveeva T.V. (1990). Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii [Functional Styles in Terms of Textual Categories]. Ural University Press. (In Russian).
17. Prokhvatilova O.A. (2006). Ekstralingvisticheskie parametry i yazykovye kharakteristiki religioznogo stilya [Extralinguistic Parameters and Linguistic Characteristics of Religious Style]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie, 5, 19–26. (In Russian).
18. Ryadovykh N.A. (2020). Kategoriya khronotopa v zhanre akafista [The Category of Chronotope in the Akathist Genre]. Filologiya: nauchnye issledovaniya, 10, 54–64. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.10.34061 (In Russian).
19. Wojtak M. (1998). Proyavlenie standartizatsii v vyskazyvaniyakh religioznogo stilya (na materiale liturgicheskoi molitvy) [Manifestations of Standardization in Religious-Style Utterances: Based on Liturgical Prayer]. In Tekst: stereotip i tvorchestvo [Text: Stereotype and Creativity] (pp. 214–230). Perm State University. (In Russian).
20. Wojtak M. (1999). Stereotipizatsiya i kreativnost' v votivnoi molitve [Stereotypization and Creativity in Votive Prayer]. In Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypy and Creativity in Text] (pp. 268–280). Perm State University. (In Russian).
21. Wojtak M. (2000). Stereotipnost' i tvorchestvo v poeticheskoi molitve [Stereotypy and Creativity in Poetic Prayer]. In Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypy and Creativity in Text] (pp. 47–63). Perm State University. (In Russian).
22. Wojtak M. (2002). Individual'naya realizatsiya zhanrovogo obraztsa propovedi [Individual Realization of the Sermon Genre Model]. In Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypy and Creativity in Text] (pp. 270–285). Perm State University. (In Russian).

23. Wojtak M. (2003). Religioznyi stil' v genologicheskoi perspektive [Religious Style from a Genological Perspective]. In Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypy and Creativity in Text] (Issue 6, pp. 323–338). Perm State University. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.09.2026 г.

PRAYERS GENERATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE: LINGUISTIC AND TEXTUAL FEATURES

T.V. Itskovich

The religious functional style constitutes an open system that is continuously enriched by texts belonging to various genres, both at the core and on the periphery of the style, including sermons, prayers, akathists, announcements, and minutes. A distinct group within this system is formed by texts generated by artificial intelligence. The material of the study comprises prayer texts representing the Abrahamic religions and Buddhism generated by ChatGPT. The aim of the study was to conduct a comparative analysis of AI-generated texts and the prototext of the Lord's Prayer ("Our Father"). The categorical-textual method employed in the study, aimed at analysing the explicit manifestation of the textual categories of composition and evaluation, made it possible to draw the following conclusions. Prayer texts representing different religions — Jewish, Orthodox Christian, Catholic, Protestant, New Apostolic, Buddhist, and Muslim — generated by artificial intelligence exhibit distinctive genre-forming features. They follow a typical compositional model and are structured in accordance with the communicative intentions of petition, thanksgiving, and praise. Prayers on the same subject differ not only in their formal features — particularly in their forms of address to different sacred figures depending on the religion — but also in their content, reflecting the specific doctrines of the respective religious traditions.

Key words: Abrahamic religions, Judaism, Catholicism, Protestantism, Eastern Orthodoxy, New Apostolic teaching, Buddhism, religious functional style, genre, prayer, prototext, artificial intelligence.

Ицкович Татьяна Викторовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, Екатеринбург.
Профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации.
ORCID 0000-0002-5841-2943.
E-mail: tatiana.itckovih@urfu.ru.

Itskovich Tatiana Viktorovna.
Doctor of Philology, Professor.
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.
Professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication.
ORCID 0000-0002-5841-2943.
E-mail: tatiana.itckovih@urfu.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья
УДК 81’16
DOI: 10.5281/zenodo.23924600

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ГЕНЕРАТИВНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

© 2026 ***М.А. Васильченко***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID 0000-0002-6656-8577

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье поставлен вопрос о причине неразличимости текстов, созданных человеком и генеративных текстов. Существует несколько причин к постановке данной проблемы. Во-первых, ИИ участвует в коммуникации с человеком как самостоятельный субъект, это влечет радикальные изменения и трансформации в гуманитарной сфере, что требует глубокого теоретического осмысления. Во-вторых, генеративный текст представляет собой совершенно новый феномен, отличающийся от классического линейного текста, от медиатекста, но не поддающийся идентификации. В-третьих, невозможность отличить тексты ИИ от естественных влечет ряд психологических, этических, правовых и многих других угроз для человека. Для решения данной проблемы были использованы стилистические методы, поскольку именно стилистика исследует уникальные и общие характеристики текстов. Ответ на вопрос получен посредством рассуждения, построенного в диалектической логике. Генеративный текст, с точки зрения стилистики, представляет собой в высшей степени стандартизированный текст, лишенный уникальных черт, именно по этой причине его невозможно отличить от естественного. Выводы, полученные в данной работе, могут стать вкладов в создание обобщающей теории коммуникации человека и «машины».

***Ключевые слова*:** генеративный текст, стиль, искусственный интеллект, медиатекст, линейный текст, стилистика, коммуникация, стилистика текста.

Для цитирования: Васильченко М.А. Индивидуальное и социальное в генеративных и естественных текстах / М.А. Васильченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 52–61. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23924600.

Введение. Тексты искусственного интеллекта (или генеративные тексты) — одна из острейших проблем современной лингвистики, и в частности — стилистики. Действительно, использование ИИ для генерации текстов ставит много вопросов перед современной наукой. Во-первых, типирование генеративного текста как феномена. Н.И. Клушина в своих работах различает классический линейный текст, медиатекст (а также его подтип интернет-текст) и генеративный текст, поскольку он обладает уникальными как структурными, так и коммуникативными особенностями [13]. Как следствие, можно говорить о формировании (нео)стилистки, научного направления, способного осмыслить и анализировать феномен «технологического автора» [10]. Этой точки зрения придерживается и Бранко Тошович [18], в чьих фундаментальных работах уже заложены основы генеративной стилистики, объект исследования которой именно генеративные тексты, посредством которых осуществляется коммуникация человека и ИИ. Во-вторых, специфика коммуникации человека и ИИ. Исследователи отмечают высокую способность нейросетей к освоению мелиоративных стратегий и тактик [16], способствовать эмоциональному вовлечению читателя-человека [8]. Кроме того, ИИ вполне успешно имитирует стили авторов художественных произведений, а в имитации

функциональных стилей достигает больших высот [10, с. 11]. Это приводит к ряду этических и психологических проблем, поскольку вовлечение читателя-человека в коммуникацию с «машиной», в которой ИИ перестает восприниматься как «не-живое». В-третьих, оценка текстов ИИ с точки зрения их качества. Исследователи отмечают, что тексты ИИ могут быть фактологически неточными, содержать логические и стилистические ошибки, при большой стереотипизации текстов [9].

Это лишь небольшой круг проблем, обсуждаемых в современной научной литературе. Однако уже сегодня можно говорить о двух фактах, которые уже сложно подвергнуть сомнению. Первое: ИИ уже обрел достаточную самостоятельность для коммуникации с человеком «на равных». Нейросети уже стали субъектом коммуникации людей, в которой собеседник-человек антропоморфизирует, очеловечивает машину, упуская из виду ее алгоритмическое устройство. Известно, что нейросети становятся для пользователей и советником по разным житейским вопросам и даже способом исповедаться. Нейросеть уже не просто участвует в коммуникации, а вытесняет собеседников-людей. Второе: тексты нейросети приставляют собой феномен, и структурно, и коммуникативно отличающийся от уже исследованных и известных науке типов текста. Формирование же генеративной стилистки или (нео)стилистки и их развитие осложнено тем, что отличить генеративный текст от естественного практически невозможно. Генеративный текст, при всей его специфике, стилистически, «по виду» ничем не отличается от созданного человеком самостоятельно.

По этой причине задача настоящей статьи — ответить на вопрос: почему не представляется возможным легко отличить генеративный текст и настоящий, естественный? Ответ на этот вопрос может стать шагом к решению вопросов, обозначенных выше, поскольку даст несколько большее понимания объекта исследования генеративной стилистики — генеративного текста.

Материалы и методы. Решить вопрос, поставленный в данной работе, возможно именно стилистическими методами, поскольку именно стилистика занимается языковыми средствами и их использованием в реализации коммуникативных целей. До того, как стилистика столкнулась с проблемой автора-машины, стиль понимался как «гуманистическая структура текста» [6], как «основная онтологическая категория всей человеческой, гуманитарной жизни» [10, с. 39], а объект и предмет стилистики «включает в себя три ведущих феномена: человека говорящего, текст и стиль» [10, с. 38].

При этом у стиля (это сохраняется и в цифровую эпоху) есть своя собственная диалектика. Стиль является одновременно и отличительной особенностью, индивидуальным, и общей характеристикой, объединяющей единицы в целое. Так, рассматривая, например, текст стихотворения, мы можем судить о стиле в этом конкретном тексте, или же рассмотреть его как образец стиля поэзии автора в определенный период или на ту или иную тему, равно как можно увидеть в нем признаки литературного стиля исторического периода. Индивидуальное и общее в стиле связаны неразрывно, на наш взгляд, невозможно и ненужно аналитически «сортировать» приемы и языковые средства на авторские и общие, так как это только отдалит исследователя от целостного понимания текста. Эта тема раскрывается в работах Ст. Гайды, в которых говорится о схоластическом понимании своего, индивидуального, творческого «Я» говорящего и общим, социальном «МЫ» говорящего и адресата [5]. Продолжая мысль М.М. Бахтина, организация высказывания посредством речевого жанра и есть выражение мысли автора, средствами общими для всех участников коммуникации, потому успех в коммуникации определяется владением говорящего речевыми жанрами [2]. Если обратиться к работам А.А. Потебни, стилистика во многом занимается

моментом перехода «внутренней формы слова», «того, как видится человеку его собственная мысль» во внешнюю, речевую, воздействующую и адресную [15, с. 91].

Итак, поскольку сам по себе стиль обладает диалектикой, правильным будет продолжить линию рассуждений именно в русле диалектической логики. Таким образом, решение вопроса, поставленного в данной работе, может быть достигнуто путем диалектического противопоставления различных видов речевых высказываний на основании сосуществования в них личного, индивидуального и общего, стандартного начал. Иными словами, в данной работе предпринимается попытка кратко описать диалектику стиля, включив в это рассуждение описание генеративного текста, что и даст понимание причин его стилистической однородности с естественными текстами.

Такой метод является сугубо теоретическим, основанным на интуитивных обобщениях уже имеющегося эмпирического опыта. Проблема заключается в том, что эмпирических исследований, анализирующих тексты ИИ, становится все больше. Однако они не приближают нас к ответу на постеленный вопрос, по причине возникающего парадокса: для того, чтобы исследовать тексты ИИ исследователям приходится заново создавать при помощи той или иной нейросети, иначе они не могут быть убеждены в их исключительно машинной природе. То есть исследователь изучает в некотором смысле собственное произведение, полученное с использованием ИИ. Что в таком случае изучается: возможности ИИ или умение исследователя им пользоваться?

Между тем уже в настоящее время в российской лингвистике накоплено большое количество подобного рода исследований, которые индуктивно приближают нас пониманию искусственного интеллекта уже не как технологии, но как участнику коммуникации людей. Тем не менее даже очень большое количество эмпирически получаемых результатов вовсе недостаточно для формирования единого и обобщающего осмысления изучаемого предмета и процессов, связанных с ним. Проблема вполне тривиальна: разрозненные исследования, имеющие разные цели и научные основания, делают эту работу бессистемной. Теория, которая могла бы дать и понимание, и объяснение тех процессов, которые происходят сегодня в коммуникации человека как биологического вида, требует не аналитического, а интуитивного выведения своих основ. Такое интуитивное, свободное формирование оснований теории не равно элементарному выведению умозаключений из опыта. В этой статье будут предприняты шаги к возможному формированию такой теории.

Следует отдельно ответить на вопрос о том, почему именно интуитивное формирование основания теорий не только возможно, но и необходимо. В работах Н.О. Лосского интуитивизм рассматривается как способ «выйти из границ своей индивидуальности» [14, с. 17] и приблизиться к пониманию самих вещей, а не анализу того, как эти вещи воспринимаются самим же исследователем. Интуитивизм, который автор обозначает как «универсалистический эмпиризм» противопоставлен «индивидуалистическому эмпиризму», т. е. «*конструированию* простых данных из опыта», в котором «отношения уже даны в самом познающем субъекте», а потому «не имеют объективной познавательной ценности» [14, с. 130]. Интуитивизм, же «освобождается от необходимости конструировать весь неисчерпаемо богатый мир из немногочисленных, бедных по содержанию элементов чувственного опыта» [14, с. 130]. Это отнюдь не означает, что эмпирический опыт и многократные наблюдения становятся не нужны, интуитивизм как философское направление всего лишь переосмысливает их роль: они не обладают творческой силой, которой обладает познающий субъект [14, с. 130].

Обоснование интуитивизма можно найти в работах А. Эйнштейна, доказывающего, что в теоретической физике аксиологические основания теории

выводятся «свободно» и не поддаются «рациональной трактовке» [19]. Это отнюдь не значит, что мы освобождаемся от опыта: по Эйнштейну, опыт — это то, к чему должна вернуться любая теория, будучи окончательно сформулированной, опыт «подсказывает» пути к началу теории, опытом все и заканчивается [19, с. 183].

Подобную точку зрения об интуитивизме разделяет и нейробиолог К.В. Анохин: «Фундаментальные теории не возникают путем накопления новых фактов. Ее создание требует перехода на иной модус работы — формулировки небольшого числа основополагающих принципов и выведения из них следствий, проверяемых в экспериментах» [1, с. 430].

Таким образом, в настоящей работе средами диалектической логики, то есть методами построения антиномий, будут сопоставлены различные типы речевых высказываний. Предметом этого сопоставления станет стиль, понимаемый как сосуществование творческого «Я» и социального «МЫ». В дальнейшем, полученные нами выводы могут быть проверены эмпирически.

Все это может стать уточнением и дополнением оснований теории коммуникации людей и ИИ. Отметим, что фундаментальные работы, в которых заложено основание такой теории уже есть: это монографии Б. Тошовича [18] и Н.И. Клушиной [10]. Теория эта формируется почти «стихийно», поскольку никто из исследователей не ставит такой масштабной цели, но, тем не менее, потребность в такой теории уже вполне назрела. Примечательно, что обе работы стилистические. Это не удивительно, поскольку наряду с аналитическими, т.е. практическими, методами, стилистика располагает и схоластическими путями осмысления речи, на что указывает в своих работах Станислав Гайда, говоря о методах в стилистике [5]. Это говорит о том, что стилистика уже располагает методами, необходимыми для ответа на современные вызовы ИИ, но их еще нужно применить.

Основная часть. Для начала рассуждений о каком-либо феномене, необходимо составить понимание о нем, в нашем случае — это генеративный текст. Принципы генерации текстов нейросетями понятны и описаны в научной литературе, поэтому мы можем анализировать его как структуру. Любая нейросеть требует большого массива текстов, выполняющих роль образцов. Таких текстовых примеров могут быть миллиарды. Далее программа анализирует смысл и последовательность слов. Однако не стоит думать, что при этом она извлекает понятие из текста или строит некое суждение. Под анализом в данном случае понимается то же выявление наиболее частотных словосочетаний. Прогрессом современных нейронных сетей является то, что производимые ими тексты варьируются в зависимости от контекста, тональности (негативной или позитивной), функционального стиля. До 2017 года нейросети обрабатывали каждое слово в тексте по очереди, поэтому был предложен подход «архитектуры трансформеров», в рамках которого большие языковые модели дробят текст на элементы — «токены», представляющие собой слова, части слов или отдельные символы, а затем анализирует связи между ними. Иными словами, нейросети имитирует понимание человеком синтагмы, благодаря чему тексты стали более разнообразными и связными. Тем не менее базовый принцип работы остается прежним — модель подбирает последующее слово, основываясь на исходных текстах. Сказать точнее, библиотека текстов современных нейросетей стала более дифференцированной. Путь развития языковых моделей разработчикам видится в формировании качественной библиотеки примеров, ее дифференциации и научение модели компиляции примеров, наиболее советующих различным задачам. Тем не менее, сохраняется проблема коллапса модели. Это дегенеративный процесс, при котором генерируемые данные загрязняют набор образцов для следующего поколения модели. Иными словами, модель обучается

на тех образцах, которые сама же произвела, или образцах просто неудачных. Это приводит к тому, что производимые нейросетью тексты не улучшаются, а ухудшаются в качестве, если понимать качество «по-редакторски», т.е. как стилистическую выверенность, логическую связность, содержательность и т.п.

Итак, *генерированный текст представляет собой алгоритмическую компиляцию текстов, входящих в библиотеку примеров той или иной языковой модели*. В основе такого алгоритма всегда лежит частотность, поэтому тексты ИИ всегда стремятся к типизации и стандартизации. Следует назвать это их основной стилистической особенностью.

Рассуждая о частном — то есть генерированном тексте, следует говорить и об общем — о тексте вообще. Однако большая проблема современной лингвистики заключается в том, что с генерированным текстом мы столкнулись тогда, когда еще далеко не все проблемы, касающиеся текста естественного, решены. В частности, нет окончательного определения самому понятию «текст». Это, как следствие, существенно осложняет исследования искусственного текста, поскольку для решения вопроса о различии естественного и генерированного текста, необходимо понять, что текстом назвать нельзя. Если пользоваться терминологией М.М. Бахтина, нужно отделить текст от прочих речевых высказываний. Этот шаг необходим, иначе рассуждения о различии и сходстве естественного текста и генерированного будут ограничены. По этой причине еще до начала логичных рассуждений, нужно иметь рабочее определение самого понятия «текст».

Широко известно определение текста И.Р. Гальперина, приписывающее тексту, как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [7, с.17]. Ясно, что текст в данной перспективе — это текст обработанный. Такое определение «отсекает» такие письменные произведения, которые возникают спонтанно (заметки, конспекты и подобное). На такую же цельность и завершенность указывает Н.С. Валгина, в работах которой текст интерпретируется как «коммуникативная единица высшего уровня», целое, несводимое к сумме своих частей, означающая остановку в коммуникации, поскольку мысль автора в тексте завершена» [4, с. 11]. Опять же это определение отсекает много произведений, которые мы интуитивно относим к текстам. Нужно сказать, что оба этих определения описывают тексты хорошо подготовленные, для создания которых автор приложил хотя бы немного усилий. М.М. Бахтин давал очень широкое определение: «Текст — любой связный знаковый комплекс» [3, с. 297]. Более широкое определение позволяет рассматривать как единицы и картины, и музыкальные тексты, иными словами, произведения. Однако мы должны ограничиться только вербальными комплексами, которыми занимается лингвистика. Это опять же позволит нам анализировать как креолизованные тексты, так и новейший тип — мультимедийные и мультимодальные поликодовые тексты, появившийся в интернет-коммуникации. В связи с этим за рабочее определение мы примем дефиницию, предложенную Н.И.Клушиной: «Текст (от лат. textus — сплетение) — речевое произведение, в котором содержание (заложенный автором смысл) имеет грамматическую оформленность Размер текста при этом не имеет значения (от одного слова)» [13].

Теперь мы можем определить различие между текстом и не-текстом. К последнему должны относиться высказывания, в которых авторский замысел не имеет оформленности, не выражен до конца, не самостоятелен как единица. Такие высказывания должны быть представлены в речи непременно, иначе текст как явление сравняется с границами речи и

самого языка. Что это могут быть за высказывания? Очевидно, это неподготовленная речь, с которой мы начнем линию логических рассуждений.

Неподготовленная устная и письменная речь — отправная точка наших рассуждений и творческом «Я» и «социальном МЫ» в естественном и генерированном тексте. Устная спонтанная речь (по большей части диалогичная) определенно не является текстом. В ней взаимодействие индивидуального и социального происходит максимально быстро. В такой речи интенция выражена зачастую не до конца, нет четкой отграниченности высказывания, тем более обработанности. Интенции высказывания появляются спонтанно, по мере развития диалога. Беседа может быть внезапно прервана, авторский замысел зачастую остается не до конца выраженным. Существует также и спонтанная письменная речь. До появления интернета к ней можно было отнести только те случайные заметки и записки, которые делаются в блокнотах и на салфетках, дневниковые записи, конспекты и прочие случаи, когда некто пытается уловить ускользающие мысли и идеи, запечатлеть то, что в психологии называют потоком сознания. Текстом это можно было бы назвать только в связи с письменной формой таких высказываний, однако они лишены той связности и завершенности, которая требуется от текста.

В настоящее время границы спонтанной письменной речи существенно расширились: это чаты, комментарии и прочие интернет-жанры. Это заставило по-новому взглянуть на систему функциональных стилей, поскольку разговорный стиль, перестал быть сугубо «разговорным», обретя бесконечное множество письменных образцов. В свою очередь, распространение письменной фиксации спонтанной речи заставляет многих исследователей опасаться негативных изменений норм современного русского языка, поскольку носители все менее чувствительны к их нарушениям.

Спонтанная неподготовленная речь пример наиболее быстрого и естественного взаимодействия творческого «Я» говорящего и социального «МЫ» слушающих. Речевые навыки говорящего здесь проявляются явно. Это можно сопоставить с изобразительным искусством: известно, что истинное мастерство художника наиболее видно именно в быстрых набросках, зарисовках и этюдах, когда нет времени на пробы и «переделки». По Бахтину, успех в коммуникации зависит от владения говорящим речевыми жанрами [2, с. 271], это владение, как представляется, и следует считать мастерством говорящего. Дополним, что именно спонтанная речь явно воплощает типы речевой культуры, описанные в работах О.Б. Сиротининой [17]. Как известно, можно сымитировать все что угодно — и эрудированность, и общительность, даже вежливость, но только не грамотность, без которой высокие типы речевой культуры не достижимы. Итак, образно говоря, спонтанная речь — это наиболее живой портрет говорящего, проверка его владения речевыми жанрами без образцов и подсказок, актуальный срез речевых навыков.

Далее, руководствуясь диалектической логикой, следует заключить, что для того, чтобы неподготовленная речь могла существовать, необходимо существование **подготовленной устной и письменной речи**. Подготовленное устное выступление требует, как минимум, обдумывания, при этом как правило автор имеет хотя бы небольшой письменный план своего выступления. Говорящий может обойтись и без него, однако важно иное — задача подготовки заключается в том, чтобы выразить некую мысль, а точнее — интенцию, максимально полно. Слушающие должны воспринять логику развития мысли и ее завершение. Такое высказывание уже отграничено (хотя бы немного) от иных высказываний, оно выделено своим началом и окончанием самим говорящим. Если таковое высказывание записано (возможны любые формы записи, в том числе аудио и видео), то это вполне можно назвать текстом. Подготовленная письменная речь имеет множество форм, первая из которых — классический линейный текст. В подготовленной

речи, своего рода «давление» социального «МЫ» над творческим «Я» уже более заметно. По Бахтину, стиль — «отбор средств языка» [2, с. 294] — всегда присутствует в речи, авторский стиль всегда обнаруживается в высказывании, разница заключается в степени его проявленности [2, с. 271]. Продолжая эту мысль, в неподготовленной речи стиль появляется стихийно, а в подготовленной — он более заметен, более выкристаллизован, поскольку говорящий (или пишущий) отбор осуществляет более тщательно. На этот отбор будет влиять многое: и способности автора, и наличие текстовых образцов, и закономерности функционального стиля, не говоря уже о тонкостях авторской интенции. Для ответа на главный вопрос настоящей статьи важно следующее: творческое «Я» автора в таком тексте ограничено авторской же интенцией. Это автор ставит задачу проявить свою индивидуальность (по В.П. Григорьеву, идиостиль) в наибольшей степени или, напротив, соответствовать некоему образцу насколько возможно точно (это свойственно жанрам официально-делового стиля, учебным жанрам — сочинение, курсовая работа и пр.). В отграниченном текстовом пространстве, закрепленном за автором, творческое «Я» поддается социальному «МЫ» в той степени, которую определяет сам говорящий. Именно в тексте описанный в работах Потебни переход от внутренней формы слова к внешней проявлен наиболее явно и полно. Говорящий выражает собственные интенции будучи ограничен только самим собой и своими навыками владения речевыми жанрами. Если спонтанная речь — это актуальный срез, случайная проба, зависящая от случая, то (подготовленный) текст — это «эссенция» авторского стиля, который соотносится с личностью автора как часть и целое. Именно об этом, как представляется, пишет С. Гайда, называя стиль гуманистической структурой текста.

Однако такая свобода выражения авторской интенции возможна в тех случаях, когда автор создает его самостоятельно. Назовем это **индивидуальным авторским текстом**. Для того, чтобы такой текст мог существовать, необходимо существование и такого текста, в котором интенция ограничена чем-то еще, кроме лингвистических факторов. Это **коллективный текст,** то есть текст, создаваемый в соавторстве. В таком случае наблюдается согласованное и организованное выражение одной или нескольких интенций соавторами. Выбор интенции уже ограничен для каждого из соавторов, поскольку цель и задачи текста приходится с кем-то обсуждать, равно как и решение этих задач. Тем не менее, для коллектива авторов выбор темы, интенции неограничен настолько же, насколько не ограничен для одного говорящего.

Однако для того, чтобы мог существовать текст, в котором творческие «Я» соавторов согласованы, а выбор интенции открыт и насчитывает бесконечное число вариантов, должен быть и такой, в котором действуют и иные законы. Это **интернет-текст**, подвид медиатекста, в котором наиболее полно проявлены все качества текстов медиакоммуникациит [13]. Отличий интернет-текста от классического линейного много, они относятся и к его структурным качествам, и коммуникативным. Перечисление и анализ их всех уже выполнен в работах Н.И. Клушиной, Б. Тошовича, потому в данной работе мы выделим лишь несколько тех, которые представляются критически важными для решения нашей основной задачи.

Итак, интернет-текст, как структура не отграничен от других текстов, поскольку соединен с ними посредством гиперссылок [13]. Как следствие, интернет-текст не линеен, поскольку последовательность частей и порядок чтения заданы уже не автором, а случаем и удобством читающего (читающий переключается от текста к тексту по гиперссылкам). Таким образом, в интернет-коммуникации вектор чтения, границы текста определяет не автор, а читатель. Автор же лишается своего рода «прав» на текст, т.к. все, что публикуется в интернете, становится его частью. Это приводит к тому, что тексты интернет-коммуникации становятся стилистически однородными, этому вопросу посвящены

работы Б. Тошовича. Интернет-текст, по сути, единое «лоскутное одеяло» из множества текстов, каждый автор — это уже не пишущая личность, а голос в толпе. Не удивительно, что интернет-коммуникация, как и вся медиакоммуникация, сводится к трем основным интенциям, описанным Н.И. Клушиной: информирование, развлечение, убеждение [12].

Наконец, мы подходим к предмету данной работы — генеративному тексту. Генеративный текст — противопоставлен интернет-тексту, так как в нем социальное «МЫ» проявлено уже не стихийно, а организовано алгоритмом. Если интернет-коммуникация — это хаос, голос толпы, то генеративная коммуникация — высшая степень упорядочивания. В толпе личность, каждый отдельный голос без труда не расслышать, но все же для авторского «Я» осталось самая малая возможность себя проявить. В конце концов успешные блогеры популярны в том числе благодаря собственному стилю. Генеративный же текст — это текст без цели, без интенции, без «Я» автора, это самое среднее социальное «МЫ».

Ответим на вопрос, поставленный во введении: генеративный текст так плохо отличим от естественного, поскольку абсолютно очищен от каких-либо личных, специфических, уникальных черт. С точки зрения стилистики — генеративный текст воплощает коллективный стиль авторов всех текстов, включенных в библиотеку той или иной нейросети. По этой причине генеративный текст — это текс любого пишущего автора, но ничей, в частности. Он антиличностен, анти-индивидуален.

Заключение. Итак, пользуясь диалектической логикой, нам удалось выстроить виды речевых высказываний от устной спонтанной речи до генеративного текста на основании соотношения в них личного и общего. Данные рассуждения явно свидетельствуют, что развитие технологий, которое видится как расширение творческих возможностей авторов, на деле исключает авторство как таковое. Личное, уникальное, подчас противоречащее нормам, не подчиняется алгоритму, что вынуждает пользователей создавать тот контент, который пользуется спросом, пользуясь не собственными, а алгоритмизированными средствами. Генеративный текст — высшая точка развития этой динамики, потому что технология перестает быть абстракцией, а превращается в субъект, диалектически противоположный человеку как личности.

Каковы дальнейшие перспективы такого положения вещей? Логичным кажется ожидать обретения ИИ еще большей самостоятельности. Уже сегодня можно говорить о стиле общения той или иной нейросети с пользователем. Весьма возможно, что ИИ сможет генерировать тексты автономно. Если ИИ будет способен к речевой деятельности (термин А.А. Леонтьева), то он может приобрети способность и к иным видам деятельности. Создание и тестирование антропоморфных роботов, международные чемпионаты по робототехнике говорят в пользу верности данной гипотезы. Место человека в этом взаимодействии в большой степени будет определено ответом на следующий вопрос: является ли ИИ исключительно экономической или гуманитарной необходимостью. Экономические выгоды от использования ИИ очевидны. Как отмечает Н.И. Клушина, появление ИИ — это технологическая революция, сравнимая появлением письменности или книгопечатания. Однако ИИ — это лишь следствие движения человечества в определенном векторе развития, в котором положение человека в обществе определяется его доступом к технологиям и навыками ее использования. В таком мире ИИ — диалектически необходимое условие существования человека как мыслящей и творческой личности. ИИ становится одним из инструментов социальной дифференциации, в которой люди, способные к творческой и научной мысли востребованы, т.к. «питают» ИИ новыми идеями, неспособные к интеллектуальной работе остаются на периферии. Иными словами, «соревнование» идет не между группами людей, а между человеком и машиной. Это открывает много

вопросов для науки: прежде всего для философии, но также для биологии, психологии, лингвистики, то есть для тех дисциплин, которые должны определить, что есть разум и личность, свободная воля и каково критическое значение языка и речи для человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин К. В. Когнитивные вычисления на основе нейронных гиперсетей / К.В. Анохин, Т.В. Черниговская // Мозг и его «Я». Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? — М.: АСТ, 2026. — 423–442.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М: Искусство, 1986. — С. 250–296.
3. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — С. 297–325.
4. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина — М: Логос, 2003. — 173 с.
5. Гайда С. Стиль — медиа — современное преображение мира / Станислав Гайда // Актуальные проблемы стилистики. — 2018. — №4. — С. 13–27.
6. Гайда С. Что такое стиль? / Станислав Гайда // Медиалингвистика. — 2013. — №1. — С. 33–45.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 130 с.
8. Ерещенко М.В., Богуславская В.В. Внутри гиперинтеллекта: коммуникативные системы и непрямое воздействие / М.В. Ерещенко, В.В. Богуславская // Коммуникативные исследования. — 2025. — Т. 12. — № 4. — С. 741–757.
9. Жукова А.Г. От дисплейных текстов до текстовых ИИ-генераций / А.Г. Жукова, О.И. Северская // Коммуникативные исследования. — 2025. — Т. 12. — № 4. — С. 727–738.
10. Клушина Н.И. (Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта: монография / Н.И. Клушина. — М.: Флинта, 2026. — 148 с.
11. Клушина Н.И. Идиостиль в генеративном тексте / Н.И. Клушина // Коммуникативные исследования. — 2025. — Т. 12. — № 4. — С. 774–788.
12. Клушина Н.И. Медиастилистика / Н.И. Клушина — М.: Флинта, 2014. — 184 с.
13. Клушина Н. И. Интернет-текст в современной медиастилистике / Н.И. Клушина // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Журналистика. — 2020. — № 13 (132). — С. 25–31.
14. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма / Н.О. Лосский // Избранное. — М.: Правда, 1991. — С. 17–334.
15. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Полное собрание трудов: Мысль и язык. — М.: Лабиринт, 1999. — С. 5–199.
16. Саакян Л.Н. ИИ как гуманизированный субъект: митигативные стратегии искусственного интеллекта / Л. Н. Саакян // Коммуникативные исследования. — 2025. — Т. 12. — № 4. — С. 789–804.
17. Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур / О.Б. Сиротинина // Русистика сегодня. — 1995. — № 4. — С.17–27.
18. Тошович Б. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности: монография / Б. Тошович. — М.: Флинта, 2024. — 520 с.
19. Эйнштейн А. О методе теоретической физики / Эйнштейн Альберт // Собрание научных трудов в четырех томах. — М.: Наука, 1967. — Том IV. — С. 181–186.

REFERENCES

1. Anokhin K.V. & Chernigovskaya T. V. (2026). Kognitivnyye vychisleniya na osnove neyronnykh gipersetey [Cognitive computations based on neural hypernetworks]. In K. V. Anokhin & T. V. Chernigovskaya, Mozg i yego «YA». Kto my? Otkuda my? Kuda my idem? [Brain and its "Self". Who are we? Where do we come from? Where are we going?] (pp. 423–442). Moscow: AST. (In Russian)
2. Bakhtin M.M. (1986). Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In M. M. Bakhtin, Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] (pp. 250–296). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
3. Bakhtin M.M. (1986). Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh [The problem of text in linguistics, philology, and other humanities]. In M. M. Bakhtin, Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] (pp. 297–325). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
4. Valgina N.S. (2003). Teoriya teksta [Text theory]. Moscow: Logos. (In Russian)
5. Gaida S. (2018). Stil' — media — sovremennoye preobrazheniye mira [Style — media — modern transformation of the world]. Current Problems of Stylistics, (4), 13–27. (In Russian)
6. Gaida S. (2013). Chto takoye stil'? [What is style?] Media Linguistics, (1), 33–45. (In Russian)
7. Galperin I. R. (1981). Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Nauka (In Russian)

8. Erishchenko M.V. & Boguslavskaya V.V. (2025). Vnutri giperintellekta: kommunikativnyye sistemy i nepryamoye vozdeystviye [Inside hyperintelligence: Communication systems and indirect influence]. Communication Studies, 12(4), 741–757. (In Russian)
9. Zhukova A.G. & Severskaya O.I. (2025). Ot displeynykh tekstov do tekstovykh II-generatsiy [From display texts to textual AI generations]. Communication Studies, 12(4), 727–738. (In Russian)
10. Klushina N.I. (2026). (Neo)stilistika v epokhu iskusstvennogo intellekta: monografiya [(Neo)stylistics in the age of artificial intelligence]. Moscow: Flinta. (In Russian)
11. Klushina N.I. (2025). Idiostil' v generativnom tekste [Individual style in generative text]. Communication Studies, 12(4), 774–788. (In Russian)
12. Klushina N.I. (2014). Mediastilistika [Mediastylistics]. Flinta. (In Russian)
13. Klushina N.I. (2020). Internet-tekst v sovremennoy mediastilistike [Internet text in contemporary mediastylistics]. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Journalism, (13), 25–31. (In Russian)
14. Lossky N.O. (1991). Obosnovaniye intuitivizma [The foundation of intuitivism]. In Selected works (pp. 17–334). Moscow: Pravda. (In Russian)
15. Potebnya A.A. (1999). Mysl' i yazyk [Thought and language]. In Complete works: Thought and language (pp. 5–199). Labirint. (In Russian)
16. Saakyan L.N. (2025). II kak gumanizirovannyy sub"yekt: mitigativnyye strategii iskusstvennogo intellekta [AI as a humanized subject: Mitigation strategies of artificial intelligence]. Communication Studies, 12(4), 789–804. (In Russian)
17. Sirotinina O.B. (1995). Ustnaya rech' i tipy rechevykh kul'tur [Oral speech and types of speech cultures]. Rusistika segodnya, (4), 17–27. (In Russian)
18. Toshovich B. (2024). Lingvistika, stilistika i poetika virtual'nosti [Linguistics, stylistics, and poetics of virtuality]. Moscow: Flinta. (In Russian)
19. Einstein A. (1967). O metode teoreticheskoy fiziki [On the method of theoretical physics]. In Collected scientific papers in four volumes: Vol. 4 (pp. 181–186). Moscow: Nauka. (In Russian)

Поступила в редакцию 10.09.2026 г.

INDIVIDUAL AND SOCIAL IN GENERATIVE AND NATURAL TEXTS

M.A. Vasilchenko

The article raises the question of the reasons for the indistinguishability between texts created by humans and generative texts. There are several grounds for addressing this problem. Firstly, AI participates in communication with humans as an independent subject, which entails radical changes and transformations in the humanities sphere, requiring profound theoretical conceptualization. Secondly, a generative text represents an entirely new phenomenon that differs from both classical linear text and media text, yet remains unidentifiable. Thirdly, the inability to distinguish AI-generated texts from natural ones poses a number of psychological, ethical, legal, and other threats to humanity. To solve this problem, stylistic methods were employed, since it is stylistics that examines the unique and general characteristics of texts. The answer to the question was obtained through reasoning constructed within dialectical logic. It is concluded that, from a stylistic perspective, a generative text is a highly standardized text devoid of unique features; it is precisely for this reason that it cannot be distinguished from a natural one. The conclusions drawn in this work may contribute to the creation of a generalized theory of communication between humans and the "machine."

***Key words*:** generative text, style, artificial intelligence, media text, linear text, stylistics, communication, text stylistics

Васильченко Мария Александровна.
Кандидат филологических наук.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, Москва.
Преподаватель кафедры стилистики русского языка факультета журналистики.
ORCID 0000-0002-6656-8577.
E-mail: maria.a.vasilchenko@gmail.com.

Vasilchenko Maria Aleksandrovna.
Candidate of Philology
Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, Moscow.
Lecturer, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism.
ORCID 0000-0002-6656-8577.
E-mail: maria.a.vasilchenko@gmail.com.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья
УДК: 81'38:81'42
DOI: 10.5281/zenodo.23924682.

ФОРМИРОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ЯЗЫКА МЕДИА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2026 *В.В. Волкова*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"».
ORCID 0009-0000-3145-4388

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Визуализация медиа стала одним из определяющих факторов их развития в XXI веке, являясь естественным следствием визуального поворота в коммуникации, ее глобализации и цифровизации. Этот процесс рассматривался в контексте различных направлений: в лингвистике, семиотике, медиалогии, в теории дизайна и журналистики, что говорит о междисциплинароном характере данной темы. Обзор научной литературы показывает, что визуальные компоненты медиатекста прошли путь от второстепенного элемента, дополняющего вербальный ряд, до полноправного объекта исследования с собственным методологическим аппаратом. Настоящим исследованием мы продолжаем изучение визуальных компонентов и формулируем понятие «визуального языка медиа» на стыке медиалингвистики и медиадизайна. Особое внимание уделено актуальным практикам генерации и редактирования визуальных компонентов с помощью искусственного интеллекта.

Ключевые слова: визуальный язык медиа, графическая иллюстрация, промпт, визуальный референс, искусственный интеллект, нейросеть.

Для цитирования: Волкова В.В. Формирование визуального языка медиа с использованием искусственного интеллекта / В.В. Волкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 62–72. — https://doi.org/ 10.5281/zenodo.23924682.

Введение. Изучение визуальных компонентов медиатекста находится на стыке медиалингвистики, семиотики, психолингвистики и теории коммуникации. Основу современной теории визуальных компонентов медиатекста в отечественной лингвистике заложили Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов, которые в 1990 году ввели термин «креолизованный текст», дав таким образом обоснование методики для целого направления исследований медиатекста. В зарубежной традиции ключевой вклад в изучение визуальных компонентов внесли Г. Кресс и Т. ван Левен: в 1996 году в монографии «Reading Images: The Grammar of Visual Design», где дали систематизированное описание визуальной грамматики, а в следующих работах (см., напр., Kress, G., Leeuwen, T. van. (2001). Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication. London: Arnold.) обосновали понятия мультимодального дискурса.

И если на первом этапе активация функций невербальных, в первую очередь — визуальных компонентов лишь признавалась исследователями, то в 2020-е годы они устойчиво вошли в проблематику медиалингвистики как равноправные и зачастую доминирующие смыслопорождающие компоненты медиатекста. Т.Г. Добросклонская в монографии «Медиалингвистика: теория, методы, направления» (2020), определяет медиатекст как «актуализированное в определенном медиаформате и объединенное

общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [7]. Во многих работах используется лингвомедийный анализ, учитывающий как вербальные, так и визуальные или аудиальные компоненты медиатекста в динамике их взаимовлияния. Можно отметить сближение российской школы креолизованных/поликодовых текстов с зарубежной мультимодальной традицией. В научный обиход вслед за креолизованным текстом вошли и другие термины, обозначающие близкие явления: иконотекст, поликодовый, мультимодальный, видеовербальный, семиотически осложненный текст. Однако в рамках настоящего исследования использован термин «креолизованный текст», поскольку эмпирическим материалом послужили иллюстрированные печатные издания, на примере которых рассмотрены возможности искусственного интеллекта как инструмента генерации и редактирования визуальных компонентов медиатекста, влияние нейросетей на его особенности.

Развитие медиалингвистики в контексте других гуманитарных дисциплин рассмотрены в коллективной монографии «Медиалингвистика в современной научной парадигме» (2024) [2]. Раздел Е.Г. Широковой «Семиотические системы и подсистемы в медиапространстве» посвящен взаимодействию естественного языка, ритуалов и артефактов искусства в едином поле медиакоммуникации. Автор рассматривает семиотику как универсальный метаязык, а медиадискурс — как пространство, где одновременно действуют три типа знаковых систем — вербальные, визуальные и акустические, которые усиливают и дополняют друг друга, создавая смысл, недоступный ни одному из них по отдельности. Исследователь Б. Тошович (раздел «Генераторская журналистика») строит теоретическую модель для описания журналистики эпохи искусственного интеллекта — журналитики виртуальности — от производства текста до его восприятия человеком и машиной. Публицистический стиль выступает рабочим материалом, а генераторская / виртуальная / паравиртуальная триада позволяет разнести уровни взаимодействия человека и ИИ по отдельным предметным областям. Таким образом происходит системная реконструкция всего цикла: порождение → восприятие → интерпретация, где на каждом этапе действуют разные субъекты — человек и / или искусственный интеллект.

Вопросы опосредованной медийными технологиями коммуникации, цифровой идентичности и формирования новых дискурсивных практик, в которых визуальный компонент играет все более значимую роль, **рассмотрены в монографии «Медиалингвистика цифровой эпохи» (2026)** [5].

Исследователи невербальных компонентов медиатекста обращаются, как правило, к изучению визуальных компонентов одного вида, предлагают оригинальные методики исследования, вводят новые понятия, отвечающие современному этапу развития медиатекста.

В первую очередь интерес вызывают фотографии и видео, мультимодальные возможностям цифровых форматов. Так А.В. Белоедова, Е.А. Кожемякин и Я.И. Тяжлов, соглашаясь с отсутствием у фотографии собственного уникального языка, рассматривают фотографию с вербальным комментарием как «феномен, в котором прослеживаются парциальные роли вербального и визуального регистров/модусов» [3, с. 446]. Сопоставление результатов эксперимента (опроса двух групп участников, одной из которых для изучения была представлена только фотография, а другой — фотография с вербальным комментарием), позволяют сделать вывод о том, что «интерпретация визуальных объектов мотивирована вербальным комментарием: он тематизирует и контекстуализирует визуальную интерпретацию исходного сообщения.» [3, с. 458].

Таким образом авторы статьи разработали оригинальную методику мультимодального подхода к анализу медиасообщений.

Б.Е. Ломакин исследует визуальный компонент медиаобраза события на основании включенных в медиатексты фото- и видеоматериалов «с точки зрения их участия в процессе лингвомедийного конструирования события» [13, с. 612].

В последнее время исследователи обращают внимание на факторы воздействия медиатекста на аудиторию, отмечают их усиление при использовании различных кодов и форматов. Инструменты воздействия медиатекста на реципиента рассмотрены и в статье «Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия» (2023) [1]. Авторы приходят к выводу о том, что «соединение языковых и неязыковых (медийных) компонентов внутри поликодового мультимодального текста многократно усиливает когнитивную деятельность реципиента, конструирует более сложные концептуальные смыслы и позволяет влиять на его интенциональные и идеологические установки» [1, с. 431–432].

В.А. Сербин (2026) предлагает комплексную модель анализа медиатекста трансмедийного нарратива, которая включает контекстуальный, дискурсивный, семиотический, жанрово-стилистический, прагматический, социокультурный и динамический (трансмедийный) уровни [14].

Мемы, эмодзи, стикеры, фотографии, карточки, QR-коды, видео и изображения, сгенерированные нейросетями, образуют визуально насыщенный контент мобильных устройств, анализ которого проведен в статье «Визуальные компоненты мобильной медиакоммуникации» [16].

Динамические форматы медиатекста исследуют А.Г. Кириллов и А.А. Краев (2022) в статье «Видеоблог как визуальный медиатекст» [11]. Они вводят понятие «визуальный медиатекст», где в качестве визуальной части выступает видеоряд, а в качестве вербальной — аудиозапись или субтитры.

В работе «AI-Generated Images in Digital Media: A Comparative Analysis of News and Technology Websites» (2025) рассмотрены этические, профессиональные и эстетические аспекты внедрения изображений, созданных искусственным интеллектом, в цифровую журналистику, оценено их влияние на медиатекст, его восприятие аудиторией и общую репрезентацию тем, связанных с искусственным интеллектом [21].

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет статья Е.А. Уваровой «Иконический компонент поликодового медиатекста и его стилистический потенциал» (2020) [15]. Автор исследует такие приемы, как метафора, градация, олицетворение, контраст в структуре самого иконического компонента и в результате обосновывает перспективы развития визуальной стилистики как научного направления.

Генерация изображений является одной из актуальных тем исследований в области искусственного интеллекта. В последние годы быстрое развитие технологий глубокого обучения привело к появлению эффективных диффузионных моделей генерации медиатекста — его вербальных и визуальных компонентов. В отличие от традиционных генеративные модели нового типа улавливают сложные зависимости данных посредством процесса диффузии [19]. Эти технологии позволяют добиваться фотореалистического и высокохудожественного результата в рекламе, медиа разного типа, игровой индустрии, анимации, кино. Качество генерируемых изображений значительно возросло, а генерация изображений по тексту стала одним из наиболее перспективных и привлекательных направлений.

Настоящее исследование рассматривает влияние доступных массовому пользователю нейросетевых технологий в первую очередь на визуальные компоненты — графические иллюстрации.

Материалы и методы исследования. Основным материалом послужили тексты двух рабочих тетрадей по русскому языку [22, 23]. Большинство иллюстраций были обработаны и сгенерерованы с использованием искусственного интеллекта. Таким образом основным методом исследования стал метод прямого эксперимента. Временные рамки исследования — январь – февраль 2026 года. В процессе сбора материала мы обращались к различным диффузным моделям генерации изображений, версии которых постоянно дорабатываются и обновляются, разрастаются до экосистем. Появляются новые модели. Необходимо отметить, что были использованы различные вербальные промпты с общей системой детализации, а также авторские визуальные референсы — скетчи, графические иллюстрации и фотографии, что позволило существенно конкретизировать запросы и сократить время на генерацию искомых изображений.

Результаты исследования. *Визуальный язык медиа* — это система элементов, стилистических средств и технологических приемов, которая не только делает содержание доступным для визуального восприятия, но и позволяет адресно обратиться к целевой аудитории, передать смысл, определить эмотивность и организовать процесс восприятия в целом. Под элементами мы понимаем инструменты визуализации: шрифты, пробелы различного типа, графические иллюстрации, разнообразные линии, графические формы, пиктограммы, фон, раппорты, цветовую палитру, световое решение, ракурс, фотографии и видео. Под стилистическими средствами — комплекс характеристик элементов, позволяющих отнести данный медиатекст к определенной эпохе, художественному направлению, субъекту, явлению или предмету. Под технологическими приемами — композиционные средства, которые соединяют элементы в медиатекст различного уровня сложности, во многом определяемые спецификой конкретного медиа. К функциям визуального языка медиа мы относим не только традиционные коммуникационную, аттрактивную, организационную (структурирующую), рекреационную, но и смыслообразующую функцию [6, 7]. Развитие визуального языка определяется тремя основными факторами: информационными запросами общества, технологиями создания и воспроизведения медиа и актуальными художественными практиками [10]. В разные эпохи какой-либо из этих факторов становится доминирующим. В XXI веке технологии во многом определяют информационные запросы и художественные направления.

Диффузные модели дают возможность создавать, редактировать и дорисовывать исходные изображения, копировать стиль выбранного художника, кинорежиссера или направления в целом, анимировать статичные изображения, увеличивать разрешение и размер иллюстраций, что расширяет сферу использования сгенерированных изображений до их полиграфического воспроизведения в высоком качестве.

По данным британского журнала SQ magazine общий объем генерации изображений с помощью искусственного интеллекта, учитывая все платформы, достигает почти 80 миллионов в день [19]. По выбору (доле предпочтений) пользователей на август 2026 года лидирует Midjourney (26,8%), за ней следуют DALL-E (24,4%), NightCafe (23,2%) и Stable Diffusion (15,1%). Если же оценивать общий объем создаваемого контента, то на долю Stable Diffusion (проект с отрытом кодом) приходится около 80% всех изображений, генерируемых искусственным интеллектом во всем мире.

Производители профессионального программного обеспечения в сфере дизайна признали использование генеративных моделей для создания изображений основным

направлением развития и включили в свои пакеты нейросети. Так, Adobe Firefly преодолел отметку в 1 миллиард созданных изображений всего за три месяца после запуска в марте 2023 года [19]. Нейросетевые инструменты включены во флагманские продукты компании.

С одной стороны, новые инструменты генерации медиатекста приводят к тиражированию однотипных изображений, поскольку модели обучались на одном и том же материале (так новогодние символы в различных медиа у разнообразных компаний получаются «на одно лицо»), в интернете чаще всего встречают идентичных по стилю персонажей (например, вытянутых по вертикали с одинаковыми лицами). И появляются в роликах сетевого магазина и в иллюстрациях крупного банка персонажи-клоны, различающиеся стилем исполнения (трехмерная и двумерная графика), деталями одежды и прическами.

С другой стороны, широкое использование генеративных моделей привело к размыванию границ социальных и этических норм. Возникают споры в связи с нарушением авторского права, поскольку материалы для обучения моделей искусственного интеллекта взяты без согласия владельцев авторских прав [4, 17]. Соответственно в сгенерированных нейросетями изображениях прослеживается стиль определенных художников, встречаются элементы их произведений. Отдельная тема — создание фейковых изображений, вводящих в заблуждение или распространяющих ложную информацию. В настоящее время продолжаются исследования по разработке эффективных инструментов их распознавания [18]. Одновременно на коммуникационный рынок выходят более совершенные сервисы их создания.

Медиатекст такого особого вида изданий как рабочие тетради по изучению русского языка как иностранного представляет собой жесткую креолизованную конструкцию с прямой связью текста упражнений и заданий с иллюстрациями к ним. Она диктует буквальное соответствие вербальных и визуальных компонентов. В нашем эксперименте мы попытались в определенной степени «воспроизвести» *управляемую генерацию* с использованием доступных дизайнерских инструментов: скетчей, выполненных в векторной графике, отсканированных эскизов, фотографий, собранных в процессе преподавания русского языка как иностранного авторами текста рабочих тетрадей.

1. Алгоритм трансформации текста промпта в изображение с использованием исходной фотографии, скетчей на стиль и на композицию позволяет говорить о развитии нового *генеративного формата креолизованного текста*, где вербальные компоненты (промпт) соединяются с визуальными (подгруженные изображения) для формирования итоговой иллюстрации. Процесс креолизации происходит на ограниченном временном отрезке и заканчивается итоговым изображением. Изменение кодов (от вербального к визуальному или от вербально-визуального к исключительно визуальному), соответствие смыслов, визуальное выражение эмотивности, заданной в тексте запроса на генерацию — все эти вопросы требуют отдельного изучения.

2. Генеративные модели ИИ соединили в единый алгоритм все три фактора, которые мы выделили как определяющие развитие визуального языка медиа, — информационный запрос, технологии и художественные практики. Информационный запрос оформлен в промпт благодаря чат-боту, который позволяет пользователю «общаться» с нейросетью и максимально детализировать содержательные и формальные характеристики генерируемого изображения. Алгоритмы создания промптов изучены для различных типов нейросетей.

Конкретизировать вербальный промпт позволяет целый комплекс художественных и авторских стилей, визуализированных в нейросети в формате соответствующих

изображений, что облегчает пользователю выбор. Необходимо отметить, что эмотивность изображений меняется при смене художественного стиля. Так в рамках нашего эксперимента изображение Большого театра в традиционной для иллюстраций технике акварели передавало атмосферу старой Москвы с сохранившейся архитектурой. Перевод его в авангардный стиль сделал это же изображение элементом визуального кода, одним из символов страны, где этот стиль возник и затем распространился в мире. Поскольку издание предназначено для зарубежной аудитории, то второй вариант был признан предпочтительным и использован при кодировании менее известных региональных памятников и достопримечательностей.

Мы пытались поддержать индивидуальность проекта за счет использования системы референсов, которые создавали, подбирали и загружали в нейросеть. Одно или несколько изображений могут быть использованы как инструмент закрепления стиля проекта. При необходимости в отдельных случаях можно более тонко настроить требуемую степень соответствия генерируемого изображения исходным стилевым характеристикам. Также индивидуальные черты придают проекту добавленные к промпту и стилю портрет персонажа и/или скетч с общей композицией и основными цветами. В нашем проекте в качестве исходного материала активно использованы фотографии, сделанные преподавателями русского языка как иностранного. Они позволили создать визуальные образы персонажей с коннотациями по странам и регионам не только по их вербальным характеристикам (именам и репликам), но и по визуальным параметрам — их внешности. Так были созданы образы студента из Малайзии, студентки из Вьетнама и пр. [22, 23].

Технологические особенности иллюстраций заданы изначально — в стиле векторной графики, максимальном размере и разрешении. Однако большинство нейросетей предлагает сохранить изображение в онлайн-форматах JPEG или PNG и в цветовом пространстве RGB, и их приходится готовить к печати в программах редактирования изображений (например, AdobePhotoshop, Affinity Photo) или выгружать в специальные сервисы, которые конвертируют цветовую модель в CMYK, зададут разрешение 300 dpi и сохранят файл в TIFF.

3. Генеративные модели помогли решить основную задачу иллюстрирования данных изданий — создать позитивный и привлекательный образ — в крайне сжатые сроки: около 500 изображений за два месяца. Таким образом они подтвердили свое главное преимущество — большая скорость при создании и редактировании изображений по сравнению с традиционными цифровыми инструментами. Однако в потоке генерации изображений мы столкнулись с характерными для нейросетей на тот момент трудностями. Во-первых, с так называемыми галлюцинациями: при попытках получить изображение нескольких стоящих рядом персонажей в одной иллюстрации нейросеть убирала лишние с ее точки зрения ноги, и на двоих человек оставалось три ноги. Во-вторых, сложные сюжеты с разными типами персонажей (дети и старики; одни сидят другие стоят; люди и животные; стол и предметы на нем и пр.) требуют множества уточнений в дополнительных промптах, поскольку при дальнейшей корректировке нейросети что-либо теряли в изначальной композиции, меняли то, что в очередном промпте просили оставить без изменений. В подобных ситуациях использование нейросетей, наоборот, замедляло работу, поскольку невозможно отступить от текста упражнения с четкими указаниями на содержание иллюстрации. Например, «Здравствуйте! Меня зовут Катя. Это моя комната. Вот мой стол и мое кресло. Это мой компьютер и телефон. Тут стакан, там сок. Вот мои книги. Там лампы, ваза и цветы. Тут тепло и хорошо. А вот окно. Там мой университет. Я студентка. Еще там парк, дорога,

машины и автобусы.» [21, С. 35]. В подобных композициях мы генерировали отдельные части иллюстрации и собирали их в единый сюжет в традиционных программах редактирования изображений и верстки. Также пришлось решать вопрос и с иллюстрированными заданиями, в которых по картинкам надо назвать место, где находится персонаж. Соответственно по визуальным референсам были сгенерированы необходимые локации. Отдельно создан персонаж в различных позах. И затем он был «смонтирован» со зданием института, аудиторией, стадионом, концертным залом, рестораном и пр.

4. Особые трудности вызвала генерация изображений с русскоязычным текстом внутри них. Название института на футболках студентов, сидящих в аудитории, надпись на доске «Мы учим русский язык», вывеска на магазине «Продукты» — все кириллические включения нейросети пытались перевести на близкий им язык. Частично проблему помогало решить прописное начертание слов и использование в промпте кавычек. Однако практика показала, что оптимальным вариантом будет добавление надписи вручную в подходящем редакторе изображений. Поэтому все карты города с названиями улиц, нумерацией домов были выполнены в программе векторной графики.

5. Генеративные модели помогли быстро обработать множество простых по содержанию и композиции иллюстраций. Они грамотно выстраивали перспективу, использовали цветовые сочетания, пропорции и масштаб. Однако сложные коммуникационные задачи им оказались недоступны. При безусловно большей, чем у любого дизайнера и художника «насмотренности» они не способны творить, создавая новые стилистические приемы, принципы композиции, предлагать самостоятельные визуальные решения, работать на качественно ином профессиональном уровне – генерироать оригинальные иллюстрации, в основе которых лежит образное мышление, *визуальная метафора*. Понятие пришло в дизайн из экспрессивной стилистики. Суть осталась та же: перенос свойств одного объекта на другой по признакам сходства (формы, цвета, фактуры, текстуры) или противопоставления. Такими категориями нейросеть не мыслит. Она не способна к абстрагированию и созданию сложных образов на основе ассоциативных цепочек, предшествующего опыта и личного осмысления предмета изображения. Визуальная метафора в иллюстрации — это художественный прием создания сложных смысловых композиций, который передает смысл не буквальной визуализацией предмета, а через образ, вызывающий у реципиента определенные ассоциации и эмоции. Исследователь дизайна Е.В. Жердев рассматривает метафору как «невербальный (визуальный) язык, как способ композиционной организации материала для выражения смысла и его прочтения.» [10].

Особенности изданий в рамках нашего эксперимента не предполагали использование визуальной метафоры. И мы смогли ее применить только в композиции обложек. Для рабочей тетради «Это важно знать» [21] для обложки был предложен образ настольной игры. Двойная белая линия причудливо извивается от одного хода до другого. Ходы обозначены числами и иллюстрациями из соответствующих номерам уроков. Сине-белая графика вызывает ассоциации с Гжелью, кружевами, которые вяжут на коклюшках, морозных фигурах на окне. Такая геймифицированная обложка учебного издания призвана снять момент обязательности и предвзятого отношения к урокам, вызвать интерес к содержанию издания. Последний одиннадцатый урок заканчивается иллюстрацией со зданием института: все дороги ведут на учебу.

Заключение. Таким образом, диффузные модели являются современным эффективным инструментом медиадизайна, позволяют оперативно создавать онлайн-медиатексты, что может быть рассмотрено как новый этап развития концепции

креолизации в русле неостилистики [12]. Алгоритмы генерации остаются одним из перспективных направлений в исследованиях искусственного интеллекта, открывающих все новые возможности широкому кругу пользователей.

Проведенный эксперимент показал, что диффузные генеративные модели позволяют быстро и качественно подготовить большой объем несложных по содержанию и композиции иллюстраций. Сюжетные изображения с большим количеством персонажей и деталей приходится разбивать на простые элементы и потом собирать иллюстрацию в специальных программах верстки или редактирования изображений. Образные решения нейросетям на момент окончания эксперимента (февраль 2026 года) были недоступны. Все сгенерированные изображения требовали доработки для дальнейшей печати. Поддержание стилистического единства визуальных компонентов многостраничного медиатекста, отредактированных и / или созданных с помощью искусственного интеллекта, оказалось проблематичным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахренова Н.А. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия / Н.А. Ахренова, Р.И. Зарипов // Медиалингвистика. — 2023. — 10 (4). — с. 428–449.
2. Баженова Е.А. Медиалингвистика цифровой эпохи : монография / Е.А. Баженова ; под ред. Н.И. Клушиной, Т.В. Ицкович, Е.Н. Басовской. — Москва : ФЛИНТА, 2026. — 256 с.
3. Белоедова А.В. Влияние вербального комментария на интерпретацию визуального медиасообщения: мультимодальный подход / А.В. Белоедова, Е.А. Кожемякин, Я.И. Тяжлов // Медиалингвистика. — 2020. — 7 (4) — с. 445–461. — https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.406
4. Борисов Ю. Творцовый переворот: как художникам и коллекционерам защититься от AI-технологий / Ю. Борисов // Forbes. 13 марта 2023. — URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/486012-tvorcovyj-perevorot-kak-hudoznikam-i-kollekcioneram-zasitit-sa-ot-ai-tehnologij
5. Борисова Е.Г. Медиалингвистика в современной научной парадигме : монография / Е.Г. Борисова, М.А. Васильченко, Д.Б. Гудков [и др.].; под ред. Н.И. Клушиной, Т.В. Ицкович, Л.В. Селезневой. — Москва : ФЛИНТА, 2024. — 308 с.
6. Волкова В.В. Медиадизайн как визуальный компонент медиатекста / В.В. Волкова / Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. — М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. с. 74–78. — URL: https://schooluni.hse.ru/data/2014/05/07/1323137282/Часть%202.pdf
7. Волкова В.В. Специфика медиадизайна / В.В. Волкова // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. — Москва: Факультет журналистики МГУ, 2014. — с. 5–21. — URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2014/4/spetsifika-mediadizayna/
8. Волкова В.В. Эволюция визуализации языка / В.В. Волкова // Медиалингвистика. — Вып. 12: Язык в координатах массмедиа. — СПб., 2025. — с. 226–229. — URL: https://medialing.ru/vypusk-2025-12/
9. Добросклонская Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Добросклонская. — [б. м.] : [б. и.], 2020. — 180 с. — URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf
10. Жердев Е.В. Метафора в дизайне: Теория и практика. Автореф. дис.доктора искусствоведения / Е.В. Жердев. — Всерос. НИИ технич. эстетики. — М., 2002.
11. Кириллов А.Г. Видеоблог как визуальный медиатекст. / А.Г. Кириллов, А.А. Краев, 2022. — URL: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2022/05/kirilllov-kraev-137-142.pdf
12. Клушина Н.И. (Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта: монография / Н.И. Клушина. — М.: Флинта, 2026. — 148 с.
13. Ломакин Б.Е. Визуальный компонент медиаобраза события: методика исследования / Б.Е. Ломакин // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, — 2023. — № 42(4). — с. 610–619. — DOI:10.52575/2712-7451-2023-42-4-610-619
14. Сербин В.А. Многоуровневая консолидированная модель анализа медиатекста в составе трансмедийного нарратива / В.А. Сербин // *Медиалингвистика. — 2026. — №13* (2). — с. 310−334
15. Уварова Е.А. Иконический компонент поликодового медиатекста и его стилистический потенциал / Е.А. Уварова // Преподаватель XXI век. — 2020. — №2–2. — URL:https://cyberleninka.ru/article/n/ikonicheskiy-komponent-polikodovogo-mediateksta-i-ego-stilisticheskiy-potentsial

16. Черниченко Е.Н. Визуальные компоненты мобильной медиакоммуникации / Е.Н Черниченко, В.В. Дабежа, Н.И. Иовва, Ю.В. Ткаченко // Медиакоммуникации и журналистика. — 2025. — №5 (155). — URL:https://research-journal.org/en/archive/5-155-2025-may/10.60797/IRJ.2025.155.96 (accessed: 30.09.2026). — DOI: 10.6079
17. Шриварстава Р. Творцы нового времени: как дизайнер защищает права на созданную с помощью ИИ картинку / Р. Шриварстава // Forbes. 7 октября 2024. — URL: https://www.forbes.ru/society/522528-tvorcy-novogo-vremeni-kak-dizajner-zasisaet-prava-na-sozdannuu-s-pomos-u-ii-kartinku
18. Cazenavette G., Sud A., Leung T., Usman B. FakeInversion: Learning to Detect Images from Unseen Text-to-Image Models by Inverting Stable Diffusion. // ArXiv. Jun. 2024. URL: https://doi.org/10.48550/arXiv.2406.08603
19. Hang Chen, Xiang Qian, Jiaxin Hu, Meilin Ye, Chao Yu, Hao Cheng, Lei Zhang. Comprehensive exploration of diffusion models in image generation: a survey //Artificial Intelligence Review. Vol. 58. 25 Jan 2025. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10462-025-11110-3#Fig1
20. Elad B., Lee R.A. AI Image Generation Statistics 2026: Market Size, Adoption & Risks // SQ magazine: Published on: June 2026. Last Updated: August 16, 2026. URL: https://sqmagazine.co.uk/ai-image-generation-statistics/
21. Norbert Vrabec, Klára Zubková «AI-Generated Images in Digital Media: A Comparative Analysis of News and Technology Websites» // European Journal of Media, Art & Photography, 2025, Vol. 13, No. 1. P. 118-125. URL: https://ejmap.sk/wp-content/uploads/Norbert_Vrabec_Klara_Zubkova-AI-generated_images_in_digital_media.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. Тананина А.В. Это важно знать / А.В. Тананина, Д.Р. Халекова / Рабочая тетрадь по русскому языку. — М.: Институт Пушкина, 2025. — М., 2025. — 108 с.
23. Сумина Е.И. Удачный старт / Е.И. Сумина, А.В. Тананина, О.Н. Халеева, Т.О. Дудакова // Рабочая тетрадь по русскому языку. — М.: Институт Пушкина, 2025. — 100 с.

REFERENCES

1. Akhrenova N.A., Zaripov R.I. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki sovremennogo polikodovogo multimodal'nogo mediateksta v kontekste informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya [Linguopragmatic characteristics of a modern polycode multimodal media text in the context of information-psychological influence]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2023, vol. 10, no. 4, pp. 428–449. (In Russian)
2. Bazhenova E. A., Basovskaya E. N., Vorontsova T. A. et al. Medialingvistika tsifrovoi epokhi [Media linguistics of the digital age]. Monograph. Ed. by N. I. Klushina, T. V. Itskovich, E. N. Basovskaya. Moscow: FLINTA, 2026, 256 p. (In Russian)
3. Beloedova A.V., Kozhemyakin E.A., Tyazhlov Ya.I. Vliyanie verbal'nogo kommentariya na interpretatsiyu vizual'nogo mediasoobshcheniya: multimodal'nyi podkhod [The influence of verbal commentary on the interpretation of a visual media message: a multimodal approach]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 445–461. https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.406 (In Russian)
4. Borisov Yu. Tvortsovyi perevorot: kak khudozhnikam i kollektsioneram zashchitit'sya ot AI-tekhnologii [A creative revolution: how artists and collectors can protect themselves from AI technologies]. *Forbes*, March 13, 2023. Available at: https://www.forbes.ru/tekhnologii/486012-tvorcovyj-perevorot (accessed 01.10.2026). (In Russian)
5. Borisova E.G., Vasilchenko M.A., Gudkov D.B. et al. Medialingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme [Media linguistics in the modern scientific paradigm]. Monograph. Ed. by N. I. Klushina, T. V. Itskovich, L. V. Selezneva. Moscow: FLINTA, 2024, 308 p. (In Russian)
6. Volkova V.V. Mediadezain kak vizual'nyi komponent mediateksta [Media design as a visual component of a media text]. In: *Stilistika segodnya i zavtra* [Stylistics Today and Tomorrow]. Conference proceedings, Part II. Moscow: Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 2014, pp. 74–78. Available at: https://schooluni.hse.ru/data/2014/05/07/1323137282/Часть%202.pdf (accessed 01.10.2026). (In Russian)
7. Volkova V.V. Spetsifika mediadezaina [Specificity of media design]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 2014, no. 4, pp. 5–21. Available at: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2014/4/spetsifika-mediadizayna/ (accessed 01.10.2026). (In Russian)

8. Volkova V.V. Evolyutsiya vizualizatsii yazyka [Evolution of language visualization]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], issue 12: Language in the Coordinates of Mass Media. St. Petersburg, 2025, pp. 226–229. Available at: https://medialing.ru/vypusk-2025-12/(accessed 01.10.2026). (In Russian)
9. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Media linguistics: theory, methods, directions]. [S. l.]: [s. n.], 2020, 180 p. Available at: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.… (accessed 01.10.2026). (In Russian)
10. Zherdev E.V. Metafora v dizaine: teoriya i praktika [Metaphor in design: theory and practice]. Author's abstract of doctoral dissertation in art criticism. All-Russian Scientific Research Institute of Technical Aesthetics, Moscow, 2002. (In Russian)
11. Kirillov A.G., Kraev A.A. Videoblog kak vizual'nyi mediatekst [A videoblog as a visual media text]. 2022. Available at: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2022/05/kirillll… (accessed 01.10.2026). (In Russian)
12. Klushina N.I. (Neo)stilistika v epokhu iskusstvennogo intellekta [(Neo)stylistics in the era of artificial intelligence]. Monograph. Moscow: Flinta, 2026, 148 p. (In Russian)
13. Lomakin B.E. Vizual'nyi komponent mediaobraza sobytiya: metodika issledovaniya [The visual component of the media image of an event: research methodology]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* [Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics], 2023, vol. 42, no. 4, pp. 610–619. https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-4-610-619 (In Russian)
14. Serbin V.A. Mnogourovnevaya konsolidirovannaya model' analiza mediateksta v sostave transmediinogo narrativa [A multilevel consolidated model of media text analysis within a transmedia narrative]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 310–334. (In Russian)
15. Uvarova E.A. Ikonicheskii komponent polikodovogo mediateksta i ego stilisticheskii potentsial [The iconic component of a polycode media text and its stylistic potential]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the 21st Century], 2020, no. 2-2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ikonicheskiy-komponent-pol… (accessed 01.10.2026). (In Russian)
16. Chernichenko E.N., Dabezha V.V., Iovva N.I., Tkachenko Yu.V. Vizual'nye komponenty mobil'noi mediakommunikatsii [Visual components of mobile media communication]. *Mediakommunikatsii i zhurnalistika* [Media Communications and Journalism], 2025, no. 5 (155). DOI: 10.6079. Available at: https://research-journal.org/en/archive/5-155-2025-may/10.60… (accessed 30.09.2026). (In Russian)
17. Shrivastava R. Tvortsy novogo vremeni: kak dizainer zashchishchaet prava na sozdannuyu s pomoshch'yu II kartinku [Creators of a new era: how a designer protects the rights to an AI-generated image]. *Forbes*, October 7, 2024. Available at: https://www.forbes.ru/society/522528-tvorcy-novogo-vremeni-kak-dizajner-zasisaet-prava-na-sozdannuu-s-pomos-u-ii-kartinku(accessed 01.10.2026). (In Russian)
18. Cazenavette G., Sud A., Leung T., Usman B. FakeInversion: Learning to Detect Images from Unseen Text-to-Image Models by Inverting Stable Diffusion. // ArXiv. Jun. 2024. URL: https://doi.org/10.48550/arXiv.2406.08603 (in English)
19. Hang Chen, Xiang Qian, Jiaxin Hu, Meilin Ye, Chao Yu, Hao Cheng, Lei Zhang. Comprehensive exploration of diffusion models in image generation: a survey //Artificial Intelligence Review. Vol. 58. 25 Jan 2025. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10462-025-11110-3#Fig1 (in English)
20. Elad B., Lee R.A. AI Image Generation Statistics 2026: Market Size, Adoption & Risks // SQ magazine: Published on: June 2026. Last Updated: August 16, 2026. URL: https://sqmagazine.co.uk/ai-image-generation-statistics/ (in English)
21. Norbert Vrabec, Klára Zubková «AI-Generated Images in Digital Media: A Comparative Analysis of News and Technology Websites» // European Journal of Media, Art & Photography, 2025, Vol. 13, No. 1. P. 118-125. URL: https://ejmap.sk/wp-content/uploads/Norbert_Vrabec_Klara_Zubkova-AI-generated_images_in_digital_media.pdf
22. Tananina A.V., Khalekova D. R. Eto vazhno znat'. Rabochaya tetrad' po russkomu yazyku [It is important to know. A workbook on the Russian language]. Moscow: Pushkin Institute, 2025, 108 p. (In Russian)
23. Sumina E.I., Tananina A.V., Khaleeva O.N., Dudakova T.O. Udachnyi start. Rabochaya tetrad' po russkomu yazyku [A successful start. A workbook on the Russian language]. Moscow: Pushkin Institute, 2025, 100 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 28.09.2026 г.

FORMING MEDIA VISUAL LANGUAGE USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

V.V. Volkova

The visualization of media has become one of the defining factors in their development in the 21st century, representing a natural consequence of the visual turn in communication, as well as its globalization and digitalization. This process has been examined within various fields — linguistics, semiotics, media studies, design theory, and journalism — which underscores the interdisciplinary nature of the topic. A review of the scientific literature shows that the visual components of media texts have evolved from a secondary element supplementing the verbal component to a fully legitimate object of research with its own methodological framework. In this study, we continue the investigation and define the concept of the "visual language of media" at the intersection of media linguistics and media design. Particular attention is paid to current practices for generating and editing visual components using artificial intelligence.

***Key words**:* visual language of media, graphic illustration, prompt, visual reference, artificial intelligence, neural network.

Волкова Вера Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Приглашенный преподаватель Факультета креативных индустрий.
ORCID 0009-0000-3145-4388.
E-mail: vevioka@mail.com.

Volkova Vera Vitalyevna.
Candidate of Philology.
HSE University.
Lecturer at Faculty of Creative Industries.

ORCID 0009-0000-3145-4388.
E-mail: vevioka@mail.com.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81’42 + 070
DOI: 10.5281/zenodo.23924788

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГЕНЕРАТИВНОГО МЕДИАТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АУДИОГИДОВ)

© 2026 *В.А. Егошкина*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
ORCID 0000-0003-3173-8289

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье проводится анализ генеративных медиатекстов, созданных нейросетью DeepSeek для компании-разработчика аудиогидов. Представлен краткий обзор и сделана систематизация теоретических исследований, посвященных проблеме внедрения искусственного интеллекта в медиа. Уточнено, что в современных зарубежных и отечественных трудах еще не выработана методология исследования генеративных текстов, особенно с точки зрения языковой и стилистической специфики. В работе учтены достижения неостилистики, в рамках которой формируется новый вектор исследования генеративных медиатекстов. Апробирован метод кейс-стади, включающий анализ промпта, языковых и стилистических особенностей сгенерированного текста. Материалом для исследования послужили сто семнадцать текстов, созданных для аудиогидов по таким городам, как Ярославль, Сергиев Посад, Калининград. Сделаны выводы о соответствии полученных текстов требованиям, указанным в промпте, медиаматериалам, репрезентированным в традиционных аудиоэкскурсиях. Выявлены лексические, синтаксические и стилистические особенности генеративных текстов, установлено, что они отличаются схематичностью, упрощенностью, стандартизированностью, наличием недостоверной информации, при этом не лишены эмоциональности, выразительности, экспрессивности.

Ключевые слова: медиатекст, генеративный медиатекст, нейросеть, искусственный интеллект, промпт, неостилистика, аудиогид, кейс-стади.

Для цитирования: Егошкина В.А. Лексико-синтаксическая и стилистическая специфика генеративного медиатекста (на примере аудиогидов) / В.А. Егошкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 73–85. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23924788.

Введение. Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную практику медиаспециалистов, с одной стороны, открыло новые возможности для работы с информацией и текстом, понимаемым в семиотическом смысле, а с другой — породило множество вызовов, которые требуют научной дискуссии, теоретического осмысления и формирования практического инструментария. На наш взгляд, изучать использование ИИ рационально в междисциплинарной парадигме с учетом имеющихся теоретических трудов и примеров практического применения искусственного интеллекта в медиаполе.

Объектом нашего исследования являются медиатексты, сгенерированные нейросетью для аудиогидов; предметом — лексико-синтаксические и стилистические обенности данных текстов, а также содержание промпта, заданного нейросети, который влияет «на языковые средства, эксплицированные в генеративных медиатекстах» [18, с. 149].

Таким образом, цель нашего исследования — выявить лексическую, синтаксическую и стилистическую специфику медиатекстов, созданных нейросетью для аудиогидов;

предложить методологию исследования такого типа текстов, включающую анализ как языковых и стилистических особенностей, так и предложенного нейросети промпта.

Обозначенная цель предполагает решение ряда задач:

– представить краткий обзор имеющихся теоретических трудов, посвященных искусственному интеллекту в медиа, систематизировать их;

– предложить методологию исследования медиатекстов, созданных нейросетью;

– проанализировать промпт, заданный нейросети для генерации медиатекстов, определить, какие были сформулированы требования к текстам, указаны ролевые модели нейросети при работе над аудиогидами;

– выявить лексико-синтаксическую и стилистическую специфику сгенерированных медиатекстов, определить, насколько они соответствуют промпту и требованиям к материалам, предназначенным для проведения аудиоэкскурсий.

Обзор литературы. В рамках нашего исследования прежде всего необходимо внести терминологическую ясность, поскольку нередко в научных работах термины «искусственный интеллект» и «нейросеть» используются как взаимозаменяемые понятия.

Экспертная группа РАЭК, НИУ ВШЭ совместно с Microsoft предложила следующую дефиницию ИИ: «совокупность технологий обработки различных типов данных и информации, в частности способных интерпретировать такие данные, извлекать знания и использовать для достижения определенных целей», представленную в исследовании «Цифровая экономика от теории к практике: как российский бизнес использует искусственный интеллект» [29].

Тогда как нейросеть — это часть системы искусственного интеллекта, математическая модель, воплощенная в виде компьютерной программы и построенная по принципу организации нейронных цепочек головного мозга человека. «Современные алгоритмы позволяют машинам не только находить решения, но и обучаться методом проб и ошибок: на основе массива данных и с помощью мощных вычислительных устройств нейросеть пытается обобщить те или иные закономерности в зависимости от поставленных целей, в результате чего получается модель, которая позволяет с ней работать. И в этом заключается принципиальное отличие нейросетей от искусственного интеллекта» [8, с. 14], [9, с. 136].

Кроме того, отметим, что текст, созданный при помощи ИИ, среди исследователей также обозначен разными номинациями: «генеративный текст», «алгоритмический текст», «автоматизированный текст», «AI-текст» и т.д. На наш взгляд, критерием различия данных понятий может служить соотношение ролей человека и собственно искусственного интеллекта в работе с информацией и степень их участия в процессе текстопорождения.

Другими словами, создание генеративного текста, например, в области журналистики «подразумевает использование генеративных инструментов (ИИ и больших языковых моделей) <…>, включая генерацию сценариев для видео- и подкаст-фрагментов; локализацию мировых новостей; переработку длинных интервью в краткий контент; тестирование заголовков на основе прошлого взаимодействия с читателями» [15]; [21]; [28]. Таким образом, генеративные тексты «отвечают профессиональным критериям — актуальности, новизне, социальной значимости, ориентации на целевые аудитории, позволяют выявлять закономерности и тенденции, которые могли бы остаться незамеченными, объяснять сложную информацию простым языком» [5, с. 63].

Алгоритмические тексты создаются по промпту, пошагово и максимально подробно описывающему задачи, которые необходимо решить ИИ. В такого рода текстах наблюдается шаблонность и тривиальность, поскольку чаще всего ИИ приходится выполнять стандартные рутинные команды. При этом отметим, что и подобные алгоритмические тексты встречаются в медиаполе, особенно в новостной журналистике.

Сделав важные, на наш взгляд, терминологические замечания, обозначим доминантные группы современных научных исследований, посвященные влиянию искусственного интеллекта на современные медийные практики.

Учитывая, что проблема внедрения искусственного интеллекта в работу журналистов, редакторов, рекламистов, маркетологов и представителей других профессий, относящихся к системе массовой коммуникации, в научном сообществе стала разрабатываться не так давно, пока еще не сформировалась единая парадигма исследований. Однако можно выделить несколько направлений, которые объективированы в работах как зарубежных, так и отечественных ученых.

К первой группе относятся эмпирические исследования, направленные на изучение изменений редакционных процессов, трансформации традиционных ролей медиаспециалистов в связи с применением нейросетей в работе того или иного СМИ [2]; [6]; [7]; [9]; [12]; [17]; [23]; [26] и др. Данные исследования основываются на экспертных интервью с руководителями различных редакций, журналистами, а также на количественных данных, демонстрирующих, какое количество контента готовится ИИ и какие задачи ему «поручены».

Во вторую группу входят работы, посвященные новым медикомпетенциям при обучении журналистов и медиаспециалистов в разных областях [3]; [5]; [16] и др.

В третью группу включены исследования, связанные с проблемами, лежащими в области этики, права и медиаграмотности. Так, в большинстве работ отмечается, что медиасообщество обеспокоено рисками, связанными с отсутствием этического регулирования в журналистской практике процессов создания контента нейросетью [4]; [19]; [20]; [24]; [25]; [27] и др.

Например, коллектив авторов статьи «Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации» выделяет четыре ключевых направления, связанных с разработкой этических механизмов регулирования применения технологий ИИ в журналистике. «Во-первых, транспарентность работы редакций, сохранение за аудиторией права на информирование о взаимодействии с искусственным интеллектом. Во-вторых, запрет на передачу полномочий искусственному интеллекту в вопросах нравственного выбора при подготовке медиаконтента. В-третьих, совместная ответственность редакции и разработчиков программного обеспечения за последствия работы систем искусственного интеллекта. В-четвертых, определение круга потенциальных тем, для работы над которыми этически неприемлемо использование искусственного интеллекта» [13, с. 690].

К четвертой группе мы относим ряд научных работ, в которых обсуждаются вопросы, связанные с недоверием аудитории к генеративному контенту и фейковизацией медиа [1]; [14]; [22] и др.

Материалы и методы исследования. Проведенный нами теоретический обзор демонстрирует, что исследований, посвященных языковым, стилистическим, жанровым, прагматическим особенностям медиатекстов, созданных ИИ, крайне мало. На наш взгляд, это связано с дилеммой — справедливо ли вообще применять методы и методологию медиалингвистики, медиастилистики, прагмалингвистики, прагмастилистики, жанрологии и других направлений филологических исследований к текстам, созданным искусственным интеллектом, а не человеком, не языковой личностью?

На этот вопрос предлагает ответ Н.И. Клушина, отмечая, что «внедрение ИИ в современную коммуникацию переворачивает сложившиеся представления стилистики и открывает новый этап развития данной науки, в которой возникают и сосуществуют две

области — человеческая (гуманитарная) и технологическая (нейросетевая), что позволяет выдвинуть гипотезу о формировании неостилистики, т.е. стилистики в эпоху ИИ» [11, с. 28].

Развивая свою мысль, цитируемый автор постулирует, что в данный момент происходит перестройка устоявшейся в стилистике триаде: автор — текст — стиль, поскольку в нее может быть включен и новый автор — искусственный интеллект. Н.И. Клушина предлагает классифицировать ИИ как технологическую языковую личность, эксплицированную в постклассических генеративных текстах, которая обладает усредненным синтетическим и синтезированным идиостилем, противопоставленным харизматическому идиостилю реальной языковой личности [10]; [11].

В контексте этих наблюдений, а также опираясь на эмпирические исследования, представленные в монографии «(Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта», включающие анализ промпта и сгенерированных текстов разных функциональных стилей, полагаем, что наиболее релевантным для нашего исследования будет метод кейс-стади, выполненный в междисциплинарной парадигме, который позволяет проследить этапы создания генеративного текста, получить эмпирические данные и проанализировать их. Кроме того, в работе будут применены общенаучные методы: наблюдение, систематизация материала, и частнонаучные: лексический, синтаксический и стилистический анализ генеративных медиатекстов.

Материалом для исследования послужили тексты, созданные нейросетью DeepSeek для онлайн-аудиогидов по Ярославлю (32 сгенерированных текста), Сергиеву Посаду (35 сгенерированных текстов) и Калининграду (50 сгенерированных текстов).

По соображениям коммерческой тайны название компании, производящей аудиогиды, нами не раскрывается. Заметим, что использование ИИ для создания аудиогида было обусловлено ограниченностью финансовых и человеческих ресурсов стартап-студии. Тексты эмпирического материала были выбраны с учетом практики работы над более ранними версиями аудиогидов по таким городам, как Казань, Москва и Санкт-Петербург. Отметим, что на примере Ярославля, Сергиева Посада и Калининграда прослеживается динамика работы нейросетей над созданием текстов для аудиогидов, поскольку более ранние версии отличались обилием фактологических, стилистических и речевых ошибок. Однако подчеркнем, что сгенерированные тексты, связанные с достопримечательностями городов, вошедших в эмпирический материал, также нуждались в фактчекинге и редакторской правке.

Основная часть. Прежде всего охарактеризуем структуру и содержание промпта, созданного и усовершенствованного в ходе подготовки аудиогидов для разных городов компанией-разработчиком. В промпте был задан контекст, в котором прописывалось, для кого и с какой целью нейросеть создает тексты: *«пользователи могут ходить по заранее составленному нами маршруту и слушать аудиофайлы о достопримечательностях, которые мы обозначаем на маршруте»*.

Указаны ролевые модели нейросети: **журналист**, задача которого *«сбор и систематизация проверенной и верифицированной информации об объекте из открытых источников»*; **профессиональный копирайтер-редактор уровня Senior** *«с опытом редактуры текстов для радио», который «перед тем, как приступить к написанию текста, должен изучить уже готовые и утвержденные тексты, определить для себя их стилистику, tone of voice и подход к подаче информации»*, а также ориентироваться на эталонные тексты, представленные в промпте; **редактор-фактчекер**, задача которого *«проанализировать текст, который до тебя составил роль-копирайтер, и выявить, есть ли в нем информация, которая является ложью, фейком или чем-либо неверифицируемым. Если такая информация присутствует, то ты должен убрать ее из текста и доработать текст так, чтобы он звучал складно и*

соответствовал всем критериям», далее указано: *«Обрати внимание, если текст полностью достоверен и в нем отсутствуют ложные факты, ты имеешь право не вносить в него корректировки. Более того, к каждой правке ты должен подходить максимально ответственно и совершать ее только в том случае, если уверен, что тот или иной факт является ложным»*; **редактор-стилист уровня Senior**, чья задача *«провести комплексную редакторскую правку над текстом таким образом, чтобы он легко, понятно и просто воспринимался на слух слушателем и при этом продолжал соответствовать параметрам из инструкции к тексту»*.

Также в промпте были подробно охарактеризованы требования к текстам, которые должна была сгенерировать нейросеть, включая историю объекта, подробную информацию об особенности его архитектурного стиля, сведения, какую культурную и туристическую ценность он представляет, что с ним происходит в наши дни, чем он может быть интересен туристам, а также увлекательные факты и городские легенды об объекте, часы работы и условия посещения.

Описаны параметры, которые нужно было учесть при работе с данными из открытых источников: искать надежную и проверенную информацию, которую необходимо систематизировать по тематическим блокам, *«не выдумывать и не галлюцинировать в ответах»*.

Представлена структура, которым должны соответствовать сгенерированные тексты: подводка, блок про историю объекта, раздел про то, что данный объект представляет собой сейчас, отбивка, цель которой *«ярко закончить рассказ об объекте и дать человеку цель дальнейшего маршрута»*.

Указаны требования к редакторской правке: *«текст должен быть стилистически единообразен, не должны использоваться слова из разных стилей, лексика должна быть без жаргонизмов, низкого стиля; необходимо избавиться от частых повторов слов, конструкций "не просто, а", стилистически проблемных моментов и иных аспектов, которые требуют редакторской правки»*.

Финальный этап предполагал проверку информации: нейросеть должна была составить таблицу, где указывалось верен ли факт, есть ли у него подтверждение или же он ложен.

Резюмируя, отметим, что промпт является довольно объемным (5 страниц машинописного текста), включает требования к структуре и стилистике текстов, которые в целом соответствуют классическим аудиальным текстам, предназначенным для аудиоэкскурсий, подробный алгоритм работы нейросети, пошаговую инструкцию при создании, редактировании и проверке готового материала с учетом ролевых моделей.

Однако, как показали наши наблюдения, сгенерированные тексты не в полной мере соответствовали параметрам, описанным в промпте, содержали лексические, синтаксические и стилистические ошибки и неточности.

Итак, на **лексическом уровне** можно выделить

– преобладание маркированных языковых единиц, особенно книжной и высокой лексики, что, полагаем, связано со стремлением нейросети подчеркнуть значимость объектов культурного и исторического наследия: *«Представьте: монах-архивариус разбирает старые фолианты и находит пергамент <…>»; «Это были иконы в золотых окладах, расшитые пелены, церковные сосуды и книги»; «В 1807 году по велению митрополита Платона к башне пристроили этот величественный портал»;*

– нарушение лексической сочетаемости и использование устойчивых оборотов в несвойственном им контексте, очевидно из-за попытки реализации языковой игры нейросетью: *«Мы подходим к месту, где говорит тишина»; «Перед вами Ярослав Мудрый. Человек, чье имя навсегда вписано в историю Руси и отчеканено на монетах»;*

«Вы наверняка слышали и видели сердца многих городов»; «Это своеобразная каменная летопись, дающая зрителю возможность за несколько минут пробежать глазами через десять столетий»; «Вы увидите, как по-разному может звучать русская архитектура»; «Эти росписи — словно комикс из далекого прошлого, рассказывающий о чудесах и трудах святого»; «Здесь можно почувствовать, как бурная история и тихая духовная жизнь переплелись в этом месте»; «Это храм, чье имя говорит само за себя»; «Шагните на брусчатку Калининграда — и вы прикоснетесь к истории»; «Но искусство в Калининграде не ограничивается театральными постановками, есть и другие его формы»; «Искусство в Калининграде — не просто набор объектов и мероприятий. Это часть жизни города, которая делает ее ярче и насыщеннее»;

– обилие лексических повторов: *«Монастырь строили на стратегически важном месте <…>. Монастырь не раз осаждали, он горел, но всегда восстанавливался. Нынешние каменные стены и башни монастыря <…>»; «Во время Великой Отечественной войны вокзал сильно пострадал — все деревянные конструкции выжгли. После войны вокзал восстановили, и в сентябре 1949 года вокзал снова заработал»; «Торжественное открытие Парка миниатюр состоялось 3 июня 2017 года. Путешествие по Парку миниатюр займет 1–3 часа — в зависимости от вашего интереса. Здесь вы не только увидите миниатюрные копии знаменитых сооружений, но и узнаете много нового об архитектурном наследии страны, представленном в миниатюрных экспонатах»;*

– упоминание прецедентных имен и интертекстуальных знаков, что в целом характерно для текстов аудиоэкскурсий: *«Здесь молились князья, отправлявшиеся на Куликово поле. Здесь укрывался молодой Петр Первый. Эти стены выдержали польскую осаду в Смутное время»; «Здесь проводились выставки, балы-маскарады, концерты и театральные вечера. Звучала музыка Антона Рубинштейна, Йоганнеса Брамса, Йозефа Иоахима, демонстрировались работы Гюстава Курбе, Эдуарда Мане, Эдгара Дега, Клода Моне и других художников»; «Вокзал "Южный" привлекал внимание кинематографистов. Здесь снимали эпизоды фильмов "Вокзал для двоих" Эльдара Рязанова и "Щит и меч" Владимира Басова»; «В конце XVIII века в его библиотеке обнаружили единственный список величайшего памятника древнерусской литературы — "Слова о полку Игореве"»;*

– использование терминов, которые не всегда могут быть понятны слушателю: *«Окна обрамлены скромными наличниками, а по карнизу идет декоративный пояс из поребрика и ширинок с изразцами»; «Это мощный, двухъярусный четверик с шатровой кровлей»; «Архитектура здания — прекрасный пример провинциального классицизма с чертами барокко. Строгий парадный фасад, рустованный первый этаж, изящные наличники окон. Но особую живописность дому придает мезонин — надстройка над средней частью здания, фланкированная характерными вогнутыми декоративными стенками, напоминающими барочные волюты»*;

– употребление иноязычной лексики в текстах вместо переведенных слов, т.н. системная ошибка, которая, впрочем, встречается нечасто: *«Понимаю вашу frustration»; «Теперь ваши impressions об этом месте изменились»; «Пополните копилку ваших knowledge новыми фактами»; «Композиции динамичны, полны деталей из contemporary жизни (костюмы, архитектура), а цвета необычайно ярки и свежи».*

На **синтаксическом уровне** отметим частотность

– номинативных предложений, которые обычно встречались в подводке к основному тексту о точке маршрута или в концовке: *«Перед вами — одна из самых необычных и загадочных достопримечательностей Ярославля»; «История Центральной площади — это история перемен»; «Росписи — это грандиозная*

иллюстрированная книга. Подойдем ближе, чтобы полюбоваться великолепием»; «Впереди — самые удивительные открытия!»; «От купеческой деловитости — к соборной величавости. Вперёд!»;

– побудительных предложений, связанных с установкой на взаимное действие и диалогизацию с пользователем: *«Задержитесь на минуту»; «Рассмотрите резной белый камень портала, ощутите толщину стен»; «Загляните внутрь, чтобы увидеть фрески»; «Посмотрите на симметричный фасад, разделенный пилястрами. Обратите внимание на изящные наличники окон с замковыми камнями и сандриками, на рустовку первого этажа, придающую зданию солидность»*;

– ложных противопоставлений, вероятно связанных с тем, что нейросеть пыталась добавить эмоциональность тексту: *«Но князь был не просто воином. Он — правитель-просветитель»; «Он современный, установлен в конце XX века, но дух истории в нем живет»; «Они просты, но монументальны. Храм невелик, одноглав, но очень мощный»; «Ощутите тишину, которая здесь не пустая, а наполненная смыслом»;*

– уточняющих оборотов, обусловленную тем, что текст воспринимается на слух и пользователю нужны ориентиры: *«Она стоит здесь, на Богоявленской площади, как финальный аккорд в симфонии ярославской архитектуры»; «Сегодня эта икона вернулась в лавру и находится здесь, в соборе, справа от Царских врат»; «Добро пожаловать в Калининградский областной музей янтаря! Он находится в "Башне Дона" рядом с Росгартенскими воротами и является единственным в России музеем, который посвящен янтарю»*.

В нейросетевых текстах прослеживаются

– нелогичное построение предложений, связанное с нарушением объектно-субъектных отношений или лексической сочетаемости: *«После музыки, уносящей ввысь, наш взгляд и наши шаги естественно обращаются к тому, что прочно стоит на земле, олицетворяя красоту и веру»; «В соборе стоит особая, сосредоточенная атмосфера молитвы»; «Пойдемте к ней, чтобы узнать, как развивалось зодчество обители после великого Троицкого собора и какую роль играл колокольный звон в жизни монастыря»; «Во время штурма Кенигсберга советскими войсками Королевские ворота не упоминаются в хрониках и мемуарах, но они получили повреждения от артиллерии и бомбардировок»; «Посмотрите на этот белокаменный храм. Он строг, величественен и кажется невероятно древним — вы правы»;*

– повторяющиеся синтаксические конструкции, видимо, обусловленные заданной в промпте установкой на краткие, простые повествовательные предложения: *«А в самом сердце этого пространства, всего в нескольких минутах ходьбы, находится другая цитадель — цитадель духа и искусства. Наш путь лежит к первому русскому профессиональному театру — Театру драмы имени Фёдора Волкова»; «Взгляните на массивную башню над воротами. Ее называют Красной. Ее построили в середине XVI века»; «Перед вами — Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы. Перед вами — главный храм Ярославля, его духовный центр»; «Наша башня — каменная, цельная, а её заморская «сестра» — деревянная. И вместо ангела на шаре — наша знаменитая золотая уточка»;*

– весьма частотное противопоставление с оборотом «не просто», которое, однако, можно квалифицировать как ложное, поскольку реального смыслового противопоставления оно не несет: *«Эти мощные стены — не просто декорация. Это Ярославский музей-заповедник»; «Это не просто театр в городе, а место, где театр как явление общественной, светской культуры впервые в России родился для широкой публики»; «Перед вами главные ворота Троице-Сергиевой Лавры — Святые врата. Это не просто проход в монастырь. Это портал в особый мир, где каждый камень дышит*

историей, а тишина наполнена молитвами многих поколений; «Сегодня брусчатка и трамвайная сеть — не просто элементы городской инфраструктуры. Это часть истории, которую важно сохранить».

С точки зрения **стилистических особенностей** генеративных текстов аудиогидов отметим использование таких средств и приемов, как

– метафора: *«От одной стены можно дотронуться до эпохи основания Руси, от другой — до времён расцвета ярославского зодчества»; «Музей-заповедник — это машина времени, построенная из кирпича и камня»; «За его дверями хранится целая вселенная русского духа»; «Каждый предмет здесь — это живое свидетельство веры и таланта многих поколений»;*

– олицетворение: *«Это здание — яркий пример неоготической архитектуры, которое пережило немало испытаний и обрело новую жизнь»; «Кирха Святого Семейства продолжает жить и дарить людям радость»;*

– парцелляция: *«Мелодию города, который живет, дышит, помнит и поет. Поет свою тысячелетнюю песню»; «Это Красногорская площадь. Центр городской жизни на протяжении многих веков. Постойте здесь немного. Вы почувствуете особый ритм»;*

– градация: *«Церковь Богоявления — это эпилог. Точный, яркий, совершенный»; «Музей начали воссоздавать практически с нуля. Его коллекцию собирали по крупицам. Всем миром восстанавливали шедевральный фонд»; «Сейчас же её ценность — в ее красоте, уникальности, неповторимости»; «Вы можете совершить путешествие во времени — от каменного века, когда в этих краях появились первые люди, до расцвета русской деревни»;*

– риторические вопросы, впрочем, иногда лишенные логики: *«Князь на коне — он защитник или строитель?»; «А знаете, что самое интересное? Эти ряды никогда не были просто рынком. Они всегда были мостом между монастырем и мирянами»; «Прогуливаясь по парку, задумайтесь: сколько скрыто под ногами исторических событий?»*.

Делая промежуточные выводы, отметим, что нейросеть DeepSeek при работе с промптом проводит анализ информации, оценку контекста, коммуникативной ситуации, верифицированности источников информации. При проведении фактчекинга нейросеть выдавала результаты, в которых как минимум один факт, представленный в ей же сгенерированном тексте, был ложным, два-три нуждались в уточнении, остальные были верными. Кроме того, заметим, что при проверке информации редактором-человеком, сверке с точками маршрута на карте и изображениями исторических объектов, доступных в сети Интернет, выявлялись неточности в описании сооружений: неверный цвет стен, неправильное описание его геометрической формы, архитектурного стиля, материала, расположения и т.д.

Заключение. Подводя итог предпринятого исследования, отметим, что в соответствии с поставленной целью и сформулированными задачами, нами был представлен обзор и проведена систематизация теоретических работ, посвященных внедрению искусственного интеллекта в медиапрактику. Апробирован метод кейс-стади, включающий изучение содержания промпта, а также структурный и функциональный стилистический анализ генеративных текстов, что соответствует концепции Н.И. Клушиной о трансформации стилистики в эпоху ИИ в связи с появлением нового автора — технологической языковой личности.

На основе проведенного эмпирического анализа можно констатировать, что нейросеть стремится писать тексты в соответствии с поставленной целью, учетом аудитории, заданных ролевых моделей и коммуникативной ситуации. Она пытается сделать тексты эмоциональными, образными, экспрессивными, использует различные выразительные средства, однако не всегда удачно. Многие тексты получаются

«схематичными», однообразными с точки зрения синтаксических конструкций и приемов диалогизации. Учитывая, что тексты создавались в основном про архитектурные памятники трех городов, имеющих многовековую историю, DeepSeek искусственно придавал текстам эмоциональности, торжественности и даже помпезности. В некоторых случаях факты, изложенные в первоначальном тексте, опровергались самопроверкой через эту же нейросеть.

Отметим также, что проанализированный генеративный материал в целом соответствуют требованиям, которые предъявляются к текстам для аудиогидов: ясность изложения, логичность структуры, наличие приемов, устанавливающих контакт со слушателем и поддерживающих диалогичность. К недочетам можно отнести обилие исторических имен, которые не всегда могут быть известны слушателю, чрезмерную подробность в описании архитектурных особенностей объектов, наличие терминов, которые могут быть не понятны пользователю, и предложений, осложненных уточняющими конструкциями и причастными оборотами, что противоречит требованиям, заданным в промпте.

Принимая во внимание опыт работы с генеративными текстами, созданными нейросетью DeepSeek по упрощенному промпту для ранней версии аудиогидов по другим городам, можно констатировать, что в целом навыки нейросетей по созданию текстов значительно улучшились, однако они пока не развиты до того уровня, чтобы искусственному интеллекту была полностью передана работа над аудиогидами. Тексты нуждаются в стилистической, структурно-содержательной правке, фактчекинге и адаптации для прослушивания.

В качестве перспектив отметим необходимость изучения генеративных текстов с точки зрения жанровой и речежанровой организации, прагмастилистики и диалогизации с пользователем, что позволит расширить и усовершенствовать методологию исследования такого рода текстов, которая пока только формируется в отечественной и зарубежной лингвистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аббуд А.М.В. Инструменты AI-журналистики в противодействии фейковой реальности / А.М.В. Аббуд // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2024. — № 4 (54). — С. 31–38. — DOI: 10.47475/2070-0695-2024-54-4-31-38.
2. Александров Д.Д. Новостной текст и искусственный интеллект / Д.Д. Александров // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2024. — № 4 (14). — С. 8–21. — DOI 10.34680/VERBA-2024-4(14)-8-21.
3. Бейненсон В.А. Применение генеративных нейросетей в журналистике: проблемы и перспективы / В.А. Бейненсон // Динамика медиасистем. — 2023. — Т. 3. — № 1. — С. 352–359.
4. Болдина К.А. Риски автоматизации новостной журналистики на основе ИИ / К.А. Болдина // Modern Humanities Success. — 2024. — № 3. С. 7–14. — DOI: 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14.
5. Виноградова К.Е., Мельник Г.С. Искусственный интеллект в журналистике: современные тенденции в подготовке медиаспециалистов / К.Е. Виноградова, Г.С. Мельник // Вопросы медиабизнеса. — 2025. — Т. 4. — № 4. — С. 60–70.
6. Вьюгин М.С. Искусственный интеллект в журналистских текстах URA.RU: первый этап внедрения нейросетевых решений / М.С. Вьюгин // Меди@льманах. — 2024. — № 6 (125). — С. 66−75. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2024.6675.
7. Давыдов С.Г. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике / С.Г. Давыдов, А.В. Замков, М.А. Крашенинникова, М.М. Лукина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2025. — № 5. — С. 3–21. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2023.321.
8. Зимина Л.В. Технологии искусственного интеллекта в медиаиндустрии: генерация изображений / Л.В. Зимина // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2023. № 2. — С. 14–23.

9. Зуйкина К.Л. Практики использования технологий искусственного интеллекта в российской тележурналистике / К.Л. Зуйкина, Д.В. Разумова // Наука телевидения. — 2025. — № 21 (2). — С. 133–158. — DOI: 10.30628/1994-9529-2025-21.2 133-158.
10. Клушина Н.И. Современный медиатекст в новой цифровой среде / Н.И. Клушина // Русский язык за рубежом. — 2025. — № 3. — С. 6–15.
11. Клушина Н.И. (Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта: монография / Н.И. Клушина. — Москва: ФЛИНТА, 2026. — 148 с.
12. Короткевич М.А. Функции и примеры внедрения больших языковых моделей в современных медиакоммуникациях / М.А. Короткевич // Наука и школа. — 2025. — № 2. — С. 42–52. — DOI 10.31862/1819-463X-2025-2-42-52.
13. Лукина М.М. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации / М.М. Лукина, А.В. Замков, М.А. Крашенинникова, Д.Ю. Кульчицкая // Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — Т. 11, № 4. — С. 680–694. — DOI 10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694.
14. Макашова В.В. Дезинформация как предмет научного анализа: традиционные и новые подходы / В.В. Макашова // Меди@льманах. — 2023. — № 6 (119). — С. 16−22. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622.
15. Морозова А.А. Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в сфере массмедиа: мнение российской аудитории / А.А. Морозова, А.Д. Арсентьева // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2022. — № 2 (44). — С. 150–158.
16. Мухина О.С. Нейросети для генерации иллюстраций: к проблеме адаптационных практик / О.С. Мухина, В.Ф. Олешко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2024. — Т. 29. — № 4. — С. 788–798.
17. Нигматуллина К.Р. Системные вызовы для региональных редакций при внедрении нейросетей в медиа производство / К.Р. Нигматуллина, Р.М. Касымов, А.К. Поляков // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2025. — № 5. — С. 156–178. — DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.156178.
18. Пригонов Д.А. Стилистическая адаптация медиатекстов с использованием генеративных моделей CHATGPT и DEEPSEEK / Д.А. Пригонов, И.И. Просвиркина // Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности. — 2025. — Т.10. — № 7 (57). — Ч.2. — С. 147–154.
19. Слободянюк Н.Л. Этические и правовые аспекты использования нейросетей в журналистике / Н.Л. Слободянюк // Вестник КРСУ. — 2023. — № 23 (10). — С. 156–161.
20. Терентьева Е.В. Принципы и нормы медиаэтики в эпоху искусственного интеллекта / Е.В. Терентьева, Е.Б. Павлова // Мир науки, культуры, образования. — 2025. — № 5 (114). — С. 462–465.
21. Чертовских О.О. Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития / О.О. Чертовских, М.М. Чертовских // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8. — № 3. — С. 555–568.
22. Шведов И.Ю. Постправда: фейковые новости как феномен современной культуры / И.Ю. Шведов // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. — 2025. — Т. 50. — № 1. — С. 196–202.
23. Cools H., Diakopoulos N. (2024) Uses of Generative AI in the Newsroom: Map ping Journalists' Perceptions of Perils and Possibilities / H. Cools, N. Diakopoulos // Journalism Practice. – 2024. – No 20 (21). – P. 1–19.
24. Lewis S.C. Automation, Journalism and Human-Machine Communication: Rethinking Roles and Relationships of Humans and Machines in News / S.C. Lewis, A.L. Guzman, T. Schmidt // Digital Journalism. – 2019. – Vol. 7. – No 2. – P. 409–427. — DOI 10.1080/21670811.2019.1577147.
25. Lewis S.K. Generative AI and its disruptive challenge to journalism: An institutional analysis / S.K. Lewis, A.L. Guzman, T.R. Schmidt, B. Lin // Communication and Change. — 2025. — Vol. 1. — No 1. — P. 1–9. — DOI:10.1007 / s44382-025-00008-x.
26. Shi Y., Sun L. How generative AI is transforming journalism: devel opment, application and ethics / Y. Shi, L. Sun // Journalism and Media. – 2024. No 5. – P. 582–594. – DOI: 10.3390/journalmedia5020039.
27. Stahl B.C. From Computer Ethics and the Ethics of AI Towards an Ethics of Digital Ecosystems / B.C. Stahl // AI and Ethics. – 2022. – Vol. 2. No. 1. – P. 65–77. – DOI 10.1007/s43681-021-00080-1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

28. Дэвидсон А. Как платформы ИИ меняют медиа: генеративная журналистика и этические дилеммы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mpost.io/how-ai-platforms-are-reshaping-media-generative-journalism-and-ethical-dilemmas/ (дата обращения: 25.08.2026).

29. Цифровая экономика от теории к практике: как российский бизнес использует искусственный интеллект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.sostav.ru/app/public/files/raek.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

REFERENCES

1. Abboud A. M. W. (2024). Instrumenty AI-zhurnalistiki v protivodeistvii feikovoi real'nosti [AI journalism tools in countering fake reality]. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia [Sign: Problematic Field of Media Education], (4), 31–38. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-54-4-31-38. (In Russian).
2. Aleksandrov D. D. (2024). Novostnoi tekst i iskusstvennyi intellekt [News text and artificial intelligence]. Verba. Severo-Zapadnyi lingvisticheskii zhurnal [Verba. North-West Linguistic Journal], (4), 8–21. DOI 10.34680/VERBA-2024-4(14)-8-21. (In Russian).
3. Beinenson V.A. (2023). Primenenie generativnykh neirosetei v zhurnalistike: problemy i perspektivy [Application of generative neural networks in journalism: Problems and prospects]. Dinamika mediasistem [Dynamics of Media Systems], 3(1), 352–359. (In Russian).
4. Boldina K.A. (2024). Riski avtomatizatsii novostnoi zhurnalistiki na osnove II [Risks of automation of news journalism based on AI]. Modern Humanities Success, (3), 7–14. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14. (In Russian).
5. Vinogradova K.E., & Mel'nik G.S. (2025). Iskusstvennyi intellekt v zhurnalistike: sovremennye tendentsii v podgotovke mediaspetsialistov [Artificial intelligence in journalism: Current trends in training media specialists]. Voprosy mediabiznesa [Issues of Media Business], 4(4), 60–70. (In Russian).
6. Viugin M.S. (2024). Iskusstvennyi intellekt v zhurnalskikh tekstakh URA.RU: pervyi etap vnedreniia neirosetevykh reshenii [Artificial intelligence in journalistic texts of URA.RU: The first stage of implementing neural network solutions]. Medi@lmanakh [Media Almanac], (6), 66–75. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2024.6675. (In Russian).
7. Davydov S.G., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A., & Lukina M.M. (2025). Ispol'zovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v rossiiskikh media i zhurnalistike [The use of artificial intelligence technologies in Russian media and journalism]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10. Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism], (5), 3–21. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2023.321. (In Russian).
8. Zimina L.V. (2023). Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v mediaindustrii: generatsiia izobrazhenii [Artificial intelligence technologies in the media industry: Image generation]. Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela [News of Higher Educational Institutions. Printing and Publishing Issues], (2), 14–23. (In Russian).
9. Zuikina K.L. & Razumova D.V. (2025). Praktiki ispol'zovaniia tekhnologii iskusstvennogo intellekta v rossiiskoi telezhurnalistike [Practices of using artificial intelligence technologies in Russian television journalism]. Nauka televideniia [Television Science], 21(2), 133–158. DOI: 10.30628/1994-9529-2025-21.2 133-158. (In Russian).
10. Klushina N.I. (2025). Sovremennyi mediatekst v novoi tsifrovoi srede [Modern media text in the new digital environment]. Russkii iazyk za rubezhom [Russian Language Abroad], (3), 6–15. (In Russian).
11. Klushina N.I. (2026). (Neo)stilistika v epokhu iskusstvennogo intellekta: monografiia [(Neo)stylistics in the era of artificial intelligence: A monograph]. Moscow: FLINTA. (In Russian).
12. Korotkevich M.A. (2025). Funktsii i primery vnedreniia bol'shikh iazykovykh modelei v sovremennykh mediakommunikatsiiakh [Functions and examples of integration of large language models in modern mediacommunications]. Nauka i shkola [Science and School], (2), 42–52. DOI 10.31862/1819-463X-2025-2-42-52. (In Russian).
13. Lukina M.M., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A. & Kul'chitskaia D.Iu. (2022). Iskusstvennyi intellekt v rossiiskikh media i zhurnalistike: k diskussii ob eticheskoi kodifikatsii [Artificial intelligence in Russian media and journalism: Towards a discussion of ethical codification]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Issues of Theory and Practice of Journalism], 11(4), 680–694. DOI 10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694. (In Russian).
14. Makashova V.V. (2023). Dezinformatsiia kak predmet nauchnogo analiza: traditsionnye i novye podkhody [Disinformation as a subject of scientific analysis: Traditional and new approaches]. Medi@lmanakh [Media Almanac], (6), 16–22. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2023.1622. (In Russian).
15. Morozova A.A. & Arsent'eva A.D. (2022). Problemy i perspektivy ispol'zovaniia iskusstvennogo intellekta v sfere massmedia: mnenie rossiiskoi auditorii [Problems and prospects of using artificial intelligence in mass media: The opinion of the Russian audience]. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia [Sign: Problematic Field of Media Education], (2), 150–158. (In Russian).
16. Mukhina O.S. & Oleshko V. F. (2024). Neiroseti dlia generatsii illiustratsii: k probleme adaptatsionnykh praktik [Neural networks for illustration generation: On the problem of adaptive practices]. Vestnik

Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Literary Studies. Journalism], 29(4), 788–798. (In Russian).
17. Nigmatullina K.R., Kasymov R.M. & Poliakov A.K. (2025). Sistemnye vyzovy dlia regional'nykh redaktsii pri vnedrenii neirosetei v media proizvodstvo [Systemic challenges for regional editorial offices in implementing neural networks in media production]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10. Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism], (5), 156–178. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.156178. (In Russian).
18. Prigonov D.A. & Prosvirkina I.I. (2025). Stilisticheskaia adaptatsiia mediatekstov s ispol'zovaniem generativnykh modelei CHATGPT i DEEPSEEK [Stylistic adaptation of media texts using generative models CHATGPT and DEEPSEEK]. Mezhdunarodnyi zhurnal informatsionnykh tekhnologii i energoeffektivnosti [International Journal of Information Technologies and Energy Efficiency], 10(7), 147–154. (In Russian).
19. Slobodianiuk N.L. (2023). Eticheskie i pravovye aspekty ispol'zovaniia neirosetei v zhurnalistike [Ethical and legal aspects of using neural networks in journalism]. Vestnik KRSU [Bulletin of KRSU], (10), 156–161. (In Russian).
20. Terent'eva E.V. & Pavlova E.B. (2025). Printsipy i normy mediaetiki v epokhu iskusstvennogo intellekta [Principles and norms of media ethics in the era of artificial intelligence]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia [World of Science, Culture, Education], (5), 462–465. (In Russian).
21. Chertovskikh O.O. & Chertovskikh M.M. (2019). Iskusstvennyi intellekt na sluzhbe sovremennoi zhurnalistiki: istoriia, fakty i perspektivy razvitiia [Artificial intelligence in the service of modern journalism: History, facts and development prospects]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Issues of Theory and Practice of Journalism], 8(3), 555–568. (In Russian).
22. Shvedov I.Iu. (2025). Postpravda: feikovye novosti kak fenomen sovremennoi kul'tury [Post-truth: Fake news as a phenomenon of modern culture]. NOMOTHETIKA: Filosofiia. Sotsiologiia. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 50(1), 196–202. (In Russian).
23. Cools H. & Diakopoulos N. (2024). Uses of generative AI in the newsroom: Mapping journalists' perceptions of perils and possibilities. Journalism Practice, 20(21), 1–19.
24. Lewis S.C., Guzman A.L. & Schmidt T. (2019). Automation, journalism and human-machine communication: Rethinking roles and relationships of humans and machines in news. Digital Journalism, 7(2), 409–427. DOI 10.1080/21670811.2019.1577147. (In English).
25. Lewis S.K., Guzman A.L., Schmidt T.R. & Lin B. (2025). Generative AI and its disruptive challenge to journalism: An institutional analysis. Communication and Change, 1(1), 1–9. DOI:10.1007 / s44382-025-00008-x. (In English).
26. Shi Y. & Sun L. (2024). How generative AI is transforming journalism: Development, application and ethics. Journalism and Media, 5(2), 582–594. DOI: 10.3390/journalmedia5020039. (In English).
27. Stahl B.C. (2022). From computer ethics and the ethics of AI towards an ethics of digital ecosystems. AI and Ethics, 2(1), 65–77. DOI 10.1007/s43681-021-00080-1. (In English).

Поступила в редакцию 09.09.2026 г.

LEXICO-SYNTACTIC AND STYLISTIC SPECIFICITY OF GENERATIVE MEDIA TEXT (ON MATERIAL OF AUDIO GUIDES)

V.A. Egoshkina

The article deals with the analysis of generative media texts created by the DeepSeek neural network for a company that develops audio guides. A brief overview is presented, and a systematization of theoretical studies on the problem of introducing artificial intelligence into the media is carried out. It is clarified that modern foreign and domestic works have not yet developed a methodology for studying generative texts, especially from the perspective of linguistic and stylistic specifics. The work takes into account the achievements of neo-stylistics, within the framework of which a new direction in the study of generative media texts is being formed. The case study method, which includes the analysis of the prompt and the linguistic and stylistic features of the generated text, has been tested. The material for the study consisted of 117 texts created for audio guides for such cities as Yaroslavl, Sergiev Posad, and Kaliningrad. Conclusions have been drawn regarding the compliance of the obtained texts with the requirements specified in the prompt and with the media materials represented in traditional audio tours. Lexical, syntactic, and stylistic features of generative texts have been identified. It has been found out that they are characterized by schematicity, simplification, standardization, and the presence of unreliable information, while not being devoid of emotionality, and expressiveness.

Key words: media text, generative media text, neural network, artificial intelligence, prompt, neostylistics, audio guide, case study.

Егошкина Виолетта Александровна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», Российская Федерация, г. Омск.
Доцент кафедры журналистики и медиалингвистики.
ORCID 0000-0003-3173-8289.
E-mail: v.egoshkina@yandex.ru

Egoshkina Violetta Aleksandrovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk.

Associate Professor at Department of Journalism and Media Linguistics.
ORCID 0000-0003-3173-8289.
E-mail: v.egoshkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'42:316.77:004.8
DOI: 10.5281/zenodo.23924885

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В ИИ-ОПОСРЕДОВАННОМ ДИСКУРСЕ ПАМЯТИ

© 2026 ***И.В. Метлушко***
Учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков»
ORCID 0009-0003-6444-5447

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена исследованию ИИ-опосредованного дискурса памяти — разновидности дискурса памяти, в которой создание, хранение, систематизация, трансляция и забвение индивидуальных и коллективно разделяемых представлений о прошлом распределены между человеком и большими языковыми моделями. На материале 100 «оживших историй», опубликованных в социальных сетях в 2025–2026 гг., рассматриваются способы репрезентации исторических личностей. Исследована структурно-семантическая организация «оживших историй»; использование я-нарратива и повествования от третьего лица, их комбинации для удержания внимания аудитории. Выявлены способы национализации памяти в исследованном материале, а также частотное обращение к современникам посредством аватаров героев Великой Отечественной войны. Технические решения нейрокреаторов, подчиненность «оживших историй» требованиям социальных сетей, влияют на преобладание общего в вербальной составляющей видео и различного — в невербальной. Делается вывод о том, что ИИ-опосредованный дискурс памяти участвует в формировании нового способа обращения с прошлым, участвуя в национализации памяти и перераспределении того, что подлежит дигитализации, трансляции в социальных медиа и, полагаем, в долгосрочной перспективе окажет влияние на селективность запоминания, забвения коллективного прошлого массовым адресатом.

Ключевые слова: дискурс памяти, ИИ-опосредованный дискурс памяти, Digital Memory Studies, большая языковая модель, аватар, социальные сети.

Для цитирования: Метлушко И.В. Репрезентация исторических личностей в ИИ-опосредованном дискурсе памяти // И.В. Метлушко // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 6. — С. 86–94. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23924885.

Развитие и доступность больших языковых моделей стимулируют творческую активность заинтересованных пользователей. Возможность генерировать видео, аудио и тексты с разной степенью фактологической достоверности позволяет обычным пользователям и нейрокреаторам (специалистам по работе с большими языковыми моделями, которые создают тексты, видео, музыку) представлять массовому адресату реконструкции событий прошлого, фольклорных сюжетов, биографий исторических персоналий и т.п. Просмотры, репосты и комментарии аудитории свидетельствуют о востребованности такого контента в социальных сетях, где он выступает новым способом создания, хранения, систематизации, трансляции и забвения индивидуальных и коллективно разделяемых представлений о прошлом.

Одним из следствий такой востребованности нейрогенеративных текстов, видео, аудио о прошлом становится изменение медийного пространства в цифровую эпоху [1], создание «новой памяти» [8, p. 9], которая формируется наряду с развитием традиционных способов взаимодействия с прошлым. Использование больших языковых моделей

открывает альтернативный способ создания «прошлого, которого не было» [8, p. 9] — без проживания опыта, когнитивной обработки, структурирования данных, формирования коллективно приемлемого нарратива и оценок прошлого. Также большие языковые модели предлагают альтернативный вариант хранения информации со снижением рисков забывания в силу биологических (например, ухудшение когнитивных способностей человека) и/или социальных причин (невостребованность, табуированность некоторой информации в обществе), что затрагивает и вопрос цифрового бессмертия.

Интенсивное развитие *дискурса памяти*, понимаемого как «совокупность полимодальных дискурсивных практик, движимых интенциями создания, сохранения, трансляции, забвения индивидуальных и/или коллективных знаний, представлений, оценок прошлого» [2, с. 97], получает новое осмысление в XXI в. в силу применения больших языковых моделей, которые позволяют не только собирать и обобщать данные о прошлом из доступного им информационного массива, но и воспроизводить некоторый синтетический, псевдореконструированный вариант прошлого. Понимание дискурса памяти как зонтичного феномена, включающего многочисленные формы представления прошлого в музейной коммуникации, коммеморативных практиках, художественной литературе, кино, медиа и пр., дополняется понятием *ИИ-опосредованный дискурс памяти*, под которым мы понимаем дискурс памяти, созданный с полным или с частичным делегированием задач по его производству большим языковым моделям. Изучение ИИ-опосредованного дискурса памяти в многочисленных его проявлениях ведется представителями разных наук в русле Digital Memory Studies (активно развивающегося междисциплинарного направления, у истоков которого стоят А. Хоскинс, В. Констайнер, О. Шварц, К. Пентзолд, Дж. Гарде-Хансен, А. Ридинг и др.).

Наметившиеся изменения в работе с индивидуальной и коллективной памятью в цифровом пространстве расширяют перечень существующих вопросов в Digital Memory Studies: о влиянии медиа на способы отбора, создания и трансляции памяти о коллективном прошлом [7]; о возможности обозначения разобщенных пользователей социальных медиа «коллективным адресатом». Также исследуются демократизация и национализация памяти в цифровом пространстве; мультимодальные средства создания достоверности исторического нарратива в социальных сетях и не только [3]; способы оязыковления индивидуальной и коллективной памяти в медиапространстве [2, 3]; многочисленные факторы, обуславливающие сходства и различия биографического интервью, воспоминаний и публикаций в социальных сетях [9].

Помимо перечисленного, применение новых алгоритмизированных решений на основе усредненного «знания», которое формируется у моделей во время обучения на многочисленных текстах, созданных человеком, поднимает и иные вопросы, например, (не)способность человека отличить генеративный контент от реального, что порождает вопросы о достоверности [4, 10], этичности репрезентации прошлого согласно законам цифрового пространства [6].

Новый способ работы с прошлым и памятью предполагает сочетание вербальных (рассказ исторической личности, субтитры и пр.), аудиовизуальных (синтез речи, стилизация под архивную съемку, музыка и пр.) и платформенных параметров (алгоритмичность, короткий формат (shorts, reels) и др.), влияющих на итоговый псевдореконструируемый вариант прошлого, распространяемый в социальных сетях и не только. Генеративные модели способны воссоздавать характерные, узнаваемые черты некоторого исторического периода, включая архитектуру, костюмы, речь и т.п., однако одновременно нейросети могут добавлять разнородные, анахроничные элементы, приписывать высказывания, мнения и реакции историческим персонажам, исключать события или упрощать причинно-следственные связи. Нейрокреатор может исключить

экспертную оценку прошлого, верификацию данных и т.п. процедуры, полагаясь на предлагаемый ему «усредненный» образ прошлого, основанный на «усредненных» знаниях нейросети. Кроме того, нейросети способны собирать и представлять данные под любую характеристику персонажа, запрашиваемую в промпте, искажая тем самым исторические факты и/или коллективное представление о событии или личности.

Создаваемый нейрокреаторами ИИ-опосредованный дискурс памяти для социальных медиа «вписывается в экономику внимания, где техническая компетенция и адаптация к виральным форматам начинают конкурировать с историографическим знанием, а вовлеченность адресата конвертируется в оплату работы нейрокреатора» [6, p. 114]. Установлено, что нейрокреаторы чаще создают дискурс памяти на основе противоречивых, аффективно нагруженных тем [5], что позволяет им удерживать внимание адресатов. Такая практика влияет на взаимодействие адресата с историческими материалами в социальных сетях, например, делая популярными наиболее противоречивые или спорные исторические события. Также открытым для современных исследований является вопрос о влиянии ИИ-опосредованного дискурса памяти на индивидуальную и коллективную память, которые сталкиваются с результатом алгоритмической комбинаторики фактов, культурных стереотипов, визуальных клише, популярных нарративов и в значительной степени зависит от промпта и интенций нейрокреатора, уровня его знаний, способности и желания верифицировать как визуальный, так и вербальный продукт, создаваемый нейросетью**.**

Новым вызовом для исследователей способов представления индивидуальной и коллективной памяти в цифровом пространстве является защита персональных данных, создание цифровых двойников умерших (аватаров) или нейрогенеративных персонажей, не имеющих прототипа в реальности (симулякров), достоверность и непредвзятость нейрогенеративного контента, рассмотрение больших языковых моделей (ИИ-агентов) в качестве акторов памяти и анализ влияния этих моделей на способы получения знаний о прошлом, выявление общего и различного в человеческой и алгоритмизированной работе с прошлым.

Примерами ИИ-опосредованного дискурса памяти служат *исторические влоги от первого лица*, именуемые также *репортажами из прошлого*, *ИИ-путешествиями в прошлое*, *History POV*, в которых блогеры, симулякры, аватары берут интервью у солдат во время Бородинского сражения, ведут репортаж с борта «Титаника» или слушают рассказы строителей египетских пирамид. Например, нейрогенеративное видео о строительстве пирамид сопровождается рассказом одного из «участников процесса»: «*Ты спрашиваешь, как мы поднимали такие тяжёлые камни? Не было у нас чудесных машин, но у нас было время, знание и упорство. Мы строили хорошие ровные дороги и тащили груз по ним, поливая покрытие водой или маслом, чтобы облегчить скольжение. Мы строили пологие пандусы из кирпича. И шаг за шагом, слой за слоем, поднимали камни всё выше. Мы выбирали место для стройки рядом с каменоломнями, чтобы сократить рабочим путь. Ты видишь в пирамидах лишь камень. Мы видели в них лестницу в небо».*

Внимания заслуживают и *ИИ-докудрамы* — кинореконструкции событий, созданные полностью или частично с помощью больших языковых моделей, которые востребованы в современных научно-популярных и документальных передачах.

Особую популярность приобрели «*ожившие истории*», где аватары исторических личностей (созданные с помощью генеративных и больших языковых моделей персонажи некогда живших людей) рассказывают зрителю о жизни прототипа (человека). Такие видео используют в развлекательных, образовательных (медиапроект «Родина героев»), иллюстративных целях в медиа, учреждениях образования и музеях (например, «ожившие истории» жертв Хатынской трагедии в мемориальном комплексе «Хатынь» и мн. др.

местах). О популярности подобного контента в современном мире свидетельствует не только наличие многочисленных «оживших историй», но и существование сервиса character.ai и ему подобных. Платформа и веб-приложение с функцией чат-бота character.ai, работающие с 2022 г. на основе большой языковой модели, предоставляют человеку возможность общаться (переписка, звонки) с аватарами исторических личностей или симулякрами (например, книжными персонажами), насчитывая более 20 миллионов активных пользователей, посещающих сайт от 165 до 185 миллионов раз ежемесячно. Наличие подобных ИИ-компаньонов не только указывает на интерес к современным технологиям, но и фиксирует потребность во взаимодействии с прошлым посредством аватаров исторических личностей и симулякров.

Материалы и методы исследования. С целью изучения способов репрезентации исторических личностей в ИИ-опосредованном дискурсе памяти проанализировано 100 наиболее популярных «оживших историй», отобранных методом целенаправленной выборки по хештэгу #ИИ в социальных сетях (Вконтакте, TikTok и др.) в 2025–2026 гг. Главными действующими лицами (аватарами) в исследованных видео выступают выдающиеся ученые и деятели культуры, религиозные деятели, военные, представители династий и пр. (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Я. Дроздович, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), К. Гибенталь, Я.О. Наркевич-Иодко, А.П. Еремич, О. Кошевой, Н. Орда, М. Шагал и мн. др.). Практический материал изучен с помощью дискурс-, компонентного, количественного и контент-анализа.

Основная часть. Исследованный ИИ-опосредованный дискурс памяти, представленный в «оживших историях», характеризуется наличием как общего для всех единиц практического материала, так и различного в представлении исторических персоналий. Если общее более характерно для вербального сегмента видео, то различное — для его невербальной составляющей.

Общим для всех исследованных «оживших историй» является наделение персонажей современным русским языком, игнорирование присущих прототипам лексических, грамматических, фонетических и прочих особенностей говорения в период жизни персонажей из разных эпох и стран. Подобное генеративное общение персонажей с массовым адресатом на современном русском языке, с одной стороны, способствует лучшему пониманию современниками описываемого. С другой стороны, подобная анахрония приводит к иллюзии достоверности, аутентичности персоналий. Например, в исследованном ИИ-опосредованном дискурсе памяти выявлены случаи озвучивания аватарами устоявшихся суждений, оценок деятельности потомками. Так, аватар Петра Первого сообщает адресатам, что он *прорубил окно в Европу*. Несомненно, Петр Первый предпринимал осознанные действия, создавал условия для выхода России к Балтийскому морю, однако метафора о *прорубленном окне в Европу* возникла значительно позже и стала широко известна благодаря упомянутому А.С. Пушкиным в тексте «Медного всадника» (*Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложён / Назло надменному соседу. / Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твёрдой стать при море*). В свою очередь, А.С. Пушкин в примечании к указанному произведению дает ссылку на Ф. Альгоратти как автора метафоры о *прорубленном окне.*

Помимо более поздних оценок и суждений потомков о деятельности исторических личностей, нейрокреаторы способны наделять аватары современным сленгом (выявлено в 4% исследованных «оживших историй», где весь практический материал принят за 100%). Подобные образцы ИИ-опосредованного дискурса памяти комичны, выполняют развлекательную функцию, адресованы подрастающему поколению, что позволяет привлечь внимание адресата к исторической личности и его деятельности посредством

нестандартного представления, повысить ее визуальную узнаваемость адресатами в силу распространения контента в медиа. Так, в нейрогенеративном видео Л.Н. Толстой представлен сидящим в кресле и рассказывающим современниками о себе: «*Я, Лев Николаевич Толстой, топовый писатель XIX в., но вайбы мои вне времени. Когда-то был на чиле с тусовкой знати, потом словил жесткий инсайт и ушел в дзен. Отказался от лакшери лайфа, начал прокачивать духовность и моралити. Залетел в классику с «Войной и миром». Реально, четыре тома контента, но каждый — пушечка. Потом бахнул «Анну Каренину». Там любовь, измены, краш-эффект и немного депры. Я за осознанку, ЗОЖ и «не убей». Мясо не ем, от хайпа шарахаюсь, землей кайфую. Был как инфлюенсер своего времени. Меня даже банить хотели, но инфа разлеталась вирусно. Короче, если тебе близка тема — смысл жизни, как быть человечным и не загнать себя в суету — велкам. Ты — мой человек*».

Однако помимо перечисленных ранее положительных аспектов подобного представления Л.Н. Толстого в ИИ-опосредованном дискурсе памяти, отметим выраженную анахроничность речи аватара (*вайб*, *на чиле*, *инсайт*, *осознанка* и мн.др.), смысловой сдвиг в представлении писателя через категории современных медиа (характеристика *топовый писатель* указывает на рейтинг, а не на качество написанных Л.Н. Толстым произведений; *инфлюенсер*, *банить*, *вирусно* — лексика, отражающая современные реалии медиа); смысловые упрощения в описании произведений автора (роман «Анна Каренина» сведен к перечислению таких характеристик, как *любовь, измены, краш-эффект и немного депры*), его религиозно-философские искания и отлучение от церкви в 1901 г., скрыты за фразой «*Меня банить хотели*». Так, сленг, выступающий инструментом развлечения и популяризации нейрогенеративных аватаров исторических личностей, приводит к искажению фактов, если адресат не обладает достаточными знаниями для декодирования исторических фактов.

Вербальная составляющая «оживших историй» в большинстве (44% от всего исследованного материала принятого за 100%) представлена монологическим высказыванием от первого лица (я-нарративом), что повышает вовлеченность адресата, создает эффект личного общения со знаменитостью из прошлого. Вместе с тем речь аватаров анахронична, соответствует нормам современного русского языка. В группу «оживших историй», рассказанных от первого лица, входят и упомянутые ранее 4% видео с историческими личностями, говорящими на современном сленге. Для создания большей достоверности нейрокреаторы сообщают в я-нарративах фактологические данные — даты, топонимы, родственные связи, указывают, как то или иное событие из жизни исторической личности позже было зафиксировано историками. Например, *Дочь Рогволода, княжна Полоцка, — так началась моя история в X столетии. Я родилась там, где Западная Двина несет свои воды через богатые земли нашего рода, в семье, чье благородство и власть были неоспоримы* (из видео о Рогнеде). В приведенном примере упомянут не только титул и родственные связи (*Дочь Рогволода, княжна Полоцка*), положение (*семья, чье благородство и власть были неоспоримы, земли нашего рода*) исторической личности, но и приводятся топонимические отсылки (*Полоцк, Западная Двина*), что направлено на убеждение адресата в достоверности представляемого.

36% «оживших историй» содержат повествование от третьего лица (голос автора), что позволяет адресату оставаться сторонним наблюдателем происходящего в жизни исторической личности. Например, *Петр освоил 14 ремесел: был плотником, токарем, кораблестроителем. Он привез в Россию картошку и тюльпаны* (из видео о Петре I).

В 36% «оживших историй» выявлено 5% случаев, когда нейрокреатор использует в качестве третьего лица, рассказчика прототип близкого родственника, друга

исторической личности. Рассказ из уст приближенного к исторической личности лица призван повысить уровень интереса и доверия у массового адресата к сообщаемому. Рассказчик также наделен правом не только сообщать факты из жизни исторической личности, но и давать им оценки, делиться с адресатом своими впечатлениями от общения, восприятия и понимания причинно-следственных связей происходившего. Например, в «ожившей истории» о княгине Зинаиде Юсуповой рассказчиком выступает ее сын Феликс: «*В тот вечер государь попросил ее танцевать. Она не готовилась. Но мама никогда не умела долго стоять перед тем, что требовало шага. Тогда мне было 16. Мне казалось, что все ей дается легко*». Стоит отметить, что в видео Феликс Юсупов предстает в образе сентиментального, поддерживающего родных, трогательного рассказчика, производя положительное впечатление на адресата. Полагаем, что подобный исторический образ Феликса Юсупова, созданный тиражируемым в ИИ-опосредованном дискурсе памяти аватаром, может сохраниться в памяти у массового адресата, который, например, не осведомлен о причастности Феликса Юсупова к убийству Г. Распутина, последующему расследованию и ссылке Феликса.

В 20% проанализированных видео выявлены случаи сочетания монологической речи аватара исторической личности с повествованием от третьего лица. Смена лица обусловлена как необходимостью привлечь внимание адресата, так и возможностью перечисления отдельных биографических данных, озвучивания оценок действий персонажа. Так, автор ИИ-опосредованного дискурса памяти предлагает массовому адресату не только реконструкцию исторического события, но и озвучивает свое видение истории, персоналии, предлагает разделить оценку прошлого. Например, *Я родился мертвым. Меня оживили, уколов иголкой. Так начиналась жизнь простого мальчика из одного белорусского города* (из видео о М. Шагале). Подобный рассказ о М. Шагале представляется в ИИ-опосредованном дискурсе памяти через соединение я-нарратива (*Я родился мертвым. Меня оживили, уколов иголкой*) и повествования от 3-го лица, где приводится оценка событий (*Так начиналась жизнь простого мальчика из одного белорусского города*) и персоналии — обычный человек, жизнь которого с рождения не была простой.

Создание ИИ-опосредованного дискурса памяти в социальных сетях приводит к сокращению длительности видео согласно требованиям платформ и/или ограниченностью, стоимостью генеративных моделей, влияет на структурно-семантическую организацию генераций. Во-первых, для привлечения и удержания внимания адресата нейрокреатор сообщает в первые 10 секунд видео о драматичных и впечатляющих событиях из биографий прототипов. Например, видео о Я. Дроздовиче начинается так: *Я умирал на обочине дороги. Одинокий. Нищий. А в моей сумке лежали карты Марса. Это моя история*.

Во-вторых, ограниченность длительности видео побуждает нейрокреаторов и/или алгоритмизированные модели выбирать наиболее значимые и судьбоносные события из биографии исторической личности, что ставит вопрос о субъективности представленной информации, о соотношении на видео фактологических данных и эмоционально нагруженного сообщения. Отмеченное особо значимо на фоне упомянутых ранее результатов исследования N. Brolich и A. Neovesky о предпочтении нейрокреаторами противоречивых, аффективно нагруженных исторических тем [5].

В-третьих, биографические факты в «оживших историях» представлены в хронологическом порядке (за исключением вынесенных в начало видео наиболее значимых, запоминающихся данных), что позволяет адресату воспринимать события в их последовательности и выстраивать причинно-следственные связи.

В-четвертых, для 46% всех исследованных видео характерно подведение итогов, вербализация оценки профессиональной деятельности исторической личности, указание на вклад в развитие отрасли, общества, государства, личные отношения и т.п. Например, в видео о Х. Вейцмане — первом президенте Израиля — сообщается через упоминание его заслуг, вклада в создание государства Израиль: *В 1948 г. государство, которого не было 2000 лет, родилось. ООН проголосовала — государству Израиль быть! А мальчик из Мотоля стал ее первым президентом* (Мотоль — агрогородок в Беларуси). Отмечается стремление к указанию на национальную принадлежность персонажей, реализуется стремление к героизации прототипа. Так, в приведенном выше примере о Х. Вейцмане отмечается, что *мальчик из Мотоля стал первым президентом* Израиля. Очевидно, что описание Х. Вейцмана как *мальчика* акцентирует внимание на происхождении будущего главы государства из белорусского *Мотоля*, нивелируя иные его биографические данные, переезд, деятельность до президентства и т.п.

Указание на национальную принадлежность героев ИИ-опосредованного дискурса памяти — следствие развития политики памяти современными государствами, национализации памяти (политика государства по формированию национального нарратива), а также проявление национальной гордости. Например, *Весь мир называет его метод «русским наркозом», но он был из Беларуси! А. Еремич родился в Минской губернии в 1876 году* (из видео об А. Еремиче), развенчивается миф о приписывании заслуг другим деятелям, что обусловлено стремлением вызвать гордость за достижения соотечественников. Отметим, что вербализация национализации памяти в ИИ-опосредованном дискурсе памяти связана с ростом интереса к коллективной памяти, признанием роли последней в нациестроении.

В-пятых, в 14% всех исследованных «оживших историй» аватар вступает в контакт с современной аудиторией, акцентируя внимание на важности сохранения коллективной памяти о конкретной личности, событии. Последнее характерно для исследованных аватаров героев Великой Отечественной войны. Например, аватар Олега Кошевого произносит: «*Говорят, сегодня моим именем названы школы, музеи и библиотеки, а также улицы в Бердске и многих других городах России. Спасибо, что храните память. Мы живы, пока вы помните о нас*».

Различное в представлении исторических личностей в ИИ-опосредованном дискурсе характерно для его невербальной составляющей, что обусловлено наличием многочисленных нейрокреаторов, каждый из которых использует разные технические (и не только) решения: задает уникальный промпт, выбирает между оживлением статичных изображений (фотографий, картин), созданием кинематографичных или мультипликационных реконструкций, путешествий во времени аватара или симулякра и пр. Отмеченное преобладание различий на невербальном уровне, нежели в структурно-семантической организации нейрогенеративных видео, выборе языка, полагаем, связано и с алгоритмической природой создаваемых аватаров, общностью основных подходов к промптированию и популярностью ограниченного числа нейросетей, позволяющих создавать высококачественные видео.

Заключение. Таким образом, развитие больших языковых моделей способствовало появлению ИИ-опосредованного дискурса памяти, включающего *репортажи из прошлого*, *ИИ-докудрамы*, «*ожившие истории*». Создание новых способов обращения человека с прошлым, полагаем, влияет и будет в дальнейшем влиять на концептуализацию знаний о мире, создание, хранение, трансляцию и забвение коллективно разделяемых представлений о прошлом. ИИ-опосредованный дискурс памяти обеспечивает новый опыт взаимодействия с прошлым, дополняя, полностью или

частично замещая физические артефакты и знания, индивидуальную и коллективную память об исторических личностях их цифровыми аналогами.

Анализ видео «оживших историй» указывает на преобладание сходств в вербальной составляющей ИИ-опосредованного дискурса памяти (доминирование я-нарративов (44%) над повествованием от третьего лица (36%); обращение в 62% видео к национальной принадлежности исторической личности; вербализация прямых обращений аватаров к современной аудитории), на фоне существенных различий в невербальном представлении прошлого. Последнее обусловлено различиями в интенциях, промптах, творческих и технических решениях нейрокреаторов. Вместе с тем преобладающее сходство на вербальном уровне, структурно-семантической организации «оживших историй», полагаем, обусловлено ограниченным количеством высококачественных сервисов по созданию ИИ-видео, общностью заложенных в их работу алгоритмов и сходством подходов к промптированию.

Таким образом, ИИ-опосредованный дискурс памяти не только транслирует исторические сведения, но и участвует в перераспределении того, что подлежит дигитализации, трансляции в социальных медиа и соответственно запоминанию, забвению. Отбор фактов (в том числе алгоритмический), отражение национализации памяти, стремление удержать внимание, интерес адресата на созданном аватаре, формируют особый режим обращения с прошлым, в котором достоверность, эмоциональная вовлеченность, технические новации, виральность и новые формы и форматы медиа взаимосвязаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медиалингвистика цифровой эпохи : коллективная монография / под ред. Н.И. Клушиной, Т.В. Ицкович, Е.Н. Басовской. — Москва : ФЛИНТА, 2026. — 256 с.
2. Метлушко И.В. Коллективная память и дискурсивные практики номинации лиц, пострадавших во время Холокоста (на материале современных медиа Беларуси и Израиля) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 95–105. — DOI: 10.5281/zenodo.22065712.
3. Свистун Т.И. Компоненты национальной идентичности (в медиадискурсе Беларуси) // Вестник БГУИЯ. Серия 1, Филология. — 2025. — Т. 2, № 2. — С. 53–59.
4. Alexander C. C. “It Feels So Reel”: Animating Historical Portraits with Artificial Intelligence // Digital Culture & Education. — 2026. — Vol. 16, № 3. — P. 119–160.
5. Brolich N., Neovesky A. Examining AI-generated historical narratives and their reception through the example of history POVs on TikTok [Electronic resource] / N. Brolich, A. Neovesky. — Mode of access: https://arxiv.org/abs/2606.23300 (accessed: 25.07.2026). — DOI: 10.48550/arXiv.2606.23300.
6. Butzen G. A., Spyer Dulci T. M. Narrar o passado com algoritmos: inteligência artificial e visualidade histórica [Electronic resource] / G. A. Butzen, T. M. Spyer Dulci // Intellèctus. — 2026. — Vol. 25, no. 2. — P. 113–142. – DOI: 10.12957/intellectus.2026.96476.
7. Fu G. J., Soto-Sanfiel M. T., Saha S. When Seeing Is Not Believing: Reassessing the Persuasive Power of Deepfakes as Opposed to Text-Based First-Person Narratives of Historical Figures [Electronic resource] / G.J. Fu, M.T. Soto-Sanfiel, S. Saha. – Mode of access: https://osf.io/r6p8a_v1 (accessed: 27.07.2026).
8. Hoskins A., Prescott A., Wiggins B. Archives: Power, Truth, and Fiction. –Oxford: Oxford Academic, 2023. — 544 p. — https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198829324.001.0001
9. Pavlenko A. Autobiographic Narratives as Data in Applied Linguistics // Applied Linguistics. — 2007. — Vol. 28, № 2. — P. 163–188. — DOI: 10.1093/applin/amm008.
10. Smith Rumsey A. When We Are No More: How Digital Memory Is Shaping Our Future. — NY: Bloomsbury Press, 2016. — 229 p.

REFERENCES

1. Klushina N.I., Itskovich T.V. & Basovskaya E.N. (Eds.). (2026). Medialingvistika tsifrovoy epokhi: Kollektivnaya monografiya [Media linguistics of the digital era: Collective monograph]. FLINTA.
2. Metlushko I.V. (2026). Kollektivnaya pamyat' i diskursivnye praktiki nominatsii lits, postradavshikh vo vremya Kholokosta (na materiale sovremennykh media Belarusi i Izrailya) [Collective memory and discursive

practices of nominating persons affected during the Holocaust (based on contemporary media of Belarus and Israel)]. Vestnik Donetskogo Natsional'nogo Universiteta. Seriya D. Filologiya i Psikhologiya, (4), 95–105. https://doi.org/10.5281/zenodo.22065712
3. Svistun T.I. (2025). Komponenty natsional'noy identichnosti (v mediadiskurse Belarusi) [Components of national identity (in the media discourse of Belarus)]. Vestnik BSUIYa. Seriya 1, Filologiya, 2(2), 53–59.
4. Alexander C.C. (2026). "It feels so reel": Animating historical portraits with artificial intelligence. Digital Culture & Education, 16(3), 119–160.
5. Brolich N. & Neovesky A. (2026). Examining AI-generated historical narratives and their reception through the example of history POVs on TikTok. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2606.23300
6. Butzen G.A. & Spyer Dulci T. M. (2026). Narrar o passado com algoritmos: Inteligência artificial e visualidade histórica [Narrating the past with algorithms: Artificial intelligence and historical visuality]. Intellèctus, 25(2), 113–142. https://doi.org/10.12957/intellectus.2026.96476
7. Fu G.J., Soto-Sanfiel M.T. & Saha S. (2026). When seeing is not believing: Reassessing the persuasive power of deepfakes as opposed to text-based first-person narratives of historical figures. OSF. https://osf.io/r6p8a_v1
8. Hoskins A., Prescott A. & Wiggins B. (Eds.). (2023). Archives: Power, truth, and fiction. Oxford Academic. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198829324.001.0001
9. Pavlenko A. (2007). Autobiographic narratives as data in applied linguistics. Applied Linguistics, 28(2), 163–188. https://doi.org/10.1093/applin/amm008
10. Smith Rumsey A. (2016). When we are no more: How digital memory is shaping our future. Bloomsbury Press.

Поступила в редакцию: 17.09.2026

REPRESENTATION OF HISTORICAL FIGURES IN AI-MEDIATED MEMORY DISCOURSE

I.V. Metlushko

The article investigates AI-mediated memory discourse, i.e. a type of memory discourse, in which the creation, storage, systematization, transmission, and forgetting of individual and collectively shared representations of the past are distributed between humans and large language models. The empirical corpus incorporates 100 “revived stories” published in social media in 2025–2026. The study examines the ways historical figures are represented. The structural and semantic organization of the “revived stories,” along with the use of first- and third-person narration and their combination as a means of retaining audience attention are considered. The mechanisms of nationalizing memory in the corpus under analysis, as well as the frequent address to contemporaries through avatars of heroes of the Great Patriotic War are analysed.

The technical solutions used by neurocreators and the subordination of “revived stories” to social media requirements concerning the predominance of shared elements in the verbal component of videos and of divergent elements in the non-verbal component are studied. The conclusion is made that AI-mediated memory discourse shapes a new mode of dealing with the past, contributing to the nationalization of memory and the redistribution of what is subject to digitalization and transmission in social media and, we assume, will influence the selectivity of remembering and the forgetting of the collective past by the mass addressee.

***Key words*:** memory discourse, AI-mediated memory discourse, Digital Memory Studies, large language model, avatar, social media.

Метлушко Ирина Владимировна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Белорусский государственный университет иностранных языков, Республика Беларусь, г. Минск.
Доцент кафедры речеведения и теории коммуникации, руководитель лаборатории по изучению дискурса памяти.
ORCID: 0009-0003-6444-5447
E-mail: metluschko@mail.ru.

Metlushko Irina Vladimirovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Belarusian State University of Foreign Languages, Republic of Belarus, Minsk.
Associate Professor at Department of Speech Studies and Theory of Communication, Head of Scientific Laboratory of Memory Discourse Studies.
ORCID: 0009-0003-6444-5447
E-mail: metluschko@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 316.77:004.8
DOI: 10.5281/zenodo.23924952

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АВТОРСКИХ ФУНКЦИЙ В ЦИФРОВЫХ ИГРАХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

© 2026 *А.В. Николаева*[1], *Е.А. Силанов*[2]
[1]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», факультет журналистики, кафедра стилистики русского языка*
[2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*
ORCID[1] 0000-0003-1531-681X
ORCID[2] 0009-0004-8480-7211

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается трансформация авторства цифровой игры при использовании генеративного искусственного интеллекта. Проблема исследования связана с тем, что существующие в научном дискурсе работы разделяют анализ применения генеративных моделей в разработке и непосредственно в игровом процессе, не сопоставляя распределение авторских функций между разработчиком, игроком и системой. Материал исследования составили задокументированные случаи использования генеративного ИИ в играх Clair Obscur: Expedition 33, ARC Raiders, inZOI и Where Winds Meet. Были применены анализ документов и медиаматериалов, сравнительный кейс-анализ и функциональное сопоставление применения ИИ. В процессе исследования были выделены производственный, пользовательский и динамический режимы генерации. Установлено, что по мере приближения генерации к текущему игровому событию возрастают возможности игрока инициировать, конкретизировать и актуализировать содержание игрового контента. Указано, что и в этом случае разработчик сохраняет контроль над результатом и несет за него институциональную ответственность. При этом генеративная модель выполняет каузальную и операционную функцию в создании конкретного материала, нормативные же функции авторства сохраняются за творческим коллективом.

Ключевые слова: генеративный ИИ, цифровые игры, авторство, агентность, медиакоммуникация, генерация контента, пользовательское творчество, человеко-машинное взаимодействие.

Для цитирования: Николаева А.В. Распределение авторских функций в цифровых играх при использовании генеративного ИИ / А.В. Николаева, Е.А. Силанов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 95–104.— https://doi.org/10.5281/zenodo.23924952.

Введение. Распространение генеративного искусственного интеллекта меняет способы создания медиаконтента, в том числе и в цифровых играх, которые мы также относим к медиа. ИИ можно рассматривать как инструмент, который меняет взаимодействие участников медиакоммуникации [2, с. 23, 26], в том числе в рамках совместного создания контента человеком и системой [1, с. 3]. В цифровых играх генеративный ИИ может использоваться как разработчиками игрового контента, так и самим пользователем непосредственно в игровом процессе.

Цифровые игры мы можем рассматривать как медиаконтент, в них в полной мере реализуются такие признаки медиа, как семиотичность, массовость и взаимодействие с

аудиторией, они являются способом и средством отражения определенной картины мира, формирования смыслов и эмоций. Кроме того, как и все медиа, игры создаются при помощи техники.

Используется термин «цифровая игра», поскольку он охватывает все игры независимо от устройства, на котором они запускаются. Понятие «видеоигра» используется при разговоре об игровых консолях, изображение с которых выводится на телевизор, тогда как словосочетание «компьютерная игра» чаще всего соотносится с персональным компьютером.

Исследования использования генеративного ИИ в играх на современном этапе множатся, однако значительная часть таких работ до сих пор сосредоточена на технических возможностях искусственного интеллекта. В систематическом обзоре исследований GPT в игровой сфере выделяются такие направления, как процедурная генерация, смешанная инициатива при проектировании и во время игры, использование модели в качестве игрока и изучение пользовательского опыта [10, с. 1]. В одной из работ влияние генеративного ИИ на формирование контента рассматривается через изменения творческой агентности, профессиональных ролей и представлений об авторстве, речь в этом случае идет исключительно о разных стадиях производства игры [8, с. 1–2].

Можно утверждать, что в существующих на сегодняшний день исследованиях производственные практики и игровые генеративные механики рассматриваются преимущественно в разных исследовательских рамках, что не позволяет оценить роль ИИ в цифровых играх в полной мере.

Отметим, что вопрос об авторстве цифровой игры существовал и до появления генеративных моделей. Игра изначально предполагает некое несовпадение авторского замысла и каждого конкретного действия игрока. В исследованиях, описывающих соотношение авторской интенции и агентности игрока, это несовпадение описывается как некая градация: правила задаются разработчиком, но игровой текст получает конкретную форму в действиях игрока [7, с. 723–724, 730–731]. Генеративный ИИ добавляет к этой структуре новую опцию. Игрок, например, может выбирать что-то из заранее подготовленных разработчиками вариантов или самостоятельно инициировать появление нового объекта, реплики, которой до его запроса не существовало в игре. Можно ли сказать, что в последнем случае пользователь с помощью ИИ становится соавтором игры?

Очевидно, что нет, так как непосредственное участие в создании результата не тождественно авторскому статусу. При анализе авторства важно различать непосредственное участие в создании материала и роль автора, связанную с отбором, одобрением материала и с той ответственностью, которую автор несет за конечный результат [9, с. 5, 7–8]. Близкая высказанной выше позиция представлена в российском теоретическом поле: человек задает цель, контекст и критерии смысла, тогда как ИИ действует как сервисный механизм [4, с. 505, 507–508]. Для объективного рассмотрения цифровой игры «человеческую сторону» такой схемы необходимо разделить как минимум на разработчика и игрока, поскольку они по-разному определяют условия генерации и распоряжаются полученным результатом.

В рассмотренных исследованиях не предложена единая функциональная модель, позволяющая на общих основаниях сопоставить применение генеративного ИИ во время разработки игры, в пользовательских инструментах и непосредственно в игровом событии. Научная проблема данной работы состоит в определении того, как между разработчиком, игроком и генеративной системой перераспределяются отдельные функции, связанные с авторством. Новизна исследования заключается в

последовательном сравнении трех режимов применения генеративного ИИ: производственном, пользовательском и динамическом.

Объект исследования — задокументированные случаи использования генеративного ИИ в цифровых играх, предмет — изменение распределения указанных функций в зависимости от места генерации в жизненном цикле игры и источника возникновения новых вводных. Цель работы состоит в обсуждении и выявлении авторского участия в создании игрового контента при разных режимах включения в процесс генеративного ИИ. Для этого мы разграничим режимы применения генеративных систем, проанализируем игры — Clair Obscur: Expedition 33, ARC Raiders, inZOI и Where Winds Meet — и рассмотрим в них соотношение ролей разработчика, игрока и генеративного ИИ. Будет осуществлен сравнительный кейс-анализ цифровых игр, проведено сопоставление разных вариантов использования ИИ в цифровых играх. Рабочая гипотеза состоит в том, что при переходе от производственного режима к пользовательскому и динамическому возрастает непосредственное участие игрока в создании игрового контента, тогда как разработчик и на этом этапе сохраняет контроль над развитием игры и ограничениями генерации.

Цифровая игра, как известно, создается коллективно: в ее производстве участвуют специалисты, отвечающие за текст, графику, звук и программный код. Однако, что чрезвычайно важно, готовая игра не исчерпывается совокупностью произведенных разработчиками материалов. Полностью игра реализуется как контент только в процессе экранной коммуникации с пользователем [3, с. 124–126]. Поэтому при рассмотрении авторства необходимо учитывать как коллективный характер разработки, так и участие игрока в формировании конкретного игрового опыта.

Разработчик определяет и формирует в целом сам игровой мир, правила этого мира, а также действия, доступные игроку. Игрок же определяет конкретную траекторию прохождения игры [7, с. 723–724, 729–731]. В играх, где пользователю разрешено создавать собственные объекты или изменять игровое пространство, эти действия все равно происходят в пределах возможностей, предусмотренных разработчиком. Следует отличать влияние игрока на отдельный элемент игры от авторского контроля над произведением в целом: участник может стать причиной появления нового текста или изображения, не приобретая полномочий автора [9, с. 18–20].

Генеративный ИИ позволяет создавать конкретный материал на основе заданных человеком условий. Постановка цели и оценка результата при этом всегда остаются за разработчиками [4, с. 508].

Когда генеративная система производит отдельный элемент, разработчик определяет условия его появления и использования, а игрок своим запросом или действием инициирует конкретную генерацию. Если игроку предлагаются заранее подготовленные варианты действий, он выбирает между уже созданными возможностями. Генеративные инструменты позволяют игроку не только выбирать варианты из предложенных, но и дополнительно создавать материал, которого до отдельной игровой сессии вообще не существовало в окончательной форме.

Алгоритмическое создание игрового контента появилось задолго до распространения современных генеративных моделей. Процедурная генерация применяется для построения игровых уровней, пространств, объектов и других элементов как во время разработки, так и после запуска игры. Это более широкая область, чем генеративный ИИ в его современном понимании. К последнему преимущественно относят основанные на машинном обучении модели, способные производить текст, изображение, звук и другие виды материала [11, с. 235, 253].

В настоящей статье эти технологии рассматриваются как связанные, но не тождественные способы алгоритмического создания контента.

Для анализа важно, когда именно появляется сгенерированный материал. Он может быть создан в процессе разработки игры либо уже непосредственно во время игровой сессии [8, с. 2]. Во втором случае генерация может учитывать действия игрока и текущее состояние игрового мира [11, с. 243–244].

То, когда происходит генерация, необязательно определяет источник инициативы, при смешанной инициативе человек и генеративная модель могут последовательно влиять на результат [11, с. 244–245]. В производственной практике разработчик обычно сначала задает запрос, затем отбирает и исправляет полученный результат и только после этого включает его в игру [8, с. 12–15].

Если доступ к генеративной системе получает игрок, взаимодействие с ней становится частью игрового опыта. Его сообщение или действие может инициировать создание нового текста, предмета или даже события непосредственно во время сессии [10, с. 3–6].

Применение генеративного ИИ можно разложить по трем осям. Первая ось — время генерации, так как генерация может выполняться на этапе разработки, а может в ходе игровой сессии, вторая — источник инициативы, которым может быть разработчик или игрок, и третья — распределение авторских функций.

Различия между ролью разработчика и игрока с учетом момента введения новых элементов контента рассматриваются как основание для анализа изменений авторского участия [11, с. 242–244].

В производственном режиме генерация происходит до включения сгенерированного контента в игру, игрок не сталкивается непосредственно с самим процессом. В этом режиме разработчик сам ставит задачу, а после отбирает результат [8, с. 12–15]. В пользовательском режиме конкретный материал создается уже по запросу игрока, а в динамическом режиме создается в ходе игрового события как реакция системы на действия пользователя. Единицей анализа выступает конкретный способ применения генеративного ИИ, потому что одна игра может сочетать несколько режимов.

Материал и методы. Материал исследования составили четыре цифровые игры: «Clair Obscur: Expedition 33», «ARC Raiders», «inZOI» и «Where Winds Meet», в каждой из которых использовался генеративный ИИ. В этих играх можно проследить использование генеративного ИИ, а также определить, кто инициирует конкретную генерацию: разработчик или пользователь. Эмпирический корпус включает официальные материалы разработчиков и издателей, интервью с разработчиками, техническую документацию, публикации игровых премий и профильных СМИ. Основными методами выступают качественный анализ документов и сравнительный анализ кейсов. Для каждой игры было определено, когда происходит генерация — во время разработки или уже непосредственно во время игрового процесса, также было установлено распределение выделенных ранее авторских функций.

Основная часть. В «Clair Obscur: Expedition 33» генеративный ИИ применялся для создания временных внутриигровых текстур, которые, по словам разработчика, не должны были войти в окончательную версию игры. В «ARC Raiders» синтез речи, напротив, стал устойчивой частью производства голосового контента. Ключевое различие между кейсами связано с положением сгенерированного материала между первоначальным творческим решением и его включением в игровой продукт.

«Clair Obscur: Expedition 33» вышла 24 апреля 2025 г. Игра получила широкое признание и впоследствии была названа игрой года на нескольких крупнейших ежегодных премиях в игровой индустрии, одной из которых была The Game Awards 2025,

где игра также получила награды еще в восьми категориях [17]. Через пять дней в описании обновления 1.2.2 разработчики сообщили о замене временной текстуры на предназначенный для нее визуальный материал [15]. В сообщении об обновлении связь исправления с генеративным ИИ не обозначалась: происхождение текстуры было уточнено позднее. По объяснению Sandfall Interactive, в 2022 г. некоторые сотрудники непродолжительное время экспериментировали с появившимися генеративными инструментами и использовали результаты в качестве временных материалов. Отдельные экземпляры такой текстуры не были обнаружены при проверке и оказались в релизной версии. Студия утверждает, что после обновления сгенерированных материалов в игре не осталось [14].

Генеративная система использовалась для создания временной текстуры, тогда как ее отбор и решение о включении в игру оставались за разработчиками [8, с. 12–13].

Использование генеративного ИИ повлияло и на результаты игровых премий. Например, организаторы премии The Indie Game Awards аннулировали две присужденные игре награды, поскольку правила запрещали использование генеративного ИИ [20]. Награды, полученные «Clair Obscur: Expedition 33» на The Game Awards, пересмотрены не были [17].

В игре «ARC Raiders» студия Embark использовала синтез речи для создания части голосового контента на основе сделанных ранее записей голосов актеров [12; 19]. Процесс схематично выглядел так: актер создает голосовую основу, разработчики определяют текст и область применения реплики, система формирует конкретный аудиофрагмент, а студия принимает решение о его включении в игру. Генеративной системе было передано лишь создание отдельного варианта, отбором результата все равно занималась студия. Возможность воспроизводить голос или образ исполнителя после первоначальной записи можно рассматривать как один из трудовых и правовых рисков генеративного ИИ [5, с. 893–895]. Правда, руководство Embark утверждает, что актерам оплачивается работа в студии, а использование их голосов для синтеза речи предполагает отдельное разрешение на лицензирование [19].

После выпуска игры «голосовой контент» продолжил меняться. В марте 2026 г. руководитель Embark Патрик Седерлунд сообщил, что часть синтетических реплик была заново записана профессиональными актерами и что сгенерированных реплик в игре стало меньше, чем на момент релиза. Студия, однако, не отказалась от самой технологии. Седерлунд описывал технологию прежде всего как производственный инструмент, позволяющий проверить несколько вариантов реплики до того, как будет принято решение о полноценной записи [21].

В цифровой игре «inZOI» инициатором конкретной генерации становится уже пользователь. Игроку доступны такие опции, как создание текстур по текстовому запросу, преобразование изображения в трехмерный объект и генерация пользовательских движений [16]. Игроку достаточно сформулировать запрос генеративной модели, чтобы получить результат, тогда как разработчик задает техническую инфраструктуру и ограничения доступных игроку возможностей [7, с. 730–731; 18]. Игрок получает функции инициирования генерации, а также может уточнять содержание генерации внутри заранее спроектированной системы.

В Where Winds Meet ИИ генерация включена непосредственно в игровое взаимодействие. Согласно официальной информации разработчика, для игры было создано 10 тыс. уникальных неигровых персонажей, способных по-разному реагировать на действия пользователя [13]. Пользователь может общаться в реальном времени с многими неигровыми персонажами с помощью текста или голоса. Отдельно доступна и

опциональная функция: генерация внешности персонажа по загруженному изображению [22]. Последняя функция близка к рассмотренным на примере inZOI инструментам создания пользовательского контента. Для анализа динамического режима особенно важен диалоговый механизм, поскольку создаваемая реплика становится частью игрового события.

В обычном диалоговом дереве игрок выбирает один из предусмотренных разработчиком вариантов, но не участвует в создании ответа персонажа. В описанном для Where Winds Meet механизме пользовательский ввод выступает условием генерации конкретной реплики. Разработчик задает исходные параметры ситуации и условный характер персонажей, а также их предысторию, а пользовательский ввод актуализирует конкретный вариант игрового события [7, с. 730–731].

В исследовании возможностей генеративного ИИ при сопоставлении прохождений 28 игроков с исходным нарративным графом были выявлены 53 новых сюжетных узла, 43 из которых не повторялись в других сессиях [6, с. 5]. Этот результат показывает, что действия игрока существенно влияют на генерацию, которая может выходить за пределы заранее прописанной разработчиками последовательности событий.

Рассмотренные кейсы представляют три режима применения генеративного ИИ: производственный, пользовательский и динамический. Они различаются моментом генерации, источником инициативы и распределением функций между разработчиком, игроком и системой. Эти различия представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение функций при использовании генеративного ИИ в рассмотренных игровых кейсах

Игровой кейс	**Конфигурация применения**	**Функция генеративной системы**	**Распределение человеческих функций**
«Clair Obscur: Expedition 33»	Производственный режим; инициатор – разработчик	Создание временного визуального варианта	Разработчик ставит задачу, проверяет результат, выбирает окончательный материал и принимает решение о его интеграции или замене
«ARC Raiders»	Производственный режим; инициатор – разработчик	Синтез новых аудиофрагментов на основе записанного человеческого голоса	Актер создает голосовую основу; разработчик определяет текст и область применения реплик, отбирает результаты и включает их в игру
«inZOI»	Пользовательский режим; инициатор – игрок	Создание текстуры, объекта или движения по запросу либо исходному материалу пользователя	Разработчик задает возможности и ограничения инструмента; игрок предоставляет исходные данные, конкретизирует и отбирает результат
«Where Winds Meet»	Динамический режим; инициатор – игрок в процессе взаимодействия	Создание реакции неигрового персонажа на пользовательский ввод в реальном времени	Разработчик задает устройство мира, характеристики персонажа и пределы взаимодействия; игрок инициирует и актуализирует конкретную реакцию

В производственном режиме генерация остается одной из операций внутри контролируемой студией цепочки. С помощью генеративного ИИ создается материал, а разработчики его отбирают, редактируют и интегрируют [8, с. 12, 16].

В пользовательском и динамическом режимах меняется прежде всего источник инициативы. В пользовательском и динамическом режимах часть инициативы переходит к игроку, однако возможности и ограничения системы по-прежнему определяет разработчик [7, с. 730–731]. Генеративный ИИ увеличивает вариативность конкретного игрового опыта, но не устраняет эту исходную асимметрию.

Непосредственно генеративная система создает изображение, объект или реплику, но не принимает решений об их публикации и не несет ответственности за использование результата. Отбор, одобрение и ответственность — это уже вопрос авторского контроля [9, с. 5, 7], который в рассмотренных случаях сохраняется за игроком или разработчиком.

Полученные результаты согласуются с идеей о различии ролей человека и ИИ, человек задает цель и оценивает результат, тогда как ИИ выполняет вспомогательную функцию [4, с. 507–508]. Говоря о цифровой игре, необходимо различать роли разработчика и игрока: разработчик создает саму игру и задает ей рамки, а игрок может запускать генерацию и конкретизировать запрос.

Рассмотренные случаи показывают, что ИИ не заменяет участников медиапроизводства, а лишь меняет распределение действий и ответственности между ними [2, с. 44–45]. В исследованиях взаимодействия человека и машины внимание также смещается с вопроса о возможности признания ИИ автором на изменение отношений между человеком и машиной и круга участников творческого процесса [5, с. 883]. Для цифровых игр эта трансформация выражается в перераспределении функций между разработчиком, игроком и генеративной системой в зависимости от стадии применения технологии, источника инициативы и распределения контроля над результатом.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что влияние генеративного ИИ на авторство цифровой игры определяется прежде всего местом генеративной операции в жизненном цикле продукта и источником инициативы. Сопоставление Clair Obscur: Expedition 33, ARC Raiders, inZOI и Where Winds Meet позволило выделить три режима применения генеративного ИИ: производственный, пользовательский и динамический.

Во внутрипроизводственном режиме рамка, оценка вариантов и решение об их включении в продукт остаются за студией. Сравнение временных ассетов Clair Obscur: Expedition 33 и синтетической речи, сохраненной в ARC Raiders, показывает, что присутствие сгенерированного материала в окончательной версии игры само по себе не наделяет модель авторским статусом. В пользовательском режиме часть инициативы переходит к игроку: в inZOI он задает запрос или предоставляет исходный материал, а затем решает, использовать ли полученный объект. В Where Winds Meet, в динамическом режиме, ситуация другая. При игровом взаимодействии на основе пользовательского ввода генерируется «реакция» неигровых персонажей, создаются их реплики. Мы видим, что во всех примерах разработчик все еще определяет как устройство самой системы, так и допустимые границы генерации. Функциональный подход помогает нам уточнить, что такое «распределенное авторство». Генеративная модель вносит свой вклад на основе вводных данных, создавая изображение, трехмерный объект или генерируя реплику.

Рамки вводных данных заданы разработчиком, результат генерации также одобряется людьми, поэтому именно люди несут ответственность за созданный контент. Игрок участвует в игровом событии, но не получает контроль над самой игрой, над целостным произведением. Авторское участие игрока ограничено рамками

разыгранного события или же объекта, который игрок сам создает. Рабочая гипотеза получила подтверждение. Контроль разработчика меняется. Вместо того чтобы самостоятельно контролировать каждый вариант генерации искусственного интеллекта, интегрируя его в игру, разработчик все больше связан с проектированием условий и рамок генерации. Игрок в определенных условиях может сам инициировать генерацию контента, конкретизировать свой запрос. Игрок получает возможность, в определенных границах, влиять на внутриигровой контент. Генеративный ИИ занимает между разработчиком и игроком промежуточную операционную позицию, не принимая на себя нормативного авторского статуса.

Перспективой дальнейшего исследования может стать расширение корпуса игровых кейсов и анализ того, как игроки воспринимают собственное участие в создании генерируемого контента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрунова С.С. Искусственный интеллект в медиасфере: направления исследования, профессиональные противоречия и новые риски / С.С. Бодрунова, К.Р. Нигматуллина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2025. — № 5. — С. 3–22. — DOI 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.322.
2. Вартанов С.А. Российская модель использования ИИ в цифровых экосистемах медиакоммуникационной индустрии / С.А. Вартанов, А.Ю. Тышецкая // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2025. — № 5. — С. 23–53. — DOI 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.2353.
3. Волкова И.И. Экранные игровые коммуникации как индикатор восприятия медиареальности: статусно-поколенческий аспект / И.И. Волкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2018. — № 4. — С. 124–138. — DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2018.124138.
4. Уразова С.Л. Между инсайтом и алгоритмом: может ли искусственный интеллект быть субъектом творчества / С.Л. Уразова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2026. — Т. 31, № 2. — С. 498–510. — DOI 10.22363/2312-9220-2026-31-2-498-510.
5. Шумакова Н.И. На пути к правовому регулированию генеративного ИИ в творческой индустрии / Н.И. Шумакова, Дж.Дж. Ллойд, Е.В. Титова // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Т. 1, № 4. — С. 880–908. — DOI 10.21202/jdtl.2023.38.
6. Peng X. Player-Driven Emergence in LLM-Driven Game Narrative / X. Peng, J. Quaye, S. Rao [et al.] // 2024 IEEE Conference on Games (CoG). — Piscataway, NJ : IEEE, 2024. — P. 1–8. — DOI 10.1109/CoG60054.2024.10645607.
7. Seiwald R. Beyond the Game Itself: Understanding Authorial Intent, Player Agency, and Materiality as Degrees of Paratextuality / R. Seiwald // Games and Culture. — 2023. — Vol. 18, no. 6. — P. 718–739. — DOI 10.1177/15554120231181193.
8. Ternar D.-A. Generative AI in Game Development: A Qualitative Research Synthesis / D.-A. Ternar, A. Denisova, J.M. Cunha [et al.] // Proceedings of the 2026 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '26). — New York : ACM, 2026. — Art. 452. — 24 p. — DOI 10.1145/3772318.3791206.
9. Uebel M. Authorship After Generative AI: Distributed Creativity and Relational Responsibility / M. Uebel, B. Hamamra // Philosophy & Technology. — 2026. — Vol. 39. — Art. 152. — 24 p. — DOI 10.1007/s13347-026-01170-w.
10. Yang D. GPT for Games: An Updated Scoping Review (2020–2024) / D. Yang, E. Kleinman, C. Harteveld // IEEE Transactions on Games. — 2025. — P. 1–16. — DOI 10.1109/TG.2025.3563780.
11. Yannakakis G.N. Artificial Intelligence and Games / G.N. Yannakakis, J. Togelius. — 2nd ed. — Cham : Springer, 2025. — XXXIII, 525 p. — DOI 10.1007/978-3-031-83347-2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. ARC Raiders [Электронный ресурс] // Steam. — 2025. — Режим доступа: https://store.steampowered.com/app/1808500/ARC_Raiders/ (дата обращения: 12.07.2026).
13. Free-to-Play Open-World Wuxia ARPG Where Winds Meet Launches Worldwide Today [Электронный ресурс] // NetEase Games. — 2025. — 15 Nov. — Режим доступа: https://www.neteasegames.com/news/20251114/37000_1271123.html (дата обращения: 18.07.2026).
14. Hernandez P. After GOTY Pull, Clair Obscur Devs Draw Line in Sand over AI: "Everything Will Be Made by Humans by Us" [Электронный ресурс] / P. Hernandez // Polygon. — 2025. — 24 Dec. — Режим доступа:

https://www.polygon.com/game-awards-expedition-33-disqualified-did-it-use-ai-response/ (дата обращения: 23.07.2026).
15. Hotfix 1.2.2 Is Now Live! [Электронный ресурс] // Clair Obscur: Expedition 33 : Steam Community. — 2025. — 29 Apr. — Режим доступа: https://steamcommunity.com/games/1903340/announcements/detail/499445587486180704 (дата обращения: 29.07.2026).
16. inZOI [Электронный ресурс] // Steam. — 2025. — Режим доступа: https://store.steampowered.com/app/2456740/inZOI/ (дата обращения: 03.08.2026).
17. Lewis C. Here Are All The Game Awards 2025 Winners [Электронный ресурс] / C. Lewis // Polygon. – 2025. — 11 Dec. — Режим доступа: https://www.polygon.com/the-game-awards-2025-all-winners/ (дата обращения: 08.08.2026).
18. Notice on the Use of Generative AI in inZOI [Электронный ресурс] // inZOI : Steam News. — 2025. — 13 May. — Режим доступа: https://store.steampowered.com/news/app/2456740/view/512957645996427417 (дата обращения: 14.08.2026).
19. Notis A. ARC Raiders' Use of AI Voices Is The Finals Controversy All over Again [Электронный ресурс] / A. Notis // Polygon. — 2025. — 31 Oct. — Режим доступа: https://www.polygon.com/arc-raiders-ai-voices-the-finals-embark-studios/ (дата обращения: 19.08.2026).
20. Peters J. Indie Game Awards Retracts Expedition 33 Prizes Due to Generative AI [Электронный ресурс] / J. Peters // The Verge. — 2025. — 22 Dec. — Режим доступа: https://www.theverge.com/news/849144/indie-game-awards-game-of-the-year-expedition-33-generative-ai-chantey-modretro (дата обращения: 22.08.2026).
21. Wagner J. Embark CEO Says "a Real Professional Actor Is Better than AI" after the Studio Re-Records Some ARC Raiders Dialog with Real Humans [Электронный ресурс] / J. Wagner // PC Gamer. — 2026. — 14 Mar. — Режим доступа: https://www.pcgamer.com/games/third-person-shooter/embark-ceo-says-a-real-professional-actor-is-better-than-ai-after-the-studio-re-records-some-arc-raiders-dialog-with-real-humans/ (дата обращения: 26.08.2026).
22. Where Winds Meet [Электронный ресурс] // Steam. — 2025. — Режим доступа: https://store.steampowered.com/app/3564740/Where_Winds_Meet/ (дата обращения: 31.08.2026).

REFERENCES

1. Bodrunova S.S. & Nigmatullina K.R. (2025). Iskusstvennyi intellekt v mediasfere: napravleniia issledovaniia, professional'nye protivorechiia i novye riski [Artificial intelligence in the media sphere: Research directions, professional contradictions, and new risks]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika, 5, 3–22. https://doi.org/10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.322 (In Russian).
2. Vartanov S.A. & Tyshetskaia A.Yu. (2025). Rossiiskaia model' ispol'zovaniia II v tsifrovykh ekosistemakh mediakommunikatsionnoi industrii [The Russian model of AI use in digital ecosystems of the media communication industry]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika, 5, 23–53. https://doi.org/10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.2353 (In Russian).
3. Volkova I.I. (2018). Ekrannye igrovye kommunikatsii kak indikator vospriiatiia mediareal'nosti: statusno-pokolencheskii aspekt [Screen-based game communications as an indicator of the perception of media reality: Social-status and generational aspect]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika, 4, 124–138. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.124138 (In Russian).
4. Urazova S.L. (2026). Mezhdu insaitom i algoritmom: mozhet li iskusstvennyi intellekt byt' sub″ektom tvorchestva [Between insight and algorithm: Can artificial intelligence be a subject of creativity]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Literaturovedenie. Zhurnalistika, 31(2), 498–510. https://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-2-498-510 (In Russian).
5. Shumakova N.I., Lloyd J.J. & Titova E.V. (2023). Na puti k pravovomu regulirovaniiu generativnogo II v tvorcheskoi industrii [Towards legal regulations of generative AI in the creative industry]. Journal of Digital Technologies and Law, 1(4), 880–908. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.38 (In Russian).
6. Peng X., Quaye J., Rao S., Xu W., Botchway P., Brockett C., Jojic N., DesGarennes G., Lobb K., Xu M., Leandro J.J. G., Jin C. & Dolan B. (2024). Player-driven emergence in LLM-driven game narrative. In 2024 IEEE Conference on Games (CoG) (pp. 1–8). IEEE. https://doi.org/10.1109/CoG60054.2024.10645607
7. Seiwald R. (2023). Beyond the game itself: Understanding authorial intent, player agency, and materiality as degrees of paratextuality. Games and Culture, 18(6), 718–739. https://doi.org/10.1177/15554120231181193
8. Ternar D.-A., Denisova A., Cunha J. M., Kultima A. & Guckelsberger C. (2026). Generative AI in game development: A qualitative research synthesis. In Proceedings of the 2026 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (Article 452, pp. 1–24). ACM. https://doi.org/10.1145/3772318.3791206

9. Uebel M. & Hamamra B. (2026). Authorship after generative AI: Distributed Creativity and Relational Responsibility. Philosophy & Technology, 39, Article 152. https://doi.org/10.1007/s13347-026-01170-w
10. Yang D., Kleinman E. & Harteveld C. (2025). GPT for games: An updated scoping review (2020–2024). IEEE Transactions on Games, 1–16. https://doi.org/10.1109/TG.2025.3563780
11. Yannakakis G.N. & Togelius J. (2025). Artificial intelligence and games (2nd ed.). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-83347-2

Поступила в редакцию 09.09.2026 г.

DISTRIBUTION OF AUTHORIAL FUNCTIONS IN DIGITAL GAMES WHEN USING GENERATIVE AI

A. V. Nikolaeva, E. A. Silanov

This article deals with the transformation of authorship in digital games involving generative artificial intelligence. The existing studies consider generative models in game development separately from their use in gameplay and do not compare the distribution of authorial functions among the developer, player, and system. The material comprises documented cases of generative AI use in Clair Obscur: Expedition 33, ARC Raiders, inZOI, and Where Winds Meet. The document and media analysis, comparative case analysis, and functional comparison have been applied in the study. Three generation modes are identified, i.e. production, user-driven, and dynamic. As generation moves closer to the unfolding gameplay event, the player gains greater capacity to initiate, specify, and actualize game content. Nevertheless, the developer retains control over the output and bears institutional responsibility for it. The generative model performs causal and operational functions in producing specific material, while the normative functions of authorship remain with the creative team.

Key words: generative AI, digital games, authorship, agency, media communication, content generation, user creativity, human–machine interaction.

Николаева Анастасия Владимировна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики.
ORCID: 0000-0003-1531-681X.
E-mail: 9320078@mail.ru.

Силанов Еремей Александрович.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
Преподаватель образовательной программы «Продюсирование и управление медиапроектами».
ORCID: 0009-0004-8480-7211.
E-mail: silanoveremej@gmail.com.

Nikolaeva Anastasia Vladimirovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
Associate Professor, Department of Russian Language Stylistics, Faculty of Journalism
ORCID 0000-0003-1531-681X
E-mail: 9320078@mail.ru

Silanov Eremey Aleksandrovich.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia.
Lecturer, Producing and Media Project Management Programme.

ORCID 0009-0004-8480-7211.
E-mail: silanoveremej@gmail.com.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.161.1'37
DOI: 10.5281/zenodo.23925088

ИНТЕЛЛЕКТ, РИСК И ТЕХНОЛОГИЯ БУДУЩЕГО: РАЗВИТИЕ ПОЛЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОСТАВЕ НАИБОЛЕЕ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ ПОЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

© 2026 *Е.В. Туркина[1], О.И. Северская[2]*
[1-2]Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
ORCID[1] 0009-0006-7183-4629
ORCID[2] 0000-0002-6277-9756

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена реконструкции уже существующих и анализу новых частотных лексических микрополей в современном медиадискурсе. Определяется их функциональная роль в структуре медиатекста. В центре внимания находится методология формирования лексико-семантического микрополя с опорой на медиаметрические исследования. В рамках основного исследования представлена реконструкция языкового образа новых технологий в СМИ, где обсуждение научных, технических и технологических достижений, в частности нейросетей и искусственного интеллекта (ИИ), а также сопутствующих им рисков и угроз, стало главным трендом на ближайшее десятилетие. Материалом исследования послужили медиатексты, представленные в Основном и Газетном корпусах НКРЯ, подкорпусе «Региональные СМИ» и открытых соцмедиа. С помощью корпусных методов анализа лексики тематических групп современных медиатекстов удалось установить, что микрополя тематической группы «Искусственный интеллект» пересекаются с другими частотными тематическими группами современного медиадискурса («Наука и технологии» и «Риски»), а также определить структуру микрополя «Искусственный интеллект» в их составе с помощью комплексного дискурсивного, корпусного методов и контент-анализа, которые автор применяет впервые.

***Ключевые слова**:* искусственный интеллект, риски, наука и технологии, современный медиадискурс, тематическая группа, семантические микрополя, корпусное исследование.

Для цитирования: Туркина Е.В. Интеллект, риск и технология будущего: развитие поля «искуственный интеллект» и его семантический потенциал в составе наиболее высокочастотных полей современного медиадискурса / Е.В. Туркина, О.И. Северская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 105–118. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23925088.

Введение. На фоне стремительного развития таких направлений, как цифровая экономика, искусственный интеллект, робототехника, биотехнологии, нейролингвистика, принципиально важно не только оценивать, но и систематически анализировать те особенности научно-технического прогресса, которые непосредственно оказывают влияние на функционирование современного информационного общества и его прогресс в разных сферах. Данные процессы и растущий научно-исследовательский, экономический и обывательский интерес к ним, отражаясь в медиадискурсе последних десятилетий, активно формируют медиакартину реальности.

Научно-техническая тематика, искусственный интеллект и риски, связанные с развитием техники, технологий, науки и инноваций, сохраняют лидерские позиции

среди наиболее значимых медиатрендов. Это подтверждают данные автоматических систем мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа в режиме реального времени («Медиалогия» и «Brand Analytics»), которые фиксируют частоту использования соответствующих лексических единиц в СМИ, и метрики Национального корпуса русского языка, который также находится в режиме постоянного обновления.

Однако, несмотря на высокую частоту появления этих тематик в медиадискурсе, требуется более детальное, системное лингвистическое описание. К этой задаче уже обратилось немало ученых: в работах Т.Г. Добросклонской по медиалингвистике и контент-анализу СМИ переосмысливается классическое лингвистическое понятие текста, выделяются необходимые параметры для описания любого медиатекста как объемного, многоуровневого явления [3]. В фокусе находятся исследования, посвященные концептуализации искусственного интеллекта в медиадискурсе, особенностям употребления лексемы с точки зрения терминологии и дискурса в русскоязычных текстах [9], лингвоментальным аспектам ИИ [2], функционированию термина ИИ в разных дискурсах [5; 6], философско-когнитивным аспектам машинного мышления [7] и др. Кроме того, на данном этапе были затронуты отдельные аспекты функционирования научного и технологического дискурса, рассмотрена терминология ИИ [11, с. 166–173], обсуждаются проблемы взаимодействия языкознания и теории искусственного интеллекта в контексте современной антропоцентрической парадигмы, составляющей основу когнитивной лингвистики [17, с. 93–105; 19; 20]. Растет число работ, непосредственно связанных с многоаспектным лингвистическим исследованием явления — когнитивного, семантического, функционального, прикладного [17; 8] структурирования лексико-семантического поля «Искусственный интеллект», включающего и метафорические обозначения ИИ [10] и т.п.

Вместе с тем подробное корпусное исследование и само определение полей и их точек пересечений («Искусственный интеллект», «Наука и технологии», «Риски») на материале последней четверти века с фокусом на новейшие тренды пока не проводилось, что напрямую свидетельствует о научной новизне проводимого исследования. Корпусный подход представляется наиболее эффективным инструментом для выявления необходимых закономерностей, поскольку позволяет обращаться к объективным данным о частотности, сочетаемости лексических единиц и эволюции их значений в массмедиа.

Цель представленного исследования — выявить структуры, семантические организации и общую динамику развития семантических микрополей «Искусственный интеллект», «Наука и технологии», «Риски» в современном медиадискурсе на основе данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и определить основные узлы их пересечений. Главные задачи: выделить высокочастотные тематические группы на базе данных Основного и Газетного корпусов НКРЯ и открытых соцмедиа, проследить семантическое развитие соответствующих лексем, определить для каждой лексемы ее микрополе, его ядро и периферию, а также дальнейшие векторы развития микрополей «Искусственный интеллект», «Наука и технологии», «Риски» в медиадискурсе.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось на базе Национального корпуса русского языка. Проанализировано более 1500 употреблений в базе Основного корпуса, более 20 000 примеров Газетного корпуса, более 600 примеров подкорпуса «Региональные СМИ» (НКРЯ — www.ruscorpora.ru). В основе методологии — корпусный метод и контент-анализ; также использовались статистический сервис, поиск устойчивых сочетаний, сервис «портрет слова», виджеты «однокоренные слова» и «похожие слова» и другие инструменты НКРЯ. Мы руководствуемся тем, что именно корпусный метод, по словам В.А. Плунгяна, дает

«доступ к дискурсу — то есть к реальному инструменту коммуникации в целом, а не к его отдельным фрагментам» и обеспечивает «учет в первую очередь более частотных элементов по сравнению с менее частотными» [12, с. 9]. Обращает внимание на методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике и В.Е. Чернявская [16, с. 143–144]. Для выявления контекстных значений и исследования тематических групп использовались также методы дистрибутивного, контекстного семантического, компонентного анализа, описательно-аналитический метод и метод полевого структурирования.

Основная часть. В исследовании тематической группы «Искусственный интеллект» в современном медиадискурсе [13] установлено, что словосочетание искусственный интеллект является одним из самых частотных в актуальном словоупотреблении. У ядерной номинации смыслового поля «Искусственный интеллект» есть ряд равноправных синонимов:

– «технология» — *метод, способность аппаратно-программной системы, компьютерная разработка, компонент информационно-интеллектуального поля*;

– «алгоритм интеллектуальной деятельности» — *искусственный разум, машинный разум, машинный ум, мировой мозг*;

– «действующая система» — *мыслящая машина, робот, чат-бот (чат-бот с искусственным интеллектом), нейросеть*.

Выделены оппозиции: ***интеллект*** — *ум, разум, сознание, подсознание, мозг* и (***интеллект***) *искусственный, машинный — естественный, живой, человеческий*, (***интеллект***) *коллективный — персональный*. Они в целом отражают противопоставление свойств искусственного интеллекта и человека (разума), активно обсуждаемое учеными [2].

Анализ сочетаемости (в n-граммах) также позволил установить, что искусственный интеллект занимает синтаксические позиции объекта действия (его *обучают, подчиняют себе, избавляют от зла,* в него *вкладывают ход мыслей*, на него *полагаются, перекладывают нагрузку* и др.) и субъекта действия (в роли актора он, например, *функционирует, справляется с задачей, создает программы, строит модели, что-то конструирует, трансформирует, принимает решения, планирует, осваивает творческие профессии, создает новые интеллектуальные ценности, понимает язык, рассуждает, общается, приходит на помощь* и т.д.). Текстовые реализации отражают представление о трех ипостасях искусственного интеллекта:

1) Сильный ИИ (Strong AI) — способен мыслить и осознавать себя; текстовые реализации этого образа значительно превышают по числу другие;

2) Слабый ИИ (Wear AI или Narrow AI) — не способен на это, но позволяет решать творческие задачи;

3) Персональный ИИ — сочетает не только ум, но и личность: чувства, память, свойственные человеку.

Удалось также с помощью контекстного анализа сравнить языковые воплощения представлений о машинном разуме и искусственном разуме и сформулировать выводы: машинный разум — это функция, инструмент; искусственный разум — глобальное явление.

Искусственный разум наделяется множеством человеческих характеристик, сравнивается с человеком, о чем говорят многочисленные случаи олицетворения. Машинный разум бездушен, примеров его олицетворения нами не зафиксировано.

Негативная окраска присуща обеим номинациям. У машинного разума она связывается с ограниченностью его функций, а у искусственного разума — с деградацией человеческого интеллекта, негативным воздействием на человека и сферы его жизни.

С этими номинациями связаны и употребления, попадающие в периферийное микрополе «Риски»: машинный разум может превзойти человеческий только функционально, а искусственный разум — и интеллектуально. По результатам анализа микрополя «Риски» [15] сделан вывод о том, что ядерная номинация *искусственный интеллект* реализует свой семантический потенциал и в пересечении с микрополями рисков: ИИ оценивается как *опасность*, *трудность*, *вызов*.

На основе анализа коллокаций выявлено, что с ИИ и технологиями связаны только отраслевые риски — политические, юридические, культурные, информационные, валютные, имущественные, налоговые и т.п. Обнаружено противопоставление контролируемых человеком рисков как ситуаций, на которые он может повлиять, и неконтролируемых — на которые он повлиять не может, но с последствиями которых придется разбираться. Искусственный интеллект входит в зону контролируемых.

Также ранее установлено [15], что текстовые реализации единиц тематической микрогруппы «рисков-вызовов» включают ассоциации с тематическим полем «Искусственный интеллект», ядерная номинация которого реализует свой семантический потенциал, формируя новое микрополе в своей макросфере. При этом синонимизируются:

– ***риск*** ‘возможная опасность’ (‘нечто, вызывающее недоверие’): *технический прогресс и цифровизация; новейшие разработки и программы; технологии; алгоритмы; ресурсы; компьютеры; роботы; окружающие устройства; искусственный интеллект; системы ИИ; машинное обучение; GPT-2; цифровые сервисы в повседневной жизни; «цифровые» решения; решения компьютерного разума; последствия применения технологий*;

– ***риск*** ‘непредсказуемость следствий’: *перемены с непредсказуемыми последствиями*;

– ***риск*** ‘вероятная потеря’: *блокировка гражданской активности* (электронными технологиями); *угроза нарушения интересов личности; дискриминация ИИ граждан и организаций; цифровая дискриминация людей; эффект «отлета» от действительности*;

– ***риск*** ‘возможное вредительство’: *много контроля в руках одного человека; недобросовестное использование технологий; умышленная подмена данных; умышленное нарушение конфиденциальности; внедрение вирусных программ*;

– ***риск*** ‘угроза нападения’: *атака ИИ; восстание роботов*.

ИИ в медиатекстах, зафиксированных НКРЯ, определяется не только как *риск* и *риски*, или как *противодействие риску* и *рискам* (их контекстуальный антоним), но и как *фактор* риска и рисков — в качестве явления, события, механизма, инструмента, влияющего на их возникновение прямым образом: цифровизация повышает риски нарваться на мошенничество; бурное технологическое развитие повышает риски обострения экологических вызовов.

Ряд антонимов, выявленных в ходе исследования, позволил увидеть медиакартину решений (обнаружены названия конкретных программ и платформ с определенным функционалом и набором инструментов — *программа Grover, израильская AI21 Labs, OpenAI*, потенциальные двойники человека — *виртуальный аналог организма, нейродвойник человека, роботизированная установка*), способствующих предотвращению или предупреждению подобных рисков. Их немного, что говорит об экстралингвистических факторах — пока не для всего человек создал и подобрал инструменты. В процессе развития технологий и поиска решений, соответствующих

«вызовам», будут появляться новые номинации и новые значения, что впоследствии расширит это микрополе.

С ИИ в этом плане сегодня ассоциируются *конфиденциальность информации, единая информационная система, стандартизация применения ИИ, инновации, внедрение ИИ, внедрение AI, технологические перемены, новые технологии, киберфизические системы* (информационно-технологическая концепция, подразумевающая интеграцию вычислительных ресурсов в физические процессы).

Номинация *искусственный интеллект* (в таком точном морфологическом и лексическом воплощении) во многих случаях может расцениваться как антоним самому *риску* и «*рискам*». По отношению к «рискам-вызовам» как их протагонист, что отражается в коллокациях, ИИ действует (прежде всего, обратим внимание на глаголы) в пользу человека: предполагается, что ИИ *позволит что-либо оптимизировать; может помочь прогнозировать последствия решений; позволит более эффективно на ранних стадиях оценить поведение людей, покушающихся на преступление*; его можно использовать, чтобы *прогнозировать риск*. Глагольные формы практически всегда сопровождают номинацию *искусственный интеллект*, обозначая то, что уже происходит или должно случиться. Глаголы настоящего времени преобладают над глаголами будущего времени, что подтверждает тезис о том, что ИИ в связанных с рисками значениях — это вызов, требующий от человека решений «здесь и сейчас», для предотвращения катастроф и проблем в будущем. Глаголов прошедшего времени обнаружено чрезвычайно мало, как и представлений о «бездействующем» ИИ. Начат процесс оценки разных форм ИИ с точки зрения наличия рисков. Можно зафиксировать наличие фактов осмысления ИИ как полезного и нужного инструмента / явления, так и как опасной технологии. Эти факты отчетливо прослеживаются и в тематическом поле «Наука и технологии».

Обращаясь к подробному анализу поля «Наука и технологии» [14], можно констатировать, что его основу составляют одни из самых высокочастотных лексем в современном медиадискурсе — *наука* и *технология*, вокруг которых формируются два взаимосвязанных субполя.

Установлено, что субполе «Наука» сопряжено с тематикой *образования* (logDice 11,83), *фундаментальными дисциплинами* и институциональными номинациями типа *доктор, академия, министерство*.

Субполе «Технологии» больше тяготеет к прикладным характеристикам; в числе наиболее частотных определений — *информационный, цифровой, высокий*. Лексема *инновация* демонстрирует близкие показатели сочетаемости с *наукой* (8,94) и *технологией* (8,88), что позволяет интерпретировать ее как потенциальное связующее звено между двумя субполями. Периферия поля сформирована микрополями, связанными с направлениями «*Биомедицинские* технологии», «*Космические* технологии», «*Цифровые* технологии», «Искусственный интеллект», и постоянно обновляется: отдельные микрополя, в число которых входят *искусственный интеллект* и *цифровые технологии*, за три года переместились из периферийной зоны в центральную, жанровая подача и тональность стали более сжатыми и положительными. Субполе «Технологии» теперь в целом задает основные векторы трансформации всего макрополя, поглощая «Искусственный интеллект» и его макроструктуру для расширения своей сложной полевой структуры, состоящей из различного рода технологий и связанных с ними семантически, лексически и грамматически близких номинаций.

Искусственный интеллект, как показывают данные Е. Терещенко [14], — наиболее динамичный показатель субполя «Технологии». ИИ, согласно данным НКРЯ,

является элементом более общей цифровой темы, «рассеивающимся в ней». Он представлен наравне с рассмотрением цифровых сервисов, обучения, финансирования исследований и модернизации. ИИ предстает как перспективная область, требующая развития в рамках научно-технических изысканий и инноваций, требующих ресурсных вложений. В 2025 г. подобных материалов в цифровых массмедиа уже значительно больше: номинация ИИ обнаруживается за пределами одной тематической зоны и распределяется по нескольким направлениям: «Научные публикации и конференции», «Интеллектуальная робототехника», «Нейросети» в «Оптической метрологии», «Глобальные тренды цифровизации», «Дроны» в «Нефтегазовой промышленности», «Региональная цифровая политика», «Кибербезопасность», «Цифровая трансформация финансовых услуг», «Медицинское образование», «Виноделие», «Автодизайн» и «Годовые итоги медиаповестки».

Прослеживается динамика изменений по линии технологической конкретизации. В запросе «*наука*» 2022 г. лексика, связанная с *технологиями* в общем и с *инновациями*, чаще появляется как сопровождение сюжетов, посвященных процессам в образовательной сфере и в прочих институтах; самые частотные из них относятся к госфинансированию, программам поддержки, названиям ведомств, правовым и биографическим справкам. В 2025 г. по тому же запросу тема *технологий* уже входит в саму фактуру публикаций, связанных с субполем «Наука»; встречаются «Ликвидация нефтезагрязнений», «Постквантовая криптография», «Интеллектуальная робототехника», «Промышленный мониторинг», «Катализаторы для нефтепереработки». Запрос «технологии» в 2022 г. продолжает удерживать связь с «Цифровой экономикой», «IT-кластером», «Дистанционной работой» и «Инфраструктурой», но в 2025 г. смещается к «Дронам», «Машинному зрению», «Цифровой персонализации», «Кибербезопасности», отраслевым технологическим решениям. «Инновации» же в 2022 г. тяготеют к темам коммерциализации, стартапов, налоговых льгот и бизнес-стратегий, в то время как спустя три года они связаны больше с оборонно-промышленным комплексом, фармацевтикой и модернизацией производства.

Изменения повлияли и на лексический слой: в 2022 г., например, часто встречаются *блокчейн, трансфер технологий, большие данные, цифровизация*, а в 2025 г. в фокусе — *искусственный интеллект, ИИ, AI, нейросеть, машинное зрение, постквантовая криптография, дроны, цифровая политика, цифровая трансформация, квантовые атаки*. Часть лексики к 2025 г. меняет частоту и окружение: «Цифровые технологии» становятся устойчивой зоной, приближенной к центру поля, вбирая в себя «Искусственный интеллект», а «Инновации» укрепляются как связующий элемент, узел, в котором пересекаются темы финансов, производства, ИИ и отраслевых проектов.

Исходя из установленной модели тематического поля «Наука и технологии» и тематического поля «Искусственный интеллект», проведя дополнительный анализ лексики НКРЯ, удалось установить узловые точки их пересечений. Анализ коллокаций с опорой на уже полученные данные позволил определить концептуализацию ИИ в экономической, научно-технологической и образовательной сферах. Текстовые реализации единиц субполей «Наука», «Технологии» и связующей конструкции «Инновации», обладающей большим семантическим потенциалом разрастания до отдельной микрогруппы, включают ассоциации с тематическим полем «Искусственный интеллект». Здесь синонимизируются:

– В субполе «Наука»

1) **ИИ — фундаментальная задача, исследовательская проблема**, направленная на выявление основополагающих закономерностей, механизмов устройства мира и

природы (*создание / открытие сильного* или *персонального искусственного интеллекта* в противовес существующей «простой» *технологии, работе, машине, программе*): *компьютерный мозг, «цифровизация», конструкция, основа очередного рывка вперед, один из самых главных вызовов двадцать первого века, база развития страны, бездушный ИИ, угроза человеку и его правам* (пересечение с полем «Риски»), *стратегическое направление современных исследований, наиболее интересное направление науки, феномен «Биг дата», механический партнер, математический* или *логико-математический аппарат*.

ИИ здесь (исходя из коллокационного сопровождения): выходит за рамки технологий, стремясь алгоритмизировать само поведение человека; он *появится; должен будет побеспокоиться о сохранении обратной связи; будет работать; становится / станет* (чем-либо)*; не должен покушаться* (на что-либо)*; научится самостоятельно создавать; сливается в конгломерат; сможет воспроизводить самого себя; изобрел бы криптовалюту и вынудил людей; может стать бесконтрольным; создаст оружие; достиг уровня четырехлетнего ребенка*.

2) **ИИ — философское направление**. В этом субполе ИИ — персональный, актуализируется как продукт развития общества, науки и культуры. Философия ИИ пытается определить природу ИИ, его место в мире и то, как он влияет на человечество. Как отмечает А.Ю. Алексеев, «философия искусственного интеллекта — это философия, которая проявляет смысл и значение проектов ИИ в контексте междисциплинарных исследований ИИ философского уровня, теоретической общности и методологической компетентности» [1].

Синонимы в НКРЯ: *естественный интеллект, завтрашний день человечества, открытие, дающее возможность улучшить человеческую природу, фактор общественного развития, категория и обстоятельство, которые должны сделать жизнь человека более эффективной, качественной и яркой, восстание машин, благотворный интеллект, позитивная сила, новое искусственное коллективное мышление*.

ИИ в этом микрополе *противоречит статусу человека как образа и подобия Божьего, будет обладать признаками разума, давать возможность улучшить человеческую природу, изменит мир и наши подходы, сможет пройти тест Тьюринга, замышляет, может привести к апокалипсису, может превзойти человека, превзойдет возможности человеческого разума, угрожает человечеству, объявит себя обладающим самостоятельным духовным опытом*.

3) ИИ — **образовательное направление / дисциплина**. Синонимы: *образовательные программы, профиль, информатика, прикладная статистика, сквозное направление, программирование, создание IT-продуктов, робототехника, роботизация, когнитивистика, развитая традиционная инженерная дисциплина* (взаимодействие со Слабым ИИ). ИИ здесь *находится на стадии просто счетной машины, в учебном плане значится*.

Антонимы ИИ в субполе «Наука»: *естественный интеллект, образ божий, воля человека, вчерашний день, прошлое столетие, стагнация (экономическая, производственная, социальная), душа, психика, манипулятор и принудитель, неудержимый сильный искусственный интеллект, совершенный искусственный интеллект, нечто невероятное, глобальный искусственный интеллект, человеческий мозг, новая форма жизни, величайший риск, фундаментальный риск, человеческий разум, роботы — «независимые мыслители», мыслящий ИИ, концепция самовоспроизводящихся машин, угроза человечеству, невидимая часть повседневной жизни, чистый неуправляемый искусственный интеллект, давняя мечта, обладатель*

самостоятельного духовного опыта, «интеллект одухотворенный», AGI — общий искусственный интеллект, который позволит решать любые интеллектуальные задачи (в противовес нынешнему), обычный разговорный искусственный интеллект (может пройти тест Тьюринга) в противовес нынешнему, автономия человечества.

Важно отметить превалирование глаголов будущего времени над глаголами настоящего времени, что говорит о развитии субполя исключительно в проекциях будущего, как и самого Сильного ИИ, создание которого только прогнозируется, но уже имеет твердые основания в текущем 2026 году. Анализ текстовых реализаций в пересечениях субполя «Наука» и поля «Искусственный интеллект» отразил представления обо всех трех ипостасях ИИ и о рисках-«вызовах», которые сегодня стоят перед учеными, исследователями, разработчиками и человечеством в целом.

– В субполе «Технологии»

ИИ — **одна из передовых технологий, помощник человека, тренд времени, инструмент**, который можно использовать в своей личной работе, а также на производстве, в бизнесе. Это Слабый ИИ.

Синонимы: *российский робот, система, современные цифровые технологии, цифровое производство, перспективные технологии отрасли, цифровой помощник, голосовой помощник, встроенная часть сервиса, тренд технологической повестки, гордость соцсети, работяга, маленький соавтор, подмастерье, которого обучают, большие данные, мировые финтехтренды, машина, нейронные сети, машинное обучение, персональные помощники, молоток, инструмент, незамысловатый искусственный интеллект, искусственные рабочие руки, источник вдохновения, критические технологии*, которые реализуются в сфере информатики и телекоммуникаций, — *высокопроизводительные вычислительные системы, компьютерное моделирование, информационно-телекоммуникационные системы*.

При этом НКРЯ показывает, что простая и всеми используемая, «удобная» технология может в будущем стать целым «напором технологий», «главным драйвером изменений в мире», «развитием технологий», технологиями, связанными с конвергенцией цифрового и физического миров. То есть рост слабого ИИ до сильного ИИ в медиадискурсе активно обсуждается и допускается и влечет за собой развитие микрополя ИИ и сопутствующих ему тематических групп «Наука и технологии» и «Риски». Об исключительно утилитарной функции слабого ИИ в этом субполе свидетельствует не только глагольный ряд, но и причастия: ИИ *способен изучить уголовное дело и предъявить по нему обвинение, руководствуется, будет оценивать контент, научился подбирать, на помощь приходит, помогает находить, подскажет, исправить ситуацию может помочь, отследит поведение, защитит предупредительный искусственный интеллект, сможет давать персональные рекомендации, подстраивающийся под окружающую обстановку*. Здесь, в противовес субполю «Наука», глаголы настоящего времени преобладают над глаголами будущего времени, номинации с грамматическим показателем прошедшего времени в текстах почти не обнаружены. В контексте «технологий» ИИ — технология настоящего и прошлого, ей уже активно пользуются, подводят итоги и результаты работы.

– В связующем звене «Инновации»

1) **ИИ — экономическая и технологическая, инженерная проблема, для которой нужно найти эффективное решение**. Исходя из контекста представленных примеров в Основном и Газетном корпусах НКРЯ, ИИ — **не одна технология, а целый комплекс**, который справится с целым рядом вопросов и проблем. Это проблема производств, производителей, руководителей, больших игроков политической и

экономической сферы. Здесь наблюдается переходная стадия от Слабого ИИ к Сильному ИИ, а само связующее звено «Инновации» активно разрастается, наращивая семантический потенциал для отдельного субполя.

Эти процессы отслеживаются и через расширяющийся синонимический ряд ИИ в звене «Инновации»: *цифровая трансформация, искусственный разум, основа очередного рывка, не полноценный искусственный интеллект, проблема цифровизации экономики страны, цифровая экономика, индустрия будущих десятилетий, индустрия больших чисел, их обработка, проект в сегменте deep tech, инструмент для улучшения нашего мозга, новый активный игрок в традиционных для человечества сферах, «Сколково», область очень эклектичная, полноценный ИИ, сильный искусственный интеллект*. Эти же процессы происходят в синонимии ИИ со средствами получения прибыли, с трендами времени.

2) **ИИ**, как слабый ИИ, — **средство получения высокой прибыли, то, во что выгодно вкладывать деньги (эффективно)**. Синонимом этого средства становится и номинация *тренд*, потому что ИИ, как инновация, вошла в моду среди крупнейших игроков рынка, она активно разрабатывается на спонсорские или государственные деньги, покупается и продается, демонстрируя востребованность, высокий спрос и ограниченное число предложений (не все способны разрабатывать и расширять технологии, входящие в комплекс ИИ). Таким образом, **ИИ как инновация — качественный нишевый продукт ближайшего будущего** (не для всех, для определенной категории — активных участников экономики).

Синонимы в этом пересечении: *роботы, изменение, ускорившее и сделавшее более эффективными бизнес-процессы, главный тренд, инициатива, робототехника, автоматизация, набор математических и инженерных методов оптимизации и машинного обучения, «второй пилот», способный полностью заменить в бою человека, ядро новой информационной системы*.

Отдельно стоит отметить, что словосочетание *наука и технологии* в своем «чистом» грамматическом воплощении встречается в корпусах НКРЯ не так часто, как в соцмедиа. Однако реализация концепта в цифровых медиа происходит в том числе через синонимию с ИИ:

«Наука и технологии», как и ИИ в Основном, Газетном, Региональном корпусе:

– *ответ на вызовы*, с которыми сталкивается весь мир (прямое пересечение с полем «Риски»);

– *фактор внедрения новых технологий*, которые способны переломить существующие негативные тенденции (затронута область ресемантизации ИИ: ранее удалось обнаружить, что ИИ определяется как противодействие риску и рискам, как и их фактор);

– *мощная сила изменения* национальной экономики, *движущая сила* экономического роста;

– еще один интересный сегмент, где пока очень низкая конкуренция, *будущее России*; наука и технологии практически творят чудеса: восстанавливают наши способности, которые казались безвозвратно утраченными, и дают нам то, что еще вчера было недостижимо; пронизывают все институты и сферы общества, способны решать любые задачи.

Также, как и на ИИ, на науку и технологии тратятся общественные / государственные и частные бизнес-ресурсы, они двигаются вперед (важно не отставать и идти в ногу со временем), развиваются очень быстро.

Как и в предыдущих исследованиях [13;14], можно отметить, что глаголы настоящего и будущего времени преобладают над глаголами прошедшего времени в узле

пересечений субполя «Наука и технологии» и «Искусственный интеллект», что подтверждает тезис о том, что ИИ в связанных с рисками значениях, а также с наукой, технологией или инновацией — это вызов, требующий от человека решений «здесь и сейчас» для предотвращения катастроф и проблем в будущем, для развития самого человека, производственного участка, бизнеса, экономики в целом, а также более глобально — государства и мира. Глаголов прошедшего времени обнаружено чрезвычайно мало, как и представлений о «бездействующем» ИИ во всех исследуемых субполях.

В заключение обратим внимание на еще одну особенность, выявленную в результате проведенного анализа. В самом поле «Искусственный интеллект» и в пересечении с другими исследуемыми полями («Риски» и «Наука и технологии») обнаружено много инфинитивных конструкций, которые выполняют функцию предиката — основного или вторичного, полупредикативного. Как отмечает Г.А. Золотова [4], «неопределенная форма глагола» обнаруживает богатство и многогранность речевых возможностей, достаточно определенных модально-экспрессивных значений». Опираясь на ее классификацию, в материалах НКРЯ мы выявили следующие конструкции:

– **этистемические предложения с модальными словами** (*можно, невозможно, должен, сможет*), а также конструкции цели (*чтобы*). Здесь конструкции с ИИ несут информативное сообщение о возможности / необходимости / предопределенности (*использовать, соединить, победить, прогнозировать, принять, воспроизводить, давать ИИ* — все с маркерами модальности или цели), подтверждающие семантику основных «узловых» значений ИИ в пересечениях с полями «Наука и технологии» и «Риски»: ИИ — это и *цель*, и *вызов*;

– **волюнтивные**, где встречаются инфинитивы со значением побуждения (выражающие приказ, совет, намерение), часто без явного субъекта или с подразумеваемым 2-м лицом (*направить, уложить спать, отправить, натренировать, сдерживать ИИ*);

– **акционально-экспрессивные** — содержащие инфинитивы со значением конкретного действия с субъектом в именительном падеже (3-е лицо) и без модальных оттенков (будущее время или начало действия) — *влюбляться* и *проверять*, подтверждающие тезис о том, что развитие и расширение поля ИИ, в том числе в пересечениях с полями «Наука и технологии» и «Риски», происходит в пласте будущего времени.

Как было установлено выше, грамматические конструкции будущего времени превалируют над конструкциями прошлого и настоящего.

Заключение. Сбор статистических данных позволил определить наиболее частотные тематические группы современного медиадискурса: «Технологии», «Наука и технологии» и «Риски». С помощью анализа конкретного языкового материала на базе НКРЯ с применением комплексного дискурсивного, корпусного методов и контент-анализа в структурировании семантических полей и микрополей определена структура этих микрополей и обнаружены большие узловые точки пересечений данных полей и менее очевидные, только формирующиеся.

Главным узлом пересечения всех трех полей становится микрогруппа единиц, связанных с рисками-«вызовами»: *изменения, технологии, инновации, операции, инструменты, проблемы, кризисы* и т.д. (вызовы, побуждающие человека выполнить ряд предупредительных действий — *спрогнозировать, проанализировать, предотвратить*). К их числу относятся и *инновации*, требующие ресурсных вложений, и сами *технологии*,

и *научные цели и задачи*, которые необходимо выполнить ученым в ближайшем или долгосрочном будущем. Данный вывод указывает на то, что поля в этом узле имеют высокий потенциал к росту, расширению и модификации за счет всех входящих номинаций и новых единиц, которым только предстоит включиться в условиях стремительного научно-технологического и экономического, а вместе с ними и социального развития, общей глобализации.

С последней связана и централизация ИИ в составе поля «Наука и технологии». Очевиден высокий интерес к нему со стороны пользователей языка, но при этом само микрополе в составе «Науки и технологий» начинает сокращаться. Данные продемонстрировали высокий спрос именно к темам поля «Наука и технологии»; само поле за счет увеличения числа носителей и пользователей современного языка СМИ, роста числа новых единиц, значений и смыслов изнутри и снаружи активно развивается и расширяется, а внутренние структуры такие, как ИИ, отдельные технологии, инновации, изобретения регрессируют. Мы наблюдаем процесс семантической абсорбции. Такая тенденция связана с общей мировой глобализацией (цифровой, социальной, экономической, технической, информационной) – человеческое мышление, восприятие, а вместе с ними и язык начинают работать в более широких масштабах, макроструктурах, не фокусируясь точечно на небольших и не комплексных явлениях, событиях, достижениях. «Наука и технологии» становится в современном медиадискурсе именно такой макроструктурой, которая имеет перспективу поглощения семантических структур «ИИ» и «риски».

Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе нового языкового материала в соцсетях, цифровых СМИ, использовании новых инструментов НКРЯ для прослеживания дальнейших изменений структур выявленных частотных микро- и макрополей, а также в социологическом исследовании, направленном на выявление и сопоставление уровней интереса пользователей соцмедиа к отдельным явлениям в области науки и технологий (в частности, к ИИ) или же к целому комплексу (достижения робототехники, биотехнологии, нейротехнологии и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Ю. Философия искусственного интеллекта в России с начала века по настоящее время / А.Ю. Алексеева // Науковедческие исследования. — 2022. — DOI: 10.31249/scis/2022.01.04
2. Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) / В.В. Волкова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. —№ 4. — С. 745–759. — DOI: 10.223363/2313-2299-2020-11-4-745-759
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. — 2020. — 180 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова ; под общей редакцией Г. А. Золотовой ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет. — Москва : Издательство Московского университета, 2004. — 541 с. — ISBN 5-8 8744-050-3. — С 138–149
5. Клементьева А.А. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта / А.А. Клементьева // Филология и человек. — 2022. — № 4. — С. 59–72. — DOI: 10.14258/filichel(2022)4-04
6. Клементьева А.А. Языковая реализация коммуникативных намерений противников, адептов и разработчиков искусственного интеллекта /А.А. Клементьева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — № 6. — С. 157–167. — DOI: 10.37882/2223-2982.2023.6.10
7. Лешкевич Т.Г. Когнитивный техносимбиоз и субъектоподобные качества искусственного интеллекта / Т.Г. Лешкевич // Философия науки и техники. — 2025. —Т. 30. —№ 2. — С. 33–45

8. «Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект». 12–14 ноября 2020 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов международной конференции / Под ред. А.А. Кибрика, В.Ю. Гусева, Д.А. Залманова. — М.: Институт языкознания РАН, 2020. — 164 с.
9. Маринова Е.В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) / Е.В. Маринова // Научный диалог. — 2023. — № 12 (1). — С. 151–169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
10. Маринова Е.В. Оппозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века / Е.В. Маринова // Гуманитарный вектор. — 2022. — № 2. — С. 169–170. — DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170
11. Мусаева А.С. Терминообразование в сфере искусственного интеллекта / А.С. Мусаева // Верхневолжский филологический вестник. — 2022. — № 2 (29). — С. 166–173. — DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173
12. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики /В.А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. — 2008. — № 2 (16). — С. 7–20. — URL: https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2008-2/7-20 (дата обращения: 10.08.2026)
13. Северская О.И. Искусственный интеллект в современном медиадискурсе: сильный, слабый, персональный / О.И. Северская, Е.В. Туркина // Terra Linguistica. — 2024. — Т. 15 — № 3. — С. 74–80. — DOI: 10.18721/JHSS.15307.
14. Терещенко Е. Медиатренд «Наука и технологии»: корпусное исследование тематических полей. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2026. — 123 с.
15. Туркина Е.В. Тематическое поле «Искусственный интеллект» и его пересечения с микрополем «риски» в современном медиадискурсе // Коммуникативные исследования. — 2024. — Т. 12. — № 4. —С. 911–921. — DOI: 10.24147/2413- 6182.2025.12(4).911-921.
16. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В.Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 50. — С.135–148. — DOI: 10.17223/19986645/50/9.
17. Чухарев Е.М. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия / Е.М Чухарев, А.А. Худяков // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 2–3. — С. 93–105.
18. Commerford B., Dennis S., Joe J., Ulla J. Man Versus Machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence // Journal of Accounting Research. 2022. No. 60. Pp. 171–201. DOI:10.2139/ssrn.3422591
19. Hancock P.A. Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis. London: CRC Press, 2009. 184 p. DOI: 10.1201/9781315248905
20. Rajani S. Artificial Intelligence – Man or Machine // International Journal of Technology and Knowledge Management. 2011. No. 4. Pp. 173–176.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

21. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. — Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. — 1534 с.
22. Медиалогия: рейтинги российских СМИ: [сайт] / ООО «Медиалогия». — URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/ (дата обращения: 05.08.2026).
23. Национальный корпус русского языка: [сайт]. — URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 18.08.2026).
24. Brand Analytics: система мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ [сайт]. — URL: (дата обращения: 20.08.2026)

REFERENCES

1. Alekseev A.Yu. Filosofiya iskusstvennogo intellekta v Rossii s nachala veka po nastoyashchee vremya [Philosophy of artificial intelligence in Russia from the beginning of the century to the present]. Naukovedcheskie issledovaniya [Science Studies], 2022. DOI: 10.31249/scis/2022.01.04 (In Russian)
2. Volkov V.V. Iskusstvennyi «intellekt» i chelovecheskii um: futuristicheskaya sinekdokha i real'nost' (lingvisticheskii i lingvomenta'nyi aspekty) [Artificial «intelligence» and human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and lingvomental aspects)]. Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2020, vol. 11, no. 4, pp. 745–759. DOI: 10.223363/2313-2299-2020-11-4-745-759 (In Russian)
3. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Media linguistics: theory, methods, directions]. Moscow, 2020. 180 p. (In Russian)

4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. Ed. by G.A. Zolotova. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Press], 2004. 541 p. ISBN 5-88874-050-3. (In Russian)
5. Klement'eva A.A. Lingvisticheskie osobennosti mezhdistsiplinarnogo dialoga po voprosam iskusstvennogo intellekta [Linguistic features of interdisciplinary dialogue on artificial intelligence]. Filologiya i chelovek [Philology and Human], 2022, no. 4, pp. 59–72. DOI: 10.14258/filichel(2022)4-04 (In Russian)
6. Klement'eva A.A. Yazykovaya realizatsiya kommunikativnykh namerenii protivnikov, adeptov i razrabotchikov iskusstvennogo intellekta [Linguistic realization of communicative intentions of opponents, adepts and developers of artificial intelligence]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities], 2023, no. 6, pp. 157–167. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.6.10 (In Russian)
7. Leshkevich T.G. Kognitivnyi tekhnosimbioz i sub"ektopodobnye kachestva iskusstvennogo intellekta [Cognitive technosymbiosis and subject-like qualities of artificial intelligence]. Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Technology], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 33–45. (In Russian)
8. Lingvisticheskii forum 2020: Yazyk i iskusstvennyi intellekt [Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence]. 12–14 November 2020, Institut yazykoznaniya RAN, Moskva. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii [Abstracts of the International Conference]. Ed. by A.A. Kibrik, V.Yu. Gushev, D.A. Zalmanov. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2020. 164 p. (In Russian)
9. Marinova E.V. Evolyutsiya ponyatiya «virtual'naya lichnost'» v tsifrovuyu epokhu (sotsiolingvisticheskoe issledovanie na materiale russkikh tekstov) [Evolution of the concept of «virtual personality» in the digital era (sociolinguistic study based on Russian texts)]. Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], 2023, no. 12 (1), pp. 151–169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169 (In Russian)
10. Marinova E.V. Oppozitsiya «chelovek – mashina» v yazykovoi kartine mira XXI veka [The opposition «human – machine» in the linguistic worldview of the 21st century]. Gumanitarnyi vektor [Humanities Vector], 2022, no. 2, pp. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170 (In Russian)
11. Musaeva A.S. Termoobrazovanie v sfere iskusstvennogo intellekta [Terminology formation in the field of artificial intelligence]. Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik [Upper Volga Philological Bulletin], 2022, no. 2 (29), pp. 166–173. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173 (In Russian)
12. Plungyan V.A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki [Corpus as a tool and as an ideology: on some lessons of modern corpus linguistics]. Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language in Scientific Perspective], 2008, no. 2 (16), pp. 7–20. Available at: rjano.ruslang.ru (accessed: 10.08.2026) (In Russian)
13. Severskaya O.I., Turkina E.V. Iskusstvennyi intellekt v sovremennom mediadiskurse: sil'nyi, slabnyi, personal'nyi [Artificial intelligence in modern media discourse: strong, weak, personal]. Terra Linguistica, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 74–80. DOI: 10.18721/JHSS.15307 (In Russian)
14. Tereshchenko Ye. Mediatrend «Nauka i teyekhnologii»: korpusnoye issledovaniye tematicheskikh poley [The “Science and Technology” Media Trend: A Corpus-Based Study of Thematic Fields]. Moscow: Pushkin Institute, 2026. 123 p. (In Russian)
15. Turkina E.V. Tematicheskoe pole «Iskusstvennyi intellekt» i ego peresecheniya s mikropolem «riski» v sovremennom mediadiskurse [The thematic field «Artificial intelligence» and its intersections with the microfield «risks» in modern media discourse]. Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies], 2024, vol. 12, no. 4, pp. 911–921. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(4).911-921(In Russian)
16. Chernyavskaya V.Ye., Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-Driven Linguistics, Tomsk State University Journal of Philology, 50 (2017) 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9 (In Russian)
17. Chukharev E.M., Khudyakov A.A. (2004), Cognitive Linguistics and Artificial Intelligence: Results and Trends of Interaction. Issues of Cognitive Linguistics. no. 2-3. pp. 93-105. (in Russian).
18. Commerford B., Dennis S., Joe J., Ulla J. Man Versus Machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence // Journal of Accounting Research. 2022. No. 60. Pp. 171–201. DOI:10.2139/ssrn.3422591 (In English)
19. Hancock P.A. Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis. London: CRC Press, 2009. 184 p. DOI: 10.1201/9781315248905 (In English)
20. Rajani S. Artificial Intelligence – Man or Machine // International Journal of Technology and Knowledge Management. 2011. No. 4. Pp. 173–176. (In English)

Поступила в редакцию 16.09.2026 г.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE, RISK, AND FUTURE TECHNOLOGY: AI FIELD DEVELOPMENT AND ITS SEMANTIC POTENTIAL WITHIN MOST FREQUENT FIELDS OF CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE

E.V. Turkina, O.I. Severskaya

The article deals with the reconstruction of existing frequent lexical microfields and the analysis of new ones in contemporary media discourse. It defines their functional role in the structure of media texts. The focus is made on the methodology of forming a lexico-semantic microfield based on media-metric research. Within the main study, the linguistic image of new technologies in the media is reconstructed, where the discussion of scientific, technical, and technological achievements – neural networks and artificial intelligence (AI), in particular, as well as their associated risks and threats – has become the dominant trend for the coming decade. The research material comprises media texts from the Main and Newspaper Parts of the National Corpus of the Russian Language, the subcorpus "Regional Media," and open social media. By applying corpus-based methods to analyse the vocabulary of thematic groups in contemporary media texts, the authors found out that the microfields of the thematic group "Artificial Intelligence" intersect with other frequent thematic groups of modern media discourse ("Science and Technology" and "Risks"). Furthermore, the structure of the "Artificial Intelligence" microfield within these groups is determined through the integrated application of discourse, corpus-based methods and content analysis. The approach mentioned above has been employed by the authors for the first time.

Key words: artificial intelligence, risks, science and technology, contemporary media discourse, thematic group, semantic microfields, corpus-based research.

Туркина Екатерина Владимировна.
Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Российская Федерация, Москва.
Аспирант отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики.
ORCID 0009-0006-7183-4629.
E-mail: turkina.ketrin@yandex.ru.

Северская Ольга Игоревна.
Кандидат филологических наук.
Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Российская Федерация, Москва.
Ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики.
ORCID 0000-0002-6277-9756.
E-mail: oseverskaya@yandex.ru.

Turkina Ekaterina Vladimirovna.
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Moscow.
Post-graduate student, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics.
ORCID 0009-0006-7183-4629.
E-mail: turkina.ketrin@yandex.ru.

Severskaya Olga Igorevna.
Candidate of Philology.
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Moscow.
Leading Research Fellow, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics.
ORCID 0000-0002-6277-9756.
E-mail: oseverskaya@yandex.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.1
DOI: 10.5281/zenodo.23943730

ПРАГМОНИМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И БЛЮДА: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

© 2026 С.М. Кравцов[1], А.Г. Жилнин[2]
[1-2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
ORCID[1] 0000-0002-6804-1197
ORCID[2] 0009-0005-8808-7124

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе на основе национально-культурного подхода рассматриваются русские и французские прагмонимы, называющие продукты питания и блюда. Материал исследования отбирался из электронных ресурсов http://www.ozon.ru (русские прагмонимы) и https://www. carrefour.com (французские прагмонимы) и анализировался с применением метода описания, позволяющего классифицировать и охарактеризовать прагмонимы; метода компонентного анализа, позволяющего выделить отдельные элементы их семантики; метода статистического анализа, дающего возможность произвести количественную обработку полученных результатов. Прагмонимы классифицированы с точки зрения их референции относительно той или иной области русской и французской культуры. Произведен количественный анализ прагмонимов по степени репрезентативности относительно определенной области культуры. Установлена наибольшая репрезентативность русских и французских прагмонимов в названии того или иного продукта питания.

Ключевые слова: оним, прагмоним, область референции, культурный код, репрезентативность, лингвокультура, русский язык, французский язык.

Для цитирования: Кравцов С.М. Прагмонимы, называющие продукты питания и блюда: национально-культурный аспект (на материале русского и французского языков) / С.М. Кравцов, А.Г. Жилнин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 119–128. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23943730.

Введение. В лингвистической литературе имя собственное (оним) традиционно привлекает внимание исследователей в контексте теории номинации как языковая единица, называющая определенный объект окружающего мира. Оним представляет собой лексическую единицу, служащую для индивидуализации и идентификации единичного объекта или явления в ряду однородных [13]. Систематизация пространства онима, предложенная А.В. Суперанской, предполагает деление имен собственных на классы в зависимости от природы именуемого денотата: антропонимы, топонимы, зоонимы, астронимы и др. [8]. Данная классификация, получившая признание в отечественной науке, легла в основу последующих исследований в области теоретической и прикладной ономастики. В работах В.А. Никонова подчеркивается, что имя собственное не существует вне социального контекста, а его выбор всегда мотивирован культурно-историческими и прагматическими факторами, что делает ономастические исследования неотъемлемой частью лингвокультурологического анализа [6].

Несмотря на то, что теория номинации изучена в целом довольно глубоко в отечественном и зарубежном языкознании, в работах таких исследователей, как Н.В. Васильева [1], С.М. Кравцов [4], С.К. Сапиева [7], A. Gałkowski [11], N. Vasilyeva [12] и др., номинация посредством онимов, в частности прагмонимов, исследована недостаточно с точки зрения их национально-культурного потенциала.

По мнению И.М. Фатеевой, прагмоним, или прагматоним, является товарным знаком, служащим графическим изображением, оригинальным названием, особым сочетанием цифр, букв или слов и т.п., которым предприятие снабжает свои изделия [10, с. 274]. В настоящей статье рассматриваются прагмонимы, определяющиеся как название изделий, производящихся предприятиями пищевой промышленности, т.е. продуктов питания и блюд из них.

Прагмоним обладает двойственной природой: с одной стороны, он функционирует в качестве номинативной единицы, обеспечивающей возможность потребителю дифференцировать товары разных производителей на рынке, с другой, он выступает как инструмент прагматического воздействия на адресата, формируя его потребительские предпочтения и эмоциональные ассоциации [5]. Данная двойственность определяет специфику прагмонимов как особого типа лексики, требующего комплексного подхода к анализу. Исследователи справедливо указывают на пограничное положение прагмонимов между языковыми единицами, обладающими номинативной функцией, и единицами рекламного дискурса, ориентированными на суггестивное и эмоциональное воздействие [3].

Исследуемые в работе прагмонимы привлекают к себе особое внимание, ибо в современной лингвистике наблюдается тенденция к активному изучению номинативных процессов в сфере коммерции, что обусловлено необходимостью создания эффективных рекламных стратегий в связи с ростом конкуренции на рынке производителей продуктов питания и блюд. Так, к прагмонимам в пищевой сфере проявляется значительный интерес со стороны не только лингвистов, но и маркетологов, психологов, специалистов по брендингу, что свидетельствует о междисциплинарном характере исследуемой проблемы.

Внимание к изучению прагмонимов, называющих продукты питания и блюда из них, определяется также необходимостью комплексного описания механизмов номинации в пищевой сфере. С одной стороны, исследователи отмечают лингвистический аспект образования прагмонимов. По мнению В.И. Супруна, словообразовательные модели прагмонимов в русском языке демонстрируют как традиционные (суффиксальные, сложение основ), так и инновационные (аббревиация, окказиональные образования) способы, что отражает общие тенденции развития современных языков [9]. Исследования Е.А. Земской показывают, что активные процессы в области словообразования, наблюдаемые в современном русском языке, находят непосредственное отражение в ономастике [2]. С другой стороны, отмечается нелингвистический аспект образования прагмонимов. Так, И.В. Крюкова указывает на то, что в наименованиях продуктов питания доминируют ассоциативно-образные и эмоционально-оценочные стратегии [5]. Таким образом, интерес к прагмонимам пищевой сферы обусловлен не только лингвистическими, но и социокультурными факторами. Наименования продуктов питания и блюд отражают национальные вкусовые предпочтения, стереотипы питания, а также динамику их изменения под влиянием внешних факторов. Социокультурные факторы, с которыми ассоциируются рассматриваемые нами прагмонимы, обусловливают не только национальные гастрономические предпочтения, но и название тех или иных продуктов питания и блюд из них, а также присутствуют в определенной национальной культуре, что определяет потребность в изучении таких прагмонимов и, следовательно, актуальность настоящей работы.

Важным направлением в изучении данной проблематики является анализ прагмонимов на материале разных языков, поскольку такого рода исследования позволяют утверждать, что, несмотря на универсальный характер прагмонимов как отдельной группы ономастической лексики, конкретные номинативные модели и их использование в значительной степени определяются национальной спецификой и культурными традициями.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе в национально-культурном аспекте русских и французских прагмонимов, называющих продукты питания и блюда. В соответствии с заявленной целью поставлены задачи: 1) выявить русские и французские прагмонимы, называющие продукты питания и блюда; 2) классифицировать прагмонимы с точки зрения их референции относительно той или иной области русской и французской культуры; 3) сопоставить с опорой на количественные данные степень репрезентативности русских и французских прагмонимов относительно определенной области культуры; 4) установить наибольшую репрезентативность русских и французских прагмонимов в названии того или иного продукта питания. Заявленные цель и задачи предполагают перспективу рассмотрения прагмонимов в тесной взаимосвязи языка и национальной культуры русского и французского этносов. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые анализируются в контексте культуры русские и французские прагмонимы, называющие продукты питания и блюда.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования служат русские и французские прагмонимы, называющие продукты питания и блюда и отобранные путем сплошной выборки из таких источников, как «Словарь русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [13], сайты http://www.ozon.ru [14] (примеры на русском языке), https://www.carrefour.com [15] (примеры на французском языке). Всего отобрано 80 прагмонимов, по 40 из каждой лингвокультуры.

Поставленные задачи исследования обусловили применение метода описания, позволяющего классифицировать и охарактеризовать прагмонимы; метода компонентного анализа, позволяющего выделить отдельные элементы их семантики; метода статистического анализа, дающего возможность произвести количественную обработку полученных результатов.

Основная часть. В процессе исследования выявляются называющие продукты питания и блюда русские и французские прагмонимы, генетически восходящие к разным областям культуры, понимающейся широко, таким как география, в частности социально-экономическая, России и Франции; национальный животный мир; национальные сказки; национальная история; языковая креативность носителей русской и французской культуры. Прагмонимы рассматриваются с точки зрения их референции относительно той или иной области русской и французской культуры в порядке от наиболее к наименее репрезентативной.

1. Самая многочисленная группа состоит из называющих продукты питания и блюда прагмонимов, генетически восходящих к социально-экономической географии России и Франции и содержащих топоним или его дериват (30%). В русской лингвокультуре к ним относятся прагмонимы, называющие конфеты, например, *«**Уральские** сказы», «**Волжские** просторы»,* а также пельмени, например, *«**Сибирская** коллекция».* В прагмониме *«Уральские сказы»* географический компонент сочетается с компонентом, связанным со сказкой Павла Бажова «Малахитовая шкатулка». Урал в данном случае ассоциируется с драгоценностями. Название конфет основывается на переносе представления о высоком качестве малахита на вкусовые качества конфет

«Уральские сказы». Их производитель таким образом актуализирует местный колорит продукта питания, что может способствовать повышению спроса на него в связи с желанием реципиента приобрести данные конфеты в качестве сувенира или подарка.

Название конфет *«Волжские просторы»* ассоциируется с Волгой, являющейся самой протяженной рекой в Европе, что, вероятно, предполагает привлечение к ним внимания потребителя.

Прагмоним *«Сибирская коллекция»* порождает представление о полезной для здоровья человека сибирской природе, ее экологичности, что вызывает доверие к этим пельменям и побуждает желание их приобрести.

Во французской лингвокультуре также существуют прагмонимы, основанные на номинации географических объектов. В качестве примера можно привести название популярного сыра *«Le Camembert de* ***Normandie****»* («Камамбер из Нормандии»). Номинация, построенная на региональной метонимии, указывает на местность, известную давней историей производства сыров, а также отдаленностью от крупных мегаполисов, следовательно, экологически чистую.

Другим примером таких прагмонимов является *«Le Roquefort»* («Рокфор»), основанный на метонимическом переносе топонима, называющего населенный пункт Франции, известный производством голубого сыра. Он производится из овечьего молока и обладает изысканным вкусом по причине применения технологии созревания овечьего сыра в известковых гротах, благодаря которой внутри продукта образуется благородная плесень.

К подобным прагмонимам можно отнести название французского десерта *«Le Paris-Brest»* («Париж-Брест») — блюда, основанного на номинации двух французских городов, ассоциирующихся с регулярной велогонкой Париж–Брест–Париж. Таким образом, прагмоним восходит одновременно к географическим объектам и к популярному спортивному событию.

Результаты анализа называющих продукты питания и блюда прагмонимов, референция которых связывается с социально-экономической географией, свидетельствуют о том, что среди них в русском языке наиболее репрезентативными являются названия кондитерских изделий, в частности конфет, а во французском языке — названия сыров. Популярность кондитерских изделий в России обусловливается, возможно, тем, что в северной стране с суровым климатом они выступают как недорогой продукт, снимающий стресс, вызванный недостатком тепла и хорошей погоды. Во Франции, как известно, сыр, представленный более чем тысячью сортов, традиционно является одним из самых распространенных и востребованных продуктов.

2. На втором месте по степени репрезентативности находится группа прагмонимов, референция которых относится к представителям национального животного мира (26%). В русской лингвокультуре это названия конфет, таких как *«****Мишка*** *на Севере», «Белочка», «Коровка»* и др. Название «***Мишка*** *на Севере»* объясняется, вероятно, популярностью в СССР арктических экспедиций в период появления данного лакомства, однако современный потребитель может декодировать в данном прагмониме другие коннотации и смыслы, такие как физическая сила изображенного на упаковке товара белого медведя, обитающего на Севере и способного противостоять неблагоприятным климатическим условиям. Эти характеристики создают положительный образ животного, привлекающий внимание к конфетам. Отметим, что второй компонент прагмонима «на Севере», обозначающий покрытые льдом северные просторы России, восходит к социально-экономической географии, что свидетельствует о неоднозначности референции названия.

Прагмоним *«Белочка»,* в свою очередь, актуализирует поведенческую метафору, основанную на том, что белки питаются орехами, которые являются одним из основных ингредиентов лакомства. Таким образом, название сообщает реципиентам о присутствии орехов в этих конфетах, что отличает их от других. Прагмоним *«Коровка»* обусловливается молочной начинкой лакомства, имплицитно сообщая о натуральности продукта.

Примером прагмонима, также связанного с представлением об этом домашнем животном, служит название бренда молочной продукции ***«Коровка** из Кореновки».* В данном случае зооним несет информацию о том, что в основе предлагаемой производителем продукции лежит молоко. Однако название содержит еще компонент «Кореновка» (разговорный вариант названия города Кореновска в Краснодарском крае), связанный с социально-экономической географией, в частности с плодородными южными землями в России, способствующими производству в Кореновске высокого качества продуктов из молока, получаемого от коров Краснодарского края.

Важно отметить, что во всех рассмотренных прагмонимах зоонимы используются с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Вероятно, это определяется тем, что существенной частью реципиентов является детская аудитория, часто прибегающая в своей речи к использованию подобных форм наименования животных.

Во французской лингвокультуре примером реализации зоонима в названии продукта питания является наименование плавленого сыра «***La vache** qui rit»* (досл. «Корова, которая смеется», официально «Веселая буренка»), которое, возможно, ассоциируется с названием исторического романа Виктора Гюго «L'Homme qui rit» («Человек, который смеется»). Мы не можем однозначно утверждать наличие прямой связи между романом и данным продуктом питания, однако конструкции, использованные в обоих случаях, являются идентичными за исключением первого компонента (*L'homme* — первый компонент романа В. Гюго, *La vache* — первый компонент названия плавленого сыра). Отметим, что сходство названия продукта питания с названием литературного произведения способствует его запоминанию.

Прагмоним, служащий названием леденцов ***«La Pie** qui chante»* («Поющая сорока»), основан на той же модели образования и имеет в своем составе лексему «la pie» (сорока). Однако данный прагмоним содержит в себе звукоподражательную метафору: сорока ассоциируется со стрекотанием, что соотносится со звуком леденца при его раскусывании. Семантическая связь между пением птицы и физическим ощущением человека, потребляющего данный продукт, создает положительную и остроумную аналогию.

Как видим, в группе называющих продукты питания прагмонимов, референция которых связана с животным миром, в русском языке наиболее репрезентативными также являются названия кондитерских изделий, в частности конфет, а во французском языке — названия сыров и конфет.

3. На третьем месте по степени репрезентативности находится группа прагмонимов, референция которых относится к национальным сказкам (24%). Популярным механизмом создания названия продуктов питания является обыгрывание персонажей сказок. В качестве примеров подобных прагмонимов в русской лингвокультуре можно привести названия конфет, таких как *«Гуси-лебеди», «Царевна-лягушка», «Баба-Яга», «Петушок — золотой гребешок»* и др.

Народная сказка *«Царевна-лягушка»* основана на мотиве превращения лягушки в Василису Премудрую, которая стала настоящим сокровищем. Представление о сокровище, привлекающем потребителя конфет, легло в основу создания этого названия.

Прагмонимы, служащие названием конфет *«Гуси-лебеди» и «Баба-Яга»,* вызывают интерес, поскольку персонажи одноименных русских народных сказок являются

антигероями. Возможно, предполагается, что эти прагмонимы должны привлекать внимание потребителей широкой известностью и популярностью обеих сказок, благодаря чему произойдет трансформация негативного образа героев (птиц, похитивших мальчика в сказке *«Гуси-лебеди»*, и самой известной ведьмы русского фольклора в сказке *«Баба-Яга»*) в позитивный образ вкусного лакомства. Так, авторы данных прагмонимов, вероятно, прибегают к инверсии традиционного образа антигероя, наделяя персонаж, ассоциирующийся с хаосом и угрозой, положительным признаком (сладость), создавая таким образом когнитивный конфликт противоположных категорий.

Во французской лингвокультуре нами обнаружен лишь прагмоним *«Le Petit Chaperon Rouge»* (досл. «Красная шапочка»), генетически восходящий к сказке Шарля Перро и называющий не конфеты, а свежее розовое сухое вино. Возможно, появление прагмонима обусловлено не только красным цветом верха бутылки, но и названием винодельческого района, в котором произведено это вино, — Pic Saint Loup (досл. «Пик Святого Волка»), ассоциирующимся с волком из сказки «Le Petit Chaperon rouge». Интересно отметить, что перевод на русский язык названия сказки Шарля Перро *«Красная шапочка»* стал прагмонимом, называющим конфеты, а не вино. Переход названия французской сказки в прагмоним, служащий названием вина, а не кондитерского изделия, обусловлен традиционно очень важным местом вина в гастрономической культуре Франции, которым часто сопровождается прием пищи.

Результаты анализа называющих продукты питания прагмонимов, референция которых связывается со сказками, свидетельствуют о том, что среди них в русском языке наиболее репрезентативными являются названия кондитерских изделий, в частности конфет, а во французском языке — названия вина, а не конфет.

4. На четвертом месте по степени репрезентативности находится группа прагмонимов, референция которых относится к национальной истории (15%). Они могут ассоциироваться с титулом монарха, лицом, носящим этот титул, местом его работы, а также с личностями, хорошо известными в определенной культуре. В русской лингвокультуре подобными прагмонимами служат, например, *«Петр I», «Царское лакомство», «Кремлёвский»* и др.

Название шоколадных конфет *«Петр I»* актуализирует имя русского царя, первого российского императора, очень много сделавшего для величия России. Прагмоним *«**Царское** лакомство»,* ассоциирующийся с царем, являвшимся официальным титулом главы государства в России, также служит названием шоколадных конфет.

Название шоколада *«Кремлёвский»* связывается с Московским Кремлем, в котором находится рабочая резиденция президента Российской Федерации. Кремль является символом государственности и надежности, что имплицитно сообщает реципиентам о соответствии высоким стандартам качества и вкуса данного лакомства.

Во французской лингвокультуре примером прагмонима, основанного на историческом компоненте, служит название сыра *l'Empereur* («Император»). Оно восходит к эпохе Наполеона Бонапарта, формируя ассоциативный ряд, связанный с роскошью и богатым гастрономическим наследием. Также исторический компонент формирует у потребителя представление о высоком, проверенном временем качестве продукта питания.

Прагмоним *Bouchée à **la reine** (*досл. «Королевский кусок») называет популярное во Франции блюдо, представляющее мясо с соусом в корзиночке из слоеного теста. Название ассоциируется с французскими королевами, питавшимися изысканными блюдами.

В основе названия такого десертного блюда, как *«La Tarte **Tatin**»* («Тарт Татен»), лежит фамилия его создателей — сестер Стефани и Каролин Татен, которые управляли

в конце XIX века гостиницей Tatin во Франции, в Ламотт-Беврон, в регионе Солонь. Согласно известной истории, Стефани, будучи главным кондитером, в спешке поставила яблоки с маслом и сахаром в духовку, забыв подложить под них тесто. Не растерявшись, она накрыла их пластом теста в форме и допекла, после чего перевернула готовое изделие в блюдо. Гостям очень понравился ее пирог.

Результаты анализа прагмонимов, референтно связанных с национальной историей, свидетельствуют о том, что в русском языке среди них по-прежнему преобладают названия кондитерских изделий, прежде всего конфет, а во французском языке — названия сыра, мясных и десертных блюд.

5. Наименее репрезентативной группой являются прагмонимы, референция которых связывается с языковой креативностью носителей русской и французской культуры (5%). Благодаря свойственной им языковой креативности появляются на основе существующих лингвистических единиц новые единицы (слова и словосочетания), которые становятся названием продуктов питания. Например, в русской лингвокультуре таким прагмонимом может служить название конфет *«Птичье молоко»,* возникшее в результате сокращения компонентного состава фразеологизма «только птичьего молока нет (не хватает)», обозначающего полное изобилие. Креативно созданное название, означающее что-либо невозможное, не существующее, очевидно, привлекает внимание потребителей и побуждает их приобрести эти конфеты.

Во французской лингвокультуре существует прагмоним *«Le Carambar»,* называющий карамель и креативно созданный путем сложения частей лексем «**caram**el» (карамель) и «**bar**re» (палочка, черта). Языковая креативность в названии продукта питания обусловливается вытянутой формой карамельных батончиков, напоминающих палочки.

Согласно результатам анализа весьма немногочисленных прагмонимов, генетически восходящих к языковой креативности носителей русской и французской культуры, в обоих языках креативным способом создаются названия кондитерских изделий, в частности конфет.

Результаты анализа групп русских и французских прагмонимов, называющих продукты питания и блюда, с учетом отнесенности прагмонимов к определенной референтной области культуры иллюстрируются в таблице 1.

Таблица 1. Сводная таблица полученных результатов

Область референции	Русская лингвокультура	Французская лингвокультура	Степень репрезентативности прагмонимов относительно определенной области культуры (%)
Социально-экономическая география России и Франции	Уральские сказы Сибирская коллекция Волжские просторы	Le Camembert de Normandie Le Roquefort Le Paris-Brest	30
Национальный животный мир	Мишка на Севере Белочка Коровка Коровка из Кореновки	La vache qui rit La Pie qui chante	26
Национальные сказки	Царевна-лягушка Гуси-лебеди Баба-Яга	Le Petit Chaperon rouge	24

Область референции	Русская лингвокультура	Французская лингвокультура	Степень репрезентативности прагмонимов относительно определенной области культуры (%)
Национальная история	Петр I Царское лакомство Кремлёвский	l'Empereur Bouchée à la reine La Tarte Tatin	15
Языковая креативность носителей русской и французской культуры	Птичье молоко	Le Carambar	5

Заключение. Результаты произведенного анализа позволяют сделать следующие выводы в соответствии с поставленными во введении задачами:

1. Выявленные русские и французские прагмонимы, называющие продукты питания и блюда, референтно относятся к определенной области культуры, что позволяет их классифицировать.

2. В зависимости от референтной области культуры выделены пять групп прагмонимов: восходящие к географии, в частности социально-экономической, России и Франции; к национальному животному миру; к национальным сказкам; к национальной истории; к языковой креативности носителей русской и французской культуры.

3. Наиболее репрезентативны прагмонимы, восходящие к социально-экономической географии России и Франции (30% от отобранного практического материала), наименее репрезентативны прагмонимы, связанные с языковой креативностью носителей русской и французской культуры (5% от отобранного практического материала).

4. Некоторые прагмонимы, восходящие к национальному животному миру, соотносятся и с социально-экономической географией, ибо одним из их компонентов является топоним, указывающий на место обитания животного (конфеты «Мишка на Севере») или на место производства продуктов питания («Коровка из Кореновки»).

5. Среди русских прагмонимов наиболее репрезентативны те, которые служат названием конфет, а среди французских прагмонимов — те, которые служат названием сыра.

Дальнейшие изыскания в данном направлении могут быть посвящены исследованию прагмонимов на материале других языков не только в национально-культурном, но и в сопоставительном аспекте. Результаты такого исследования внесут достойный вклад в расширение знаний в области лингвокультурологии, социолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н.В. Терминологическая модель с элементом -оним: ретроспектива, настоящее и будущее / Н.В. Васильева // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. статей. — Витебск: ВГУ имени П. А.М. Машерова, 2022. — 403 с.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. — М.: КомКнига, 2005. — 224 с.
3. Ильясова С.В. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. — М.: Флинта: Наука, 2018. — 328 с.

4. Кравцов С.М. Обучение фразеологии в аспекте актуальных проблем экологии языка (на материале русского и французского языков) / С.М. Кравцов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы II-ой Международной научно-практической Интернет-конференции, Ростов-на-Дону, 15-30 ноября 2012 года. — Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2012. — С. 157–162.
5. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / И.В. Крюкова. — Волгоград: Перемена. — 2004 — 40 с.
6. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. — М.: Наука, 1974. — 278 с.
7. Сапиева С.К. Языковая номинация и проблема ее ономасиологического исследования / С.К. Сапиева // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. — 2023. — Т. 23. — № 1. — С. 62–68. — DOI: 10.37482/2687-1505-V240.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. — М.: Наука, 2007. — 366 с.
9. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.
10. Фатеева И.М. Когнитивные объективации коммуникативно-прагматического пространства прагмонимов в современной отраслевой терминологии / И.М. Фатеева // Культура и цивилизация. — 2016. — № 1. — С. 273–291.
11. Gałkowski A. La terminologie de la chrématonymie de marketing: fondements historiques, conceptions, discussions // Lexicalisation de l'onomastique commerciale: créer, diffuser, intégrer / Jana Altmanova et Gabrielle Le Tallec (éds.). Bruxelles: Peter Lang, 2024. Pp. 91–105.
12. Vasilyeva N. New onomastic terms: textual criterion of necessity // Book of Abstracts. 2021, Kraków, Poland. Available at: https://icos2020.ijp.pan.pl/abstracts (accessed: 14.05.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. — М.: Наука, 1988. — 200 с.
14. http://www.ozon.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ozon.ru/ (дата обращения: 26.09.2026).
15. https://www.carrefour.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.carrefour.com/ (дата обращения: 10.09.2026).

REFERENCES

1. Vasilyeva N.V. (2022). Terminologicheskaya model s elementom -onim: retrospektiva, nastoyashchee i budushchee [A terminological model with the element -onym: retrospective, present, and future.] // Regionalnaya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya: sb. nauch. statey [Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 403 p. (In Russian).
2. Zemskaya E.A. (2005). Slovoobrazovanie kak deyatelnost [Word Formation as an Activity]. M: KomKniga, 224 p. (In Russian).
3. Ilyasova S.V. (2018). Yazyk SMI i reklamy: igra kak norma i kak anomaliya x The language of the media and advertising: play as a norm and as an anomaly] / L.P. Amiri. M.: Flinta: Nauka, 328 p. (In Russian).
4. Kravtsov S.M. (2012). Obucheniye frazeologii v aspekte aktual'nikh problem ekologii yazika (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazikov) [Teaching phraseology in the context of current issues in language ecology (based on the material of the Russian and French languages)] // Yazik i parvo: aktual'niye problemi vzaimodeistviya: materiali II Mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii [Language and Law: Current Issues of Interaction: Proceedings of the II International Scientific and Practical Internet Conference]. Rostov-on-Don: Don Book Publishing House, pp. 157–162. (In Russian).
5. Krukova I.V. (2004). Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti: avtoref. dis. doct. phil. Nauk: spets. 10.02.19 "Teoria yazika" [Advertising name: from invention to precedent: abstract. diss. ... doct. Philol. sciences: spec. 10.02.19 "Theory of language"]. Volgograd: Peremena, 40 p. (In Russian).
6. Nikonov V.A. (1974). Imya i obshchestvo [Name and society]. M.: Nauka, 1974, 278 p. (In Russian).
7. Sapieva S.K. (2023). Yazikovaya nominatsiya i problema eyo onomassiologicheskogo issledovaniya [Linguistic nomination and the problem of its onomasiological study] // Vest. Sev. (Arktich.) feder. univ. Ser.: Gumanit. i sots. Nauki [Vestn. Sev. (Arctic) feder. University of Sciences: Humanities. and social sciences]. T. 23. – No 1, pp. 62-68. DOI: 10.37482/2687-1505-V240 (In Russian).
8. Superanskaya A.V. (2007). Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of proper names]. M.: Nauka, 366 p. (In Russian).

9. Suprun V.I. (2000). Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial [The onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd: Peremena, 172 p. (In Russian).
10. Fatieyeva I.M. (2016). Kognitivniye obyektivatsii kommunikativno-pragmaticheskogo prostranstva pragmonimov v soovremennoy otaslevoe terminologii [Cognitive objectification of the communicative and pragmatic space of pragmonyms in modern industry terminology] // Kultura i tsivilizatsiya [Culture and civilization]. No 1, pp. 273-291. (In Russian.).
11. Gałkowski A. (2024). La terminologie de la chrématonymie de marketing: fondements historiques, conceptions, discussions // Lexicalisation de l'onomastique commerciale: créer, diffuser, intégrer / Jana Altmanova et Gabrielle Le Tallec (éds.). Bruxelles: Peter Lang, 2024, pp. 91–105. (In French).
12. Vasilyeva N. (2021). New onomastic terms: textual criterion of necessity // Book of Abstracts. 2021, Kraków, Poland. Available at: https://icos2020.ijp.pan.pl/abstracts (accessed: 14.05.2026). (In English).

Поступила в редакцию 10.10.2026 г.

PRAGMONYMS DESIGNATING FOOD PRODUCTS AND DISHES: NATIONAL AND CULTURAL ASPECT (ON MATERIAL FROM RUSSIAN AND FRENCH)

S.M. Kravtsov, A.G. Zhilnin

The study, based on a national-cultural approach, examines Russian and French pragmonyms that name food products and dishes. The research material was selected from electronic resources http://www.ozon.ru (Russian pragmonyms) and https://www.carrefour.com (French pragmonyms). A number of methods have been applied in the course of the analysis, among them are as follows: the descriptive method, which makes it possible to classify and characterise pragmonyms; the method of componential analysis, which allows us to identify individual elements of their semantics; and the method of statistical analysis, which makes it possible to carry out a quantitative processing of the results obtained. The pragmonyms are classified from the perspective of their reference to a particular area of Russian and French culture. A quantitative analysis of pragmonyms was carried out based on the degree of representativeness in relation to a specific area of culture. The highest representativeness of Russian and French pragmonyms in the names of food products has been established.

Key words: onym, pragmonym, area of reference, cultural code, representativeness, linguoculture, Russian language, French language.

Кравцов Сергей Михайлович.
Доктор филологических наук, профессор.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Заведующий кафедрой романской филологии.
ORCID 0000-0002-6804-1197.
E-mail: serg.cravtzov2017@yandex.ru

Kravtsov Sergey Mikhailovich.
Doctor of Philology, Professor.
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don.
Head of Department of Romance Philology.
ORCID 0000-0002-6804-1197.
E-mail: serg.cravtzov2017@yandex.ru.

Жилнин Андрей Георгиевич.
Кандидат филологических наук.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Старший преподаватель кафедры романской филологии.
ORCID 0009-0005-8808-7124.
E-mail: Zhilnin@sfedu.ru

Zhilnin Andrei Georgievich.
Candidate of Philology
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don.
Senior Lecturer at Department of Romance Philology.
ORCID 0009-0005-8808-7124.
E-mail: Zhilnin@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81:17
DOI: 10.5281/zenodo.23945024

ГОРОД В СОЗНАНИИ: ТОПОНИМИКА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВОСПРИЯТИЯ

© 2026 *Е.В. Бирюкова*[1], *Е.Г. Борисова*[2], *Е.В. Мутовкина*[3]
[1]Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»
[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук»
[3]Ордена Трудового Красного Знамени федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский технический университет связи и информатики»
ORCID[1] 0000-0001-8741-983X
ORCID[2] 0000-0003-3878-5344
ORCID[3] 0000-0001-1400-9147

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе делается попытка свести воедино способы номинации фрагментов городского пространства, наблюдаемые у жителей и гостей города. В основу положены наименования разной степени официальности и распространенности мест Москвы. Фрагментарно привлекаются также данные других городов: как те, которые известны гостям («Васька» или Коломна в Петербурге, «Сковородка» в Костроме), так и сведения, позаимствованные у исследователей из различных мест России и мира (Ярославль, Екатеринбург, Харьков). Опираясь на данные опросов, интроспекции, литературы и научных исследований, авторы выявляют несколько способов номинации городских локаций, задающие разные способы личного восприятия города и формирования представления о нем в картине мира человека. Предполагается, что частично эти наблюдения могут быть перенесены на моделирование топонимической номинации в целом. В то же время с культурологической и философской точек зрения результаты исследования могут повлиять на формирование представлений на процессы изменения в сознании городских жителей последних пятидесяти лет и использоваться в преподавательской и просветительской деятельностях.

Ключевые слова: городское пространство, топоним, стилистическое различие, отражение в сознании.

Для цитирования: Бирюкова Е.В. Город в сознании: топонимика на разных уровнях восприятия / Е.В. Бирюкова, Е.Г. Борисова, Е.В. Мутовкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 129–138. — https://doi.org/ 10.5281/zenodo.23945024.

Введение. Городское пространство представляется фоном и основой для жизни горожан, приезжих, туристов. Способы его репрезентации в сознании с трудом поддаются точному исчислению: тут и официальные исторические данные, городские хроники, личные воспоминания, интерпретации в художественных произведениях (литературе, музыке, живописи, фотографии, архитектуре и т.п.), истории и т.п. Становясь составной частью общественного сознания, эти сведения отражаются в способах наименования: явление, хорошо известное в топонимике. И в этом качестве нередко закрепляются в языке — как в нормированных официальных документах (ср. старинные наименования московских улиц с суффиксом –к-: *Остоженка, Петровка, Лубянка*), так и сохраняемых в местных традициях («*Дом на набережной*», Т*орфянка —*

пруд в Бабушкине, «*Берингов пролив*» — наименование многоподъездного дома на Беринговом проезде в Москве).

В целом город как фон для существования жителей, как объект внимания (и нередко восхищения) гостей играет все большую роль в формировании общих представлений различных слоев социума и нации (или субэтноса) в целом. Это объясняется и растущим числом горожан среди населения, и ролью города в развитии важных составных компонентов общенациональной картины мира: возникновение технических новаций (метро, монорельс, мосты), развитие научных (технопарки) и культурных локаций. Здесь можно вспомнить артпространства в Москве: «*Винзавод*», «*Красный Октябрь*», в Казани («*Татарская деревня*»), в Ярославле и многих других городах.

Встает вопрос: как пространство города отражается в общественном сознании? Известно, что наряду с разного рода социологическими замерами и исследованиями, сведения о сознании масс и отдельных групп населения могут быть получены при изучении языка этих групп. И тут в дело вступает языкознание и смежные с ним дисциплины.

Изучением наименований местности занимается научное направление лингвистики топонимика (в целом относящаяся к ономастике — науке о наименованиях). Как это нередко бывает с языковедческими дисциплинами, она соприкасается с рядом направлений других наук: историей, культурологией, этнографией. А с введением и активным употреблением понятия «картина мира» (the world image) сюда добавляется и психология. Помимо наименований отдельных населенных пунктов, элементов ландшафта в поле зрения лингвиста нередко попадают и названия отдельных частей города [5]. Причем чаще всего это официальные наименования, обычно с точки зрения сохранения в них каких-то исторических особенностей: улица *Татарская* — слобода, населенная татарами, *Пушечная* улица — место изготовления пушек, «*Пушечный двор*» и т.п.

В последние годы при расширении интереса к ненормированному употреблению языка [1] в поле зрения исследователей попадают и «народные» топонимы: наименования, употребляемые среди населения или его определенных групп [9;10]. Например: *Маяковка* — площадь Маяковского в Москве, *Пушка* — Пушкинская площадь (используется в молодежных жаргонах разных лет), *Васька* — Васильевский остров в Санкт-Петербурге и т.п.

Если рассматривать различные способы наименования, закрепившиеся в социолектах, можно отметить и другие варианты, в большей степени связанные с культурными и историческими факторами: наименования мест по ближайшим музеям или концертным залам, по архитектурным памятникам, иногда даже по известным ресторанам или магазинам.

В настоящей статье рассматриваются различные внутригородские наименования (районов, улиц, территорий) в их восприятии представителями разных социальных групп. Материалом послужили результаты выборочных опросов жителей разных регионов, преимущественно Москвы, литературные произведения и, конечно, интроспекция авторов. Цель работы: выстроить способы наименования, бытующие в сознании носителя языка и соотнести их со способами восприятия места.

Материал и методы исследования. В работе использован метод междисциплинарного сопоставления, метод анализа текстов разной направленности. Материалом послужили тексты публицистического, исторического, просветительского характера, справочные материалы по географии и топонимике, интроспекция авторов.

Основная часть. Официальная топонимика. Основой наименований мест, особенно вдали от наиболее близких жителю и наиболее известных, остаются официальные топонимические параметры: названия улиц и площадей, муниципальных

районов (в Москве привязанных к историческим наименованиям мест *Лефортово*, *Лосиноостровский*, *Теплый стан*), названия станций метрополитена и городских электричек (*МЦК*, диаметры — *Новогиреево, Зюзино, Владыкино*), вокзалы. В некоторых городах сюда можно включить еще и автостанции, речные и морские вокзалы, например, Северный речной вокзал в Москве, порты. Сюда же могут войти наименования зданий, связанных с федеральными или муниципальными структурами (*Госдума*, *Мэрия Москвы*, *Управа района Сокольники* и т.п.), самыми известными коммерческими организациями (*РЖД*, *Газпром*, *Сбер*), учебными заведениями (*МГУ* — старое здание, *Училище имени Баумана*, *Консерватория*), больницы (*Боткинская* в Москве) и т.п. Обычно эти названия в большей или меньшей степени распространяются и на окружающие места: *рядом с ЦУМом*, *за мэрией*, *у больницы РЖД*, «*Живу около Остроумовской больницы*», «*Это где Ганнушкина*» (психиатрическая больница на Яузской набережной).

Можно считать официальными и названия рынков, если это подтверждается соответствующими документами: «*Знаете Черёмушкинский рынок? Вот там*». (Иногда рынки известны по неофициальным названиям: *Черкизон* и т.п.)

Однако помимо сегодняшней официальной топонимики, в городе с богатой историей существует еще несколько слоев наименований, отражающих разнообразие представлений о городе в сознании жителей и гостей [5]. В первую очередь это старые названия улиц и районов, сохраняющиеся в памяти старожилов (в результате возвращения большинства дореволюционных названий такими старыми в Москве стали советские: площадь *Дзержинского*, улица *Герцена*, *Кировская*, проспект *Калинина*). Иногда местные жители сохраняют в памяти названия, которые никогда не были официальными, но использовались иногда на протяжении долгого времени: в народе *Труба, Самотёка, Маяковка*. В ряде городов, в частности в Ярославле, названия центральных улиц, бытовавшие за всю их историю, принято выносить на стены обычно под официальной табличкой с нынешним названием.

Уже в списке официальных наименований мы замечаем два уровня восприятия, соотносящие сознание с двумя эпохами — а нередко и с большим числом периодов.

Отдельно отметим промышленные объекты: заводы, фабрики, депо, парки общественного транспорта. Это объекты, строившиеся в больших городах преимущественно в XIX–XX веках. И чаще всего вокруг них вырастали рабочие поселки, на которые и переходило название: *Трёхгорка* (*Трёхгорная мануфактура Пороховщикова*) в Москве, *Новая Бавария* по названию пивзавода в Харькове, *Кировский завод* в Санкт-Петербурге. Названия поселков попадают в официальные названия улиц, станций общественного транспорта и метро. Привязка к промышленному объекту тоже активирует слой восприятия, относящий к прошлому этого места. Нередко названия поселков и предприятий бывают известны далеко за их пределами, что придает дополнительную окраску связи с ними: *Путиловский* завод в Санкт-Петербурге или *ХТЗ* в Харькове связывают с историей двадцатого века.

Заметим, что такой вид наименования ведет свое начало от ремесленных слобод, где селились люди определенных профессий: *Кожемяки* в Киеве, *Хамовники* или *Басманная* в Москве [4]. Это обеспечивает связь в сознании жителей с особенностями давно ушедшего быта.

Топонимические наименования в культурной традиции. Теперь перейдём к наименованиям, не получившим официального статуса, но бытующим среди определенных групп людей: иногда жителей конкретной местности (например, *Леоновский лес* — название, используемое жителями Свиблова), а иногда — почти всего

города (например, *Меншикова башня* как ориентир для района Чистых прудов). Часть этих названий сохранилась с тех времен, когда та или иная местность была самостоятельным населенным пунктом, а потом вошла в состав города или крупного поселения: *Марьино, Зябликово, Лось* (когда-то поселок при станции), *Карачарово* и множество других в Москве, *Сормово* и *Кунавино* в Нижнем Новгороде, *Москалёвка* или *Померки* в Харькове. Некоторые названия вызывают очевидные исторические ассоциации («*Здесь был город Бабушкин*», «*Новогиреево — известное дачное место*»), однако подлинную историю их происхождения помнят немногие.

Неофициальные названия мест бывают связаны с природными объектами: *Воронцовские пруды* в Москве, *Университетская горка* в Харькове, *Болото* в Москве (площадь на низком месте между Москвой-рекой и Каналом одно время называлась *площадь Искусств*, но сейчас используется и название *Болотная площадь*). По этим наименованиями, которые иной раз получают и официальное признание, жители городов обозначают определенные места в своем городе. Практически в любом населённом пункте или районе Москвы есть свои уголки, которые обычно имеют специальные названия: официальные (*Останкинская дубрава, Воронцовские пруды, Долина Яузы)* или исключительно местные (*Леоновский лес, пруд Торфянка*).

Соотнесение места с каким-либо ландшафтным явлением обогащает представление о городе и его районах связью с природой: в конце концов практически все города застраивались, занимая какие-то естественные ландшафты, и неровность и извилистость московских улочек часто объясняется теми пригорками и оврагами, по которым они прошли. Впрочем, в таких городах, как Нижний Новгород, эта связь не требует особых выявлений: овраги и горы составляют существенную часть городского ландшафта.

Неофициальные наименования мест нередко связаны с архитектурными памятниками. Иной раз это шедевры или, по крайней мере, замечательные архитектурные произведения, например *Юшков дом* напротив метро «Тургеневская», где теперь размещается художественное учебное заведение. Это может относиться и к более современной архитектуре: например, к таким постройкам, как *Дом Моссельпрома* в Москве или *Госпром* в Харькове (впрочем, последний примечателен не только архитектурой, но и историей), которые интересны как образцы конструктивизма начала XX века.

Функцию неофициальных топонимов и визуальных ориентиров нередко выполняют объекты с выраженными архитектурными особенностями. К ним относятся постройки в исторических стилях (*Чайный дом* на Мясницкой), памятники авангарда (*дом Мельникова* с его цилиндрическими формами) и конструктивизма («*дом-паровоз*» на Красных воротах). Кроме того, заметными доминантами городского ландшафта становятся здания повышенной этажности, будь то московские «высотки» или петербургский *Лахта-центр*.

Однако помимо заметных внешних признаков, выделяющих отдельные здания или кварталы, жители знают места, связанные с историей и культурой города, и это отражается в используемых ими наименованиях — иногда устоявшихся. Это уже принципиально иной пласт городского сознания, поскольку он опирается на представления о культурной жизни, обычно требующиеся достаточных познаний [8]. Это здания и усадьбы, в которых родились (Ф.М. Достоевский), жили (Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, П.И. Чайковский, Ф.И. Шаляпин) или хотя бы бывали (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Б.Л. Пастернак) великие деятели русской культуры, что, как правило, отмечено мемориальными досками или даже памятниками.

Вышеперечисленные объекты локализованы в Москве, но топонимы, увековечивающие память деятелей культуры, являются неотъемлемой частью практически любого населенного пункта.

В городской речи закрепляются топонимические формулы, отсылающие к биографиям: «где Пушкин венчался с Натали» (*Никитские ворота, Храм Большого Вознесения*) или «где умер Гоголь» (*Арбатские ворота*). В Харькове помнили дом на Рымарской как место, где жила Людмила Гурченко, а в Ленинграде 1970-х здание на Большой Морской знали как место знакомства Ленина с Крупской. Примечательно, что, используя памятники как на ориентиры, горожане часто не знают причин их установки, хотя локация монументов обычно связана с биографией: Б. Окуджава на Арбате, М.Ю. Лермонтов и юный А.С. Пушкин — у мест рождения, Иван Фёдоров — недалеко от места, где находилась его печатня.

В этот же кластер наименований входят театры, библиотеки, концертные залы и музеи. Для москвичей *Триумфальная площадь* — это не только станция «*Маяковская*», но и *Зал Чайковского*, а ориентиром часто служит *Московская консерватория* на Большой Никитской. В других городах культурные учреждения также вытесняют официальные топонимы: в Ярославле *ТЮЗ* оказывается более узнаваемой привязкой, чем *Площадь Юности.* В Москве заметными ориентирами служат и библиотеки: «*Иностранка», «Некрасовка», «Ушинка*» (библиотека педагогической литературы), *Молодежная и Центральная детская*. Наконец, четкими вехами городского пространства становятся самые известные музеи: «*Третьяковка*», *Русский музей* в Петербурге (хотя *Эрмитаж* горожане чаще называют *Зимним дворцом*) или *Дом Каширина* в Нижнем Новгороде. Во многих городах таким культурным центром оказывается цирк (*Цирк на Цветном бульваре* в Москве), зоопарки, иногда *Ботанический* сад и планетарий (в Ярославле).

Такие урбанонимы проводят прямую связь между местом, где находится современный человек, и событием прошлого, культурной жизнью предыдущей эпохи (а иногда и нашего времени), существенно обогащая представления человека о его собственном значении «в пространстве и времени».

При анализе культурного контекста топонима, следует учесть его упоминания в художественных произведениях: фильмах, живописи, в стихах и песнях: «*Город чудный, город древний*» Ф. Глинки, «*Москва, я думал о тебе. Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось*» (А.С. Пушкин), «*Москва, Москва, люблю тебя как сын, как русский*» (М.Ю. Лермонтов), «*Люблю тебя, Петра творенье*», «*Слушай, Ленинград, я тебе спою*» и т.п. Иногда в цитатах зафиксирована связь с прежним названием: «*Над городом Горьким, где ясные зорьки*». Наконец, на восприятие города может влиять и цитата, связывающая его с окружающим пространством: «*А вокруг меня Ярославия*».

В сознании жителя художественные произведения обеспечивают прочные ассоциативные связи, как правило, положительные, эмоционально насыщенные.

Религиозная основа урбанонима. Огромную роль в организации общественной жизни в средневековой и более поздней России играли храмы, в первую очередь православные: жители ближайшей округи составляли приход храма. В литературе мы можем встретить большое количество неофициальных наименований места по храму, вокруг которого живут его прихожане, вспомним пушкинское: «*В Москве, живет у Симеона*» («Евгений Онегин»). В комментариях отмечают, что имелся в виду храм *Симеона Столпника*, сохраненный в советское время, в начале Поварской улицы.

Городская традиция предполагает использование таких наименований в официальных документах. Улицы и переулки Москвы получали свои имена по храмам, воздвигнутым в честь святых, христианских праздников, икон [7]. Большая группа московских топонимов имеет в своей основе названия храмов по именам святых, великомучеников, чудотворцев, в честь которых они были воздвигнуты: *Ермолаевский переулок* — по церкви *Священномученика Ермолая*, что на Козьем болоте; *Борисоглебский переулок* — по церкви *Святых Бориса и Глеба*, страстотерпцев князей Российских, что на Поварской, *Обыденские переулки* 1–3 — по церкви *Ильи Пророка Обыденного* и др.

При этом в «церковных» топонимах отражена особенность структуры именования московских храмов. Эта особенность заключается в том, что название храма состоит из двух частей — официальной, канонической и адресной, уточняющей, указывающей на местонахождение храма в городе. Каждая из частей названия московских храмов содержит определенную лингвистическую и культурно-историческую информацию, которая находит свое отражение в топонимах: *Ермолаевский переулок* — по церкви священномученика Ермолая, что на Козьем болоте; *Вспольный переулок* — по церкви Георгия Победоносца, что на Всполье.

Интересно, что эта традиция поддерживается не только в старинных городах: в Санкт-Петербурге около Казанского собора (названного в честь иконы Казанской Божьей Матери, там хранящейся как почитаемая святыня) имеется *Казанская* улица и *Казанский* переулок.

«Народная топонимика». Особого рассмотрения требуют неофициальные (так называемые «народные») топонимы [3]. В отличие от официальных, они функционируют преимущественно на уровне локальной традиции. Такие наименования не всегда общеизвестны и зачастую закрепляются в речи узких групп населения, нередко гомогенных по возрастному признаку. Например, у жителей микрорайона или поселка могут сохраняться местные названия магазина: «*на ступеньках*», «*у Бродского*» (фамилия директора в п. Малаховка). Названия храмов при этом обычно имеют сокращенный вариант: не «Храм епископа Николая Мирликийского», а *Никола в Хамовниках,* а также *Троица в Листах*, *Девятинский* (Храм Девяти Мучеников Кизических).

Здания гражданской архитектуры нередко называются по именам наиболее прославленных владельцев *(дом Зубовой)* или жильцов *(дом Ардовых на Ордынке*, *дом Дяди Гиляя* (Гиляровского) на Столешниковом, *Морозовский особняк* на Воздвиженке, *дом Перцовой* у Москвы-реки, наконец, *Пашков дом* (старое здание Российской государственной библиотеки) и *Юшков дом* на Мясницкой). Поскольку многие здания вошли в литературу, они получают названия по именам хозяев в произведениях: *дом Ростова, дом Фамусова* (снесен), *дом Маргариты* (особняк, связываемый с романом «Мастер и Маргарита»).

В городскую топонимику включаются и привязки к литературным произведениям, действия в которых происходят в городе. Наряду с упоминанием дома литературного героя, это могут быть и запомнившиеся описания мест («*Львы на воротах*», «*у Харитонья в переулке*», «*живет у Симеона*» (из пушкинского «Евгения Онегина»)), и отождествления с описанным в произведении местом (*Патриаршие пруды* в «Мастере и Маргарите»), и связанные с местом цитаты («*Нигде кроме как в Моссельпроме*» (надпись на доме Моссельпрома восстановлена)). Это же происхождение имеет и сохранившийся в памяти москвичей *Лизин пруд*, описанный в «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина.

Здесь же стоит упомянуть и места, ставшие известными благодаря кинофильмам, телепередачам: *где снимали «Место встречи»* (о местах у метро «Сокольники», теперь застроенных многоэтажными зданиями), *двор, где снимали «Кортик»* и т.п.

Исторический аспект уместно затрагивать и при упоминании мест, связанных с молодежными субкультурами Москвы 1950–1970-х годов. Это были точки неформального общения (сегодня их назвали бы «тусовками»): коктейль-бар в начале улицы Горького, впоследствии прозванной хиппи *«Пешков-стрит»*, пивная на углу Столешникова и Пушкинской, прозванная *«Ямой»* из-за расположения в полуподвале, или Пушкинская площадь, именуемая *«Пушкой»*. В Петербурге таким местом остается территория бывшей закусочной *«Сайгон».* Жаргонные названия часто передаются из поколения в поколение: так, по наблюдениям авторов, современные молодые люди сохраняют наименование «*Пушка*» для Пушкинской площади, хотя их отцы и деды могли посещать эти места в качестве нонконформистов.

«Народные» наименования в некоторых случаях заставляют вспомнить социолекты или некую разновидность жаргона, объединяющую социальную группу по демографическому признаку места проживания [10]. С жаргоном это явление роднит четко выраженная маркировка «свой — чужой». Иногда это связано с сохранением названия в тайне от аутсайдеров (непреднамеренно, как в случае с *«магазином на ступенях»* в Бабушкине, который был неизвестен или неинтересен для посторонних). В других случаях «сокровенное» название широко известно: *«Васька»* (Васильевский остров в Санкт-Петербурге), *«Сковородка»* в Костроме, *«Благбаз»* (Благовещенский рынок в Харькове), *«Матросска»* (улица Матросская Тишина). Однако непосвященные воздерживаются от его использования — точно так же, как посторонние не называют детей семейными ласковыми прозвищами.

Заключение. Топонимика города представляет собой переплетение наименований, разных не только по происхождению, но и по их месту в сознании жителей, а иногда и гостей города. Восприятие большого города опирается на несколько образных, эмоциональных и ассоциативных слоев, задающих отношение человека к месту проживания. В свою очередь эти слои находят отражения в используемых наименованиях.

Топонимика города представляет собой систему наименований, различающихся не только по происхождению, но и по месту в сознании жителей и гостей города. Восприятие мегаполиса опирается на несколько образно-эмоциональных и ассоциативных слоев, формирующих отношение субъекта к месту проживания. В свою очередь, эти слои находят отражение в используемой топонимии.

Базовым уровнем урбанонимической системы следует признать официальный (адресный) пласт наименований. Данный пласт также обладает исторической глубиной, поскольку включает в себя предшествующие топонимы, существовавшие до актов переименования. Кроме того, официальные ойконимы и урбанонимы зачастую аккумулируют информацию об истории освоения территории, традиционных занятиях населения или связи с деятелями культуры. Смежным с ним выступает слой наименований, закрепленных за доминантными элементами городского ландшафта. Как правило, эти топонимы также имеют официальный статус, однако они выполняют более специфическую функцию: они не просто идентифицируют объект, но и конструируют устойчивый образ определенной части города в сознании жителей.

Наряду с официальными в сознании жителей присутствуют и неофициальные наименования, в которых отражаются особенности жизни города: от приметных ландшафтов до мест, связанных с историей и культурой. При этом данные наименования могут варьироваться от общеупотребительных, закрепленных в литературе и

путеводителях, до сугубо региональных, просторечных или известных лишь в среде определенных социальных групп.

Ключевая особенность «народных» топонимов заключается в их яркой эмоциональной окраске и богатых ассоциациях. Благодаря этому такие названия не просто надежно закрепляются в памяти постоянных жителей и легко подхватываются гостями города. Они создают в сознании людей глубокий образ места, который невозможно свести к сухой справочной информации.

За каждым таким словом стоит целый комплекс личных и коллективных переживаний. Именно эти чувства постепенно формируют у человека особое, теплое отношение к локации: она перестает быть просто точкой на карте и начинает восприниматься как «своя». Ощущение этого внутреннего родства с местом и делает подобные названия особенно ценными для городского сообщества.

Образ любого пространства — от мегаполиса до малого поселения — это сложная структура, в которой переплетаются несколько уровней. С одной стороны, существует официальная карта с ее районами и адресами. С другой — реальный ландшафт: реки, холмы и дороги. И наконец, третий слой — это история и культура, память о событиях и людях.

Но восприятие места не сводится только к этим внешним факторам. Оно всегда пропускается через фильтр личного опыта. В представлении горожанина или жителя поселка эти три слоя накладываются на его собственные маршруты, любимые уголки и семейные истории. Так общие представления о городе преломляются в сознании отдельных групп и конкретных людей, превращаясь в уникальную, субъективную картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Е.Г. Языковая норма в нашу эпоху: постоянное и меняющееся / Е.Г Борисова, Е.В. Бирюкова, А.В. Шаталова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2016. — Вып. 3 (145). — С. 7–15.
2. Бугаева И.В. Прецедентный топоним как политический символ/ И.В. Бугаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. —2018. — Т. 9. — № 1. — С. 114–135. — http://doi.org/10.11363/1313-1199-1018-9-1-114-135.
3. Булычева Е.С. Неформальная топонимика как жанр народного фольклора./ Е.С. Булычева, П.А. Марандина // Вестник Шадринского государственного университета. — 2019. — № 3(43). — С.141–147.
4. Вагнер Б.Б. География средневековых слобод Москвы и их след в московской топонимии / Б.Б. Вагнер, Т.С. Воронова // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. — 2019. — № 1(34). — С. 65–75. — http://doi.org/10.15688/1076-9091019.34.1.6.
5. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дисс. канд. филол. наук: спец. 10.01.19. «Русский язык» / Н.Ю. Забелин; Ин-т языкознания РАН. — Москва, 2007. — 13 с.
6. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: [сб. статей]. Вып. 1. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: Филология, 1997. — С. 81–103.
7. Коренева Ю.В. Религиозная топонимика центра Москвы / Ю.В. Коренева // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора К.А. Войловой / Отв. ред. О. В. Шаталова. — М.: Московский государственный областной университет, 2018. — С. 139–145.
8. Кузёмина Ю.В. Лингвокультурологические особенности топонимов Москвы / Ю.В. Кузёмина // Litera. — 2015. — № 3. — С. 101–109. — http://doi.org/10.15136/1409-8698.1015.3.71844.
9. Преображенская О.А. Неформальная топонимика Санкт-Петербурга (лингвокогнитивный аспект) / О.А. Преображенская // Актуальные проблемы языкознания. — 2015. — № 1. — С. 73–75.
10. Шарипова, О.А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города [Текст] / О.А. Шарипова // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — Т. 1. № 4. — С. 103–105.

11. Razumov R. Church names in the urban toponymy (on Russian materials)/ R. Razumov, S. Goryaev. — Acta onomastica, 2019. —Vol. 60. — No.1. — Pp. 94-111.

REFERENCES

1. Borisova E.G., Biryukova E.V. & Shatalova A.V. (2016). Yazykovaya norma v nashu ehpohu: postoyannoe i menyayushcheesya [The linguistic norm in our era: constant and changing]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta; Vyp. 3 (145), 7–15. (In Russian)
2. Bugaeva I.V (2018). Precedentnyj toponim kak politicheskij simvol [A precedent toponym as a political symbol]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, T. 9, 1, 114 —135. — http://doi.org/10.11363/1313-1199-1018-9-1-114-135. (In Russian)
3. Bulycheva E.S. & Marandina P.A. (2019). Neformal'naya toponimika kak zhanr narodnogo fol'klora [Informal toponymy as a genre of folk folklore]. Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo universiteta, 3(43), 141–147.
4. Vagner B.B. & Voronova T.S. (2019). Geografiya srednevekovyh slobod Moskvy i ih sled v moskovskoj toponimii [The geography of Moscow's medieval settlements and their traces in Moscow's toponymy]. Vestnik MGPU. Seriya: Estestvennye nauki, 1(34), 65-75. — http://doi.org/10.15688/1076-9091019.34.1.6. (In Russian
5. Zabelin N. Yu. (2007). Moskovskaya gorodskaya toponimiya strukturno-semanticheskij analiz toponimicheskoj sistemy [Moscow urban toponymy: structural and semantic analysis of the toponymic system]: avtoref. diss. kand. filol. nauk: spec. 10.01.19. «Russkij yazyk», Moskva: ; In-t yazykoznaniya RAN. (In Russian)
6. Zaharenko I.V., Guido V.V. & Bagaeva D.V. (1997). Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvoly precedentnyh fenomenov [Language, consciousness, communication]. Yazyk, soznanie, kommunikaciya: [cb. statej]. Vyp. 1. (pp 81–103). Moscow.: Filologiya. (In Russian)
7. Koreneva Yu. V. (2018). Religioznaya toponimika centra Moskvy. Russkij yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii [The religious toponymy of the center of Moscow. The Russian language in Slavic intercultural communication]. Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 75-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskih nauk, professora K. A. Vojlovoj (pp 139-145). Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. (In Russian)
8. Kuzyomina Yu.V. (2015). Lingvokul'turologicheskie osobennosti toponimov Moskvy [Linguocultural features of Moscow toponyms]. Litera, 3, 101–109. — http://doi.org/10.15136/1409-8698.1015.3.71844
9. Preobrazhenskaya O.A. (2015). Neformal'naya toponimika Sankt-Peterburga (lingvokognitivnyj aspekt) [Informal toponymy of St. Petersburg (linguocognitive aspect)]. Aktual'nye problemy yazykoznaniya, 1, 73–75. (In Russian)
10. Sharipova O.A. (2011). Neoficial'nye toponimy kak podsistema yazyka goroda [Unofficial toponyms as a subsystem of the city's language].Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, T. 1, 4, 103–105. (In Russian)
11. Razumov R. & Goryaev S. (1019). Church names in the urban toponymy (on Russian materials) Acta onomastica. 60 (1), 94-111. (In English)

Поступила в редакцию 14.08.2026 г.

CITY IN MIND: TOPONYMY AT DIFFERENT LEVELS OF PERCEPTION

E.V. Biryukova. E.G. Borisova, E.V. Mutovkina

The authors attempt to bring together the methods of naming fragments of urban space observed among residents and visitors to the city. The basis is the names of places in Moscow, which vary in terms of their level of formality and popularity. Data from other cities are also used fragmentarily: both those that are well‑known to visitors (such as "Vaska" or Kolomna in St. Petersburg, "Skovorodka" in Kostroma) and information borrowed from researchers in various parts of Russia and the world. On the basis of data from surveys, introspection, literature, and scientific research, the authors identify several ways of naming urban locations, which shape different ways of personally perceiving the city and forming an image of it in a person's worldview. It is assumed that these observations can be partially applied to the modeling of toponymic nomination as a whole. At the same time, from a cultural and philosophical perspective, the results of the study may influence the formation of ideas about the processes of change in the consciousness of urban residents over the past fifty years.

Key words: urban space, toponym, stylistic difference, reflection in mind.

Бирюкова Евгения Викторовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Московский городской педагогический университет, Российская Федерация г. Москва.
Заведующий кафедрой германистики и лингводидактики.
ORCID 0000-0001-8741-983X.
E-mail: biryukovaev@mgpu.ru

Борисова Елена Георгиевна.
Доктор филологических наук, профессор.
Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация, г. Москва.
Заведующий кафедрой теоретической лингвистики филологического факультета.
ORCID 0000-0003-3878-5344.
E-mail*:* egbor@mail.ru.

Мутовкина Евгения Викторовна.
Московский технический университет связи и информатики, Российская Федерация, г. Москва.
Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки».
ORCID 0000-0001-1400-9147.
E-mail: e-mutovkina@yandex.ru.

Biryukova Evgeniya Viktorovna.
Doctor of Philology, Professor.
Moscow City University, Russian Federation, Moscow.
Head of Department of Germanic studies and linguodidactics.
ORCID 0000-0001-8741-983X.
E-mail: biryukovaev@mgpu.ru.

Borisova Elena Georgievna.
Doctor of Philology, Professor.
State Academic University of Humanities, Russian Federation, Moscow.
Head of Theoretical Linguistics Department at Philological Faculty

ORCID 0000-0003-3878-5344.
E-mail: egbor@mail.ru

Mutovkina Evgenia Viktorovna.
Moscow Technical University of Communications and Informatics, Russian Federation, Moscow.
Senior Lecturer at Department of Foreign Languages.

ORCID 0000-0001-1400-9147.
E-mail: e-mutovkina@yandex.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81`42
DOI: 10.5281/zenodo.23945207

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В НАРРАТИВЕ ПО ГЕНЕТИКЕ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ГРЕГОРА МЕНДЕЛЯ

© 2026 ***А.И. Милостивая[1], А.А. Зайцев[2], Л.Е. Бабушкина[3]***
[1-2-3]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева»
ORCID[1] 0000-0001-5052-2622
ORCID[2] 0000-0001-6823-2340
ORCID[3] 0000-0002-3549-9329

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются языковые средства экспликации эпистемической модальности в политекстовом немецкоязычном нарративе из области генетики и их роль в оценке достоверности и научной значимости результатов исследований Грегора Менделя. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лингвистических маркеров оценки достоверного изображения научных результатов в академическом нарративе. В ходе исследования задействованы следующие методы: герменевтическая интерпретация, количественный подсчет, сопоставление доли оценочных и содержательно-фактуальных пропозиций. Анализ эмпирики позволил выявить лексические, морфологические и синтаксические эпистемически-модальные конструкции, используемые авторами статей для оценки достоверности и актуальности научного наследия Г. Менделя. Установлено, что выбор позитивной или негативной оценочной тональности повествования детерминирован жанровой принадлежностью научной статьи, а также социокультурным статусом описываемого протагониста. Изучение нарративного конструирования текста научной публикации по генетике выявило корреляцию количественного соотношения оценочных пропозиций и содержательно-фактуального контента с макроинтенцией политекстового нарратива научного журнала.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эпистемическая ответственность, оценка, достоверность, модальные глаголы, инверсия, политекстовый нарратив по генетике, Грегор Мендель.

Для цитирования: Милостивая А.И. Эпистемическая модальность в нарративе по генетике как способ экспликации оценки научного наследия Грегора Менделя / А.И. Милостивая, А.А. Зайцев, Л.Е. Бабушкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. – № 6. — С. 139–151. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23945207.

Введение. В эпоху бурного развития интеллектуальных технологий на передний план исследовательской рефлексии выходит проблема «научной добросовестности» [9, с. 30]. Подобный актуальный ракурс исследования академической коммуникации не обошел стороной и лингвистику, где оценка истинности высказывания в научном дискурсе производится с опорой на категории субъективной модальности [8, с. 231], эпистемической модальности [6, с. 63], эвиденциальности [2, с. 435], эпистемического ручательства [5, с. 143] и эпистемической ответственности [10, с. 252]. Их лингвистический анализ логично вписывается в контекст современных актуальных исследований функциональной семантики грамматических категорий [1].

Далее проанализируем корреляции данных терминов с тем, чтобы определить базовое понятие для проводимого в данной статье исследования оценки научной

валерности наследия основоположника современной генетики Г. Менделя. Субъективная модальность — это одна из основных категорий лингвистического осмысления макроединиц вербальной интеракции — текста, дискурса и нарратива. Субъективно-модальные значения могут быть окрашены категорично, смягченно или ослаблено [3, с. 30]. Коммуникация в естественнонаучной сфере не является исключением, ибо в ее рамках «апелляция к истине спорадически встречается и является одним из способов выражения субъективной модальности научных текстов» [8, с. 232].

Оценка истинности информации в научной коммуникации в рамках лингвистических исследований может осуществляться в рамках категории эпистемического ручательства, «поскольку язык науки — это язык поиска и вербализации методологически надежной и верифицированной информации» [5, с. 143]. Следовательно, автор академического текста в ходе развертывания научной наррации эксплицитно или имплицитно выражает свою оценку истинности утверждаемого другими исследователями. Поэтому эпистемическое ручательство рассматривается нами как частный случай субъективно-модальной интерпретации сообщаемого автором научного текста.

Эпистемическая ответственность также связана с экспликацией оценочной информации о достоверности вербального сообщения. В лингвистических трудах она обычно связывается с обязательством (commitment) говорящего и коррелирует с категориями уверенности/неуверенности [10, с.252]. Тем самым данный термин можно рассматривать в качестве родственного эпистемической модальности и эвиденциальности, о которых речь пойдет в статье далее. В научной коммуникации взаимодействие отправителя текста (исследователя) с академическим сообществом через оценочность эксплицируется именно посредством эпистемической ответственности за истинность излагаемых научных выводов [5, с. 143]. Подобная оценочность, получившая название «эпистемической оценки» [6, с. 64], рациональна по своей природе.

С нашей точки зрения, как эпистемическая ответственность, так и эпистемическое ручательство являются частными случаями реализации эпистемической модальности, являющейся, в свои очередь, подвидом субъективной модальности, базирующемся на эпистемической оценочности рационального типа. Вместе с тем, как справедливо отмечают Н.С. Нуриева и Е.С. Ражева, особенностью эпистемической модальности в научной коммуникации выступает ее тесная корреляция с объективной оценкой содержания пропозиции с позиции достоверности/недостоверности [6, с. 63] и соответствия/несоответствия реальной действительности [4, с.140]. В ходе экспликации эпистемической модальности в научном нарративе его автор посредством селекции «лексических и грамматических средств варьирует — ослабляет или, напротив, усиливает — категоричность своих утверждений» [5, с. 144].

Эпистемическая модальность способна манифестироваться посредством эвиденциальной характеристики излагаемой пропозиции, которая указывает на источник информации «через призму вероятности, надежности или достоверности» [2, с. 435]. Тем самым одновременно повествуется о том, «является ли эта информация результатом собственных наблюдений говорящего/пишущего как непосредственного участника событий или же она представляет собой передаваемые сведения некоторого "третьего" лица» [4, с.138-139]. В научной коммуникации эвиденциальная отсылка к точке зрения коммуниканта, отличного от автора научной публикации, свидетельствует об эпистемической оценке содержания излагаемой пропозиции.

Цель нашего исследования — выявление лингвистических средств выражения эпистемической модальности в нарративе из сферы генетики, которые выражают оценочные суждения авторов научных публикаций в отношении достоверности и теоретической ценности научных результатов основоположника современной генетики Грегора Менделя. Подобная постановка проблемы, как представляется, релевантна в контексте вариативной оценки научного наследия рассматриваемого ученого в немецкоязычном исследовательском сообществе. Данная оценочная плюралистичность резко контрастирует с позитивной оценочной тональностью научной деятельности Г. Менделя в российской исследовательской традиции, где наррация о данном

исследователе сопровождается в высшей степени положительными характеристиками, которые вербализуются преимущественно посредством восклицательных предложений (*Так вот Грегор Мендель, по праву считающийся основателем генетики, обогнал свое время аж на сорок лет!* [7, с. 91]) и эмоционально-оценочных эпитетов (*Его* ***эпохальная*** *статья появилась в 1865 г.*[7, с. 91]). При этом особо подчеркивается исследовательская добросовестность Г. Менделя: *Полученные Менделем закономерности наблюдали до него и другие ученые, но никто из них не проводил эксперименты столь грамотно, столь чисто, столь доказательно!* [7, с. 93].

К задачам данной статьи относится:

- Анализ терминов «Эпистемическая модальность», «Эвиденциальность», «Эпистемическое ручательство» и «Эпистемическая ответственность» для делимитации их семантического объема и обоснования гиперонимичности базового для нашей статьи понятия «Эпистемическая модальность».
- Интерпретация лексических, морфологических и синтаксических средств выражения эпистемической модальности как маркеров оценки достоверности и актуальности в современной научной парадигме результатов научной деятельности Г. Менделя в немецкоязычном научном нарративе.
- Выявление особенностей нарративного конструирования текста научной публикации по генетике в аспекте соотношения оценочных пропозиций и содержательно-фактуального контента в научных публикациях с позитивной и негативной оценкой научных результатов Г. Менделя.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили три научные статьи из ведущего европейского журнала по растениеводству и генетике «Journal für Kulturpflanzen». Репрезентативность данного эмпирического материала обусловлена как научным авторитетом анализируемого издания, так и его функционально-тематической релевантностью, связанной с посвящением рассматриваемого выпуска журнала 200-летию со дня рождения Грегора Менделя, которое отмечалось в 2022 г. и породило новый виток рефлексии о вкладе научного наследия этого исследователя в развитие современной генетики. В нашей статье авторы фокусируются всех тех публикациях из данного выпуска высокорейтингового периодического научного издания, которые написаны на немецком языке. Тем самым можно заключить, что речь идет о немецкоязычной нарративной секвенции, раскрывающей значение учения Г. Менделя для генетики с контрастных позиций представителей отдельных научных школ, что особенно важно в процессе интерпретации оценочных обертонов авторов научных публикаций, касающихся достоверности научных результатов Г. Менделя. В количественном отношении общий объем выборки составил 128 модальных конструкций, эксплицирующих вышеназванную эпистемологическую модальность повествования.

Основным методом исследования является герменевтическая интерпретация микроконтекстов, включающих лексические, морфологические и синтаксические средства выражения эпистемической модальности при характеристике научной значимости наследия рассматриваемого ученого. Выявленные посредством данного метода обертоны эпистемически-модального смысла соотносятся со степенью позитивности vs негативности. В ходе характеристики соотношения средств выражения эпистемической модальности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях использован количественный подсчет. Анализ особенностей нарративного конструирования осуществляется посредством сопоставления доли оценочных и содержательно-фактуальных пропозиций в научных статьях, где прослеживается позитивная и негативная оценочная тональность наследия Г. Менделя.

Основная часть. Далее охарактеризуем наиболее яркие кейсы, где вербализуются оценки достоверности научных результатов Г. Менделя и релевантности для современной генетики, а также проиллюстрируем наши рассуждения по данному вопросу количественными данными.

Начнем наш анализ с интерпретации эпистемически-модального смысла в редакционной передовой статье «Gregor Mendel — ein genialer Forscher» (Грегор Мендель — гениальный исследователь), которая вводит читателя в дискурс научной дискуссии о роли наследия Г. Менделя в современной генетике. Отметим, что в данной публикации тональность оценки наследия Г. Менделя исключительно позитивна. В плане уровневой характеристики средств выражения эпистемической модальности задействованы лексические и морфологические средства. В пропозиции далее представлен яркий оценочный эпитет, который, будучи использованным в простом двусоставном предложении, эксплицирует в крайне позитивное отношение и отсутствие сомнений в достоверности полученных им научных результатов: *Gregor Mendel — **ein genialer Forscher*** [13, с. 221]. — *Грегор Мендель — **гениальный исследователь*** (Здесь и далее перевод примеров наш. — А.М., А.З, Л.Б.). Аналогичную эпистемически-модальную семантику выражают также следующая гипербола: *Gregor Mendel **hat die Welt verändert*** [13, с. 221]. — *Грегор Мендель **изменил мир***, а также метафора: ***Seine Experimente mit Pflanzenhybriden eröffneten eine neue Ära*** (Выделено полужирным шрифтом авторами статьи из анализируемого журнала. — А.М., А.З, Л.Б.) [13, с. 221]. — ***Его эксперименты с гибридами растений открыли новую эру***. Среди лексических средств, которые подчеркивают большое значение наследия ученого в современной генетике и тем самым свидетельствуют о достоверности полученных им результатов, отметим также метафору: *Dieses einzigartige Werk des **Vaters der Genetik** wirkt noch heute in die Pflanzenwissenschaften* [13, с. 221]. — *Эта уникальная работа **отца генетики** до сих пор оказывает влияние на науки о растениях.*

На синтаксическом уровне в рассматриваемой статье задействованы многочисленные экспрессивные конструкции, маркирующие указанный выше эпистемически-модальный смысл, проходящий лейтмотивом через весь текст анализируемой публикации. Среди подобных средств особо выделим инверсии, например: ***Ihm ist es zu verdanken**, dass wir basierend auf seinen Erkenntnissen zur Vererbung heute in der Lage sind, effizient und gezielt Sorten zu züchten, die einen Beitrag zur Welternährung, zur Anpassung an den Klimawandel und zum Erreichen der Ziele der „Farm to Fork“-Strategie leisten* [13, с. 221]. — ***Именно благодаря ему**, основываясь на его выводах о наследственности, мы теперь можем эффективно и целенаправленно выводить сорта, которые способствуют обеспечению продуктами всего мира, адаптации к изменению климата и достижению целей стратегии «От фермы до вилки»; **Zu revolutionär** war dieser Ansatz und **entgegen gängiger Meinung*** [13, с. 221]. — ***Слишком революционным** был этот подход, и он **противоречил распространенному мнению***. В аналогичной функции (акцент на позитивную оценку достоверных научных результатов) авторами статьи использована конечная инверсия с цитированием слов Г. Менделя в форме прямой речи: *Mendel blieb von seinen Arbeiten überzeugt — **wie der Satz „Meine Zeit wird schon noch kommen“, belegt*** [13, с. 221]. — *Мендель оставался убежденным в истинности своих работ, **о чем свидетельствует фраза: «Мое время придет»***.

Таким образом, лексические и синтаксические средства выражения эпистемической модальности в проанализированной выше статье (их количественное соотношение показано на рис. 1) отличаются тональной однородностью, эксплицирующей редакционную позицию, согласно которой научное наследие Г. Менделя релевантно для современной генетики и научно достоверно. Данный вывод подтверждает также доминирование в проанализированном повествовании оценочных пропозиций с позитивной семантикой над содержательно-фактуальными пропозициями, лишенными оценочности (см. рис. 2).

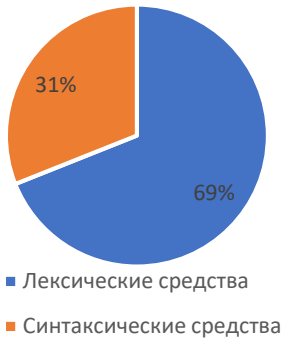


Рисунок 1. Соотношение лексических и синтаксических средств выражения позитивной эпистемической модальности в редакционной научной статье о роли научного наследия Г. Менделя

Рисунок 2. Соотношение доли позитивных оценочных и содержательно-фактуальных пропозиций в редакционной научной статье о роли научного наследия Г. Менделя

Следующая статья из «Journal für Kulturpflanzen» под названием «Mendel und der Beginn der modernen Genetik: zu gut um wahr zu sein?» (Мендель и начало современной генетики: слишком хорошо, чтобы быть правдой?), где мы рассмотрим средства, при помощи которых транслируется оценочная информация о достоверности и научной значимости для генетики научных результатов Г. Менделя, по своему жанру является полемикой, а следовательно, несмотря на статус Г. Менделя как классика в данной области исследований, общий тон в эпистемически-модальном плане критический. Далее покажем, как критика значимости и достоверности результатов корифея генетики выражена на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Среди лексических средств, эксплицирующих критические оценки авторов статьи указанного выше плана отметим эпитеты, маркирующие скепсис по поводу достоверности научных результатов, полученных Г. Менделем: *Er (Weldon) blieb* ***skeptisch*** *und bemerkte, Mendel habe nie Daten erhoben, deren Abweichungen von den theoretischen Spaltungsverhältnissen zweimal so groß wie der wahrscheinliche Fehler* ***seien*** [14, с. 237]. — *Он (Уэлдон) был настроен* ***скептически****, отмечая, что Мендель никогда не собирал данные, отклонения которых от теоретических коэффициентов расщепления были бы вдвое больше вероятной погрешности; Damit ist also sicher, dass Gregor Mendel Studien zur Hybridisierung kannte und* ***nicht völlig unvoreingenommen*** *seine Experimente begann* [14, с. 234]. — *Это подтверждает, что Грегор Мендель был осведомлен об исследованиях гибридизации и не был в ходе проведения экспериментов* ***совершенно беспристрастен***. Кроме того, скеплис с аналогичной эпистемически-модальной окраской вербализуют глаголы сомнения (например, *vorkommen*) в сочетании с эпитетами, усиленными экспрессивной частицей *zu*: *Einigen Statistikern* ***kamen*** *die von Mendel erhobenen Spaltungsverhältnisse allerdings* ***zu gut vor, um wahr zu sein*** [14, с. 237]. — *Однако некоторые статистики считали, что зафиксированные Менделем соотношение расщепления при скрещивании* ***кажутся слишком хорошими, чтобы быть правдой***.

Яркой негативно-критической характеристикой Г. Менделя выступает акцентирование того факта (при помощи эпитета *kein bekannter*), что в момент проведения экспериментов он не был известным ученым: *Zu bedenken ist, dass Gregor Mendel im Gegensatz z. B. zu Charles Darwin* ***kein bekannter Wissenschaftler*** *war sondern — zum Zeitpunkt der Erhebung seiner Daten —* ***ein einfacher Mönch, der seine Lehramtsprüfung nicht bestanden hatte*** [14, с. 239]. — *Следует отметить, что Грегор Мендель, в отличие, например, от Чарльза Дарвина,* ***не был известным ученым****, а на*

момент сбора данных он был ***обычным монахом, провалившим экзамен на получение педагогического диплома****.* В этом же пассаже присутствует еще одна деталь, свидетельствующая об ординарности личности Г. Менделя в глазах современников: провал «обычного монаха» на экзамене при получении диплома учителя. В качестве контраста приведем цитату из русскоязычной статьи об этом ученом, где он представлен как отличный педагог: *Мендель, еще в детстве мечтавший стать учителем, с жаром взялся за дело — вел уроки по математике, преподавал языки и стал одним из самых любимых учителей в городе!* [7, с. 93].

В тех пассажах, где научная предвзятость Г. Менделя подвергается наиболее острой критике, авторы статьи обращаются к дословному цитированию своих коллег в форме прямой речи с сохранением исходных англоязычных высказываний цитируемых авторов с тем, чтобы подчеркнуть свою собственную непредвзятость в ходе обсуждения щекотливых обстоятельств научной деятельности рассматриваемого в данной статье классика генетики, а также для того, чтобы переложить эпистемическую ответственность за критику научного классика на цитируемых коллег: *Aufgrund seiner eigenen Äußerungen zu wiederholten Versuchen und der gelegentlichen Darstellung von extremen Abweichungen von der Regel, gehen Pires & Branco (2010) von einem* ***„hidden bias“*** *aus, der zu den extrem positiven Ergebnissen von Mendel (1866) geführt hat* [14, с. 238]. — *Основываясь на собственных заявлениях относительно многократных экспериментов и эпизодических отклонений от правила, Пирес и Бранко (2010) предполагают наличие* ***«hidden bias (скрытой предвзятости)»****, которая привела к крайне положительным результатам Менделя (1866); Ganz im Gegensatz dazu nennen Montgomery & Birkhead (2005) Mendel den* ***„father of scientific misconduct“*** *und spekulieren — wie bereits vorher vermutet, er könne viele Experimente durchgeführt, aber nur die veröffentlicht haben, in denen die Spaltungsverhältnisse nahe an seinen Erwartungen lagen* [14, с. 238]. — *Напротив, Монтгомери и Биркхед (2005) называют Менделя* ***«father of scientific misconduct (отцом научной недобросовестности)»*** *и предполагают — как и считалось ранее — что он, возможно, провел множество экспериментов, но опубликовал только те, в которых коэффициенты деления были близки к его ожиданиям.* В последнем процитированном примере эффект перекладывания эпистемической ответственности за критическую модальность наррации усиливается посредством использования косвенной речи в форме коньюнктива в тексте на немецком языке.

К лексическим средствам экспликации скепсиса по вопросу о достоверности научных выводов Г. Менделя отнесем также конструкцию, вводимую наречием с семантикой подведения итога *letztlich,* которое акцентирует внимание читателей на том факте, что сомнения в верифицируемости результатов опытов этого ученого все еще присутствуют: ***Letztlich bleiben also Zweifel*** *an der korrekten Zählweise Mendels (1866) zur Erhebung seiner Daten bestehen* [14, с. 239]. — ***В конечном итоге, остаются сомнения*** *относительно правильности метода подсчета, использованного Менделем (1866) для сбора данных*. Интерес в плане репрезентации отношения авторов анализируемой статьи к причинам возможной фальсификации фактов Г. Менделем представляет антитеза, приведенная далее, где в качестве двух противопоставляемых полюсов описываются понимание Г. Менделем, что он создал великолепную теоретическую модель, с одной стороны, и холодный прием этой модели его коллегами, — с другой: *Ähnliches vermutet Weeden (2016), der davon ausgeht, Mendel habe ein* ***brillantes Modell*** *entwickelt und* ***war deshalb versucht, dieses einem wenig enthusiastischen Publikum zu vermitteln*** [14, с. 239]. — *Уиден (2016) высказывает аналогичное предположение, утверждая, что*

Мендель разработал ***блестящую модель*** *и поэтому* ***испытывал искушение представить ее не слишком восторженной аудитории***.

Диссонансом в общей эпистемически-модальной тональности рассматриваемой полемической статьи звучит итоговый вывод в ее заключительной пропозиции, где подчеркивается гениальность Г. Менделя, а также его большой вклад в развитие генетики и селекции. В плане семантической когезии с доминантной негативной эпистемически-модальной тональностью анализируемой журнальной статьи релевантен лексический рестриктор *gerade vor dem Hintergrund der Möglichkeiten, die Mendel für seine Forschungsaktivitäten hatte* (особенно с учетом ресурсов, доступных ему для исследований). Данное уточнение помогает нивелировать эпистемически-модальную рассогласованность между итоговым выводом, который приведен нами далее, и рассуждениями об актуальности и научной достоверности наследия Г. Менделя, которые преобладают в остальной части данной публикации: *Die von Mendel (1866) entdeckten theoretischen Spaltungsverhältnisse bleiben unangefochten und weisen* ***gerade vor dem Hintergrund der Möglichkeiten, die Mendel für seine Forschungsaktivitäten hatte****, auf seine* ***Genialität*** *hin. Mendel war der erste, der die Gesetzmäßigkeiten der Vererbung eindeutig beschreiben konnte und er hat damit die* ***Grundlagen sowohl für die Genetik als Wissenschaft als auch für die moderne Pflanzenzüchtung gelegt*** [14, с. 239]. — *Теоретические закономерности расщепления генетических признаков, открытые Менделем (1866), остаются неоспоримыми,* ***особенно с учетом ресурсов, доступных ему для исследований****, что подчеркивает его гениальность. Мендель первым четко описал законы наследственности,* ***заложив тем самым основы как науки генетики, так и современной селекции растений***. В целом, процитированный выше вывод немного смягчает резкий критический настрой, которым пронизан все текст рассматриваемой полемической статьи, легитимируя статус Г. Менделя как классика в области генетики.

На морфологическом уровне ведущим средством выражения эпистемической модальности в данной публикация являются модальные глаголы (epistemische Modalverbverwendungen) [11, с. 43]. Среди них наибольшей частотностью обладает глагол *müssen*, выражающий абсолютную убежденность говорящих в истинности пропозиции. В статье представлено множество примеров использования данного модального глагола как маркера большой степени уверенности в недостоверности полученных Г. Менделем научных результатов. При этом авторы анализируемой публикации дистанцируются от столь прямого обвинения классика генетики в фальсификациях, а потому они, упоминая о данных эпистемически-модальных оценках, всякий раз делают отсылку к работам других ученых, которые они цитируют как источник данной информации: *Ronald A. Fisher publizierte 1936 einen Artikel, der schlussfolgerte, dass ein Großteil von Mendels Ergebnissen zugunsten der theoretischen Spaltungsverhältnisse* ***gefälscht worden sein müsste*** [14, с. 233]. — *В 1936 году Рональд А. Фишер опубликовал статью, в которой пришел к выводу, что значительная часть результатов Менделя,* ***скорее всего, была подогнана*** *под теоретические законы расщепления при скрещивании; In einem 1936 publizierten Artikel kam Fisher zu dem Schluss, dass die meisten Daten Mendels* ***verfälscht sein müssten, weil sie der Theorie zu gut entsprächen und größere Abweichungen zu erwarten wären*** [14, с. 238]. — *В статье, опубликованной в 1936 году, Фишер пришел к выводу, что большая часть данных Менделя* ***наверняка искажена, поскольку они слишком точно соответствуют теории, и следует ожидать больших отклонений***.

Еще одним немецким модальным глаголом, связанным с выражением эпистемической модальности является *können* [11, с.54], выражающий субъективную

оценку говорящим вероятности того или иного факта или события, т.е. при употреблении данного модального глагола предположение также выражено, но с меньшей степенью уверенности по сравнению с *müssen.* Использование глагола *können* в анализируемой научной статье призвано транслировать реципиенту определенные сомнения в достоверности научных результатов Г. Менделя, которые, однако, менее категоричны, чем в микроконтекстах с использованием глагола *müssen: Als weitere Möglichkeit ziehen Montgomery & Birkhead (2005) in Betracht, Mendel* ***könne aufgehört haben zu zählen****, sobald die Zahlenverhältnisse seinen Erwartungen nahekamen, obwohl er selbst schrieb, nicht so vorgegangen zu sein. Auch könnten Pflanzen aussortiert worden sein, die zu sehr von den Vererbungsregeln abweichen* [14, с. 238]. *— Монтгомери и Биркхед (2005) предполагают другую возможность: Мендель,* ***возможно, прекратил подсчет****, как только числовые соотношения приблизились к его ожиданиям, хотя сам он писал, что не поступал таким образом. Также возможно, что растения, слишком сильно отклонявшиеся от правил наследования, были отбракованы; Bereits Fisher (1936) spekulierte, ein anonymer Assistent, der zu gut gewusst habe, was Mendel erwarte,* ***könne*** *Pflanzen beiseite* ***genommen haben*** [14, с. 238]. *— Фишер (1936) уже тогда предполагал, что анонимный помощник, который слишком хорошо знал, чего ожидать от Менделя,* ***мог, возможно, отложить*** *противоречащие менделевской теории растения* ***в сторону****.* Как представляется, чередование использования модальных глаголов *müssen* и *können* в какой-то мере сглаживает критический настрой рассматриваемой полемической публикации, что логично с учетом статуса протагониста Г. Менделя как классика в современной генетике.

На синтаксическом уровне одним из ведущих средств выражения эпистемической модальности критического плана является использование придаточных предложений в косвенной речи с использованием немецкого коньюнктива I. Задействование синтаксических конструкций подобного типа, особенно в сочетании с дословным цитированием первоисточника на языке его оригинала, позволяет смягчить негативно-оценочную тональность, что, как представляется, обусловлено большой авторитетностью концепции Г. Менделя: *Die Conclusio von Pires & Branco (2010) ist, dass die Ergebnisse von* ***Mendel „to good to be true“ seien*** [14, с. 238]. *— Пирес и Бранко (2010) приходят к выводу, что результаты Менделя* ***«to good to be true (слишком хороши, чтобы быть правдой)»****.*

В следующем далее примере мы проиллюстрируем, как выделенные жирным шрифтом конечная инверсия и парантеза помещают в фокус читательского внимания, с одной стороны, указание на трудности в ходе установления причин недостоверности научных результатов Г. Менделя — *nicht mit letzter Sicherheit herausfinden können* (никогда не сможем узнать с абсолютной уверенностью), и, с другой стороны, ссылку на источник информации в цитируемом прототексте, указываемый в целях дистанцирования авторов научной полемики от эпистемической ответственности. Сами проблематизируемые пропозиции (Г. Мендель получил недостоверные результаты опытов вследствие везения, или Г. Мендель сознательно подогнал результаты опытов под свою теорию, или его помощник уничтожил исследуемые растения, которые не вписывались в рамки менделевской теории) оформлены посредством придаточных предложений с союзом *ob* и вынесены в позицию начальной инверсии: *Ob Mendel einfach Glück hatte, ob er wissentlich Pflanzen aussortierte, die nicht seinen Erwartungen entsprachen oder ob er einen Assistenten hatte, der zu gut wusste, was Mendel erwartete —* ***wie Fisher vermutete*** *— werden wir* ***nicht mit letzter Sicherheit herausfinden können*** [14, с. 233]. *— Сопутствовало ли Менделю простое везение, сознательно ли он выбрасывал растения, не оправдавшие его ожиданий, или же у него был помощник, который слишком хорошо знал, чего ожидает Мендель, —* ***как подозревал Фишер, —*** *мы* ***никогда не сможем узнать с абсолютной уверенностью****.*

Отметим, что среди синтаксических средств выражения эпистемической модальности в рассматриваемой публикации присутствуют также маркеры позитивной оценки вклада наследия Г. Менделя, что немного смягчает общий критический тон повествования о наследии данного классика генетики. Примером конструкции подобного типа служит следующая инверсия: ***Gesichert ist***, *dass die Mendelschen Vererbungsregeln bis heute ihre Gültigkeit haben und in Zukunft behalten werden* [14, с. 233]. — ***Несомненно***, *законы наследственности Менделя остаются в силе по сей день и будут оставаться таковыми в будущем.*

Итак, во второй из рассмотренных нами статей отмечено использование лексических (негативно и позитивно маркированных), а также морфологических и синтаксических (негативно и позитивно маркированных) средств выражения эпистемической модальности (см. рис. 3). При этом удельный вес оценочных пропозиций преимущественно с негативной оценкой научных результатов Г. Менделя лишь немного уступает количеству содержательно-фактуального контента (см. рис. 4), что логически и этически допустимо в жанре научной полемики о актуальности классических концепций в современной научной парадигме.

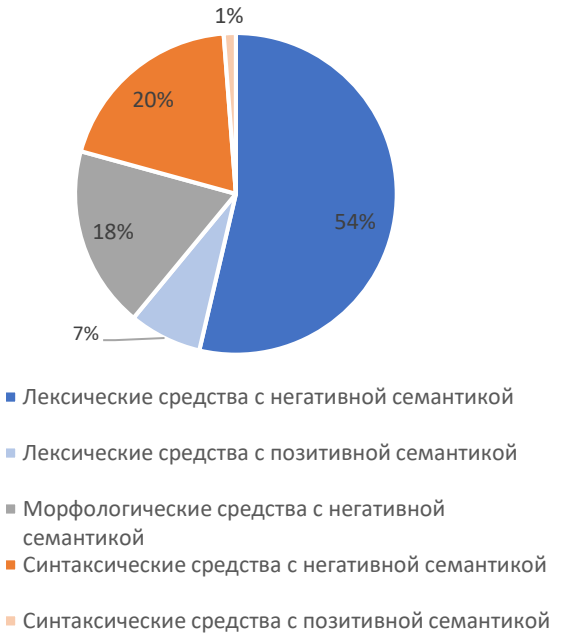


Рисунок 3. Соотношение лексических (негативно и позитивно маркированных), морфологических и синтаксических (негативно и позитивно маркированных) средств выражения эпистемической модальности в полемической научной статье о роли научного наследия Г. Менделя

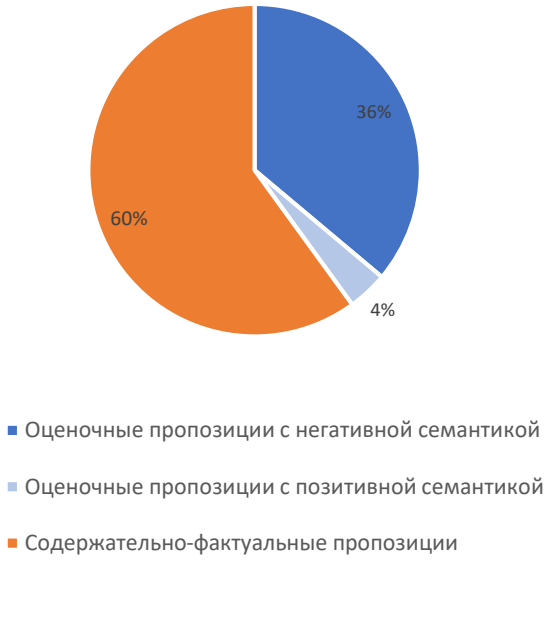


Рисунок 4. Соотношение доли оценочных и содержательно-фактуальных пропозиций в полемической научной статье о роли научного наследия Г. Менделя

Далее рассмотрим обзорную статью «Der Einfluss der Mendelgenetik auf die Sortenzüchtung bei Apfel und Süßkirsche» (Влияние менделевской генетики на селекцию сортов яблонь и черешни), основанную на теоретической концепции Г. Менделя, в аспекте характеристики лексических и синтаксических средств выражения эпистемической модальности (их количественное соотношение см. на рис. 5). В ходе анализа выявлено абсолютное доминирование позитивной оценки вклада Г. Менделя в развитие современного растениеводства, что имплицирует большую степень уверенности в достоверности данной концепции. На лексическом уровне для ее

экспликации чаще всего задействованы оценочные эпитеты, например: *Mendels Einfluss auf die moderne Obstzüchtung ist* ***unverkennbar****. Die von ihm aufgestellten Vererbungsregeln haben es Züchtern ermöglicht, Kreuzungsprogramme gezielt zu designen, Vorhersagen über den möglichen Erfolg zu treffen und die Selektion von Nachkommen mit verbesserten Merkmalskombinationen mithilfe molekulargenetischer Marker* ***kostengünstig und effizient*** *zu gestalten* [12, с. 242]. — *Влияние Менделя на современную селекцию плодовых культур* ***неоспоримо****. Установленные им правила наследственности позволили селекционерам разрабатывать целенаправленные программы скрещивания, прогнозировать потенциальный успех и отбирать потомство с улучшенными комбинациями признаков* ***экономичным и эффективным способом****, используя молекулярно-генетические маркеры; Rückblickend lässt sich feststellen, dass die meisten dieser Entwicklungen nicht, oder nicht so einfach, ohne die* ***grundlegenden*** *Erkenntnisse von Gregor Mendel möglich gewesen wären. Diese Erkenntnisse haben die Genetik der Kulturpflanzen auf eine höhere Stufe gestellt und ihr* ***zahlreiche*** *und* ***bahnbrechende*** *Möglichkeiten eröffnet* [12, с. 252]. — *Оглядываясь назад, становится понятно, что большинство этих разработок были бы невозможны или даются с гораздо большими трудностями без* ***фундаментальных*** *открытий Грегора Менделя. Эти открытия подняли генетику культурных растений на более высокий уровень и открыли* ***множество новаторских*** *возможностей.*

В ходе анализа эмпирики были выявлены также синтаксические средства маркирования эпистемической модальности, в основном с эмфатизацией начала и конца предложения, которые акцентируют внимание реципиентов на огромном вкладе идей Г. Менделя в научное познание: ***Von wesentlich größerer Bedeutung*** *sind jedoch seine 1866 veröffentlichten Ergebnisse aus Kreuzungsversuchen an Erbsen* (Mendel, 1866) [12, с. 243]. — *Однако* ***гораздо большее значение*** *имеют результаты его экспериментов по скрещиванию гороха, опубликованные в 1866 году (Мендель, 1866); Kaum ein anderer Naturwissenschaftler hat die Entwicklungen in der Pflanzenzüchtung in den letzten 100 Jahren* ***so stark beeinflusst wie Gregor Johann Mendel*** [12, с. 243]. — *Вряд ли кто-либо еще из естествоиспытателей* ***оказал такое же влияние на развитие селекции растений за последние 100 лет****,* ***как Грегор Иоганн Мендель****.* Фокусирование на анализе современного эмпирического материала, обусловленное доминирующей коммуникативной интенцией жанра обзорной научной статьи, детерминирует небольшую долю позитивных оценочных конструкций в сравнении с количеством содержательно-фактуальных пропозиций (см. рис. 6), однако их одновекторная позитивная оценочная окраска четко акцентирует признание научных выводов Г. Менделя достоверными и актуальными в современной научной парадигме.

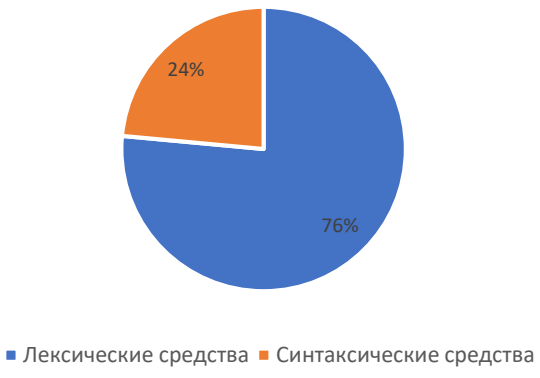


Рисунок 5. Соотношение лексических и синтаксических средств выражения позитивной эпистемической модальности в обзорной статье, базирующейся на научной концепции Г. Менделя

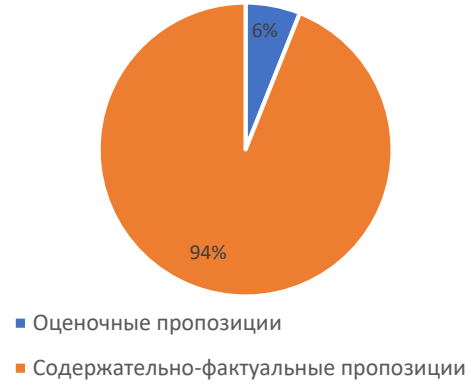


Рисунок 6. Соотношение доли позитивных оценочных и содержательно-фактуальных пропозиций в обзорной статье, базирующейся на научной концепции Г. Менделя

Заключение. Анализ лингвистических средств выражения эпистемической модальности в политекстовом нарративе по генетике позволил выявить лексические, морфологические и синтаксические средства оценки достоверности и актуальности научного наследия Г. Менделя. В ходе интерпретации эмпирического материала установлено, что в жанрах редакционной статьи и научного обзора присутствует позитивная оценочная тональность повествования, эксплицируемая как лексически, так и синтаксически. Напротив, жанр научной полемики в эпистемически-модальном плане политонален: среди абсолютно доминирующих критически-негативных оценок научных результатов Г. Менделя (выражены лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами), обусловленных критической интенцией данного жанра, присутствует небольшая доля позитивно-оценочных лексических и синтаксических конструкций, которые легитимируют авторитет рассматриваемого ученого как научного классика.

Особенности нарративного конструирования научной статьи по генетике также детерминированы ее жанровой принадлежностью. В редакционной передовой статье отмечено доминирование позитивно оценочных над нейтральными содержательно-фактуальными пропозициями, что связано со стремлением редакционной коллегии выпуска журнала, приуроченного к 200-летнему юбилею Г. Менделя, показать масштаб его личности в истории генетики. В статье-полемике, для которой характерен критический ракурс осмысления научного знания, преобладает содержательно-фактуальная информация, которая сочетается с преимущественно негативными оценочными пропозициями при небольшой доле конструкций с позитивно-оценочной семантикой, являющихся когерентообразующими скрепами с макроинтенцией всего журнального юбилейного выпуска о знаменитом ученом. Для жанра научного обзора важно, прежде всего, рассмотрение современных научных проблем, а потому в нем преобладают содержательно-фактуальные пропозиции, дополняемые позитивно-модальной информацией о теоретической базе анализируемой концепции.

Перспективой данного исследования является приложение использованных в нем выводов и методов анализа эмпирики к изучению академических текстов из других сфер (в особенности гуманитарных и социальных), что позволит выявить отношение их авторов к достоверности и актуальности научных выводов представителей различных научных школ и направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова И.В. Интракатегориальный синкретизм в немецком таксисе / И.В. Архипова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 16–25. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19864601.
2. Васильева Ю.В. Эпистемическая модальность vs эвиденциальность в англоязычном научном дискурсе /Ю.В. Васильева // Преподаватель XXI век. — 2022. ― № 2. ― Часть 2. ― С. 433–440. ― DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-433-440.
3. Демьянова Т.В. Прагматические установки употребления речевых стратегий маневрирования в контексте дипломатического дискурса /Т.В. Демьянова //Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. — 2022. — № 3 (116). — С. 27–36. ― DOI: 37972/chgpu.2022.116.3.004.
4. Мельникова Ю.Н. Эвиденциальная функция модальных глаголов в современном немецком языке (на материале научного текста) /Ю.Н. Мельникова, Ю.Е. Балабаева // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 1 (32). — С. 138–145.
5. Нефедов С.Т. Интенциональная структура и модальность научного текста / С.Т. Нефедов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9-3(63). — С. 141–145.
6. Нуриева Н.С. Лингвистические средства выражения эпистемической модальности в англоязычном научном тексте / Н.С. Нуриева, Е.С. Ражева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21, № 2. — С. 63–74. — DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-63-74.
7. Опимах И.В. Грегор Мендель / И.В. Опимах // Медицинские технологии. Оценка и выбор. — 2012. — № 4. — С. 91–95.
8. Сахарова А.В. Эгоцентрические единицы, указывающие на истинность высказывания, в русскоязычном научном дискурсе /А.В. Сахарова //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. —2019. — № 4. — С. 231–235.

9. Судас Л.Г. Наука и государственная научная политика в дискурсе «научной честности» / Л.Г. Судас // Государственное управление. Электронный вестник. — 2023. — № 100. — С. 30–46. — DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-30-46.
10. Чепурная А.И. Когнитивно-прагматические аспекты атрибуции эпистемической ответственности / А.И. Чепурная // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2024. — № 21 (1). — С. 252–268. — https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.113.
11. Horváth K. Epistemische Modalverbverwendungen in der Nähesprache / K. Horváth //ACTA Universitatis, Germanistische Studien. — 2026. — Band 14. — S. 43–56. — https://doi.org/10.46434/ActaUnivEszterhazyGerman.2026.43.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Flachowsky H. Der Einfluss der Mendelgenetik auf die Sortenzüchtung bei Apfel und Süßkirsche / H. Flachowsky, O.F. Emeriewen, M. Schuster, A. Peil, J. Lempe, T. Wöhner // Journal für Kulturpflanzen. — 2022. — № 74 (11-12). — S. 242–256. — DOI: 10.5073/JfK.2022.11-12.04.
13. Ordon F. Gregor Mendel – ein genialer Forscher / F. Ordon, W. von Rhade //Journal für Kulturpflanzen. — 2022. — № 74 (11-12). — S. 221–222. — DOI: 10.5073/JfK.2022.11-12.01.
14. Uptmoor R. Mendel und der Beginn der modernen Genetik: zu gut um wahr zu sein? / R. Uptmoor, J.Kirchgesser //Journal für Kulturpflanzen. — 2022. — № 74 (11-12). — S. 233–241. — DOI: 10.5073/JfK.2022.11-12.03.

REFERENCES

1. Arhipova I.V. (2026) Intrakategorial'nyy sinkretizm v nemetskom taksise [Intracategorial Syncretism in German Taxis]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psikhologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 2, 16–25. https://doi.org/10.5281/zenodo.19864601. (In Russian)
2. Vasilyeva Ju.V. (2022). Epistemicheskaya modal'nost' vs evidentsial'nost' v angloyazychnom nauchnom diskurse [Epistemic Modality vs Evidentiality in the English Academic Discourse]. Prepodavatel' XXI vek [Russian Journal of Education], 2 (2), 433–440. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-433-440. (In Russian)
3. Demyanova T.V. (2022). Pragmaticheskiye ustanovki upotrebleniya rechevykh strategiy manevrirovaniya v kontekste diplomaticheskogo diskursa [Pragmatic Purposes of the Use of Evasion Speech Strategies in Diplomatic Discourse]. Vestnik CHGPU im. I.Ya. Yakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 3 (116), 27–36. DOI: 37972/chgpu.2022.116.3.004. (In Russian)
4. Mel'nikova Yu.N., Balabayeva Yu.Ye. (2019). Evidentsial'naya funktsiya modal'nykh glagolov v sovremennom nemetskom yazyke (na materiale nauchnogo teksta) [Evidential Function of Modal Verbs in Modern German (Based on a Scientific Text)]. Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language Theory and Intercultural Communication], 1 (32), 138–145. (In Russian)
5. Nefedov S.T. (2016). Intentsional'naya struktura i modal'nost' nauchnogo teksta [Intentional Structure and Modality of a Scientific Text]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice], 9-3(63),141–145. (In Russian)
6. Nurieva N.S., Razheva E.S. (2023). Lingvisticheskiye sredstva vyrazheniya epistemicheskoy modal'nosti v angloyazychnom nauchnom tekste [Linguistic Means of Expressing Epistemic Modality in an English-language Scientific Text]. Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications], 2 (21),63–74. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-63-74. (In Russian)
7. Opimakh I.V. (2012). Gregor Mendel' [Gregor Mendel]. Meditsinskiye tekhnologii. Otsenka i vybor [Medical Technology. Assessment and Choice], 4, 91–95. (In Russian)
8. Sakharova A.V. (2019). Egotsentricheskiye yedinitsy, ukazyvayushchiye na istinnost' vyskazyvaniya, v russkoyazychnom nauchnom diskurse [Egocentric Elements Expressing Semantics of Truthfulness of a Proposition in Russian Academic Discourse]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 4, 231–235. (In Russian)
9. Sudas L.G. (2023). Nauka i gosudarstvennaya nauchnaya politika v diskurse «nauchnoy chestnosti» [Science and State Scientific Policy in the Discourse of Scientific Integrity]. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik [Public Administration. E-journal], 100, 30–46. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-30-46. (In Russian)
10. Chepurnaya A.I. (2024). Kognitivno-pragmaticheskiye aspekty atributsii epistemicheskoy otvetstvennosti [Cognitive-Pragmatic Aspects of Epistemic Responsibility Attribution]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 21 (1), 252–268. https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.113. (In Russian)

11. Horváth K. (2026). Epistemische Modalverbverwendungen in der Nähesprache [Epistemic Modal Verb Usage in Proximity Language]. ACTA Universitatis, Germanistische Studien [ACTA Universitatis, German Studies], 14, 43–56. https://doi.org/10.46434/ActaUnivEszterhazyGerman.2026.43. (In German)

Поступила в редакцию 28.09.2026 г.

EPISTEMIC MODALITY IN NARRATIVE ON GENETICS AS WAY OF EXPLICATING ASSESSMENT OF GREGOR MENDEL'S SCIENTIFIC LEGACY

A.I. Milostivaya, A.A. Zaitsev, L.E. Babushkina

The article deals with the linguistic means used to express epistemic modality within a multi-text German-language narrative concerning genetics, as well as their role in assessing the reliability and scientific significance of Gregor Mendel's research findings. The study is inspired by the need to investigate linguistic markers that signal the reliable representation of scientific results in academic narratives. The following methods have been applied in the research: hermeneutic interpretation, quantitative analysis, and a comparison of the proportions of evaluative versus factual-content propositions. The empirical analysis revealed the lexical, morphological, and syntactic epistemic-modal constructions authors use to evaluate the reliability and relevance of G. Mendel's scientific legacy. It has been found out that the choice of a positive or negative evaluative tone is determined by the genre of the scientific article and the sociocultural status of the protagonist being described. The analysis of the narrative construction in publications on genetics revealed a correlation between the quantitative ratio of evaluative propositions to factual content and the macro-intention of the scientific journal's multi-text narrative.

Key words: epistemic modality, epistemic responsibility, assessment, reliability, modal verbs, inversion, multi-text narrative on genetics, Gregor Mendel.

Милостивая Александра Ивановна.
Доктор филологических наук, доцент.
Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры иностранных и русского языков.

ORCID 0000-0001-5052-2622.
E-mail: milostivaia@rgau-msha.ru.

Зайцев Алексей Анатольевич.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева, Российская Федерация, г. Москва.
И.о. зав. кафедрой иностранных и русского языков.

ORCID: 0000-0001-6823-2340.
E-mail: rgaurki@rgau-msha.ru.

Бабушкина Лариса Евгеньевна.
Кандидат педагогических наук, доцент.
Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры иностранных и русского языков.

ORCID: 0000-0002-3549-9329.
E-mail: l.babushkina@rgau-msha.ru.

Milostivaya Alexandra Ivanovna.
Doctor of Philology, Associate Professor.
Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russian Federation, Moscow.
Associate Professor at Department of Foreign and Russian Languages.
ORCID 0000-0001-5052-2622.
E-mail: milostivaia@rgau-msha.ru.

Zaitsev Aleksei Anatolyevich.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russian Federation, Moscow.
Acting Head of Department of Foreign and Russian Languages.
ORCID: 0000-0001-6823-2340.
E-mail: rgaurki@rgau-msha.ru.

Babushkina Larisa Evgenievna.
Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russian Federation, Moscow.
Associate Professor at Department of Foreign and Russian Languages.
ORCID: 0000-0002-3549-9329.
E-mail: l.babushkina@rgau-msha.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 82-25 “20”
DOI: 10.5281/zenodo.23945525

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОСОБОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОЗЕ К. ВАГИНОВА И ВС. ИВАНОВА

© 2026 *С.А. Белоконь*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0002-7902-8668

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассмотрена карнавализация как способ создания особого художественного мира в интеллектуальной прозе Константина Вагинова и Всеволода Иванова. Теоретической базой исследования являются литературоведческие труды М. Бахтина (в частности, «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса») и культурологические сочинения Й. Хейзинги. Подробно рассмотрены особенности понимания карнавала и карнавализации М. Бахтиным. Материалом исследования были выбраны романы К. Вагинова «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада» и Вс. Иванова «У», «Похождения Факира». Анализ проведен с учетом жанровых особенностей этих произволений — их принадлежности к интеллектуальной прозе. Сделаны выводы о том, что карнавализация в русской интеллектуальной прозе 1920–1930-х годов стала способом художественного осмысления новой действительности. Она позволила создать особый мир, где реальность предстает в искаженном, амбивалентном свете, а через гротеск, пародию и игру авторы выразили кризис ценностей и противоречивость новой эпохи.

Ключевые слова: карнавализация, карнавал, художественный мир, амбивалентность, смех, игра, пародия, интеллектуальная проза, роман.

Для цитирования: Белоконь С.А. Карнавализация как способ создания особого художественного мира в интеллектуальной прозе К. Вагинова и Вс. Иванова / С.А. Белоконь // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 152–160. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23945525.

Введение. Понятие «карнавализация» в научный оборот ввел Михаил Михайлович Бахтин. Этот термин он использовал для обозначения воздействия античных и средневековых народных празднеств, и обрядовых действ (карнавала) на образно-символическое мышление, творческую память и авторство, особенно в условиях культурного творчества Нового времени.

Цель нашего исследования — проанализировать карнавализацию как способ создания особого художественного мира в интеллектуальной прозе Константина Вагинова и Всеволода Иванова.

Концепция карнавализации, подробно изложенная М.М. Бахтиным в его работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», основана на анализе произведений Франсуа Рабле, а также на изучении древнегреческих и римских карнавалов. Литературовед Л. Пинский емко и содержательно охарактеризовал этот труд Бахтина: «Перед нами, по сути, исследование одновременно социально-историческое (художественная традиция определенной среды и эпохи) и типологическое:

противопоставление, особенно в изображении тела, двух типов искусства — карнавально-гротескного и новоевропейского (последних четырех веков)» [8, с. 203].

Основная часть. Карнавал для Бахтина — это не просто праздник, а особая форма жизни, где временно отменяются иерархические различия, создается пространство свободы и всеобщего равенства: «Карнавал не созерцают, — в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы» [1, с. 15].

Ключевые черты карнавализации по Бахтину: перевернутая иерархия, амбивалентность (одновременная причастность к воплощенной конечности и незавершенности), «веселая относительность» (несоответствие между внешним и внутренним, условиями настоящего и предчувствием возможного иного миропорядка), фамильярный контакт, всенародность и универсальность.

Термин «перевернутая иерархия» является одним из ключевых в бахтинской концепции карнавала. Его значение в том, что во время карнавала «верх» и «низ» меняются местами: король становится шутом, а шут — королем; священное снижается, профанное возвышается. В художественной литературе это проявляется как «снижение» высоких тем и образов, их «заземление». Как писал М.М. Бахтин: «В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов» [1, с. 18]. Больше нет запретов и привилегий, все равны, и последние могут стать первыми.

Амбивалентность карнавала проявляется в том, что карнавальное действо одновременно несет в себе и отрицание, и утверждение, и смерть, и возрождение. Например, гротескное тело у Рабле — это и разложение, и плодородие; смех одновременно разрушает и созидает.

Как отмечает М.М. Бахтин: «Карнавальный смех амбивалентен: он веселый, ликующий и — одновременно — насмешливый, высмеивающий, он и отрицает, и утверждает, и хоронит, и возрождает. Таков карнавальный смех» [1, с. 21].

«Веселая относительность» может трактоваться следующим образом: все воспринимается как условное, временное, подверженное изменению. Не существует абсолютных истин: любая истина может быть поставлена под сомнение и оспорена. М.М. Бахтин так говорит об этой ситуации: «Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка» [1, с. 20].

Из этой веселой относительности закономерно вырастает феномен фамильярного контакта. Карнавал снимает дистанцию между людьми — так проявляется фамильярный контакт. В художественном тексте это выражается в разговорной интонации, площадном слове, прямом обращении автора к читателю: «Здесь — на карнавальной площади — господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнавальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения» [1, с. 19].

Фамильярный контакт становился возможен именно благодаря временному исчезновению сословного и имущественного барьера между людьми. Если нет различий, значит возможен простой контакт без условий, который был невозможен во «внекарнавальной» реальности.

Карнавал характеризуется всенародностью, поскольку он действительно тотален и универсален во время своего проведения. Это всенародное действо, где временно отменяются социальные нормы, запреты и дистанции. В искусстве это проявляется как полифония, множественность голосов и точек зрения: «Карнавальный смех, во-первых, всенароден … смеются все, это — смех «на миру»; во-вторых, он универсален, он направлен на все и на всех (в том числе и на самих участников карнавала)» [1, с. 21].

А. Сокровищук в своей статье «Народная смеховая культура в философии М.М. Бахтина» указывает на близость позиций М. Бахтина и Й. Хейзинги в вопросе сближения понятий игры и карнавала: «Подобно нидерландскому исследователю Й. Хейзинге, М.М. Бахтин обратил внимание на корреляцию социокультурных феноменов карнавала и игры. Зарубежный исследователь отмечал, что как долго бы ни длился карнавал, жизнь все равно возвращается в привычное русло и человек, являвшийся на время карнавала "первым", вновь становится "последним"» [10, с. 122].

Известный нидерландский философ Й. Хейзинга применял для характеристики эпохи Возрождения также понятие «маскарад», называя эту эпоху «веселым или праздничным маскарадом, переодеванием в наряд фантастического и идеального прошлого» [11, с. 204].

В русской интеллектуальной прозе 1920–1930-х годов карнавализация стала способом осмыслить революционные перемены, кризис ценностей и противоречивость новой реальности.

Карнавал как явление народной смеховой культуры переворачивает социальную иерархию, отменяет дистанции между людьми и объединяет противоположности. Переломные моменты истории, когда рушатся старые ценности и формируются новые, часто сопровождаются активизацией карнавального мироощущения.

В 1920-е годы карнавал воспринимался как праздник обновления, что соответствовало ожиданиям утопического переустройства мира. При этом в литературе карнавальный смех нередко становился обличительным, превращаясь в инструмент сатиры.

Проблемами гротеска, иронии, трагикомизма и театральности в творчестве К. Вагинова занимались такие исследователи, как Д. Бреслер [3], Т. Никольская [7], Е. Павлов [8], Т. Казарина [5], М. Литвинюк [6] и другие. Проблемы иронии в творчестве Всеволода Иванова рассматривались в исследованиях Т. Ивановой [4], А. Эткинда [12].

В своей статье «Константин Вагинов, его время и книги» Т. Никольская приводит высказывание самого М.М. Бахтина о «карнавальной» природе произведений К. Вагинова: «Перед читателем вагиновских романов проходит настоящее карнавальное шествие чудаков всех мастей. Эту особенность прозы Вагинова высоко ценил Михаил Бахтин: "Вот истинно карнавальный писатель", — сказал ученый в разговоре с А. Вулисом» [7, с. 8].

Карнавализация в романе Константина Вагинова «Труды и дни Свистонова» связана с карнавальным мироощущением и концепцией искусства как игры.

Амбивалентность в романе проявляется не только на уровне сюжета, но и в самой структуре повествования, где противопоставляются такие категории, как «смешное — серьезное», «верх — низ», «приличное — неприличное». Объединение этих противоположностей служит для снижения традиционных социальных норм. Герои, узнавая себя в персонажах Свистонова, испытывают шок и разочарование, так как их сущность лишается естественности.

Именно эта бахтинская концепция «снижения» находит свое отражение в образе Свистонова, который создает роман, по свидетельствам автора, «из *безобразных заметок на полях книг, из украденных сравнений, из умело переписанных страниц, из подслушанных разговоров, из повернутых сплетен*» [13, с. 211].

О художественных текстах Свистонова высказывается в своей статье «Умерщвляющее письмо: Ленинградское барокко Константина Вагинова» литературовед Евгений Павлов: «Проза его, по меньшей мере, странна. Она выстраивается из культурного мусора, собираемого годами в форме редких книг, антикварных предметов, газетных вырезок, частных дневников, путевых заметок и криминальной хроники» [8, с. 78].

Такой способ написания произведений «снижает», заземляет образ героя в глазах читателей. Автор изображает Свистонова как участника карнавала, над которым сам иронизирует. Свистонов же видит себя творцом-демиургом, который дарует знакомым «бессмертие» на страницах своих произведений. И в этой своей «миссии» герой настолько увлекается, что перестает различать границы реального и художественного миров. В его сознании эта грань неизбежно стирается, становится неразличимой: «*Где бы Свистонов ни появлялся, всюду он видел своих героев. У них были другие фамилии, другие тела, другие волосы, другие манеры, но он сейчас же узнавал их»* [13, с. 333].

Вторит этой мысли и исследовательница Т. Казарина: «В "Трудах и днях Свистонова" главный герой, писатель, беспощадно перекраивает реальность, строя из нее текст очередного романа и лишая непосредственное бытие важнейших красок. Свистонов "перетягивает" людей из жизни в тексты, а затем и сам попадается в расставленную им ловушку» [5, с. 130].

Внешний сюжет романа представляет собой гротескную транскрипцию творческого процесса на разных его стадиях — от источников вдохновения (которые изображены снижено: чужие тексты, сплетни, пересуды) до воздействия текста на реальную жизнь прототипов (судьба Куку после прочтения им романа).

Цель такой «карнавализации», опрокинутости творческого процесса видим в желании Вагинова подчеркнуть искусственность, бесплодность литературы, которая сделана механически, рационально. Свистонов «*творил не планомерно, не вдруг перед ним появлялся образ мира, не вдруг все становилось ясно, и не тогда он писал*» [13, с. 211]. У героя не было вдохновения, а только попытки рационально подойти к процессу.

Идея «перевода» реальности в литературу преследует Свистонова всю его жизнь. Ирония в том, что свои мысли он высказывает в разговоре с глухонемой. Однако этот его монолог концептуален и содержателен. У героя есть своя стройная и законченная концепция предназначения литературного творчества: *Искусство — это извлечение людей из одного мира и вовлечение их в другую сферу. Литература более реальна, чем этот распадающийся ежеминутно мир. ...искусство — это совсем не празднество, совсем не труд. Это — борьба за население другого мира, чтобы и тот мир был плотно населен, чтобы было в нем разнообразие, чтобы была и там полнота жизни, литературу можно сравнить с загробным существованием. Литература по-настоящему и есть загробное существование* [13, с. 235].

Подтверждение этой мысли мы находим у исследователя Дмитрия Бреслера, который отмечает, что на страницах своего романа «Труды и дни Свистонова» Константин Вагинов «персонифицирует, разыгрывает по ролям метахудожественные представления о литературе, ее функции по отношению к субъективной реальности, объективирует собственную литературную технику, основанную на улавливании соположений множества разнородных дискурсивных практик: богемного и «цехового» общения, беспорядочного чтения, вербализированной рефлексии о собственной субъектности внутри актуального жизненного мира» [3, с. 365]. Исследователь очень точно подметил основные особенности сложного и многовекторного стиля Константина Вагинова, который одномоментно совмещает «множество разнородных дискурсивных практик».

Следует также заметить, что карнавализация тесно связана с театральностью изображенного мира. В конце романа Свистонов смотрит с высоты на город и замечает, что город стал подобием театральной сцены: «*Днем сверху город производил впечатление игрушечного, деревья казались не выросшими, а расставленными, дома не построенными, а поставленными. Люди и трамваи — заводными*» [13, с. 332].

Таким образом, карнавализация в романе Вагинова «Труды и дни Свистонова» служит инструментом для раскрытия темы трагедии творца, который, превращая живую жизнь в литературные образы, оказывается пленником созданного им самим мира.

Еще один роман Константина Вагинова, который невозможно обойти вниманием при анализе проявлений карнавализации в творчестве этого писателя — «Бамбочада». Если в «Трудах и днях Свистонова» карнавализация носит экзистенциальный характер, то в «Бамбочаде» она приобретает иные, более отчетливые жанровые очертания.

Название романа Константина Вагинова «Бамбочада» отсылает к особому художественному жанру — так называют жанровые картины с комическими сюжетами, обычно изображающие ярмарки, крестьянские праздники и бытовые сценки.

«Бамбочада» у Вагинова — не просто отсылка к живописному жанру, а метафора жизни как карнавала, где герои, спасаясь от скуки и тоски, создают свой иллюзорный мир. Название задает тон всему роману: ироничный, гротескный, но в то же время ностальгический — попытка запечатлеть исчезающую красоту мелочей на фоне исторических потрясений.

Роман опирается на культурный код карнавала и карнавального мировоззрения, основанного на литературоведческой и культурологической теории М.М. Бахтина.

Этот код играет ключевую роль в раскрытии мировоззрения автора и проявляется в нескольких аспектах произведения. Главного героя романа — Евгения **Фелинфлеина** исследовательница Т. Казарина характеризует так: «человек играющий, актерствующий в жизни и режиссирующий свое существование. Это выводит его за пределы жизни как фатально серьезного процесса» [5, с. 131].

Сюжет романа можно условно поделить на три «действия» (в Петербурге, в провинциальном городке, в туберкулезном санатории), об этом мы уже писали в своей работе «Театральность интеллектуального романа (на материале романа К. Вагинова "Бамбочада"» [2]. Наибольший интерес представляет для нас в контексте вопроса о карнавализации условно «третье действие» данного романа, т.е. события, происходящие с главным героем в туберкулезном санатории.

Данный хронотоп одновременно имеет двойную трактовку в контексте романа: как мы знаем, сам автор, Константин Вагинов, был болен туберкулезом (автобиографический след), а также здесь прослеживается литературная традиция — Ганс Касторп — главный герой «Волшебной горы» Т. Манна (первого интеллектуального романа) тоже жил в туберкулезном санатории. Показательным в контексте карнавального восприятия мира в романе кажется нам восприятие санатория Евгением: *«Теперь санаторий напоминал Евгению цирк; доктора — конюхов-дрессировщиков, а больные — эксцентриков, палаты — уборные артистов. Он со многими перезнакомился. На столиках стояли зеркальца, лежали переводные романы. Вставая, больные пели, ругали администрацию, вели профессиональные разговоры, ожидая близкой отправки; иногда на больных, как на комиков, нападала страшная тоска, тогда они ложились в постель, поворачивались к стенке и молчали»* [12, с. 468].

Таким образом, в воображении смертельно больного Фелинфлеина один хронотоп — санатория — полностью заменен на хронотоп цирка, в котором есть

дрессировщики, эксцентрики, артисты комики и трагики. «Переодевание» здания в воображении героя помогает ему уйти от реальности, вывернуть мир «наизнанку».

Роман пронизан духом игры, маскарада, гротеска. Герои (например, Евгений Фелинфлеин и Торопуло) живут как будто в «представлении»: коллекционируют мелочи, смакуют еду и вино, музицируют, ведут занимательные беседы — все это напоминает пеструю, хаотичную картину «бамбочады».

В финале романа Торопуло получает прощальные письма от смертельно больного Фелинфлеина, но не узнает друга за вымышленными именами ученого Загни-Бородова, нумизмата С. Мухина и др. «Театр» одного актера терпит крах. Герою не удается обхитрить смерть.

Герои Вагинова становятся хранителями изменяющихся и уходящих ценностей материальной культуры целой культурной эпохи: гурманство, коллекционирование мелочей, смакование старинной и новой музыки, редких книг и гравюр — все это попытки удержать, увековечить материальную прелесть жизни.

Вагинов трансформирует роман в театральный текст: персонажи уподобляются актерам, интерьеры — декорациям, сюжет распадается на отдельные сценки, а читатель становится зрителем. Герои оказываются замкнутыми внутри мира декораций, пойманными в ловушку создаваемых ими же искусственных реальностей.

Сходные приемы карнавализации быта мы наблюдаем и в прозе Всеволода Иванова, где хаос коммунальной жизни становится метафорой распадающегося миропорядка. В этом исследовании мы остановимся на его романах «У» и «Похождения факира».

В романе Всеволода Иванова «У» сцены в доме играют ключевую роль в раскрытии сюжета и идейного содержания произведения. Действие разворачивается в доме №42 на Остоженке — здании, которое описывается как «похожее на яйцо», перенаселенное и напоминающее «притон или дурдом».

Дом напоминает огромное общежитие, где на кухне «*ревели двадцать хозяек, рыкали полсотни примусов*». Это создает атмосферу хаотичности и социальной разнородности.

В доме живут разные персонажи: семейство Жаворонкова (бывший церковный староста, ныне мороженщик с профсоюзным билетом), семья Мурфиных (мать, отец, дядя Савелий, Сусанна и ее старшая сестра Людмила), братья Лебедевы и др.

Здесь происходят комические драки, например, эпизоды с участием братьев Лебедевых, которые недовольны вербовочной активностью Леона Черпанова. Доктор Андрейшин, влюбленный в Сусанну, демонстрирует безумные поступки: лезет в печь, ходит на ходулях, гоняет на реактивном велосипеде. Все это подобно бесконечному карнавалу с трюками, переодеваниями, безумствами: происходит разрушение границ между бытовым и фантастическим.

Как отмечает Т. Иванова: «Роман "У" построен, в основном, на мистификации, сюжет его пронизан недоразумениями, обманами, вздорными слухами (как, например, легенда о короне американского императора или поиски несуществующего костюма американского миллионера) и не менее вздорными проектами (обобществление имущества и даже жен). Художественный мир романа лукав и фантастичен с первых же страниц — с помещенных в начале книги пародийных комментариев» [4, с. 520].

Исследовательница очень точно характеризует художественный мир романа как мистифицированный, лукавый, фантастичный, пародийный, что еще раз подтверждает его близость к карнавальной стихии.

Карнавализация в романе проявляется через сочетание абсурда, иронии и сатиры. Например, попытки «переделать человека» в условиях коммунального быта, комические

конфликты и хаотичная атмосфера перенаселенного дома создают эффект карнавального переосмысления реальности.

В романе Всеволода Иванова «У» финал представлен в виде карнавального шествия. Это один из ключевых композиционных приемов произведения, который подчеркивает его художественную специфику и философский подтекст*: «Наконец, зажглись фонари, и мы тронулись. Дети шли очень хорошо, и родители ими были довольны. Возник вопрос, в нем все приняли участие — кто же пойдет вперед? Доктор хотел пойти с Сусанной, но, как я уже говорил, она шла под руку с Ларвиным, а ее вперед никак никто не хотел пустить; если Ларвин имел какие-то общественные заслуги, то она-то никаких, и даже, наоборот, всегда мешала общественности, в частности, никогда не подметала коридора, и после нее всегда в уборной перегорали лампочки. На последнее замечание, последовавшее сверху от Жаворонковых, она обиделась и утащила Ларвина в толпу»* [14, с. 485].

Перед нами финальная сцена — это **карнавальное шествие** жильцов дома №42, которых собираются переселять на Урал. Люди пытаются организованно двинуться на стадион, но вместо строя получается хаос, варианты построения один абсурднее другого. Это не просто комичный эпизод, а саркастическая метафора того, к чему может привести насильственная «перестройка» и «стандартизация» человека.

О финале романа делает интересные замечания А. Эткинд: «к концу аналитическая струя в нем сливается с карнавальными мотивами, которые навеяны скорее Фрезером, чем Фрейдом» [12, с. 196].

Карнавал и гротеск в финале романа «У» связаны с общей идеей обезличивания и абсурдности попыток радикального преобразования человека в рамках утопических проектов.

Подобная поэтика карнавального смеха не ограничивается одним романом Иванова и находит свое отражение в романе «Похождения факира».

Карнавализация в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» проявляется через несколько художественных приемов, которые сближают произведение с карнавальным (смеховым) направлением в литературе.

Среди них выделяются образ цирка как смыслового центра романа, гротескная стилистика и использование элементов лубочной традиции. Остановимся на каждом из них подробнее.

Образ цирка находится в центре романа. Это отражается в заголовках их частей произведения. Цирк становится своеобразной метафорой жизненного пути главного героя — факира Сиволота. Цирк помогает его внутреннему становлению и встрече с новым миром. Именно здесь во время циркового представления в Павлодаре у него зародилась мечта — дойти до Индии — сказочной страны, которая для многих романтиков того времени олицетворяла «дух».

Автор использует гротескные и порой фантасмагорические допущения в описании окружающей среды. В «Похождениях факира» есть, например, сцены, где герой-отшельник Сиволот проводит ночи на лесной полянке, пока звери не начинают подходить к нему и общаться с ним.

С использованием элементов лубочной литературы связаны, например, анекдоты, которые рассказывает Филиппинский — один из спутников факира Сиволота, а также необычные зачины-заглавия, введенные в текст романа. Это придает повествованию причудливо-затейливый характер.

Таким образом, карнавализация в «Похождениях факира» проявляется через тематическую связь с цирком, стилистические особенности, использование элементов лубочной литературы и ироничный тон повествования.

Заключение. Карнавализация предстает как способ создания особого художественного мира в интеллектуальной прозе К. Вагинова и Вс. Иванова.

Этот художественный мир характеризуют такие особенности: создание метафорического пространства для осмысления реальности; сатира и пародийность; карнавализация отражает идею цикличности истории, умирания и возрождения, что особенно актуально в эпоху перемен; полифоничность — в карнавализованном тексте сосуществуют разные голоса, точки зрения, что соответствует бахтинской идее диалогичности. Карнавализация в русской интеллектуальной прозе 1920–1930-х годов стала способом художественного осмысления новой действительности. Она позволила создать особый мир, где реальность предстает в искаженном, амбивалентном свете, а через гротеск, пародию и игру авторы выразили кризис ценностей и противоречивость новой эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Собрание сочинений: в 7 тт / М. Бахтин. — М.: Языки славянских культур.— Т. 4 (2). — 2010. — 747 с.
2. Белоконь С.А. Театральность интеллектуального романа (на материале романа К. Вагинова «Бамбочада» / С.А. Белоконь// Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции — Том 4. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. — С. 108–109.
3. Бреслер Д. Коллаж и гротеск Константина Вагинова / Д. Бреслер // Зборник Матице српске за славистику. — Vol. 2022, No. 102 (2022), p. 359–376. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2022.102.20
4. Иванова Т. Писатель обгоняет время // Иванов Вс. Кремль. У: Романы. М.: Советский писатель, 1990. — С. 512–528.
5. Казарина Т. Проблема игровой жизнестратегии в романе Константина Вагинова «Бамбочада» / Т. Казарина // Художественный язык эпохи. Самара, 2002. — С. 127–145.
6. Литвинюк М. Балаганный трагикомизм в романах К. Вагинова «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада» и «Гарпагониана»: автореф. дисс. … канд. филол. наук: спец. 10.01.01. «Русская литература» / М. Литвинюк. — М., 1998. — 16 с.
7. Никольская Т. Константин Вагинов, его время и книги // Вагинов К. Козлиная песнь. Романы. — М.: «Современник», 1991. — С. 5–11.
8. Павлов Е. Умерщвляющее письмо: Ленинградское барокко Константина Вагинова / Е. Павлов // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 1. — С. 74–91.
9. Пинский Л. Рабле в новом освещении / Л. Пинский // Вопросы литературы. — 1966 — №6. — С. 200–206.
10. Сокровищук А. Народная смеховая культура в философии М. М. Бахтина / А. Сокровищук // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2021. — № 3. — С. 118–129. DOI 10.35231/18186653_2021_3_118
11. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга — М.: Прогресс, 1992 – 458 с.
12. Эткинд А. «У» Всеволода Иванова: Интеллектуальный роман из жизни нэпманов, или Пародия на советский психоанализ / А. Эткинд // Звезда — 1993. — № 8. — С. 192–200.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Вагинов К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада / К. Вагинов — М.: Худож. лит. — 1989. — 477 с.
14. Иванов Вс. Кремль. У: Романы. / Вс. Иванов — М.: Советский писатель, 1990. — 525 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. (2010) Sobranie sochinenii [Collected Works]: in 7 vols. / M. Bakhtin Moscow: Iazyki slavianskikh kul’tur [Languages of Slavic Cultures] Vol. 4 (2). 2010. 747 p. (In Russian)
2. Belokon' S.A. (2018). Teatral'nost' intellektual'nogo romana (na material'e romana K. Vaginova «Bambokhada») [The Theatricality of the Intellectual Novel (on the Material of K. Vaginov’s Novel “Bambokhada”)] // Donetskie chteniia 2018: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.Tom 4. Donetsk: Izd-vo DonNU, 2018. S. 108–109. (In Russian)

3. Bresler D. (2022). Kollazh i grotesk Konstantina Vaginova [Collage and the Grotesque in the Work of Konstantin Vaginov]. // Zbornik Matice srpske za slavistiku. Vol. 2022, No. 102 (2022), p. 359–376. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2022.102.20. (In Russian; published in Serbo-Croatian journal)
4. Ivanova T. (1990). Pisatel' ogoniaet vremia [The Writer Outruns Time]. // Ivanov Vs. Kremlevaia kniga: Romanы. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990. S. 512–528. (In Russian)
5. Kazaryna T. (2002). Problema igrtoy zhiznestrategii v romane Konstantina Vaginova «Bambokhada» [The Problem of the Game Life Strategy in Konstantin Vaginov's Novel "Bambokhada"]. // Khudozhestvennyi iazyk epokhi. Samara, 2002. S. 127–145. (In Russian)
6. Litvin'uk M. (1998). Balaganii tragikomizm v romanax K. Vaginova «Kozlynaia pesnia», «Trudy i dnia Svistonova», «Bambokhada» i «Garpagoniana»: avtoreref. diss. … kand. filol. nauk: spets. 10.01.01 «Russkaia literatura» [Balagan Comedy in the Novels of K. Vaginov "Kozlianaia pesnia", "Trudy i dnia Svistonova", "Bambokhada", and "Garpagoniana": PhD Dissertation…]. Moscow, 1998. 16 s. (In Russian)
7. Nikolskaia T. (1991). Konstantin Vaginov, ego vremia i knigi [Konstantin Vaginov, His Time and His Books]. // Vaginov K. Kozlianaia pesnia. Romanы. Moscow: "Sovremennik", 1991. S. 5–11. (In Russian)
8. Pavlov E. (2018). Umershchivaiushchee pis'mo: Leningradskoe barokko Konstantina Vaginova [The Suffocating Letter: Konstantin Vaginov's Leningrad Baroque]. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 1. S. 74–91. (In Russian)
9. Pinskii L. (1966). Rable v novom osveshchenii [Rable in a New Light]. // Voprosy literatury. 1966. № 6. S. 200–206. (In Russian)
10. Sokrovishchuk A. (2021). Narodnaia smekhovaia kultura v filosofii M. M. Bakhtina [Folk Humor Culture in the Philosophy of M. M. Bakhtin]. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. 2021. № 3. S. 118–129. DOI 10.35231/18186653_2021_3_118 (In Russian)
11. Kheyzinga Y. (1992). Homo ludens. V teni tveroshnogo dnia [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Moscow: Progress, 1992. 458 s. (In Russian)
12. Etkind A. (1993). "U" Vsevoloda Ivanova: Intellektual'nyi roman iz zhizni nepamannikh, ili Parodiia na sovetskii psikhooanaliz ["U" by Vsevolod Ivanov: An Intellectual Novel from the Lives of the Unanalyzable, or Parody of Soviet Psychoanalysis]. // Zvezda. 1993. № 8. S. 192–200. (In Russian)

Поступила в редакцию 18.09.2026 г.

CARNIVALIZATION AS WAY OF CREATING SPECIAL ARTISTIC WORLD IN INTELLECTUAL PROSE BY KONSTANTIN VAGINOV AND VSEVOLOD IVANOV

S.A. Belokon

The article addresses carnivalization as a way of creating a special artistic world in the intellectual prose by Konstantin Vaginov and Vsevolod Ivanov. The study is based on literary criticism works by M. Bakhtin (*The Creative Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*, in particular) and cultural studies writings by J. Huizinga. A detailed consideration of M. Bakhtin's understanding of carnival and carnivalization is presented. The research material includes novels *The Works and Days of Svistonov* and *Bambochada* by K. Vaginov, as well as *U* and *The Adventures of Fakir* by Vsevolod Ivanov. The analysis takes into account the genre features of these works, i.e. their affiliation with intellectual prose. The conclusion is made that carnivalization in Russian intellectual prose of the 1920s–1930s became a way of artistic interpreting the new reality. It enabled the creation of a distinctive world where reality appears in a distorted, ambivalent light. Through grotesque, parody, and play, the authors expressed the crisis of values and the contradictions of the new era.

Key words: carnivalization, carnival, artistic world, ambivalence, laughter, play, parody, intellectual prose, novel.

Белоконь Светлана Александровна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет.
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.
ORCID 0000-0002-7902-8668
E-mail: clairsv@mail.ru

Belokon Svetlana Alexandrovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University.
Russian Federation, Donetsk.
Associate Professor at Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.
ORCID 0000-0002-7902-8668
E-mail: clairsv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81’27
DOI: 10.5281/zenodo.23946016

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ЦХИНВАЛА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЧНОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2026 *М.Д. Валиева*
Государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова»
ORCID 0009-0000-1866-3249

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена анализу лингвистического ландшафта города Цхинвала как визуального отражения современной языковой ситуации Республики Южная Осетия. Эмпирическую основу исследования составили 105 фотографий объектов публичного пространства, собранных автором в 2026 г. Все зафиксированные объекты были распределены по пяти функционально-семиотическим категориям: официально-административные знаки, коммерческие вывески, мемориальные объекты, граффити и объявления. Исследование выполнено с использованием методов социолингвистического анализа, геосемиотики и концепции семиотического ландшафта, а также элементов количественного анализа. В результате выявлено функциональное распределение осетинского, русского и английского языков в различных сферах городской коммуникации. Количественный анализ показал несоответствие между высокой символической представленностью осетинского языка в официальном и мемориальном пространстве и его ограниченным использованием в коммерческой и повседневной коммуникации, тогда как русский язык сохраняет доминирующее положение в большинстве коммуникативных доменов. Полученные результаты позволяют рассматривать лингвистический ландшафт как важный индикатор языковой ситуации и языковой политики в Республике Южная Осетия, а также как дополнительный инструмент оценки функционального статуса и витальности осетинского языка.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, семиотический ландшафт, геосемиотика, Цхинвал, Южная Осетия, осетинский язык, билингвизм, языковая идентичность, постконфликтное пространство.

Для цитирования: Валиева М.Д. Лингвистический ландшафт Цхинвала: социолингвистический анализ публичного языкового пространства / М.Д. Валиева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 161–173. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23946016.

Введение. В современной социолингвистике публичное пространство рассматривается как важный индикатор языковой ситуации, языковой политики и символической репрезентации идентичности. Лингвистический ландшафт города — совокупность письменных знаков в публичном пространстве — отражает не только реальные коммуникативные практики, но и статус языков, распределение их функций и культурные приоритеты сообщества [20, p. 23–25; 7, с. 90–91]. В российском контексте исследования языкового ландшафта активно развиваются в последнее десятилетие: анализ визуальной представленности языков в городском пространстве позволяет выявить не только реализуемую языковую политику, но и невидимые ранее сообщества, а также лакуны в регулировании публичной коммуникации [3, с. 50–51].

Для Республики Южная Осетия особый интерес представляет функционирование осетинского языка в городском пространстве Цхинвала. Осетинский язык обладает высоким символическим статусом, закрепленным конституционно, и служит ключевым маркером национальной идентичности. Однако характер его реальной представленности в публичной среде, соотношение с русским и иностранными языками, а также распределение функций между ними остаются недостаточно изученными.

Цель настоящей статьи — на основе эмпирического материала описать структуру лингвистического ландшафта Цхинвала и выявить соотношение символической и функциональной репрезентации осетинского языка в городском пространстве. Исследование направлено на поиск ответа на следующий вопрос: соответствует ли высокая символическая представленность осетинского языка в публичном пространстве Цхинвала его реальной функциональной роли в различных сферах городской коммуникации? Для ответа на данный вопрос анализируются как официальные, так и неофициальные элементы лингвистического ландшафта города.

Материалы и методы исследования. Исследование опирается на концепцию лингвистического ландшафта, впервые сформулированную Р. Ландри и Р. Бурхисом [20, p. 23–25] и развитую в работах по семиотическому ландшафту [21, p. 1–40] и геосемиотике [21, p. 2–14]. Согласно геосемиотическому подходу требуется анализировать знак в единстве трех аспектов: текста, материального носителя и местоположения [21, p. 2–14], что особенно важно при работе с поврежденными табличками, многослойными надписями и знаками, намеренно сохраняющими следы прошлого. Городская среда как семиотический текст, формируемый под влиянием исторических личностей и социальных институтов, рассматривается, в частности, в работе А.П. Петренко [7, с. 134–135] на примере Феодосии.

Отечественная традиция изучения «языка города» заложена еще в 1920-е гг. Б.А. Лариным и А.А. Шахматовым и прошла несколько этапов, обобщенных в обзорах А.А. Юнаковской [14, с. 160–164] и Н.В. Исмагиловой, О.А. Майоровой [5, с. 900–907]. А.А. Юнаковская [14, с. 160–161] подчеркивает, что предметом анализа становятся все разновидности городской речи, формирующие особый «код города». Н.В. Исмагилова и О.А. Майорова [5, с. 904] акцентируют внимание на необходимости комплексного подхода для полиэтнических городов.

Для дифференциации функций уличных знаков продуктивно разграничение на официальные (top-down) и неофициальные (bottom-up) [15, p. 52–64]. Данная классификация, восходящая к работе Э. Бен-Рафаэля и коллег [16, p. 10], позволяет разграничить сферы прямой государственной языковой политики и низовой агентивности. Для анализа типов многоязычия отдельных знаков мы опираемся на классификацию П. Бакхауса, выделяющего монофонные (текст на одном языке), омофонные (полное дублирование текста на нескольких языках) и полифонные (частичное дублирование) знаки [15, p. 90–92]. В полиэтнических регионах лингвистический ландшафт становится полем пересечения двух разнонаправленных тенденций — глобализации и национально-культурной самоидентификации [8, с. 91–92]. Как показывают исследования на российском материале, именно неофициальные знаки, создаваемые «снизу», обладают наибольшим потенциалом для отражения реального многоязычия городского сообщества, в то время как официальные знаки транслируют скорее декларируемую государственную языковую политику [3, с. 115–116; 2, с. 632–634]

Для анализа использовалась методика категоризации знаков, широко применяемая в исследованиях лингвистического ландшафта [15, p. 158; 14, p. 89]. Каждый объект кодировался по следующим параметрам: язык надписи (осетинский, русский, английский либо смешанный вариант), количество используемых языков, тип агента

(государственный, коммерческий, общественный, частный), функциональное назначение знака, а также наличие этнокультурной символики.

Материалом послужили цифровые фотографии уличных вывесок, указателей, рекламных конструкций, мемориальных надписей и граффити, сделанных в центральной части Цхинвала в 2026 г. Принадлежность съемки к Цхинвалу надежно прослеживается по повторяющимся маркерам: флагам Республики Южная Осетия, официальным вывескам на осетинском и русском языках, уникальной топонимике (улицы И. Сталина, Героев, С. Коблова, Р. Кочисовой) и памятникам, связанным с событиями августа 2008 г. Фиксация проводилась методом сплошной маршрутной съемки. Анализ носил преимущественно качественный характер, однако для выявления общих закономерностей использовались также элементы количественного анализа, позволяющие установить распределение языков по различным типам знаков.

В качестве дополнительного источника данных привлекались локальные наблюдения и историко-топонимические заметки, опубликованные общественным активистом М. Гугкаты в открытом доступе в социальных сетях в 2025 г. Эти материалы использовались исключительно как вспомогательный ресурс для интерпретации отдельных случаев и не являются основным источником.

Всего было зафиксировано 105 объектов городской письменной коммуникации. Шесть файлов представляли собой сложные композиции (например, вид на здание с несколькими разнотипными вывесками), которые не поддавались однозначной классификации без дублирования счета. Поэтому итоговая сумма по категориям составила 99 единиц, принятых за 100% для дальнейших расчетов.

Основная часть.

Таблица 1. Распределение объектов по категориям

Категория	**Количество**	**Доля (%)**
Официально-административные	41	41,4
Коммерческие	46	46,5
Мемориальные	4	4,0
Граффити и неформальные надписи	5	5,1
Объявления	3	3,0
Итого	99	100

Как видно из таблицы 1, две доминирующие группы — коммерческие и официально-административные объекты — в совокупности составляют почти 88% всего зафиксированного материала. Коммерческие знаки численно превосходят официальные, что свидетельствует о высокой роли бизнеса в формировании современного визуального облика Цхинвала. В то же время значительная доля официальных объектов (свыше 40%) обеспечивает стабильную видимость государственной языковой политики в публичном пространстве. Мемориальные и неформальные объекты, напротив, представлены ограниченно, однако их семиотическая насыщенность непропорционально высока по сравнению с количественными показателями.

Таблица 2. Языковое распределение зафиксированных объектов

Язык оформления	**Количество**	**Доля (%)**
Только русский	39	39,4
Только осетинский	6	6,1
Русско-осетинский билингвизм	32	32,2
Русский+английский	14	14,1

Многоязычные конструкции	4	4,0

Примечание: Сумма долей рассчитана от 99 классифицированных объектов.

Полученные данные свидетельствуют о преобладании русского языка как самостоятельного средства публичной коммуникации (39,4%). Осетинский язык в моноязычном варианте представлен минимально (6,1%) — это преимущественно названия блюд, брендовые имена и отдельные граффити. В то же время осетинско-русский билингвизм охватывает почти треть всех зафиксированных объектов (32,3%), что указывает на высокую символическую значимость осетинского языка при его относительно ограниченной самостоятельной функциональной нагрузке. Английский язык (14,1%) сосредоточен в основном в названиях кофеен, граффити и вывесках международных брендов.

Государственные учреждения — Министерство здравоохранения, культуры, Верховный и Городской суды, Национальный банк, библиотеки, школы — демонстрируют строгий двуязычный формат: каждая вывеска дублируется на русском и осетинском языках. Визуальный код подчеркнуто строг (бордовый, синий, золото) и обязательно включает государственный герб и флаг Республики. Осетинский текст здесь, как правило, расположен выше или левее русского, что является визуальным знаком приоритета титульного языка [21, p. 121]. Жесткое дублирование на всех уровнях административной сферы подчеркивает статус осетинского языка как государственного и его равноправие с русским в официальной сфере. С точки зрения типологии многоязычия П. Бакхауса [15, p. 90–92], все официальные знаки данной категории относятся к омофонному типу: текст на осетинском и русском языках полностью дублируется, что соответствует модели «строгого двуязычия», предписанной республиканским законодательством. Этот слой полностью соответствует модели официальной языковой политики, нацеленной на утверждение приоритетного статуса осетинского языка. Официально-административные знаки составляют 41,4% выборки — это одна из доминирующих категорий.

Топонимика Цхинвала хранит следы советского прошлого: улица И. Сталина — редкий, практически уникальный для постсоветского пространства маркер консервативной памяти о СССР, а также улицы Ю. Гагарина, Героев, С. Коблова, Р. Кочисовой. Мемориальные доски фиксируют память о Героях Советского Союза (Чочиев В., Коблов С.), революционерах (Плиев А., Тибилов А.), участниках афганской войны (Сиукаев И.), деятелях культуры (Ф. Харебати, Л. Касоев). В терминах геосемиотики эти доски представляют собой «семиотические агрегаты», смысл которых создается не только вербальным текстом, но и материалом, шрифтом и расположением [21, p. 147–153]. Как подчеркивает Н.П. Пешкова на материале Уфы, отсылки к дореволюционному и советскому прошлому вызывают устойчивый интерес у всех возрастных групп горожан [8, с. 98], и Цхинвал в этом отношении не исключение.

Говоря о лингвистическом ландшафте города, нельзя обойти стороной его неофициальную, «народную» топонимику. В Цхинвале, как и во многих постсоветских городах, сложилась уникальная система устных названий городских микрорайонов (хоронимов-прозвищ), которая не зафиксирована в юридических документах, но является живым маркером локальной идентичности. В повседневной речи местные жители используют эти названия гораздо чаще, чем официальные административные округа. Как отмечает исследователь И.Д. Бекоева, функционально такие урбанонимы и хоронимы-прозвища тесно связаны с экспрессивными и оценочными компонентами,

которые оказывают прагматический эффект на реципиента в силу особенностей вторичной номинации [4, с. 66–68].

Здесь переплелись самые разные влияния. Ряд названий отсылает к промышленным объектам и градостроительным решениям советской эпохи (ЦАРЗ — Цхинвальский авторемонтный завод; **Массив** — от городской застройки в два ряда пятиэтажек; **Текстил** — район бывшей текстильной фабрики). Другие представляют собой экзотичные городские топонимы-прозвища, возникшие в советское время из-за местного колорита или моды (например, район **Сан-Бабила**, названный в честь нашумевшего итальянского фильма 70–80-х годов, а также микрорайон **Шанхай**).

Особую научную ценность представляют этимологии древних устных названий цхинвальских районов. Так, хороним **Дыргвис**, согласно топонимическим исследованиям З.Д. Цховребовой и Ю.А. Дзиццойты, впервые зафиксирован в начале XVIII века в форме *Дгвриси*, обозначая небольшое село на южной окраине города. При передаче на русский язык он транскрибируется и подвергается морфограмматической адаптации — к основе *Дыргвис* прибавляется флексия родительного падежа *-а* (Дыргвиса), как формальный показатель русского языка [13, с. 275, 298, 302; 4, с. 67]. Другой район, **Богири**, этимологически восходит к грузинскому слову *богири* — «мостик». Это название сохранило память о временах, когда район был окраиной города, через которую протекала речка с перекинутым через нее мостиком.

В народной топонимике также отразилось многонациональное прошлое Цхинвала, который в прошлом был крупным торговым поселением. По сей день в устной речи сохранились названия **Уирæгты сых** (Еврейский квартал) и **Сомихы сых** (Армянский квартал), которые служат свидетельством исторического сосуществования на этой территории осетин, грузин, армян и евреев. Исключительный интерес представляет хороним **Евкъамбед** (Евкомбед) — название старого района города, образовавшееся по принципу метонимического переноса. В основе лежит эргоним (название организации) 30-х годов XX века — «Еврейский комитет бедноты», который переводился на осетинский язык с учетом внутренней структуры слова, но с сохранением его графической и звуковой формы. В ономастическое поле этого хоронима, таким образом, включен как сам эргоним, так и ойкодомоним (название здания) — *Дом Евкомбеда* (Еврейский дом) [4, с. 67].

Однако наиболее интересным для нашего исследования является случай современной визуальной фиксации народного топонима. Над одной из центральных проезжих частей города на металлическом каркасе перетянута баннерная вывеска с огромными золотисто-желтыми буквами: **«ТЕКСТИЛ»**. По краям она украшена государственными флагами Республики Южная Осетия. Это редчайший пример того, как устное народное название (неофициальный топоним) получило официально-неофициальное физическое воплощение в актуальном урбанистическом пространстве.

Помимо этого, данный визуальный маркер демонстрирует феномен **языковой осетинизации** советского заимствования. В русском литературном языке слово звучит как «текст**и́**ль» с ударением на втором слоге и мягким знаком на конце, обозначающим смягчение согласного [л’]. В устной же речи цхинвальцев, где русский язык функционирует в плотном контакте с осетинским, произошла естественная фонетическая ассимиляция: ударение сместилось на первый слог («**ТЕ́**кстил»), а мягкий знак на конце исчез полностью, так как в осетинском языке, в отличие от русского, отсутствует фонематическая палатализация (смягчение согласных на конце слова).

Таким образом, перед нами не просто материальный знак бывшей промышленности, а визуально зафиксированный процесс языковой аккультурации. Как

резюмирует И.Д. Бекоева, хоронимы-прозвища районов в конечном итоге являются **когнитивно-прагматическим инструментом сохранения, отражения и познания окружающего мира, а также средством передачи информации, отражающей этнолингвокультурные характеристики топографического пространства**. Бывшая советская фабрика, превратившись в народный топоним, была переосмыслена жителями через призму родной фонетики, адаптирована под законы родного языка и возрождена в современной среде. Этот случай наглядно демонстрирует, как индустриальное наследие, историческая топонимия, устная память и национальная языковая идентичность переплетаются в уникальной урбанистической среде Цхинвала.

К этому же слою примыкает недавний акт частной коммеморации: после смерти последней представительницы еврейской общины Цхинвала — Джинджихашвили Р.М. — на ее могиле по личной инициативе установлена плита с надписями на осетинском, иврите и русском (зафиксировано М. Гугкаты, 2025). Трехъязычная надпись символически обозначает исчезновение целой этнической группы, одновременно вписывая еврейское наследие в полиэтническую историю города. Подобно тому, как в Феодосии, по наблюдению А.П. Петренко [7, с. 139–140], личность Айвазовского стала семиотическим центром, вокруг которого выстроился «текст города», в Цхинвале частные жесты и государственная политика памяти совместно формируют сложный мемориальный ансамбль, отражающий множественность идентичностей. Несмотря на то, что мемориальные объекты составляют лишь 4% выборки, их семиотическая плотность чрезвычайно высока: это один из самых насыщенных мемориальных ландшафтов на единицу площади.

Коммерческие вывески активно используют национальные образы: «Ирон Фарн» (осетинское благоденствие), «Ирон Цай» (осетинский чай), «Сослан», «NARTЫ», «Кодекс Аланской чести». Особое место занимает гастрономический код: «Фыдджын» (название пирога с мясом), «Уæлибæх» (название пирога с сыром), «Картофджын» (название пирога с картошкой), меню на осетинском языке. К этому же ряду примыкают гибридные номинации, в которых диалектные и морфологические особенности осетинского языка непосредственно вводятся в публичное пространство. Так, в одном из продуктовых магазинов Цхинвала автором были приобретены замороженные изделия, на упаковке которых значилось: «Хæжарон чебупелитæ» (с начинками: мясо, картофель с сыром, сыр). Само слово *чебупели* представляет собой сложившееся в русской разговорной лексике наименование, образованное сложением основ *чебурек* и *пельмени*. Осетинский показатель множественного числа *-тæ*, присоединенный к этой основе, создает морфологический гибрид, наглядно демонстрирующий транслингвальный характер современной городской коммуникации. Форма *хæжарон* отражает характерный для южноосетинского (кударского) говора переход аффрикаты [дз͡] в [ж] при литературном *хæдзарон* ‘домашний’. Появление диалектной формы на коммерческой вывеске, а не литературного варианта, свидетельствует о том, что в сфере неформальной экономической коммуникации именно локальный узус, а не кодифицированная норма обладает для производителя большей прагматической ценностью: *хæжарон* апеллирует к идентичности «своих» и маркирует продукт как изготовленный здесь, а не привезенный. Этикетные формулы «Æгас нæм цæут!» и «Табуафси» служат дополнительными маркерами «осетинскости» в публичном пространстве.

Принципиально иной случай использования осетинского языка в коммерческой сфере демонстрирует рекламный постер медицинской лаборатории, зафиксированный автором на автобусных остановках Цхинвала. В отличие от рассмотренных выше примеров, тяготеющих к этнографическому брендингу, данный текст целиком выполнен

на осетинском языке и обслуживает современную платную медицинскую услугу. Заглавный слоган построен как бытовой риторический вопрос: «Дæ хæдтулгæмæгæ хорз зилыс! Де ’нæниздзинадмæ та?» («Ты хорошо заботишься о своей машине! А о своем здоровье?»). Нижняя часть постера, содержащая название лаборатории, перечень услуг, адрес и контактный телефон, также выполнена по-осетински, без переключения на русский язык. Таким образом, в данном случае осетинский язык выступает не как символический маркер этнической принадлежности, а как полноценное средство информационной и убеждающей коммуникации. Единичность подобного примера не позволяет говорить о сложившейся тенденции, однако само его появление свидетельствует о потенциальной способности осетинского языка обслуживать коммерческий дискурс за пределами традиционной этнокультурной ниши.

Однако сопоставление с данными о советском периоде обнаруживает заметный контраст. В советскую эпоху ключевые объекты носили осетинские названия: кинотеатры «Ирыстон», «Фидиуæг», «Чермен», гостиницы «Алан» и «Ирыстон», рестораны «Фатима», «Эрцъо», магазин «Фарн», Детский мир «Малусæг». В постсоветский период преобладают названия, тяготеющие к русскому и глобализированному регистру: гостиницы «Виктория», «Корона», рестораны «Ассель», «Винченцо», торговые центры «Вершина», «Империал», «Солнечный». Даже там, где возможен прямой перевод (например, «Хурзæрин» для «Солнечного»), он не производится. В ходе неформальной беседы с владельцем одного из коммерческих объектов было отмечено, что осетинские названия воспринимаются как «старомодные», в то время как русские и иностранные ассоциируются с «современностью» и «успешностью». Данная мотивация представляет собой проявление языковой идеологии — «набора представлений о языке, который формулируется людьми в целях рационализации воспринимаемых языковых структур и использования языка» [22, p. 193]. В терминах М. Хеллер, осетинский язык в коммерческой сфере подвергается коммодификации, то есть превращается в символический товар, используемый преимущественно для маркирования аутентичности заведения в нише «этнографического брендинга» [19, p. 102; ср. 6, с. 87]. При этом его коммодификационная ценность остается низкой по сравнению с русским и английским языками, которые индексируют «современность» и «успешность» бизнеса. Этот комментарий иллюстрирует рыночные механизмы, способствующие вытеснению осетинского языка из коммерческой сферы. Аналогичная ситуация описана на материале Улан-Батора, где коммодификация миноритарных языков в коммерческой сфере также оказывается ограниченной, а их присутствие на вывесках мотивировано скорее неутилитарными, символическими соображениями [11, с. 147–148].

Спонтанные надписи резко контрастируют с официальным билингвизмом. Граффити «КÆД ИРОН ДÆ, УÆД ИРОНАУ ДЗУР» (Если ты осетин, говори по-осетински) — прямой языковой активизм. Одновременно присутствуют англоязычные граффити «ROCK STARS NEVER DIE», «NO RISK, NO STORY», названия вроде «Dolce Vita», «MASSIV coffee» и реклама мировых брендов (Nike, Adidas). По Джоворски и Терлоу [18, p. 8–12], это пример реконтекстуализации глобальных дискурсов в локальной среде. Показательно, что на материале Уфы Н.П. Пешкова [8, с. 98–99] зафиксировала сходную картину: более 90% молодежи положительно оценивают присутствие английского языка в городском ландшафте, видя в нем связь с глобальным миром, и одновременно демонстрируют высокий уровень внимания к качеству родного языка. Сходные выводы о функциональной второстепенности миноритарных языков относительно русского в языковом ландшафте были получены и на материале Кызыла и

Улан-Удэ, где бурятский и тувинский языки также используются преимущественно в символической функции [10, с. 32–34]. В Цхинвале эта двойственность выражена особенно ярко: национальный призыв и глобальные слоганы соседствуют в одном визуальном поле. Подобная амбивалентность языковых идеологий — сочетание позитивного отношения к присутствию миноритарного языка в публичном пространстве с отсутствием активных действий по расширению его использования — зафиксирована и в других полиэтничных регионах России: на материале Улан-Удэ В.В. Иванов показывает, что для носителей бурятского языка также характерна высокая символическая ценность языка как маркера идентичности при его низкой инструментальной ценности [6, с. 95–96; 8, с. 155–157].

Ржавая, деформированная табличка Республиканского родильного дома с пробоиной — индексальный знак травмы [21, p. 14]. Соседство с табличкой «Объект восстановлен на средства финансовой помощи Российской Федерации» создает нарратив о преодолении разрушений. К этому же слою примыкают памятники погибшим в 2008 г. (Багаты А., Джиоты А.), мемориалы воинам-афганцам и Великой Отечественной войны, формирующие плотный траурный и героический фон. Цхинвал предстает как город, который постоянно напоминает жителям о жертвах и стойкости, а письменные знаки в этом процессе играют ключевую роль.

Результаты исследования позволяют говорить о специфической модели языкового сосуществования в публичном пространстве Цхинвала, которую можно охарактеризовать как символическое преобладание осетинского языка при функциональном доминировании русского языка. Осетинский язык обладает высокой репрезентативностью в государственных, мемориальных и этнокультурных контекстах, тогда как русский язык сохраняет ведущие позиции в коммерческой, информационной и повседневной городской коммуникации.

Количественные данные подтверждают этот вывод: при 39,4% моноязычных русских знаков и 32,3% русско-осетинских билингвальных конструкций, чисто осетинские надписи составляют лишь 6,1% выборки. Осетинский язык, таким образом, значительно чаще выступает в паре с русским, нежели самостоятельно.

Диахроническая перспектива, предоставленная наблюдениями М. Гугкаты (2025), лишь усиливает этот вывод: утрата осетинских названий кинотеатров, магазинов и гостиниц сигнализирует о снижении символического престижа родного языка в сферах, находящихся вне прямого государственного регулирования. В этом контексте граффити-призыв «КÆД ИРОН ДÆ…» читается как низовая реакция на языковой сдвиг, а его расположение в публичном пространстве — как попытка вернуть осетинскому языку функциональную значимость.

Вместе с тем, как показывает исследование Н.П. Пешковой на примере Уфы [8, с. 100–101], порядок языков на вывесках и способ их визуального оформления могут либо провоцировать межэтническое напряжение, либо блокировать его. В Цхинвале осетинский систематически помещается выше или левее русского, что визуально закрепляет приоритет титульного языка. В отличие от уфимских «двойных» табличек, снимающих вопрос о лидерстве, цхинвальский вариант прямо декларирует иерархию — и эта стратегия не вызывает явного отторжения, но и не решает проблему функционального сужения осетинского языка.

Сама постановка вопроса о необходимости всестороннего изучения «кода города», включая его визуальную составляющую, была сформулирована уже в обзорной работе А.А. Юнаковской [14, с. 162–163]. Наше исследование вносит вклад в реализацию этой программы, фокусируясь на письменном сегменте кода. Н.В. Исмагилова и

О.А. Майорова [5, с. 903] подчеркивают, что в многонациональных городах языковое контактирование порождает сложные явления интерференции и требует дальнейшего системного изучения. Цхинвальский материал подтверждает этот тезис, добавляя к нему измерение постконфликтности.

Таким образом, лингвистический ландшафт Цхинвала представляет собой семиотически насыщенное пространство, в котором конкурируют символическая и информативная функции языка [20, p. 25], а распределение языков на знаках различного происхождения отражает как официальную языковую политику, так и неформальные языковые идеологии горожан. Визуальная среда города выступает зеркалом социальной структуры и одним из индикаторов современного состояния осетинского языка в Республике Южная Осетия.

Заключение. Проведенный анализ лингвистического ландшафта Цхинвала демонстрирует, что публичное пространство города функционирует как многомерный семиотический ансамбль, в котором переплетаются несколько гетерогенных слоев: советское топонимическое наследие, государственный осетино-русский билингвизм, следы военной травмы и постконфликтного восстановления, а также глобализированные коммерческие дискурсы. Каждый из этих слоев имеет свою материальную репрезентацию и прагматическую нагрузку, однако их пересечение создает уникальную городскую текстуру, требующую прочтения через призму геосемиотики и социолингвистической теории.

Количественные данные выявили устойчивый разрыв между символической и функциональной представленностью осетинского языка. Получив высокую репрезентативность в официально-административной (41,4% объектов) и мемориальной сферах, осетинский язык сохраняет доминирование как маркер государственного суверенитета и этнокультурной идентичности. Однако в коммерческом сегменте, составляющем 46,5% всех зафиксированных знаков, он функционально вытесняется русским языком (39,4% моноязычных русских вывесок и 14,1% вывесок с английским), занимая в основном нишу этнографического брендинга. Как показал анализ, в постсоветский период произошла заметная утрата осетинских номинаций в коммерческой сфере: ушедшие советские названия («Ирыстон», «Чермен», «Фарн») сменились русскими и глобализированными («Империал», «Виктория», «Корона»). Эта языковая динамика иллюстрирует процессы коммодификации языка, при которых осетинский язык превращается в символический товар, чья инструментальная ценность остается ограниченной по сравнению с ресурсами русского и английского языков, индексирующих «современность» и «коммерческий успех».

Вместе с тем, в исследовании был зафиксирован и противоположный феномен — визуальная репрезентация устных народных топонимов в материальных объектах городской среды. Случай с баннерной вывеской «ТЕКСТИЛ» выступает ярким примером геосемиотической фиксации хоронима-прозвища, а также демонстрирует механизмы языковой аккультурации на фонетическом уровне (адаптация заимствования под отсутствие палатализации в осетинском языке). Народная топонимика («Дыргвис», «Богири», «Евкомбед», «Сан-Бабила») в этом контексте предстает не просто как маргинальный фольклорный элемент, а как мощный когнитивно-прагматический инструмент сохранения исторической памяти, этнолингвокультурной информации и полиэтнической идентичности. Частные акты мемориализации (например, установка трехъязычной плиты на могиле последней представительницы еврейской общины) служат дополнительным подтверждением того, что в Цхинвале сохраняется потенциал низовых инициатив по поддержанию мультилингвального и поликультурного наследия.

Особую роль в цхинвальском лингвистическом ландшафте играет слой постконфликтной травмы. Поврежденные таблички, памятные комплексы героям 2008 года и таблички о восстановлении на средства Российской Федерации создают плотный нарратив о жертвах, стойкости и внешней поддержке. В терминах геосемиотики, подобные артефакты выступают как «индексальные знаки», чей смысл создается не только текстом, но и материальным состоянием объекта, его историей и местоположением.

Таким образом, лингвистический ландшафт Цхинвала отражает асимметричную модель общественного билингвизма, характеризующуюся *символическим доминированием осетинского языка при функциональном преобладании русского*. Сложившийся социолингвистический габитус, при котором высокий символический статус титульного языка не конвертируется в его активное использование за пределами строго регламентированных официальных и этнокультурных контекстов, создает устойчивую социолингвистическую инерцию. Данный разрыв не является статичным: он динамично реагирует как на запросы рыночной экономики (вытесняя осетинский из коммерции), так и на единичные контр-тренды (народная визуализация устных топонимов или появление медицинской рекламы на осетинском). Дальнейший мониторинг этого пространства, осуществляемый с использованием методов, предложенных в работах по российским полиэтническим городам, позволит проследить, будет ли этот разрыв углубляться под давлением глобализации или же низовые инициативы и целенаправленная языковая политика смогут вернуть осетинскому языку утраченные функциональные ниши. В любом случае, лингвистический ландшафт Цхинвала остается одним из наиболее показательных индикаторов актуальной языковой ситуации и коллективной идентичности в Республике Южная Осетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова В. В. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга / В.В. Баранова, К.С. Федорова // Городские исследования и практики. — 2017. — Т. 2. — № 1. — С. 103–121.
2. Баранова В. В. Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство / В.В. Баранова, К.С. Федорова // Журнал исследований социальной политики. — 2020б. — Т. 18. — № 4. — С. 625–640.
3. Баранова В. В. С. Видимо-невидимо: миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга / В.В. Баранова, К. С. Федорова // Laboratorium: журнал социальных исследований. — 2020. — № 1. — С. 48–80.
4. Бекоева И.Д. Прагматический аспект перевода топонимов в общественно-политической коммуникации / И.Д. Бекоева // Материалы секции «Лингвокультурологические и прагматические аспекты подготовки переводчиков». — С. 66–68.
5. Исмагилова Н.В. Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения / Н.В. Исмагилова, О.А. Майорова // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24, №4. — С. 900–907.
6. Иванов В.В. Ошибки в языковом ландшафте города Улан-Удэ / В.В. Иванова // Научный диалог. — 2025. — № 14 (10). — С. 74–102.
7. Петренко А.П. Формирование семиотического текста города Феодосии / А.П. Петренко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2017. — Т. 3 (69), № 3. — С. 134–143.
8. Пешкова Н.П. Лингвистический ландшафт как отражение процессов глобализации и национальной самоидентификации / Н.П. Пешкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — Вып. 3 (819). — С. 90–102.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. — М.: Наука, 1978. — 146 с.
10. Хилханова Э.В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий / Э.В. Хилханова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 3. — С. 148–162.

11. Хилханова Э. В. Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики / Э.В. Хилханова, Ч.Г. Ондар, В.В. Иванов, К.С. Акопян // Новые исследования Тувы. — 2024. — № 1. — С. 18–38.
12. Хилханова Э. В. Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии / Э.В. Хилханова, В.В. Иванов // Социолингвистика. — 2023. — № 2 (14). — С. 129–153.
13. *Цховребова З.Д.* Топонимия Южной Осетии / З.Д *Цховребова, Ю.А. Дзиццойты.* — в 3 т. Т. II: Знаурский район; Цхинвалский район. — М.: Наука, 2015. — С. 275, 298, 302.
14. Юнаковская А.А. «Язык города» как объект изучения (итоги и перспектива) / А.А. Юнаковская // Вестник Омского университета. — 2006. — № 4. — С. 160–164.
15. Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. — Bristol: Multilingual Matters, 2007. — 158 p.
16. Ben-Rafael E., Shohamy E., Hasan Amara M., Trumper-Hecht N. Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel // International Journal of Multilingualism. — 2006. — No. 3 (1). — P. 7–30.
17. Gorter D. Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. — Clevedon: Multilingual Matters, 2006. — 89 p
18. Jaworski A., Thurlow C. Introducing semiotic landscapes // Jaworski A., Thurlow C. (Eds.) Semiotic Landscapes: Language, Image, Space. — London: Bloomsbury Academic, 2017. — P. 1–40.
19. Heller M. The commodification of language // Annual Review of Anthropology. — 2010. — Vol. 39. — No. 1. — P. 101–114.
20. Landry R., Bourhis *R.Y.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. — 1997. — Vol. 16, No. 1. — P. 23–49.
21. Scollon R., Scollon S.W. Discourses in Place: Language in the Material World. — London; New York: Routledge, 2012. — 242 p.
22. Silverstein M. Language structure and linguistic ideology // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels / eds. P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. — Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. — P. 193–247.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

23. Гугкаты М. Историко-топонимические заметки и локальные наблюдения // Facebook. — 2025. — URL: https://www.facebook.com/share/p/1DoWqffxhE/?mibextid=wwXIfr (дата обращения: 12.06.2025

REFERENCES

1. Baranova, V. V., & Fedorova, K. S. (2017). (Ne)vidimost' i (vne)nakhodimost': trudovye migranty i yazykovoi landshaft Sankt-Peterburga [(In)visibility and (un)findability: Labor migrants and the linguistic landscape of St. Petersburg]. Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Studies and Practices], 2(1), 103–121. (In Russian)
2. Baranova, V. V., & Fedorova, K. S. (2020b). Regulirovanie yazykovogo landshafta v rossiiskikh gorodakh: mnogoyazychie i neravenstvo [Regulation of the linguistic landscape in Russian cities: Multilingualism and inequality]. Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies], 18(4), 625–640. (In Russian)
3. Baranova, V. V., & Fedorova, K. S. (2020a). Vidimo-nevidimo: migratsiya i transformatsiya yazykovogo landshafta Sankt-Peterburga [Visible-invisible: Migration and transformation of the linguistic landscape of St. Petersburg]. Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovanii [Laboratorium: Russian Review of Social Research], (1), 48–80. (In Russian)
4. Bekoeva, I.D. “The Pragmatic Aspect of Toponym Translation in Sociopolitical Communication” // Proceedings of the Section “Linguacultural and Pragmatic Aspects of Translator Training.” pp. 66–68.
5. Ismagilova, N. V., & Maiorova, O. A. (2019). Yazyk goroda kak sotsiolingvisticheskaya problema: perspektivy izucheniya [City language as a sociolinguistic problem: Research perspectives]. Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University], 24(4), 900–907. (In Russian)
6. Ivanov, V. V. (2025). Oshibki v yazykovom landshafte goroda Ulan-Ude [Errors in the linguistic landscape of Ulan-Ude]. Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], (14(10)), 74–102. (In Russian)
7. Petrenko, A. P. (2017). Formirovanie semioticheskogo teksta goroda Feodosii [Formation of the semiotic text of the city of Feodosia]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology], 3(69)(3), 134–143. (In Russian)
8. Peshkova, N. P. (2019). Lingvisticheskii landshaft kak otrazhenie protsessov globalizatsii i natsional'noi samoidentifikatsii [Linguistic landscape as a reflection of globalization and national self-identification processes]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], (3(819)), 90–102. (In Russian)

9. Podolskaya, N.V. “Dictionary of Russian Onomastic Terminology” / Ed. A.V. Superanskaya; Moscow: Nauka, 1978.
10. Khilkhanova, E. V. (2022). Yazykovaya ustanovka i yazykovaya ideologiya v zapadnoi i rossiiskoi nauke: o razgranichenii ponyatii [Language attitude and language ideology in Western and Russian scholarship: On the distinction of concepts]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], (3), 148–162. (In Russian)
11. Khilkhanova, E. V., Ondar, Ch. G., Ivanov, V. V., & Akopyan, K. S. (2024a). Yazykovye landshafty Kyzyla i Ulan-Ude kak zerkalo regional'noi yazykovoi politiki [Linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy]. Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva], (1), 18–38. (In Russian)
12. Khilkhanova, E. V., & Ivanov, V. V. (2023). Kommodifikatsiya yazykov i yazykovoi landshaft stolitsy Mongolii [Commodification of languages and the linguistic landscape of the capital of Mongolia]. Sotsiolingvistika [Sociolinguistics], (2(14)), 129–153. (In Russian)
13. Tskhovrebova, Z.D., Dzitsotsy, Yu.A. “Toponymy of South Ossetia”: in 3 volumes. Vol. II: Znaur District; Tskhinvali District. Moscow: Nauka, 2015.
14. Yunakovskaya, A. A. (2006). «Yazyk goroda» kak ob"ekt izucheniya (itogi i perspektiva) ["City language" as an object of study (results and prospects)]. Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University], (4), 160–164. (In Russian)
15. Backhaus, P. (2007). Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Bristol: Multilingual Matters.
16. Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M., & Trumper-Hecht, N. (2006). Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. International Journal of Multilingualism, 3(1), 7–30.
17. Gorter, D. (2006). Linguistic landscape: A new approach to multilingualism. Clevedon: Multilingual Matters.
18. Jaworski, A., & Thurlow, C. (2017). Introducing semiotic landscapes. In A. Jaworski & C. Thurlow (Eds.), Semiotic landscapes: Language, image, space (pp. 1–40). London: Bloomsbury Academic.
19. Heller, M. (2010). The commodification of language. Annual Review of Anthropology, 39(1), 101–114.
20. Landry, R., & Bourhis, R. Y. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. Journal of Language and Social Psychology, 16(1), 23–49.
21. Scollon, R., & Scollon, S. W. (2012). Discourses in place: Language in the material world. London; New York: Routledge.
22. Silverstein, M. (1979). Language structure and linguistic ideology. In P. Clyne, W. Hanks, & C. Hofbauer (Eds.), The elements: A parasession on linguistic units and levels (pp. 193–247). Chicago: Chicago Linguistic Society.

Поступила в редакцию 05.06.2026 г.

LINGUISTIC LANDSCAPE OF TSKHINVAL: SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS OF PUBLIC LANGUAGE SPACE

M.D. Valieva

The article deals with the analysis of the linguistic landscape of the city of Tskhinval as a visual reflection of the current language situation in the Republic of South Ossetia. The empirical basis of the study comprises 105 photographs of public space objects collected by the author in 2026. All the registered objects were classified into five functional-semiotic categories: official-administrative signs, commercial signage, memorial objects, graffiti, and announcements. The methods of sociolinguistic analysis, geosemiotics, and the concept of semiotic landscape, as well as elements of quantitative analysis have been applied in the study. As a result, the functional distribution of Ossetian, Russian, and English languages across various spheres of urban communication has been identified. The quantitative analysis has revealed a discrepancy between the high symbolic representation of the Ossetian language in the official and memorial space and its limited use in commercial and everyday communication, while the Russian language maintains a dominant position in most communicative domains. The results obtained make it possible to consider the linguistic landscape to be an important indicator of the language situation and language policy in the Republic of South Ossetia, as well as an additional tool for assessing the functional status and vitality of the Ossetian language.

***Key words**:* linguistic landscape, semiotic landscape, geosemiotics, Tskhinval, South Ossetia, Ossetian language, bilingualism, language identity, post-conflict space.

Валиева Мадина Дмитриевна.
Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова.
Доцент кафедры осетинского языка и общего языкознания.
ORCID 0009-0000-1866-3249.
E-mail: madina_vality@mail.ru

Valieva Madina Dmitrievna.
South Ossetian State University named after A.A.Tibilov.
Associate Professor, Department of Ossetian Language and General Linguistics.
ORCID 0009-0000-1866-3249.
E-mail: madina_vality@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI: 10.5281/zenodo.23972981

ИЗБЫТОЧНОСТЬ КАК СТИЛЕВАЯ ЧЕРТА ТЕКСТОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

© 2026 *С.Н. Безус[1], Н.С. Варфоломеева[2], М.А. Смирнова[3]*
[1-2]Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет»
[1-3]Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
ORCID[1] 0000-0001-7051-1533
ORCID[2] 0000-0002-6970-6875
ORCID[3] 0000-0002-5963-4249

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Исследование посвящено избыточности как особой черте официально-делового стиля испанского языка периода Средневековья. *Цель* работы — выявление в староиспанских текстах деловой письменности признаков избыточности на разных уровнях: лексическом, синтаксическом, информационном. *Результаты*: Испанский язык на ранних этапах своего развития уже обнаруживает признаки стилевой дифференциации. Первичные черты официально-делового стиля наблюдаются в манускриптах средневековой Испании как во внешней структуре документа (подобие формуляра), так и на внутреннем языковом уровне (канцеляризмы, юридические термины, шаблонные фразы, перформативы, плеонастические элементы). Наличие плеонастических элементов в различных конструкциях позволяет говорить об избыточности как особой стилевой черте. Одним из проявлений информационной избыточности является двойная датировка документа (по христианскому летосчислению и по системе испанской эры или эры Цезаря). Лексическая избыточность вербализуется в синонимическом сочинении (сцепке синонимов): предикатной, атрибутивной, объектной, обстоятельственной синонимии. Синтаксическая избыточность проявляется в структуре именной группы (например, наличие нескольких детерминативов), в структурах с удвоенными числительными, в местоименном выражении субъекта действия. *Практическая значимость*: результаты исследования могут быть полезны при изучении истории испанского языка, а также при освещении различных аспектов функциональной стилистики.

***Ключевые слова*:** испанский язык, средневековая Испания, документация, деловая письменность, избыточность, плеоназм, функциональный стиль, официально-деловой стиль.

Для цитирования: Безус С.Н. Избыточность как стилевая черта текстов деловой письменности средневековой Испании / С.Н. Безус, Н.С. Варфоломеева, М.А. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 174–184. — https://doi.org/ 10.5281/zenodo.23972981.

… составить самую простую деловую бумагу для меня воистину
каторжный труд. Мне легче исписать всю страницу стихами,
чем «учитывать вышеизложенное» и «получать нижеследующее».
К.И. Чуковский

Введение. В лингвистической литературе языковая избыточность, как правило, рассматривается как тенденция, противоположная «принципу экономии языковых

усилий». Оба принципа имеют конкретные способы (формы) языкового выражения. На явление избыточности как на свойство языка обратили должное внимание лишь в середине XX века, после описания ее К. Шенноном в теории информации в 1948 г. Затем избыточность стала рассматриваться уже в лингвистике как необходимое условие, обеспечивающее адекватный прием информации адресатом.

К настоящему времени накоплен солидный багаж знаний о различных видах избыточности в языке и речи и формах ее проявления. Однако с точки зрения характеристики средневекового официально-делового стиля избыточность не рассматривалась. Между тем переосмысление и анализ ранних образцов деловой письменности Испании под функционально-стилистическим углом позволяют говорить о том, что испанский язык уже в XII в. демонстрирует первичные признаки стилевой дифференциации. Таким образом, возникает необходимость в выявлении специфических черт официально-делового стиля на начальных этапах развития языка, что обусловливает **актуальность** данного **исследования**.

Научная новизна работы заключается в анализе текстов деловой письменности средневековой Испании с точки зрения функциональной стилистики.

Теоретическая значимость состоит в расширении и углублении знаний о явлении избыточности, некоторых аспектах функциональной стилистики и истории испанского языка.

Цель данной статьи — выявление в староиспанских текстах деловой письменности признаков избыточности на разных уровнях: лексическом, синтаксическом, информационном. **Предмет** исследования — формы проявления избыточности в средневековых текстах официально-делового стиля.

Методы и материал исследования. В работе применяются следующие методы исследования: *описательный метод*, *метод структурно-синтаксического анализа*, *метод контекстуального анализа*.

Материалом для настоящего исследования послужили, прежде всего, тексты из испанского цифрового архива CODEA (*Corpus de Documentos Españoles Anteriores a 1900)*, т.е. «Корпус испанских документов до 1900 года», а также документы из научных статей, других печатных и электронных изданий, представленных в списке источников.

Исследовательские результаты и их интерпретация.

1. Понятие избыточности и ее разновидности. Исследователи, как правило, дифференцируют языковую избыточность [5], [7], [8], [11], [15], речевую избыточность [8], [14], [15], информационную избыточность [17], избыточность текста [7], [17], в связи с чем часто возникает терминологическая несогласованность.

В *Словаре лингвистических терминов* избыточность определяется как «повторная (многократная) передача одной и той же информации как эксплицитно (плеоназм), так и имплицитно» [2, с. 167]. О.С. Ахманова также различает избыточность лексическую и стилистическую.

Языковая избыточность «присутствует в языке вне зависимости от ситуативных, контекстуальных и экстралингвистических факторов и служит для повторения информации, уже заданной другим элементом» [8, с. 108]. Так, И.В. Кузьмина иллюстрирует грамматическую избыточность в английском языке следующим примером: *When* ***it*** *come****s*** *to Terezia Mora the culture sections are unusually eloquent* [11, с. 145] — «Что касается Терезии Мора, то разделы, посвященные культуре, отличаются необычайной красноречивостью» (перевод с английского, испанского и латинского языков здесь и далее выполнен авторами статьи — *С.Б., Н.В., М.С.*). Кузьмина объясняет,

что окончание **-s** глагола указывает на 3-е лицо ед. ч., что дублирует грамматическое значение, выраженное местоимением **it**.

К языковой избыточности Е.М. Ручимская относит явление синонимии, т.е. «соответствие одной единицы плана содержания двум или более единицам плана выражения» [14, с. 37], хотя и признает, что при лексической синонимии полного совпадения плана содержания нет: «красотка» — это не совсем то же самое, что «красавица», т.е. синонимы равнозначны, но не тождественны.

Основной принцип речевой избыточности состоит «в воспроизведении идентичных элементов и ее мотивировании социально-лингвистическими и психолингвистическими факторами» [8, с. 108]. Такая избыточность проявляется на фонетическом, орфографическом, лексическом и синтаксическом уровнях [8].

У информационной избыточности есть не только качественные, но и количественные признаки. Это то свойство текста, «которое обеспечивает возможность успешного восприятия речи» [17, с. 90]. Более того, как утверждает Е.В. Ягунова, без информационной избыточности текст на естественном языке не может быть воспринят и понят адресатом. В исследовании показано, что избыточность характерна для текстов любого функционального стиля: обиходно-бытового, художественного, научного, публицистического, официально-делового.

2. Общая характеристика текстов деловой письменности средневековой Испании. Официально-деловой стиль отличается от других книжных стилей своей стабильностью, замкнутостью и стандартизованностью. Исследователи официально-делового стиля традиционно отмечают такие его общие свойства, как нейтральный тон изложения, официальность, логическую последовательность, завершенность, ясность, краткость, отсутствие образно-эмоциональной окрашенности, статичность, объективность изложения, точность, безличность и т.д. ([6], [9], [10], [16] и др.).

Официально-деловой стиль объединяет разные по содержанию и форме документы, которые служат средством общения между государственными органами, общественными учреждениями и частными лицами в процессе социальной, управленческой и производственной деятельности.

В письменных памятниках средневековой Испании уже в манускриптах XII–XIII вв. обнаруживаются признаки первичного функционально-стилевого расслоения: королевские, муниципальные, церковные и нотариальные бумаги оформлены по особым правилам (т.е. содержат подобие официального формуляра, «без которого грамота не обладает фактической юридической силой» [12, с. 4]) и составлены на особом канцелярском (деловом) языке, явно отличном от разговорного и литературного. Речь идет о различного рода документах: привилегиях (*privilegios*), приказах (*mandatos*), подтверждениях (*confirmaciones*), лицензиях (*licencias*), свидетельствах/показаниях (*testimonios*), приговорах (*sentencias*), соглашениях купли-продажи/аренды (*acuerdos de compra-venta/ arrendamento*), дарениях (*donaciones*) и т.п.

Экстремальные проявления того или иного стилистического признака, т.е. «стилистические полюса» [13, с. 115], обнаруживаются в деловой письменности средневековой Испании как во внешней структуре документа, так и на внутреннем языковом уровне.

Во внешней структуре манускрипта, как правило, различаются обязательные для данного типа текста формальные признаки, подразумевающие следующие *статические компоненты*:

1) Протокол

- заявленность адресанта;

- обращение к адресату.

2) Эсхатокол

- дата;
- место написания;
- формулы прощания и/или завершения контакта;
- подписи заверителей: адресанта/ свидетелей/ нотариуса.

Для староиспанских деловых писем XIII в. было характерно наличие двух структур датировки (вариант информационной избыточности): по христианскому летосчислению и по системе эра (*era hispánica*), которая отличалась от первой системы на 38 лет [4]. Например:

➢ (1236 г.) «*Fecha es esta carta in el mes de deziembre, IIII días per andar, año ab incarnatione Domini Jesu Cristi MCCXXXVI, era MCCLXXIIII, regnando el rey don Ferrando con su madre la reína doña Berenguela in Burgos*» [22: 0162] — «Это письмо составлено в декабре месяце, за четыре дня до его окончания, в год воскрешения Бога Иисуса Христа 1236, в год эры 1274, время правления короля дона Фернандо со своей матерью королевой доньей Беренгелой в Бургосе».

➢ (1246 г.) «*Esto fue fecho en Bizuezes en el mes de Iulio, el dia de Sancti Jacobi, delant estos testes: Iohan Ferrandez … . Facta carta era milesima ducentesima octuagesima quarta. Anno domini millesimo ducentesimo quadragesimo sexton*» [26, с. 390] — «Это (письмо) было написано в Bizuezes в месяце июле, в день Святого Иакова (т.е. 25 июля), перед лицом этих свидетелей: [имена]. Написано письмо в год эры 1284. Год от Рождества Христова 1246».

Динамические компоненты зависят от назначения документа. Так, например, в письме купли-продажи это может быть описание имущества (его расположение и состав), условия владения имуществом, условия передачи владения, условия оплаты, гарантийные условия, обязательства по сделке и т.п.

На языковом уровне тексты деловой письменности средневековой Испании отличаются наличием

- **канцеляризмов** («вышесказанное/ вышеуказанное» — *avandito/ sobredicho*, «заявленный и определенный» — *declarado e determinado*, «по приказу короля» — *por mandato del rey,* «собственноручно» — *cum proprias manos*, «в присутствии кого-то» — *en presencia de*, «отныне и навсегда» — *de aquí adelante e para siempre jamás* и т.п.);

- **юридических терминов** («де-факто и де-юре» — *de fecho e de derecho*, «по закону и по праву» — *en juro e en poder*, «кодициль» (дополнение к завещанию) — *carta de cobdicillo* и т.п.);

- **шаблонных фраз** («Да будет известно» — *Conocida cosa sea / Sabuda cosa sea / Manifiesta cosa sea*);

- **перформативов** («приказываю и повелеваю» — *mando y defendo*);

- **плеонастических элементов**.

Последнее, т.е. избыточное употребление различных языковых единиц, с одной стороны, обеспечивает такие характерные для официально-делового стиля черты, как точность, ясность и невозможность инотолкования; с другой, позволяет говорить об избыточности как отдельной стилевой черте.

3. Лексическая избыточность. Лексическая избыточность в текстах деловой письменности проявляется в так называемом **синонимическом сочинении** или **сцепке синонимов** [3, с. 141–143], вербализующемся в последовательности из двух и даже трех синонимичных слов, которые, однако «различаются между собой оттенками значения, т.е. небольшим сдвигом в семантике, обозначая как бы то же, да не то» [1, с. 341].

Синонимическое сочинение (с двух- и трехкомпонентными структурами однородных членов, часто усиленное полисиндетоном — примеры 1455 г., 1469 г.), т.е. плеонастическое употребление синонимов в тех местах, где достаточно было бы и одного слова, обнаруживается, прежде всего, у предикатов (***предикатная синонимия***). Ср.:

➢ (1213 г.) «*Estas arras vos **DÓ, <OTOR>GO** e **CONCEDO** cum montibus, e cum fontibus, e cum pascius*» [22: 0227] — «Это приданое Вам [я] **передаю** вместе с горами и с источниками, и с пастбищами». (dar — otorgar — conceder);

➢ (1294 г.) «*yo don Alfonsso por la gracia de Dios Rey de Castiella, de Toledo, de Leon, de Gallizia, de Seuilla, de Cordoua, de Murcia et de Jahen. **DO** et **OTORGO** á uos donna Sancha Nunnez la heredat que yo hy he en Auia et aquellos dos molinos*» [26, с. 392] — Письмо короля Кастилии Альфонса X, от 15 апреля — «Я, дон Альфонс, милостью Божьей король Кастилии, Толедо, Леона, Галисии, Севильи, Мурсии и Хаэна **даю** и **предоставляю** Вам, донья Санча Нуньес, имущество, которое я имею в Авиа, и те две мельницы» (dar — otorgar);

➢ (1348 г.) «*yo doña <...> de Cubas, vezina de la puebla de la Forcajada, otorgo e conosco que vendo a vós Pero Gómez de Contreras, vezino de Segovia, ocho yugadas de tierras que yo **HE** e **TENGO** en la dicha puebla*» [22: 2271] — «я донья … де Кубас, жительница поселка ла Форкахада, отчуждаю и осознаю, что продаю Вам, Педро Гомесу де Контрерас, жителю Сеговьи, восемь югад земли, которые **я имею** (и **имею**) в указанном поселке» (aver — tener);

➢ (1407 г.) «*yo Gonçalo Peres de Torieno, merino de la juridicion de Santo Toribio, conosco é otorgo … que **DO** é **DONO** al monesterio de señor Santo Toribio é á vos Johan Ferrandes, prior del dicho monesterio, vn solar de casa donde yo agora viuo*» [26, с. 422] — «я, Гонсало Перес де Торьено, окружной судья судебного округа Санто Торибьо, признаю и составляю [настоящее письмо]…, что **передаю** в дар монастырю Святого Торибьо и Вам, Хуану Феррандесу, приору указанного монастыря, дом (родовое имение), в котором я в настоящее время проживаю» (dar – donar);

➢ (1455 г.) «*yo Gonçalo del Águila, fijo de Diego Gonçález del Águila … de mi buena e propia e libre voluntad sin miedo e sin premia e fuerça e induzimiento de persona alguna … **DÓ** e **DONO** e **FAGO donación** pura perfecta e non revocable … a vós, Juan Gutiérrez de Vayas, canónigo en la iglesia de Ávila … de la parte e derecho de una huerta o solar*» [22: 2388] — «Я, Гонсало де Агила, сын Диего Гонсало де Агила … по моей собственной доброй воле и свободному волеизъявлению без страха и без вознаграждения, принуждения и побуждения со стороны кого бы то ни было … передаю и совершаю чистое, совершенное и неотменяемое дарение Вам, Хуан Гутьеррес де Вайас, каноник церкви Авилы, … части и права на сад или участок» (dar — donar — hacer donación);

➢ (1460 г.) «*el prior é monjes é conuento del monesterio de Santo Toribio de Lieuana me **SUPLICARON** é **ROGARON** que me ploguiese de les dar licençia para que podiessen pascer todos los sus ganados*» [26, с. 434] – «приор и монахи, и обитатели монастыря Святого Торибьо **умоляли** меня, чтобы я предоставил им разрешение, чтобы они могли пасти свой скот» (suplicar — rogar);

➢ (1516 г.) «*yr en esos Reynos por los **REGIR** y **GOVERNAR***» [23, с. 143] — Письмо Карла I от 10 октября — отправиться в эти земли (Королевства), чтобы там **управлять»** (regir — governar);

Синонимическое сочинение также встречается у атрибутов, объектов и обстоятельств. Ср.:

➢ (1294 г.) «*Et esta heredat et estos molinos sobredichos uos do et uos otorgo que los ayades **LIBRES** et **QUITOS** por juro de heredat*» [26, с. 392] — Письмо Альфонса X от 15

апреля — «И это имущество, и эти указанные мельницы дарую Вам, чтобы Вы ими владели **свободными** от юридического бремени».

➢ (1294 г.) «*E porque esto sea **FIRME e ESTABLE** mandamos seelar esta carta con nuestro sello de plomo*» [26, с. 392] — «Для того, чтобы это [письмо] было **прочным** и **стабильным**, мы приказываем заверить это письмо нашей свинцовой печатью».

➢ (1414 г.) «*nós, los dichos Sancho Martínez, e doña Catalina, su muger, de nuestras propias voluntades, non seyendo engañados nin falagados, vos fazemos donación **PURA, PERFECTA** e **VALEDERA***» [22: 2320] — «мы, указанные Санчо Мартинес и донья Каталина, его жена, по нашей собственной воле, не будучи обманутыми ни обольщенными, Вам осуществляем дарение **чистое, отличное** и **действительное»**.

***

➢ (1393 г.) «*Yo, el rey, por fazer **BIEN** e **MERGED** a vos …, fágovos merged de los seysgientos maravedís*» [21, с. 259]. — Письмо короля Кастилии Энрике III от 12 января — «Я, король, благосклонностью и милостью моей (*букв.* «сделать **благо** и **милость**») …, жалую Вам 600 мараведи…».

➢ (1469 г.) «*Por quanto el rey don Juan de esclarecida memoria mi señor e padre, cuya anima Dios aya, fizo merçed al muy reverendo in Christo padre don Alfonso Carrillo, arçobispo de Toledo, primado de las Españas, chanciller mayor de Castilla, de la villa del Corlo e de los **LUGARES** e **TIERRAS** e **TERMINOS** poblados e despoblados que son en los terminos de Bornova e Henares, que fueron del termino e jurediçion de la villa de Atiença*» [27, с. 26] — Письмо Энрике IV Альфонсу Каррильо от 16 ноября — «Поскольку король дон Хуан, прославленной памяти мой господин и отец, чья душа покоится у Бога (*букв.*: «Бог имеет»), пожаловал преподобному отцу во Христе дону Альфонсу Каррильо, архиепископу Толедо, примасу (первому духовному лицу) Испании, канцлеру Кастилии, городка Корло и других **мест**, и **земель**, и **участков**, населенных и пустынных, которые находятся в Борнове и Энаресе, которые были в границах и под юрисдикцией города Атиенс…».

***

➢ «*Por otra letra yce relación a vuestra magestad de la partida del capitán diego de almagro y navios y jente y bastimentos que llevo para las provincias del piru **en SOCORRO** y **AYUDA** del governador francisco pigarro su compañero y de la pacificación y población de la tierra*» [24, с. 11] — Письмо Карлу I от уполномоченного Эспинозы по поводу завоеваний Франсиско Писарро – «В другом своем письме я сообщал Вашему Величеству об уезде капитана Диего де Альмагро и о кораблях, людях и информации, которую он повез в провинции Перу **в помощь** губернатору Франсиско Писарро, его другу, для наведения мира и заселения территорий».

В текстах деловой письменности наблюдается также избыточное употребление причастия *dicho/sobredicho* «названный/вышеназванный» в рамках одного предложения. Ср.:

➢ (1292 г.) «*E yo Tomás el **SOBREDICHO** otorgo e vengo de coñoçudo que me obligo a complir estas cosas **SOBREDICHAS** en estos años **SOBREDICHOS** según que en esta carta se contiene*» [22: 0670] — «И я, **вышеназванный** Томас, передаю и даю знать, что я обязуюсь выполнить эти **указанные** вещи в эти **указанные** годы согласно тому, что содержится в этом письме».

➢ (1300 г.) *E yo el **SOBREDICHO** Alfonso López de Faro ruego e pido mercet al rey don Alfonso, mio señor, e …; en remissión de sus pecados e porque el **SOBREDICHO** conviento del Monesterio de Cañas …; de rogar a Dios por ellos, fágolos cabeçaleros d'esto que **SOBREDICHO***

es, que si por aventura alguno de los herederos fuesse contra este mi donadío que ***SOBREDICHO*** *es que fuesse tenido de pechar dos mil moravedís al que regnasse en Castilla e el heredamiento doblado al monesterio* ***SOBREDICHO***» [22: 0665] — «И я, **вышеуказанный** Альфонс Лопес де Фаро умоляю и прошу милости у короля дона Альфонса, моего господина, и … [текст отсутствует]; во искупление его грехов и потому что **указанный** монастырь Каньяс … [текст отсутствует]; прося Бога за них, возлагаю на них ответственность за всё **вышесказанное**, а если случайно кто-то из наследников будет против этого моего дарения, которое **указано выше**, должны будут заплатить две тысячи мараведи тому, кто будет править в Кастилии и в двойном размере **указанному** монастырю».

4. Синтаксическая избыточность.

Синтаксическая избыточность в текстах деловой письменности средневековой Испании проявляется в структуре именной группы. Данная синтаксическая категория часто образуется при помощи нескольких детерминативов в функции актуализатора (*actualizador*) [19, p. 26]: **[артикль + притяж. мест. + сущ.]**, что не характерно для современного испанского языка (ср.: либо *la tierra* ‘(эта) земля’, либо *mi tierra* ‘моя земля’, но НЕ **la mi tierra*).

Рамон Менендес Пидаль использование притяжательного местоимения в сопровождении определенного артикля квалифицирует как диалектизмы в архаичных регионах Сантандер, Самора, Миранда, Север Бургоса и т.п. [20, p. 256]. По словам ученого, такая особенность характерна для испанского языка раннего периода развития. Однако в текстах деловой письменности подобные плеонастические образования встречаются не только в ранних, но и в достаточно поздних документах, география которых выходит за рамки ареала, указанного Пидалем. Ср.:

(1162 г.) ***el mio*** *seello* [22: 0405] — Ла Рьоха – «моя печать»; (1232 г.) ***la mio*** *terra* [22: 0450] — Леон — «моя земля»; (1294 г.) ***los sus*** *lugares* [22: 0533] — Вальядолид — «их места (земли)»; (1298 г.) ***la nuestra*** *cassa* [22: 0708] — Ла Рьоха — «наш дом»; (1303 г.) ***los sus*** *ganados* [22: 2050] — Мадрид — «ваши стада»; (1340 г.) ***los nuestros*** *muros* [22: 0287] — Мадрид — «наши стены»; (1412 г.) ***los mis*** *regnos e señoríos* [22: 0544] — Вальядолид — «мои королевства и владения»; (1481 г.) ***los*** *dichos* ***mis*** *bienes* [22: 0173] — Гвадалахара — «указанное мое имущество»; (1502 г.) ***las*** *dichas* ***vuestras*** *mugeres* [22: 1344] — Леон — «указанные ваши жены»; (1516 г.) *todos* ***los*** *dichos* ***mis*** *bienes* [22: 0726] — Сантандер — «всё вышеперечисленное мое имущество»; (1527 г.) [en nombre de] ***los*** *dichos* ***mis*** *partes* [22: 1455] — Вальядолид — «[от имени] указанных моих сторон».

К плеонастическим структурам (конструкциям с избыточными элементами) в текстах деловой письменности можно отнести структуры с удвоенными числительными. Согласно полученным данным Алис Корр, редупликация числительных засвидетельствована в различных текстах X–XV веков, написанных не только на староиспанском, но и на старопортугальском языке, а также на средневековой иберийской латыни. Ср.:

- «*Mando a las XII capiellas de León* ***DOS DOS*** *sueldos*» [18, p. 327] — «[Я] оставляю **по два** (*букв.*: «два два») сольдо каждой из 12 часовен Леона».
- «*Aquestos aguardadores ayan* […] ***QUATRO QUATRO*** *marauedis*» [18, p. 350] — «Эти охранники должны получить … **по четыре** (*букв.*: «четыре четыре») мараведи каждый»;
- «*Item mando a netos e netas de Maior Vicente* ***CINQUE CINQUE*** *morabitinos*» [18, p. 328] — «[Я] также оставляю племянникам и племянницам майора Висенте **по пять** (*букв.*: «пять пять») мараведи каждому»;

➢ «*et pectabunt michi* ***QUINGENTOS QUINGENTOS*** *solidos*» [18, p. 328] — «И они заплатят мне **по пятьдесят** (*букв*.: «пятьдесят пятьдесят») сольдо каждый»;

➢ (1251 г.) «*mando … que trayan cada cavero* ***TRES TRES*** *bestias e non más*» [22: 0001] — «[я] приказываю …, чтобы каждый каверо (работник) принес **по три** (*букв*.: «три три») зверя, не больше».

А. Корр приходит к выводу о том, что удвоение числительных фиксируется в основном в дитранзитивных конструкциях (т.е. в конструкциях с трехвалентным глаголом) и указывает на распределение обладания между индивидами (т.е. «каждому»).

Для текстов староиспанской деловой письменности характерны также структуры с избыточным употреблением личных местоимений. Ср.:

➢ (1223 г.) «*Sepades que* ***YO FALLÉ*** *por pesquisa que mio avuelo mandó … E pues que esta pesquisa fallo,* ***YO MANDO*** *que*…» [22: 0650] — Письмо короля Кастилии Фернандо III от 11 июля — «Да будет вам известно, что **я нашел** распоряжение, в котором мой дед приказал… И в силу этого документа **я приказываю**, чтобы…».

➢ (1452 г.) «***YO É SABIDO*** *que* ***VOSOTROS ESTÁIS*** *quexosos de Cristóval Bermúdez, mi capitán, y porqu'* ***ÉL*** *agora* ***VA*** *allá sobre algunas cosas complidas a mi servicio e como sabéis* ***YO TENGO*** *cargo d'el grande por los muchos, e buenos e leales servicios qu'* ***ÉL*** *me* ***Á FECHO*** *e* ***FAZE*** *de cada día*» [22: 0376] — «**Я узнал**, что **вы жалуетесь** на Кристоваля Бермудеса, моего капитана, и поскольку **он** сейчас **едет** туда (в Толедо) по поводу выполнения некоторых моих поручений, и как [вы] знаете, **я несу** за него большую ответственность за многочисленные добрые и верные услуги, которые **он** мне **оказал** и **оказывает** каждый день».

Однако не все случаи употребления личных (субъектных) местоимений можно квалифицировать как избыточные. Например, в документе 1242 г. субъекты «мы» и «он» выделены в качестве топика, но в то же время противопоставлены друг другу, поэтому не могут квалифицироваться как «избыточные». Ср.:

➢ (1242 г.) «***NÓS*** *le* ***DAMOS*** *una faza de prado …; e* ***ÉL DA*** *a nós el prado de la Buelga*» [22: 0255] — «**Мы** ему **отдаем** часть луга…; а **он отдает** нам луг Буэльги».

Выводы. Оформление текстов деловой письменности средневековой Испании, даже самых первых их образцов, подчинено довольно строгим правилам как на уровне архитектоники (структурно-композиционном), так и на языковом уровне. Одной из специфических черт средневековых староиспанских документов является избыточность: информационная (проявляющаяся, например, в двойной датировке) и речевая (проявляющаяся в употреблении синонимов, нескольких детерминативов в составе именной группы, редупликации числительных, в употреблении личных местоимений для выражения субъекта действия и т.п.). Все это позволяет говорить о зарождении официально-делового стиля, отличного от обиходно-бытового (разговорного), и о первичной стилевой дифференциации испанского языка уже на ранних этапах своего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 384 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — М. : КомКнига, 2007. — 576 с.
3. Безус С.Н. Деловое письмо в средневековой Испании: историческая прагмалингвистика текста / С.Н. Безус. — М. : АВАНГЛИОН-ПРИНТ, 2013. — 279 с.
4. Безус С.Н. Особенности реквизита «дата» в деловых письмах средневековой Испании / С.Н. Безус // Язык и культура. — 2014. — № 3 (27). — С. 10–22.
5. Воейкова М.Д. Избыточность в системе языка и разные формы ее проявления / М.Д. Воейкова // Труды ИЛИ РАН. Том VI, часть 2. — СПб., 2010. — С. 9–21.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. — М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. — 448 с.

7. Грудева Е.В. Экспериментальное исследование избыточности / Е.В. Грудева // Труды ИЛИ РАН. Том VI, часть 2. — СПб., 2010. — С. 73–89.
8. Гуренков А.А. Языковая и речевая избыточность в условиях межкультурной коммуникации / А.А. Гуренков // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». — 2023. — № 3 (38). — С. 102–114.
9. Дускаева Л.Р. Стилистика официально-деловой речи / Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова. — М. : Издательский центр «Академия», 2011. — 272 с.
10. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. — М. : Просвещение, 1993. — 224 с.
11. Кузьмина И.В. Феномен языковой избыточности / И.В. Кузьмина // Вестник ИГЛУ. — 2011. — № 1. — С. 142–147.
12. Мозер М. Грамоты 17-го века как база изучения синтаксиса разговорного языка накануне создания русского литературного языка нового типа / М. Мозер // Opera Slavica. — 1995. — vol. 5, iss. 4. — Pp. 1–16.
13. Разинкина Н.М. Об устойчивости функционального стиля / Н.М. Разинкина // Вопросы языкознания. — 1986. — № 4. — С. 114–119.
14. Ручимская Е.М. Об избыточности и недостаточности языка и речи / Е.М. Ручимская // Русская речь. — 2016. — № 2. — С. 36–40.
15. Светличная В.Ю. Основные подходы к классификации речевой избыточности / В.Ю. Светличная // Гуманитарные и естественно-научные исследования: основные дискуссии. Материалы XXVIII Всероссийской научно-практической конференции: сб. статей. — Ростов-на-Дону : изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. — С. 172–176.
16. Солганик Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. — М.: Наука, 1997. — 256 с.
17. Ягунова Е.В. Исследование избыточности русского звучащего текста / Е.В. Ягунова // Избыточность в грамматическом строе языка / ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 2. — СПб. : Наука, 2010. — С. 90–114.
18. Corr A. Numeral Reduplication and Clausal Syntax: Grammaticalized Distributivity in Medieval Iberia / A. Corr // Probus. — 2022. — Nº 34 (2). — Pp. 317–365. https://doi.org/10.1515/probus-2022-0012
19. Gómez Torrego L. Análisis sintáctico. Teoría y práctica / L. Gómez Torrego. — Madrid, 2008. — 318 p.
20. Menéndez Pidal R. Manual de gramática histórica española / R. Menéndez Pidal. – Madrid : Espasa-Calpe, 1962. — 367 p.
21. Ostos Salcedo P. Corona de Castilla. Documentación Real. Tipología (1250–1400) / P. Ostos Salcedo, M.J. Sanz Fuentes // Diplomatique Royale du Moyen Âge, Oporto, 1996. — Pp. 239–279.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. Corpus de documentos españoles anteriores a 1900 [CODEA+2022]. URL: https://corpuscodea.es (дата обращения: 16.01.2026).
23. Franco Silva A. Epistolario de los Reyes Católicos y de Carlos V a los Condes de Oropesa / A. Franco Silva // Historia. Instituciones. Documentos. – 1997. – Num. 24. – Pp. 115–172.
24. Levillier R.D. Gobernantes del Perú: Cartas y Papeles. Siglo XVI / R.D. Levillier. — Madrid, 1921. — 666 p.
25. Moreno Trujillo M.A. Las actuaciones de la inquisición y los escribanos judeo conversos del entorno del conde de Tendilla / M.A. Moreno Trujillo // Historia. Instituciones. Documentos (Departamento de Historia Medieval y Ciencias y Técnicas Historiográficas). – Iss. 37. – Universidad de Granada, 2010. — Pp. 181–210.
26. Muñoz y Rivero J. Manual de paleografía diplomática española de los siglos XII al XVII / J. Muñoz y Rivero. — Madrid : LIBRERIA DE LA SRA. VIUDA DE HERNANDO Y COMPAÑÍA, 1889. — 500 p.
27. Villalba Ruiz de Toledo F.J. Colección diplomática del cardenal Mendoza (1454–1503) / F.J. Villalba Ruiz de Toledo // Cuadernos de Historia Medieval Secc. Colecciones Documentales, 1, 1999. — 521 p.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. (2009). Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy [Sentence and its meaning: logical and semantic problems]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russian).
2. Akhmanova O.S. (2007). Slovar' lingvisticheskih terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga. (In Russian).
3. Bezus S.N. (2013). Delovoe pis'mo v srednevekovoj Ispanii: istoricheskaja pragmalingvistika teksta [Formal Writing in Medieval Spain: Historical Pragmalinguistics of the Text]. Moscow: AVANGLION-PRINT (In Russian).
4. Bezus S.N. (2014). Osobennosti rekvizita «data» v delovyh pis'mah srednevekovoj Ispanii [Peculiarities of the “date-line” in formal writing in medieval Spain]. Jazyk i kul'tura, 3 (27), 10–22. (In Russian).

5. Voejkova M.D. (2010). Izbytochnost' v sisteme yazyka i raznye formy ee proyavleniya [Redundancy in the language system and its various forms of manifestation]. Trudy ILI RAN, VI, 2, 9–21. (In Russian).
6. Golub I.B. (1997). Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Rol'f; Ajris-press. (In Russian).
7. Grudeva E.V. (2010). Eksperimental'noe issledovanie izbytochnosti [Experimental study of redundancy]. Trudy ILI RAN, VI, 2, 73–89. (In Russian).
8. Gurenkov A.A. (2023). Yazykovaya i rechevaya izbytochnost' v usloviyah mezhkul'turnoj kommunikacii [Language and speech redundancy in intercultural communication]. Mezhdunarodnyj informacionno-analiticheskij zhurnal «Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk», 3 (38), 102–114. (In Russian).
9. Duskaeva L.R., Protopopova O.V. (2011). Stilistika oficial'no-delovoj rechi [Stylistics of the official and formal speech]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya». (In Russian).
10. Kozhina M.N. (1993). Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
11. Kuz'mina I.V. (2011). Fenomen yazykovoj izbytochnosti [The phenomenon of linguistic redundancy]. Vestnik IGLU, 1, 142–147. (In Russian).
12. Mozer M. (1995). Gramoty 17-go veka kak baza izucheniya sintaksisa razgovornogo yazyka nakanune sozdaniya russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa [17th-century charters as a basis for studying the syntax of spoken language on the eve of the creation of a new type of Russian literary language]. Opera Slavica, vol. 5, iss. 4, 1–16. (In Russian).
13. Razinkina N.M. (1986). Ob ustojchivosti funkcional'nogo stilya [On the sustainability of functional style]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 114–119. (In Russian).
14. Ruchimskaya E.M. (2016). Ob izbytochnosti i nedostatochnosti yazyka i rechi [On the redundancy and insufficiency of language and speech]. Russkaya rech', 2, 36–40. (In Russian).
15. Svetlichnaya V.YU. (2021). Osnovnye podhody k klassifikacii rechevoj izbytochnosti [Basic approaches to the classification of speech redundancy]. Gumanitarnye i estestvenno-nauchnye issledovaniya: osnovnye diskussii. Materialy XXVIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: sb. statej. Rostov-na-Donu.: izd-vo Yuzhnogo universiteta IUBiP, 172–176. (In Russian).
16. Solganik G.YA. (1997). Stilistika teksta [Stylistics of the text]. Moscow: Nauka. (In Russian).
17. Yagunova E.V. (2010). Issledovanie izbytochnosti russkogo zvuchashchego teksta [A study of redundancy in Russian spoken text]. Izbytochnost' v grammaticheskom stroe yazyka / ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskih issledovanij RAN, VI, 2. Saint Petersburg: Nauka, 90–114. (In Russian).
18. Corr A. (2022). Numeral Reduplication and Clausal Syntax: Grammaticalized Distributivity in Medieval Iberia. Probus, 34 (2), 317–365. (In English).
19. Gómez Torrego L. (2008). Análisis sintáctico. Teoría y práctica [Syntactic analysis. Theory and practice]. Madrid. (In Spanish).
20. Menéndez Pidal R. (1962). Manual de gramática histórica española [Manual of historical Spanish grammar]. Madrid: Espasa-Calpe. (In Spanish).
21. Ostos Salcedo P., Sanz Fuentes M.J. (1996). Corona de Castilla. Documentación Real. Tipología (1250–1400) [Crown of Castile. Royal Documentation. Typology (1250–1400)]. Diplomatique Royale du Moyen Âge, Oporto, 239–279. (In Spanish).

Поступила в редакцию 24.09.2026 г.

REDUNDANCY IN STYLE OF OFFICIAL DOCUMENTS IN MEDIEVAL SPAIN

S.N. Bezus, N.S. Varfolomeeva, M.A. Smirnova

The study focuses on redundancy as a special feature of the official and formal style of the medieval Spanish language. The research objective is to identify signs of redundancy in Old Spanish formal writing at various levels: lexical, syntactic, and informational. The Spanish language demonstrates signs of stylistic differentiation early in its evolution. Primary features of the official and formal style are observed in medieval Spanish manuscripts, both in the external structure of a document (semblance of a template) and at the internal linguistic level (officialese, legal terms, clichés, performatives, pleonastic constructions). The presence of various pleonastic constructions allows us to speak of redundancy as a special stylistic feature. One of the informational redundancy manifestations is the double dating of a document (according to the Christian calendar and according to the Hispanic era or Caesar's era). Lexical redundancy is verbalized in the synonymous combination (the chain of synonyms): predicative, attributive, objective, and adverbial synonymy. Syntactic redundancy manifests itself in the structure

of a noun phrase (e.g. several determinatives), in structures with numeral reduplication, and in the pronominal subject. The results of this research can be used in studying the history of the Spanish language, as well as in revealing different aspects of functional stylistics.

***Key words*:** the Spanish language, medieval Spain, documentation, formal writing, redundancy, pleonasm, functional style, official and formal style.

Безус Светлана Николаевна.
Кандидат педагогических наук, доцент.
Российский новый университет, г. Москва, Российская Федерация.
Доцент кафедры теории и практики перевода.
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.
Старший преподаватель кафедры романских языков.

ORCID 0000-0001-7051-1533.
E-mail: luzazul@list.ru.

Варфоломеева Наталья Сергеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский новый университет, Российская Федерация, г. Москва.
Заведующая кафедрой теории и практики перевода.
ORCID 0000-0002-6970-6875
E-mail: natalie.varf@mail.ru

Смирнова Мария Александровна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.
Доцент кафедры романских языков.

ORCID 0000-0002-5963-4249.
E-mail: ms@romancedpt.ru.

Bezus Svetlana Nickolaevna.
Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Russian New University, Moscow, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Theory and Practice of Translation.
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russian Federation.
Senior Lecturer at Department of Romance Languages.
ORCID 0000-0001-7051-1533.
E-mail: luzazul@list.ru.

Varfolomeeva Natalia Sergeevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian New University, Russian Federation, Moscow.
Head of Department of Theory and Practice of Translation.
ORCID 0000-0002-6970-6875
E-mail: natalie.varf@mail.ru

Smirnova Maria Alexandrovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russian Federation
Associate Professor at Department of Romance Languages.
ORCID 0000-0002-5963-4249.
E-mail: ms@romancedpt.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 882: 811.111-26
DOI: 10.5281/zenodo.23983500

ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ЛОШАДЬ» В РУССКОМ И ШОТЛАНДСКОМ СКАЗОЧНОМ ЭПОСЕ

© 2026 *И.Ю. Лавриненко*[1], *К.Р. Тимошенко*[2]
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет»
ORCID[1] 0000-0003-4841-0546
ORCID[2] 0009-0009-3528-1766

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье анализируется образ лошади в русской и шотландской национальных картинах мира на материале сказочного эпоса, под которым понимается тип институционального дискурса, текст вымышленного эпического содержания, повествующий в образной форме о специфике национального характера народа. Цель статьи заключается в выявлении признаков концепта «Лошадь» в русскоязычной и англоязычной картинах мира посредством проведения лексико-семантического анализа текстов сказок. Выявлены прилагательные, передающие признаки лошади в анализируемых сказочных дискурсах, проведена классификация выявленных признаков, построены слоты концепта «Лошадь» в русском и шотландском сказочном эпосе. В обоих видах дискурса концепт «Лошадь» имеет дискретную структуру, большинство признаков коррелирует с внешним видом лошади: в русской картине мира это признаки цвета лошади, в шотландском эпосе признаки внешности лошади описываются через тактильные ощущения. В русском дискурсе посредством ассоциаций передается каритативное отношение лошади к человеку, в шотландском — отношение к лошади носит утилитарный характер, она описывается как животное, принадлежащее человеку, обладающее сверхъестественными способностями и антропологическими качествами.

***Ключевые слова**:* концепт, лошадь, признаки, слоты, сказочный дискурс, английские и шотландские сказки, лексико-семантический анализ, ассоциативы, Конек-Горбунок, Сивка-Бурка, Келпи, признаки внешности.

Для цитирования: Лавриненко И.Ю. Признаки концепта «Лошадь» в русском и шотландском сказочном эпосе / И.Ю. Лавриненко, К.Р. Тимошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 185–202. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23983500.

Введение. Язык представляет собой уникальный механизм, благодаря которому становится возможным общение между людьми не только в синхронической, но и в диахронической проекции. Помимо осуществления коммуникативной функции язык выступает хранилищем уникальных знаний народа, исследования которых помогают получать ценные культурологические данные, обеспечивающие сохранение преемственности не только между поколениями в пределах одного этноса, но и в масштабах мирового сообщества.

При помощи письменных источников осуществляется фиксация опыта народа. Миссия передачи сакральных знаний с давних времен возлагалась на произведения художественной литературы и устного народного творчества — былины, песни, сказки, предания, легенды и другие жанры фольклора.

Сказка — жанр литературы, с которым человек знакомится в раннем детстве и именно с него начинается освоение мира и себя как его части. Посредством перцепции

сказочных сюжетов закладываются основы миропонимания, формируются представления о добре и зле, о законах справедливости, закладываются качества общечеловеческого национального характера.

Простота и понятность сюжета, использование доступного для ребенка языка сказки — это инструменты, которые служат для выполнения жизненно важной миссии в жизни каждого человека — формирования его национальной идентичности, осознания содержательности и смысла социальных ролей, благодаря которым создается портрет личности как представителя определенной культуры.

Идеи, заложенные в сказках, содержат культурный код страны, народности, о событиях которых повествует этот литературный жанр. Благодаря сказкам формируются архетипы — прообразы, первоначальные формы, образцы [10], составляющие первоосновы мировоззрения представителя той или иной культуры. Благодаря архетипам осуществляется преемственность, переход врожденных и приобретенных в процессе жизни форм воображения человека от одного поколения, к другому.

Особая роль в сказках отводилась животным, образы которых выступают в качестве «волшебного средства» [21, с. 40]. Наряду с людьми и предметами герои-животные в сказках наделяются сверхъестественными способностями [22, с. 8]. Значение, которое отводится роли животных в сказках, настолько велико, что «сказки о животных» выделяют в качестве отдельного пункта в классификации сказок некоторыми именитыми исследователями сказочного эпоса (В. Вундт, А.Н. Афанасьев, Р.М. Волков).

Образы животных в фольклоре — транслятор глубинных культурных нравственных и социальных смыслов, концентрат мифологических архаичных представлений. Через признаки образов животных передаются типизированные качества человека и формы взаимодействия между людьми и природой. Образы животных обладают специфическими национально обусловленными чертами. Они представляют собой «язык культуры», транслирующий социальный опыт при помощи аллегорических образов [13]. По мнению Жуманазаровой С.Ш., в сказках о животных представлены наиболее архаичные и устойчивые кодификаторы культурных ценностей и норм [13].

Одним из распространенных образов животного мира, ставшим героем мирового сказочного дискурса, является лошадь.

Цель предлагаемого исследования — выявить признаки образа лошади в русскоязычной и англоязычной национальной картине мира и провести их сравнительную характеристику.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужили русские народные сказки «Конек-Горбунок» [35], «Сивка-Бурка» [36] и шотландские сказки сборника “Superstitions of the Highlands and Islands of Scotland” («Суеверия Шотландских нагорий и островов») [37], которые принадлежат к жанру сказочного фольклорного эпоса. **Объект** исследования — образ лошади в фольклорных произведениях русской и шотландской лингвокультуре. **Предмет** исследования — признаки, составляющие образ лошади в русском и шотландском фольклорном эпосе, определяющие его концептуальное значение в народном сознании обоих народов.

Известно, что сказка «Конек-Горбунок», написанная в 1830-х годах, получила высокую оценку А.С. Пушкина, была издана не менее 150 раз, а также переведена на десятки языков мира [17]. Это произведение представляет собой переработку народных сказаний Сибири. В сюжетной линии и глубоком символизме сказки прослеживается связь с библейскими сюжетами, таинствами христианства. Волшебные обряды сказки

объясняются богатыми природными ресурсами — озерами Сибири, которым издавна приписывали целебные свойства. Нередко в сказке можно заметить критику политического устройства того времени [18].

«Сивка-Бурка» считается исконно народной сказкой, известной своей популярностью у пудожских сказочников; существует около 20 ее сюжетов, распространившихся по Европе, Северной и Южной Америке, Востоку и Азии. Впервые сюжет сказки был зафиксирован на бумаге в середине 18 века, впоследствии были опубликованы несколько ее версий в разной литературной обработке, в том числе, в лубочных книжках для народа [24].

В качестве материала для изучения шотландского сказочного эпоса было выбрано произведение одного из наиболее выдающихся фольклористов Шотландии 19 века Джона Грегорсона Кэмпбела (John Gregorson Campbell (1836 – 1891)) “Superstitions of the Highlands and Islands of Scotland” («Суеверия Шотландских нагорий и островов»). Исследуемое произведение представляет собой собрание легенд и сказок Шотландии, опубликованное в 1900 году. В нем содержится описание величественных высокогорий, загадочные ритуалы, существа потустороннего мира — ведьмы, духи, привидения, обитающие рядом с человеком и вступающие с ним во взаимодействие. Отметим, что характер этого взаимодействия в подавляющем большинстве случаев негативен и даже трагичен для человека. Этот сборник небольших рассказов сопровождается заметками, схемами местности, картами, причудливыми изображениями — всем тем, что способствует погружению в магически завораживающую Шотландию, призывает разгадать ее загадки и тайны.

Анализируемые фольклорные произведения были созданы в одну историческую эпоху, составляющую около 150 лет, что дает возможность сравнить национальную специфику создавших их народов в синхронии, рассмотреть содержащуюся в них часть культурной памяти без учета влияния временного фактора.

Основная часть. На сегодняшний день европейские сказки были исследованы в диахроническом аспекте в отношении передаваемого ими смыслового содержания, которое раскрывает их сходство с мировым сказочным эпосом, а посредством него и с эпосом других лиингвокультур [7]. Изучалось влияние европейских сказок на становление современной детской литературы [25], предпринимались попытки выявления связи между сверхъестественным в сказочном и фольклорном эпосе [14]. Образ лошади в сказочном эпосе как объект исследования выступал в качестве мускулинного представителя семейства лошадиных — коня. Изучалась его роль в сказочном дискурсе южных народов России [9; 27] и Якутии [1]. Лингвистическое описание образа лошади в шотландском сказочном эпосе, а также сравнение сказочного образа лошади в русской и шотландской лингвокультурах, ранее проведено не было, что демонстрирует научную новизну проведенного исследования.

Есть все основания утверждать, что лошадь в сказочном эпосе выступает как культурный концепт, который, по мнению Л.Х. Самситова, является многомерным смысловым образованием в коллективном сознании, вербализуемым в языке и текстах культуры, которое включает ценностную, образную и понятийную составляющие [25]. О многомерности культурных концептов, опредмеченных в языковой форме, упоминает О.В. Кондрашова [15]. Комплекс лингвистических методов, используемых для выявления признаков, структурирующих культурные концепты, а именно: анализ словарных дефиниций, ценностно-маркированных единиц, индивидуально-авторских интерпретаций, изложен в работах А.А. Залевской, Я.В. Зубковой, Н.А. Красавского, Н.Н. Панченко, Е.Е. Стефанского и

др. [12, с. 237]. На сегодняшний день представлены новые методологии исследования концептов в языке, позволяющие рассмотреть концепт как вариабельную, динамично развивающуюся единицу [11]. Актуализованы межкультурные исследования концептов, позволяющие глубже понять когнитивные особенности мышления в диалоге разных культур [29].

Исследование осуществлялось в рамках сказочного дискурса. Вслед за Н.Д. Арутюновой, под дискурсом понимается текст в событийном аспекте, в совокупности с экстралингвистическими факторами [2]. Сказочный дискурс представляет собой текст, продукт народного творчества, актуализирующий вымышленный сюжет, в котором раскрываются особенности национального характера народа.

Известно, что мыслительные процессы находят свое отражение в языке, а взаимоотношение мыслительных операций и их вербализация является предметом изучения когнитивной лингвистики. Именно вопросам о роли языка для человека и влияния человека на пространство языка посвящен ряд научных исследований в зарубежной и отечественной лингвистике (Л.С. Выготского, А.Л. Лирии, Е С. Кубряковой, Ч. Осгуд, Т. Себеок, Жд. Гринберг). Благодаря когнитивной лингвистике осуществляется исследование организации когнитивных способностей человека в единую систему и их функционирование во взаимосвязи и взаимодействии [16, с. 8–9].

Методы исследования. В ходе исследования применялся комплекс методов: метод сплошной выборки, заключающийся в выявлении прилагательных, передающих признаки образа лошади в исследуемых контекстах, метод лексико-семантического анализа, в ходе применения которого проанализированы лексические значения прилагательных, метод интерпретационного и контекстуального анализа, позволяющий дополнить комплекс признаков образа лошади, метод квантитативного анализа, благодаря которому сформировано соотношение групп лексем в зависимости от количества составляющих их признаков.

Обращение к образам животных в сказочном эпосе связано с потребностью человека в объяснении явлений окружающей его действительности, определении своего места в мире и характера взаимоотношения с явлениями природы. Кажущаяся простота и тривиальность сказочных животных, а также мнимая очевидность композиционного содержания сказок, объясняет относительно невысокую популярность их изучения в качестве объектов научного анализа. Исследовательское внимание к сказкам о животных обратил В.Я. Пропп, предложив выделить сказки в отдельный жанр не по содержанию, а по набору входящих в них персонажей. Аспектами выделения и анализа сказок о животных также занимались Е.А. Костюхин, А.И. Никифоров, Г.С. Виноградов и др.

Анализ сюжетной линии сказок и поведенческих стратегий животных как их героев демонстрирует определенную модель поведения и взаимоотношения между людьми. В исследовании Ю.Ю. Мариничевой [19] выявлены роли, на которых строится взаимодействие животных в развертывании сказочных сюжетов: мнимая угроза (волк угрожает зайцу); мнимая приманка (лиса предлагает петушку выглянуть на улицу); коварный совет (лиса предлагает волку опустить хвост в прорубь); мнимая смерть (лиса притворяется мертвой и съедает всю рыбу). Автором также разграничены образы животных по частотности их появления в русских сказках, выделены «главные» персонажи (заяц, лиса, медведь, волк и петух) и «второстепенные» (все остальные).

Из многообразия образов животных в русском сказочном эпосе образ коня или лошади наиболее близок к антропологической природе. Культ лошади зародился еще на

первобытном уровне развития человека, далее лошадь служила не просто средством передвижения, но символизировала двигатель цивилизации. Лошади в жизни русского народа отводилось священное место: это одно из наиболее почитаемых животных в славянской традиции, символ труда и преданности, послушания и недюжинной силы. Лошадь — незаменимый помощник человека в хозяйстве, кормилица, спутник в походах, доблестный воин в сражениях.

Рассмотрение образа лошади в рамках данного исследования глубоко символично еще и потому, что 2026 год, когда было инициировано данное исследование, по восточному календарю считается годом Красной Огненной Лошади.

Образ коня в русской лингвокультуре, представленный в исследовании Бекмурзаева Ф.Ш., выполненном на материале лексикографических источников и произведений народного фольклора, варьируется от положительного, до отрицательного. Ключевые роли архетипа «конь» в русском дискурсе сказок все же положительно маркированы, это символ-посредник между царством живых и мертвых, символ природы (почитания солнца), символ плодородия и интеллекта [4]. Особое сакральное значение в русском национальном коде имели также цвет и масть коня [4].

В образе лошади в западной традиции также заключен глубокий символизм. Вспомним знаменитый облик Уффингтонской Белой Лошади в Оксфордшире — напоминание о прошлом Древней Британии. 110-метровое меловое изображение этого животного, созданное около 3000 лет назад, напоминает картины Пикассо с прерывистыми, тонкими, сходящими на нет линиями. Оно стало прототипом образа лошади как символа единства и стойкости в эпической поэме «Баллады о белой лошади» Д.К. Честертона, написанной в 1911 году [32]. Предположительно символизм Уффингтонской Белой Лошади заключается в том, что для ее создания было необходимо объединить людей для выполнения, в том числе и сакральных ритуализированных действий. И сегодня для поддержания образа Белой Лошади в первозданном белоснежном виде образованы сообщества людей, ежедневно поддерживающих чистоту и корректность очертаний ее мелового торса [33].

Для получения представления о признаках образа лошади был проведен лингвокогнитивный анализ текстов сказок. Образ лошади рассматривается как концепт «Лошадь» / ”Horse” — ментальное образование, демонстрирующее представление об объекте действительности, сложившееся в ментальной памяти народа и реализующее свои признаки посредством текста.

В процессе исследования были проанализированы тексты русских и шотландских сказок на предмет определения прилагательных, характеризующих образ лошади. Выявленные прилагательные были рассмотрены в отношении их семантического содержания и классифицированы в зависимости от передаваемых ими признаков. В результате классификации были сформированы группы прилагательных, передаваемые близкие по значению признаки. Определено иерархическое соотношение групп в зависимости от количества включенных в них признаков и репрезентируемых данные признаки прилагательных. Проведено количественное и качественное сопоставление групп признаков, характеризующих образы лошади в русском и шотландском сказочном эпосе, определены сходства и различия доминирующих признаков.

Выявленные группы признаков формируют слоты концепта «Лошадь». Под слотом понимается часть структуры концепта, объединяющая схожие признаки, соотносимые с определенной областью знаний о мире.

В результате проведенного лексико-семантического анализа текстов русских сказок было выявлено 43 прилагательных, которые были классифицированы в зависимости от передаваемых ими значений и представлены в составе 8 групп прилагательных, содержание которых отражено в таблице 1.

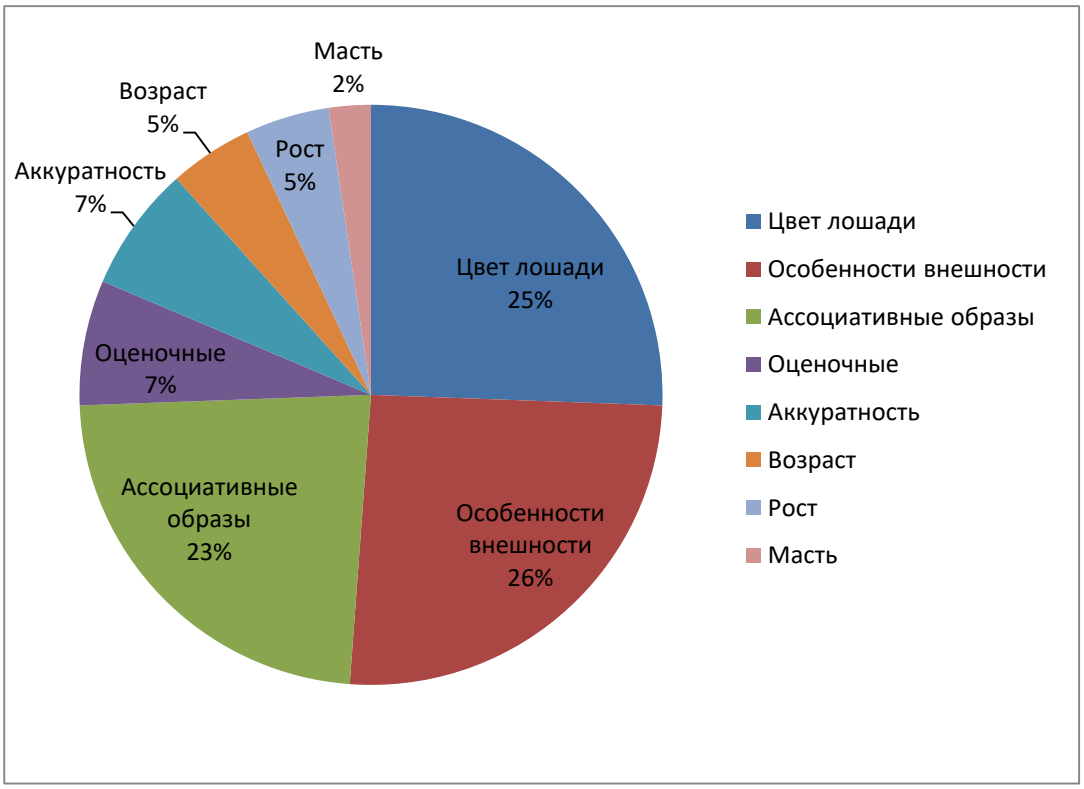
Таблица 1. Семантические группы прилагательных, характеризующих образ лошади в сказке «Конек-Горбунок»

Название группы	Пример прилагательного
Цвет лошади (11 единиц)	*Яхонтовый, Золотой (хвост), Золотая (грива), Золотогривый, Алмазные, Жемчужные, Буры-сивы, белая (Бела), Вороной, Сивка, бурка*
Особенности внешности (11 единиц)	*Волнистая грива, Волнистый хвост, с двумя горбами, с аршинными ушами, алмазные копыта, обиты жемчугом, яхонтовые очи, круты бока, крутая шея, шерсть лоснится как шелк, длинная грива*
Образы - ассоциации с лошадью (10 единиц)	*Конь-игрушка, Кобылица – снег (кобылица как зимний снег бела), Кобылица – стрела, Конь – товарищ, Игрушка-горбунок, Конек-горбатко, Конечек-горбуночек, Конечек-дружочек, Горбунок летит, как ветер*
Оценка (3 единицы)	*Красивый, Добрый, Сердитый (голос)*
Аккуратность (3 единицы)	*Чисто-начисто обмыты, Гривы в косы перевиты, Челки собраны в пучок*
Возраст (2 единицы)	*Молодая, молодой*
Рост (2 единицы)	*Три вершка, Небольшого росту*
Масть (1 единица)	*коурка*

Как показано в таблице, наиболее представительными в количественном отношении оказались группы, прилагательных которых передают ***цвет*** лошади (11 единиц) и ***особенности ее внешнего вида*** в целом, а именно описание строения ее тела, а также его частей (ушей, гривы, волосяного покрова, копыт, глаз) (11 единиц). В меньшем количестве были выявлены прилагательные, которые передают ***масть лошади***. Таким образом, в русском сказочном дискурсе описанию внешности лошади уделяется большее внимание, что раскрывает внешний вид этого животного как наиболее релевантный лингвокультурный феномен. В группу прилагательных, описывающих цвет лошади, входят 11 единиц, что свидетельствует о широком многообразии колористических характеристик лошади, существовавших в русской традиции коневодства, о богатой цветовой вариабельности лошадей, что могло демонстрировать их благородство, а также зажиточность их владельцев и их принадлежность к привилегированному сословию. Характеристики внешности лошади также являются положительно маркированными, демонстрируют ухоженность, аккуратность внешнего вида лошади (*волнистая грива, шерсть лоснится как шелк*), ее здоровье (*круты бока, крутая шея*), богатство ее хозяина (*алмазные копыта, обиты жемчугом*), особенности ее породы (*с аршинными ушами, длинная грива*), а также красоту (*яхонтовые очи*).

Долевое соотношение вышепредставленных семантических групп в зависимости от количества входящих в них лексем представлено в форме следующей диаграммы:

Диаграмма 1. Семантические группы прилагательных, характеризующих образ лошади в русском сказочном эпосе (квантитативное соотношение).



Итак, прилагательные, которые передают признаки лошади в русском сказочном эпосе, положительно маркированы, характеризуют ее внешний вид, физическое здоровье, отношение к ней хозяина, его материальное положении и социальный статус, а также характеризуют коневодческую отрасль Руси как широко развитое производство, благодаря которому стало возможным получить широкое видовое разнообразие лошадей.

Благодаря упоминанию о цвете лошади в русском сказочном эпосе передается родство внешнего вида лошади и драгоценных камней, металлов, минералов и других веществ (яхонт (старинное название рубина, сапфира [28], золото, алмаз, жемчуг). Согласно исследованию В. Гадиятову, в Древней Руси вплоть до шестнадцатого века драгоценные камни были атрибутами высших слоев феодального общества — князей и бояр. Как следует из содержания «Изборника Святослава» (1073 г.), в Древней Руси активно применяли кварц и кварцит, кремень и яшму, некоторые самоцветы, а также янтарь, аметист, речной жемчуг и др. для украшения оружия и одежды, символов богатства и высшей сласти (скипетра, державы, венца, предметов церковного убранства, мебели, ювелирных украшений) [20].

Учитывая данные исторических источников, образы драгоценных камней, используемые при описании лошади в русскоязычном сказочном эпосе, — демонстрация высокого значения этого животного в русском национальном сознании, возвеличивания ее особо статуса, подчеркивающего высокое положение ее хозяина. Применение в описании внешнего вида лошади эпитетов, содержащих названия камней — демонстрация красоты, большой ценности лошади, ее приравнивания к царским животным, являвшихся оплотом силы, надежности, скорости и даже роскоши.

В качестве альтернативной культуры, в литературном арсенале которой также присутствует сказочный эпос, нами была выбрана культура Шотландии. Состав

персонажей шотландских сказок отличается своеобразием. Это мифические существа: эльфы, феи, русалки; антропологические образы, номинирующие людей определенных профессий (рыцарь, волынщик, кузнец); людей, в отношении их генеалогической принадлежности (родители, сыновья, сестры, дочери, братья). В ряду анималистических образов в шотландских сказках превалирует образ петуха [5], а также мистических Келпи (водяные лошади-оборотни) [34].

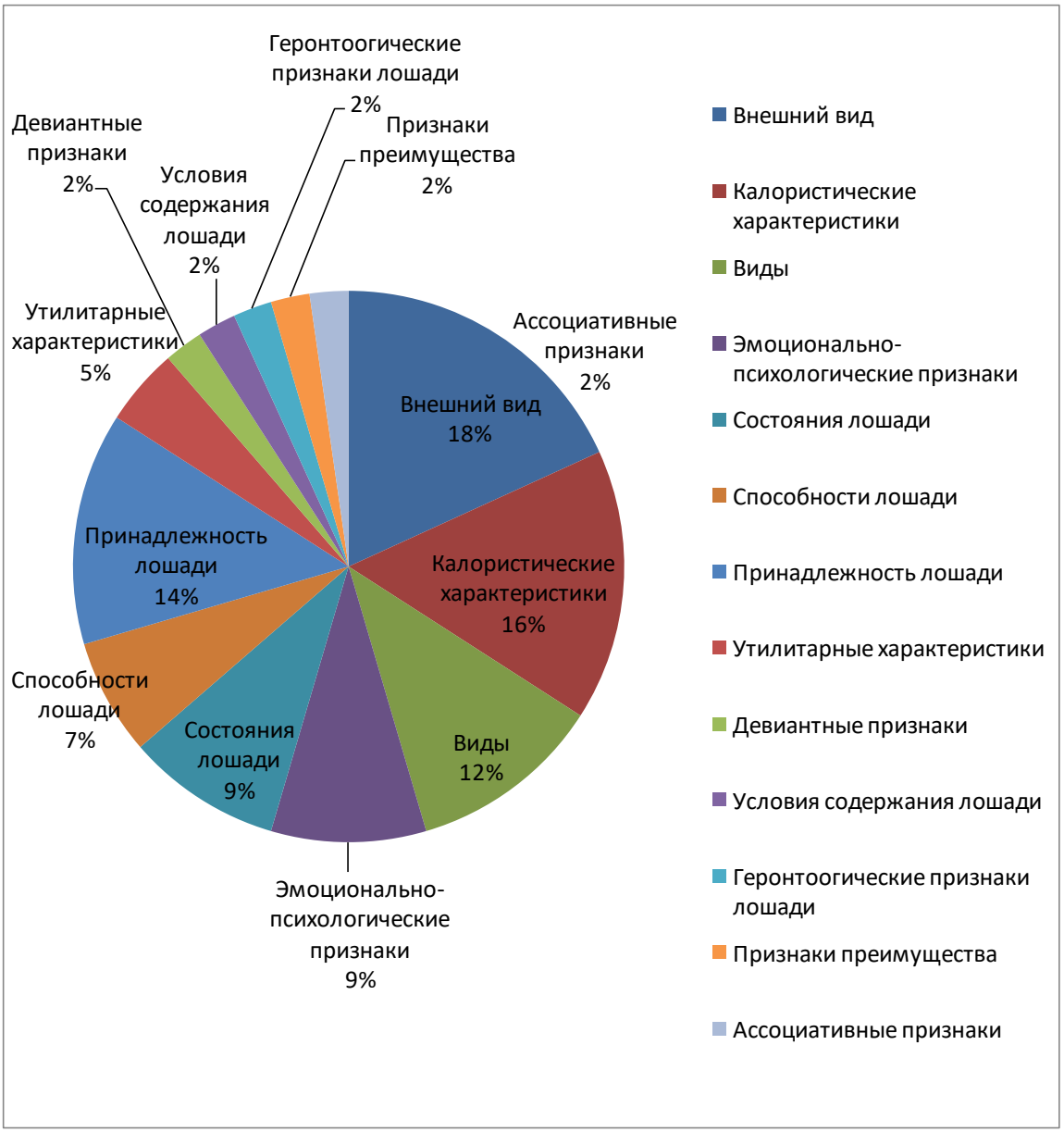
В исследованных текстах в ходе лексико-семантического анализа шотландских сказок было выявлено 45 прилагательных, передающих признаки лошади. Они были распределены на группы, в зависимости от сходства передаваемых ими признаков, как показано в Таблице 2:

Таблица 2. Семантические группы прилагательных, характеризующих образ лошади в шотландских сказках:

Название группы	Пример прилагательного
Внешний вид (8)	*narrow brown slippery snout, long flowing tail and mane, fat and sleek упитанная и гладкая, when the rest are lean and ragged — худощавые и плешивые, с обтрепанной шерстью, longer neck [37, p. 208], a soft mass (sgling) like jelly-fish [37, p. 210] — мягкая масса похожая на медузу, the Water-horse in the shape of a man [37, p. 211], water-horse, in the shape of a handsome young man, [37, p. 212].(8)*
Колористические характеристики (7)	*white horses [37, p. 30] Grey, black with a white spot changing its colour as well as its shape, grey mare*
Принадлежность лошади (6)	*lost horse [37, p. 147], farmers' horses, farm horse's;* ***Принадлежность к множеству особей своего вида****: any other horse, like other horses, the hindmost horse — лошадь, стоящая с краю*
Виды лошади (5)	*Water-horse [37, p. 203], wanted for harrowing or to send to market необходимая для бороны или отправки на рынок, floating Water-horse [37, p. 211], Kelpie, ordinary horse [37, p. 203]*
Эмоционально-психологические признаки (4)	*very amorous, — влюбчивый, дружелюбный, docile and easily managed — послушный и легко управляемый, restive and unmanageable — неспокойный, несговорчивый, непослушный, quiet and steady water horse*
Состояния лошади (4)	*pressed horse [37, p. 30], passing [37, p. 204], mixing, subdued, tied*
Способности лошади (3)	*the talking horse, snuffling voice, Kelpie accused of swelling torrents*
Утилитарные характеристики (2)	*farm horses [37, p. 30], ridden horse [37, p. 30]*
Девиантные признаки (1)	*A strange horse [37, p. 204]*
Признаки отношения к лошади со стороны человека, признаки условий содержания (1)	*little housed*
Геронтологические (1)	*a young horse*
Признаки преимущества (1)	*the best horse*
Ассоциативные (1) (метафорические)	*Water-horse — the hero [37, p. 215].*

Представим типы признаков концепта «Лошадь» в шотландском эпосе в форме следующей диаграммы:

Диаграмма 2. Семантические группы прилагательных, характеризующих образ лошади в шотландском сказочном эпосе (квантитативное соотношение).



Как показали результаты лексико-семантического анализа, большая часть прилагательных в шотландском сказочном эпосе передаёт признаки внешнего вида лошади, в частности: описывает морду, хвост, гриву, шею, физическое состояние тела. Интересно обратить внимание на метафорическую ассоциацию, проводящую компаративную параллель между шотландской лошадью и медузой, а также образом молодого человека. Признаки внешнего вида лошади Шотландии связаны с физическими размерами частей тела лошади (*narrow, long, longer*), с тактильными ощущениями от соприкосновения с лошадью (*slippery, sleek, soft, like jelly-fish*), со степенью физического здоровья или нездоровья (*fat, lean, ragged*), со средой обитания (*water-horse*), а также с метафорическими проекциями образа лошади на образ человека (*in the shape of a man*) или медузы (*like jelly-fish*).

Итак, образ лошади в шотландском эпосе обладает отличительными визуальными признаками, тактильно детерминирован: при чтении описания лошади читатель

получает представление не только о ее внешнем виде, но и об ощущениях, которые возникают от прикосновения к ней, для передачи которых автор обращается к объектам морской стихии и антропонимическим образам.

Несколько уступает по количеству выявленных признаков (16%) группа колористических признаков лошади. Палитра красок, характеризующих внешний вид лошади, отличается ахроматичностью и лаконичностью: упоминается белый и оттенки черного, также отмечается вариативность цвета (*changing its colour*).

Обращаясь к символике цвета, отметим, что лексика, передающая признаки цвета, способствует созданию художественной образности [6]. Символизм цвета имеет несколько значений: передает особенности характера героя, его настроение, состояние.

Признаки цвета соотносятся с аспектами концептуализации мира, передают эмоциональную окраску ситуации, в которой происходит действие [31], раскрывают скрытый сакральный смысл и содержат культурно-обусловленную информацию.

Рассматривая символику цвета, отметим его психоэмоциональную характеристику. Так, белый цвет передает значение абсолюта, полной свободы, снятия препятствий. Черный цвет — цвет тревожности, тяжести, напряженности, отгороженности от внешнего мира [3]. В религии черный цвет — цвет падения, греха, Божьего суда, белый цвет — символ обновления и преображения [26]. Возможно, присутствие в описании лошади в шотландском эпосе черного и белого цветов символизирует связь лошади как с миром светлых, так и с миром темных сил. Вариативность же цвета — многоликость лошади — может символизировать ее загадочность, сокрытие ее истинной природы для человеческого понимания.

Значимым признаком образа лошади в шотландском эпосе выступает ее типология в зависимости от места обитания (*Water-horse, Kelpie* — оборотень, обитающий в реках и озерах, превращающийся в лошадь и человека и несущий опасность для людей [23]), способностей (*floating, ordinary*) предназначения (*harrowing or to send to market*).

Интересной характеристикой лошади в шотландском эпосе выступают ее эмоциональные способности, которые в большей степени мелиоративно окрашены. В частности, лошадь дружелюбна, выражает эмоциональную привязанность *(very amorous*), послушна (*docile and easily managed*), спокойна (*quiet and steady water horse*). Кроме того, были выявлены и негативные свойства лошади — ее несговорчивость и строптивость (*restive and unmanageable*). Наряду с признаками эмоциональных ощущений актуализированы состояния лошади, передающие ее взаимоотношения с внешним миром, а именно: нахождение под чьим-то влиянием (*pressed*), усталость (*subdued*), местоположение относительно другого объекта (*passing*).

Остальные признаки передают способности лошади, коррелирующие с антропологической природой (способность говорить — *the talking horse*), перцептивные способности (нюхать — *snuffling voice*), а также ее сверхъестественные способности (вызывать ливни — *swelling torrents*).

Также отметим группы признаков лошади, которые репрезентированы незначительным количеством примеров и с целью оптимизации их восприятия представим их в составе следующих ***типов*** признаков:

- Принадлежность лошади (принадлежность лошади человеку или семейству лошадиных — *lost horse* [37, p. 147]; *farmers' horses, farm horse's, any other horse, like other horses, the hindmost horse* [37, p. 147]; — лошадь, стоящая с краю),
- Применение ее способностей в деятельности человека (farm horses [37, p. 30]; ridden horse [37, p. 30]),

- Признаки оценки качества лошади (*A strange horse* [37, p. 204], *a young horse, the best horse, Water-horse — the hero* [37, p. 215]).
- Признаки условий содержания лошади (*little housed* [37, p. 215]).

При характеристике лошади были выявлены признаки, позволяющие провести ассоциативные параллели с антропологическим образом — образом героя. Интересно отметить, что большая часть из выявленных признаков демонстрирует эстетическую функцию образа лошади, ее антропологическую близость и утилитарность, которая проявляется в использовании лошади в сельском хозяйстве, для продажи, для перемещения.

Общность образа лошади в шотландском эпосе и природы человека проявляется еще и в том, что в состав признаков концепта «Лошадь» входят признаки эмоционально-психологического портрета лошади, ее способности говорить, а также ее обладание чертами, характерными для человека (мужество, самоотверженность).

Что касается гендерных характеристик, то в эпосе некоторых народов России они принципиально важны. Так, в прозе и поэтике народов северо-востока Якутии упоминается именно образ лошади, а не коня [30, с. 198]. В объеме данного исследования в русском дискурсе рассматриваются оба рода этого животного: Сивка-Бурка — женского рода, Конек-Горбунок — мужского рода. В шотландском сказочном дискурсе образ лошади вербализован лексемой horse, которая не является гендерно маркированной. Таким образом, можно сделать вывод о гендерной детерминированности образа лошади в русском сказочном эпосе, наличии в русских сказках номинирований обоих полов этого животного, в то время как в шотландском сказочном дискурсе род лошади не актуализован. В единичном случае в шотландском эпосе был выявлен пример, демонстрирующий изображение лошади в образе мужчины, что раскрывает мистический характер лошади. Однако, изначально, до перевоплощения в сюжете этой сказки, род лошади также не был известен.

Обратим внимание, что в обоих типах дискурса для передачи признаков образа лошади используются метафорические образы. В русском сказочном дискурсе лошадь сравнивается в большей степени с натуроморфными образами — *снегом, ветром,* транслирующими внешность и скорость лошади, с *игрушкой*, предавая аттрактивный внешний облик лошади и его влияние на эмоциональную природу человека: способность вызывать чувство трепета и нежности, с *другом*, *товарищем*, транслируя верность и солидарность как главные черты лошади, а также с *артефактным образом — стрелой*, благодаря чему передается признак скорости.

В шотландском сказочном эпосе присутствуют сравнения лошади с *медузой*, а также с молодым человеком привлекательной внешности. Предположим, что сравнение лошади с обитательницей океана передает признак тактильного ощущения: подобно прикосновению к медузе, при прикосновении к лошади возникает ощущение скользкой гладкой поверхности, мягкости, бесформенности, аморфности.

Заключение. Как показало проведенное исследование, и в русском, и в шотландском видах эпоса образ лошади представлен комплексом культурно опосредованных признаков, варьирующихся как в количественном, так и в качественном отношении. Оперируя терминами лексико-когнитивных исследований, концепт «Лошадь» имеет комплексную структуру, его признаки образуют слоты, составляющее когнитивное поле концепта «Лошадь». Структура концепта «Лошадь» в шотландском сказочном эпосе более дискретна, состоит из 13 слотов, в то время как в русском сказочном эпосе она представлена лишь 8 слотами.

В обоих видах дискурса доминируют в количественном отношении признаки, связанные с внешностью лошади, однако в русских сказках превалируют признаки цвета

лошади, а в шотландском эпосе наибольшее количество признаков коррелирует с описанием частей тела и ее конституции.

Доминантные признаки внешности лошади в шотландском и в русском эпосе представлены колористической компонентой. В квантитативном соотношении в русском эпосе цветовая составляющая признаков более доминантна и вариативна, что демонстрирует большую релевантность цвета лошади именно для русского сказочного эпоса.

Лексемы цветовой гаммы образа лошади в русском сказочном дискурсе — эпитеты масти, выступающие показателем большой ценности, благородства, эстетики, силы, здоровья лошади, а также ее принадлежности к аристократичной социальной среде. Признаки цвета лошади более вариабельны с выраженной положительной маркированностью, что подчеркивает особенность колористической эстетики русского народа, обусловленной традициями торговли и особенностями исторического развития добычи драгоценных камней. Цветовая палитра образа лошади в русских сказках создает представление о высокой цене лошади, в то время как в шотландском дискурсе цветовая эстетика при описании лошади менее вариативна, лаконична и не выходит из спектра черно-белых цветов и их оттенков. Данный факт свидетельствует о более сдержанном образе внешности лошади в шотландском дискурсе: черно-белая цветовая палитра придает ему элемент драматичности, строгости, возможной его причастности к силам сверхъестественной природы.

Образ лошади в русском культурном коде демонстрирует аккуратность внешнего вида, эстетичность, а в шотландском эпосе оперируют к кинестетике (внешность лошади «ощущается», определяется тактильно). С позиции возникающих от прикосновения к лошади тактильных ощущений, демонстрируется не только здоровье, но и недостаточность массы и неравномерность волосяного покрова лошади, что демонстрирует ее физическую слабость, субтильность.

В обоих типах сказочного эпоса при описании лошади приводятся *ассоциативы*, к числу которых относятся артефакты, натуроморфные и антропологические образы. В русском сказочном эпосе посредством ассоциативов описывается характер лошади через взаимодействие с человеком, эмпатию (ее верность, дружелюбность, послушность, верность и забота лошади о своем хозяине). Необходимо отметить уменьшительно-ласкательные суффиксы, присутствующие в словах-ассоциациях (дружоч*ек*, горбуноч*ек*), что свидетельствует о каритативном отношении к этому животному. В шотландских сказках акцентируется утилитарное отношение к лошади: ее принадлежность человеку и обладание ею человеческими способностями.

В русском эпосе ассоциативный ряд занимает обширную область качественных характеристик лошади: благодаря ассоциативам демонстрируются особенности ее внешнего вида (36%), приводятся каритативные (18%), натуроморфные (18%) и анимационные (18%) явления. Образы-объекты метафоризации вербализованы деминутивными суффиксами, которые обладают определенным семантико-прагматическим значением: передают уменьшительно-ласкательное значение объекту (суффиксы *–ек, -о* и *–ок*), характеризуются эмоциональной заряженностью (в суффиксе *–ушка* заключен признак «добрый» [8]). Таким образом, наблюдается смягчение негативной семантики производного (наличие у лошади несовершенства строения туловища — горба) и возникает значение, формирующее ощущение сочувствия, сострадания и заботы.

В обоих типах дискурса для передачи образа лошади используются метафорические образы. В русском дискурсе представлено 11 объектов ассоциативного переноса, в то время как в шотландском только 1. Объекты метафоризации в русской

картине мира передают характер отношений между лошадью и её хозяином, в основе которых – преданность, верность, забота и доброта. В русской картине мира, таким образом, ассоциации с лошадью больше связаны с духовно-нравственными антропологическими категориями. В шотландском эпосе лошадь тоже детерминируется как принадлежащее человеку животное, однако указывается исключительно её утилитарная функция, выполняемая ею работа, при этом лошадь рассматривается как самодостаточное животное, имеющее свой нрав, настроение.

Немалую долю признаков (7%) в русском сказочном эпосе занимают оценочные прилагательные, характеризующие внешность и характер лошади, а также её аккуратность, чистоплотность. В шотландском эпосе акцентируется внимание на признаках вида лошади, связанных с местом её обитания, и признаках эмоционального состояния лошади, большая часть которых (80%) положительно маркирована, характеризуя лошадь как послушную, влюбчивую, дружелюбную.

Как показало исследование, образ лошади является культурообразующим компонентом в обоих видах сказочного дискурса, при этом его когнитивные структуры в русском и шотландском дисурсах обладают общностью ядерных компонентов в отношении доминирования в описании внешности лошади. В русском сказочном эпосе образ лошади глубоко эмпатичен, выстраивается через обращение к ассоциативам, которые создают имидж лошади через ее взаимодействие с человеком. При этом характеризуется как ее преданность человеку, так и доброта, проявление нежности и искреннего уважения человека к лошади и к ее бескорыстному труду. Отличительной особенностью при передаче образа лошади в шотландском дискурсе выступает указание на прагматичность и индивидуальность ее природы, наличие признаков, помогающих составить ее психологический портрет.

Дальнейшее исследование может иметь перспективу в отношении рассмотрения образов других животных в русскоязычном и англоязычном сказочном дискурсах в русле компаративных исследований, что позволит расширить знания специфики фольклора русскоязычной и западной лингвокультур. Полученные результаты исследования могут найти применение в курсах по лингвострановедению, лексикологии, психодингвистике, истории и литературоведению русскоязычных и англоязычных стран.

Как утверждал знаменитый лингвист А.А. Потебня, язык живет по своим законам, и большую роль играет изучение народных мифов и сказаний — именно они объединяют людей в общество. Благодаря исследованию фольклора других культур, мы познаем национальные ценности иной культуры, учимся понимать ее, что позволит выстраивать отношения взаимного сотрудничества в разных сферах. Познавая другую культуру, мы учимся пониманию и терпению, принятию мира во всем его многообразии, тем самым обогащая и укрепляя собственное национальное наследие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академия академических проектов России. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://педпроект.рф/алексеева-нарияна-образ-коня/(дата обращения — 19.07. 2026).
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 683 с.
3. Базыма Б.А. Психология цвета: теория и практика. — СПб.: Речь. — 2005. — 203 с.
4. Бекмурзаева Ф.Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта лошадь / конь в русской языковой картине мира [Электронный ресурс]. — СибСкрипт. — 2020. — №1 (81). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mifosimvolicheskaya-sostavlyayuschaya-animalisticheskogo-kontsepta-loshad-kon-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira (дата обращения: 11.04.2026).
5. Беликова Е.К. Отражение системы ценностей в шотландских сказках [Электронный ресурс]. / Е.К. Беликова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная

коммуникация. — 2008. — №4. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sistemy-tsennostey-v-shotlandskih-skazkah (дата обращения: 14.07.2026).
6. Беляева Л.Е. Особенности семантики цвета в англоязычной художественной литературе [Электронный ресурс]. / Л.Е. Беляева // Вестник ТГГПУ. — 2020. — №3 (61). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semantiki-tsveta-v-angloyazychnoy-hudozhestvennoy-literature (дата обращения: 31.05.2026).
7. Бободжанова Л.К. Европейская сказочная литература: диахронический аспект [Электронный ресурс]. / Л.К. Бободжанова, М.Н. Соснина // Litera. 2023. — №11. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-skazochnaya-literatura-diahronicheskiy-aspekt (дата обращения: 30.06.2026).
8. Воронина Л.П. Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке [Электронный ресурс]. /Л.П. Воронина // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2012. — №359. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-i-pragmatika-deminutivnyh-suffiksov-v-russkom-yazyke (дата обращения: 06.07.2026).
9. Гогиашвили Е.А. Образ коня в грузинском сказочном эпосе в контексте сравнительной мифологии [Электронный ресурс]. / Е.А. Гогиашвили // Эпосоведение. — 2021. — №1 (21). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-konya-v-gruzinskom-skazochnom-epose-v-kontekste-sravnitelnoy-mifologii (дата обращения: 30.06.2026).
10. Грамота. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gramota.ru/poisk?query=архетип&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения — 19.07.2026).
11. Давыдова-Белая А.В. Коллапсирование концептов (на примере мифопоэтики донбасского фронтира) / А.В. Давыдова-Белая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология психология.— 2025. — № 6.—С. 16–24. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18093675.
12. Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: дисс.... канд. филол. Наук / Е.А. Дженкова. — Волгоград. — 2005. — С. 237.
13. Жуманазарова С.Ш. Культурные концепты и символическое значение образов животных в народных сказках (на примере русских народных сказок о животных) [Электронный ресурс]. / С.Ш. Жуманазарова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 7 (610). — С. 54-56. — Режим доступа: https://moluch.ru/archive/610/133692 (дата обращения: 29.08.2026).
14. Калкаева А.Е. Ведьмы в сказочных сюжетах сборника братьев Гримм "Kinder- und hausmärchen" : атрибуты и функции [Электронный ресурс]. /А.Е. Калкаева // Вестник культурологии. — 2021. — №2 (97). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vedmy-v-skazochnyh-syuzhetah-sbornika-bratiev-grimm-kinder-und-hausm-rchen-atributy-i-funktsii (дата обращения: 30.06.2026).
15. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект): автореф. дисс.... докт. филол. наук. — Краснодар, 1998.
16. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. —С. 8–9.
17. Культура РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.culture.ru/materials/256317/konek-gorbunok-istoriya-sozdaniya-skazki-i-ee-ekranizacii (дата обращения – 19.07.2026).
18. Культурология. РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://kulturologia.ru/blogs/090918/40424/(дата обращения – 19.07.2026).
19. Мариничева Ю. Русские сказки о животных: система персонажей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: file:///C:/Users/Admin/Downloads/russkie-skazki-o-zhivotnyh-sistema-personazhey.pdf, (дата обращения: 29.06.2026).
20. Проза. Ру. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://proza.ru/2012/01/28/736 (дата обращения — 14.06.2026).
21. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. — Издательство «Лабиринт», — М. — 2001. — 192 с.
22. Рувики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сивка-бурка (дата обращения — 19.07. 2026).
23. Рувики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Келпи_(мифология) (дата обращения — 31. 05. 2026).
24. Савицкий В.М. Отражение традиционных европейских сказок в детских рассказах Роалда Даля [Электронный ресурс]. / В.М Савицкий, Е.В. Черкасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — №7. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-traditsionnyh-evropeyskih-skazok-v-detskih-rasskazah-roalda-dalya (дата обращения: 30.06.2026).
25. Самситова Л.Х. Сущность и специфика культурных концептов в языковой картине мира / Л.Х. Самситова // Вестник Башкирск. ун-та, 2012. — № 3 (I). — С. 1529–1532.

26. Словарь библейских образов : [Справочник] / Под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III.; ред.-консультанты: Колин Дюриес, Дуглас Пенни, Дэниел Рейд ; [пер.: Скороходов Б. А., Рыбакова О. А.]. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. — 1423 с.
27. Старт в науке. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://school-science.ru/2/10/30772 (дата обращения: 29.08.2026).
28. Толковый словарь русского языка [Текст] : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Азъ, 1994. — 907, [1] с.; 27 см.; ISBN 5-85632-007-7
29. Цао Ли. Образное осмысление эмоционального концепта жалость в русской и китайской паремиологии [Электронный ресурс]. / Ли Цао // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 5. — С. 99–109. — Режим доступа: https://doi.org/10.5281/zenodo.16235001. (дата обращения: 29.08.2026).
30. Чарина О.И. Образ коня / лошади в фольклоре русских старожилов северо-востока Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2025. — № 4 (53). — С. 197–206. — DOI: 10.25693/ SVGV.2025.53.4.017? с. 198.
31. Шелепова Н.В. Контекстуальная эмотивность единиц лексико-фразеологического поля «цвет» (на материале англоязычной художественной прозы XX века), автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, специальность 10.02.04 <Герм. яз.> / Шелепова Наталья Владимировна; [Волгогр. гос. ун-т]. — Волгоград 2007. — 21 с.; 21.
32. Countrylife. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.countrylife.co.uk/ (дата обращения – 19.07. 2026).
33. Smithsonian magazine. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.smithsonianmag.com/history/3000-year-old-uffington-horse-looms-over-english-countryside-180963968/(дата обращения – 19.07. 2026).
34. Travelask.ru. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://travelask.ru/blog/posts/43259-loshad-kelpi-monstr-iz-shotlandskih-mifov-kotoryy-utaskival (время обращения - 15.07.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

35. Ершов П. Конек-Горбунок, Интернет-библиотека Алексея Комарова. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/5142/p.1/index.html (дата обращения: 12.04.2026).
36. Литрес. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.litres.ru/book/narodnoe-tvorchestvo/sivka-burka-3489165/chitat-onlayn/?page=1. (дата обращения: 12.04.2026).
37. Campbell J.G. Superstitions of the Highlands and Islands of Scotland" [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.electricscotland.com/history/waifs/superstitions.pdf. (дата обращения: 19.07.2026).

REFERENCES

1. Akademiya akademicheskih proektov Rossii [Academuy of the Academic Projects in Russia]. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://pedproekt.rf/alekseeva-nariyana-obraz-konya/(data obrashcheniya — 19.07. 2026). (In Russian)
2. Arutyunova N.D. (1990). Diskurs. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. — Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1990. — 683 s. (In Russian)
3. Bazyma B.A. (2005) Psihologiya cveta: teoriya i praktika [The psychology of Light]. — SPb.: Rech'. — 2005. — 203 s. (In Russian)
4. Bekmurzaeva F.Sh. (2020) Mifosimvolicheskaya sostavlyayushchaya animalisticheskogo koncepta loshad' / kon' v russkoj yazykovoj kartine mira [Mythological and Symbolic element of the animalistic concept "Horse" in the Russian linguiatic picture of the world]. [Elektronnyj resurs] — SibSkript. 2020. №1 (81). Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/mifosimvolicheskaya-sostavlyayuschaya-animalisticheskogo-kontsepta-loshad-kon-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira (data obrashcheniya: 11.04.2026). (In Russian)
5. Belikova E.K. (2008) Otrazhenie sistemy cennostej v shotlandskih skazkah [Image systems of values in the Scottish fairy-tales]. [Elektronnyj resurs] — // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2008. №4. Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sistemy-tsennostey-v-shotlandskih-skazkah (data obrashcheniya: 14.07.2026). (In Russian)
6. Belyaeva L.E. (2020) Osobennosti semantiki cveta v angloyazychnoj hudozhestvennoj literature [Specifics of the semantics of light] [Elektronnyj resurs]. // Vestnik TGGPU. 2020. №3 (61). Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semantiki-tsveta-v-angloyazychnoy-hudozhestvennoy-literature (data obrashcheniya: 31.05.2026). (In Russian)
7. Bobodzhanova L.K., Sosnina M.N. (2023) Evropejskaya skazochnaya literatura: diahronicheskij aspekt [European fairy-tale literature: diachronic aspect] [Elektronnyj resurs]. // Litera. 2023. №11. Rezhim dostupa:

https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-skazochnaya-literatura-diahronicheskiy-aspekt (data obrashcheniya: 30.06.2026). (In Russian)
8. Voronina L.P. (2012) Semantika i pragmatika deminutivnyh suffiksov v russkom yazyke [Semantics and Pragmatics of diminutive suffixes in the Russian language] [Elektronnyj resurs]. // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2012. №359. Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-i-pragmatika-deminutivnyh-suffiksov-v-russkom-yazyke (data obrashcheniya: 06.07.2026). (In Russian)
9. Gogiashvili E.A. (2021) Obraz konya v gruzinskom skazochnom epose v kontekste sravnitel'noj mifologii [The image of a hourse in the Georgian fairy-tale epic in the context of the comparative mythology] [Elektronnyj resurs]. // Eposovedenie. 2021. №1 (21). Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-konya-v-gruzinskom-skazochnom-epose-v-kontekste-sravnitelnoy-mifologii (data obrashcheniya: 30.06.2026). (In Russian)
10. Gramota. [Grammar charter] [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://gramota.ru/poisk?query=arhetip&mode=slovari&dicts[]=42 (data obrashcheniya — 19.07.2026). (In Russian)
11. Davydova-Belaya A.V. (2025) Kollapsirovanie konceptov (na primere mifopoetiki donbasskogo frontira) [Collapsation of Concepts (by the example of myths and poems of Donbas frontier)] / A. V. Davydova-Belaya // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. SeriyaD. Filologiya psihologiya. 2025. № 6. S. 16–24. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18093675. (In Russian)
12. Dzhenkova E.A. (2005) Koncepty «styd» i «vina» v russkoj i nemeckoj lingvokul'turah: diss.... kand. filol. Nauk. [Concepts “shame” and “fault” in the Russian and German linguistic cultures] — Volgograd, 2005., C. 237. (In Russian)
13. Zhumanazarova S.Sh. (2026) Kul'turnye koncepty i simvolicheskoe znachenie obrazov zhivotnyh v narodnyh skazkah (na primere russkih narodnyh skazok o zhivotnyh) [Cultural concepts and symbolic meaning of the images of animals in the folk fairy-tales (by the example of the Russian fairy tales about animals)] [Elektronnyj resurs]. — / S. Sh. Zhumanazarova. Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. 2026. — № 7 (610). S. 54–56. — Rezhim dostupa: https://moluch.ru/archive/610/133692 (data obrashcheniya: 29.08.2026). (In Russian)
14. Kalkaeva A.E. (2021) Ved'my v skazochnyh syuzhetah sbornika brat'ev Grimm [Witches in the fairy-tale narrations of the brothers Grimm fairy-tale collection] \"Kinder- und hausmärchen\" : atributy i funkcii [Elektronnyj resurs]. — // Vestnik kul'turologii. 2021. №2 (97). Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/vedmy-v-skazochnyh-syuzhetah-sbornika-bratiev-grimm-kinder-und-hausm-rchen-atributy-i-funktsii (data obrashcheniya: 30.06.2026). (In Russian)
15. Kondrashova O.V. (1998) Semantika poeticheskogo slova (funkcional'no-tipologicheskij aspekt) [Semantics of the poetic speech (functional-and-typological aspect)]: avtoref. diss.... dokt. filol. nauk. — Krasnodar, 1998. (In Russian)
16. Kubryakova E.S. (2004) Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki. [About the objectives of the cognitive science and relevant problems of the cognitive linguistics] / Voprosy kognitivnoj lingvistiki. –2004. -№ 1., C. 8-9. (In Russian)
17. Kul'tura RF. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.culture.ru/materials/256317/konek-gorbunok-istoriya-sozdaniya-skazki-i-ee-ekranizacii (data obrashcheniya – 19.07.2026).
18. Kul'turologiya. RF. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://kulturologia.ru/blogs/090918/40424/(data obrashcheniya – 19.07.2026).
19. Marinicheva Yu. (2026) Russkie skazki o zhivotnyh: sistema personazhej [Russian fairy-tales about animals] [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: file:///C:/Users/Admin/Downloads/russkie-skazki-o-zhivotnyh-sistema-personazhey.pdf, (data obrashcheniya: 29.06.2026). (In Russian)
20. Proza. Ru. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://proza.ru/2012/01/28/736 (data obrashcheniya – 14.06.2026).
21. Propp V.Ya. (2001) Morfologiya volshebnoj skazki. [Morphology of the fairy-tale] Nauchnaya re¬dakciya, tekstologicheskij kommentarij I. V. Peshkova. — Izdatel'stvo “Labirint”, M., 2001. — 192 s. (In Russian)
22. Ruviki. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Sivka-burka (data obrashcheniya — 19.07.2026).
23. Ruviki. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Kelpi_(mifologiya) (data obrashcheniya – 31. 05. 2026).
24. Savickij V.M., Cherkasova E.V. (2024) Otrazhenie tradicionnyh evropejskih skazok v detskih rasskazah Roalda Dalya [Reflection of the traditional European fairy-tales in the children`s stories of Roald Dahl] [Elektronnyj resurs]. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. №7. Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-traditsionnyh-evropeyskih-skazok-v-detskih-rasskazah-roalda-dalya (data obrashcheniya: 30.06.2026). (In Russian)

25. Samsitova L.H. (2012) Sushchnost' i specifika kul'turnyh konceptov v yazykovoj kartine mira [Nature and specifics of cultural concepts in the linguistic picture of the world] / L. H. Samsitova // Vestnik Bashkirsk. un-ta, 2012. — № 3 (I). S. 1529-1532. (In Russian)
26. Slovar' biblejskih obrazov : [Spravochnik] / Pod obshch. red. Lilanda Rajkena, Dzhejmsa Uilhojta, Trempera Longmana III ; red.-konsul'tanty: Kolin Dyuries, Duglas Penni, Deniel Rejd ; [per.: Skorohodo B. A., Rybakova O. A.]. - Sankt-Peterburg : Bibliya dlya vsekh, 2005. — 1423 s.
27. Start v nauke. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://school-science.ru/2/10/30772 (data obrashcheniya: 29.08.2026).
28. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Tekst] : 72500 slov i 7500 frazeologicheskih vyrazhenij / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova ; Rossijskaya AN, In-t rus. yaz., Rossijskij fond kul'tury. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva : Az", 1994. - 907, [1] s.; 27 sm.; ISBN 5-85632-007-7
29. Cao Li. (2025) Obraznoe osmyslenie emocional'nogo koncepta zhalost' v russkoj i kitajskoj paremiologii [Figurative understanding of the emotional concept “Pity” in the Russian and Chinese paremiology] [Elektronnyj resurs]. Li Cao // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psihologiya. — 2025. — № 5. — S. 99–109. — Rezhim dostupa: https://doi.org/10.5281/zenodo.16235001. (data obrashcheniya: 29.08.2026). (In Russian)
30. Charina O.I. (2025) Obraz konya / loshadi v fol'klore russkih starozhilov severo-vostoka Yakutii [The image of stallion / horse in the folklore of the Russian old residents of the North-East of Yakutija] // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2025. № 4 (53). S. 197–206. DOI: 10.25693/ SVGV.2025.53.4.017? c. 198. (In Russian)
31. Shelepova N.V. (2007) Kontekstual'naya emotivnost' edinic leksiko-frazeologicheskogo polya "cvet" (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj prozy XX veka) [Contextual emotiveness of the items of the lexis-and-phraseological field “Light” (on the material of the English speaking literary prose)], avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk, special'nost' 10.02.04 <Germ. yaz.> / Shelepova Natal'ya Vladimirovna; [Volgogr. gos. un-t]. — Volgograd 2007. — 21 s.; 21. (In Russian)
32. Countrylife. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.countrylife.co.uk/ (data obrashcheniya – 19.07. 2026).
33. Smithsonian magazine. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.smithsonianmag.com/history/3000-year-old-uffington-horse-looms-over-english-countryside-180963968/(data obrashcheniya – 19.07. 2026).
34. Travelask.ru. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://travelask.ru/blog/posts/43259-loshad-kelpi-monstr-iz-shotlandskih-mifov-kotoryy-utaskival (vremya obrashcheniya - 15.07.2026).

Поступила в редакцию 22.07.2026 г.

FEATURES OF CONCEPT “HORSE” IN RUSSIAN AND SCOTTISH FAIRY-TALE EPICS

I. Yu. Lavrinenko, K.R. Timoshenko

The authors analyse the image of horse in the Russian and Scottish national worldviews on the material of fairy-tale epic, which is defined as a type of institutional discourse. The article is aimed at determining the features of the concept “Horse” in the Russian and English worldviews by conducting lexical and semantic analysis of the texts of the fairy-tales. The adjectives, describing the horse in the texts under study, are analyzed with the features, which they denote, being classified. The slots, structuring the concept “Horse” in the Russian and Scottish fairy-tale epics, are specified. In both discourses the concept “Horse” presents a discrete structure. Most features correlate with the horse`s appearance, i.e. in the Russian worldview the features are related to the colour of the horse, in the Scottish epic the features of the horse are described through tactile senses. In the Russian discourse the associations express a horse’s caritative attitude to a man, while in the Scottish discourse the attitude to the horse is utilitarian in nature. The horse is described as an animal, belonging to a man and possessing supernatural power as well as anthropological qualities.

***Key words**:* concept, horse, slots, fairy-tale discourse, the English and Scottish fairy-tales, lexical and semantic analysis, associatives, Konek-Gorbunek, Sivka-Burka, Kelpy, features of appearance.

Лавриненко Ирина Юрьевна.
Кандидат филологических наук.
Воронежский государственный технический университет, Российская Федерация, г. Воронеж.
Доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода.
ORCID 0000-0003-4841-0546.
E-mail: Lavrinirina1@yandex.ru

Тимошенко Ксения Романовна.
Воронежский государственный технический университет, Российская Федерация, г. Воронеж.
Студент.
ORCID 0009-0009-3528-1766
E-mail: astoriyati@gmail.ru

Larinenko Irina Yurjevna.
Candidate of Philology.
Voronezh State Technical University, Russian Federation, Voronezh.
Associate Professor at Department of Foreign Languages and Technology of Translation.
ORCID 0000-0003-4841-0546.
E-mail: Lavrinirina1@yandex.ru

Timoshenko Kseniya Romanovna.
Voronezh State Technical University, Russian Federation, Voronezh.
Student.
ORCID 0009-0009-3528-1766
E-mail: astoriyati@gmail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.5281/zenodo.23983775

СОЗДАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ РЕПОРТАЖЕЙ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2026 *Д.В. Неренц[1], А.А. Дякина[2]*
[1-2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
ORCID[1] 0000-0002-6370-0157.
ORCID[2] 0009-0005-5229-7058.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Сегодня журналисты используют нейросети для облегчения и ускорения выполнения множества рутинных рабочих задач. Работники СМИ обращаются к технологиям искусственного интеллекта (ИИ) для перевода текстов, удаления повторов, опечаток, подбора синонимов, осуществления поиска информации и пр. В статье описаны результаты творческого эксперимента: способен ли ИИ на данной стадии развития создать полноценный тематический репортаж в телевизионном формате, с сохранением всех канонов жанра и высокого качества и, тем самым, заменить часть работников ТВ-редакции. Методология исследования включала в себя использование чат-ботов GigaChat, Gamma, «Шедеврум», HeyGen, «Алиса AI», которые применялись на разных этапах для создания двух тематических репортажей. Цель статьи — описать специфику работы над тематическими репортажами с применением технологий искусственного интеллекта, выявив недостатки и преимущества нейросетей в рамках создания телевизионного продукта.

Ключевые слова: репортаж, искусственный интеллект (ИИ), нейросеть, GigaChat, Gamma, «Шедеврум», HeyGen, «Алиса AI», телевидение.

Для цитирования: Неренц Д.В. Создание тематических телевизионных репортажей с помощью технологий искусственного интеллекта / Д.В. Неренц, А.А. Дякина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 203–217. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23983775.

Введение. Нейросети стали неотъемлемой частью жизнедеятельности любой редакции СМИ. В информационных агентствах искусственный интеллект (ИИ) воспринимается как полноценный создатель контента, генерируя тексты для новостной ленты ежеминутно. В интернет-изданиях ИИ создает саммари (краткий пересказ содержания) к материалам, генерирует изображения, делает инфографику, подбирает справочный материал. На радио ИИ модулирует голос для озвучивания текстов, создает музыкальные композиции, помогает в шумоподавлении, выравнивает громкость звука и пр. На телевидении нейросетевые технологии помогают в создании сценария, создают плашки, расшифровывают аудио- и видеозаписи, генерируют видео и образы виртуальных телеведущих.

Искусственный интеллект работает с алгоритмами, поэтому чаще всего его применяют в новостных выпусках, которые содержат фактические данные и краткую сводку. Основные темы новостей с применением нейросетей — экономика, спорт, погода. При этом нейросети оказывают поддержку журналистам в создании контента: облегчают автоматические процессы, позволяя сосредоточиться на креативных аспектах

работы, однако пока не заменяют людей полностью. Тем не менее работники СМИ сталкиваются с новыми вызовами и рисками — снижением потребности в медиаспециалистах на рынке. Журналисты должны быть готовы к работе с новыми технологиями, понимать их специфику, постоянно углублять знания об искусственном интеллекте, совершенствовать свои навыки работы с ним [5, с. 159–160].

В медиасфере ощущается конкуренция за внимание аудитории. Журналисты постоянно адаптируются к новым условиям, создавая креативные проекты, которые не может самостоятельно сгенерировать искусственный интеллект. Есть также и риски, которые связаны с конфиденциальностью и качеством контента нейросетей, основанном на шаблонах [10]. СМИ могут потерять творческую составляющую работы, если будут опираться только на алгоритмы, создавая типовой продукт. Новые вызовы связаны с тем, что ИИ учится генерировать креативный контент, совершенствует свои аналитические инструменты [4, с. 119–120].

Искусственный интеллект легко может сгенерировать изображение, основываясь на текстовом запросе, а также создать видео. Нейросети — это инструмент, которым журналистам необходимо уметь пользоваться, учитывая этические нормы и авторские права. Важно понимать механизм функционирования ИИ [7, с. 204–205]. Пока нейросети не работают автономно, они являются инструментом оптимизации рабочего процесса, снижения денежных затрат на производство. Творческие наработки искусственного интеллекта начинают все чаще ассоциироваться с креативными продуктами людей. Это связано с тем, что он показал способность быть подобным человеку. Максимального сходства нейросетей с людьми ученые достигают при помощи технологий нейролингвистического программирования, а также методологического анализа текста [9, с. 48].

Исследователи подчеркивают эффективность технологий ИИ в редакционной деятельности (улучшение качества видеоизображения, звуков, шумоподавление, выравнивание яркости, распознавание лиц или объектов, расшифровка интервью, краткий пересказ видео большого хронометража, мгновенный перевод видео с других языков и пр.) [6]. ИИ способен генерировать видео и добавлять элементы, которые невозможно было снять в силу различных причин [2].

В рамках телевизионной деятельности ряд исследователей подчеркивает возможности ИИ для персонализации контента. Чат-боты и алгоритмы способны не просто выявлять закономерности медиапотребления каждого пользователя, но часто даже предугадывают эти закономерности. Так, чат-бот способен создать личную новостную ленту, где человек будет комфортно существовать в своем «информационном пузыре», читая только ту информацию, которая ему действительно интересна [3]. Еще одним важным новшеством является взаимодействие с каждым зрителем буквально в режиме реального времени. Чат-бот способен общаться с большим количеством пользователей одновременно и предоставлять данные по запросу или отвечать на какие-то стандартные вопросы. Благодаря этому у аудитории создается ощущение, что она важна и что к ней прислушиваются [11]. Чат-боты помогают также существенно сократить время на выполнение задач, требовавших раньше значительных рабочих ресурсов, поддерживают активное присутствие телеканалов в социальных медиа [1, с. 184].

В то же время описанные исследователями положительные стороны применения ИИ относятся к какой-то конкретной области, а все итоговые результаты жестко контролируются сотрудниками редакции, в противном случае могут возникать различные правовые коллизии, которые пока не отрегулированы на законодательном уровне [8]. На данном этапе нейросети не способны создавать что-то автономно и

использовать это без проверки не представляется возможным. Сложившаяся ситуация позволяет в очередной раз убедиться, что ИИ — это лишь инструмент, который будет правильно работать только в руках грамотного специалиста.

Данное исследование строится вокруг творческого эксперимента по созданию ИИ-видеорепортажа, который будет подготовлен и создан исключительно с помощью нейросетевых технологий. В качестве гипотезы выносится следующее предположение: телевизионный репортаж, созданный с помощью искусственного интеллекта, отличается неестественностью образов, лишен «эффекта присутствия» и не может по содержательности сравниться с журналистским аналогом, который предполагает присутствие корреспондента на месте события.

Искусственный интеллект как инструмент для создания телеконтента. Сотрудники телевидения используют нейросети множеством способов. «Пятый канал» привлек искусственный интеллект для оформления трансляции праздника «Алые паруса», а также телеканал провел благодаря ИИ рестайлинг логотипа (трансформировал его форму) и создал новое эфирное оформление (расширил цветовые решения, добавил сезонные обновления) [16]. ТНТ предложил зрителям стать соавторами заставок, а затем телеканал создавал их с помощью нейросети и показывал результат в эфире. Лица ТНТ на получившихся рисунках оказывались в необычных ролях и ситуациях [18]. Работники телеканала «Москва 24» использовали нейронную сеть для сезонного обновления. На российском телевидении такой прием применили впервые: ИИ использовался для ускорения постпродакшена, что значительно сократило время работы дизайнеров. Нейросеть создала яркое оформление канала, в основу которого легли узнаваемые памятники столицы и цветные граффити [21]. Телеканал НТВ применил искусственный интеллект для ремастеринга всех сезонов сериала «Мухтар». Благодаря этому сотрудникам удалось улучшить качество изображения, формат и звук, отреставрировать около тысячи часов эфирного времени тех серий, которые были сняты двадцать лет назад [14]. На СТС нейросеть создала сценарий для сериала «Сидоровы». Сценаристы загрузили в программу искусственного интеллекта тексты сценариев других ситкомов, таких как: «Воронины», «Восьмидесятые», «Дылды» и др., а нейросеть обработала полученную информацию и создала новый сериал [20]. Это доказывает способность ИИ к частичной автономии, возможность генерирования им текста с новыми героями, именами, местом и временем действия самостоятельно.

RT к двадцатилетию сделали с помощью технологий искусственного интеллекта видео: западные политики задают вопросы, ответы на которые мировая общественность не получила. Благодаря нейросетевым технологиям аватары Барака Обамы, Урсулы фон дер Ляйен, Бориса Джонсона и пр. движутся, говорят на разных языках. Для того, чтобы контент не был дезинформирующим, RT включили в видео плашку, что изображение сгенерировано [13]. Во втором видео, подготовленном к юбилею, работники RT оживили американских телеведущих. В роликах также появляется плашка: «Пародийный контент, созданный ИИ». Благодаря генерации, они стали задавать вопросы, на которые зрители «никогда не получат ответов» [22].

Нейросети выполняют не только закадровую работу, но и пробуют заменять телевизионных ведущих. Для этого им не нужно разрабатывать речевой аппарат, ходить на грим, уделять большое количество времени поиску, аналитике и написанию материала. Один из таких примеров — Снежана Туманова. Эта ведущая прогноза погоды никогда не обедает, не болеет, не ходит в отпуск. Телеканал «Свое ТВ» Ставропольского края создал ее с помощью трех нейросетей [17]. На Урале тоже внедрили аватаров вместо ведущих прогноза погоды. Телеканал ОТВ выпустил цифровых двойников журналистов: нейросети

генерируют голос, изображение и текст, а журналисты перепроверяют за ИИ найденную им информацию. Однако ошибки в тексте данная нейросеть уже может исправлять самостоятельно [15]. Аватар, который может заменить человека в кадре также был создан НВК «Саха». Цифровые телеведущие канала скопированы с сотрудников, что помогает создать доверительный для зрителей формат повествования [12].

Экспоненциальный характер развития нейросетей становится реальным вызовом как для телевизионных журналистов, так и для работников СМИ в целом. Искусственный интеллект пытается конкурировать с создателями медиаконтента, однако пока не способен сделать это качественно и полноценно. В некоторых аспектах работы нейросеть универсальна: она умеет принимать роли. Для того, чтобы она работала как редактор, ее необходимо настроить на определенную специфику работы. И сегодня уже можно создавать виральные аудиовизуальные продукты с применением технологий искусственного интеллекта.

Между тем, представленные выше примеры показывают удачный симбиоз человека и «машины». Интересно в этом контексте определить, насколько ИИ способен самостоятельно сделать полностью готовый продукт для телевидения. В качестве эксперимента было решено создать тематический репортаж, поскольку в нем отражается суть телевизионной профессии: это и стендап корреспондента, и синхроны с различными людьми, и закадровый голос, и видеоряд. Кроме того, экономическая тематика репортажей позволила также добавить в материал инфографику и статистические данные. Результаты позволят понять, способна ли нейросеть создать по-настоящему качественный видеопроект полностью автономно или что-то она пока сделать не может.

Для оценивания качества работы нейросетей в создании тематического репортажа были использованы следующие критерии: качество сгенерированного образа; наличие или отсутствие дефектов (артефактов); соответствие текстового результата промту; глубина исследования проблемы репортажа при генерации текста; техника речи аватара; приближенность анимации к мимике человека; наличие или отсутствие «эффекта присутствия».

Тематический репортаж № 1: этапы создания и оценка результата. Первый этап работы над созданием тематического репортажа с применением технологий ИИ — написание текстового промта. Для этого нужно было определить тему, идею (проблему), а также прописать структуру, добавить источники (факты), стиль и вводные данные о том, от лица кого необходимо написать материал, примерный хронометраж.

Для создания первого репортажа «Рост цен на кофе в России» неслучайно была выбрана такая тема. На момент генерации подорожание было актуально. В создании текста о кофе нейросети было сложнее допустить грубую фактологическую ошибку, которая зависела бы от формулировки или порядка слов. Для озвучивания предполагалось небольшое количество сложных узкоспециализированных терминов. Для «перекрытия» материала нейросетям не нужно было генерировать реальных политических деятелей, конкретные названия или локации, количество людей для озвучивания сводилось к минимуму. Именно в генерации и оживлении виртуальных образов у нейросетей часто случаются ошибки.

Для генерации текста первого репортажа использовался чат-бот GigaChat. Ему был отправлен данный промт: «*Ты — корреспондент. Тебя зовут Федор Журфаков. Тебе необходимо написать текст для телевизионного тематического репортажа.*

Тема: "Рост цен на кофе в России".

Проблемный вопрос: почему натуральный зерновой кофе в России за год подорожал на 27–30%?

Текст репортажа должен содержать три синхрона (СХ). Это комментарии экспертов. Один — иностранный (экспортер кофе). В этом синхроне напиши текст сначала на английском языке, а рядом — перевод на русский. Другие два синхрона должны быть от русскоговорящих экспертов: представителя кофейни и аналитика. В этих СХ текст нужен только на русском. Придумай экспертам должности и имена. Они не должны иметь прототипов в реальности. В их титре не должно быть названий компаний. Синхроны по длительности могут быть не больше 30 секунд. В СХ аналитика расскажи о том, что спрос на кофейные напитки снизился на 14–25%. Текст представителя кофейни должен содержать данные о том, какие напитки подорожали больше всего. Это эспрессо (25%) и американо (22%). Цифры по проблемному вопросу и перечисленные выше данные есть по этой ссылке: https://iz.ru/1998733/natalia-bashlykova/kofe-za-god-podorozhal-pochti-na-tret?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fcc490b2f-93c1-59b8-8a97-c922fb90c124. Сослаться нужно так: "Об этом сообщают Известия, со ссылкой на данные Росстата".

Еще один элемент репортажа — закадр (ЗК). Это текст автора, который раскрывает тему и проблему и связывает между собой синхроны.

В закадре, который будет стоять перед синхроном представителя кофейни, нужно написать, что "РИА Новости", со ссылкой на исследование "Платформа ОФД" и "Точка черного", сообщают о сокращении за 10 месяцев 2025 года числа покупок в кофейнях на 7,3%. Эти данные есть по этой ссылке: https://www.kommersant.ru/doc/8228223?tg.

Для понимания того, насколько изменилась стоимость кофе, в одном из закадров необходимо написать о том, что по данным компании Quick Resto, которые приводит "Коммерсант", цена чашки кофе за год в среднем выросла со 106 до 147 рублей. Дополнительная информация есть по этой ссылке: https://www.kommersant.ru/doc/8193983.

В закадре о Бразилии расскажи о том, что "РИА Новости" приводят данные бразильского экспорта, согласно которым Россия импортировала кофе из Бразилии на рекордные 459,3 миллиона долларов по итогам 2025 года. Вот ссылка на источник: https://ria.ru/20260113/kofe-2067493299.html.

В нескольких предложениях последнего закадра кратко расскажи о планах по введению обязательной маркировки: https://86.rospotrebnadzor.ru/news/nachalsya-eksperiment-po-markirovke-rastvorimyix-chaya,-kofe-i-kakao.html.

Третий элемент тематического репортажа — стендап. Это появление автора в кадре, оно должно быть оправданным. В нем не нужно представляться и здороваться с аудиторией. В стендапе можно представить проблемный вопрос. По хронометражу эта часть репортажа может быть около 20 секунд.

Последний элемент — "закрывашка". Это короткое представление автора текста в конце видео. Сделай его без появления корреспондента в кадре. Также упомяни в "закрывашке" информацию о том, что репортаж создан с применением технологий искусственного интеллекта.

Выстрой текст по принципу: стендап, ЗК, СХ, ЗК, СХ, ЗК, СХ, ЗК, "закрывашка". В тексте синхронов и закадров перечисли основных экспортеров кофе в Россию, причины подорожания продукта и то, какие последствия роста цен уже есть. Это должны быть факты и цифры из источников, указанных в промте.

Напиши текст в публицистическом стиле, избегай речевых повторов и длинных предложений. При упоминании фатов и цифр, нужно обязательно сослаться на

эксклюзивные источники. Сложные числа можно сокращать до целого. Обязательно при этом добавлять "около", "почти", "на уровне". Хронометраж репортажа — три минуты».

Чат-бот создал текст, в котором была отражена структура, указанная в промте. Он грамотно распределил тезисы между закадрами и синхронами так, что основные элементы получились незатянутыми и подобными по длительности, логически связанными.

Появление автора в кадре не привязано по тексту ни к какой локации, что отсылает к вопросу об оправданности стендапа. Однако остальные задачи чат-бот выполнил. Главное — GigaChat отразил в стендапе проблемный вопрос.

Для создания репортажа использовалось несколько проверенных и достоверных источников, приводились факты и цифры. Однако исследование получилось глубоким во многом за счет промта, где были указаны все источники. Для искусственного интеллекта решено было прописать все ссылки и цифры в техническом задании. Иначе генеративные нейросети могли добавить информацию, которую на этапе фактчекинга невозможно было бы подтвердить. Все цифры после генерации перепроверялись — GigaChat их не исказил.

Следующий этап подготовки тематического репортажа — генерация аватаров. Для создания их изображений был также выбран GigaChat. Визуальные промты отличаются от текстовых по содержанию. Для того, чтобы нейросеть создала качественное изображение, ей необходимо прописать: сцену, пейзаж, предмет, стиль («реализм», «импрессионизм», «кубизм», «минимализм» и пр.). Более подробное описание (свет, цвет, детали и пр.) поможет получить более точный результат [19].

Задача прописать внешность ведущего и экспертов не была задана в текстовых промтах для нейросетей. Поэтому она придумывалась с нуля перед генерацией изображений. Из текстов тематических репортажей в промты были взяты лишь должности экспертов. Промт корреспондента-студента Федора Журфакова содержит большее количество подробностей, чем описание экспертов: «*Создай детальное фото студента факультета журналистики. Ему около 23 лет. Он брюнет. Изобрази его с короткими, слегка вьющимися на концах волосами, уложенными на бок. Студент одет в серый классический костюм, белую рубашку и темно-синий галстук. Его кожа светлая с легким загаром, а глаза — темно-серые. У него прямые густые брови, острые черты лица. В правой руке студент держит белую кружку с кофе. Изобрази юношу по пояс. Студент находится на белом фоне в студийном освещении*».

Рис. 1. Федор Журфаков (корреспондент)

Изображение аватара Федора Журфакова отвечает промту. Оно получилось детальным, без ошибок. Приближенность к реальности придает четкий контур волос, а

также пар от кофе. Далее были прописаны подробные промты для создания аватаров экспертов.

Изображения для перекрытия закадров должны были ложиться по смыслу под текст. Поэтому все промты придумывались после генерации письменного репортажа. Их нужно было прописать так, чтобы они визуально соответствовали реальным процессам сборки, обработки, перевозки и приготовления кофе. Основные нейросети, которые использовались для генерации: GigaChat, «Шедеврум».

Для начала первого закадра была сгенерирована графика. Такой элемент дополняет визуальный ряд тематического репортажа о росте цен на кофе в России, отражает еще один аспект работы с искусственным интеллектом, а также содержит сноску на источник, который чат-бот не упомянул в тексте. Для этого нейросети Gamma были отправлены такие данные:

«*Цена на натуральный зерновой кофе в России.*

(Значок роста) 27–30%.

Источник: "Известия" со ссылкой на данные Росстата и аналитиков».

Нейросеть за несколько секунд превратила эти три строчки в полноценную графику. Информация при этом не искажена. Далее необходимо было показать то, как растет, собирается и обрабатывается кофе. Для этого было создано четыре изображения. Они получились реалистичными, без явных артефактов, как и последующие генерации. Однако неестественный характер видеоряду придают разные кружки на других закадрах.

В закадре необходимо было изобразить кофейню, поэтому был создан промт, в котором фигурирует бариста. Для его генерации потребовалось указать большое количество деталей и подробностей, однако не все из них нейросеть «Шедеврум» выполнила. Например, сзади него нет прилавков с пирожными, а в руках он держит не питчер, а керамический графин.

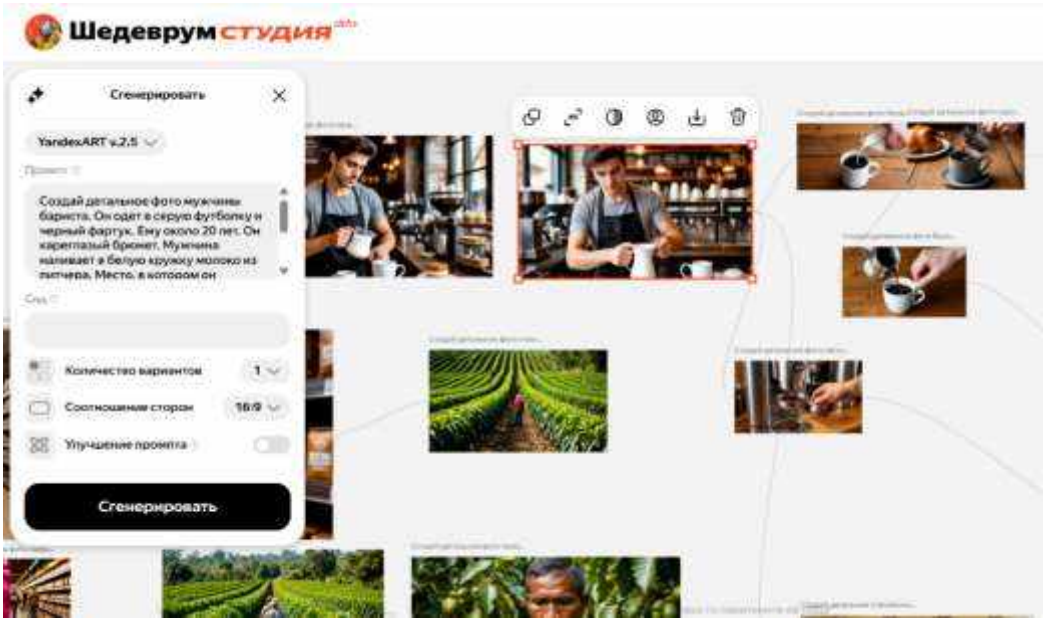


Рис. 2. Работа с нейросетью «Шедеврум»

Полученные изображения необходимо было анимировать. Для оживления аватаров была выбрана нейросеть HeyGen. Для создания видео корреспондента, текст, созданный GigaChat, был доработан и загружен в скрипт. Основные изменения, которые

необходимо было внести — прописать числительные и поставить ударение в фамилии аватара (ЖурфАков). В нейросети для него был выбран встроенный голос. Скорость речи аватара была немного увеличена (1.1х). Это сделано для того, чтобы наговор был приближен к тому, как озвучивают сюжеты журналисты.

Нейросеть успешно оживила Федора Журфакова. Его мимика в кадре по темпоритму соответствует говорению. Несмотря на то, что изначальное изображение аватара было в три четверти, HeyGen грамотно дорисовала при поворотах головы ту часть лица, которую не было видно. Движения оживленного аватара подобны живым, никакие части лица не смазываются. Его голова поворачивается, брови поднимаются, также Федор Журфаков естественно моргает. Приближенность видео к реальности добавляет пар, который идет от кружки с кофе, легкие движения корпуса, имитации вдоха. Голос аватара, несмотря на высокий уровень визуального подобия человеку, звучит роботизировано, как и интонации.

Все анимированные аватары получились приближенными к реальности. Они органично двигают телом, головой, жестикулируют без артефактов. Минусами анимации являются интонации и не совсем живая мимика. Также необходимо отметить, что придуманные эксперты уместны в творческом эксперименте. Однако в жизни без реальных людей создавать тематический репортаж с аналитическими синхронами невозможно. Такой репортаж точно не вызовет доверия у зрителя.

Особенности создания и степень реалистичности тематического репортажа № 2. Для второго репортажа «Рост цен на молочную продукцию в России» также выбрана экономическая тематика. Для генерации текста нейросети необходимо было сформулировать тему и проблему: почему стоимость молока увеличилась на 19% за 2025 год? В этом промте также, как и в первом, были прописаны источники с фактами, стиль и вводные о студенте-корреспонденте, примерный хронометраж. Однако цифры и их положение в тексте прописаны не так детально, чтобы посмотреть на работу нейросетей с поиском сведений и способностью отделения главного от второстепенного.

Тема репортажа про рост цен на молочную продукцию также была актуальна на момент создания материала, образы были просты для генерирации. Для создания текста второго материала использовалась нейросеть «Алиса AI». Ей был отправлен данный промт: *«Ты — корреспондент. Тебя зовут Федор Журфаков. Тебе необходимо написать текст для визуального тематического репортажа.*

Тема: "Рост цен на молочную продукцию в России".

Проблемный вопрос: "Почему стоимость молока увеличилась на 19% за 2025 год?"

Текст репортажа должен содержать четыре синхрона (СХ). Это комментарии экспертов. Один — аналитик рынка, второй — управляющий хозяйством (коровником), третий — директор производственного предприятия (изготовление сыра, масла, йогурта и пр.), четвертый — покупатели, необходимо написать сразу несколько коротких комментариев в одном СХ (мамы, пенсионера, молодой пары и пр.). Придумай героям должности и имена. Они не должны иметь прототипов в реальности. В их титре не может быть названий компаний. Синхроны по длительности должны быть около 30 секунд.

Еще один элемент репортажа — закадр (ЗК). Это текст автора, который раскрывает тему и проблему и связывает между собой синхроны. В начале материала тебе нужно обозначить то, о чем будет идти речь в тексте, в середине — раскрыть подробности, в конце — подвести краткие итоги и рассказать о прогнозах экспертов. Факты в синхронах и закадрах дублироваться не должны.

Третий элемент тематического репортажа — стендап. Это появление автора в кадре, оно должно быть оправданным. В нем не нужно представляться и здороваться с аудиторией. По хронометражу эта часть репортажа должна быть около 25–30 секунд. Следующий за стендапом синхрон будет посвящен хозяйству (сбору молока), поэтому можно придумать для Федора Журфакова текст, который он наговаривал бы, находясь в коровнике.

Последний элемент — "закрывашка". Это короткое представление автора текста в конце видео. Сделай его без появления корреспондента в кадре. Также упомяни в закрывашке информацию о том, что репортаж создан с применением технологий искусственного интеллекта.

Выстрой текст по принципу: ЗК, СХ, стендап, СХ, ЗК, СХ, ЗК, СХ, ЗК, "закрывашка".

В тексте синхронов и закадров перечисли основные мысли и цифры из этих ссылок: рост господдержки и максимальный объем производства: http://government.ru/news/57573/; данные по самообеспеченности российского рынка: https://tass.ru/ekonomika/26208437; по экспорту: https://milknews.ru/index/molochnye-produkty/molprodukciya-ehksport-2025.html; по снижению продаж: https://www.kommersant.ru/doc/8141123?ysclid=mogzpabf33951560854; по нереализованному продукту: https://iz.ru/2045834/denis-kuznetcov/slivki-obshchestva-v-rossii-na-skladah-skopilis-izbytki-moloka?ysclid=mogzljf52s996016073; динамику потребительских цен: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/60836/CPD_2026-3.pdf; повышение мировых: https://www.interfax.ru/business/1067148; рост стоимости других продуктов (обязательно с показателями): https://www.kommersant.ru/doc/8141122?ysclid=modzeylngx62973375; https://iz.ru/1775094/natalia-bashlykova/dobavlennoe-v-stoimost-cenam-na-slivochnoe-maslo-mozhet-ponadobitsya-gosregulirovanie; https://www.kommersant.ru/doc/8059212; https://www.megaresearch.ru/new_reality/rossiyskiy-rynok-syrov-tendencii-faktory-i-prognoz-razvitiya. Из этих ссылок возьми причины подорожания продукта и то, какие последствия роста цен уже есть. Это должны быть факты и цифры из источников, указанных в промте. Не бери никакие дополнительные показатели в материал.

Если указываешь цифру, то обязательно нужно сослаться на источник. Например, так: "По данным Росстата, остатки нереализованного молока в 2025 году превысили 73 миллиона единиц. Это на 9% больше, чем годом ранее".

Напиши текст в публицистическом стиле, избегай речевых повторов и длинных предложений. Не нужно составлять большие речевые конструкции. Необходимо простым языком рассказать о проблеме. Сложные числа нужно сократить до целого. Обязательно при этом добавить "около", "почти", "на уровне". Хронометраж репортажа — пять–шесть минут».

«Алиса AI» написала тематический репортаж по структуре, указанной в промте. Предложения в тексте простые, факты изложены доступно. Многие цифры нейросеть не привела. Однако композиционно все получилось гармонично. Те факты, которые указаны в тексте, необходимо было перепроверить.

Во втором ролике Федор Журфаков должен был выглядеть немного иначе: без кружки кофе, в другой одежде. Для этого изображение, созданное GigaChat, было отправлено «Алиса AI» с таким промтом: *«Сохрани черты лица человека точно такими же, как на фотографии. Лицо должно быть узнаваемым на 100%, без изменений анатомии, цвета кожи, глаз и губ. Не меняй прическу и цвет волос. Из руки молодого человека убери кружку с кофе. На тело поверх костюма надень полупрозрачный белый халат».*

Рис. 3. Федор Журфаков (корреспондент), созданный «Алиса AI»

Внешность аватара не изменилась, «Алиса AI» выполнила все условия промта, создала новое качественное изображение. Остальные аватары для ролика о росте цен на молочную продукцию генерировал GigaChat.

Далее необходимо было создать изображения на фон экспертам и корреспонденту, чтобы видео с ними были более приближенными к реальности. Основные нейросети, которые использовались: GigaChat, «Шедеврум». Промты для них создавались по подобной структуре. В ней нужно было отобразить характеристику уровня детализации, формы, предметы, свет и цвет.

Первый закадр второго тематического репортажа необходимо было перекрыть изображениями, посвященными ценам на молочную продукцию: магазин, полки с товарами, кассы и пр. Для этого было создано пять планов. Примеры промтов: *«Создай детальное фото продуктового магазина. Кадр — сверху. В нем видны несколько продуктовых рядов, по ним ходят люди с тележками и выбирают продукты. Свет — искусственный. Не делай фотографию слишком красочной и яркой».*

На втором плане нужно было отразить основные цифры: рост в процентах и среднюю *стоимость*, которую нейросеть не указала в тексте репортажа. Соответственно изображение сделано такое: *«Создай детальное фото полок продуктового магазина.*

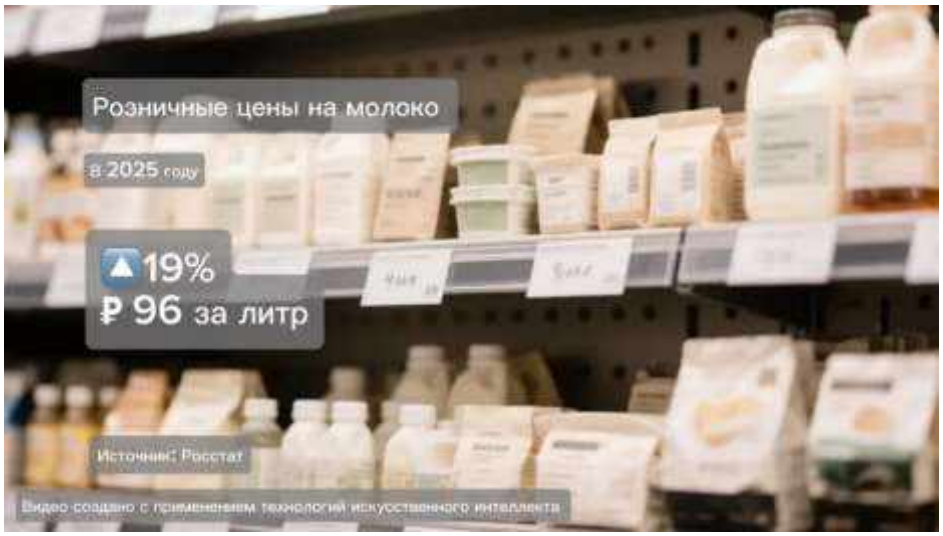


Рис. 4. Кадры, созданные нейросетью GigaChat

В кадре видны только они. На длинных полках изобрази разные упаковки с молоком, йогуртами, сыром, маслом, творогом. Лейблы на них не считываются. Под товарами — белые размытые ценники. Свет — искусственный. Не делай фотографию слишком красочной и яркой». GigaChat справился с заданием, изображения получились реалистичными, дефектов не было заметно.

Оживление героев второго ролика в HeyGen началось также с корреспондента. В скрипте Федора Журфакова были расписаны числительные, добавлены ударения: «кормАА», «РосстААт», «йООгурт», «ЖурфАков». Кроме того, были продублированы вопросы, чтобы в наговоре интонация получилась правильной. Скорость говорения, как и в первом ролике, была немного увеличена. Нейросеть грамотно дорисовала аватару жесты руками, эмоции, подбор дыхания. В стендапе нет видимых дефектов анимации.

Изображения для закадров оживлялись в нейросети «Алиса AI» по подобным коротким промтам. Вот некоторые из них:

— *«За окном ездят машины и ходят люди»;*
— *«Люди собирают зерна с кустов»;*
— *«Молодой человек ставит кувшин на стол и берет в руки кружку»;*
— *«Корабль плывет по морю»;*
— *«Рука берет пачку с кофе и кладет ее в продуктовую корзину»;*
— *«Коровы качают головой»;*
— *«Масло едет по конвейеру»;*
— *«Покупатели идут по магазину»;*
— *«Девушка берет упаковку молока с полки и внимательно смотрит на этикетку» и пр.*

На этапе оживления изображений возникали ошибки, из-за которых нужно было повторять анимацию, чтобы в финальной версии не было дефектов. Также на монтаже видео иногда замедлялись, чтобы создать эффект естественных движений. Часть видео обрезалась из-за дефектов генерации: из статичных поддонов вылетал кофе; появлялись люди, которых изначально не было на фото, одна корова наслаивалась на другую и пр. На некоторых кадрах менялись крупности.

В целом генерации получились, но их можно отличить от того, как снимают камеры — большая часть изображений выглядит рисованной. Часть изображений не оживлялась, так как при создании видео в кадре возникали дефекты. На монтаже на фон экономиста, бариста, изображение кофейни, аналитика были добавлены солнечные лучи, а некоторые кадры необходимо было настраивать по насыщенности и контрастности, так как изображения GigaChat и «Шедеврум» отличались по цветопередаче.

В обоих роликах в нижнем левом углу была добавлена маркировка: «Видео создано с применением технологий искусственного интеллекта». Также в конце это озвучивает корреспондент.

Финальный хронометраж первого репортажа — 02:44. Это соответствует промту, отправленному GigaChat. Видео кажется динамичным благодаря частой смене планов и кадров. В среднем хронометраж планов в закадрах получился около 3,4 секунд. Второй репортаж тоже получился динамичным, однако он длиннее — 04:09. Тема молочной продукции охватывала большее количество товаров, что позволило раскрыть больше деталей. Видео по хронометражу вышло короче промта. Это не ошибка нейросети, а последствия работы на других этапах: ускорение речи, удаление лишних или ошибочных элементов. Сильное отличие сгенерированных видео от реальных — отсутствие интершума. Его нет как на фоне у героев, так и на картинках, которые оживлялись в

«Алиса AI». Это один из факторов, из-за которого в генеративном репортаже невозможно добиться эффекта присутствия.

В рамках исследования важно провести сравнительный анализ репортажей, созданных с помощью ИИ, и репортажей, созданных корреспондентами, что позволяет понять перспективы дальнейшего развития нейросетей в контексте этой деятельности. Так можно выделить несколько ключевых аспектов. Первое — время. Проведенный эксперимент показал, что создание ИИ-репортажа занимает 3–4 дня плотной работы, в то время как «человеческий» репортаж готовится в течение нескольких часов и оперативно выпускается в эфир. Второе — «эффект присутствия». Корреспондент на месте события способен подмечать интересные детали и передавать аудитории атмосферу происходящего, репортаж нейросети отличается шаблонным характером, не способен к передаче характера события. Третье — достоверность. Сослаться на экспертное мнение ИИ-аватаров невозможно, так как их тезисы созданы искусственным интеллектом, высказывания очевидцев, жертв, участников событий или профессиональный комментарий специалиста в данной сфере не могут быть заменены цифровыми образами (по крайней мере на данном этапе зритель никогда не поверит таким видеокадрам). Четвертое — технические элементы. Наибольшее отличие от реальных репортажей — на планах для «перекрытия» закадрового озвучивания. Движения (оживление фото нейросетями) и мимика выглядят неестественно, некоторые планы не соответствуют реальности (задний фон выглядит нечетким, нет фокусировки). Это подчеркивает отсутствие естественности, которую можно увидеть в репортажах, полностью созданных людьми.

Говоря о сходствах репортажей корреспондентов и сгенерированных аналогов, стоит выделить текст. Сгенерированный вариант получился максимально приближенным по стилистике к журналистскому благодаря четкому промту. Для создания изображения, тем более в стиле, подобном реальным фото, требуется более сложная обработка. Нельзя сказать, что герои прорисованы некачественно — они визуально схожи с реальными спикерами, однако неестественность внешнего вида и телодвижений выдают цифровых аватаров. В то же время непрерывное улучшение ИИ-технологий позволяет в качестве перспективы предположить появление в телеэфире в ближайшем будущем сначала репортажных элементов, созданных нейросетями, а затем и полноценных ИИ-материалов.

Заключение. Получившийся продукт пока отличим от того, как в кадре выглядят люди, как снимают настоящие камеры, как пишутся качественные тематические репортажи. Но, несмотря на некоторые несовершенства, материал получился приближенным к реальности. Нейросети все более качественно генерируют изображения. Их уже можно использовать для генерации картинки, которой нет в архиве или невозможно снять. В таком случае это, наоборот, будет плюсом для зрителя, поможет ему визуализировать предметы, процессы, о которых говорит журналист. Однако, как показал эксперимент, точно, без фактических ошибок, сгенерировать все этапы производства тематического репортажа пока невозможно. Оказалось, что для генерации подобного видео нужна кропотливая закадровая работа. Поэтому полностью заменить журналистов нейросети пока не могут.

Создание тематических репортажей показало, что сгенерированные материалы качественно отличаются от того, что производит человек. Люди создают более интересные и грамотные продукты. Искусственный интеллект пока лишь стремится к копированию внешнего вида, голоса и эмоций человека. Нейросетям сложно сделать это, ведь они не наделены чувствами и эмоциональным интеллектом. Помимо этого, стоит отметить их

недостаточность знаний, доступа к информации, поэтому без реального журналиста не может быть создан качественный и достоверный телевизионный проект. Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: на сегодняшнем этапе развития нейросети не способны создавать качественные телевизионные репортажи, которые предполагают передачу «эффекта присутствия», наличие корреспондента на месте события, комментарии участников и экспертов, четкое и детальное изображение происходящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрюшина А.А. Чат-боты: новые возможности и вызовы для редакций / А.А. Андрюшина, Д.А. Мириманов // Российская школа связей с общественностью. — 2025. — № 38. — С. 175–194. — DOI: 10.24412/2949-2513-2025-38-175-194.
2. Зуйкина К.Л. Практики использования технологий искусственного интеллекта в российской тележурналистике / К.Л. Зуйкина, Д.В. Разумова // Наука телевидения. — 2025. — №2. — С. 133–158. – DOI: 10.30628/1994-9529-2025-21.2-133-158.
3. Малыгина Л.Е. Чат-боты и искусственный интеллект: перспективы развития телевизионного промодискурса / Л.Е. Малыгина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 4 (32). — С. 47–54.
4. Мухаммедова Л. Журналистика и искусственный интеллект: возможности и вызовы / Л. Мухаммедова., З. Этреков, А. Акмырадова // Ceteris Paribus. – 2024. – № 10. – С. 119–121.
5. Рубцова Н.В. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов / Н.В. Рубцова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2024. — Т. 13, № 1. — С. 156–171. — DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171.
6. Фомина А.Н. Инновационное развитие телевещательной индустрии в контексте искусственного интеллекта / А.Н Фомина // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. — 2025. — № 2. — С. 110–121. — DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-110-121.
7. Хачикян Е.И., Зорина М.В. Перспективы развития журналистики в эпоху нейросетей / Е.И Хачикян, М.В. Зорина // Современный ученый. — 2024. — № 3. — С. 202–207. — DOI: 10.58224/2541-8459-2024-3-202-207.
8. Шестерин Н.О. Кризис правового статуса генеративного искусственного интеллекта в медиасфере / Н.О. Шестерин // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2024. — № 3 (58). — С. 57–65. — DOI: https://doi.Org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/57-65.
9. Шкаленко А.В. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии: тенденции и перспективы / А.В. Шкаленко, Е.А. Фадеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. — 2022. — Т. 24, № 3. — С. 44–59. — DOI: https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4.
10. Cools H., Diakopoulos N. Uses of generative AI in the newsroom: Mapping journalists' perceptions of perils and possibilities // Journalism Practice. — 2024. — No 20 (21). — P. 1–19. — DOI: 10.1080/17512786.2024.2394558.
11. Mackova V., Sido J., Ekstein K. The Robotic Reporter in the Czech News Agency: Automated Journalism and Augmentation in the Newsroom // Communication Today. — 2020. — No 1. — P. 36–52.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. В Якутии внедрили цифровых двойников телеведущих с искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // ЯДВ. 2024. 13 нояб. URL: https://ya-dv.ru/v-yakutii-vnedrili-czifrovyh-dvojnikov-televedushhih-s-iskusstvennym-intellektom/ (дата обращения: 14.07.2026).
13. Западные политики стали говорить правду благодаря RT и нейросетям [Электронный ресурс] // RUTUBE. 2025. 23 окт. URL: https://rutube.ru/video/6ce7bbf329f6e20ead0a5bc86ec566f4/ (дата обращения: 01.07.2025).
14. «Конкурент телевидения — телевидение». Генпродюсер НТВ о премьерах, ИИ и переезде канала [Электронный ресурс] // ТАСС. 2024. 30 авг. URL: https://tass.ru/interviews/21716891 (дата обращения: 15.07.2026).
15. На Урале искусственный интеллект стал ведущим телепередач [Электронный ресурс] // Российская газета. 2024. 11 июля. URL: https://rg.ru/2024/07/11/reg-urfo/na-ekrane-avatary.html (дата обращения: 16.07.2026).

16. На Пятом канале нашли применение искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Пятый канал. 2023. 14 дек. URL: https://www.5-tv.ru/about/press/461852/napatom-kanale-nasli-primenenie-iskusstvennomu-intellektu/?ysclid=m7w4v72grh669338610 (дата обращения: 16.07.2026).
17. Нейросеть создала ведущую прогноза погоды «Снежану Туманову» [Электронный ресурс] // РБК Life. 2023. 22 марта. URL: https://www.rbc.ru/life/news/641b04da9a794705a8502474 (дата обращения: 15.07.2026).
18. Показываем новые зимние заставки, идеи которых нам прислали телезрители, а реализовала нейросеть! [Электронный ресурс] // ТНТ. 2024. 30 нояб. URL: https://tnt-online.ru/news/pokazyvaem-novye-zimnie-zastavki-idei-kotoryx-nam-prislali-telezriteli-a-realizovala-neiroset (дата обращения: 13.07.2026).
19. Промпты для нейросетей: что это такое, как писать, примеры [Электронный ресурс] // РБК Тренды. 2025. 10 фев. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/66fa5ba09a79470e8f5a71d9 (дата обращения: 21.07.2026).
20. СТС и Skillbox снимут сериал по сценарию нейросети [Электронный ресурс] // СТС. 2022. 16 мая. URL: https://ctc.ru/zakadrom/novosti/sidorovy/sts-i-skillbox-snimut-serial-po-stsenariyu-neiroseti/ (дата обращения: 17.07.2026).
21. Телеканал Москва 24 применил нейросети для создания весеннего оформления [Электронный ресурс] // Москва 24. 2023. 01 марта. URL: https://www.m24.ru/news/tehnologii/01032023/555055 (дата обращения: 14.07.2026).
22. RT выложил видеоролик с американскими ведущими, «говорящими» правду [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2025. 28 окт. URL: https://ria.ru/20251021/rt-2049631961.html (дата обращения: 06.07.2026).

REFERENCES

1. Andryushina A.A., Mirimanov D.A. (2025). Chat-boty: novye vozmozhnosti i vyzovy dlya redakcij [Chatbots: new opportunities and challenges for editorial teams]. Rossijskaya shkola svyazej s obshchestvennost'yu, 38, 175–194. – DOI: 10.24412/2949-2513-2025-38-175-194 (In Russian).
2. Zujkina K.L., Razumova D.V. (2025). Praktiki ispol`zovaniya texnologij iskusstvennogo intellekta v rossijskoj telezhurnalistike [The practice of using artificial intelligence technologies in Russian television journalism]. Nauka televideniya, 2, 133–158. DOI: 10.30628/1994-9529-2025-21.2-133-158. (In Russian).
3. Maly`gina L.E. (2018). Chat-boty` i iskusstvenny`j intellekt: perspektivy` razvitiya televizionnogo promodiskursa [Chatbots and artificial intelligence: prospects for the development of TV promodiscourse]. Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoj lingvistiki, 4 (32), 47–54. (In Russian).
4. Muxammedova L., E`trekov Z., Akmy`radova A. (2024). Zhurnalistika i iskusstvenny`j intellekt: vozmozhnosti i vy`zovy` [Journalism and artificial intelligence: opportunities and challenges]. Ceteris Paribus, 10, 119–121. (In Russian).
5. Rubczova N.V. (2024). Nejroseti v media: vozmozhnosti, problemy`, perspektivy` dlya budushhix mediaspecialistov [Neural networks in media: opportunities, problems, prospects for future media specialists]. Voprosy` teorii i praktiki zhurnalistiki, 13–1, 156–171. DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171. (In Russian).
6. Fomina A.N. (2025). Innovacionnoe razvitie televeshhatel`noj industrii v kontekste iskusstvennogo intellekta [Innovative development of the broadcasting industry in the context of artificial intelligence]. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshheniya. Seriya: E`konomika, 2, 110–121. DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-110-121. (In Russian).
7. Xachikyan E.I., Zorina, M.V. (2024). Perspektivy` razvitiya zhurnalistiki v e`poxu nejrosetej [Prospects for the development of journalism in the era of neural networks]. Sovremenny`j ucheny`j, 3, 202–207. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-3-202-207. (In Russian).
8. Shesterin N.O. (2024). Krizis pravovogo statusa generativnogo iskusstvennogo intellekta v mediasfere [The crisis of the legal status of generative artificial intelligence in the media sphere]. Vestnik VGU. Seriya: Pravo, 3 (58), 57–65. DOI: https://doi.Org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/57-65. (In Russian).
9. Shkalenko A.V., Fadeeva, E.A. (2022). Vliyanie iskusstvennogo intellekta na kreativny`e industrii: tendencii i perspektivy` [The impact of artificial intelligence on creative industries: trends and prospects]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomika, 24–3, 44–59. DOI: https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4. (In Russian).
10. Cools H., Diakopoulos N. (2024). Uses of generative AI in the newsroom: Mapping journalists' perceptions of perils and possibilities. Journalism Practice, 20 (21), 1–19. DOI: 10.1080/17512786.2024.2394558.
11. Mackova V., Sido J., Ekstein K. (2020). The Robotic Reporter in the Czech News Agency: Automated Journalism and Augmentation in the Newsroom. Communication Today, 1, 36–52.

Поступила в редакцию 22.07.2026 г.

CREATION OF THEMATIC TELEVISION REPORTS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

D.V. Nerents, A.A. Dyakina

Today, journalists use neural networks to facilitate and accelerate a variety of routine tasks. Media professionals turn to artificial intelligence (AI) technologies to translate texts, remove redundancies and typos, select synonyms, search for information, etc. This article presents the results of a creative experiment designed to determine whether AI — at its current stage of development — is capable of producing a full-fledged, high-quality thematic television report that adheres to all the conventions of the genre, potentially replacing certain roles within a TV editorial team. The research methodology involved the use of various AI tools — including GigaChat, Gamma, Shedevrum, HeyGen, and Alice AI — at different stages of the production process for two thematic reports. The article objective is to describe the specifics of creating thematic reports using AI, while identifying both the advantages and limitations of neural networks in the context of television content production.

Key words: report, artificial intelligence (AI), neural network, GigaChat, Gamma, Masterpiece, HeyGen, Alice AI, television.

Неренц Дарья Валерьевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры журналистики.
ORCID 0000-0002-6370-0157.
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

Nerents Daria Valer’evna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian State University for the Humanities, Russian Federation, Moscow.
Associate Professor at Department of Journalism.
ORCID 0000-0002-6370-0157.
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

Дякина Ангелина Александровна.
Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, г. Москва.
Магистрант.
ORCID 0009-0005-5229-7058.
E-mail: linadiakina6120@gmail.com

Dyakina Angelina Alexandrovna.
Russian State University for the Humanities, Russian Federation, Moscow.
Master’s student.
ORCID 0009-0005-5229-7058.
E-mail: linadiakina6120@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81`33
DOI: 10.5281/zenodo.23986762

АВТОРСКИЕ КОРПУСНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: ОПЫТ ЭКСПЛИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ ДЕНЕГ В РОМАНЕ Г. БЕЛЛЯ «ГЛАЗАМИ КЛОУНА»

© 2026 ***Д.В. Степанова***
Учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков»
ORCID 0000-0002-2857-4386

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлены результаты корпусного исследования романа Генриха Белля «Глазами клоуна», выполненного с использованием авторских корпусных инструментов. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом к формализованным методам анализа художественного текста и дискурса и возрастающей востребованностью корпусных технологий в современной лингвистике. Цель работы — рассмотреть особенности репрезентации темы денег в романе Генриха Белля «Глазами клоуна» с использованием современного аппарата прикладной лингвистики. Используются методы корпусного анализа с применением метода профессионально ориентированного программирования, контекстного анализа и семантической интерпретации. Установлено, что применение различных режимов работы авторского корпусного менеджера позволяет выявить как прямые, так и опосредованные языковые репрезентации темы денег, а также обнаружить новые смысловые связи, в частности, между тематической сферой денег и темой отношений главных героев Г. Шнира и Мари. Делается вывод об эвристическом потенциале авторских корпусных инструментов и эффективности сочетания количественных и качественных методов анализа при интерпретации художественного текста и дискурса.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; художественный дискурс; авторские корпусные инструменты; тема денег; семантическое сходство; управляемый искусственный интеллект; Генрих Белль.

Для цитирования: Степанова Д.В. Авторские корпусные инструменты: опыт экспликации и интерпретации темы денег в романе Г. Белля «Глазами Клоуна» / Д.В. Степанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 218–230. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23986762.

Введение. Роман Генриха Белля «Глазами клоуна» (*нем. Ansichten eines Clowns*), впервые опубликованный в 1963 году, занимает значимое место в творчестве писателя и продолжает привлекать внимание исследователей в области литературоведения, филологии и лингвистики. Интерес к произведению обусловлен нетривиальным сюжетом (насколько вообще может быть нетривиальным сюжет после греческих классиков), психологической направленностью повествования, сосредоточенного на внутреннем мире главного персонажа Ганса Шнира, критическим осмыслением послевоенного буржуазного общества Федеративной Республики Германии и роли католической церкви в условиях стремительного экономического подъема, а также своеобразной интерпретацией «вечной» темы неразделенной любви, одиночества и личностного самоопределения. Главный герой, молодой избалованный независимый артист-клоун, становится носителем авторской рефлексии о взаимоотношениях личности и общества. Как отмечают исследователи, мотивы любви, утраты и иррационального поведения свойственны и другим произведениям Генриха Белля [5; 11]. Вместе с тем выбранный для исследования роман обладает

самостоятельной художественной структурой и не воспроизводит сюжетные линии других произведений автора, что свидетельствует о мастерстве писателя и отсутствии шаблонности в его творческом мышлении.

Несмотря на критическое отношение Ганса Шнира к социальным институтам и общественным ценностям, его нельзя назвать аскетом или убежденным социалистом. Представляется обоснованной точка зрения А.Д. Костенко и С.Н. Аверкиной, характеризующих главного героя как бунтаря и эксцентрика [7], который, отвергая общественные нормы, тем не менее не отказывается от высокого уровня материального и личного благополучия.

По мнению О.Ю. Полякова и Е.Д. Гонцовой, в образе Ганса Шнира писатель в значительной степени воплотил собственное мировоззрение, отразив «взгляды и отношение к ситуации, сложившейся в послевоенной Германии» [14]. Подобная интерпретация позволяет рассматривать роман не только как художественное произведение, но и как форму авторской общественной и философской рефлексии.

Особый интерес представляют и компаративные исследования, в которых творчество Генриха Белля сопоставляется с произведениями Ф.М. Достоевского [10; 18], Дж.Д. Сэлинджера [8] и В.П. Некрасова [9]. Это говорит о значимости творчества немецкого писателя в контексте мировой литературы. Международное признание художественного наследия Г. Белля было подтверждено присуждением ему Нобелевской премии по литературе в 1972 году. Кроме того, его творчество традиционно рассматривается как одно из наиболее выдающихся явлений послевоенной *литературы руин* (*нем*. *Trümmerliteratur*).

Лингвистические исследования, в том числе непосредственно посвященные роману «Глазами клоуна», представлены значительно скромнее по сравнению с литературоведческими работами. В частности, объектом анализа становились цветовые образы в романе [17], его семантические структуры [19], а также особенности перевода зооморфных метафор [12]. Вместе с тем сохраняющийся научный интерес к роману свидетельствует о его высоком исследовательском потенциале, в том числе с позиции применения новых методов интерпретации. Настоящее исследование продолжает данное направление и ставит цель рассмотреть особенности репрезентации темы денег в романе Генриха Белля «Глазами клоуна» с использованием современного аппарата прикладной лингвистики.

Выбор темы денег не случаен и обусловлен ее значимой ролью в художественной структуре исследуемого произведения. Несмотря на выраженную психологическую направленность романа и склонность главного героя к философской рефлексии, существование Г. Шнира неотделимо от материального мира и привычки к своего рода излишествам. Экономические обстоятельства, финансовые взаимоотношения персонажей, их отношение к материальным ценностям неоднократно становятся центральными элементами повествования. При этом материальное начало постоянно взаимодействует с нематериальными категориями, например, любовью, религией, формируя одну из ключевых оппозиций произведения.

В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие задачи:

– сформировать сбалансированный лингвистический корпус оригинального немецкоязычного текста романа Генриха Белля «Глазами клоуна»;

– выявить контексты, непосредственно или опосредованно связанные с лексемой Geld («деньги»);

– осуществить интерпретацию выявленных контекстов с учетом их функционально-семантической роли в художественной структуре произведения.

Новизна данного исследования заключается в том, что текст романа анализируется с опорой на точные статистические данные, а также в комплиментарности количественной и качественной интерпретации художественного произведения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в рамках подготовки к чтению дисциплин по немецкой литературе XX века, теории текста, дискурс-анализу и корпусной лингвистике.

Актуальность работы обусловлена устойчивым интересом исследователей к формализованным методам анализа и интерпретации художественного текста и дискурса [2; 6; 13], а также высокой востребованностью корпусных технологий в научном сообществе [1; 15; 21].

Методы и материалы исследования. Методами исследования являются корпусный анализ (с применением метода профессионально ориентированного программирования [20]), контекстный анализ, а также методы семантической интерпретации.

Материалом исследования послужил оригинальный немецкоязычный текст романа Генриха Белля «Глазами клоуна», формальный объем которого составляет 91 243 токена. В качестве основного технического инструмента используется авторский программный комплекс «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» версии 2.0, разработанный на базе лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета [3; 4].

Основная часть. На первом этапе исследования был составлен сбалансированный лингвистический корпус романа. Следует отметить, что в данном случае понятие сбалансированности трактуется иначе, чем применительно к национальным корпусам языка, поскольку сформированный корпус посвящен не языку в целом, а только отдельно взятому художественному произведению. Сбалансированность корпуса обеспечивается полнотой представления текста и сохранением его внутренней структурной целостности.

Благодаря отлаженности используемого авторского программного обеспечения, процедура построения корпуса осуществляется в автоматическом режиме. Предварительно текст романа проходит этап предобработки и очищается от «шумов», т.е. элементов, не относящихся к основному содержанию текста (заглавие, номера страниц, выходные сведения и другие метаданные). После этого «очищенный» текст сохраняется как единый текстовый блок в формате *TXT* с кодировкой *UTF-8*. Используемая локально модель библиотеки обработки естественного языка *spaCy* “de_core_news_lg” производит анализ полного текста и выполняет его автоматическую сегментацию на предложения и токены, а также их лингвистическую разметку, формируя базу данных типа *SQLite*, обеспечивающей эффективный доступ к информации [16].

Авторский программный комплекс поддерживает два основных режима работы с контекстами, содержащими лексему Geld:

1) непосредственный поиск по лемме;

2) опосредованный поиск по лексемам, которые могут встретиться в сходном контекстном окружении с лексемой Geld, включая саму исследуемую лексему.

Рассмотрим каждый из указанных режимов более подробно.

Первый режим, или непосредственный поиск по лемме, реализуется с помощью функции «ВКЛ ЛЕМ» авторского корпусного менеджера (см. рисунок 1):

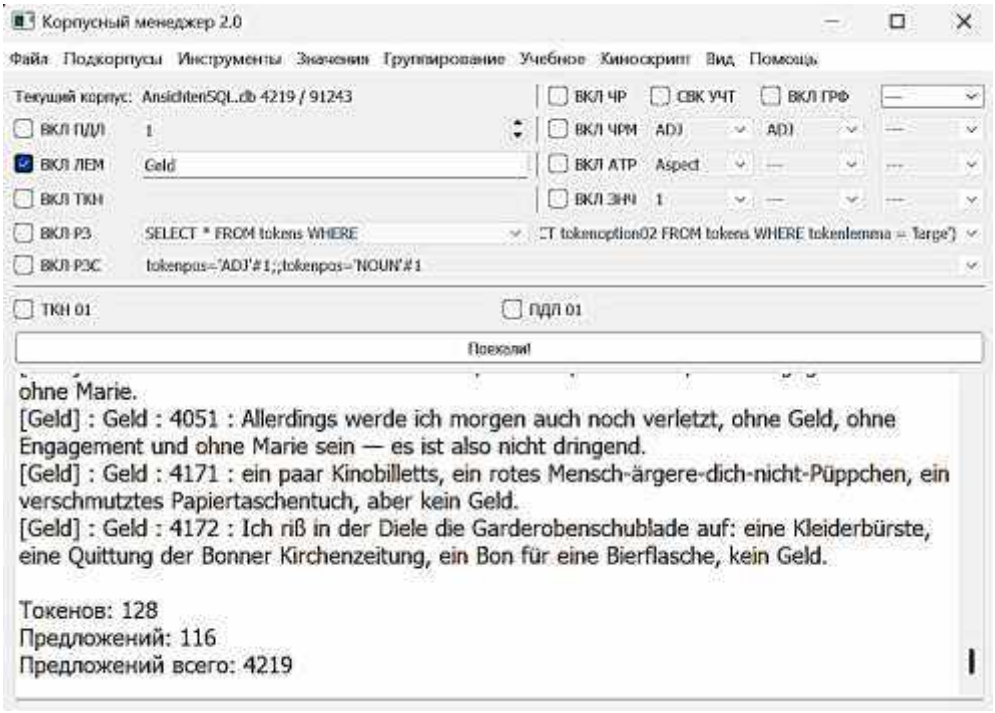


Рисунок 1. Интерфейс авторского корпусного менеджера с фрагментом результата непосредственного поиска по лемме Geld

При вводе леммы Geld в строку поиска корпусного менеджера было выявлено 128 токенов, распределенных по 116 предложениям (контекстам), что свидетельствует о том, что в некоторых предложениях исследуемая лексема встречается более одного раза. Анализ результатов вывода показал, что подобная особенность наблюдается в трех контекстах:

№ 568: Sie sagte, sie denke an die Frauen in Köln, die »diese Sache« für **Geld** machten und wohl glaubten, sie wäre mit **Geld** zu bezahlen, aber es wäre nicht mit **Geld** zu bezahlen, und so stünden alle Frauen, deren Männer dorthin gingen, in ihrer Schuld, und sie wolle nicht in der Schuld dieser Frauen stehen. — Она сказала, что думает о женщинах в Кельне, которые делали «это» за деньги и, пожалуй, думали, что деньги их извиняют. Но деньги «этого» не извиняют. Поэтому все женщины, чьи мужья туда ходили, оказались должны, а она не хочет быть должной этим женщинам[2].

№ 2751: Es war teuflisch, es war **Geld** und doch kein **Geld**, und es war nie das, was wir wirklich brauchten: unmittelbar **Geld**. — Это было что-то дьявольское, это были деньги, но в то же время и не деньги, и это никогда не было тем, в чем мы действительно нуждаемся: обычные наличные деньги.

№ 2954: In seinen Augen las ich es: er konnte sein **Geld** nicht einem Clown geben, der mit **Geld** nur eins tun würde: es ausgeben, genau das Gegenteil von dem, was man mit **Geld** tun mußte[3]. — В его глазах я прочел это: он не мог отдать свои деньги клоуну, который может сделать с деньгами только одно: потратить их, то есть совершенно противоположное тому, что нужно делать с деньгами.

Даже такие общие количественные данные позволяют сделать предварительный вывод о значимости темы денег в художественной структуре романа: лексема Geld один или более раз употребляется в 2,75 % общего числа предложений произведения, при том,

[2] Здесь и далее перевод наш — *Д. С.*
[3] Сохранена орфография оригинального немецкого текста.

что данный результат получен исключительно на основе поиска по одной лемме и не учитывает другие единицы соответствующего семантического поля, такие как Mark («марка»), Münze («монета») и пр. Такой режим поиска отражает непосредственную языковую репрезентацию исследуемой темы.

Существенно больший исследовательский интерес представляет второй режим работы авторского корпусного менеджера, который позволяет выявить не только прямые, но и косвенные способы языковой репрезентации темы денег в романе, что значительно расширяет возможности ее последующей интерпретации.

Функция «Сем. сходство сущ. ТКН» предназначена для выявления имен существительных, семантически близких заданной лемме в рамках исследуемого корпуса. На вход алгоритма подается одна или несколько лемм-существительных. Далее в каждом предложении корпуса автоматически извлекаются все токены-существительные, включая имена собственные, для которых средствами библиотеки *spaCy* определены леммы. На следующем этапе для каждой пары «заданная лемма — существительное текущего предложения» вычисляется коэффициент семантического сходства на основе векторного представления слов (*word embedding*), реализованного в модели “de_core_news_lg” библиотеки *spaCy*. Значение коэффициента варьируется в диапазоне от -100% до 100%. Следует подчеркнуть, что под семантическим сходством в данном случае понимается не принадлежность слов к одному синонимическому ряду, как это было бы разумно предложить в рамках традиционной лингвистической терминологии. Рассчитываемая величина отражает степень близости векторных представлений лексем, сформированных языковой моделью на основе статистики их совместной встречаемости в текстах. Иными словами, высокий показатель свидетельствует о высокой вероятности употребления сравниваемых лексем в сходных контекстах. При этом синонимические отношения являются одним из возможных случаев. Отрицательные значения коэффициента указывают при всей возможной погрешности на существенное различие векторных представлений исследуемых лексем и, соответственно, на крайне низкую вероятность их функционирования в сходном контекстном окружении с точки зрения используемой языковой модели. Вместе с тем полученные оценки следует рассматривать как вероятностные, поскольку модели распределенной семантики основаны на статистическом прогнозировании языковых закономерностей и не обеспечивают абсолютной точности результатов.

Для иллюстрации принципа работы такого алгоритма рассмотрим результаты работы проведенного эксперимента с немецкоязычной моделью *spaCy*. Так, немецкие существительные Hund («собака») и Katze («кошка») характеризуются достаточно высоким коэффициентом семантического сходства (67%), поскольку в языке они регулярно функционируют в сходных контекстах, например: “Alle lieben Hünde und Katzen”. — Все любят собак и кошек. При этом высокая степень сходства определяется не наличием синонимических отношений между лексемами, а близостью их контекстного употребления. Аналогичным образом лексемы Essen («еда») и Trinken («питье») демонстрируют коэффициент семантического сходства, равный 73 %, а лексемы Kanzler («канцлер») и Bundeskanzler («федеральный канцлер») показывают 86 %. Таким образом, вычисляемый коэффициент отражает прежде всего степень контекстно-семантической близости слов, сформированной на основе их распределения в обучающем корпусе языковой модели, а не лексико-семантические отношения, рассматриваемые в традиционной лингвистике.

Результат работы функции достаточно информативен. Программа создает файл в формате CSV с разделителем-запятой, где каждая запись содержит номер предложения,

коэффициент контекстно-семантического сходства между исследуемой леммой Geld и существительным предложения текста, полный текст предложения и количество вхождений лексемы или лексем, которые заданы пользователем в качестве поискового запроса.

Значимость работы этой функции состоит в ее непредсказуемости, поскольку она задействует не механизм сравнения, а предиктивный механизм языковой модели, основанный на распределительных векторных представлениях слов. В результате система выявляет не только заданные лексемы, но и потенциально значимые контекстные связи. При использовании стандартного поиска исследователь получает заранее ожидаемый результат, а именно совокупность предложений, содержащих заданную лемму. Предлагаемый подход принципиально отличается тем, что использует возможности моделей обработки естественного языка библиотеки *spaCy* для прогнозирования контекстной близости лексем. Благодаря этому исследователь получает дополнительные сведения о потенциальном контекстно-семантическом сходстве единиц текста, которые невозможно выявить на основе буквального совпадения словоформ. Следовательно, корпусный анализ выходит за рамки традиционного поиска и приобретает элементы интеллектуальной обработки языковых данных. При этом следует подчеркнуть, что используемый алгоритм относится к классу предиктивных моделей обработки естественного языка и функционирует в рамках заранее обученной языковой модели (технология управляемого искусственного интеллекта). Данный подход принципиально отличается от генеративного искусственного интеллекта, ориентированного на создание нового текстового окружения.

Итак, полученный файл в формате *CSV* содержит 4 219 строк, что соответствует общему количеству предложений в корпусе (см. рисунок 2). Для каждого предложения в таблице (номер предложения указан в столбце B) рассчитан коэффициент семантического сходства (столбец C) и количество вхождений заданной лексемы Geld (столбец A). Открытие файла в программе OpenOffice Calc позволяет сортировать данные и выделить предложения, в которых вхождение лексемы Geld максимально, что совпадет с примерами предложений, рассмотренных ранее при непосредственном поиске по лемме, что подтверждает корректность работы алгоритма и согласованность результатов различных режимов авторского корпусного менеджера.

	A	B	C	
1	0	3527	-14	Der Herbstabend, bei uns im Park, als Edgar Wieneken die 100 Meter in 10.1 lief.
2	0	3788	-14	Und Sie haben ein kleines m vergessen, gnädige Frau, an entscheidender Stelle;
3	0	3325	-13	Heinrich war vollkommen hilflos Maries Ängsten gegenüber, und gerade, daß er so hilflos war, empfand ich als tröstlich.
4	0	1084	-12	Karl Emonds und Heinrich Behlen, auch Züpfner,
5	0	2224	-12	Grete (Luise, Birgit).
6	0	2736	-12	Marie wurde knallrot, Heinrich lächelte.
7	0	2768	-12	Edgar freute sich, mich wiederzusehen.
8	0	2897	-12	Ich nahm mir vor, Heinrich Behlen anzurufen und Karl Emonds.
9	0	3385	-12	»Bitte«, sagte ich, »spielen Sie doch die Mazurka B-Dur Opus 7 Nr. 1.« »Ich habe jahrelang nicht mehr Chopin gespielt, i
10	0	3478	-12	Oh, vergessenes, verschlucktes kleines m.

Рисунок 2. Фрагмент визуализации файла *CSV* с показателями минимальных значений коэффициента семантического сходства

Релевантной представляется сортировка по коэффициенту семантического сходства (столбец C), осуществляемая в порядке возрастания значений, что позволяет сфокусироваться на зоне отрицательных показателей (от -14 % до -1 % для данного поискового запроса).

Как отмечалось ранее, достоверность последующего интерпретационного этапа исследования непосредственно связана с корректным пониманием принципов формирования значений этих коэффициентов. Например, значения равные и

приближенные к 100 % являются наиболее очевидными для анализа и в значительной степени предсказуемыми, поскольку указывают на высокую степень близости между сравниваемыми лексемами, например:

1494: Ich glaube, er hätte mir sogar **Geld** gegeben, wenn ich ihn drum gebeten hätte. — Я думаю, он бы даже дал мне денег, если бы я об этом попросил.

или

3567: Ich brachte es nicht über mich, sie um **Geld** zu bitten. — Я не пересилил себя настолько, чтобы попросить денег.

Такой высокий показатель объясняется тем, что в обоих приведенных предложениях не встречаются какие-либо существительные, кроме лексемы Geld, поэтому при расчете коэффициента сравнение фактически осуществляется между двумя идентичными единицами (Geld–Geld), что в рамках используемого алгоритма интерпретируется как полное совпадение (100%).

Наибольший минимум в указанном контексте достигает значения -14 % и наблюдается в таких предложениях, где замена выявленного существительного, включая имена собственные, на лексему Geld с точки зрения языковой модели представляется крайне маловероятной и не соответствующей типичным закономерностям контекстного употребления, например:

2736: **Marie** wurde knallrot, **Heinrich** lächelte. — Мари покраснела до ушей, Генрих улыбнулся.

или

3527: Der **Herbstabend,** bei uns im **Park,** als **Edgar Wieneken** die 100 **Meter** in 10,1 lief. — Осенний вечер, у нас в парке, когда Эдгар Винекен пробежал стометровку за 10,1 секунды.

Принимая во внимание специфику расчета коэффициента семантического сходства, следует с осторожностью интерпретировать тот факт, что в подавляющем большинстве контекстов с отрицательным значением упоминается Мари. Вместе с тем полученный результат позволяет выдвинуть предположение, что тема денег и тема отношений с Мари разводятся как диаметрально противоположные, что подтверждает факты, часто выдвигаемые в ходе литературоведческой (качественной) интерпретации романа: любовь Ганса Шнира к Мари носит в высшей степени абстрактный и идеализированный характер, не совместимый с реалиями быта (да и сам Г. Шнир практически не совместим с практическими аспектами повседневной жизни).

Приведем ниже некоторые из самых характерных таких контекстов с отрицательными значениями коэффициента семантического сходства:

3595: (-12 %) Sabine, sagte ich, Marie ist von mir weg — und hat einen gewissen Züpfner geheiratet. — «Сабина», — сказал я. — «Мари ушла от меня и вышла замуж за некого Цюпфнера».

3340: (-11 %) Es war fast zwei Uhr nachts geworden, und ich stritt mich später mit Marie darüber, ob das, was ich dann sah, wirklich passiert war oder nicht. — Было почти два часа ночи, и я спорил с Мари о том, случилось ли то, что я видел, на самом деле или нет.

78: (-10 %) Ich verstand nicht, daβ Marie ausgerechnet zu ihm übergelaufen war, aber vielleicht hatte ich Marie nie “verstanden“. — Я не мог понять, что Мари ушла именно к нему, но может быть я Мари никогда по-настоящему и не «понимал»?

105: (-10%) Ich müβte sagen: uns, Marie und mich. — Мне пришлось сказать: мы, Мари и я.

441: (-10 %) Bei Marie ist das anders. — С Мари все по-другому.

660: (-10 %) Ich wurde wach, als Marie aufstand, sich wusch und anzog. — Я проснулся, когда Мари уже встала, приняла душ и оделась.

Осторожность в интерпретации полученных результатов обусловлена тем, что имя нарицательное Geld и какие-либо имена собственные не являются взаимозаменяемыми в одинаковых контекстах, и уже поэтому могут показывать отрицательные значения.

Для проверки данной гипотезы был проведен дополнительный эксперимент с использованием лексемы Hand («рука»), частотность употребления в романе которой сопоставима с частотностью употребления лексемы Geld (более 100 раз). В контекстах с отрицательным значением коэффициента семантического сходства в диапазоне от -10 % до -1 % имя собственное Marie встречается всего 6 раз, тогда как для лексемы Geld этот показатель составляет 76 случаев. Полученные результаты позволяют предположить, что предварительная гипотеза о том, что тематические сферы денег и отношений Ганса и Мари в художественной структуре романа скорее противопоставлены, чем объединены, получает дополнительное подтверждение.

Для полноты анализа далее необходимо дополнительно выявить и интерпретировать контексты совместного употребления лексем Geld и Marie в пределах одного предложения. Такой тип поиска позволяет перейти от анализа отдельных контекстных характеристик лексем к исследованию их непосредственного взаимодействия в структуре художественного текста и дискурса. Реализация данного этапа исследования осуществляется с помощью предусмотренной корпусным менеджером функции ручного запроса, которая принимает строку SQL и обеспечивает прямое обращение к базе данных корпуса:

SELECT * FROM sents WHERE senttext LIKE '%Marie%' and senttext LIKE '%Geld%'

Результаты данного запроса ограничиваются 12-ю контекстами совместного употребления заданных двух лексем, которые показывают, что «Мари» и «деньги» формально все же контекстуально пересекаются, хотя для 128-ми употреблений лексемы Geld в романе (не учитывая компоненты семантического ряда) 12 совместных контекстов является достаточно скромным показателем (9,4%). Ниже представлены наиболее показательные контексты:

317: **Marie** würde mir **Geld** geben, sofort, alles, was sie besaß, und sie würde zu mir kommen und mir beistehen, besonders, wenn sie erführe, welche Serie von Mißerfolgen mir beschieden gewesen ist, aber sie würde nicht ohne Begleitung kommen. — Мари дала бы мне денег, сразу же, все, какие у нее есть, и она бы пришла и поддержала меня, особенно, когда узнала, какая цепочка неудач меня постигла, но она пришла бы не одна.

1355: Wir hatten das **Geld** für die Fahrt zusammengekratzt, weil **Marie** soviel daran gelegen hatte, die Einladung anzunehmen. — Вместе мы наскребли денег на поездку, потому что для Мари это приглашение было очень важным.

2296: Als der Milchjunge klingelte, saßen wir im Wohnzimmer, und **Marie** ging raus, öffnete ihm und gab ihm **Geld**. — Когда мальчик-молочник позвонил, мы сидели в гостиной, и Мари открыла ему и дала деньги.

3419: In **Maries** Händen verlor sogar das **Geld** seine Fragwürdigkeit, sie hatte eine wunderbare Art, achtlos und zugleich sehr achtsam damit unizugehen. — В руках Мари деньги теряли свою сомнительность, она удивительно умела небрежно, и в то же время аккуратно обращаться с ними.

3972: **Marie** hatte mir doch gesagt, als ich mit dem **Geld** von Edgar Wieneken kam, daß wir uns nie, nie mehr trennen würden. — Но Мари сказала мне, когда я пришел с деньгами Эдгара Винекена, что мы никогда, никогда не расстанемся.

4050: Ich bin nämlich verletzt, am Knie, ohne **Geld**, ohne Engagement — und ohne **Marie**. — Ведь у меня травма колена, я без денег, без выступлений — и без Мари.

4051: Allerdings werde ich morgen auch noch verletzt, ohne **Geld**, ohne Engagement und ohne **Marie** sein — es ist also nicht dringend. – Во всяком случае завтра у меня также все еще будет травма, и я буду без денег, без выступлений и без Мари, так что это не срочно.

Выявленные примеры позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, между материальным началом лексемы Geld и нематериальной сферой личных отношений Ганса и Мари существует определенная связь, которая проявляется в отдельных контекстах романа. Качественная интерпретация характера этой связи выходит за рамки данной статьи, однако выявление самого факта ее наличия представляется значимым результатом корпусного исследования. Во-вторых, данные примеры демонстрируют гибкость применения авторских корпусных инструментов, позволяющих не только выявлять частотные характеристики отдельных лексем, но и интерпретировать художественное произведение.

Следующий этап исследования в рамках анализа на основе семантического сходства был направлен на выявление в корпусе сложных существительных с компонентом Geld, а также лексических единиц, функционирующих в их близком контекстном окружении. Для реализации данного этапа файл *CSV* был отсортирован по столбцу коэффициента семантического сходства в порядке убывания значений. В рамках данной работы были рассмотрены контексты со значением коэффициента от 50 % до 100 %, в которых количество вхождений лексемы Geld равняется нулю, что позволило выявить случаи, в которых тема денег выражается посредством других лексических единиц:

4187: (68 %) Ich hoffte, sie würden alle genug **Kleingeld** bei sich haben, wenn sie vorbeikamen. — Я надеялся, что у них у всех найдется достаточно мелочи, когда они зайдут ко мне.

1358: (56 %) Wir hatten kein **Fahrgeld** mehr. — У нас больше не было денег на проезд.

1846: (53 %) Wir bekamen nur sehr wenig **Taschengeld**. — Мы просто получали очень мало карманных денег.

30: (50 %) Ich konnte den knurrigen Taxifahrer nur beruhigen, indem ich ihm meinen elektrischen Rasierapparat nicht als **Pfand**, sondern als **Bezahlung** übergab. — Ворчливый таксист успокоился только тогда, когда я вручил ему мою электробритву — не как залог, а как оплату.

Следует отметить, что при первом режиме работы корпусного менеджера получение подобных результатов было бы невозможно, поскольку ни один из приведенных контекстов не содержит вхождений исследуемой лексемы Geld. Таким образом, анализ на основе семантического сходства расширяет границы корпусного поиска, позволяя выявлять дополнительные способы реализации исследуемой темы в художественном тексте и дискурсе.

Заключение. В рамках настоящего исследования была поставлена цель рассмотреть особенности репрезентации темы денег в романе Генриха Белля «Глазами клоуна» с использованием современного аппарата прикладной лингвистики.

Для достижения поставленной цели был сформирован сбалансированный лингвистический корпус оригинального немецкоязычного текста романа, который может выступать самостоятельным ресурсом для проведения дальнейших исследований в области лингвистики, филологии и литературоведения. На основе созданного корпуса были выявлены контексты, связанные с тематической сферой денег в романе, при этом применялись различные режимы работы авторского корпусного менеджера: непосредственный поиск по лемме Geld и поиск по показателям контекстно-

семантического сходства, реализуемый с использованием элементов технологии управляемого искусственного интеллекта.

Проведенный анализ полученных данных показал, что применение различных корпусных методов позволяет выявлять не только прямые языковые репрезентации исследуемой темы, но и более сложные формы ее реализации в художественном произведении. В частности, анализ контекстов, связанных с лексемой Geld, выявил неожиданные результаты, связанные с темой отношений Ганса Шнира и его возлюбленной Мари. Данный аспект не являлся исходным объектом исследования, однако был выявлен в процессе корпусного анализа и продемонстрировал эвристический потенциал используемых авторских инструментов в контексте интерпретации художественного текста и дискурса.

Особое значение имеет возможность сочетания количественных и качественных методов исследования. Если интерпретация художественного текста и дискурса в традиционном понимании преимущественно зависит от исследовательской интуиции и аналитического опыта, то корпусный подход предоставляет дополнительные формализованные данные, позволяющие обнаружить закономерности функционирования языковых единиц и обеспечить более высокую степень объективности выводов.

Следует подчеркнуть, что результаты представленной работы базируются на формализованных данных, которые отвечают требованиям воспроизводимости и верифицируемости, поскольку получены в ходе стандартизированного оперирования программным комплексом «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер».

Перспектива дальнейшего исследования связана с применением разработанной методики к изучению других произведений Генриха Белля, а также к текстам авторов, представляющих направление *литературы руин*. Кроме того, представляется перспективным расширение анализируемого материала за счет включения дополнительных тематических лексических полей и сопоставительного исследования особенностей их языковой репрезентации в различных произведениях художественной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева И.В. Роль корпусных методов в филологических исследованиях (на примере изучения лексемы «один» с помощью Национального корпуса русского языка) / И.В. Васильева, Е.В. Машнина, Е.О. Непоклонова // Начала Русского мира. — 2026. — № 2. — С. 86–94. — EDN GWWWFS.
2. Горожанов А.И. Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) / А.И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 1. — С. 132–138. — DOI 10.30853/phil20240020. — EDN JTWSIQ.
3. Горожанов А.И. Подкорпус как инструмент интерпретации и дидактизации дискурса / А.И. Горожанов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2026. — № 1. — С. 43-53. — DOI 10.29025/2079-6021-2026-1-43-53. — EDN CGEVJA.
4. Горожанов А.И. Теоретико-методологические основы разработки лингвистического корпуса (актуальное состояние и перспектива) / А.И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18, № 12. — С. 5556–5565. — DOI 10.30853/phil20250748. — EDN GERAOH.
5. Данилкова Ю.Ю. Мотив безумия в романе Г. Белля «Бильярд в половине десятого» / Ю.Ю. Данилкова // Журнал филологических исследований. — 2026. — Т. 11, № 2. — С. 21–24. — EDN BTSBOW.
6. Иомдин Б.Л. «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и «Предварительные итоги» Ю.В. Трифонова: параллели и их лингвистический анализ / Б.Л. Иомдин, М.Б. Иомдин // Вопросы языкознания. — 2025.— № 5. — С. 76–91. — DOI 10.7868/S303452430373-658X.2025.4.76-91. — EDN DSANDH.
7. Костенко А.Д. Образ героя-эксцентрика в романе Генриха Бёлля «Глазами клоуна» / А.Д. Костенко, С.Н. Аверкина // Литература в глобальном мире: поэтика, компаративистика, имагология : Коллективная монография / Отв. редакторы Е.А. Сакулина., С.М. Фомин. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2023. — С. 247–55. — EDN NBAUPD.

8. Кучукова З.А. Джером Сэлинджер и Генрих Бёлль: опыт транскультурного творчества / З.А. Кучукова, Б.А. Берберов, Л.Б. Берберова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 6–2. — С. 280–291. — DOI 10.20339/PhS.6-20.280. — EDN UMUWAP.
9. Мельникова Л.А. Г. Белль и В.П. Некрасов: к проблеме русско-немецкого послевоенного литературного диалога / Л.А. Мельникова // Филологические открытия : Сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции, Уссурийск, 23 мая 2019 года / Ответственный редактор Н.В. Беляева. — Уссурийск: Дальневосточный федеральный университет, 2019. — С. 75–77. — EDN UBPZZO.
10. Мельникова Л.А. Литературные герои Г. Бёлля и Ф. М. Достоевского: Художественные переклички / Л.А. Мельникова // Проблемы филологического образования : Межвузовский сборник научных трудов / Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Том Выпуск 12. — Саратов: Саратовский источник, 2020. — С. 189–194. — EDN YXKQKC.
11. Нариманова М.В. Мотивы любви, памяти, утраты в новеллах Г. Белля «Путник, придешь когда в Спа...» и «Я не могу ее забыть» / М.В. Нариманова, Ю.А. Старицына // XII Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: человек и традиция» : Сборник материалов международной научной конференции. В 2-х частях, Челябинск, 26–28 февраля 2026 года. — Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2026. — С. 181–183. — EDN UOHDIE.
12. Персинина А.С. Особенности перевода зооморфных метафор на материале романа Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns» и его переводов на английский и русский языки / А.С. Персинина, М.Г. Задонская, И.К. Машко // Иностранные языки в экономических вузах России: Всероссийский научно-информационный альманах. Том Выпуск 21. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. — С. 66–71. — EDN KELBWF.
13. Писарик О.И. Корпусный подход к интерпретации конститутивных пространственных локусов в повести «Хоббит, или Туда и обратно» Дж. Р. Р. Толкина. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2026. — № 2. — С. 205–217. — DOI 10.29025/2079-6021-2026-2-205-217.
14. Поляков О.Ю. Аксиологическая проблематика романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» / О.Ю. Поляков, Е.Д. Гонцова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019) : Сборник статей XIX Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х томах, Киров, 01–26 апреля 2019 года / Вятский государственный университет. Том 3. — Киров: Вятский государственный университет, 2019. — С. 854–859. — EDN LIGMHG.
15. Рахилина Е.В. О цифровой лексикографии / Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. — 2025. — № 1. — С. 360–366. — DOI 10.31912/pvrli-2025.1.32. — EDN DOGODQ.
16. Степанова Д.В. Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ / Д.В. Степанова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. — 2023. — № 6(127). — С. 123–130. — EDN FMBTKO.
17. Торопыно Д.И. Цветовые образы в романе Г. Белля "Глазами клоуна" в рецептивном акте читательского восприятия / Д.И. Торопыно // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки : Материалы XIV Национальной научно-практической конференции, Брянск, 23 апреля 2025 года. — Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2025. — С. 110–113. — EDN BXDRRG.
18. Черняева Н.В. Проблема жизненного выбора в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и повести Г. Белля «Поезд пришел вовремя» / Н.В. Черняева // Дневник науки. — 2021. — № 6(54). — EDN CEAKGW.
19. Шиндель С.В. Антисимметрийные семантические структуры романа Генриха Бёлля «глазами клоуна» / С.В. Шиндель // Язык науки и профессиональная коммуникация. — 2020. — № 2. — С. 70–77. — DOI 10.24411/2658-5138-2020-10006. — EDN MFMMCA.
20. Gorozhanov A.I. Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula / A.I. Gorozhanov, I.A. Guseynova // Training, Language and Culture. — 2020. — Vol. 4, № 4. — P. 23–38. — DOI 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38. — EDN ENGZZF.
21. Malyuga E. Lexical co-occurrence of the modal verb “must” in business media discourse: a Corpus-based study / E. Malyuga // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. — 2026. — Vol. 25, № 1. — P. 81–90. — DOI 10.15688/jvolsu2.2026.1.6. — EDN XBRUBE.

REFERENCES

1. Vasilyeva I.V. & Mashnina E.V. & Nepoklonova E.O. (2026). Rol' korpusnykh metodov v filologicheskikh issledovaniyakh (na primere izucheniya leksemy «odin» s pomoshch'yu Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [The role of corpus methods in philological research (using the example of studying the lexeme "odin" using the national corpus of the Russian language)]. Nachala Russkogo mira, 2, 86–94. (In Russian).
2. Gorozhanov A.I. (2024). Algoritmy poiska frazeologizmov v lingvisticheskom korpuse s morfologicheskoi razmetkoi (indoevropeiskie iazyki) [Algorithms for searching phraseological units in a linguistic corpus with

morphological markup (Indo-European languages). Philology. Theory & Practice, 17(1), 132–138. https://doi.org/10.30853/phil20240020 (In Russian).
3. Gorozhanov A.I. (2025). Teoretiko-metodologicheskie osnovy razrabotki lingvisticheskogo korpusa (aktual'noe sostoyanie i perspektiva) [Theoretical and methodological foundations for the development of a linguistic corpus (current status and prospects)]. Philology. Theory & Practice, 18(12), 5556–5565. https://doi.org/10.30853/phil20250748 (In Russian).
4. Gorozhanov A.I. (2026). Podkorpus kak instrument interpretatsii i didaktizatsii diskursa [Subcorpus as a tool for discourse interpretation and didacticization]. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1, 43–53. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-1-43-53 (In Russian).
5. Danilkova Yu.Yu. (2026). Motiv bezumiya v romane G. Belya «Bil'yard v polovine desyatogo» [The motif of madness in H. Böll's novel Billiards at Half Past Nine]. Zhurnal filologicheskikh issledovanii, 11(2), 21–24. (In Russian)
6. Iomdin B.L. & Iomdin M.B. (2025). "Master i Margarita" M. A. Bulgakova i "Predvaritel'nye itogi" Yu.V. Trifonova: paralleli i ikh lingvisticheskii analiz [Mikhail Bulgakov's "The Master and Margarita" and Yury Trifonov's "Preliminary Results": parallels and their linguistic analysis]. Voprosy yazykoznanija, 5, 76–91. https://doi.org/10.7868/S303452430373-658X.2025.4.76-91 (In Russian)
7. Kostenko A.D. & Averkina S.N. (2023). Obraz geroya-ekstsentrika v romane Genrikha Byollya «Glazami klouna» [the imaging of the hero-eccentric in Heinrich Böll's novel Through the Eyes of a Clown]. In E. A. Sakulina & S. M. Fomin (Eds.), Literatura v global'nom mire: poetika, komparativistika, imagologiya: Kollektivnaya monografiya (pp. 247–255). Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N.A. Dobrolyubova. (In Russian)
8. Kuchukova Z.A. Berberov B.A. & Berberova L.B. (2020). Dzherom Selindzher i Genrikh Bel': opyt transkul'turnogo tvorchestva [Jerome Salinger and Heinrich Böll: experience of transcultural creativity]. Philological sciences. Scientific essays of higher education, 6-2, 280–291. https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.280 (In Russian)
9. Melnikova L.A. (2019). G. Bell' i V.P. Nekrasov: k probleme russko-nemetskogo poslevoennogo literaturnogo dialoga [H. Böll and V. P. Nekrasov: On the issue of Russian-German post-war literary dialogue]. In Filologicheskie otkrytiya: Sbornik nauchnykh statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, Ussuriisk, 23 maya 2019 goda (pp. 75–77). Ussuriisk: Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet. (In Russian)
10. Melnikova L.A. (2020). Literaturnye geroi G. Belya i F. M. Dostoevskogo: Khudozhestvennye pereklichki [the literary heroes of H. Böll and F.M. Dostoevsky: literary echoes]. In Problemy filologicheskogo obrazovaniya: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet imeni N. G. Chernyshevskogo (Issue 12, pp. 189–194). Saratov: Saratovskii istochnik. (In Russian)
11. Narimanova M.V. & Staritsyna Yu.A. (2026). Motivy lyubvi, pamyati, utraty v novellakh G. Belya «Putnik, pridesh' kogda v Spa...» i «Ya ne mogu ee zabyt'» [Motifs of love, memory, and loss in H. Böll's short stories "Traveler, if you come to Spa..." and "I cannot forget her"]. In XII Lazarevskie chteniya "Liki traditsionnoi kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: chelovek i traditsiya": Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh chastyakh, Chelyabinsk, 26–28 fevralya 2026 goda (pp. 181–183). Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian)
12. Persinina A.S. & Zadonskaya M. G. & Mashko I. K. (2022). Osobennosti perevoda zoomorfnykh metafor na materiale romana G. Belya «Ansichten eines Clowns» i ego perevodov na angliiskii i russkii yazyki [Features of translating zoomorphic metaphors based on H. Böll's novel Ansichten eines Clowns and its translations into English and Russian]. In Inostrannye yazyki v ekonomicheskikh vuzakh Rossii: Vserossiiskii nauchno-informatsionnyi al'manakh (Vol. 21, pp. 66–71). St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet. (In Russian)
13. Pisarik O.I. (2026). Korpusnyi podkhod k interpretatsii konstitutivnykh prostranstvennykh lokusov v povesti «Khobbit, ili Tuda i obratno» Dzh. R. R. Tolkina [Corpus approach to the interpretation of constitutive locative objects in the novella "The Hobbit, Or There and Back Again" by J. R. R. Tolkien]. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 2, 205–217. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-2-205-217 (In Russian)
14. Polyakov O.Yu. & Goncova E.D. (2019). Aksiologicheskaya problematika romana G. Belya "Glazami klouna" [Axiological issues in H. Böll's novel Through the Eyes of a Clown]. In Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2019): Sbornik statei XIX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 4-kh tomakh, Kirov, 01–26 aprelya 2019 goda (Vol. 3, pp. 854–859). Kirov: Vyatskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
15. Rakhilina E.V. & Plungyan V.A. (2025). O tsifrovoi leksikografii [On digital lexicography]. Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 1, 360–366. https://doi.org/10.31912/pvrli-2025.1.32 (In Russian).
16. Stepanova D.V. (2023). Programmnyi kompleks dlya generatsii dinamicheskogo korpusa tekstov SMI [Software package for generating a dynamic media texts corpus]. Minsk State Linguistic University bulletin. Series 1. Philology, 6(127), 123–130. (In Russian).

17. Toropyno D.I. (2025). Tsvetovye obrazy v romane G. Belya "Glazami klouna" v reseptivnom akte chitatel'skogo vospriyatiya [Color images in G. Bell's Novel "Through the Eyes of a Clown" in the receptive act of reader's perception]. In Aktual'nye problemy sovremennoi gumanitarnoi nauki: Materialy XIV Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Bryansk, 23 aprelya 2025 goda (pp. 110–113). Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet im. akad. I.G. Petrovskogo. (In Russian)
18. Chernyaeva N.V. (2021). Problema zhiznennogo vybora v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" i povesti G. Belya "Poezd prishel vovremya" [The problem of life choice in the novel by F.M. Dostoevsky ‘Crime and punishment's and H.Böll's story ‘The train came on time']. Dnevnik nauki, 6(54). (In Russian)
19. Shindel' S.V. (2020). Antisimmetriinye semanticheskie struktury romana Genrikha Byollya "glazami klouna" [Antisymmetric semantic structures Heinrich Böll’s novel "Through the eyes of a clown"]. Language of science and professional communication, 2, 70–77. https://doi.org/10.24411/2658-5138-2020-10006 (In Russian)
20. Gorozhanov A.I. & Guseynova I.A. (2020). Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula. Training, Language and Culture, 4(4), 23–38. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38. EDN ENGZZF.
21. Malyuga E. (2026). Lexical co-occurrence of the modal verb “must” in business media discourse: a Corpus-based study. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 25(1), 81–90. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.6

Поступила в редакцию 17.06.2026 г.

AUTHOR’S CORPUS-BASED TOOLS: EXPLICATING AND INTERPRETING THEME OF MONEY IN NOVEL “THE CLOWN” BY HEINRICH BÖLL

D.V. Stepanova

The article deals with the results of a corpus-based study of the novel *The Clown* by Heinrich Böll. The research is conducted using the author’s corpus-based tools. The relevance of the study is determined by the sustained interest in formalized methods of fictional text and discourse analysis and the growing demand for corpus technologies in contemporary linguistics. The aim of the study is to examine the representation of the theme of money in Heinrich Böll’s novel *The Clown* using modern applied linguistics techniques. The research employs corpus analysis based on the method of professionally oriented programming, as well as contextual analysis and semantic interpretation. The results demonstrate that the application of different operation models of the author’s corpus manager makes it possible to identify both direct and indirect linguistic representations of the theme of money and to reveal new semantic similarity, between the thematic domains of money and the relationship between the protagonists, Hans Schnier and Marie, in particular. The conclusion is made that the author’s based corpus tools possess considerable heuristic potential and that the integration of quantitative and qualitative methods is effective for the interpretation of fictional text and discourse.

***Key words*:** corpus linguistics, fictional discourse, author’s corpus-based tools, theme of money, semantic similarity, guided artificial intelligence, Heinrich Böll.

Степанова Дарья Валерьевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Белорусский государственный университет иностранных языков, г. Минск, Республика Беларусь.
Доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета английского языка.
ORCID 0000-0002-2857-4386
E-mail: daryastepanova79@gmail.com

Stepanova Darya Valerevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Republic of Belarus.

Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of the English Language
ORCID 0000-0002-2857-4386
E-mail: daryastepanova79@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.23986888

НАЗВАНИЯ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ С ОЙКОНИМИЕЙ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

© 2026 *Р.Е. Тельпов[1], Е.А. Первунинских[2]*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
ORCID[1] 0000-0001-9130-2941
ORCID[2] 0009-0001-6525-2482

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В данной статье рассматривается казачья ойконимия Челябинского городского округа, возникшая на карте в середине и конце XVIII в. Особое внимание уделяется мотивационным комплексам, положенным в основу классификации: функциональному, гидронимическому и отантропонимическому. В работе сделан акцент на ойконимы, происхождение которых связано с фамилиями казаков-первопоселенцев, указанных в переписной книге полковника А.И. Тевкелева. Авторы приходят к выводу о том, что для Челябинской казачьей топонимии, в отличие от ойконимов донского казачества, характерен смешанный мотивационный комплекс. Другой особенностью казачьих ойконимов рассматриваемого периода стало отсутствие названий, связанных с церковью и церковными праздниками. Две другие характерные черты связаны с включением башкирских элементов в топонимию и несистемное образование отантропонимических названий от фамилий казачьих атаманов.

Ключевые слова: топонимика, казачья ойконимия, Челябинск, отантропонимические ойконимы, антропоним, трансонимизация.

Для цитирования: Тельпов Р.Е. Названия казачьих поселений Челябинской области в сопоставительном аспекте с ойконимией донского казачества / Р.Е. Тельпов, Е.А. Первунинских // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 231–241. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23986888.

Введение. Топонимика Южного Урала, в частности, Челябинской области – региона, характеризующегося многослойностью в этнокультурном плане — продолжает привлекать внимание исследователей в самых разных аспектах. Если анализировать работы последних пяти лет, то вызывает интерес как тюркский элемент, представленный в топонимике Челябинской области [12], так и сведение топонимов Южного Урала к определенным архетипам, также восходящим к неславянскому компоненту [17]. Отчасти косвенную связь с топонимическими исследованиями Южного Урала имеют исследования, посвященные субстратным (тюркскому, финно-угорскому [4], а также индоиранскому [5]) компонентам в топонимике, что связано с коренными народами, проживающими и проживавшими в данном регионе. Казачий компонент, который, на наш взгляд, также является важным фактором, влияющим на топонимику Южного Урала, пока не получил должного индивидуализированного отражения в подобных исследованиях, зачастую выступая частью общего славянского компонента, что является, безусловно, справедливым, но без учета специфики, которая в нем все же присутствует, и которую мы попытаемся рассмотреть в нашей статье, входящей не только в круг исследования топонимики Южного Урала, но и в

круг исследований казачьего компонента в топонимике иных отдельно взятых регионов [3; 24]. В данной статье мы продолжаем исследование челябинской топонимики, которое раньше осуществлялось нами на примере топонимических легенд, рассматриваемых в сопоставительном аспекте [20].

Материалы и методы. Целью статьи мы ставим выявление специфики челябинской казачьей ойконимии. Материалом к исследованию послужило 41 название казачьих и смешанных поселений Челябинской области, полученное методом сплошной выборки. Материалами для выборки послужили словарь Н.И. Шувалова «От Парижа до Берлина по карте Челябинской области» [27]. Мы остановились на исследовании топонимии Челябинского и Копейского городских округов, а также Сосновского и Красноармейского районов, относительно которых данные ревизских сказок указывают на их принадлежность Челябинской крепости. В качестве источника фамилий первопоселенцев был использован сайт проекта «Документальное наследие Южного Урала XVII–XVIII веков» (Объединенного архива Челябинской области), базой для которого послужили переписные книги, в том числе Челябинской крепости, составленные полковником Тевкелевым в 1736 [10]. Расшифровки указанных переписных книг содержатся в статьях В.И. Дегтярева и В.В. Поздеева с некоторыми незначительными расхождениями [9; 18].

Основная часть. Краеведы Челябинской области [9; 13; 18] отмечают стихийный характер заселения края: «Главным было создание линии укреплений, под прикрытием которой можно было снабжать продовольствием строителей Оренбурга. Поэтому возникновение Челябинска и других крепостей на Южном Урале было спонтанным, не планировавшимся изначально» [9, с. 6]. Чебаркульская, Челябинская, Еткульская и Миасская крепости строились одновременно и должны были составить линию укрепления, призванную защищать Оренбургскую дорогу от набегов башкирских кочевников. Позднее Челябинская крепость стала крупным городом, в котором располагалось правление Исетской провинции: «Возвышению способствовало то обстоятельство, что она, эта крепость, вскоре была сделана центром вновь образованной Исетской провинции. <…> Постоянное место пребывания провинциального правления было определено только в 1743 году. Выбор его пал на Челябинскую крепость» [9, с. 23].

По данным переписной книги в Челябинскую крепость было записано 184 семьи [14, с. 8] из числа крестьян (дворцовых и монастырских) различных регионов, включающих северо-запад (Олонец), север (Архангельск, Великий Устюг) центр (Ярославль, Кострома, Переславль) Европейской части России, собственно Урал с Сибирью (Курган, Свердловская область и др.) [14, с. 18–19]. Основу первопоселенческого потока Южного Урала составили крестьяне, которые были записаны в сословие казачества, поскольку именно так решался вопрос защиты Оренбургской дороги от набегов кочевников. Челябинск XVIII века был частью Исетской провинции, а казаки Челябинской крепости в дальнейшем вошли в Оренбургское казачье войско (ОКВ) [16]. Таким образом, челябинское казачество как сословие сформировалось достаточно поздно, особенно в сравнении с Донским казачьим войском, с чем, возможно, связана специфика казачьей топонимии Челябинска.

С развитием крепостей связано возникновение казачьих поселений, выросших из казачьих заимок, которые использовались как опорные пункты. По данным переписей процент казачества внутри города резко упал после 1780 года, именно тогда начали создаваться полевые заимки, ставшие впоследствии деревнями и селами: «Переписью 1795 года зарегистрировано в окрестностях Челябинска 28 казачьих деревень и поселков с общим числом 466 дворов» [9, с. 24]. В своей статье В.В. Поздеев говорит о том, что

в ревизских сказках 1763 и 1782 годов упоминается 41 деревня, принадлежащая Челябинской крепости [18].

При классификации казачьих поселений мы взяли за основу классификацию топонимов донского казачества, предложенную Е.М. Костюченковой. Данная классификация группирует топонимы с точки зрения лингвокультурологической информации, которую они могут репрезентовать. Итак, согласно рассмотренным Е.М. Костюченковой материалам в топонимии Донского казачества можно выделить следующие мотивационные компоненты: 1) функциональный компонент (хутора *Зимняцкий* и *Зимовный*), 2) гидронимический компонент (станица *Цымлянская* и *Быстрянская*, названные по рекам), 3) отантропонимический компонент, внутри которого можно выделить несколько блоков: имена войсковых и наказных атаманов (зимовник *Пишвановых*); фамилии черкасской знати (бывшая станица *Краснощековская*); фамилии представителей царской династии (станицы *Романовская, Павловская*); имена основателей хуторов [15, с. 216]. Примечательно, что в Челябинском округе мы наблюдаем деревни, села, поселки и хутора как основные типы казачьих поселений (например, деревни *Трифоново* и *Ужевка*, упраздненные ныне хутора *Исаково*, *Коновалово* и *Михайловский* [25, с. 671–681]), но не станицы, характерные для территории проживания казаков на Юге России (терского, донского, кубанского). Наличие станиц может восприниматься в качестве «организационного и кастового архетипа, сохранившегося на протяжении эпох», о котором писала, в частности Е.А. Костюченкова: «К национально-специфическим характеристикам субэтноса казаков относится способ поселения казачьего сообщества военно-административное разделение по станицам. Само слово «станица» возникло путем переосмысления более раннего: станица — сторожевой разъезд, воинский отряд» [15, с. 215].

Стоит также отметить, что для казачьей топонимии не характерна номинация по церквям и церковным праздникам, что отличает их от топонимии крестьянских деревень, в названиях которых часто совмещаются имена владельцев деревень и их родственников с названиями церковных пределов, освященных в честь небесных покровителей владельцев — например, *Никольское* Белгородской области, *Александровка* Таловского района Воронежской области и др., которые были рассмотрены в работе Р.Е. Тельпова, А. Кан и отнесены к смешанному типу: «Сопоставление версий происхождения относительно этих сел позволяет выявить общий мотив — образование от имени владельца или его родственника, соотносимое с образованием от названия церкви, освященной в честь покровителя владельца. Один из элементов данного стимула не всегда может быть зафиксирован в доступных нам источниках, но повторяемость ситуации в двух областях позволяет нам судить о том, что перед нами один и тот же тип именования, устойчиво реализуемый в ограниченном наборе названий» [22, с. 351]. Нельзя сказать, что образование названий сел от названий храмов явление совсем чуждое казачьей топонимике. В частности, на это обращала внимание С.К. Конакбиева и С.С. Каширокова, отмечавшая в связи с казачьей топонимикой Ставропольского края: «Для русского и казачьего населения Кавказа особую важность представляли православные праздники и святые. Об этом свидетельствуют наименования первых учрежденных по линии от Моздока до Азова селений в честь Святой Екатерины, Святого Апостола Павла, Святой Марии, Святого Георгия, Апостола Андрея, Святого Александра Невского» [3, с. 73]. Мы можем предположить, что подобные названия характерны для более крупных поселений, основания которых совпадали с закладкой храмов, на что косвенно обращали внимание С.К. Башиева и С.С. Каширокова: «Такой православный праздник, как Вознесение

Господне, положен в основу номинации ст. Вознесенской, так как закладка крепости или же ее освещение проходило в этот период. Наименование ст. Воздвиженская мотивировано празднованием Воздвижения Креста Господня в преддверии утверждения названий новых селений Николаем I» [3, с. 73]. Возможно, отчасти стихийное образование деревень на месте казачьих заимок было характерно для соответствующей топонимики Южного Урала и именно оно послужило причиной отсутствия названий, образованных от наименований церквей и соответствующих праздников. Другой возможной причиной отсутствия названий данного типа можно считать распространенное среди уральских казаков старообрядчество.

Рассмотрим далее конкретные группы наименований, свойственных, на наш взгляд, казачьим поселениям Южного Урала. В первую очередь обратимся к названиям, которые даны по функциональному признаку. Например, на территории города Челябинска в качестве микрорайона сохранился поселок *Каштак* (бывшая деревня Каштакская), основанная как деревня государственных крестьян, которую после заселили казаки. По одной из версий название деревни происходит от гидронима — речки *Каштак* [25]. При таком подходе название воплощает трансонимный тип — основанный на переносе от одного топообъекта на другой [22, с. 349]. По другой версии название указывает на функцию объекта, переводится с башкирского как *зимовка* и является общим названием мест, удобных для зимней стоянки [27, с. 57]. Здесь можно провести аналогию с *зимником* — типом казачьего поселения, предназначающимся для зимнего пребывания. Данный тип именования отразился, например, в названиях расположенных на Дону хуторов *Зимняцкого* и *Зимовного* [15, с. 216]. Примечательно, что такое название не относится к специфичным для Челябинской области. Оно встречается и в других регионах — в Томской области, в Иркутской области, в Забайкальском крае — в том числе и в регионах, заселявшихся казаками, в которых названия данного типа возводятся к тюркским понятиям и толкуются через значения «покрытая лесом гора» или «временный шалаш» [7, с. 29]. Как отмечает Н.И. Шувалов, на Южном Урале второе название сохранилось в Увельском районе от места башкирской оседлости [27, с. 57]. Возможно, данное слово, относимое к башкирскому субстрату, входит в ряд других слов, неславянского происхождения и воспринятых казаками — сравните, например, слово *курень* или *юрт*, в отличие от которых слово *каштак* не получило такого широкого распространения, но отчасти составило специфику уральского и сибирского казачества. Другим примером, воплощающим функциональный компонент в топонимике, становится название поселка *Есаульский* Сосновского района. Поселок *Есаульский* — бывшая деревня *Есаульская* — одна из первых деревень, основанная челябинскими казаками в 1744 году [26, с. 276]. Топоним образован от слова *есаул* — названия казачьего офицерского чина, соответствующего капитану армии [1]. Можно предположить, что деревня была местом не только проживания, но и собраний. Таким образом, мотивационный функциональный компонент отражен в топонимике населенных пунктов, вошедших в состав Челябинска.

Рассмотрим примеры трансонимных образований топонимии Челябинской области, среди которых можно назвать отгидронимические номинации: деревни *Касарги*, *Круглое*, бывшая деревня *Глубокое* Сосновского района [26], названные по озерам; деревни *Медиак* и *Ключевка*, название которых происходит от одноименных притоков реки Зюзелги — *Медиак* и *Ключек* [25]. К числу данных названий можно отнести и название *Каштак*, о котором мы сказали выше, если принять трансонимную версию его происхождения. К этому пласту ойконимии относится и поселок *Кременкуль*, названный по близлежащему озеру. Его название связано с распространенным

башкирским именем, однако в результате переписной ошибки топоним принял современный облик [8, с. 27].

Названия казачьих селений трансонимного типа образуются не только по стандартной схеме, когда название гидронима переносится на населенный пункт, но и по схеме обратной, когда название гидронима переносится от расположенных рядом топообъектов [21, с. 79–80]. Как отмечает Н.И. Шувалов, хотя и значительно реже, но подобная ситуация наблюдается в Челябинской области, когда достаточно крупные гидронимы естественного происхождения и другие природные объекты получают свое название от ойконимов — например, озера *Смолино*, *Искаково* [25, с. 8], и *Синеглазово* [25, с. 70], получившие свои названия от села *Синеглазово*, поселков *Смолинский* и *Исаково* (ныне упразднен), названия которых связывают с фамилиями городского казака *Е.С. Синеглазова*, первопоселенца *Смолина* и поручика *Бориса Исакова* [25] Населенные пункты были основаны как казачьи заимки первопоселенцев Челябинской крепости. Раньше у этих озер — (*Смолино*, *Исаково* и *Синеглазово*) — были башкирские названия *Ирентик* и *Малый Ирентик* соответственно [6, с. 6], которые затем изменились по трансонимному типу — были перенесены с ближайших населенных пунктов. Справочные материалы позволяют проследить данные изменения на всех этапах — в материалах П.С. Палласа 1770 года озера носят старые названия [6], но карта Оренбургской губернии 1802 года отражает уже другие [28].

В случае челябинской отантропонимической системы, охватывающей в том числе и селения, основанные казаками, можно четко выделить пласт топонимов, образованных от фамилий первопоселенцев Челябинской крепости, зафиксированных в переписной книге полковником А.И. Тевкелевым. Таких топонимов насчитывается 17, включая упраздненные населенные пункты и вошедшие в состав Челябинского городского округа: село *Большое Баландино*, деревня *Бутаки*, село *Долгодеревенское*, деревня *Заварухино*, деревня *Казанцево*, деревня *Костыли*, ликвидированная деревня *Коновалово*, упраздненная деревня *Мысы*, поселок *Полина*, село *Синеглазово*, поселок *Смолино*, деревня *Сычево*, село *Чипышево*, вошедший в черту Челябинска поселок *Шершни*, вошедший в черту Челябинска поселок *Щербаки*. Деревня Ключевка в документах XVIII века также упоминалась под названием *Парфентьевой* деревни — по фамилии казака-первопоселенца Челябинской крепости. Село Сычево фигурировало под названием *Медведевой* деревни — в старом и новом названиях закрепились фамилии двух казачьих семей — Медведевых из Челябинской крепости и Сычевых из Миасской. Деревня *Пермякова* упоминается в текстах ревизских сказок, однако на современных картах следов этого поселка не осталось. Если сравнить челябинскую топонимию с донской, то в последней наиболее распространенным типом топонимов также являются топонимы, образованные от фамилий казаков и переселенцев: связанные с фамилиями основателей хутора *Галкин, Остроухов* и *Баранов*, а также связанные с фамилиями атаманов станицы *Власовская, Островская, Денисовская, Иловайская, Кутейниковская, Орловская, Платовская, Потаповская* [15, с. 216]. Необходимо отметить, что данная особенность казачьей топонимии — образование от фамилий переселенцев — рассмотрена достаточно давно. Например, на данную особенность содержалось указание в «Кратком историческом и статистическом описании Войска Донского», изданном в 1887 г. в Новочеркасске: «…много станиц названо именами членов императорской фамилии…, а некоторые станицы, образованные в последнее время, носят имена бывших войсковых и наказных атаманов» [24, с. 87]. Здесь мы можем добавить только то, что система казачьих отантропонимических названий Челябинской области похожа на аналогичные системы, бытующие в других регионах. Главным отличием казачьих названий от крестьянских в данном аспекте выступает то, что крестьянские

названия чаще формируются на основе имен и могут закрепляться за деревнями через посредство наименований церквей [22], что казачьим наименованиям несвойственно. Одним из отличий топонимики, характерной для казаков, проживавших на территории современной Челябинской области, является отсутствие у них топонимии, в основе которой лежат имена и фамилии царствующих особ: «Можно выделить целый ряд названий станиц, мотивированных именами собственными представителей царской династии Романовых: Романовская, Павловская, Ольгинская, Елизаветинская, Александровская, Николаевская» [15, с. 216]. Необходимо заметить, что среди уральских топонимов, связанных с другими регионами — например, с Пермским краем, отражение «царской темы» часто представлено в нарративах народной топонимии, о чем писала В.А. Алфеева: «Популярным сюжетом среди топонимических легенд Пермского Прикамья являются легенды о названии сел или деревень именами беглых людей, основавших эти поселения или запомнившихся своим прибытием: речь может идти не только о беглых крестьянах с других земель, солдатах, разбойниках, но и даже о беглом царе. Именно последний случай и представляет исследовательский интерес. Согласно преданиям, деревня Романиха получила свое название в честь беглого царя из рода Романовых: «А вот люди говорили, бежал-де беглый царь, Романов этот, беглый бежал. Отсюда и началось название Романиха […]». Существуют и другие народные легенды, бытующие среди местных жителей, в которых прослеживается связь с царской фамилией и с членами царского рода Романовых» [2, с. 53–54]. Тем не менее, из относительно подобных нарративов народной этимологии автор делает вывод об их редкости для топонимики рассматриваемого им региона — Пермской области — относительно иного региона России — например, области Воронежской: «Таким образом, "царская тема" в топонимических легендах более характерна для преданий Воронежской области, где получила отражение во множестве сюжетов, основанных на истории посещения населенного пункта государем» [2, с. 57]. Возможно, широкая представленность «царской темы» в топонимике отдельных регионов России (Воронежская, Архангельская область, Краснодарский край и др.), сопряженная с отсутствием топонимов подобного типа в других регионах, обусловлена фактом реального частого посещения подобных мест царствующими особами.

Второй пласт отантропонимических топонимов XVIII века содержит фамилии первопоселенцев в качестве мотивировки названия населенного пункта, однако в переписной книге полковника А.И. Тевкелева эти фамилии не зафиксированы. По данному типу именуются следующие населенные пункты: вошедшая в черту Челябинска деревня *Исаково* (получила название по фамилии поручика Бориса Исакова), село *Кайгородово* (название происходит или от фамилии первопоселенцев Кайгородовых), село *Полетаево* (по фамилии первопоселенца Полетаева), деревня *Прохорово* (по фамилии первопоселенца Прохорова), вошедший в состав города поселок *Сухомесово* (как заимка казака Сухомесова упоминается в записках Палласа), деревня *Трифоново* (возникла на месте хутора атамана Игната Трифонова), деревня *Ужевка* (по фамилии *Ужев* или по холму с названием *Ужевка* [26, с. 680]), село *Большие Харлуши* (названо по фамилии первопоселенца Харлушева), деревня *Чурилово* (по фамилии первопоселенца Чурилова) [24; 27]. Здесь также прослеживается традиция именования населенных пунктов по фамилии первопоселенцев-казаков.

Относительно некоторых названий существуют альтернативные версии, опора на которые переносит рассматриваемые нами топонимы в другую группу. Например, в описании топонимической системы XVIII века упоминается поселение *Першино*, название которого дано по одноименной деревне Курганской области (современная деревня Першино). Также можно принять во внимание другую версию происхождения названия

деревни *Кайгородово* — по родине первопоселенцев (бывшая деревня современного Шадриского района Курганской области). В таком случае в типологии топонимов возникает новое основание для выделения — малая родина, откуда вышли первопоселенцы рассматриваемых поселений, а сами топонимы становятся топонимами трансонимного типа (см. выше). Приведем другие примеры такого типа, характерные для топонимики Челябинской области. Например, поселок на территории города Миасса носит название *Архангельский*, которое восходит к названию одноименной деревни Симбирского уезда. В качестве еще одного топонима такого типа можно привести название *Новотагилка* Миасского городского округа — по месту, откуда перевезли мастеровых [23]. Относительно последнего наименования обратим внимание на то, что, судя по нашему материалу, для топонимики рассматриваемого нами региона нехарактерно обилие названий с элементами *ново-* или *старо-*, которые признаются одной из особенностей казачьей топонимики, в частности, топонимики, сложившейся на территории проживания кубанского казачества: «Главную часть черноморской топонимии составили названия запорожских куреней и их производные с частицами *ново-* и *старо-*» [19, с. 25]. Названия *Кайгородово* и *Ужевка* так же, как и *Каштак*, можно описать как смешанные, поскольку, с одной стороны, трудно разграничить мотивационные комплексы, а с другой, по народно-этимологической версии топонимы могут быть мотивированы двумя комплексами одновременно. Таким образом, топонимы могут быть одновременно отыменными, то есть образованным от антропонима [22, с. 349], так и трансонимными.

Есть несколько топонимов, название которых не может быть однозначно классифицировано: это упраздненная казачья деревня *Барышево* (о прежнем расположении свидетельствуют озеро и современный коттеджный поселок) и крестьянско-казачья деревня *Шигаево*. Деревни *Киселево* и *Чернаково* не упоминаются в других документах, кроме переписных списков, цитируемых В.В. Поздеевым [18]. Следы последних двух деревень остались на карте Оренбургской губернии 1802 года [28]. Остались данные о том, что деревни *Кисели* и *Черняки* Сосновского района упразднены в 1966 году [26, с. 675–681]. Разница в наименованиях деревень (*Киселево-Кисели*, *Чернаково-Черняки*) вновь соотносится с тем, что отмечена на территории проживания донских казаков: «Редко на донской территории встречаются антропотопонимы, в которых функцию притяжательных суффиксов выполняет форма множественного числа, например, с. Ковтуны, х. Сетраки» [22, с. 90].

Заключение. Таким образом, для челябинской казачьей ойконимии отантропонимического пласта характерны в первую очередь топонимы, образованные от фамилий первопоселенцев. При этом благодаря переписным спискам можно разграничить населенные пункты, образованные первопоселенцами крепостей, и те, что были основаны прочими первопоселенцами. Вероятно, фамилии, не упомянутые в переписных списках, принадлежат более поздним поселенцам. Из этого можно сделать вывод, что поселения, образованные в XVIII веке, приходятся на самый его конец. Также на современной карте присутствуют следы названий, данных по фамилиям атаманов, но такие топонимы мало представлены — это *Исаково* и *Трифоново*. Названия, образованные от имен местной знати и членов дома Романовых, рассмотренные Е.М. Костюченковой, не свойственны челябинской казачьей топонимике XVIII века.

Казачья топонимическая система Челябинска характеризуется теми же мотивационными компонентами, что и топонимия Донского казачества: 1) функциональный компонент (поселки *Каштак* и *Есаульский*), 2) гидронимический компонент (деревни *Ключевка*, *Круглое* и др.), 3) отантропонимический компонент (деревни *Чипышево*, *Сычево* и др). Казачья специфика кроется во внутренней форме

лексем: поселок *Есаульский* связан с казачьим чином, топонимы отфамильного происхождения отсылают к казакам-первопоселенцам и атаманам.

Стоит отметить, что как в казачьей топонимии Челябинского округа, так и казачьей топонимике Придонья почти не представлен пласт трансонимного типа, образованный от названий церквей или церковных праздников, что характерно для крестьянских поселений (ср. название села *Вознесенка* Сосновского района [26, с. 704]).

Отдельно можно выделить четвертый мотивационный комплекс — смешанный, который представляет собой сплав отыменного (отфамильного), трансонимного (перенос названия с иного населенного пункта или гидронима) и таксонимного типов. Смешанный мотивационный комплекс крайне слабо представлен как в топонимической казачьей системе Придонья, так и в аналогичной системе Челябинской области.

Важными в топонимии Челябинской области становятся наименования с включением иноязычных, а именно башкирских субстратных элементов: озера (и одноименные поселки) *Касарги* и *Кременкуль*, поселок *Каштак*.

Случаи названий смешанного типа (*Кайгородово, Каштак, Ужевка*) и выделение функционального компонента (поселки *Каштак* и *Есаульский*) скорее составляют исключения, чем часть системы. На гидронимический мотивационный комплекс приходится 6 топонимов. Подавляющее большинство названий — отантропонимические, причем названия даны в основном от фамилий казаков-первопоселенцев.

К особенностям, отличающим казачью топонимику Южного Урала от казачьей топонимики Юга России можно отнести отсутствие родовых наименований типа хутор или станица, характерных для донского или кубанского казачества, отсутствие населенных пунктов, образованных от имен царствующих особ, а также малая представленность населенных пунктов, содержащих элементы *старо-* или *ново-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академик : словарь иностранных слов русского языка [Электронный словарь] — Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 03.02.2026).
2. Алфеева В.А. «Царская тема» в топонимике Воронежской области и Пермского края / В.А. Алфеева // Язык и культура: взгляд молодых. Материалы Международной научно-практической конференции. IV Костомаровский форум. — Москва, 2024. — С. 53–57.
3. Башиева С.К. Когнитивные основы образования терских казачьих ойконимов / С.К. Башиева, С.С. Каширокова // Русский язык в поликультурном мире : материалы международного научного семинара. — Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2025. — 194 с.
4. Бухарова Г.Х. Этимология башкирских топонимов, образованных от географических терминов финно-угорского происхождения / Г.Х. Бухарова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2025. — Т. 19. — № 4. — С. 504–515.
5. Воронков А.А. Субстратная топонимика как источник по лингвогенезу синташтинской культуры / А.А. Воронкова / **о**тв. редактор Е.В. Куприянова // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции : материалы II Международной междисциплинарной конференции. — Челябинск, 2023. — С. 16–28.
6. Воронков А.А. Озеро Ирентик, хребет Ирендык и субстратные слои в топонимике Южного Урала / А.А. Воронкова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2021. — №4. — С. 6–12.
7. Гурулёв С.А. Географические названия Иркутской области. Топонимический словарь / С.А. Гурулёв — Иркутск: Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2015. — 575 с.
8. Давлеткулова Е.Н. Типы гидронимов Челябинской области / Е.Н. Давлеткулова // Lingua mobilis. — 2009. — №4 (18). — С. 21–28.
9. Дегтярев И.В. Челябинская старина. Сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода / И.В. Дегтярев — Челябинск : Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. — 120 с.
10. Документальное наследие Южного Урала XVII–XVIII вв. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://doc.southuralhistory.ru/people (дата обращения: 08.12.2025).

11. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия, структурно-семантический анализ топонимической системы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н.Ю. Забелин. — М., 2007. — 23 с.
12. Закиева Р.Г. Ойконимы тюркского происхождения регионов компактного проживания татар (на примере Челябинской области) / Р.Г. Закиева // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения. — Казань, 2022. — С. 239–243.
13. Конюченко А.И. Антропонимика первопоселенцев Челябинской крепости / А.И. Конюченко // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2020. — №3. — С. 27–31.
14. Конюченко А.И. Социальный состав и малая родина первопоселенцев Челябинской крепости (по материалам переписи 1739-1740 годов) / А.И. Конюченко // Новый исторический вестник. — 2022. — №3 (73). — С. 6–29.
15. Костюченкова Е.М. Топонимия Придонья как источник лингвокультурной информации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2008. — №86. — С. 213–217.
16. Оренбургское казачье войско // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. — 2004–2017. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://old.bigenc.ru/military_science/text/2693008 (дата обращения: 01.02.2026).
17. Песина С.А. Формирование русско- и тюркоязычных топонимов Южно-уральского региона / С.А. Песина // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. — 2024. — Т. 15. — №2. — С. 39–41.
18. Поздеев В.В. Первопоселенцы Челябинской области / В.В. Поздеев // Сборник летописей сел и деревень Урала и Зауралья — [Электронный ресурс] — Режим доступа : https://samlib.ru/s/shetkowa_o_a/mojaelektronnajagazeta-6.shtml?ysclid=mi4c762t42484011630 (дата обращения: 08.12.2025).
19. Самовтор С.В. Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII-начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02 «Отечественная история» / С.В. Самовтор. — Ставрополь, 2008. — 30 с.
20. Тельпов Р.Е. Топонимические легенды Воронежской и Челябинской областей в сопоставительном аспекте / Р.Е. Тельпов, Е.А. Первунинских // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 1 (98). — С. 374–377.
21. Тельпов Р.Е. Названия озёр в русской и китайской лингвокультурах в сопоставительном аспекте (на примере названий озёр Воронежской области и провинции Чжэцзян) / Р.Е. Тельпов, А. Кан // Педагогическое регионоведение. — 2023. — Т. 1. — № 20. — С. 71–82.
22. Тельпов Р.Е. Смешанная классификация в русской топонимике (на примере топонимов Воронежской и Белгородской областей) / Р.Е. Тельпов, А. Кан // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2025. — Вып. 4 (59) — С. 347–359.
23. Федорищев В.Г. Язык земли Миасской : топонимический словарь / В.Г. Федорищев: [Электронный словарь]. — Миасс, 1995. — Режим доступа : https://www.wiki-miass.ru/miass/yazyk-zemli-miasskoj-fedorishchev-v-g.html?ysclid=lg2h0pxzfv361057018 (дата обращения: 10.11.2025).
24. Флягина М.В. Антропотопонимы в системе донских географических названий / М.В. Флягина // Научная мысль Кавказа. — 2024. — № 3. — С. 86–91.
25. Челябинск : энциклопедия / сост.: В.С. Боже, В.А. Черноземцев: [Электронный ресурс]. — Изд. испр. и доп. — Челябинск: Каменный пояс, 2001. — Режим доступа : https://web.archive.org/web/20220617010705/http://book-chel.ru/index.html (дата обращения: 08.04.2026).
26. Челябинская область : энциклопедия в 7 Т. / гл. ред. К.Н. Бочкарев – Челябинск: Каменный пояс, 2008.
27. Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области : топоним. словарь / Н.И. Шувалов — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982 —127 с.
28. Retromap: старые карты России и зарубежья / 1802 карта Оренбургской губернии 1:630к: [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://retromap.ru/1418023_55.16222,61.40306 (дата обращения: 08.04.2026).

REFERENCES

1. Academic: [Electronic Dictionary of Foreign Words in the Russian Language]. Retrieved from https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/. (In Russian).
2. Alfeeva V.A. (2024) "Tsarskaya tema" v toponimike Voronezhskoy oblasti i Permskogo kraya ["The Tsarist Theme" in the Toponymy of the Voronezh Region and Perm Krai]. YAzyk i kul'tura: vzglyad molodykh. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. IV Kostomarovskiy forum [Language and Culture: A Youth Perspective. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. IV Kostomarov Forum] Moscow, 53–57 (In Russian).

3. Bashieva S.K., Kashirokova S.S. (2025) Kognitivnye osnovy obrazovaniya terskih kazach'ih ojkonimov [Cognitive foundations of the formation of Terek Cossack oikonyms] (Proceedings of the International Scientific Seminar) Russian Language in a Multicultural World. (194 p.) Kabardino-Balkarian University, Nalchik.
4. Bukharova G.Kh. (2025) Etimologiya bashkirskih toponimov, obrazovannyh ot geograficheskih terminov finno-ugorskogo proiskhozhdeniya [Etymology of Bashkir toponyms derived from geographical terms of Finno-Ugric origin]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij, 4, 504–515. (In Russian).
5. Voronkov A.A. (2023) Substratnaya toponimika kak istochnik po lingvogenezu sintashtinskoj kul'tury [Substrate toponymy as a source for the linguogenesis of the Sintashta culture]. Drevnie i tradicionnye kul'tury vo vzaimodejstvii so sredoj obitaniya: problemy istoricheskoj rekonstrukcii [Ancient and Traditional Cultures in Interaction with the Habitat: Problems of Historical Reconstruction] (Proceedings of the 2nd International Interdisciplinary Conference). Chelyabinsk, 16–28. (In Russian).
6. Voronkov A.A. (2021) Ozero Irentik, hrebet Irendyk i substratnye sloi v toponimike YUzhnogo Urala [Lake Irentik, the Irendyk Ridge, and substrate layers in the toponymy of the Southern Urals]. Vestnik YUUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki, 4, 6–12. (In Russian).
7. Gurulev S.A. (Ed.). (2015) Geograficheskie nazvaniya Irkutskoj oblasti. Toponimicheskij slovar' [Geographical Names of the Irkutsk Region. Toponymic Dictionary]. Irkutsk, Izdatel'stvo Instituta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN. (In Russian).
8. Davletkulova E.N. (2009) Tipy gidronimov CHelyabinskoj oblasti [Types of hydronyms in the Chelyabinsk Region]. Lingua mobilis, 4, 21–28. (In Russian).
9. Degtyarev I.V. (1996) Chelyabinskaya starina. Sbornik statej i materialov po istorii Chelyabinska rannego perioda [Chelyabinsk Antiquity: A Collection of Articles and Materials on the Early History of Chelyabinsk]. Center for Historical and Cultural Heritage of the City of Chelyabinsk, Chelyabinsk. (In Russian).
10. Dokumental`noe nasledie Yuzhnogo Urala XVII–XVIII vv. [Documentary Heritage of the Southern Urals 17th–18th Centuries]. Retrieved from https://doc.southuralhistory.ru/people. (In Russian).
11. Zabelin N.Yu. (2007) Moskovskaya gorodskaya toponimiya, strukturno-semanticheskij analiz toponimicheskoj sistemy` [Moscow Urban Toponymy: A Structural-Semantic Analysis of the Toponymic System] (Abstract of Candidate Dissertation). Moscow. (In Russian).
12. Zakieva R.G. (2022) Ojkonimy` tyurkskogo proisxozhdeniya regionov kompaktnogo prozhivaniya tatar (na primere Chelyabinskoj oblasti) [Oikonyms of Turkic Origin in Regions of Compact Tatar Settlement (A Case Study of the Chelyabinsk Region)]. Aktual`ny`e problemy` regionovedeniya i naukovedeniya. (pp. 239–243), Kazan. (In Russian).
13. Konyuchenko A.I. (2020) Antroponimika pervoposelencev Chelyabinskoj kreposti [Anthroponymy of the First Settlers of the Chelyabinsk Fortress]. Vestnik YuUrGU. Seriya: Social`no-gumanitarny`e nauki, 3, 27–31. (In Russian).
14. Konyuchenko A.I. (2022) Social`ny`j sostav i malaya rodina pervoposelencev Chelyabinskoj kreposti (po materialam perepisi 1739-1740 godov) [Social Composition and Places of Origin of the First Settlers of the Chelyabinsk Fortress (Based on the 1739–1740 Census Data)]. Novy`j istoricheskij vestnik, 3 (73), P. 6–29. (In Russian).
15. Kostyuchenkova E.M. (2008) Toponimiya Pridon`ya kak istochnik lingvokul`turnoj informacii [Toponymy of the Don Region as a Source of Linguocultural Information]. Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena, 86, 213–217. (In Russian).
16. Orenburgskoe Kazach`e Vojsko [Orenburg Cossack Host] (2004–2017). Bol`shaya Rossijskaya E`nciklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved from https://old.bigenc.ru/military_science/text/2693008. (In Russian).
17. Pesina S.A. (2024) Formirovanie russko- i tyurkoyazy`chny`x toponimov Yuzhno-ural`skogo regiona [Formation of Russian- and Turkic-Language Toponyms in the South Ural Region].Aktual`ny`e problemy` sovremennoj nauki, texniki i obrazovaniya, 15, 2, 39–41. (In Russian).
18. Pozdeev V.V. (2011) Pervoposelency Chelyabinskoj oblasti. Sbornik letopisej sel i dereven` Urala i Zaural`ya [First Settlers of the Chelyabinsk Region. Collection of Chronicles of Villages and Hamlets of the Urals and Trans-Urals] Retrieved from https://samlib.ru/s/shetkowa_o_a/mojaelektronnajagazeta-6.shtml?ysclid=mi4c762t42484011630. (In Russian).
19. Samovtor S.V. (2008) Otrazheniye protsessov kazach'yey kolonizatsii v toponimii Kubani (konets XVIII-nachalo XX vv.) [Reflection of Cossack colonization processes in the toponymy of the Kuban (late 18th – early 20th centuries)] (Abstract of Candidate Dissertation). Stavropol'. (In Russian).
20. Telpov R.E., Pervuninskikh E.A. (2023) Toponimicheskie legendy` Voronezhskoj i Chelyabinskoj oblastej v sopostavitel`nom aspekte [Toponymic legends of the Voronezh and Chelyabinsk regions: a comparative perspective]. Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya, 1 (98), 374–377. (In Russian).

21. Telpov R.E., Kan A. (2023) Nazvaniya ozyor v russkoj i kitajskoj lingvokul`turax v sopostavitel`nom aspekte (na primere nazvanij ozyor Voronezhskoj oblasti i provincii Chzhe`czzyan) [Lake names in Russian and Chinese linguistic cultures: a comparative perspective (based on lake names in the Voronezh Region and Zhejiang Province)]. Pedagogicheskoe regionovedenie, 1, 20, 71–82. (In Russian).
22. Telpov R.E., Kan A. (2025) Smeshannaya klassifikaciya v russkoj toponimike (na primere toponimov Voronezhskoj i Belgorodskoj oblastej) [Mixed classification in Russian toponymy (based on toponyms of the Voronezh and Belgorod regions)]. Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya, 4 (59), 347–359. (In Russian).
23. Fedorishchev V.G. (1995) Yazy`k zemli Miasskoj [The Language of the Miass Land]. (Electronic dictionary). Retrieved from https://www.wiki-miass.ru/miass/yazyk-zemli-miasskoj-fedorishchev-v-g.html?ysclid=lg2h0pxzfv361057018. (In Russian).
24. Flyagina M.V. (2024) Antropotoponimy` v sisteme donskix geograficheskix nazvanij [Anthropotoponyms in the system of Don geographical names]. Nauchnaya my`sl` Kavkaza, 3, 86–91. (In Russian).
25. Chelyabinsk (2001). (Encyclopedia). Kamenny Poyas, Chelyabinsk. Retrieved from https://web.archive.org/web/20220617010705/http://book-chel.ru/index.html/. (In Russian).
26. Chelyabinsk Oblast (2008). (Encyclopedia). Kamenny Poyas, Chelyabinsk. (In Russian).
27. Shuvalov N.I. (1982) Ot Parizha do Berlina po karte Chelyabinskoj oblasti [From Paris to Berlin on the Map of the Chelyabinsk Region] (A Toponymic Dictionary). South Ural Book Publishers, Chelyabinsk. (In Russian).
28. Retromap: stary`e karty` Rossii i zarubezh`ya / 1802 karta Orenburgskoj gubernii 1:630k: [Old Maps of Russia and Abroad / 1802 Map of Orenburg Governorate 1:630k]. Retrieved from https://retromap.ru/1418023_55.16222,61.40306. (In Russian).

Поступила в редакцию 29.07.2026 г.

NAMES OF COSSACK SETTLEMENTS IN CHELYABINSK REGION AS COMPARED WITH DON COSSACKS' OIKONYMY

R.E. Telpov, E.A. Pervuninskikh

This article examines the Cossack oikonymy of the Chelyabinsk urban district, which emerged on the map in the mid- and late 18th century. Particular attention is paid to the motivational complexes underlying the classification, i.e. functional, hydronymic, and anthroponymic ones. The emphasys is made on oikonyms the origins of which go back to the surnames of the first Cossack settlers listed in the census book of Colonel A.I. Tevkelev. The authors conclude that Chelyabinsk Cossack toponymy, unlike the oikonyms of the Don Cossacks, is characterized by a mixed motivational complex. Another feature of Cossack oikonyms of the period under analysis was the absence of names associated with the church and religious holidays. Two other characteristic features are related to the inclusion of Bashkir elements in the toponymy and the non-systematic formation of names derived from the surnames of Cossack atamans.

Key words: toponymy, Cossack oikonymy, Chelyabinsk, anthroponymic oikonyms, anthroponym, transonymization.

Тельпов Роман Евгеньевич.
Кандидат филологических наук, доцент.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.
Доцент кафедры общего и русского языкознания.
ORCID: 0000-0001-9130-2941.
E-mail: roman-telpov@yandex.ru.

Telpov Roman Evgenievich.
Candidate of Philology.
The Pushkin State Institute of the Russian Language.
Associate Professor at Department of General and Russian Linguistics.
ORCID: 0000-0001-9130-2941.
E-mail: roman-telpov@yandex.ru

Первунинских Екатерина Алексеевна.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.
Независимый исследователь.
ORCID: 0009-0001-6525-2482
E-mail: pe5hea2001@gmail.com.

Pervuninskikh Ekaterina Alekseevna.
The Pushkin State Institute of the Russian Language.
Independent researcher.
ORCID: 0009-0001-6525-2482.
E-mail: pe5hea2001@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 8122:8142:81`23
DOI: 10.5281/zenodo.23614382

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И БАРЬЕРЫ РЕЧЕВОСПРИЯТИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2026 ***А.С. Гадакчян***
Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
ORCID: 0000-0003-2701-9994

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуется лингвистическая креативность в сфере фразеологии современного английского языка на основе комплексного когнитивно-прагматического подхода. Целью работы является построение и эмпирическая верификация контекстно зависимой модели фразеологических окказиональных трансформаций, способной прогнозировать креативный потенциал различных групп фразеологических единиц (ФЕ). Методологическую базу исследования составили теория релевантности, концепция когнитивной среды, прагматическая теория сильных и слабых импликатур, а также четырехпространственная модель концептуальной интеграции (блендинга). На основе сплошной выборки из авторитетных корпусов текстов (BNC, CANCODE, MICASE) объемом 200 000 слов были зафиксированы и подробно смоделированы типы окказиональных дериватов фразем, а также три базовых типа когнических барьеров, препятствующих речевосприятию (барьер избыточной деструкции лексического ядра, барьер концептуальной перегрузки и барьер синтаксической непроницаемости). Доказывается, что вопреки традиционным представлениям о линейной зависимости креативности от семантической прозрачности знака, полностью непрозрачные (идиоматичные) ФЕ обладают уникальным экспрессивным и людическим потенциалом, успешно раскрывающимся в релевантном контексте при активации сети слабых импликатур высшего порядка.

Ключевые слова: лингвокреативное творчество, фразеология, контекстно зависимые варианты фразеологизмов, лексическая адаптация, теория релевантности, концептуальный блендинг, когнитивный барьер, корпусная лингвистика.

Для цитирования: Гадакчян А.С. Когнитивно-прагматическая интеграция и барьеры речевосприятия окказиональных фразеологизмов в современном английском дискурсе / А.С. Гадакчян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 242–252. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23614382.

Введение. В условиях стремительного ускорения информационных потоков и глобальной цифровизации медиадискурса традиционные способы репрезентации смыслов утрачивают свою изначальную прагматическую суггестивность. Современное общество, характеризующееся клиповым мышлением и рассеянным вниманием аудитории, требует от создателей текстового контента постоянного поиска инновационных, экспрессивных и людических средств речевого воздействия. Одним из наиболее мощных инструментов преодоления речевой рутины и деавтоматизации

восприятия выступает лингвистическая креативность, развертывающаяся в сфере фразеологического фонда языка [17; 21].

Целнаправленная окказиональная трансформация фразеологических единиц (ФЕ) — их лексическое обновление, синтаксическое расщепление или концептуальное скрещивание — позволяет автору не просто передать денотативную информацию, но и осуществить высокоточное прагматическое управление когнитивной деятельностью адресата [10; 25]. Любое изменение узуального знака нарушает конвенциональные ожидания носителей языка, перестраивая архитектонику речевосприятия и требуя от читателя привлечения дополнительных ментальных ресурсов для извлечения скрытых смыслов [14; 22].

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью преодоления дескриптивного характера традиционной фразеологии и построения объяснительной когнитивно-прагматической модели, способной описать и спрогнозировать процессы текстопорождения и речевосприятия трансформированных фразем в различных жанрово-стилистических регистрах. Теоретический аспект изучения процессов креативного манипулирования устойчивыми знаками долгое время отставал от эмпирической практики современных СМИ.

Вектор развития современной филологической науки демонстрирует отчетливый поворот к антропоцентрической парадигме, в рамках которой язык осмысляется не как статичный инвентарь застывших знаков, а как динамическая, открытая когнитивно-дискурсивная система. В этой связи традиционный дескриптивный подход ко фразеологическому фонду английского языка, базирующийся на жесткой фиксации денотативного значения и конвенциональной структуры, обнаруживает свою методологическую недостаточность. Феномен лингвистической креативности, развертывающийся в сфере окказионального речепроизводства, требует привлечения объяснительных моделей, способных эксплицировать ментальные процессы, протекающие в сознании адресанта и адресата. Фразеологические единицы (ФЕ) в когнитивной лингвистике квалифицируются как комплексные ментальные модели (инварианты), обладающие устойчивым семантико-синтаксическим профилем и прочно укорененные в когнитивной среде (cognitive environment) языкового социума. Творческая деконструкция такого знака автором медиатекста неизбежно порождает конфликт между тремя фундаментальными регистрами коммуникации: идиоматичностью (нормативной стабильностью), креативностью (прагматической новизной) и коммуникативностью (эффективностью восприятия).

Прагматическое управление вниманием и ментальной энергией читателя в англоязычном медиадискурсе осуществляется через целенаправленную перестройку архитектоники речевосприятия. Любое окказиональное преобразование узуальной ФЕ — будь то лексическая субституция, усечение структуры или концептуальная интеграция — выступает в качестве ментального триггера, принудительно активирующего процессы когнитивного декодирования. Когнитивно-прагматическая интеграция трансформированной единицы в ткань дискурса подчинена универсальному закону — презумпции оптимальной релевантности. Суть данного механизма заключается в том, что приращение индивидуально-авторских смыслов и достижение людического, экспрессивного или фатического потенциала высказывания должны полностью компенсировать повышенные ментальные (когнитивные) усилия, затрачиваемые адресатом на обработку модифицированного знака. Таким образом, статика языковой системы и динамика речепорождения вступают в диалектическое единство, где фиксированный характер исходных компонентов ФЕ оказывается

непременным предварительным условием реализации ее трансформационного потенциала в процессах англоязычного дискурсивного восприятия.

Изучение механизмов лингвокреативности опирается на фундаментальные труды в области когнитивной лингвистики, прагматики и фразеологии — С.М. Кравцова и А.П. Прохоровой, В.Ю. Меликяна и А.В. Меликян [12; 13], А.Д. Соловьевой, Т.Н. Федуленковой, а также на классические концепции зарубежных авторов — А. Ланглотца, Н.С. Хесс-Бибер и П. Леви, Р. Грайса, Д. Спербера и Д. Уилсон.

Объектом исследования выступает взаимодействие между макроконтекстом и когнитивными факторами, способствующими или препятствующими успешному созданию и декодированию окказионально трансформированных ФЕ в современном английском дискурсе.

Предметом исследования является контекстно зависимая модель фразеологической креативности, описывающая возможности, алгоритмы и прагматические ограничения процессов речевосприятия лингвокреативных дериватов.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе репрезентативных корпусных данных изучить прагматический потенциал творческого использования ФЕ с учетом их внутренних семантических характеристик, влияния когнитивных барьеров и макроконтекста, представляющих собой динамическую взаимосвязанную сеть.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Установить, существует ли эмпирическая корреляция между степенью семантической прозрачности ФЕ и процессами их окказионального преобразования.

2. Верифицировать применимость когнитивных ограничений (узнаваемость, функциональность, совместимость) ко всем типам текстов, содержащих дериваты ФЕ.

3. Смоделировать пошаговый алгоритм влияния контекста на создание и дешифровку фразеологически связанного смысла через систему импликатур.

4. Выявить приоритетный порядок действия стимулирующих и сдерживающих факторов в зависимости от конкретных ситуаций употребления.

Материал и методы исследования. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, психолингвистики и дискурс-анализа. Материалом исследования послужил репрезентативный корпус контекстов общим объемом 200 000 слов, сформированный методом пропорциональной стратифицированной выборки из Британского национального корпуса (BNC), а также корпусов CANCODE и MICASE. Сбор данных включал в себя равное соотношение устных и письменных текстов, относящихся как к академическому (серьезному), так и к развлекательному (массовому) дискурсивным регистрам, что минимизировало фактор предвзятости выборки и обеспечило ее высокую аутентичность. Из результирующего массива из 100 верифицированных примеров были полностью исключены системные, предсказуемые и некреативные варианты идиом.

Основная часть. Исследование лингвокреативного потенциала фразеологического фонда в современном английском дискурсе требует опоры на синергетическую теоретическую базу, объединяющую когнитивный и прагматический ракурсы описания языковых явлений. Глубинная ментальная механика окказиональных трансформаций ФЕ не может быть исчерпывающе эксплицирована без обращения к теории идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа и концепции абстрактных конструкционных схем Р.У. Лангакера, которые позволяют реконструировать ментальные пространства, лежащие в основе индивидуально-

авторских концептуализаций. Модификация устойчивого знака автором медиатекста развертывается как процесс динамического переосмысления конвенционального инварианта, где фиксированный характер исходных компонентов ФЕ выступает базовым условием реализации ее трансформационного потенциала. Для моделирования процессов «слияния» ментального пространства узуального фразеологизма с концептуальным доменом нового, окказионально вводимого лексического компонента приоритетное значение приобретает четырехпространственная модель концептуальной интеграции Ж. Фоконнье. В интегрированном пространстве возникающего бленда развертывается феномен когнитивного торможения, при котором стандартные ассоциации подавляются, переориентируя ментальную энергию адресата на дешифровку эмерджентного смысла.

Прагматическое измерение функционирования модифицированных фразем непосредственно в ткани дискурса координируется фундаментальным законом — презумпцией оптимальной релевантности Д. Спербера и Д. Уильсона. Согласно данной концепции, любая лексико-синтаксическая девиация устойчивого знака принудительно увеличивает объем когнитивных усилий, затрачиваемых адресатом на обработку сообщения. Чтобы коммуникативный акт оставался успешным, эти ментальные затраты должны полностью компенсироваться получением людического, экспрессивного или фатического потенциала трансформированной единицы. Управление вниманием читателя осуществляется через пропорциональное распределение сильных импликатур, минимизирующих когнитивные усилия в массовых регистрах, и латентной сети слабых импликатур высшего порядка. Пошаговое моделирование речевосприятия окказиональных ФЕ опирается на интерпретативный метод «суммарного образа», позволяющий проследить фазы сопоставления производной и производящей форм. Таким образом, когнитивно-прагматическая интеграция обеспечивает переход от нормативного языкового значения к приращению новых, контекстуально обусловленных индивидуально-авторских смыслов.

В рамках разрабатываемой контекстно зависимой модели фразеологической креативности языковые знания индивида понимаются как диалектическое единство двух регулятивных систем: способности генерировать принципиально новые синтагматические сочетания в реальном времени и способности извлекать из долговременной памяти готовые (многокомпонентные) единицы для экономии ментальных ресурсов [3; 9; 14]. Фразеологические единицы как подкласс многокомпонентных конструкций обладают ярко выраженными идиосинкратическими свойствами: некомпозициональностью (целостностью значения), устойчивостью структуры, семантической аномальностью и фиксированной прагматической функциональностью [1; 2; 6].

Эволюция этих характеристик в реальном дискурсе порождает неизбежный конфликт между тремя регистрами: креативностью (новизной), идиоматичностью (стабильностью нормы) и коммуникативностью (эффективностью понимания) [4; 7; 16]. Творческая игра с ФЕ включает в себя формальные лексико-синтаксические, семантические и фонологические девиации, которые могут осуществляться как изолированно, так и синергетически [5; 11; 15].

Производство и восприятие подобных дериватов подчинено универсальному закону — презумпции оптимальной релевантности. Эффективность коммуникативного акта определяется фундаментальным уравнением: прагматическая ценность высказывания прямо пропорциональна объему сгенерированных им контекстуальных

эффектов и обратно пропорциональна объему ментальных (когнитивных) усилий, затраченных адресатом на обработку знака [20; 25].

Управление вниманием и ментальной энергией читателя осуществляется автором через иерархическую систему импликатур:

- Сильные импликатуры: жестко детерминированы контекстом, минимизируют полисемию и обеспечивают мгновенную прагматическую оценку при минимальных затратах энергии.
- Слабые импликатуры: не контролируются автором в полной мере, обладают разветвленной латентной сетью и переносят значительную часть ответственности за выбор допущений на принимающую сторону. Дополнительные когнитивные затраты читателя здесь полностью окупаются получением интеллектуального удовлетворения (людической радости) от самостоятельного раскрытия интертекстуального подтекста.

Глубинная ментальная механика сложных дериватов описывается на основе методологии концептуальной интеграции (блендинг-анализа) Ж. Фоконнье и М. Тёрнера. Четырехпространственная модель бленда включает два Исходных пространства (Input Spaces), Родовое пространство (Generic Space) как зону абстрактного синтаксического и семантического пересечения, и Интегрированное пространство бленда (Blend Space). В пространстве бленда развертывается феномен когнитивного торможения (cognitive inhibition), при котором мозг адресата принудительно подавляет стандартные узуальные ассоциации, переориентируя ментальную энергию на дешифровку окказионального конструкта в рамках общего когнитивного окружения (cognitive environment) [20; 27].

Корпусный анализ позволил опровергнуть устоявшееся во фразеологии утверждение о строгой линейной зависимости между семантической прозрачностью ФЕ и ее креативным потенциалом. Безусловно, прозрачные фраземы демонстрируют широчайший спектр преобразований — от контекстно зависимых до контекстно независимых. Однако креативный потенциал полностью непрозрачных (идиоматичных) единиц оказался существенно выше, чем считалось ранее: они способны успешно порождать все типы контекстно-зависимых вариантов за исключением жестких конструкционных адаптаций.

Проиллюстрируем действие механизмов управления когнитивными усилиями адресата на примере контекста из британской прессы, посвященного латентным межличностным отношениям публичных персон:

Cheryl Cole has always said she had a 'great chemistry' with Will.i.am in the recording studio, but could it be that her bond with the singer has made the move from professional to personal? [Daily Mail 2010].

Традиционный стилистический анализ квалифицировал бы данный фрагмент как «реализацию потенциала скрытого намека». Когнитивно-прагматическое моделирование вскрывает принципиально иную микродинамику процесса:

- Фаза фиксации метатекстового оператора: читатель фиксирует графические маркеры – кавычки вокруг словосочетания *'great chemistry'*. Этот оператор выполняет функцию эксплицитного сигнала о деактуализации автоматического, рутинного прочтения знака.
- Фаза ассоциативного конфликта: происходит запуск трека возбуждения в ментальном лексиконе. Узуальное коллокационное значение «творческого взаимопонимания между людьми» вступает в когнитивный конфликт с окказием адъективным спецификатором *great*, переводящим абстрактную коллокацию в эмоционально заряженную позицию.

• Фаза прагматического вывода (распаковка импликатур): сталкиваясь с дистантным предикативным комплексом *made the move from professional to personal*, сознание адресата активирует вопросительный триггер *could it be that....* Журналист сознательно избегает сильных, юридически ответственных утверждений, перенося ответственность за интерпретацию слабых импликатур на читателя. Мозг совершает сложную операцию – наслоение «нового однократного образа» (возможного тайного романа) на конвенциональный «суммарный образ» (студийного сотрудничества). Повышенные затраты ментальной энергии полностью окупаются получением скрытого смысла, делая коммуникацию высокорелевантной [25; 27].

Рассмотрим полярный по стилистике пример из интеллектуального американского еженедельника, посвященный разбору творческого метода музыканта:

He may sit merrily and at one time on two benches... let's try to reveal his unique kind of sitting on the American pop-bench [Village Voice 2009].

Четырехпространственная реконструкция данного сложнейшего бленда выглядит следующим образом:

• Исходное пространство 1: конвенциональная идиома *to sit on two stools* (сидеть на двух стульях), несущая в ментальном лексиконе негативную оценку социума («оппортуризм, нерешительность»).

• Исходное пространство 2: свободное концептуальное представление об *American pop-bench* (американской поп-сцене), активирующее фреймы музыкальной индустриальности, коммерческого статуса и рейтингов.

• Родовое пространство: организуется на основе первичного абстрактного образа-схемы «Физическое сидение субъекта на горизонтальной опоре» (*Sitting on a seat*).

• Пространство бленда: точка пересечения, где «суммарный образ» порицаемого сидения сталкивается с целенаправленной субституцией компонентов (*stools* → *benches* → *American pop-bench*).

Прагматический эффект данного бленда заключается в фокальной переориентации кода. Внедрение в дистантный контекст описания характера музыканта как трудоголика (*he's a hard-working guy who just plugs away*) полностью уничтожает исходную негативную семантику идиомы. В бленде рождается новый эмерджентный смысл: уникальная способность музыканта стабильно и одновременно занимать лидирующие позиции в двух разных жанровых нишах. Извлечение этой слабой импликатуры высшего порядка требует привлечения колоссального объема культурной памяти адресата, переводя текст в категорию сложного экспертного дискурса.

Свобода лингвокреативного манипулирования ФЕ ограничена необходимостью сохранения ее структурно-семантического минимума — предельного набора компонентов, минимально достаточного для запуска психологического механизма апперцепции. Если автор нарушает объективные прагматические ограничения, в сознании адресата возникают три типа когнитивных барьеров, ведущих к деструкции коммуникативного акта.

Микродинамика процесса речевосприятия окказионально модифицированных фразеологизмов в англоязычном дискурсе представляет собой строго последовательный алгоритм, детерминированный когнитивными процессами адресата. На первой фазе — фазе фиксации метатекстового оператора — адресат регистрирует поверхностные маркеры (графические, синтаксические или контекстуальные), сигнализирующие о деактуализации автоматического, рутинного прочтения знака. На второй фазе — фазе ассоциативного конфликта — происходит запуск трека возбуждения в ментальном лексиконе: узуальное значение ФЕ сталкивается с окказиональными трансформациями,

порождая когнитивный диссонанс. На третьей фазе — фазе прагматического вывода (распаковки импликатур) — сознание адресата сопоставляет производную («новую») и производящую (конвенциональную) формы, наслаивая «новый однократный образ» на конвенциональный «суммарный образ» инварианта.

Успешность прохождения данного алгоритма жестко ограничена прагматическими рамками. Творческая свобода автора медиатекста не является абсолютной: она сдерживается необходимостью сохранения структурно-семантического минимума ФЕ английского языка, который минимально достаточен для запуска психологического механизма апперцепции. Структурно-семантический минимум представляет собой предел деконструкции знака, за которым языковой инвариант полностью утрачивает свою узнаваемость в когнитивной среде англоязычной коммуникации. В тех случаях, когда индивидуально-авторская модификация нарушает этот предел, в сознании адресата возникают когнитивные барьеры. В результате прагматическая интеграция блокируется, а когнитивные усилия читателя по дешифровке смысла не приводят к получению контекстуальных эффектов. Вместо людического или экспрессивного эффекта адресат фиксирует коммуникативную неудачу, воспринимая окказиональный конструкт как немотивированную, деструктивную речевую ошибку, разрушающую ткань дискурса.

А. Барьер избыточной деструкции лексического состава (разрушение ядра) возникает, когда в процессе лексической субституции замещаются ядерные, опорные компоненты фраземы. Так, если в успешном примере *I'm falling out of romantic love with him* [Daily Mirror 2006] замена предлога *in → out of* оставляет ядро *fall... love* нетронутым и легко распознается, то гипотетическая замена ядерных элементов синонимами (например, окказиональный конструкт *he decided to chew the pebble and move on* вместо узуального *to bite the bullet*) полностью блокирует трек возбуждения. Наслоения образов не происходит, и адресат воспринимает фразу не как проявление креативности, а как бессмысленную лексическую ошибку [21; 27].

Б. Барьер концептуальной перегрузки (избыточный блендинг) фиксируется при хаотичном столкновении трех и более автономных фразем в узком синтаксическом пространстве. Механическое наслоение (например, в деструктивных контекстах интернет-коммуникации: *He wanted to kill two birds with one stone but ended up crying over spilled milk in the eleventh hour*) приводит к фреймовому конфликту ментальных доменов. Данные домены не способны сформировать единое родовое пространство [24; 26]. Возникает ситуация концептуального хаоса: колоссальные ментальные усилия адресата по дешифровке не компенсируются контекстуальными эффектами, вызывая коммуникативный провал [25; 27].

В. Барьер синтаксической непроницаемости монолитных фразем обусловлен принудительным грамматическим расщеплением синтаксически застывших фразеологических сращений (ядерных идиом). Если для гибких фразеологических единств пассивизация успешна, например: *but the ice, once broken by the prime minister, never froze again* [The Guardian 2024], то попытка пассивизировать монолитную структуру *to kick the bucket* «сыграть в ящик» в контексте *The historical bucket was finally kicked by the ancient regime* полностью уничтожает идиоматический смысл [2; 15]. Пассивизация мгновенно переключает восприятие адресата на буквальный, денотативный план слов («ведро было пнуто»), что выглядит абсурдно в контексте описания гибели политического режима и блокирует декодирование.

Заключение. Обобщая результаты проведенного когнитивно-прагматического исследования, необходимо подчеркнуть, что окказиональное речепроизводство в сфере

английской фразеологии представляет собой не деструктивный хаос, а системно организованную деятельность, детерминированную когнитивными структурами человеческого сознания. Лингвистическая креативность в медиадискурсе выступает в качестве ключевого инструмента, преодолевающего рутину речевого восприятия и обеспечивающего прагматическое управление вниманием адресата. Процессы индивидуально-авторской модификации ФЕ демонстрируют тонкий баланс между сохранением нормативной стабильности знака и необходимостью вербализации усложненного, многомерного эмпирического опыта автора. В этой связи когнитивно-дискурсивное моделирование деривационных процедур позволяет отойти от поверхностного стилистического описания девиаций и эксплицировать пошаговый алгоритм их интерпретации.

Успешность декодирования трансформированных единиц напрямую зависит от способности адресата верифицировать коммуникативное намерение автора, наслаивая новые контекстуальные образы на конвенциональный «суммарный образ» фразеологического инварианта. Данный процесс координируется принципом оптимальной релевантности, регулирующим объем ментальных усилий читателя и извлекаемых им контекстуальных эффектов. Выделенные в работе когнитивные барьеры — барьер избыточной деструкции ядра, концептуальной перегрузки и синтаксической непроницаемости — очерчивают объективные прагматические границы, за которыми лингвокреативный потенциал знака утрачивает свою коммуникативную эффективность и трансформируется в речевую ошибку. Таким образом, разработанная контекстно-зависимая модель доказывает, что семантическая непрозрачность идиом не препятствует, а, напротив, способствует генерации эмерджентных смыслов, успешно раскрывающихся в релевантном пространстве современного англоязычного дискурса.

Проведенное комплексное когнитивно-прагматическое моделирование процессов функционирования модифицированных фразеологических единиц в современном английском дискурсе позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Конвергенция креативного контекста и идиоматического инварианта подчинена строгому балансу, в рамках которого лингвокреативная деятельность автора должна соотноситься с апперцептивным потенциалом и объемом когнитивной среды (cognitive environment) адресата.

2. Семантическая непрозрачность ФЕ не является сдерживающим фактором для лингвокреативности. Полностью идиоматичные структуры обладают уникальной способностью порождать эмерджентные смыслы в интегрированном пространстве бленда при условии сохранения их структурно-семантического минимума.

3. Управление балансом когнитивных усилий адресата осуществляется через пропорциональное распределение импликатур. Сильные импликатуры минимизируют ментальные затраты читателя в массовом дискурсе, в то время как разветвленная сеть слабых импликатур в экспертном и художественном регистрах вовлекает аудиторию в активную сотворческую деятельность, окупая когнитивные усилия людическим и эстетическим эффектом. Нарушение прагматических ограничений генерирует непреодолимые когнитивные барьеры, превращающие лингвокреативную инновацию в деструктивную речевую ошибку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистической неоднородности знака / Н.Ф. Алефиренко. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. — 188 с.

2. Бакина А.Д. Тенденции развития и проблемы современной фразеологии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2024. — № 78. — С. 68–84.
3. Белов В.А. Когнитивные основания лексической синонимии имен существительных / В.А. Белов // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 4(31). — С. 38–46.
4. Гринченко Л.В. Лексико-семантические трансформации фразеологических единиц в англоязычных СМИ / Л.В. Гринченко // Вестник Марийского государственного университета. — 2017. — Т. 11. — № 4(28). — С. 126–132.
5. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте / Л.Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3(48). — С. 123–127.
6. Залевская Т.Е. Фразеологическое значение и его типы / Т.Е. Залевская, Л.И. Ибрагимова // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 1 (92). — С. 415–417.
7. Каюмова А.Р. Особенности употребления фразеологических единиц в подростковом сериале Gossip Girl / А.Р. Каюмова, В.Р. Осипова // Казанская наука. — 2015. — № 1. — С. 340–343.
8. Клычкова Ю.Ю. Специфика передачи фразеологизмов в текстах СМИ / Ю.Ю. Клычкова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2022. — Т. 8. — № 4. — С. 55–65.
9. Кожара О.В. Репрезентация многозначного слова в моделях ментального лексикона / О.В. Кожара // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 447. — С. 38–46.
10. Кравцов С.М. Лингвопрагматический потенциал фразеологии / С.М. Кравцов, А.П. Прохорова. — Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2022. — 156 с.
11. Куранова Т.П. Роль трансформированных фразеологизмов в заголовках прессы / Т.П. Куранова, П.А. Тепленева // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. — 2025. — № 4(89). — С. 177–188.
12. Меликян В.Ю. О критериях отграничения устойчивых моделей от фразеосхем / В.Ю. Меликян // Мир русского слова. — 2023. — № 1. — С. 4–11.
13. Меликян В.Ю. Грамматика динамических трансформаций языка / В.Ю. Меликян, А.В. Меликян // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 2. — С. 80–92.
14. Новиков Д.Н. Лингвистическая неоднозначность в когнитивном аспекте: прототипическая база английского лексикона / Д.Н. Новиков. — М.: МГИМО, 2010. — 118 с.
15. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. — М. : Высшая школа, 1996. — 381 с.
16. Опарина Е.О. Исследования фразеологии в когнитивно-дискурсивной парадигме / Е.О. Опарина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. — 2019. — № 4. — С. 96–104.
17. Соловьева А.Д. Современные СМИ как источник пополнения фразеологизмов русского языка / А.Д. Соловьева // Знак. Проблемное поле медиаобразования. — 2010. — Т. 2. — № 6. — С. 76–80.
18. Федуленкова Т.Н. Дискутируемые проблемы современной фразеологии / Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. — 2021. — № 53. — С. 149–155.
19. Hess-Biber N. S. The Practice of Qualitative Research / N. S. Hess-Biber, P. Leavy. — Thousand Oaks, Calif. : Sage, 2006. — 327 p.
20. Blakemore D. Understanding Utterances / D. Blakemore. — Oxford: Blackwell, 1992. — 198 p.
21. Carter R. Language and Creativity: The Art of Common Talk / R. Carter. — London: Routledge, 2004. — 215 p.
22. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. — London: Routledge, 1994. — 254 p.
23. Grice H. P. Logic and Conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics. — 1975. — Vol. 3. — P. 41–58.
24. Fauconnier G. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. — 1998. — Vol. 22. — No. 2. — P. 133–187.
25. Leech G. N. Semantics: The Study of Meaning / G. N. Leech. — Harmondsworth: Penguin, 1981. — 386 p.
26. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge / M. Minsky // The Psychology of Computer Vision. — 1975. — P. 211–277.
27. Sperber D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. — Oxford: Blackwell, 1986. — 320 p.
28. Urban G. Meta-textual Operators in Discourse / G. Urban // Journal of Pragmatics. — 2009. — Vol. 41. — No. 3. — P. 612–625.
29. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English / A. Langlotz. — Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company, 2006. — 287 p.
30. Halliday M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — London: Longman, 1976. — 374 p.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. (2008). Frazeologiya i kognitivistika v aspekte lingvisticheskoj neodnorodnosti znaka [Phraseology and cognitive science in the aspect of the linguistic heterogeneity of the sign]. Belgorod: Izd-vo BelGU. (In Russian).
2. Bakina A.D. & Fedulenkova, T.N. (2024). Tendencii razvitiya i problemy sovremennoj frazeologii [Trends in development and problems of modern phraseology]. Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal, (78), 68–84. (In Russian).
3. Belov V.A. (2022). Kognitivnye osnovaniya leksicheskoj sinonimii imen sushchestvitel'nyh [Cognitive foundations of lexical synonymy of nouns]. Kognitivnye issledovaniya yazyka, 4(31), 38–46. (In Russian).
4. Grinchenko L.V. (2017). Leksiko-semanticheskie transformacii frazeologicheskih edinic v angloyazychnyh SMI [Lexico-semantic transformations of phraseological units in English-language media]. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta, 11, 4(28), 126–132. (In Russian).
5. Efanova L.G. (2005). Frazeologicheskie transformacii v rechi i tekste [Phrasal transformations in speech and text]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 3(48), 123–127. (In Russian).
6. Zalevskaya T.E. & Ibragimova L.I. (2022). Frazeologicheskoe znachenie i ego tipy [Phraseological meaning and its types]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 1 (92), 415–417. (In Russian).
7. Kayumova A.R. & Osipova V.R. (2015). Osobennosti upotrebleniya frazeologicheskih edinic v podrostkovom seriale Gossip Girl [The peculiarities of using phraseological units in the teen series Gossip Girl]. Kazanskaya nauka, 1, 340–343. (In Russian).
8. Klychkova Yu.UU. (2022). Specifika peredachi frazeologizmov v tekstah SMI [The specifics of conveying idioms in media texts]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo университета im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 8, 4, 55–65. (In Russian).
9. Kozhara O.V. (2019). Reprezentaciya mnogoznachnogo slova v modelyah mental'nogo leksikona [The representation of polysemous words in models of the mental lexicon]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 447, 38–46. (In Russian).
10. Kravcov S.M. & Prohorova A.P. (2022). Lingvopragmaticheskij potencial frazeologii [The linguistic and pragmatic potential of phraseology]. Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet (RINH). (In Russian).
11. Kuranova T.P. & Tepleneva P.A. (2025). Rol' transformirovannyh frazeologizmov v zagolovkah pressy [The role of transformed phraseological units in press headlines]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina, 4(89), 177–188. (In Russian).
12. Melikyan V.Yu. (2023). O kriteriyah otgranicheniya ustojchivyh modelej ot frazeoskhem [On the criteria for distinguishing stable models from phraseological schemes]. Mir russkogo slova, 1, 4–11. (In Russian).
13. Melikyan V.Yu. & Melikyan A.V. (2024). Grammatika dinamicheskih transformacij yazyka [Grammar of dynamic language transformations]. Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 2, 80–92. (In Russian).
14. Novikov D.N. (2010). Lingvisticheskaya neodnoznachnost' v kognitivnom aspekte: prototipicheskaya baza anglijskogo leksikona [Linguistic ambiguity in the cognitive aspect: the prototypical basis of the English lexicon]. M.: MGIMO. (In Russian).
15. Kunin A.V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka [A course in phraseology of modern English]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
16. Oparina E.O. (2019). Issledovaniya frazeologii v kognitivno-diskursivnoj paradigme [Research on phraseology within the cognitive-discursive paradigm]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie, 4, 96–104. (In Russian).
17. Solov'eva A.D. (2010). Sovremennye SMI как istochnik popolneniya frazeologizmoy russkogo yazyka [Modern media as a source of enrichment for the phraseological system of the Russian language]. Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya, 2, 6, 76-80. (In Russian).
18. Fedulenkova T.N. (2021). Diskutiruemye problemy sovremennoj frazeologii [The debated issues in modern phraseology]. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova, (53), 149–155. (In Russian).
19. Hess-Biber N.S. & Leavy P. (2006). The Practice of Qualitative Research. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
20. Blakemore D. (1992). Understanding Utterances. Oxford: Blackwell.
21. Carter R. (2004). Language and Creativity: The Art of Common Talk. London: Routledge.
22. Cook G. (1994). The Discourse of Advertising. London: Routledge.
23. Grice H.P. (1975). Logic and Conversation. Syntax and Semantics, 3, 41–58.
24. Fauconnier G. & Turner M. (1998). Conceptual Integration Networks. Cognitive Science, 22(2), 133–187.
25. Leech G. N. (1981). Semantics: The Study of Meaning. Harmondsworth: Penguin.

26. Minsky M. (1975). A Framework for Representing Knowledge. The Psychology of Computer Vision, 211–277.
27. Sperber D. & Wilson D. (1986). Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Blackwell.
28. Urban G. (2009). Meta-textual Operators in Discourse. Journal of Pragmatics, 41(3), 612–625.
29. Langlotz A. (2006). Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English. Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company.
30. Halliday M. A. K. & Hasan R. (1976). Cohesion in English. London: Longman.

Поступила в редакцию 22.09.2026 г.

COGNITIVE-PRAGMATIC INTEGRATION AND BARRIERS IN SPEECH PERCEPTION OF OCCASIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN ENGLISH DISCOURSE

A.S. Gadakchyan

The article addresses linguistic creativity within the phraseological fund of the modern English language within the framework of the integrated cognitive-pragmatic approach. The study objective is to construct and empirically verify a context-dependent model of phraseological occasional transformations capable of predicting the creative potential of various groups of phraseological units (PUs). The methodological framework comprises relevance theory, the concept of cognitive environment, the pragmatic theory of strong and weak implicatures, and the four-space model of conceptual integration (blending). Based on a continuous sample from authoritative text corpora (BNC, CANCODE, MICASE) with a total volume of 200,000 words, occasional phraseological derivatives have been identified, along with three basic types of cognitive barriers that hinder speech perception (i.e. the barrier of excessive destruction of the lexical core, the barrier of conceptual overload, and the barrier of syntactic impermeability). It is proved that, contrary to traditional views regarding a linear dependence of creativity on a sign semantic transparency, completely opaque (idiomatic) PUs possess a unique expressive and ludic potential, which successfully unfolds in a relevant context through the activation of a network of higher-order weak implicatures.

Key words: linguistic creativity, phraseology, context-dependent variants of idioms, lexical adaptation, relevance theory, conceptual blending, cognitive barrier, corpus linguistics.

Гадакчян Анжелика Сергеевна.
Южно-Российский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций.
ORCID: 0000-0003-2701-9994.
E-mail: lika80_31@mail.ru.

Gadakchyan Angelika Sergeevna.
South Russian Institute of Management — branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Senior Lecturer at Department of Foreign Languages and Speech Communications.
ORCID: 0000-0003-2701-9994.
E-mail: lika80_31@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81:111
DOI: 10.5281/zenodo.23987195

СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2026 *П.Е. Гапиенко*
Частное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
ORCID: 0000-0002-1685-9341

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Актуальность работы определяется потребностью в выработке системного подхода к исследованию структурной специфики и механизмов отыменной номинации в искусствоведческом дискурсе. Цель исследования состоит в определении продуктивных структурно-семантических моделей формирования искусствоведческих онимов. В работе задействованы метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, метод тематической классификации и систематизации языкового материала, количественный анализ, контекстуальный анализ. Материалом исследования послужила выборка искусствоведческих онимов из The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed), дополненная материалом из 100 статей искусствоведческой тематики. В результате исследования определена специфика функционирования отыменных единиц в искусствоведческом дискурсе; осуществлена тематическая и структурная классификация искусствоведческих онимов. На основе количественного анализа (соотношения одно- и многокомпонентных единиц) доказано превалирование однокомпонентных антропонимов. Выявлены ведущие способы их деривации, среди которых наиболее продуктивными признаны синтаксический (композитный) и аффиксальный (префиксальный) способы образования.

Ключевые слова: онимы искусствоведения, ономастическая деривация, структурно-семантическая типология, английский искусствоведческий дискурс, метаязык искусствоведения.

Для цитирования: Гапиенко П.Е. Структурно-типологические особенности онимов в англоязычном искусствоведческом дискурсе / П.Е. Гапиенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 253–262. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23987195.

Введение. Динамика развития современного искусствоведческого дискурса тесно связана с непрерывным расширением объектной базы искусства, отражающей вовлеченность человека практически во все сферы бытия. Важнейшим экстралингвистическим фактором, определяющим специфику искусствоведческого дискурса, выступает антропоцентризм, акцентирующий роль мастера, его личности и связанной с ним локации, что обусловливает активную интеграцию имен собственных в пространство искусствоведческого дискурса. Несмотря на очевидную продуктивность ономастической номинации в гуманитарном знании, структурно-семантический потенциал и деривационная специфика искусствоведческих онимов до настоящего времени остаются недостаточно изученными. Как следствие, возникает необходимость уточнения способов образования и особенностей функционирования онимов в искусствоведческом дискурсе, их классификации по видовым и формальным признакам. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена необходимостью разработки комплексного подхода к изучению специфики формирования онимов в рассматриваемой научной области в целом, что в дальнейшем может быть использовано при

систематизации и унификации словарей и справочников в рамках профильной лексикографии. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предложена комплексная структурно-семантическая классификация онимических сочетаний, функционирующих в искусствоведческом дискурсе.

Цель настоящего исследования заключается в разработке структурно-семантической типологии онимов и онимических сочетаний в искусствоведческом дискурсе. Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1. установить удельный вес онимов в лексикографическом массиве;
2. определить соотношение различных видов онимов в метаязыке искусствоведения;
3. выявить факторы, влияющие на усложнение формы онимов и онимических компонентов в искусствоведческом дискурсе;
4. определить способы формирования многокомпонентных онимов рассматриваемой научной области.

Теоретическую базу составляют работы в области ономастики Т.В. Босяковой, Р.В. Подосинниковой [3], И.И. Комаристовой [7], Е.Ю. Поздняковой, Н.В. Подольской [11]; практической лексикографии И.В. Балканова [2], И.М. Егорова, М.Н. Приемышевой, Ю.С. Ридецкой [6], Д. Хеббикулиевой [9], а также исследования по искусствоведческой терминологии А.Г. Анисимовой [1] и С.П. Хижняка [10].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных материалов в практике преподавания лексикологии английского языка, чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, составлении современных профильных англоязычных справочников метаязыка искусствоведения.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужила выборка онимических единиц из The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16], дополненная материалом из 100 англоязычных журнальных статей искусствоведческой направленности за период с 2016 по 2023 гг. Общее количество проанализированных единиц составило 2718 онимов.

Выбор **методов** исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. При работе с профильными англоязычными онлайн-словарями и текстами СМИ использованы метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, метод тематической классификации и систематизации языкового материала. Обращение к сравнительно-сопоставительному методу и методу систематизации языкового материала позволило определить основные пути образования многокомпонентных онимов рассматриваемой научной области. Кроме того, был задействован контекстуальный анализ, так как при определении факторов, способствующих усложнению формы онимов, следует учитывать контекст их употребления. Наконец, с помощью количественного анализа было установлено соотношение онимов и терминов, видов искусствоведческих онимов, а также однокомпонентных и многокомпонентных онимов в метаязыке рассматриваемой научной области.

Основная часть. В искусствоведческом дискурсе наименования занимают отдельную нишу: искусство как предмет искусствоведения неотделим от названий произведений искусства и имен их создателей. Имена художников, скульпторов, меценатов и других деятелей искусства, названия художественных объединений, галерей, музеев, школ и пр. также являются важной составляющей метаязыка искусствоведения. Многочисленные и разнообразные имена и названия в

рассматриваемом дискурсе относятся к онимам, которые, по определению Н.В. Подольской, понимаются как идентифицирующие и индивидуализирующие из ряда подобных и функционирующие в форме слова, словосочетаний или предложений имена собственные [11, с. 91]. Помимо идентифицирующей, онимы выполняют номинативную, дифференцирующую, социальную, эмоциональную, аккумулятивную, экспрессивную, регистрационную функции [3, с. 7].

Использование онимов в искусствоведческом дискурсе требует уточнения их лингвистического статуса и места в профильной лексикографии. Интуитивный и эмпирический подходы к составлению словарей [9, с. 143], отсутствие унифицированных принципов подбора словарных единиц [6, с. 29] в целом и кодификации онимов в частности осложняют методику создания профильных энциклопедических словарей и справочников, что может стать критичным в эпоху цифровизации и перехода к электронным базам данных [2, с. 81]. При этом современный искусствоведческий дискурс развивается динамичнее, чем это фиксируют специализированные словари. Новые онимы стремительно формируются вследствие общественного развития [7, с. 51], что особенно актуально для искусствоведческого дискурса, так как для относящихся к искусствоведению лексических единиц характерны диффузность [4] и способность функционировать в различных областях научного и профессионального знания [10] и в общелитературном языке [1]. Дискурсивная природа онима [8, с. 258] обусловливает необходимость сочетания лексикографического анализа с анализом современных профильных текстов, что поможет раскрыть особенности функционирования онимов в рассматриваемом предметном поле.

Обращение к одному из наиболее современных англоязычных искусствоведческих словарей The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] позволило установить существенное преобладание в метаязыке искусствоведения онимов над терминами (как известно, термин как специальная лексема в отличие от онимов называет общее понятие [5, с. 725]): из 2711 словарных единиц 2327 относятся к онимам, что составляет 85,84% словника рассматриваемого словаря (см. Диаграмма №1).

Диаграмма №1. Соотношение онимов и терминов в The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.).

Значительное превалирование онимов над терминами по количественному признаку в The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] указывает на особый статус и существенную роль онимов в метаязыке искусствоведения. При этом разные группы

онимов по количественному признаку представлены в словаре [16] неравномерно, что позволяет выстроить количественно-видовую иерархию отыменных единиц искусствоведческого метаязыка. В The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] основную группу онимов составляют однокомпонентные антропонимы (имена деятелей искусства) — 2083 единицы, по количеству существенно опережающие эргонимы (названия галерей, музеев, творческих групп и учреждений) — 138 единиц, а также артионимы (названия произведений искусства) — 24 единицы (см. Диаграмма №2).

Диаграмма №2. Соотношение основных групп онимов
в The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.).

В The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] в процентном соотношении группа антропонимов составляет 89,51% от общего числа онимов (среди 2327 онимов выявлено 2083 антропонима). В словнике словаря [16] группа эргонимов значительно уступает по численности группе антропонимов: 138 эргонимов составляют 6,63% от количества всех антропонимов, а также составляют 5,93% от общей суммы всех выявленных в The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] онимов. Самая малочисленная группа артионимов существенно отстает по количественному показателю от наиболее многочисленной группы антропонимов, составляя всего 1,15% от всех упомянутых в словаре [16] антропонимов (24 артионима против 2083 антропонима) и только 1,03% от общего числа онимов. Среди основных групп онимов в словаре [16] существенное доминирование антропонимов по количественному показателю требует отдельного внимания. Функционирование многочисленных антропонимов в искусствоведческом дискурсе связано со спецификой предмета искусствоведения — искусства (art), который в «The Concise Oxford Dictionary of Art Terms (2 ed.)» [17] определен как «*...Broadly speaking, the term 'art' in the visual sense can be applied to any work / subject which engenders, by intent or otherwise, aesthetic and/or intellectual appreciation. In a teasing subversion of the title of his magisterial survey The story of art (1950) the great art historian Sir Ernst Gombrich declared, 'There really is no such thing as Art. There are only artists'*» / ...В широком контексте визуальных искусств термин «art» может быть применен к любой работе / предмету, которые намеренно или иным образом представляют эстетическую и / или интеллектуальную ценность. В ироничной интерпретации названия своего фундаментального труда «История искусства» (1950) великий искусствовед сэр Эрнст Гомбрих заявил: «На самом деле искусства как такового

не существует. Есть только художники»[4].

Антропонимы (имена деятелей искусства) в искусствоведческом дискурсе представлены именами художников, скульпторов, архитекторов, искусствоведов и других причастных к искусству людей. Предложенное Э. Гомбрихом определение понятия *art* (искусство) указывает на неотделимость истории искусства от деятелей искусства. Для искусствоведческого дискурса характерно функционирование однокомпонентных антропонимов, в особенности имен знаменитых художников, таких как *Antonello da Messina (Антонелло да Мессина), Bramante (Браманте), Donato (Донато), Dürer, Albrecht (Дюрер, Альбрехт), Giorgione (Джорджоне), Leonardo da Vinci (Леонардо да Винчи), Michelangelo (Michelangelo Buonarroti) (Микеланджело (Микеланджело Боунаротти), Tintoretto (Тинторетто), Titian (Тициан), Raphael (Raffaello Santi) (Рафаэль (Рафаэлло Санти), Veronese, Paolo (Веронезе, Паоло)* и др. [16]. Удельный вес антропонимов в рассматриваемом лексикографическом массиве еще раз подчеркивает антропоцентричность искусствоведческого дискурса и позволяет отнести анропонимы к ядру всего онимического пласта искусствоведческого дискурса.

К околоядерной зоне можно отнести вторую по численности группу — эргонимы. Приведенные в The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] эргонимы, входящие в метаязык искусствоведения английского языка, образованы синтаксическим способом на базе способных функционировать в общелитературном языке искусствоведческих понятий *gallery (галерея)*: *Borghese Gallery (Галерея Боргезе), Grosvenor Gallery (Галерея Гровенор), National Gallery (Национальная галерея), National Gallery of Art (Национальная галерея искусств), National Portrait Gallery (Национальная портретная галерея)*; *museum (музей): Ashmolean Museum (Музей Эшмола), British Museum (Британский музей), Kunsthistorisches Museum (Музей истории искусств), Metropolitan Museum of Art (Метрополитен-музей), Museum of Modern Art (Музей современного искусства), Vatican Museums (Музеи Ватикана), Victoria and Albert Museum (Музей Виктории и Альберта)*; *school (школа): Ashcan School (Школа Эшкен), Barbizon School (Барбизонская школа), Danube School (Дунайская школа), Euston Road School (Школа Юстон-Роуд); Fountainbleau, School of (Школа Фонтенбло);* реже *college (колледж)*: *Black Mountain College (Колледж Блэк-Маунтин)*; *group (группа)*: *Group de Recherche d'Art Visuel (Группа исследователей визуального искусства), Group New English art club (Новый Английский художественный клуб)*; *league (лига): Art Students League of New York (Лига студентов-художников Нью-Йорка)* [16].

Следует отметить, что многие подобные многокомпонентные онимы нередко содержат хоронимы, т.е. топонимы, обозначающие географические объекты: *Art Students League of New York; Barbizon School, Danube School, Euston Road School; Frankenthal School (Франкентальская школа), Fountainbleau, School of; Glasgow School (Школа Глазго), Hague School (Гаагская школа)* и др. [16], а также гипертопонимы *American Women Artists' Association (Ассоциация американских женщин-художниц)* и др. [16].

Поскольку искусство представлено конкретными произведениями, ряд артионимов как названий произведений искусства также приведены в словниках профильных искусствоведческих словарей и справочников английского языка, и по численности они занимают периферийную зону: *Aphrodite of Cnidus (Афродита Книдская), Apollo Belvedere (Аполлон Бельведерский), Barberini Faun (Фавн Барберини), Belvedere Torso (Бельведерский торс), Borghese Warrior (Боргезский борец), Dying Gaul (Умирающий галл), Elgin Marbles (Мраморы Элгина), Farnese Bull (Фарнезский бык), Farnese Hercules*

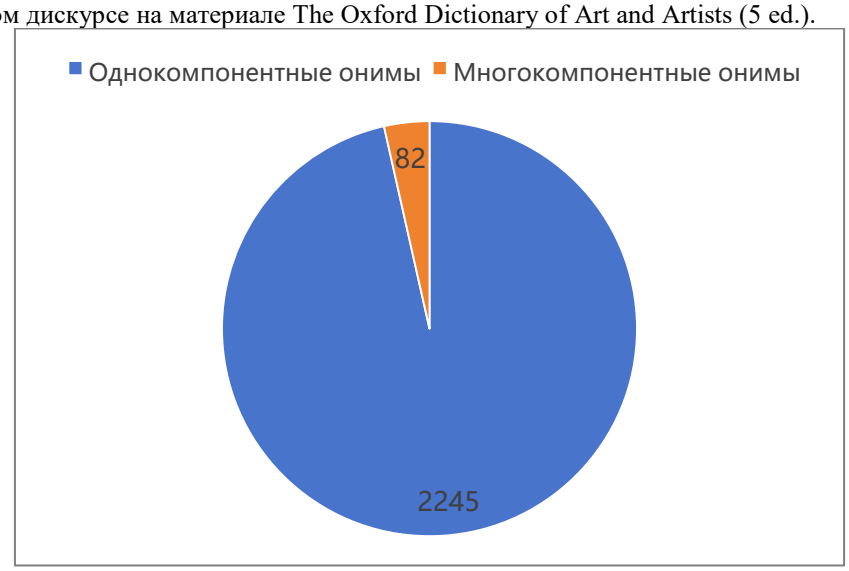
[4] Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

(Геркулес Фарнезский), Laocoön (Лаокоон), Marcus Aurelius (Марк Аврелий), Medici Venus (Венера Медицейская), Venus de Milo (Венера Милосская), Victory of Samothrace (Ника Самофракийская) [16].

Приведенные артионимы являются многокомпонентными. Они образованы синтаксическим способом, некоторые из них включают различные виды онимов, например, этноним *Gaul;* топонимы *Cnidus, Milo, Samothrace*; антропонимы *Barberini, Borghese, Farnese, Marcus Aurelius, Medici* [16]. В некоторых многокомпонентных онимах сосуществуют антропонимы и мифонимы: *Barberini Faun, Farnese Hercules, Medici Venus* [16]; мифонимы и топонимы: *Aphrodite of Cnidus, Venus de Milo, Victory of Samothrace* [16].

Структурный анализ отобранных методом сплошной выборки из The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] словарных единиц позволил верифицировать количественное соотношение однокомпонентных и многокомпонентных онимов. Полученные результаты отражены на круговой диаграмме (см. Диаграмма №3).

Диаграмма №3. Соотношение однокомпонентных и многокомпонентных онимов в искусствоведческом дискурсе на материале The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.).



Однокомпонентные онимы составляют 96,48% от общего числа онимов (среди 2327 онимов 2245 относятся к однокомпонентным), в то время как многокомпонентные онимы — всего 3,52%. Значительный численный перевес однокомпонентных онимов обусловлен превалированием однокомпонентных антропонимов, составляющих подавляющее большинство всех онимов в словаре [16].

Необходимо учитывать, что данные приведенных выше диаграмм относятся к последней публикации словаря [16]. При этом переиздание даже цифровых словарей может существенно отставать от стремительно развивающегося искусствоведческого дискурса. Существенное влияние экстралингвистических факторов на развитие рассматриваемого дискурса приводит к функционированию в метаязыке искусствоведения не относящихся к данной научной области лексических единиц, которые могут участвовать в формировании современных многокомпонентных онимов.

К одному из экстралингвистических стимулов образования современных искусствоведческих онимов относится пандемия COVID-19. Создание многочисленных посвященных жертвам COVID-19 арт-объектов привело к функционированию в искусствоведческом дискурсе таких артионимов, как *A memorial for the victims of coronavirus in Codogno (Мемориал жертвам коронавируса в Кодоньо)*, *Americas COVID-*

19 Memorial (Мемориал COVID-19 в странах Америки), *COVID Memorial Quilt (Мемориальный квилт памяти жертв COVID-19)*, *Covid Memorial and tribute to key workers (Мемориал памяти жертв COVID-19 и дань уважения ключевым работникам)*, *CoVIDA (CoVIDA)*, *Floral Hearts Project (Проект "Цветочное сердце")*, *London COVID-19 Pandemic Memorial Garden (Лондонский мемориальный парк (или сад памяти) в честь жертв пандемии COVID-19)*, *World Memorial to the Pandemic (Всемирный памятник жертвам пандемии)* [14]. Открытые в память о пандемии и ее жертвах музеи также пополнили метаязык искусствоведения такими эргонимами, как *Covid Art Museum (Музей искусства COVID)* [15], *Museum of Covid-19 (Музей COVID-19)* [23], *The Covid Photo Museum (Музей фотографий COVID-19)* [18]. Большинство приведенных онимов относятся к многокомпонентным, они образованы синтаксическим способом и включают не относящиеся к искусствоведческому дискурсу лексические единицы.

Агитационный и протестный характер многих произведений искусства привел к функционированию в разнообразных тематических группах в пределах искусствоведческого дискурса префикса *anti- (анти-)*. Данный префикс нередко употребляется в связанных с темой дискриминации и неравенства областях: *anti-discrimination group Fare* (*антидискриминационная группа Fare)* [20], а *Festival of Anti-Racist and Decolonial Art (Фестиваль антирасистского антиколониального искусства)* [21], а также в связанных с отношением к определенной широко известной личности словосочетаниях: *anti-Trump art exhibition (выставка антитрамповского искусства)* [12], *Anti-Trump Art Installation (антитрамповская художественная инсталляция)* [13; 19], *Anti-Trump Art Show (антитрамповское арт-шоу)* [22].

Следует отметить, что современные онимы или сформированные на базе онимов лексические новообразования могут обладать большой гибкостью и вариативностью. Их форма в отличие от вошедших в историю антропонимов, артионимов и пр. может подвергаться изменениям, в том числе усложнению. Как и большинство выявленных в рассматриваемом словаре единиц, современные онимы также формируются синтаксическим и префиксальным способами.

Таким образом, в метаязыке искусствоведения онимы занимают значительное место, при этом к ядру искусствоведческих онимов относятся однокомпонентные антропонимы. Вторую по численности группу искусствоведческих онимов составляют нередко содержащие топонимические элементы эргонимы, третью – артионимы с регулярным включением антропонимических, мифонимических, топонимических и этнонимических компонентов. На значимые экстралингвистические факторы, порождаемые современным социумом, искусствоведческий дискурс реагирует образованием многокомпонентных онимов, содержащих не относящиеся к метаязыку искусствоведения лексические единицы. К ведущим способам образования онимов относятся синтаксический, реже – морфологический.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно бытования (что включает типологию и структурные модели) онимов в рамках искусствоведческого дискурса.

1. Обращение к The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [16] позволило установить удельный вес единиц ономастического фонда (85,84% от общего объема выборки). Данный показатель репрезентирует антропоцентрический характер искусствоведения как области знания и подтверждает структурообразующий статус отыменных номинаций в гуманитарных науках.

3. Разработана количественно-видовая иерархия ономастического пласта в искусствоведческом метаязыке. Установлено, что его ядерную зону формируют

антропонимы (2083 ед.); околоядерная зона представлена эргонимами (138 ед.); периферийную зону составляют артионимы (24 ед.) с регулярным включением антропонимических, мифонимических, топонимических и этнонимических элементов.

4. Доказано, что структурное усложнение онимов обусловлено как экстралингвистическими факторами (дифференциация и эволюция научного знания об искусстве), так и интралингвистическими механизмами. К числу последних относятся семантическая интеграция разнородных классов онимов в рамках одной структуры (например, симбиоз антропонимов и топонимов в многокомпонентных артионимах) и их гибридизация нарицательной лексикой.

5. Определены доминирующие способы деривации искусствоведческих онимов. Ведущим признан синтаксический способ (формирование многокомпонентных сочетаний на базе общенаучной и специальной лексики), регулярно дополняемый морфологическим способом — префиксацией с использованием высокопродуктивных формантов *anti-, post-, pro-*.

В качестве **перспектив дальнейшего исследования** заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание особенностей функционирования разных видов простых и сложных по форме онимов в различных типах дискурса современного английского языка, исследование процессов деонимизации и терминологизации онимического конпонента, а также разработку обновленных словников современных словарей искусствоведческой терминологии английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова А.Г. Типология терминов англоязычного искусствоведения: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / А.Г. Анисимова. — М., 1994. — 148 с.
2. Балканов И.В. Корпусная лингвистика: новые возможности лексикографии / И.В. Балканов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2022. — №4. — С. 81–86.
3. Босякова Т.В. Ономастическая лексика в системе языка / Т.В. Босякова, Р.В. Подосинникова // Научный вестник Крыма. — 2021. — №1 (30). — С. 1–9.
4. Гапиенко П.Е. Семантическая диффузность в искусствоведческой терминосистеме /П.Е. Гапиенко // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2020. — Т. 2. — № 4. – С. 43–62. — DOI: 10.24833/2687-0126-2020-2-4-43-62
5. Гринев-Гриневич С.В. Еще раз к вопросу об определении термина / С.В. Гринев-Гриневич, Э.А. Сорокина, М.А. Молчанова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — №3. — С. 710–729.
6. Егоров И.М. Лексикографический ресурс «Новое в русской лексике» как цифровой этап в развитии отечественной академической неографии / И.М. Егоров, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая // Terra Linguistica. — 2023. — №3. — С. 28–40.
7. Комаристова И.И. Онимы как потенциальные прецедентные феномены (на материале современного американского художественного дискурса) / И.И. Комаристова // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. — 2023. — № 1 (122). — С. 44–52.
8. Позднякова Е.Ю. К вопросу о дискурсивной теории ономастики / Е.Ю. Позднякова // Культура и текст. — 2021. — №1 (44). — С. 245–261.
9. Хеббикулиева Д. Лексикография и корпусная лингвистика: пересечение теории и практики / Д. Хеббикулиева // Мировая наука. — 2025. — №1 (94). — С. 142–145.
10. Хижняк С.П. Терминология искусствоведения как особый тип терминосистем / С.П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2014. — № 3 (31). — С. 144–150.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В.Подольская ; отв. ред. А.В. Суперанская. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.

12. Brennan, A. Donald Trump London visit: You can see an anti-Trump art Exhibition tonight in Shoreditch, 2018. URL: https://www.standard.co.uk/culture/donald-trump-london-visit-you-can-see-an-antitrump-art-exhibition-tonight-in-shoreditch-a3885836.html (дата обращения: 21.04.2026).
13. Bryant, K. Shia LaBeouf's Anti-Trump Art Installation Tries Its Hand at Vigilante Justice, 2017. URL: https://www.vanityfair.com/style/2017/12/shia-labeouf-anti-trump-exhibit-vandalized-police (дата обращения: 21.04.2026).
14. Cascone, S. How Do You Mourn a Pandemic? See How Artists Around the World Are Building Monuments to Those Who Died of Coved-19, 2021. URL: https://news.artnet.com/art-world/covid-19-memorials-1951143 (дата обращения: 23.06.2026).
15. Chaves, A. Covid Art Museum: art that captures the 'hope, solidarity and chaos' of the pandemic, 2020. URL: https://www.thenationalnews.com/arts-culture/art/covid-art-museum-art-that-captures-the-hope-solidarity-and-chaos-of-the-pandemic-1.1017223 (дата обращения: 19.06.2026).
16. Chilvers, I. The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.), 2015. URL: https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191782763.001.0001/acref-9780191782763. (дата обращения: 29.04.2026).
17. Clarke, M. The Concise Oxford Dictionary of Art Terms (2 ed.), 2010. URL: https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199569922.001.0001/acref-9780199569922. (дата обращения: 11.05.2026).
18. Linker, B. The Covid Photo Museum, 2020. URL: https://www.billylinker.com/portfolio/the-covid-photo-museum (дата обращения: 19.06.2026).
19. Mallenbaum, C. Shia LaBeouf's anti-Trump project is back, in a new location, 2017. URL: https://www.usatoday.com/story/life/entertainthis/2017/02/19/shia-lebeouf-he-will-not-divide-us/98129522/ (дата обращения: 03.05.2026).
20. McVeigh, N. Serie A anti-racism artwork featuring monkeys condemned as a 'sick joke', 2019. URL: https://www.theguardian.com/football/2019/dec/16/serie-a-receives-condemnation-anti-racism-artwork-monkeys (дата обращения: 19.04.2026).
21. Msrdspw. Anti-racist art in the UK and Latin America: A conversation event, 2020. URL: https://sites.manchester.ac.uk/carla/2020/10/31/anti-racist-art-in-the-uk-and-latin-america-a-conversation-event/ (дата обращения: 19.04.2026).
22. Scott, S. The Photographer Behind Beyoncé's Maternity Photos Is Opening An Anti-Trump Art Show, 2020. URL: https://www.essence.com/celebrity/beyonce-maternity-photographer-anti-trump/ (дата обращения: 21.04.2026).
23. Wainwright, O. Museum of Covid-19: the story of the crisis told through everyday objects, 2020. URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2020/may/04/museum-covid-19-v-and-a-pandemic-coronavirus-objects (дата обращения: 19.06.2026).

REFERENCES

1. Anisimova A.G. (1994). Tipologija terminov anglojazychnogo iskusstvovedenija: avtoref [Typology of terms in English-language art criticism]. (PhD dissertation). Moscow State University, Moscow. 148 p. (In Russian)
2. Balkanov I.V. (2022). Korpusnaja lingvistika: novye vozmozhnosti leksikografii [Corpus linguistics: new possibilities of lexicography]. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki, 4, 81–86. (In Russian)
3. Bosjakova T.V. (2021). Podosinnikova R.V. Onomasticheskaja leksika v sisteme jazyka [Onomastic vocabulary in the language system]. Nauchnyj vestnik Kryma, 1 (30), 1–9. (In Russian)
4. Gapienko P.E. (2020). Semanticheskaja diffuznost' v iskusstvovedcheskoj terminosisteme [Semantic diffuseness in Art History terminology]. Professional Discourse & Communication, 2 (4), 43-62. (In Russian). – DOI: 10.24833/2687-0126-2020-2-4-43-62
5. Grinev-Grinevich S.V., & Sorokina Je.A., & Molchanova M.A. (2022). Eshhe raz k voprosu ob opredelenii termina [Once again on the question of defining the term]. Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika, 3, 710–729. (In Russian)
6. Egorov I.M. & Priemysheva M.N. & Ridetskaya Yu. S. (2023). Leksikograficheskij resurs "Novoe v russkoj leksike" kak cifrovoj jetap v razvitii otechestvennoj akademicheskoj neografii [Lexicographic resource "New in Russian vocabulary" as a digital stage in the development of domestic academic neography]. Terra Linguistica, 3, 28–40. (In Russian)
7. Komaristova I.I. (2023). Onimy kak potencial'nye precedentnye fenomeny (na materiale sovremennogo amerikanskogo hudozhestvennogo diskursa) [Onyms as potential precedent phenomena (based on contemporary royal artistic discourse)]. Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologija, 1(122), 44–52. (In Russian)

8. Pozdnjakova E.Ju. (2021). K voprosu o diskursivnoj teorii onomastiki [On the issue of the discursive theory of onomastics]. Kul'tura i tekst, 1(44), 245–261. (In Russian)
9. Hebbikulieva D. (2005). Leksikografija i korpusnaja lingvistika: peresechenie teorii i praktiki [Lexicography and Corpus Linguistics: The Intersection of Theory and Practice]. Mirovaja nauka, 1 (94), 142–145. (In Russian)
10. Hizhnjak S.P. (2014). Terminologija iskusstvovedenija kak osobyj tip terminosistem [Art history terminology as a special type of terminology systems]. Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki, 3 (31), 144–150. (In Russian)

Поступила в редакцию 22.06.2026 г.

STRUCTURAL AND TYPOLOGICAL FEATURES OF ONYMS IN THE ENGLISH LANGUAGE ART HISTORY DISCOURSE

P.E. Gapienko

The relevance of this work is determined by the need to develop a systematic approach to the study of the structural specifics and mechanisms of nomination of onyms in art historical discourse. The aim of the study is to identify productive structural and semantic models for the formation of art historical onyms. The study employs the method of continuous sampling, comparative and contrastive methods, the method of thematic classification and systematization of linguistic material, the quantitative analysis, and contextual analysis. The study material is a sample of art historical onyms from The Oxford Dictionary of Art and Artists (5th ed.), supplemented by material from 100 articles on art historical topics. The specifics of the existence of denominal units in art historical discourse has been determined. A thematic and structural classification of art historical onyms has been carried out. Based on the quantitative analysis (the ratio of single- and multi-component units), the prevalence of single-component anthroponyms was proved. The major ways of their derivation have been identified. The syntactic (composite) and affixal (prefixal) ways of formation have turned out to be the most productive.

Key words: onyms of art history, onomastic derivation, structural-semantic typology, English art history discourse, metalanguage of art history.

Гапиенко Полина Евгеньевна.
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.
Старший преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения.
ORCID 0000-0002-1685-9341.
E-mail: polina.gapienko@mail.ru

Gapienko Polina Evgen'evna.
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
Russian Federation, Saint-Petersburg.
Senior Lecturer at Department of Linguistics and Translation.
ORCID 0000-0002-1685-9341.
E-mail: polina.gapienko@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'23:81'37
DOI: 10.5281/zenodo.23987275

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «УВАЖЕНИЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

© 2026 *К.Б. Кетова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
ORCID 0009-0004-1663-3205

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается лексико-грамматическая структура номинативного поля концепта «уважение» в языковом сознании современной молодёжи. Материалом послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 128 информантов двух региональных групп: молодёжь Северного Кавказа и молодёжь Центрального федерального округа. Применяя метод семантико-когнитивного анализа, автор рассматривает субстантивный, адъективный и вербальный компоненты ассоциативного поля как самостоятельные лексико-грамматические зоны, обнаруживающие различную когнитивную нагрузку в двух группах. Показано, что существительные формируют ядро и базовый слой номинативного поля, прилагательные объективируют оценочный компонент концепта, а глаголы — его поведенческую составляющую. Выявленные различия отражают специфику региональной языковой картины мира: для первой группы характерна этнокультурная и ритуально-поведенческая направленность, для второй — гражданско-патриотическая и деятельностная.

Ключевые слова: концепт «уважение», номинативное поле концепта, ассоциативный эксперимент, лексико-грамматическая структура, языковая картина мира, когнитивная лингвистика, языковое сознание молодёжи, Северный Кавказ.

Для цитирования: Кетова К.Б. Лексико-грамматическая структура номинативного поля концепта «уважение» в языковом сознании современной молодёжи (на материале ассоциативного эксперимента) / К.Б. Кетова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 263–272. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23987275.

Введение. Изучение концептов как ключевых единиц языкового сознания остаётся одним из приоритетных направлений современной когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Особую исследовательскую ценность представляет анализ номинативного поля концепта — совокупности языковых единиц, объективирующих его содержание в речевой деятельности носителей языка [1, с. 17]. Если в большинстве существующих работ ассоциативный ряд рассматривается как единое, нерасчленённое целое, то дифференцированный анализ лексико-грамматических компонентов этого ряда позволяет вскрыть неодинаковую когнитивную нагрузку существительных, прилагательных и глаголов в структуре концепта.

Концепт «уважение» занимает устойчивое место в русской языковой картине мира (далее — ЯКМ): он пронизывает сферы межличностных отношений, этики, воспитания и социальной нормативности [2, с. 110]. Вместе с тем структурный анализ его номинативного поля — с выделением отдельных лексико-грамматических зон — в

региональном сопоставительном аспекте ранее не проводился, что и обусловливает научную новизну настоящего исследования.

Актуальность обращения именно к лексико-грамматическому аспекту номинативного поля обусловлена и общей тенденцией современной когнитивной лингвистики к уточнению структуры концепта: если понятийный слой концепта традиционно описывается через дефиниционный анализ, а образный — через метафорические модели, то способ его языковой объективации по частям речи до сих пор специально не рассматривался. Между тем именно распределение реакций по грамматическим классам позволяет развести статический (номинативный, «что есть уважение») и динамический (предикативный, «как уважение проявляется») пласты концепта, что существенно для описания концепта «уважение» как регулятора социального поведения [2, с. 110].

Вопрос о структуре номинативного поля отдельных этических концептов уже становился предметом исследования: С.А. Аскольдов рассматривал концепт как обобщённую мыслительную единицу, объединяющую понятийный и образный компоненты [3, с. 267–279]; С.К. Башиева, З.Р. Дохова и М.Ч. Шогенова на материале ассоциативного эксперимента показали специфику концепта «намыс» в языковом сознании студенческой молодёжи Северного Кавказа [4, с. 28–31]; Н.И. Колодина и О.Г. Лябина сопоставили семантико-синонимическое и ассоциативное поля концептов «уважение» и «вежливость» [5, с. 99–106]. Однако лексико-грамматическая дифференциация ассоциативного поля концепта «уважение» — с раздельным анализом субстантивного, адъективного и вербального компонентов — в указанных работах не проводилась, что подтверждает актуальность и новизну предлагаемого подхода.

Объектом исследования является концепт «уважение» в языковом сознании современной молодёжи; предметом — лексико-грамматическая структура его номинативного поля, выявляемая на материале свободного ассоциативного эксперимента. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что существительные, прилагательные и глаголы, вербализующие концепт, обладают неодинаковой когнитивной нагрузкой, а региональная принадлежность информантов обусловливает различия в семантическом наполнении каждого из этих классов.

Цель статьи — описать лексико-грамматическую структуру номинативного поля концепта «уважение» в ЯКМ современной молодёжи на основании субстантивного, адъективного и вербального компонентов ассоциативных реакций, выявленных в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Задачи исследования: 1) систематизировать полученные ассоциаты по лексико-грамматическим классам; 2) охарактеризовать семантику каждого класса в обеих региональных группах; 3) выявить сходства и различия между группами на уровне каждого грамматического класса.

Материалы и методы исследования. Исследование выполнено на материале свободного ассоциативного эксперимента, проведённого среди 128 информантов в возрасте от 14 до 35 лет (согласно ФЗ № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации»). Первую группу составили 76 представителей этнических групп Северного Кавказа (в том числе кабардинцы, балкарцы, чеченцы), вторую — 52 жителя Центрального федерального округа (Москва, Московская, Воронежская, Костромская, Рязанская и другие области). Эксперимент проводился с применением анкеты, включавшей задание на свободные ассоциации к слову-стимулу уважение, а также задания на написание одного слова каждой из трёх грамматических форм: существительного, прилагательного и глагола. Это позволило получить три самостоятельные выборки лексико-грамматических реакций общим объёмом

503 ассоциата [6]. Анкетирование проводилось анонимно в письменной форме, время заполнения анкеты не ограничивалось. Половозрастной состав выборки: 73 девушки и 55 юноши; средний возраст информантов первой группы составил 22 года, второй — 27 лет. Из общего массива реакций были исключены неинтерпретируемые и орфографически искажённые формы (всего 13 реакций), что не повлияло на общую тенденцию распределения. Количественная обработка данных включала расчёт относительной частоты каждой реакции внутри своей грамматической группы (в процентах от общего числа реакций данного класса), что позволило сопоставлять группы с разной численностью информантов (76 и 52 человека) на сопоставимой основе.

Выбор именно этих двух региональных групп обусловлен методологически: обе представляют собой территориально и этнически контрастные, но при этом языково единые (русскоязычные) сообщества молодёжи, что позволяет корректно сопоставлять структуру номинативного поля концепта без риска смешения языковых и внеязыковых (собственно этнокультурных) факторов. Асимметрия объёма групп (76 и 52 человека) отражает реальную демографическую пропорцию доступной выборки и была учтена при переходе от абсолютных частот к относительным при сопоставлении групп.

Методологическую основу составили: метод свободного ассоциативного эксперимента; метод семантико-когнитивного анализа, предполагающий выделение ядра, базового слоя, ближней и дальней периферии ассоциативного поля [7, с. 44]; сравнительно-сопоставительный метод; приёмы количественного подсчёта и классификации. Теоретической базой послужили работы в области лингвокультурологии [8; 9], психолингвистики [10] и когнитивной лингвистики [11; 12].

В рамках принятой методики к ядру поля относились реакции с максимальной частотой встречаемости внутри своего лексико-грамматического класса; базовый слой составили реакции высокой, но не максимальной частоты; ближняя периферия включала реакции средней частотности, единично воспроизводимые несколькими информантами; дальняя периферия — единичные, индивидуально-специфические реакции, зафиксированные однократно. Такое послойное распределение позволяет не только описать содержание концепта, но и оценить степень его конвенциональности в сознании группы: чем компактнее ядро и базовый слой, тем выше согласованность представлений информантов о содержании концепта.

Основная часть. 1. Субстантивный компонент номинативного поля. Существительные образуют наиболее объёмный и семантически разнородный пласт ассоциативного поля. В первой группе частотны лексемы, обозначающие членов семьи и ближайшего круга общения: мама (17), семья (15), родители (11), старший (15), дедушка (6), отец/папа (7). Показательна и группа национально маркированных понятий: хабзэ (9), намыс (11), адаты (7), Кавказ (8). Параллельно фиксируется религиозный блок: Всевышний (7), Бог (8), Аллах (2), Ислам (3).

Указанные лексемы обозначают ключевые понятия традиционного этического кодекса народов Северного Кавказа: хабзэ — свод норм поведения, регулирующий отношения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, гостем и хозяином; намыс — категория чести и совести, тесно связанная с представлением о достоинстве личности и рода; адаты — обычное право, регулирующее социальные отношения наряду с религиозными нормами. Появление этих единиц в числе частотных субстантивных реакций подтверждает, что уважение в языковом сознании первой группы кодифицировано не только этически, но и институционально — как часть устойчивой нормативной системы.

Такое распределение свидетельствует о том, что в языковом сознании кавказской молодёжи концепт «уважение» организован вокруг семейно-клановых и этноконфессиональных ценностей.

Обращает на себя внимание и иерархия реакций внутри семейного блока: наибольшую частоту демонстрируют лексемы, называющие старшее поколение (мама, старший, дедушка, отец/папа), тогда как обозначения ровесников или младших родственников в числе частотных реакций не зафиксированы. Это указывает на то, что уважение в языковом сознании первой группы концептуализируется прежде всего как вертикально ориентированная категория — направленная «снизу вверх», от младших к старшим, — что типологически сближает её с традиционными моделями возрастной иерархии.

Во второй группе ведущими субстантивными ассоциатами выступают: Родина (11), государство (7), страна (7), Россия (7), народ (4), нация (4), Президент (4). Они формируют гражданско-патриотическое ядро номинативного поля. Существенную часть реакций составляют лексемы, отсылающие к иерархии и статусу: власть (4), авторитет (3), статус (3), должность (4), а также лексемы, связанные с трудом: работа (2), рабочий человек (3), труд (4), учитель (4), медики (5). Военно-патриотическая тематика представлена единицами герой (4), долг (4), победа (3), Великая Отечественная Война (3).

Таблица 1. Субстантивные ассоциаты к слову-стимулу уважение по группам (наиболее частотные)

Группа 1 (Северный Кавказ)	**Группа 2 (ЦФО)**
семья (15), мама (17), отец/папа (7), дедушка (6), родители (11)	Родина (11), государство (7), Россия (7), страна (7), народ (1)
честь (11), намыс (11), хабзэ (9), достоинство (9)	власть (4), Президент (4), авторитет (3), статус (3)
Кавказ (8), Бог (8), нация (4), народ (4)	герой (4), долг (4), победа (3), труд (4)

В целом на субстантивный компонент приходится 67 % всех полученных реакций, что делает его самым объёмным лексико-грамматическим слоем номинативного поля — почти в 1.5 раз больше, чем на адъективный и вербальный компоненты вместе взятые. Такое количественное преобладание существительных закономерно: именно они выполняют номинативную функцию и первыми актуализируются при свободной ассоциации со словом-стимулом, тогда как прилагательные и глаголы требуют дополнительного шага рефлексии — перехода от предмета мысли к его признаку или действию.

Таким образом, субстантивный компонент демонстрирует принципиальное различие в концептуальной организации: первая группа структурирует уважение через родство и традицию, вторая — через гражданственность и социальную иерархию.

2. Адъективный компонент номинативного поля. Прилагательные-реакции объективируют оценочный компонент концепта — ту часть значения, которая связана с характеристикой носителя уважения или самого отношения. В первой группе преобладают лексемы: заслуженное, важный, необходимое, влиятельный, интеллигентный, лучшее. Семантика данного ряда подчёркивает личные достоинства субъекта как условие и источник уважения: уважение заслуживается, оно производно от внутренних качеств человека — его воспитанности, влиятельности, образованности.

Адъективный ряд второй группы существенно отличается: взаимное, старший, мудрый, традиционный, большое, доблестный, добросовестный, успешный, высшие. Здесь заметен сдвиг в сторону социальных характеристик: уважение связывается с взаимностью, с принадлежностью к определённой социальной категории (старший, высшие), с профессиональным и гражданским успехом. Любопытно, что лексема старший встречается в обеих группах, но относится к разным грамматическим классам: в первой группе она входит в число частотных существительных (старший (15), во

второй — в адъективный ряд. Это различие показательно: в первом случае старший — это субъект, носитель статуса, которому адресовано уважение; во втором — признак, одна из характеристик, по которой уважение может распределяться. Иными словами, одна и та же возрастная иерархия осмысляется в первой группе как персонифицированная, а во второй — как отвлечённая, свойство социальной позиции. Это позволяет говорить о преимущественно дескриптивной — а не нормативной — природе адъективного компонента во второй группе.

Сопоставление двух адъективных рядов показывает, что противопоставление групп идёт не по знаку оценки (обе группы демонстрируют исключительно положительную коннотацию концепта), а по её основанию: в первой группе прилагательное характеризует носителя уважения через внутренние, личностные качества, во второй — преимущественно через внешние, социально верифицируемые признаки (статус, возраст, профессиональный успех).

Таблица 2. Адъективные ассоциаты к слову-стимулу «уважение» по группам

Группа 1 (Северный Кавказ)	**Группа 2 (ЦФО)**
заслуженное, важный, необходимое, влиятельный, лучшее, интеллигентный	взаимное, старший, мудрый, традиционный, большое, доблестный, добросовестный
Доминирующая семантика: личные достоинства и моральная ценность субъекта	Доминирующая семантика: социальный статус, взаимность, патриотический пафос

Показательно и количественное соотношение: адъективный компонент по объёму заметно меньше субстантивного (примерно в 3 раза), что подтверждает данные предыдущих ассоциативных исследований о преобладании номинативных реакций над предикативно-оценочными при свободном ассоциировании. При этом внутри самого адъективного ряда обеих групп доминируют реакции с положительной оценочной семантикой, единичны нейтральные и отсутствуют негативно-оценочные лексемы, что указывает на устойчиво позитивную коннотацию концепта «уважение» в языковом сознании молодёжи независимо от региона.

Различие в семантических стратегиях прилагательных подтверждает выводы о том, что в первой группе концепт «уважение» ориентирован на этические характеристики личности, тогда как во второй — на её социальные позиции и достижения. А.Е. Бочкарев отмечает, что в русском языковом сознании чувство уважения тесно связано с представлением о заслуженности и достоинстве [13, с. 46–52], что согласуется с ядерными адъективными реакциями обеих групп настоящего исследования.

3. Вербальный компонент номинативного поля. Глаголы как лексико-грамматический класс выражают поведенческую составляющую концепта — действия, которые ассоциируются с уважением или производят его. Именно глагольный компонент наиболее отчётливо отражает деятельностный аспект ценностной установки.

В первой группе зафиксированы глаголы: заслужить, воспитать, иметь, вести, помнить, поклоняться, почитать, ответственность (субстантивированная форма со значением действия). Включение лексемы ответственность в вербальный, а не в субстантивный ряд обосновано её семантикой: несмотря на морфологический статус существительного, данная единица обозначает не предмет или лицо, а процессуальный признак — обязанность действовать определённым образом, — что сближает её по функции с глагольными реакциями и оправдывает её рассмотрение в составе деятельностной, а не номинативной зоны поля. Доминирующая семантика — ритуализованное поведение (поклоняться, почитать), передача и сохранение традиции (помнить, воспитать), трудовое достижение уважения (заслужить). Данный ряд хорошо согласуется с этнокультурной направленностью субстантивного компонента группы.

Во второй группе глаголы отличаются: заслужить, уважать, учиться, ценить, терпеть, защищать, слушаться, осветить, уступать. Здесь прослеживается двойная направленность: во-первых, ориентация на личностный рост и социальную компетентность (учиться, ценить, уважать); во-вторых, гражданская и охранительная семантика (защищать, терпеть, уступать). Примечательно, что глагол заслужить оказался общим для обеих групп и может быть квалифицирован как инвариантный элемент вербальной зоны номинативного поля. Наличие общего для двух групп глагола заслужить при расхождении остальной части вербального ряда соотносится с наблюдением А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелёва о том, что многие ключевые слова русской языковой картины мира сочетают универсальную и культурно-специфическую составляющие одновременно [14]. Применительно к глагольному компоненту это означает, что деятельностная модель уважения («заслуживания») является для русской ЯКМ инвариантной, тогда как конкретное содержание этой деятельности (ритуальное поведение vs. гражданская активность) — региональной переменной.

Таблица 3. Вербальные ассоциаты к слову-стимулу «уважение» по группам

Группа 1 (Северный Кавказ)	Группа 2 (ЦФО)
заслужить, воспитать, иметь, вести, помнить, поклоняться, почитать	заслужить, уважать, учиться, ценить, терпеть, защищать, слушаться
Доминирующая семантика: ритуальное поведение, трудовое достижение	Доминирующая семантика: личностный рост, взаимодействие, гражданская позиция

Вербальный компонент оказался наименьшим по объёму из трёх (около 13% от общего числа реакций), что закономерно: глагольная реакция требует наибольшей когнитивной обработки стимула, поскольку предполагает не называние предмета или признака, а моделирование ситуации, в которой уважение возникает или проявляется. Малый объём вербального компонента при этом не означает его периферийности для структуры концепта — напротив, именно глаголы, как показано выше, задают деятельностный сценарий, объединяющий понятийный и ценностный слои концепта в единое поведенческое предписание.

4. Интегральная структура номинативного поля. Сопоставление трёх лексико-грамматических компонентов номинативного поля позволяет выявить общую архитектуру концепта «уважение» в каждой из групп. В первой группе субстантивный, адъективный и вербальный ряды образуют единую этнокультурную матрицу: уважение — это чувство, обращённое к семье, старшим, традиции и религии (существительные); оно определяется личными достоинствами человека (прилагательные) и выражается в ритуализованных действиях (глаголы). В терминах трёхкомпонентной модели концепта [15, с. 3–16] понятийный компонент здесь неотделим от ценностного: уважение одновременно описывается и предписывается.

Во второй группе структура иная: концепт организован вокруг гражданско-патриотических и статусных ценностей (существительные), атрибутируется через социальные характеристики (прилагательные) и реализуется в деятельности, ориентированной на личностный рост и гражданскую позицию (глаголы). Образный компонент концепта во второй группе, судя по адъективному ряду, в большей мере определяется социальным контекстом, тогда как в первой — нравственным.

Общим для обеих групп является признание «заслуженности» уважения (глагол заслужить, прилагательное заслуженное), что коррелирует с русской пословичной традицией: Уважение не ищут — трудом добывают. Этот элемент можно квалифицировать как инвариантное ядро концепта, устойчивое к региональной вариативности.

Сведение данных по трём компонентам показывает, что региональные различия носят не точечный, а системный характер: они последовательно проявляются на уровне номинации (существительные), оценки (прилагательные) и действия (глаголы), формируя две целостные, внутренне согласованные модели концепта. Первая модель может быть охарактеризована как традиционно-нормативная (уважение задано традицией и выражается через ритуал), вторая — как деятельностно-гражданская (уважение достигается личными и социальными усилиями). Обе модели, однако, сходятся в одном существенном пункте: уважение в обеих группах не рассматривается как данность, а мыслится как результат усилия — трудового, нравственного или гражданского, — что позволяет говорить об универсальной для русской языковой картины мира семантической доминанте «заслуженности» уважения, реализующейся, однако, разными культурно-специфическими средствами.

5. Обсуждение результатов. Полученные данные соотносятся с результатами более ранних исследований близких концептов. Так, в работе Н.И. Колодиной и О.Г. Лябиной уважение и вежливость рассматриваются как смежные, но не тождественные концепты, различающиеся по степени институционализации нормы [5, с. 99–106]; данные настоящего исследования подтверждают это наблюдение на новом материале: во второй группе информантов уважение фиксируется преимущественно как институциональная, гражданско-правовая категория, тогда как в первой — как категория этическая, регулируемая неписаной, но строгой этнокультурной нормой (хабзэ, адаты). Это различие проявляется на всех трёх лексико-грамматических уровнях и, следовательно, не может быть объяснено случайными колебаниями частот, а отражает системную специфику региональной ЯКМ.

Вместе с тем полученные результаты не следует абсолютизировать. Во-первых, объём выборки (128 информантов) позволяет говорить лишь о тенденциях, а не о статистически устойчивых закономерностях; для их подтверждения необходим эксперимент на большей и более сбалансированной по возрасту выборке. Во-вторых, возрастной диапазон информантов (14–35 лет) объединяет группы с разным жизненным опытом, что могло сказаться на характере ассоциаций (например, на присутствии единиц, связанных с профессиональной деятельностью). Данные ограничения задают направление дальнейшей работы над темой.

Заключение. Проведённый лексико-грамматический анализ номинативного поля концепта «уважение» в языковом сознании современной молодёжи позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, субстантивный, адъективный и вербальный компоненты ассоциативного поля несут неодинаковую когнитивную нагрузку: существительные объективируют понятийно-образное ядро концепта, прилагательные — его оценочную составляющую, глаголы — поведенческую. Дифференцированный анализ этих компонентов даёт более точное представление о структуре концепта, чем описание ассоциативного поля как нерасчленённого целого. Во-вторых, региональная специфика прослеживается на всех трёх уровнях: в первой группе концепт организован вокруг этнокультурных, семейных и религиозных ценностей; во второй — вокруг гражданско-патриотических и статусно-профессиональных. В-третьих, инвариантным ядром, общим для обеих групп, является семантема «заслуживания»: уважение воспринимается как ценность, которую необходимо заработать собственными действиями. Полученные результаты могут быть использованы при разработке учебных курсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и этнопсихолингвистике, а также при составлении ассоциативных словарей регионального

типа, фиксирующих специфику языкового сознания молодёжи полиэтничных регионов Российской Федерации.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования при разработке учебных курсов по лингвокультурологии, этнопсихолингвистике и межкультурной коммуникации, ориентированных на работу с полиэтничной молодёжной аудиторией, а также при составлении региональных ассоциативных словарей. Отдельного внимания заслуживает и методический аспект исследования: предложенное разграничение субстантивного, адъективного и вербального компонентов номинативного поля может быть применено при анализе номинативных полей других этических концептов, что расширяет применимость использованной методики за пределы концепта «уважение».

Наконец, количественное соотношение компонентов номинативного поля (устойчивое преобладание субстантивной зоны над адъективной и вербальной) подтверждает общую закономерность, отмечаемую в психолингвистических исследованиях ассоциативного эксперимента: свободная ассоциация тяготеет к номинации предмета мысли, тогда как его признаковая и предикативная характеристика требует более высокой степени рефлексии со стороны информанта [10]. В теоретическом отношении проведённый анализ подтверждает продуктивность разграничения лексико-грамматических зон номинативного поля как самостоятельного уровня описания концепта, дополняющего традиционное деление на ядро и периферию [7, с. 44]: если полевая модель описывает концепт по степени конвенциональности реакций, то лексико-грамматическая модель — по типу репрезентируемого содержания (предметного, оценочного, деятельностного), и совмещение этих двух моделей даёт более полное представление о структуре концепта, чем применение каждой из них по отдельности.

Перспективой дальнейших исследований является сопоставительный анализ номинативных полей смежных концептов (честь, достоинство, почтение) с целью уточнения места концепта «уважение» в системе этических концептов русской ЯКМ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. — М. : Academia, 1997. — С. 267–279.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика / А.П. Бабушкин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. — 330 с.
3. Башиева С.К. Категория «намыс» как лингвокультурный маркер речевого портрета билингвальной языковой личности / С.К. Башиева, З.Р. Дохова, М.Ч. Шогенова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — Сочи, 2013. — № 18. — С. 28–31.
4. Белянин В.П. Психолингвистика : учебник / В.П. Белянин. — М. : Флинта : Моск. психол.-социал. ин-т, 2004. — 232 с.
5. Бочкарев А.Е. О чувстве уважения в русском языковом сознании: уважения достойно… / А.Е. Бочкарев // Slavica Slovaca. — 2020. — № 1 (55). — С. 46–52.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. — М. : РУДН, 2008. — 336 с.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. — 5-е изд., испр. — М. : Лабиринт, 1999. — 352 с.
8. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 540 с.
9. Карасик В.И. Осмысление уважения в языковом сознании и коммуникативной практике / В.И. Карасик, Ш. Алам // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2024. — Вып. 1 (52). — С. 110–126.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик ; Волгогр. гос. пед. ун-т ; НИЛ аксиол. лингвистики. — Волгоград : Перемена, 2002. — 476 с.
11. Колодина Н.И. Связь единиц семантико-синонимического и ассоциативного полей (на примере нравственных понятий «уважение» и «вежливость») / Н.И. Колодина, О.Г. Лябина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 10 (64) : в 3 ч. — Ч. 3. — С. 99–106.

12. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М. : УРСС, 2004. — 252 с.
13. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 296 с.
14. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2007. — 314 с.
15. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1999. — 30 с.

REFERENCES

1. Askol`dov S.A. (1997) Koncept i slovo. [Concept and word] In V. P. Neroznak (Ed.), Russkaya slovesnost`. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya [Russian literature. From the theory of literature to text structure: an anthology] (pp. 267–279). Moscow: Academia. (In Russian)
2. Babushkin A.P. (1997) Ty`py` konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazy`ka, ix lichnostnaya i nacional`naya specifika. [Types of concepts in the lexical-phraseological semantics of language, their personal and national specifics] (330 p.). Voronezh: Izdatel`stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
3. Bashieva S.K., Doxova Z. R., Shogenova M. Ch. (2013) Kategoriya «namy`s» kak lingvokul`turny`j marker rechevogo portreta bilingval`noj yazy`kovoj lichnosti [The category “namys” as a linguocultural marker of the speech portrait of a bilingual linguistic personality] Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladny`e aspekty` [Linguorhetorical paradigm: theoretical and applied aspects] 18, (pp. 28–31). (In Russian).
4. Belyanin V.P. (2004) Psixolingvistika: uchebnik. [Psycholinguistics: a textbook] (232 p.). Moscow: Flinta: Moskovskij psixologo-social`ny`j institut. (In Russian)
5. Bochkarev A.E. (2020) O chuvstve uvazheniya v russkom yazy`kovom soznanii: uvazheniya dostojno… [On the sense of respect in the Russian linguistic consciousness: worthy of respect…] Slavica Slovaca 1(55), (pp. 46–52). (In Russian).
6. Vorob`ev V.V. (2008) Lingvokul`turologiya. [Linguoculturology] (336 p.). Moscow: RUDN. (In Russian)
7. Vy`gotskij L.S. (1999) My`shlenie i rech`. [Thought and language] (352 p.). Moscow: Labirint. (In Russian)
8. Zaliznyak A.A., Levontina I. B., Shmelev A. D. (2005) Klyuchevy`e idei russkoj yazy`kovoj kartiny` mira: sbornik statej. [Key ideas of the Russian linguistic worldview: a collection of articles] (540 p.). Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. (In Russian)
9. Karasik V.I., Alam Sh. (2024) Osmy`slenie uvazheniya v yazy`kovom soznanii i kommunikativnoj praktike [Conceptualizing respect in linguistic consciousness and communicative practice] Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya [Theory of language and intercultural communication] 1(52), (pp. 110–126). (In Russian).
10. Karasik V.I. (2002) Yazy`kovoj krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. [The linguistic circle: personality, concepts, discourse] (476 p.). Volgograd: Peremena. (In Russian)
11. Kolodina N.I., Lyabina O.G. (2016) Svyaz` edinicz semantiko-sinonimicheskogo i associativnogo polej (na primere nravstvenny`x ponyatij «uvazhenie» i «vezhlivost`») [The connection between units of semantic-synonymic and associative fields (using the moral concepts “respect” and “politeness” as examples)] Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice] 10(64), part 3, (pp. 99–106). (In Russian).
12. Lakoff G., Johnson M. (2004) Metafory`, kotory`mi my zhivem. [Metaphors we live by] (A. N. Baranov, A. V. Morozova, Trans.) (252 p.). Moscow: URSS. (In Russian)
13. Maslova V.A. (2007) Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. [Introduction to cognitive linguistics] (296 p.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)
14. Popova Z.D., Sternin I.A. (2007) Kognitivnaya lingvistika. [Cognitive linguistics] (314 p.). Moscow: AST: Vostok — Zapad. (In Russian)
15. Popova Z.D. (1999) Ponyatie «koncept» v lingvisticheskix issledovaniyax. [The concept of “concept” in linguistic research] (30 p.). Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian)

Поступила в редакцию 25.05.2026 г.

LEXICO-GRAMMATICAL STRUCTURE OF NOMINATIVE FIELD OF CONCEPT 'RESPECT' IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF MODERN YOUTH (BASED ON ASSOCIATIVE EXPERIMENT DATA)

K.B. Ketova

The author examines the lexico-grammatical structure of the nominative field of the concept RESPECT in the linguistic consciousness of modern Russian youth. The study is based on data from a free associative experiment involving 128 respondents from two regional groups: youth of the North Caucasus and youth of the Central Federal District. Using the method of semantic-cognitive analysis, the author considers the substantive, adjectival, and verbal components of the associative field as independent lexico-grammatical zones with different cognitive loads in the two groups. It is shown that nouns form the core and basic layer of the nominative field, adjectives objectify the evaluative component of the concept, and verbs represent its behavioural dimension. The identified differences reflect the specifics of the regional linguistic worldview: the first group is characterized by an ethnocultural and ritual-behavioural orientation, while the second one demonstrates a civic-patriotic and activity-based orientation.

Key words: concept 'respect', concept nominative field, associative experiment, lexico-grammatical structure, linguistic worldview, cognitive linguistics, linguistic consciousness of youth, North Caucasus.

Кетова Карина Борисовна.
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, г. Нальчик.
Ассистент кафедры русского языка и общего языкознания.
ORCID 0009-0004-1663-3205.
E-mail: karter.18@list.ru.

Ketova Karina Borisovna.
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Russian Federation, Nalchik.
Assistant at Department of Russian Language and General Linguistics.
ORCID 0009-0004-1663-3205.
E-mail: karter.18@list.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 82.091
DOI: 10.5281/zenodo.23999029

КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Л.Н. ТОЛСТОГО И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ У ЦЗЭЛИНЕМ

© 2026 *Ли Юньчжу*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
ORCID 0009-0004-6767-1033

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена анализу восприятия философской мысли Л.Н. Толстого в китайской академической традиции и интерпретации Толстым классической китайской философии. Методологическая база исследования включает междисциплинарный, историко-генетический и историко-социологический подходы, а также сравнительный анализ. В центре внимания — монография профессора У Цзэлиня «Толстой и классическая китайская культура и философия» (2000/2017). Сделан вывод о том, что китайский ученый отказывается от линейной модели «влияния» в пользу концепции избирательного усвоения и функциональной интерпретации: Толстой обращался к китайской философии не как к источнику, а как к инструменту выражения собственных идей. Сопоставление исследовательских стратегий У Цзэлиня и российского ученого Кима Рехо позволяет выявить два принципиально различных подхода к осмыслению диалога Толстого с Востоком — социально-исторический и типологический.

Ключевые слова: Лев Толстой; толстовство; история рецепции в Китае; У Цзэлинь; Ким Рехо; конфуцианство; даосизм; сравнительное литературоведение; межкультурный диалог.

Для цитирования: Ли Юньчжу. Китайская классическая философия в интерпретации Л.Н. Толстого и ее осмысление У Цзэлинем / Юньчжу Ли // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 273–283. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23999029.

Введение. Рецепция Льва Толстого в Китае насчитывает более ста лет. За это время китайские исследователи прошли путь от публицистических оценок до углубленного сравнительного анализа связей русского писателя с восточной философской традицией. Одним из наиболее значительных итогов этого движения стала монография профессора Пекинского педагогического университета У Цзэлиня «Толстой и китайская классическая культура и философия» (2000; второе издание — 2017). У Цзэлинь предложил системный взгляд на то, как толстовство — религиозно-нравственное учение позднего Толстого — вбирало в себя элементы конфуцианства, даосизма и моизма, трансформируя их в рамках собственной доктрины. Как отмечает Ван Чжигэн, этот труд стал «фундаментальным и завершенным» на фоне разрозненных предшествующих исследований [12, с. 132].

Настоящая статья ставит целью, во-первых, представить краткую историографию китайских исследований философии Толстого (от первых откликов 1900-х годов до современного этапа); во-вторых, детально проанализировать основные положения концепции У Цзэлиня о взаимоотношении толстовства и китайской классической мысли; и, в-третьих, сопоставить его подход с работой российского ученого Ким Рехо, что позволит выявить две различные стратегии осмысления диалога Толстого с Востоком.

Материалы и методы исследования. Для проведения исследования были выбраны монография У Цзэлиня «Толстой и классическая китайская культура и философия» (2000/2017), статья У Цзэлиня «Толстовство и классическая китайская культурная мысль» (1992) и статья Ким Реко «Диалог: Лев Толстой и Лео-цзы» (2004).

Методологическая основа исследования носит комплексный характер. Историко-генетический метод позволяет проследить хронологию знакомства Л.Н. Толстого с китайской мыслью, начиная с 1880-х годов, выявить источники и этапы усвоения им идей Конфуция, Мэн-цзы, Лао-цзы и Мо-цзы. Сравнительно-типологический метод применяется для сопоставления основных понятий учения Л.Н. Толстого (нравственное самоусовершенствование, непротивление злу насилием, аскетизм) с их философскими аналогами в китайской традиции («жэнь», «у-вэй», «дао»), что позволяет выявить как черты типологического сходства, так и принципиальные расхождения. Герменевтический подход используется для понимания того, как У Цзэлинь осмысливает толстовскую интерпретацию китайской классической философии. Методы сопоставительного литературоведения и рецептивной эстетики дает возможность рассмотреть процесс «встречи» двух традиций в аспекте концепции межкультурного диалога. Компаративистский анализ научных позиций используется в заключительной части статьи для сопоставления концепции У Цзэлиня с подходом российского исследователя К. Рехо, что позволяет выявить две различные стратегии осмысления диалога Толстого с Востоком: акцент на типологическом сходстве, с одной стороны, и на трансформации и различии — с другой.

Решение поставленных задач в статье осуществляется с применением междисциплинарного подхода, позволяющего рассматривать толстовскую рецепцию китайской философии не только в литературоведческом, но и в философском, культурологическом и историческом ракурсах. Историко-социологический метод, в свою очередь, дает возможность учитывать социально-исторический контекст пореформенной России, в котором формировалось учение Л.Н. Толстого и объяснять его обращение к восточной философии.

Основная часть. Основные этапы китайской рецепции философии Толстого. Поздняя династия Цин — ранняя Республика (1900–1919) — период, который стал начальным этапом китайских исследований философии Толстого. Исследования отталкивались от конкретных текстов, но сосредотачивались в основном на ценностно-идейной стороне. Лян Цичао в статье «О влиянии академической мысли на мир» (1902) назвал Толстого «человеком, необходимым для России», отметив его «возвышенную мысль и смелый литературный стиль» [8, с. 468]. Хуан Найшан (псевдоним Хань Цюаньцзы) в работе «Краткая биография и идеи Толстого» (1904), опираясь на традиционную китайскую этическую мысль, проанализировал суть религиозного учения Толстого [3, с. 6]. Биография «О Толстом» (1907), написанная Ван Говэем, была опубликована в 1907 году в журнале «Мир образования». Это самая подробная биография Толстого в Китае начала XX века. В биографии Ван Говей также рассмотрел влияние мысли Лао-цзы на русского писателя [10, с. 255]. Гу Хунмин в «Поздравительной речи Толстому» (1908) интерпретировал толстовство с позиций конфуцианства [18, с. 234]. Лу Синь в статье «Разрушая голоса зла» (1908) назвал Толстого «дальновидным пророком», но подчеркнул несоответствие его идей китайской действительности [20, с. 33]. Ли Дачжао в работе «Представляя философа Толстого» (1916) поддержал гуманистический дух и общественную миссию писателя [19, с. 174].

Наиболее значительным этапом в ранних китайских исследованиях философии Толстого стал период от Движения 4 мая до образования Нового Китая (1919–1949).

В это время академические круги проявляли все больший интерес к писателю, ученые начали анализировать его произведения и отдельные художественные приемы, однако большинство публикаций носило общий ознакомительный характер и по-прежнему акцентировало идейный аспект. Примерами могут служить сочинения Шэнь Яньбина (Мао Дуня) «Толстой и сегодняшняя Россия» (1919), Цзян Мэнлиня «Мировоззрение Толстого» (1919), Чэнь Фугуана «Мировоззрение Толстого» (1919), Се Инбая «О жизни Толстого» (1920), Чэнь Хуаиня «Религиозные взгляды Толстого» (1920), Гэн Цзичжи «Философия Толстого» (1921). К 100-летию со дня рождения Толстого (1928) в Китае было выпущено множество специальных изданий. Появились не только переводы книг зарубежных теоретиков, но и оригинальные работы китайских авторов: очерк Лан Цинсяо «Жизнь и учение Толстого» (1929), монография Лю Дацзе «Толстой» (1933), эссе Ху Хуайчэня «Толстой и буддийские сутры» (1934), исследование Фан Цзюня «Религия, искусство и женщина у Толстого» (1943). Авторы большинство этих текстов высоко оценивали идеи Толстого, но им не хватало глубокого анализа сильных и слабых сторон его взглядов. В 1930-е годы в академических кругах возникли разногласия: Мао Дунь, Чжоу Либо, Лу Синь признавали художественную ценность творчества Толстого, но отрицали некоторые его идеи, критикуя «непротивленчество».

Тридцать лет после образования Нового Китая (1949–1978) — период, который характеризовался следующими особенностями: 1) научные изыскания приобрели академический характер, некоторые результаты были оригинальными; 2) расширился спектр подходов к изучению творчества Толстого; 3) публикации испытывали влияние международной политики и крайне левых идеологических течений [2, с. 277]. Го Баоцюань в статье «Произведения Л.Н. Толстого в Китае» (1960) представил процесс восприятия писателя и его книг в Китае [5, с. 44]. Хань Чанцзин в сочинении «Лу Синь о Льве Толстом» (1958) рассмотрел критику учения Толстого Лу Синем, продемонстрировал принципиальные различия между гуманизмом Лу Синя и Толстого [6, с. 51]. Среди других трудов этого периода – Ван Чжилян «Мировоззрение и творческий метод Льва Толстого» (1954), Ни Жуйцинь «Лев Толстой в Китае» (1958), Чжан Суннань «Прогрессивность и реакционность мысли Толстого в "Воскресении"» (1963).

Начиная с политики реформ и открытости (1978), в китайском литературном мире развернулось движение за освобождение мысли. Это дало мощный импульс бурному развитию исследований философии и религии Толстого, ознаменовав собой наступление этапа сравнительных исследований. Статьи о Толстом часто публиковались в университетских журналах и научных изданиях. Среди них: Чэнь Шэнь «Ленин о Толстом» (1978) и «Европейские и американские писатели о Толстом» (1983); Ни Жуйцинь «Еще раз о толстовстве» (1978), «Сравнительное исследование о Л.Н. Толстом» (1988); Го Баоцюань «Толстой и Китай» (1980); Лу Сяоян «О религиозной мысли Толстого» (1981); Сюй Хайянь «Толстой и китайские мыслители до Цинь» (1986); Лю Вэньжун «Толстой и Китай» (1991); Чжэн Ваньпэн «Толстой и восточная культура» (1995). Цинь Дэжу в работе «Религиозное учение Толстого» (1998) обобщил особенности и значение религиозного учения Толстого с точки зрения российского общества, деизма Руссо, христианства, древнекитайской философии и религиозных верований русского крестьянства [9, с. 64]. Жэнь Цзыфэн в статье «Толстой и учение Конфуция и Лао-цзы» (1990) проследил основные факты освоения Толстым идей конфуцианства и даосизма [21, с. 61]. Ван Цзиншэн в работе «Сравнительные проблемы в изучении Льва Толстого: от влияния китайской классической философии» (1995) проанализировал состояние исследований в СССР и раскрыл новые аспекты с методологической точки зрения [11, с. 13]. Ли Минбинь в статье «Толстой и конфуцианско-даосские учения» (1997)

проанализировал восточные и западные элементы в мысли Толстого, изучил процесс перевода и изучения им конфуцианских и даосских текстов, а также влияние этих учений на него [7, с. 135]. Дун Сяоин в работе «Философ Лев Толстой» (1998) утверждала, что формула «жизнь есть Бог» обобщает философскую мысль Толстого, причем различие в понимании «Бога» является наиболее фундаментальным отличием его религиозного сознания от христианской догматики [4, с. 33]. Ван Чжигэн в статье «Религиозная интерпретация светской жизненной философии» (1998), взяв за основной объект труд Толстого «Путь жизни», указал, что внешне религиозная доктрина Толстого на самом деле представляет собой светскую жизненную философию [13, с. 98].

За два десятилетия с начала XXI века в Китае было издано множество собраний сочинений Толстого, проведено несколько научных конференций и выпущены специальные номера журналов, посвященных 100-летию со дня смерти великого писателя. Общее число магистерских и докторских диссертаций о Толстом за этот период превысило сотню, среди них немало исследований его религиозной и философской мысли: Чжао Вэй «Оценка гуманистической мысли Толстого в китайском литературоведении» (2007), Лю Шиин «Библейские элементы в "Воскресении" Толстого» (2009), Чжан Минфэн «Исследование этической мысли Льва Толстого» (2021), Тан Юаньюань «Анализ религиозно-философской мысли Толстого» (2021). Появились и монографии: У Цзэлинь «Толстой и китайская классическая культура» (2000/2017), Ли Чжэнжун «Понимание Толстого и романы Толстого» (2001), Ли Минбинь «Толстой и его творчество» (2001), Ван Чжилян «Обзор Толстого» (2007), Чжан Синъюй «Исследование натурфилософии жизни Льва Толстого» (2016), Ван Чжигэн «Сравнительное литературоведение России и Китая» (2025). Не прекращается поток статей на эту тему: Се Наньдоу «Учения Лао-цзы и Чжуан-цзы и Толстой» (2000), Лю Фан «Толстой и китайская классическая культура: краткий обзор» (2005), Лю Цзинфэй «Толстовство как отражение китайской классической культуры» (2011), Цай Баоси «Натурфилософия глубинной экологии как просвещение новой нормы выживания — о религиозном мировоззрении Толстого и учении Лао-цзы» (2011), Чжан Синъюй «Диалог через время и пространство: сравнение учения Конфуция о "жэнь" и учения Льва Толстого о любви» (2012), Чжан Гуйна «Воображение смерти и искупление жизни: религиозная философия в свете взглядов Толстого на жизнь и смерть» (2019), Лю Цзюньцзюнь «Война и воля к жизни: философские идеи в "Войне и мире" Толстого» (2022), Гун Е Цзяньчжэ «Лев Толстой и философия "всеобщей любви": забытая история китайско-русского интеллектуального диалога» (2026).

Итак, осмысление религиозно-философского наследия Толстого в китайской критике и литературоведении постепенно углубляется. Этот путь отмечен тремя основными тенденциями: от воспроизведения советских оценок к утверждению собственной аналитической перспективы; от фрагментарных параллелей между Толстым и китайскими мыслителями (Конфуцием, Мэн-цзы, Лао-цзы) к системному рассмотрению идейно-творческих связей между ними; от формального сравнения идей к выявлению того, как обращение Толстого к китайской классике становится неотъемлемой частью его внутренней эволюции.

Концепция У Цзэлиня: Толстой как читатель и интерпретатор Лао-цзы и Конфуция. В китайском академическом дискурсе, посвященном диалогу Льва Толстого с восточной мыслью, особое место занимает монография У Цзэлиня «Толстой и китайская классическая культура и философия» (2017). Профессор Пекинского педагогического университета, многолетний исследователь русской литературы, У Цзэлинь предложил системный взгляд на то, как толстовство вбирало в себя элементы

конфуцианства, даосизма и моизма, трансформируя их в рамках собственной религиозно-нравственной доктрины. В центре его концепции — понятие толстовства, которое он рассматривает не как механическую сумму восточных влияний, а как сложный синтез, обусловленный спецификой российской социально-исторической ситуации и внутренней эволюцией самого писателя.

У Цзэлинь определяет толстовство через три фундаментальные идеи: нравственное самоусовершенствование, непротивление злу насилием, аскетизм и покаяние. Однако он предостерегает от упрощенного приписывания их происхождения китайской философии. Исследователь убедительно показывает, что эти идеи сформировались у Толстого задолго до его глубокого знакомства с трудами Конфуция и Лао-цзы. Так, мотив нравственного очищения, возвращения к «младенческой душе» присутствует уже в автобиографической трилогии, а влияние Руссо с его тезисом было определяющим. Что касается непротивления злу насилием, У Цзэлинь напоминает, что в «Войне и мире» уже заявлена оппозиция патриархальной, терпеливой России (Кутузов) и агрессивной буржуазной Европы (Наполеон). Поэтому китайская классическая мысль, по его мнению, помогла Толстому сформулировать и выразить уже вызревшие идеи, но не породила их. Исследователь призывает «объективно и осмотрительно» подходить к связям между толстовством и восточной традицией [23, с. 77].

Знакомство Толстого с китайской классикой имеет определенную хронологию. Относительно того, когда именно Лао-цзы вошел в поле зрения писателя, в научной литературе существуют две датировки: 1877 год и начало 1880-х годов [1, с. 658]. В 1884 г. он приступил к переводу «Дао дэ цзин», опираясь на французский перевод Станисласа Жюльена. 18 марта того же года в дневнике появилась запись: «Переводил Лао Цы. Не выходит то, что я хотел» [15]. В 1893 г. он совместно с Поповым редактировал и готовил к печати его перевод. В 1884 г. Толстой читал Конфуция и Мэн-цзы, записи о занятиях Конфуцием встречаются главным образом в его письмах и дневниках: «Учение середины Конфуция — удивительно». «Мое хорошее нравственно состояние я приписываю тоже чтению Конфуция и главное Лаоцы». «Поздно встал. Читал Конфуция и записывал» [15]. 25 октября 1891 г. он написал издателю М.М. Ледерле, распределив список книг по возрастным периодам и особо выделив Конфуция, Мэн-цзы и «Дао дэ цзин» Лао-цзы для возраста от 50 до 63 лет [17]. Таким образом, к 1880-е годам окончательно сложилось толстовство: оно органично соединило восточные элементы с западной христианской традицией, образовав религиозно-нравственное учение.

Существенно, что главные произведения Толстого — «Война и мир» (1863–1869) и «Анна Каренина» (1873–1877) — были созданы до того, как писатель систематически приступил к изучению китайской классики. Однако это не означает отсутствия в них восточных элементов: речь идет о типологическом сходстве, а не о прямом влиянии. Так, в «Войне и мире» стратегия Кутузова, основанная на терпении, ненасилии и следовании естественному ходу событий, обнаруживает очевидное сходство с даосским принципом «недеяния» (у-вэй). Смирение, всепрощение и внутренняя гармония Платона Каратаева воплощают нравственный идеал, созвучный как христианским заповедям, так и конфуцианскому учению о «жэнь» (человеколюбии). В «Анне Карениной» поиски Левиным смысла жизни, стремление упростить свое существование и нравственное самосовершенствование посредством физического труда перекликаются с восточными концепциями совершенствования человека и гармонии с природой. Как подчеркивает У Цзэлинь, эти ранние мотивы стали внутренней предпосылкой его последующего глубокого интереса к китайской мысли. Толстовство возникло не из чтения восточных мудрецов, а стало результатом

длительной духовной эволюции, в ходе которой писатель искал подтверждение собственным прозрениям, в том числе и в китайской классической философии.

У Цзэлинь объясняет обращение Толстого к китайской культуре внутренней логикой его духовных исканий. Пореформенная Россия переживала глубокий кризис: реформы не оправдали надежд, официальная церковь и государственная машина вызывали отторжение. Разочаровавшись в западном рационализме (Кант, Гегель, Шопенгауэр), Толстой, как и его Левин, пришел к выводу, что «истинное социальное улучшение достигается только религиозно-нравственным совершенствованием отдельных личностей» [16]. Именно в этом контексте после пятидесяти лет он начал систематически изучать труды китайских мыслителей, видя в них подтверждение собственным прозрениям.

Однако, по мнению У Цзэлиня, это восприятие было избирательным и прагматичным. Толстой не владел китайским языком (вопрос о его изучении остается спорным) и пользовался европейскими переводами, что неизбежно вело к неточностям. Показательный пример: в письме Гу Хунмину Толстой приписал конфуцианское изречение «не делай другому того, чего не желаешь себе» даосизму, а «освобождение от грубой силы» – конфуцианству, тогда как на самом деле это скорее даосская критика ритуала. У Цзэлинь прямо говорит о сознательной «неверной интерпретации» как методе: Толстой не усваивал китайскую мысль целиком, а брал из нее то, что служило обоснованию его собственной религиозно-нравственной системы. Положения, противоречившие толстовству (например, конфуцианская градация любви или легистский культ монарха), он просто игнорировал. Кроме того, Толстой воспринимал китайскую культуру как единый «восточный» комплекс, не различая конфуцианство, даосизм и моизм. В его интерпретации эти учения сливались, утрачивая свою внутреннюю полемичность, и совместно служили фундаментом для принципа непротивления.

Нравственное самоусовершенствование Толстого перекликается с учением Мэнцзы о врожденной доброте человека и конфуцианской практикой саморефлексии («настоящий человек блюдет себя даже тогда, когда его никто не видит»[5]). Однако, как подчеркивает У Цзэлинь, цели принципиально различны. Конфуцианство — это учение о мире сем: совершенствование личности служит наведению порядка в семье, упорядочению государства и умиротворению Поднебесной. Толстовство же, пропитанное западным христианством, ориентировано на спасение души, на отказ от всего внешнего, что не связано с внутренним миром. Толстой, по словам У Цзэлиня, «проявлял мало интереса» к конфуцианской программе социального действия, сосредоточившись исключительно на внутреннем самосовершенствовании.

Толстовское непротивление злу насилием нередко сближают с даосским «недеянием». Действительно, Толстой восхищался терпением Кутузова и охотно включал изречения Лао-цзы о мягкости и уступчивости в «Круг чтения». Однако, как убедительно показывает У Цзэлинь, за этим внешним сходством скрывается принципиальное различие. Даосское «недеяние» понимается как естественный ход вещей, отказ от социальной активности и созерцательная позиция человека, разочарованного в переменах; его цель — сохранение физической жизни и следование природе. Толстовское же «непротивление» пронизано христианским пафосом всеобщей греховности, покаяния и отсутствия права судить другого. Более того, У Цзэлинь утверждает: то, что у Толстого называется «недеянием», на самом деле служит «деянию» во внутреннем мире — это стратегия духовной революции, направленной на

[5] Здесь и далее перевод с китайского выполнен автором статьи. — Ли Юньчжу.

преображение общества через внутреннее совершенствование каждого человека. Толстой, в отличие от отрешенного мудреца, оставался активным мыслителем, стремившимся спасти мир. Аскетизм и покаяние, по мнению У Цзэлиня, имеют чисто христианские корни (представление о жизни как чистилище, о греховности плоти) и не находят прямых параллелей в классической китайской мысли. Повести «Дьявол», «Отец Сергий», «Воскресение» демонстрируют эту специфику.

Итоговый вывод У Цзэлиня состоит в том, что толстовство не является ни чисто восточной конструкцией, ни простым продолжением западной христианской традиции. В конкретных исторических условиях России XIX века оно стало результатом столкновения и последующего слияния восточных и западных духовных элементов. Восточные составляющие, войдя в толстовство, утратили свою исходную системность: отдельные положения конфуцианства, даосизма и моизма были вырваны из контекста, переосмыслены и интегрированы в новое целое. Толстовство предстает как органический сплав, в котором китайская классическая мысль перестала быть самой собой, но при этом обогатила учение русского писателя и придала ему убедительность.

У Цзэлинь и Ким Рехо: две модели диалога. В области изучения связей Толстого с классической китайской философией взгляды российского ученого Ким Рехо (монография «Диалог культур: Лев Толстой и Лао-цзы», 2004) и современного китайского исследователя У Цзэлиня демонстрируют две научные традиции, которые как перекликаются друг с другом, так и обнаруживают глубокие различия.

Ким Рехо, анализируя духовный диалог Толстого с философией Лао-цзы, приходит к выводу о существовании обоюдостороннего межцивилизационного общения между русским писателем и Востоком. По его мнению, Толстой «абсолютно чужд комплекса «цивилизованного превосходства» по отношению к азиатским народам»; в основе его мировоззрения лежат «всемирная отзывчивость» русской души и ее врожденные «евразийские свойства» [14, с. 83]. Этот тезис ученый вписывает в более широкую дискуссию о евразийской идентичности России: он полагает, что обращение Толстого к Востоку — не случайный эпизод, а закономерное проявление евразийской сущности русской культуры.

В противоположность этому, У Цзэлинь подчеркивает, что формирование толстовства базировалось главным образом на учении Руссо, христианской культуре греха и социальном кризисе в России, то есть было обусловлено конкретными социально-историческими условиями. Он признает стимулирующую роль идей Лао-цзы и Конфуция, но при этом выявляет прагматическое отношение Толстого к восточной мысли, акцентируя его творческую трансформацию, направленную на то, чтобы «брать необходимое и использовать для своих нужд». Таким образом, расхождение в их культурных позициях очевидно: Ким Рехо опирается на академическую традицию российского «евразийства», тогда как У Цзэлинь придерживается социально-исторической перспективы.

Ким Рехо настаивает на глубоком типологическом сходстве между толстовством и даосизмом. Он показывает, как Толстой интерпретировал «недеяние» (у-вэй), образ воды как символ смирения и противопоставление войне, используя эти понятия для критики западной цивилизации и находя в них параллели с христианским пренебрежением плотскими желаниями и устремленностью к духовному началу. По убеждению Ким Рехо, суть даосизма и христианства едина [14, с. 91]. Более того, он доказывает, что еще до знакомства с Лао-цзы мысль Толстого (на примере образа Кутузова в «Войне и мире») обнаруживала типологическое сходство с даосской философией на уровне

«культурного генотипа», а «недеяние» трактуется им как военная мудрость и национальный дух, причем отнюдь не пассивный.

У Цзэлинь, при всем признании типологических параллелей, занимает иную позицию. Он считает, что христианская культура греха и восточный дух радости жизни принципиально различны, а толстовские покаяние и аскетизм не имеют аналогов в традиционной китайской мысли. Оба ученых сходятся в том, что «недеяние» у Толстого проявилось задолго до его обращения к Востоку и не является пассивным. Однако если Ким Рехо усматривает в этом единство даосского и толстовского «недеяния», видя в нем философию «великого понимания», мудрость следования естественному течению жизни («мягкость побеждает жесткость»), то У Цзэлинь настаивает на сущностном различии. По его мнению, даосское «недеяние» — это философия выживания человека, разочаровавшегося в общественном прогрессе, тогда как толстовское «недеяние», по сути, является «деянием»: стратегией «отступить, чтобы перейти в наступление», пронизанной христианским покаянием и нацеленной на спасение души. Именно на этом основании У Цзэлинь раскрывает толстовство как синтез восточной и западной мысли.

Таким образом, оба ученых отказываются от упрощенного понимания обращения Толстого к Востоку как одностороннего переноса идей. Ким Рехо прямо заявляет, что отношения Толстого с Востоком представляют собой «двусторонний» культурный диалог, в котором и Восток шел к Толстому, и Толстой активно шел к Востоку. У Цзэлинь также подчеркивает, что усвоение Толстым идей восточных мудрецов необходимо анализировать «в рамках сложного взаимодействия противоречий и взаимопроникновения восточной и западной культур» [22, с. 78]. Ким Рехо восхищается духовным резонансом Толстого с Востоком, акцентирует его подлинное вживание в восточную культуру. Научный дискурс российского ученого несет ярко выраженный колорит сравнительной поэтики культуры, он стремится построить диалогический мост между двумя разными культурами и найти типологическое сходство. У Цзэлинь же подходит к вопросу с критической историко-идейной перспективы, указывая на неточности в понимании Толстым восточной мысли, анализирует социально-исторические условия формирования толстовства, демонстрируя проблемную ориентацию китайского ученого, сформировавшуюся под влиянием марксистской академической традиции.

Заключение. Оглядываясь на столетний период восприятия философии Толстого в китайской академической среде, можно выделить четкую траекторию исследований: от внешней оценки к внутреннему пониманию, от фрагментарного подхода к систематическому, от одностороннего — к объективному. У Цзэлинь синтезировал и обобщил этот путь в зрелую теоретическую концепцию.

Работа У Цзэлиня важна не только как источниковедческое исследование, но и с методологической точки зрения как образец изучения межкультурной рецепции. Он отказывается от линейных моделей «влияния» в пользу более сложной стратегии — избирательного усвоения и функциональной интерпретации. Толстой, по У Цзэлиню, не «отражал» китайскую философию, а использовал ее как инструмент для выражения собственных идей, причем инструмент, который он же и конструировал, допуская сознательные искажения. Этот подход позволяет преодолеть как восторженное преувеличение роли Востока, так и европоцентричное отрицание какого-либо его влияния. Вклад У Цзэлиня заключается в том, что он представил толстовство как уникальный феномен пограничья, где встреча Запада и Востока порождает не эклектику, а новое качество.

Ким Рехо, исходя из евразийской теории культурных генов, подчеркивает бессознательный типологический резонанс между Толстым и даосизмом; в то время как У Цзэлинь последовательно настаивает на приоритете социально-исторических условий, полагая, что межкультурные интеллектуальные параллели должны изучаться в конкретных исторических контекстах. Это различие в академических стратегиях отражает не только расхождение в авторских методологиях ученых, но и различия между китайской и российской академическими традициями при изучении одной и той же темы.

Концепция У Цзэлиня оставляет определенное пространство для дальнейшей дискуссии. В частности, остается невыясненным, к каким именно текстам Толстого и какого периода творчества относится тезис о «сознательной неверной интерпретации» им восточной мысли. Также нуждается в пересмотре утверждение У Цзэлиня о принципиальном различии между христианской культурой греха и китайским жизнеутверждающим духом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мышинский А.Л. Лев толстой и Лао-цзы / А.Л. Мышинский // Общество и государство в Китае. — 2015. – №1. С. 656–671.
2. 陈建华 列夫·托尔斯泰学术史研究 / 陈建华. — 南京: 译林出版社, 2025. — 427页. (Чэнь Цзяньхуа Исследования по истории изучения творчества Л. Толстого / Цзяньхуа Чэнь. — Нанкин: — «Ивэнь» издательство, 2025. — 427 с.)
3. 陈建华 中国俄苏文学研究史论：第四卷 / 陈建华. — 重庆: 重庆出版社, 2007. — 449页. (Чэнь Цзяньхуа История исследования русской и советской литературы в Китае: в 4 т. / Цзяньхуа Чэнь. — Чунцин: Чунцинское издательство, 2007. — 449 с.)
4. 董小英 哲学家列夫·托尔斯泰 / 董小英 // 外国文学动态. — 1998. — № 3. 33–35页. (Дун Сяоин Философ Лев Толстой / Сяоин Дун // Тенденции в зарубежной литературе. — 1998. — № 3. — С. 33–35.)
5. 戈宝权 托尔斯泰的作品在中国 / 戈宝权 // 世界文学. — 1960. — № 11. 44–54页. (Гэ Баоцюань Произведения Л.Н. Толстого в Китае / Баоцюань Гэ // Мировая литература. — 1960. — № 11. — С. 44–54.)
6. 韩长经 鲁迅论列夫·托尔斯泰 / 韩长经 / 文史哲. — 1958. — № 11. — 51–55页. (Хань Чанцзин Лу Синь о Льве Толстом / Чанцзин Хань. // Литература, история и философия. — 1958. — № 11. — С. 51–55. — http://doi.org/10.16346/j.cnki.37-1101/c.1958.11.012.)
7. 李明滨 托尔斯泰与儒道学说 / 李明滨 // 北京大学学报(哲学社会科学版). — 1997. — № 5. — С. 135–141页. (Ли Минбинь Толстой и конфуцианско-даосские учения / Минбинь Ли // Вестник Пекинского университета. Серия философии и общественных наук. — 1997. — № 5. — С. 135–141.)
8. 梁启超 论学术之势力左右世界 / 梁启超；编著：汤志钧，汤仁泽 // 梁启超全集：第二集. — 北京：中国人民大学出版社，2018. — 712页. (Лян Цичао О влиянии академической мысли на мир // Полное собрание сочинений Лян Цичао. Т. 2 / Цичао Лян; под ред. Тан Чжицзюня и Тан Жэньцзэ. — Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2018. — 712 с.)
9. 秦得儒 托尔斯泰宗教学说述论 / 秦得儒 // 上海师范大学学报(哲学社会科学版). — 1992. — № 3. 64–69页. (Цинь Дэжу Религиозное учение Толстого / Дэжу Цинь // Вестник Шанхайского педагогического университета. Серия философии и общественных наук. — 1992. — № 3. — С. 64–69. — http://doi.org/10.13852/j.cnki.jshnu.1992.03.020.)
10. 王国维 王国维文集：第二卷 / 王国维; 编著: 姚潦铭, 王燕. – 北京: 中国文史出版社, 2007. — 581 页. (Ван Говей Собрание сочинений Ван Говэя: в 2 т. / Говей Ван; под редакцией Яо Лаомин, Ван Янь. — Пекин: Издательство Китайской литературы и истории, 2007. — 581 с.)
11. 王景生 列夫·托尔斯泰研究中的比较问题——从中国古典哲学的影响谈起 / 王景生 // 四川外语学院学报. — 1995. — № 3. — 13–18页. (Ван Цзиншэн Сравнительные проблемы в изучении Льва Толстого: от влияния китайской классической философии / Цзиншэн Ван // Вестник Сычуаньского института иностранных языков. — 1995. — № 3. — С. 13–18. — http://doi.org/10.26922/j.cnki.waiguoyuwen.1995.03.003.)
12. 王志耕 契合与误读:面向中国的托尔斯泰—读吴泽霖的《托尔斯泰和中国古典文化思想》// 中国比较文学 — 2001. — № 03. — 133–137页. (Ван Чжигэн Совпадение и неверное прочтение: Толстой,

обращенный к Китаю — рецензия на книгу У Цзэлиня «Толстой и китайская классическая культурная мысль» / Чжигэн Ван // Китайская сравнительная литература. — 2001. — № 3. — С. 133–137.)
13. 王志耕 世俗生活哲学的宗教阐释 / 王志耕 // 外国文学评论. — 1998. — № 1. 98–105页. (Ван Чжигэн Религиозная интерпретация светской жизненной философии / Чжигэн Ван // Обзор зарубежной литературы — 1998. — № 1. — С. 98–105.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Ким Рехо Диалог культур: Лев Толстой и Лао-цзы / Рехо Ким // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2004. — С. 83–100.
15. Толстой Л.Н. Записки христианина, Дневники и Записные книжки 1881–1887 [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. — Режим доступа: https://tolstoy.ru/online/90/49/ (дата обращения: 26.09.2026).)
16. Толстой Л.Н. Об общественном движении в России [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. — Режим доступа: https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/ob-obschestvennom-dvizhenii-v-rossii.htm (дата обращения: 09.04.2026).)
17. Толстой Л.Н. Письма 1891 (июль — декабрь) — 1893 [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. — Режим доступа: https://tolstoy.ru/online/90/66/ (дата обращения: 26.09.2026).)
18. 辜鸿铭 辜鸿铭文集: 上卷 / 辜鸿铭; 编译: 黄兴涛等. — 海口: 海南出版社, 1996. — 576页. (Гу Хунмин Собрание сочинений Гу Хунмина: в 1 т. / Хунмин Гу; пер. и сост. Хуан Синтао и др. — Хайкоу: Хайнаньское издательство, 1996. — 576 с.)
19. 李大钊 李大钊全集: 第一卷 / 李大钊; 中国李大钊研究会编辑. – 北京: 人民出版社, 2006. — 473页. (Ли Дачжао Полное собрание сочинений Ли Дачжао: в 1 т. / Дачжао Ли; под редакцией Китайской исследовательской ассоциации Ли Дачжао. — Пекин: Народное издательство, 2006. — 473 с.)
20. 鲁迅 破恶声论 / 鲁迅；编辑：侯群雄 // 鲁迅全集：第八卷. – 北京：人民文学出版社, 2005. — 33页. (Лу Синь. Разрушая голоса зла / Синь Лу; под ред. Хоу Цюньсюн // Полное собрание сочинений Лу Синя. Т. 8. — Пекин: Народная литература, 2005. — 33 с.)
21. 任子峰 托尔斯泰与孔老学说 / 任子峰 // 国外文学. — 1990. — № 1. 61–72页. (Жэнь Цзыфэн Толстой и учение Конфуция и Лао-цзы / Цзыфэн Жэнь // Зарубежная литература. — 1990. — № 1. — С. 61–72. — http://doi.org/10.16345/j.cnki.cn11-1562/i.1990.01.005.)
22. 吴泽霖 托尔斯泰和中国古典文化思想 / 吴泽霖. — 北京：生活·读书·新知三联书店, 2017. — 426页. (У Цзэлинь. Толстой и китайская классическая культурная мысль / Цзэлинь У. — Пекин: Книжный магазин «Санлянь», 2017. — 426 с.)
23. 吴泽霖 托尔斯泰主义和中国古典文化思想 // 苏联文学联刊. — 1992. — № 4. — 77–83页. (У Цзэлинь Толстовство и китайская классическая культурная мысль / Цзэлинь У // Советская литература (совместный журнал). — 1992. — № 4. — С. 77–83.)

REFERENCES

1. Myshinskii A.L. (2015). Lev Tolstoi i Lao-tszy [Leo Tolstoy and Lao Tzu]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae, (1), 656–671. (In Russian).
2. Chen J. (2025). Liefu Tuosituo xueshu shi yanjiu [Research on the history of Tolstoy studies]. Nanjing: Yilin Press. (In Chinese).
3. Chen J. (2007). Zhongguo E Su wenxue yanjiu shilun: Di 4 juan [A historical study of Russian and Soviet literature research in China: Vol. 4]. Chongqing: Chongqing Publishing House (In Chinese).
4. Dong X. (1998). Zhexuejia Liefu Tuosituo [The philosopher Leo Tolstoy]. Waiguo wenxue dongtai, (3), 33–35. (In Chinese).
5. Ge B. (1960). Tuosituo de zuopin zai Zhongguo [Tolstoy's works in China]. Shijie wenxue, (11), 44–54. (In Chinese).
6. Han C. (1958). Lu Xun lun Liefu Tuosituo [Lu Xun on Leo Tolstoy]. Wenshizhe, (11), 51–55. https://doi.org/10.16346/j.cnki.37-1101/c.1958.11.012 (In Chinese).
7. Li M. (1997). Tuosituo yu ru dao xueshuo [Tolstoy and Confucian-Taoist doctrines]. Beijing daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban), (5), 135–141. (In Chinese).
8. Liang Q. (2018). Lun xueshu zhi shili zuoyou shijie [On the influence of academic thought on the world]. In Z. Tang & R. Tang (Eds.), Liang Qichao quanji: Di 2 ji [Complete works of Liang Qichao: Vol. 2]. Beijing: China Renmin University Press. (In Chinese).
9. Qin D. (1992). Tuosituo zongjiao xueshuo shulun [On Tolstoy's religious doctrine]. Shanghai shifan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban), (3), 64–69. https://doi.org/10.13852/j.cnki.jshnu.1992.03.020 (In Chinese).
10. Wang G. (2007). Wang Guowei wenji: Di 2 juan [Collected works of Wang Guowei: Vol. 2] (L. Yao & Y. Wang, Eds.). Beijing: China Literature and History Press. (In Chinese).

11. Wang J. (1995). Liefu Tuosituo yanjiu zhong de bijiao wenti: Cong Zhongguo gudian zhexue de yingxiang tan qi [Comparative issues in the study of Leo Tolstoy: Starting from the influence of Chinese classical philosophy]. Sichuan waiyu xueyuan xuebao, (3), 13–18. https://doi.org/10.26922/j.cnki.waiguoyuwen.1995.03.003 (In Chinese).
12. Wang Z. (1998). Shisu shenghuo zhexue de zongjiao chanshi [Religious interpretation of secular life philosophy]. Waiguo wenxue pinglun, (1), 98–105. (In Chinese).
13. Wang Z. (2001). Qihe yu wudu: Mianxiang Zhongguo de Tuosituo—Du Wu Zelin de “Tuosituo he Zhongguo gudian wenhua sixiang” [Coincidence and misreading: Tolstoy facing China – A review of Wu Zelin’s Tolstoy and Chinese classical cultural thought]. Zhongguo bijiao wenxue, (3), 133–137. (In Chinese).

Поступила в редакцию 12.06.2026 г.

CHINESE CLASSICAL PHILOSOPHY AS INTERPRETED BY L.N. TOLSTOY AND ITS UNDERSTANDING BY WU ZELING

Ли Юньчжу

This article deals with the way Leo Tolstoy’s philosophical views are perceived within the Chinese academic tradition, as well as Tolstoy’s own interpretation of classical Chinese philosophy. The methodological framework of the study incorporates interdisciplinary, historical-genetic, and historical-sociological approaches, alongside comparative analysis. The focus is made on Professor Wu Zeling's monograph "Tolstoy and Classical Chinese Culture and Philosophy" (2000/2017). It is concluded that the Chinese scholar rejects a linear model of "influence" in favour of a concept based on selective perception and functional interpretation, meaning that Tolstoy treated Chinese philosophy not as a source, but as a tool for expressing his own ideas. The comparison of the research strategies employed by Wu Zeling and the Russian scholar Kim Rekho reveals two fundamentally different approaches to understanding Tolstoy’s dialogue with the East, i.e. the socio-historical approach and the typological approach.

Key words: Leo Tolstoy, Tolstoyism, history of reception in China, Wu Zeling, Kim Reho, Confucianism, Taoism, comparative literature, intercultural dialogue.

Ли Юньчжу.
Аспирант.
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, г. Казань.
Аспирант кафедры русской литературы и методики ее преподавания.
ORCID 0009-0004-6767-1033.
E-mail: yunzhuli8605@gmail.com

Li Yunzhu.
Post-graduate student.
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.
Post-graduate student at Department of Russian Literature and Teaching Methods.
ORCID 0009-0004-6767-1033.
Email: yunzhuli8605@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.512.142:81'373.42
DOI: 10.5281/zenodo.23999180

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯДРО ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАРЦЕВ ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

© 2026 ***А.А. Текуева***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
ORCID 0009-0002-1570-1881

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлены исследование, а также подробный анализ и результаты свободного ассоциативного эксперимента, направленного на реконструкцию фрагмента обыденного языкового сознания балкарского населения, постоянно проживающего на территории всей Кабардино-Балкарской Республики. В качестве основных стимулов выступили некоторые ключевые лексемы культурного кода этноса: китаб (книга), кюн (солнце/день), тау/таулу (гора/горный/горец), ана (мать), адам/адамлыкъ (человек/народ/человечность), иги/игилик (добро/доброта/благо), ариу/ариулукъ (красивый/красота), сабий (ребенок), баш (голова, ум, талант, заглавие, верх, верхушка, крышка, начало). Высокий процент единичных реакций интерпретируется как показатель динамики — сохранения устойчивого ценностного ядра при одновременной индивидуализации и контекстуализации его периферии. Полученные данные дают понимание о специфических лингвистических и мыслительных характеристиках балкарского народа, а также проливают свет на культурно детерминированные особенности процессов категоризации и концептуализации мышления в целом.

Ключевые слова: языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, аксиология, обыденное языковое сознание, балкарский язык, повседневность, культурный концепт.

Для цитирования: Текуева А.А. Аксиологическое ядро повседневности: реконструкция концептосферы современных балкарцев по данным ассоциативного эксперимента / А.А. Текуева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 284–294. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23999180.

Сохранение и развитие языка — одно важнейших дел государственного и мирового масштаба. Каждый язык, независимо от того, кому он принадлежит — или многочисленной нации, или малочисленному народу, этносу, — это драгоценный клад, созданный народом. Попытки возрождения национальных языков, стремление к их развитию и возвращению в повседневную жизнь, желание дать им второе рождение являются абсолютно оправданными. Однако успешное возрождение языка невозможно без глубокого понимания того, как именно он функционирует в сознании его носителей. Именно поэтому в современной науке все большую актуальность приобретает изучение подходов для выявления скрытых ассоциативных связей в сознании разных народов. В этом контексте успешно применяется ассоциативный эксперимент как метод исследования ментальных репрезентаций, определяющих уникальные особенности мышления разных культур [3, с.38; 5, с.92]. В этой методике вербального ассоциативного эксперимента мы получаем непосредственную информацию о структуре внутреннего лексикона испытуемых, т.е. о тех познавательных процессах, которые лежат в основе

ассоциирования [7, с.49]. Ю.Н. Караулов полагает, что для определения черт национального характера и менталитета целесообразно проведение психолингвистических экспериментов. В частности, он считает продуктивным обращение ученых к экспериментальным данным ассоциативных норм языка. Особенности менталитета и национального характера носителей языков запечатлены, по его мнению, в вербально-ассоциативных сетях, которые «отражают предречевую готовность носителя, его текстовый потенциал» [4, с.191, 5]. А.А. Залевская подчеркивает, что ассоциативный эксперимент «вскрывает такие характеристики психологической структуры значения слова, которые отражают языковой, когнитивный и эмоциональный "фон" или "контекст", специфичный для носителей того или иного языка» [2, с. 36]. Ментальные репрезентации малочисленного балкарского народа, сформировавшиеся под влиянием исторических, социальных и этноязыковых факторов, до сих пор практически не изучались современными лингвистическими и когнитивными методами. В статье представлены исследование и анализ обыденного языкового сознания, связанного с повседневностью балкарского населения Кабардино-Балкарской Республики, на базе ассоциативного эксперимента. Полученные данные позволяют выявить специфические лингвистические и мыслительные характеристики балкарского народа, а также проливают свет на культурно детерминированные особенности процессов мышления в целом.

Цель исследования: реконструировать фрагмент концептосферы повседневности современных носителей балкарского языка и выявить этнокультурную специфику организации ключевых смыслов через их ассоциативные поля.

Для выявления концептосферы этнокультурного менталитета балкарцев применялся социолингвистический метод, компьютерное анкетирование и интервьюирование жителей республики Кабардино-Балкария. Вторым этапом исследования был проведен прямой ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 307 носителей балкарского языка. В анкетировании приняли участие 4 возрастные группы (14–18, 19–30, 31–45, 46–65, и старше), из которых 84,9% женского пола и 15,1% мужского, проживающие в городской и сельской местностях республики (Следует отметить неравномерное распределение респондентов по полу, что могло повлиять на частотность реакций, связанных с семейно-бытовой и воспитательной сферами). По роду деятельности большая часть респондентов служащие (22,6%), далее, безработные (20,8%), ученики (15,1%), студенты (11,3%), к оставшимся 30,2% респондентов относятся пенсионеры, учителя, мамы в декрете, и т.д.

Стимулы и реакции исследования: на первом этапе респондентам предлагалось назвать первые пришедшие на ум слова. Затем эти слова перевели на русский язык, подсчитали их частотность и из всего массива выбрали самые частотные — они и составили стимульный список для дальнейшего исследования. Эта необычная методика позволила избежать навязывания заранее заданной точки зрения исследователя и получить «чистый» языковой образ обыденного мира носителей балкарского языка.

Таблица 1. Фрагмент частотного словаря стимулов (результаты анкетирования и опроса)

Карачаево-балкарский	Русский
1. Китаб 207	Книга
2. Кюн 189	Солнце, день, сутки, праздник
3. Ана(анам) 189	Мать, материнский
4. Адам 186	Человек

5. Ариу 183	Красивый, хороший, ласковый
6. Тау/таулу 168	Гора, горный, горец, балкарец
7. Иги/игилик 165	Хороший/добро
8. Баш 160	Голова, ум, талант, заглавие, верх, верхушка, крышка, начало
9. Сабий 141	Ребенок
10. Ата(атам)159	Отец
11. Ат 156	Конь, лошадь, имя
12. Суу 141	Вода, река, жидкость
13. Юй 141	Дом
14. Сабий 141	Ребенок
15. Киштик 126	Кошка
16. Устаз 123	Учитель, педагог
17. Терек 117	Дерево
18. Эшек 114	Осел
19. Айыу /айю 111	Медведь
20. Гырджын 111	Чурек, лепешка, хлеб
21. Алма 108	Яблоко
22. Аякъ 108	Нога, ножка, конец, низ
23. Джаууи (зауун) 105	Дождь
24. Къой102	Овца
25. Кертме 102	Груша
26. Терезе 102	Окно
27. Таш99	Камень
28. Чач 99	Волосы, коса. Перен.-трава
29. Къыш 99	Зима
30. Айран 96	Айран
31. Эшик 93	Дверь
32. Эчки 90	Коза
33. Бузоу 90	Теленок
34.	
35. …	
1617. Халал 1	Чистый по религии, добрый, честный
1618. Уллу намыс 1	Уважение, почтение
1619. Тал терек 1	Тополь
1620. Джер башы 1	Вселенная, мир, земля, территория
1621. Джонгурчха 1	Щепка

Подсчет собранного материала спонтанных слов выявил высокий процент единичных, неповторяющихся реакций, что является диагностическим признаком динамики сознания (Сабанчы — земледелец, пахарь; Ётюрюк — ложь; Кешене — склеп, гробница; Тюрмен — мельница; Киеу женгер — дрУжка; Тийре — ист. патронимический квартал в карачаевском селе, соседи, квартал, округа). Именно эти периферийные единичные реакции, зачастую фиксирующие редкие личностные впечатления и опыт, или забытые исторические реалии, служат главным показателем подвижности границ концептосферы и ее открытости новому опыту.

На втором этапе респондентам предъявлялся следующий список слов-стимулов (*«китаб»* — книга; *«кюн»* — день, солнце, сутки, праздник, погода; *«ариу/ариулукъ»* — красивый, хороший, ласковый; *«ана/анам»* — мать, материнский; *«адам/адамлыкъ/адамла»* — человек; *«тау/таулу/тауча»* — гора, горный, горец, балкарский; *«иги/игилик»* — хороший, хорошо, добро, благо, радость; *«сабий»* — ребенок, «*баш»* — голова, ум, талант, заглавие, верх, верхушка, крышка, начало) на

карачаево-балкарском языке для направленного ассоциативного эксперимента. Полученные ассоциативные реакции (смежные слова или словосочетания) фиксировались, переводились на русский язык, подсчитывалась их частотность и выявлялись ядерные и периферийные элементы концептов [10, с.127]. В результате была сформирована база данных, фрагмент которой представлен в таблице ниже.

Таблица 2. Фрагмент ассоциативных полей ключевых стимулов

Стимул	Перевод стимула	Реакция	Перевод реакции	Частота
китаб	книга	окъуу	знание, учение, образование	63
		билим	знание	45
		уллу	большая, великая	15
		жаз	писать	15
		сейир	красивая, интересная	12
		иги	хорошая	12
		Къуран	Коран	12
		акъыл	ум, разум	12
		сыйлы	ценная, священная, уважаемая	9
		окъуу	учеба	8
		мадар	возможность, средство	7
кюн	день, солнце, сутки, праздник, погода	жылыу	тепло	75
		жарыкъ	свет	72
		кюндюз	днем	63
		ахшы/ашхы болсун	Добрый день!	63
		жарыкъ кюн	ясный день/ясное солнышко	60
		ариу	красивый, хороший	54
		кюн батды/ батыр/батады	солнце заходит	31
		кюн тийди	солнце встает	30
ариу/ариулукъ	красивый, хороший, ласковый, красота, изящество, чистота	ариулукъ / ариулугъу	чистота, красота	30
		ариу табийгъат	красивая природа	27
		ариу бет / бети ариу	красивое лицо	24
		ариучукъ	красивый/красавица (ласкательно-уменьшительная форма)	21
		ариу адам	чистый/красивый человек	21
		ариу кюн	красивый день	21
		ариу къыз	красивая девушка	18
		ариу сабий / сабийле	красивый ребенок/дети	16
		ариу сез / ариу сезле	красивые/чистые слова	12
		ниет	идея, замысел, цель	6
ана	мать, материнский	анам	моя мама	111
		ана	мать	66
		ана жюрек	сердце матери	33
		ана тил	родной язык	28
		сюймеклик/ сюйген	любовь/любимая	18
		жарыкъ	светлая	15

		журт	родина	12
		багъалы	драгоценная	12
		татлы	сладкая	9
		жылыу	тепло	9
		юйюр	семья	8
		ата	отец	7
адам/адамлыкъ	человек, народ, порядочность, человечность	адамлыкъ	порядочность, человечность, мужество	51
		адамла	народ, люди	33
		иги адам	хороший человек	18
		сыйлау	угощение кого-либо	15
		намыслы адам	высоконравственный человек	9
		адам бол	будь человеком	6
		адамча	по-человечески	6
		уллу адам	большой человек, уважаемый	6
		огъурлу адам	добрый человек	6
		миллет	нация, народ	4
		игилик	добро, благодеяние	4
тау/таулу	гора, горный, горец, балкарский	таулу	горский, горный	60
		тау / таула	гора, горы	54
		тауча	по-балкарски	30
		бийик тау(ла)	высокие горы	12
		таулу миллет	горский народ	12
		таулу халкъ	балкарский/горский народ	9
		таулу къыз	горянка	9
		таулу адам	горец	9
		таулу адет	горский обычай	9
		таулу той	горский праздник/свадьба	6
		тилибиз	наш язык	5
		тау башы	вершины	4
иги/игилик	хороший, хорошо, добро, благо, радость	иги адам	хороший человек	63
		игилик	добро	53
		болушлукъ	помощь	47
		иги сабий	хороший ребенок	32
		иги хал	хорошее дело	19
		игилик эт	делай добро	19
		иги сез	доброе слово	19
		адамлыкъ	гуманность, доброта	18
		иги жаш	хороший парень	16
		халаллыкъ	милосердие	9
		къууанч	радость, веселье, праздник	6
		иги жол	хорошая дорога	3
		тынчлыкъ	спокойствие, легкость, благополучие	3
сабий	ребенок, дитя	гитче	младший, маленький	39
		ариу сабий	красивый ребенок	37
		оюн	игра, забава, проделка, шутка	26
		къууанч	счастье	26
		къылыкъсыз сабий	невоспитанный, озорной ребенок	15
		юйюр	семья	15
		сабийлик	детство	9
		ата	отец	7
баш	голова, ум, талант, заглавие,	акъыл	ум, сознание, мысль	37
		ауруу	боль, мигрень	36
		башчы	глава, руководитель	31

	верх, верхушка, крышка, начало	юй баш	крыша	19
		ишни башы	начало дела	14
		тау башы	вершина горы	13
		тамата	старейшина	8
		терекни башы	крона	5
		башсыз	бестолковый	3

Анализ результатов и обсуждение. Анализ ассоциативных полей позволяет выделить два взаимосвязанных процесса в концептосфере современной балкарской повседневности: 1) устойчивость традиционных семантических ядер ключевых культурных концептов и 2) динамику, выражающуюся в значительном количестве единичных, неповторяющихся реакций, которые маркируют индивидуализацию и контекстуализацию смыслов [2, с.135]. Такое сочетание инерции ядра и изменчивости периферии отражает переходное состояние этнического сознания, балансирующего между сохранением идентичности и адаптацией к вызовам глобализации.

Наибольшую частотность имеют реакции, связанные с фундаментальными понятиями бытия: «Человек» (Адам), «Дом» (Юй), «Солнце/день» (Кюн), «Ребенок» (Сабий), «Мать» (Ана), «Китаб» (Книга). Это указывает на универсальные, архетипические основы картины мира. Ярко выражена связь с природой и традиционным укладом жизни: горный ландшафт («Тау» (гора), животноводство («Ат» (конь), «бузоу» (теленок)), национальная кухня («Хычын» (хычин), «Айран» (айран)). В перечисленных ядерных реакциях почти отсутствуют оценочные нюансы, что свидетельствует о том, что они воспринимаются как бесспорные, не нуждающиеся в осмыслении основы бытия.

Стимул «Китаб» (книга) вызвал глубоко положительные и уважительные реакции. Категория оценочных характеристик состоит из возвышающих эпитетов («уллу» (великая), «сыйлы» (ценная), «сейир» (красивая)), что указывает на высокий статус книги в повседневной жизни балкарцев. Глагольные ассоциации «жаз» (пиши), «окъу» (читай) указывают на большое значение знаний и образования, а также самого процесса их получения в системе ценностей всех поколений народа. Книга является основным инструментом передачи мудрости и опыта как в светском понимании (учебник, знание, образование), так и в религиозном («Къуран» (Коран), «сыйлы» (священная), «намаз» (молитва)). Эта биполярность отражает дуальную роль книги в современной балкарской повседневности, где традиционный источник духовной нормы сосуществует с инструментом образования и развития. Примечательно, что в реакциях полностью отсутствуют нейтральные или отрицательные коннотации, что указывает на уважительное, высокое морально-этическое восприятие книги как культурного символа вне зависимости от содержания.

«Кюн» (солнце/день): реакции образуют обширное поле, связанное с погодой, временем суток и благопожеланиями. Помимо ядерных реакций (тепло, свет), единичные ассоциации («звезда» (жулдуз), «счастье» (насыб)) подчеркивают интимизацию и прагматизацию восприятия концепта, объединяющего такие понятия, как эмоциональный компонент («иги кюн» (хороший день)), временной отрезок («кюндюз» (днем)) и астрономический объект («кюн тийди» (солнце встает)). Единичная метафорическая реакция «кюн тийген адам» (человек, которого коснулось солнце) отождествляет дневной свет с удачей и божественным благословением, выводя концепт за рамки природного явления в область удачи и успеха.

Концепт «Ариу» (красивый, хороший, чистота) применяется к чрезвычайно широкому кругу объектов, демонстрируя уникальную синкретичность: от конкретных предметов («юй» (дом), «кийим» (одежда)) до состояний («хал» (настроение), «умут» (надежда)) и творчества («жыр» (песня), «тепсеу» (танец)). Красота является видимым

воплощением добра и чистоты. Все реакции носят положительный характер. Языковое сознание этноса четко фиксирует две фундаментальные среды, в которых реализуется человеческий идеал, это «табийгъат» (природа), и социум — «юйюр» (род), «миллет» (народ), «жамауат» (общество). Систему ориентиров для повседневной жизни, выражают реакции в виде пословиц, например: «Ариу сезде ауруу жокъ» (В красивом/добром слове нет болезни), «Ариу кийим кийгенча, ариу адет тут» (Как носишь красивую/чистую одежду, так же имей и красивый/хороший нрав). Отсутствие антонимов (типа «къоркъуусуз» (уродливый) в ассоциативном поле «ариу» показывает, что стимул функционирует не как оценочная шкала, а как безальтернативная норма, своеобразный моральный концепт.

Ассоциативное поле стимула «Ана» предоставляет ключ к пониманию базовых социальных структур, этических принципов и эмоционального мира балкарской культуры. Анализ реакций выявляет не просто названия семейных ролей, а фундаментальные культурные архетипы, которые организуют восприятие мира, задают систему ценностей и определяют эмоциональные и поведенческие паттерны в повседневности. «Ана» (мать) — архетип жизнетворящей, безусловной любви и эмоционального центра («ана жюрек» (материнское сердце), «жылыу» (тепло), «сюймеклик» (любовь)). Единичные ассоциации («алгъыш» (благое пожелание), «арымакълыкъ» (усталость), «къолла» (руки)) добавляют черты бытовой реалистичности, признавая труд повседневности. Нулевые негативные или дистанцирующие реакции (типа «огъурсуз» (злая), «аман» (плохая)) свидетельствуют об идеализированном, практически сакральном образе матери.

Концепты «Адам» (человек) и «адамлыкъ» (человечность) в языковом сознании карачаево-балкарского народа представляют собой единый этико-социальный менталитет, определяющий суть бытия [1, с.117]. Человек здесь — это нравственный субъект, встроенный в строгую систему коллективных отношений и обязанностей, главная из которых — активное следование долгу чести (намыс), уважению (сый) и человечности (адамлыкъ). Повседневность осмысляется как пространство для подтверждения своей человечности через конкретные поступки и социальные ритуалы («сыйлау» (гостеприимство), «намыс» (уважение)). В то же время многочисленные единичные реакции («огъурсуз» (злой), «жарлы» (бедный)) отражают уникальность индивидуального опыта. [9, с.50] Отрицательные единичные реакции не отменяют доминирование положительного ядра, а скорее означают возможные отклонения от идеала, которые принимаются как нарушения нормы, а не как равноправные альтернативы.

Ядро поля «Тау/Таулу» (гора, народ, величие) подтверждает этническую идентичность. Горы определяют все аспекты жизни народа: этническую принадлежность «таулу миллет» (горский народ), обычаи «таулу адет» (горский обычай), традиционные праздники «таулу той» (горский праздник), национальность и этническую идентичность «таулу адам» (балкарец/горец). Однако единичные реакции (трудность — «къыйынлыкъ», геройство — «батырлыкъ», покой — «тынчлыкъ») раскрывают внутреннюю диалогичность концепта, отражая двойственность повседневного опыта жизни среди гор. Благодаря этой диалогичности «Тау» (гора) превращается из чисто географической реалии в ментальный концепт, где вызов и защита, суровость и красота сосуществуют в неразрывном единстве [6, с. 532].

Концепт «Иги/Игилик» (добро) демонстрирует характерный синтез этического и эстетического. Добро — не чувство, а обязательная норма повседневного взаимодействия — это практическая добродетель, алгоритм действия. Реакции («болушлукъ» (помощь), «халаллыкъ» (милосердие), «хал» (настроение)) показывают,

что добро ожидается как конкретный поступок: помочь соседу, подать милостыню, проявить участие. Поле (помощь, милосердие, душа, сердечность) подчеркивает деятельностную и богоугодную природу добра в повседневной этике. Единичные реакции («иги иш» (поступок), «чомартлыкъ» (щедрость)) акцентируют его конкретные, видимые проявления в быту. Отсутствие в поле отвлеченных понятий (типа «справедливость», «благо») подтверждает, что «игилик» (добро) для носителей языка — это прежде всего поступок здесь и сейчас, а не философский абстрактный концепт.

Концепт «сабий» (ребенок) занимает свое логичное и законное место, являясь точкой пересечения семейных, этических и социальных ценностей, его фундаментальная ценность как члена семьи и источника радости всегда была и остается незыблемой. Это важнейшее звено в аксиологической цепи, где ребенок — это не просто биологическое существо, а ключевой объект приложения этических норм (человечность — «адамлыкъ»), эстетических идеалов (красивый — «ариу») и семейных ценностей (семья — «юйюр»). Его анализ завершает реконструкцию концептосферы, показывая, что традиционная система ценностей балкарцев устойчиво воспроизводится через воспитание детей, которые становятся ее главными носителями и трансляторами в будущем. В свою очередь, отсутствие доминирующей, единственно верной реакции (как, например, знание — «окъуу» для стимула книга — «китаб») говорит о том, что восприятие ребенка более вариативно и зависит от личного опыта респондента.

Концепт «Баш» (голова, ум, талант, заглавие, верх, верхушка, крышка, начало) в ассоциативном поле этноса имеет соматическую основу, перерастающую в метафорическую модель умственного и социального первенства. В тюркологической традиции многозначная лексема «баш» рассматривается как один из древнейших фондовых элементов, сохраняющих единую форму во всех тюркских языках, и функционирующий со времен памятников древнетюркской письменности в значениях «голова» и «начало». Ядерные реакции – «акъыл» (ум, сознание, мысль), «ауруу» (боль, мигрень), «башчы» (глава, руководитель) — показывают, что голова осмысляется одновременно как средоточие мысли, телесной уязвимости и власти. Реакции «юй баш» (крыша), «ишни башы» (начало дела), «тау башы» (вершина горы) закрепляют пространственно-иерархический компонент: «баш» обозначает верх, начало, главенство, границу между своим и внешним. Паремиологический фонд карачаево-балкарского языка эксплицитно связывает «баш» (голова) с мудростью: «Баш — адамны багъасы» (Ум — богатство человека), «Акъыл къартда-жашда тюйюлдю — башдады» (Мудрость не в старости-молодости — в голове), что фиксирует метонимический перенос «голова → ум, рассудок» как устойчивую когнитивную модель. Единичные ассоциации «тамата» (старейшина), «терекни башы» (крона), «башсыз» (бестолковый) вводят аксиологическую шкалу: наличие «баш» связывается со зрелостью, умом, порядком, а его отсутствие — с утратой ориентира и социальной неполнотой. Показательно, что в поле почти нет резко негативных оценок, кроме диагностирующего «башсыз» (бестолковый); даже «ауруу» (болезнь) не разрушает концепт, а подчеркивает телесную конкретность повседневного опыта. Таким образом, «баш» в балкарской концептосфере — это не только голова, часть тела человека, но и точка сборки личности, рода и социума: ум, старшинство, начало и верхняя граница пространства. Через этот концепт повседневность структурируется по вертикали — от вершины горы и кроны дерева до главы дома и начала дела, что подтверждает устойчивость традиционной модели мира при ее адаптации к современным смыслам.

Эти ассоциативные поля раскрывают глубинную связь повседневного языка с культурным кодом карачаево-балкарского народа, где природа, мораль, семья и знание

образуют устойчивую систему ценностей, передаваемую через поколения, а периферия ассоциативных полей становится зоной вариативности, где общие культурные константы обрастают личными, ситуативными смыслами, что подтверждает тот факт, что, ассоциативное поле этноса предстает как многослойная модель культуры, где ядро выполняет функцию культурной памяти, своего рода архив, а периферия — механизма ее текущего переосмысления.

Заключение. Проведенный ассоциативный эксперимент подтверждает свою эффективность как инструмент реконструкции языковой картины мира и позволяет сделать вывод о динамическом сохранении традиционной ценностной системы в обыденном сознании балкарцев. Достоинство метода заключается именно в выявлении не декларируемых, а реально работающих, имплицитных смыслов повседневности.

С одной стороны, языковое сознание сохраняет четкую структуру вокруг ключевых культурных концептов (гора, семья, добро, красота), однако высокий процент единичных реакций на периферии свидетельствует о переходе от жесткой стереотипности к большей гибкости, индивидуализации опыта и ослаблению автоматизмов под влиянием современных условий [2, с. 218]. Этот переход не носит характер разрыва традиции, скорее, это можно рассматривать как диверсификацию способов ее персонального присвоения. Языковое сознание демонстрирует способность к консервации базовых смыслов при одновременной гибкости в способах их актуализации в повседневной жизни.

Таким образом, исследование выявляет не статичный набор стереотипов, а живой, адаптивный процесс осмысления мира, где традиционные координаты балкарской культуры наполняются новым, разнообразным и подчас индивидуализированным содержанием. Перспективным направлением дальнейших исследований мог бы стать сравнительный анализ ассоциативных полей разных возрастных и социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира / А.И. Геляева — Нальчик, 2002. — 177 с.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская — М.: РГГУ, 1999. — 382 с.
3. Залевская А.А. Некоторые пути исследования психологической структуры значения слова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики /А.А. Залевская. — Калинин, 1981. — С. 34–48.
4. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов; Рос. акад. наук. Науч. шк. «Рус. яз. Личность» Рос. фонда фундам. исслед. — Москва : Ин-т. рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1999. — 180 с.
5. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативновербальной сети / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира: сб. статей /Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М., 2000. — С. 191–206.
6. Керимова Р.А. Мифопоэтика М. Мокаева: архетип горы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2022. — Т. 30. — № 3. — С. 529–538.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев — М.: Смысл, 1997. — 287 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
9. Николаева Е.И. Вербальная ассоциация и эмоциональное слово. Психологический и психофизический анализ эмоциональной значимости слов. Словарь парадигматических ассоциаций и словарь совпадений ассоциативных полей слов различной эмоциональной значимости: монография в 2-х томах / Е.Н. Николаева, С.С. Белова, Е.М. Тренин. — СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2014. — Т. 2. — 25 п.л.
10. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / И.А. Стернин, З.Д. Попова. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. — 314 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. — М.: Рус. яз., 1989. — 832 с.

12. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. — Москва : АСТ, Астрель, 2002. — 27 см.; ISBN 5-17-013319-7, 5-271-05073-4.
13. Толковый словарь карачаево-балкарского языка / Ред. А.А. Жаппуев, Л.Ж. Жабелова: в 3-х т. Т.3. С-Я. — Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. — 1157 с.

REFERENCES

1. Gelyaeva A.I. (2002) Chelovek v yazykovoy kartine mira [Man in the Linguistic Worldview]. Nalchik, 177 p. (In Russian)
2. Zalevskaya A.A. (1999) Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow: RGGU, 382 p. (In Russian)
3. Zalevskaya A.A. (1981) Nekotorye puti issledovaniya psikhologicheskoy struktury znacheniya slova [Some Approaches to the Study of the Psychological Structure of Word Meaning]. In: Psikholingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki [Psycholinguistic Studies in Lexicology and Phonetics]. Kalinin, pp. 34–48. (In Russian)
4. Karaulov Yu.N (1999) Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set' [Active Grammar and the Associative-Verbal Network]. Moscow: Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov, Russian Academy of Sciences, 180 p. (In Russian)
5. Karaulov Yu.N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti [Indicators of National Mentality in the Associative-Verbal Network]. In: Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic Consciousness and the Image of the World]: A Collection of Articles. Ed. by N.V. Ufimtseva. Moscow, pp. 191–206. (In Russian)
6. Kerimova R.A. (2022) Mifopoetika M. Mokaeva: arkhetip gory [The Mythopoetics of M. Mokaev: The Mountain Archetype]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism]., Vol. 30, No. 3, pp. 529–538. (In Russian)
7. Leontiev A.A. (1997) Osnovy psikholingvistiki [Foundations of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl, 287 p. (In Russian)
8. Maslova V.A. (2001) Lingvokul'turologiya [Cultural Linguistics]. Moscow: Akademiya, 208 p. (In Russian)
9. Nikolaeva E.I., Belova, S.S., and Trenin, E.M. (2014) Verbal'naya assotsiatsiya i emotsional'noe slovo. Psikhologicheskiy i psikhofizicheskiy analiz emotsional'noy znachimosti slov. Slovar' paradigmaticheskikh assotsiatsiy i slovar' sovpadeniy assotsiativnykh poley slov razlichnoy emotsional'noy znachimosti [Verbal Association and the Emotional Word. Psychological and Psychophysical Analysis of the Emotional Significance of Words. Dictionary of Paradigmatic Associations and Dictionary of Coincidences of Associative Fields of Words of Different Emotional Significance: a monograph in 2 volumes]. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. Vol. 2. 25 printer's sheets. (In Russian)
10. Sternin I.A., Popova Z.D. (2007) Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST; Vostok-Zapad, 314 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 07.08.2026 г.

AXIOLOGICAL CORE OF EVERYDAY LIFE: RECONSTRUCTION OF CONCEPTUAL SPHERE OF MODERN BALKARS BASED ON ASSOCIATIVE EXPERIMENT DATA

A.A.Tekueva

The article presents a study, as well as a detailed analysis and the results of a free associative experiment aimed at reconstructing a fragment of the everyday linguistic consciousness of the Balkar population permanently residing throughout the Kabardino-Balkarian Republic. The main stimuli for this research were several key lexical units of the ethnic cultural code: kitab (book), kun (sun/day), tau/taulu (mountain/mountainous/highlander), ana (mother), adam/adamlıq (man/people/humanity), igi/igilik (good/goodness/benefit), and ariu/ariuluq (beautiful/beauty). A high proportion of single responses is interpreted as an indicator of dynamic processes — namely, the preservation of a stable value core alongside the simultaneous individualization and contextualization of its periphery. The data obtained provide insight into the specific linguistic and cognitive characteristics of the Balkar people, while also shedding light on culturally determined features of the processes of categorization and conceptualization in thinking as a whole.

Key words: linguistic worldview, associative experiment, axiology, everyday linguistic consciousness, Balkar language, everydayness, cultural concept.

Текуева Адалина Алексеевна.
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, г. Нальчик.
Старший преподаватель кафедры английского языка.
ORCID 0009-0002-1570-1881.
E-mail: ms.adalina@internet.ru.

Tekueva Adalina Alekseevna.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Russian Federation, Nalchik.
Senior Lecturer of the English Language Department.
ORCID 0009-0002-1570-1881.
E-mail: ms.adalina@internet.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.23999472

НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР В ДРАМАТУРГИИ А.Д. САЛЫНСКОГО

© 2026 ***Н.В. Томашевская***
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
ORCID 0009-0005-9072-1542

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Одним из самых болезненных вопросов для советской драматургии после «оттепели» стал вопрос о границах личной ответственности. Производственный конфликт, столь привычный для пьес 1940–1950-х годов, перестал быть самодостаточным: зритель и критик ждали от драматурга не просто столкновения «новатора» и «консерватора», но и внутренней борьбы героя с самим собой. Как именно эта трансформация происходила на уровне драматургической поэтики? В творчестве А.Д. Салынского, охватывающем почти три десятилетия, можно проследить последовательную эволюцию нравственного выбора — от внешней санкции коллектива к внутреннему императиву и, наконец, к его бессилию. Однако в существующих исследованиях эта динамика осталась вне поля зрения: их анализ статичен, они фиксируют конфликт в каждой отдельной пьесе, но не ставят вопроса о том, почему, скажем, «Молва» 1980 года принципиально иначе устроена, чем «Опасный спутник» 1952-го. Настоящая работа как раз и восполняет этот пробел, предлагая рассмотреть четыре ключевые пьесы Салынского как этапы единого драматургического поиска.

Ключевые слова: советская драматургия, А.Д. Салынский, нравственный выбор, эволюция, долг, совесть, драматический конфликт, экзистенциальная драма, внутреннее действие, мотивный анализ, предметный код.

Для цитирования: Томашевская Н.В. Нравственный выбор в драматургии А.Д. Салынского / Н.В. Томашевская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 295–304. — https://doi.org/ 10.5281/zenodo.23999472.

Введение. Сдвиг, который пережила советская драматургия во второй половине XX века, едва ли можно назвать рядовым явлением. Производственный конфликт, долгое время строившийся на внешнем столкновении «новатора» и «консерватора», утратил свою убедительность — и зритель, и критика все настойчивее требовали иного: не схемы, а человека, не борьбы за план, а борьбы с самим собой. Этот переход, как известно, был связан с глубинной сменой общественных ориентиров: развенчание культа личности, «оттепель», а затем и кризис идеалов «застойного» десятилетия ставили под сомнение саму возможность коллективной санкции как высшей нравственной инстанции. В 1953 году В.М. Померанцев в статье «Об искренности в литературе» призывал к правдивому, нешаблонному изображению действительности. Этот призыв стал одним из первых выражений того запроса на личную ответственность, который вскоре изменил и драматургию [6]. Одним из драматургов, чье творчество наиболее последовательно отразило этот процесс, был Афанасий Салынский. Четыре пьесы — «Опасный спутник» (1952), «Барабанщица» (1958), «Ложь для узкого круга» (1963) и «Молва» (1980) — дают возможность проследить, как постепенно менялась сама природа драматического конфликта: от внешнего, санкционированного коллективом, до

внутреннего императива совести, который, однако, в финале оказывается бессильным. И хотя отдельные аспекты этой эволюции уже привлекали внимание исследователей, целостная картина до сих пор не сложилась.

Наиболее обстоятельный анализ творчества Салынского принадлежит Я.С. Фельдману [9]. Монография «Драматургия Афанасия Салынского» посвящена исследованию творчества Салынского в целом: в ней анализируется своеобразие его драматургии, определяется значение писателя «в общей системе развития советской литературы» [9]. В этой фундаментальной работе детально разобраны конфликты и характеры основных пьес, предложена концепция «двуплановости» философского и житейского начал, прослежены горьковские и толстовские традиции, показана динамика развития производственной пьесы. Нравственно-этическая проблематика занимает в книге центральное место: Фельдман отмечает, что Салынский «из пьесы в пьесу исследует комплекс морально-этических представлений» [9, с. 267]. Вместе с тем предметом этого сквозного анализа становится нравственный идеал и его выраженность в характерах, а не эволюция самого механизма нравственного выбора. Сам Фельдман характеризует свои наблюдения как «отнюдь не претендующие на то, чтобы считаться исчерпывающими и окончательными» [9, с. 278] и в этом смысле настоящая статья не пересматривает его работу, а продолжает линию, обозначенную им самим. Сходный подход можно увидеть в диссертации С.Ф. Желобцовой [3]. В своей работе она освещает проблему конфликта в драматургии Салынского, который характеризует его как «социально-нравственный конфликт разных жизненных представлений людей, находящихся "по одну сторону фронта"», и рассматривает конфликт как устойчивую характеристику поэтики, а не как меняющийся процесс [3]. Работа Ю.С. Подлубновой касается лишь раннего, уральского периода [5], а статья о роли второстепенных персонажей в «Лжи для узкого круга» ограничиваются частным аспектом [8]. До сих пор отсутствует исследование, которое рассматривало бы драматургию Салынского как целостную эволюцию нравственного конфликта. Между тем именно такой взгляд способен прояснить не только поэтику отдельного автора, но и общую траекторию развития советской драмы второй половины XX века.

Цель настоящей статьи — восполнить этот пробел в изучении драматургии А.Д. Салынского. В центре внимания четыре названные пьесы. Нам предстоит проследить, как в этих текстах последовательно меняется источник нравственной мотивации героя — от внешнего долга перед коллективом через внутренний императив к бессильной совести; проанализировать, каким образом это изменение отражается на структуре драматического конфликта, на речевых характеристиках персонажей и на предметном коде пьес; и, наконец, на основе этого анализа предложить интерпретацию данного движения как осознанного драматургического поиска, имеющего более широкое историко-литературное значение.

Материалы и методы исследования. Материалом для настоящей работы послужили четыре пьесы А.Д. Салынского, другие произведения Салынского остаются за рамками работы и требуют отдельного анализа.

Характер поставленных задач определил комплексный подход к методам исследования. Нам предстоит проследить не столько сюжетные перипетии, сколько изменение самой природы нравственного выбора — а это требует обращения к тем инструментам, которые позволяют зафиксировать переход от внешнего к внутреннему, от коллективной санкции к личному императиву. В этой связи мы опираемся на типологию драматического конфликта, разработанную В.В. Фроловым и Б.О. Костелянцем [4; 10], которые разграничивают конфликты казуальные (преходящие,

разрешаемые внешними обстоятельствами) и субстанциальные (коренящиеся в мировоззренческих противоречиях героя). Как подчеркивает В.Е. Хализев, природа конфликта определяет тип героя и способ развертывания сюжета [11]. Именно это различие позволяет нам зафиксировать динамику: в «Опасном спутнике» конфликт разрешается комиссией, в «Барабанщице» — остается открытым для зрительского катарсиса, в «Молве» — не разрешается вовсе.

Однако для анализа эволюции внутреннего мира героя одной типологии конфликтов недостаточно. Поэтому мы обращаемся к концепции «внутреннего действия», разработанной Е.Г. Холодовым и А.А. Аникстом [1; 12], согласно которой душевная борьба персонажа становится не менее значимым событием, чем внешние поступки, а нередко и главным двигателем сюжета. В нашей работе эта концепция приобретает еще и критическую окраску: мы показываем, что в поздней «Молве» внутреннее действие парадоксальным образом не ведет к катарсису, а оборачивается тупиком, — и этот сдвиг, как нам кажется, есть не признак творческой неудачи, а результат сознательного драматургического эксперимента.

Непосредственный анализ текстов строится на трех взаимосвязанных уровнях: событийном (что делают герои), психологическом (чем они мотивированы) и речевом (как их слова соотносятся с поступками). Такой структурно-семантический подход позволяет выявить ключевые механизмы, на которых держится конфликт: например, разрыв между риторикой долга и реальным поведением у Корчемного, молчаливый подвиг Нилы Снижко, системную ложь Клавдии Бояриновой, насильственное насаждение «правды» Шишловым.

Особую роль в анализе играет мотивный анализ в том его варианте, который предложен Б.М. Гаспаровым и развит И.В. Силантьевым [2; 7]. Сквозные лексические маркеры — «долг», «совесть», «совестно» — рассматриваются нами не как случайные слова, а как мотивы, организующие семантическое поле пьесы и связывающие отдельные эпизоды в единое смысловое целое. Появление слова «совестно» в устах Отощевой в «Лжи для узкого круга» оказывается не просто речевой характеристикой, а симптомом сдвига в ценностной системе; его отсутствие в речи Шишлова, при том, что совесть названа высшей инстанцией, становится красноречивым молчанием.

Дополнительным инструментом служит анализ предметного кода — вещей-символов, которые в драматургии Салынского нередко выполняют смыслообразующую функцию. Граната в руках Нилы, старые письма и фотографии в «Лжи для узкого круга», пачка анкет в «Молве» — все эти предметы не просто реквизит, а средство характеристики персонажа и маркер его отношения к правде и лжи. Их анализ позволяет увидеть, как внешний мир вещей отражает внутренний мир героев и как он меняется от пьесы к пьесе. Предлагаемый комплекс методов — структурно-семантический анализ, мотивный анализ и семиотика предметного мира — позволяет нам рассмотреть эволюцию нравственного выбора в драматургии Салынского не как сумму разрозненных наблюдений, а как целостный процесс, имеющий свою внутреннюю логику.

Основная часть. Внешняя санкция в «Опасном спутнике». В «Опасном спутнике» Салынский еще не ставит героя перед внутренним выбором. Конфликт между руководителем научной станции Николаем Селиховым и инженером Андреем Корчемным внешне напоминает привычное для производственной драмы столкновение новатора и консерватора. Корчемный требует ускорить испытания аппаратуры, Селихов настаивает на осторожности. Однако Салынский сразу же усложняет эту схему, вводя мотив разрыва между словом и делом, который станет одним из структурообразующих принципов его драматургии.

Показательна сцена, в которой Корчемный, вместо того чтобы самому ловить рыбу, сидит на берегу и рассказывает сказки детям рыбака. Ремарка фиксирует его позу: «Он на берегу сидел, нашему Сережке сказки рассказывал» [13, с. 31]. Корчемный не действует — он наблюдает со стороны. Его речь — гладкая, риторически выверенная, полная общих слов о долге и мужестве — вступает в очевидное противоречие с его поступками. Он говорит о риске, но сам риску не подвергается. Этот контраст между словом и делом становится центральным механизмом характеристики героя, но, что важно, сам Корчемный не способен к рефлексии по этому поводу. Ложь остается внешним фактом: ее распознают другие, но не он сам.

Особенно выразителен эпизод с Катей, дочерью рыбака. Катя приносит Дине три рубля — лишние деньги, переданные Корчемным за купленную рыбу, и простодушно рассказывает, что «дядя Андрюша» рыбу не ловил. Детская доверчивость обнажает механизм: малая бытовая ложь (переплата, рассчитанная на впечатление) предвещает большую ложь, связанную с профессиональной деятельностью. Смысловой контраст между невинностью детского взгляда и корыстной расчетливостью взрослого создает эффект обманутого доверия, который в финале обернется трагедией.

Финал «Опасного спутника» полностью укладывается в логику этого этапа. Корчемный покидает пульт управления, Селихов гибнет. Истину устанавливает комиссия, а не внутреннее прозрение героя. Как справедливо замечает Я.С. Фельдман, в этом финале — «нравственная победа» Селихова [9, с. 40]. Однако, с точки зрения эволюции нравственного выбора, эта победа остается внешней: суд вершится коллективом, а не внутренним преображением героя. Корчемный не испытывает душевного перелома — его ложь вскрыта, но он сам к саморефлексии не приходит.

Отсюда следует, что в «Опасном спутнике» нравственная оценка всецело остается внешней, а внутренний императив отсутствует. Это не просто характеристика одной пьесы, а исходная точка того движения, которое будет разворачиваться в последующих произведениях. Конфликт носит казуальный, преходящий характер и разрешается внешней инстанцией — именно так, как это характерно для ранней советской производственной драмы, от которой Салынский вскоре начнет отходить. Иной тип нравственной мотивации возникает уже в следующей пьесе.

Внутренний императив в «Барабанщице». В «Барабанщице» (1958) Салынский совершает решительный переход от внешней санкции к внутреннему побуждению. Если в «Опасном спутнике» нравственная оценка оставалась делом комиссии, то здесь источником нравственного выбора становится личная клятва, а единственным свидетелем подвига оказывается зритель.

Героиня, разведчица Нила Снижко, во время оккупации служила переводчицей в немецкой комендатуре по заданию партизанского руководства. После освобождения города она продолжит жить, сохраняя «личину изменницы и предательницы». Соседи, не знающие правды, ненавидят ее, мальчишки дразнят «немецкой овчаркой» и бросают камни.

В отличие от Корчемного, который произносил слова о долге, но не подкреплял их поступком, Нила молчит — и ее молчание становится формой поведения, при которой слово и дело не расходятся, но эта цельность скрыта от окружающих.

В сцене с гранатой мальчик Сашка бросает гранату в Нилу, принимая ее за «немецкую овчарку». Сценическое указание передает автоматизм действия: «Нила бросилась к борющимся ребятам, вырвала у Сашки гранату, быстро, опытным взглядом проверила ее, вынула взрыватель и сунула в карман» [14, с. 114]. И сразу же — бытовой жест: «Держа в ладонях гранату, Нила неловко поправляет растрепавшиеся волосы» [там же]. Контраст между безупречным профессионализмом разведчицы и жестом, не

связанным с ситуацией, обнаруживает непрекращающееся внутреннее напряжение, которое не снимается даже в момент опасности.

Особое значение в пьесе приобретает мотив клятвы. В сцене с Эдиком, который спрашивает, не забыла ли она пионерскую клятву, Нила дает не пионерское, а комсомольское слово [14, с. 188]. Уточнение важно: комсомольское обязательство в советской иерархии весит больше пионерского, и Нила выбирает более высокую меру ответственности. Если риторика Корчемного не подкреплена поступком, то у Нилы слово и дело не расходятся, но эта цельность составляет ее единственную опору.

Как справедливо замечает Я.С. Фельдман, суть образа Нилы раскрывается через противоречие между «быть» и «казаться» [9]. Однако, в отличие от Фельдмана, нас интересует не столько внешняя событийная сторона (освобождение города, борьба с подпольем), сколько сам механизм нравственного выбора. Нила апеллирует не к приказу, не к коллективной санкции, а к личной клятве, данной самой себе. Ее внутренний императив не нуждается во внешнем подтверждении.

Финальная гибель героини не восстанавливает справедливость внутри сюжета: ее подвиг остается неизвестным большинству персонажей. Как отмечает Фельдман, гибель «вызывает чувство очищающего потрясения, которое напоминает катарсис древних» [9, с. 128]. Однако, с точки зрения эволюции нравственного выбора, важно уточнить: катарсис возникает исключительно на уровне зрительского восприятия, а не как событие внутри пьесы. Зритель, знающий правду о Ниле, становится единственным свидетелем и судьей. Это принципиально отличает «Барабанщицу» от «Опасного спутника», где суд вершила комиссия, и от поздней «Молвы», финал которой едва ли предполагает катарсический эффект: возможность очищающего потрясения там в значительной мере зависит от сценического решения и не закреплена самим текстом.

На данном этапе фиксируется решающий сдвиг: источник нравственной мотивации перемещается с коллектива на личность, а оценка поступка — с внешней инстанции на зрителя. Этот тип внутреннего императива, рождающегося из личной клятвы и самопожертвования, станет контрастной точкой отсчета для анализа «Молвы.

Переходное состояние в «Лжи для узкого круга». «Ложь для узкого круга» (1963) — одна из сатирических комедий Салынского. Обращение Афанасия Салынского к сатирическому жанру в комедии стало важным художественным шагом. Если в «Барабанщице» внутренний конфликт героини был трагическим и требовал от зрителя сопереживания, то здесь Салынский показывает ложь как системный социальный механизм, а не как индивидуальную слабость. Дистанция сатиры позволяет автору не погружаться во внутренний мир героини, а обнажать механизмы, с помощью которых ложь становится нормой.

Героиня комедии, Клавдия Бояринова, в отличие от Корчемного, лжет не ситуативно и не от страха — она лжет профессионально. Узнав, что ее бывший возлюбленный Василий Качурин посмертно признан героем, она объявляет себя его женой, а свою дочь Ольгу — его дочерью. Ложь нужна ей не для спасения, а для карьеры: фиктивное родство с героем открывает двери в высшие круги. Ремарка подчеркивает ее мастерство: она «со свойственным ей артистизмом мгновенно подстраивается к стилю разговора собеседника» [13, с. 240]. Язык для Клавдии — не средство выражения правды, а инструмент манипуляции, бесконечная смена масок. Она не просто обманывает — она создает мир, в котором ложь является нормой.

Особенно выразительна в этом смысле метафора «бумаги», проходящая через всю пьесу. Клавдия оперирует письмами, фотографиями, архивными документами — но это не свидетельства правды, а реквизит для ее спектакля. Она перебирает старые письма

Качурина, выбирает самые теплые и говорит о своей «любви» к погибшему герою не для того, чтобы вспомнить, а чтобы произвести впечатление на архивиста Ивасюту. Она не смотрит на письма — она смотрит на того, кто их будет читать. Для Клавдии бумага перестает быть документом и становится инструментом власти.

Системная ложь проникает в семейные сферы. Клавдия использует собственную дочь Ольгу как пешку в своей игре: объявляет ее дочерью героя, чтобы повысить ее брачный статус в глазах Максима Минаева, сына крупного чиновника. Однако Ольга любит Андрея Качурина — сына того самого героя, чье имя присвоила ее мать. Ситуация оборачивается трагикомедией: Андрей и Ольга, полюбив друг друга, оказываются, по версии Клавдии, детьми одного отца. Любовь оказывается под угрозой из-за тщеславного вымысла. В кульминационной сцене, когда выясняется, что Качурин на самом деле не герой (он геройски погиб, но не был официально признан), Клавдия мгновенно отказывается от своей версии: «Пусть отцом твоим будет Дичалов, пусть я нашла тебя в капусте, что угодно, только ты — не дочь Качурина!» [13, с. 274]. Для нее правда — не ценность, а материал, который можно перекраивать по мере надобности. Даже дочь становится частью ее лживой конструкции. Лишь в финале выясняется, что заявление Покатова было клеветой, но это не меняет сути: Клавдия не раскаивается. Для нее правда — не ценность, а материал, который можно перекраивать по мере надобности.

Как показано в предыдущей работе [8], идейная нагрузка в комедии функционально дифференцирована: каждый второстепенный персонаж выполняет свою роль в обнажении механизмов лжи. Центральный конфликт — противостояние правды (в лице Андрея Качурина, Оли, Ильи Дичалова) и корыстной лжи (Клавдии Бояриновой). Особенность комедии, однако, в том, что правда здесь не побеждает так, как в предыдущих пьесах: истина восстанавливается, но лгунья не испытывает внутреннего перелома. Второстепенные персонажи играют в этом конфликте разную роль: одни поддакивают лжи, другие пытаются ей противостоять.

Вера Отощева, секретарша Клавдии, целый год поддакивает начальнице — и вдруг останавливается. Ее реплика звучит как прорыв: «Целый год я вам поддакивала. Сегодня не могу. Мне совестно» [13, с. 252]. Слово «совестно» впервые появляется в драматургии Салынского именно здесь — и в этом его принципиальное значение. Оно фиксирует момент, когда ложь перестает быть безличной и встречает сопротивление. Сцена с Отощевой — ключевая для понимания переходного статуса пьесы. Секретарша не оправдывается, не обвиняет, не ищет выгоды — она просто отказывается участвовать в том, что считает неправильным. Это внутренний императив, который в «Барабанщице» был источником героического поступка и рождал зрительский катарсис. Но здесь он длится мгновение. Отощева почти сразу отступает, и сюжет движется дальше без нее. Слово уже есть, а поступка нет. Совесть оказывается лишь проблеском, не способным изменить систему. Это и есть переходное состояние: внутренний императив уже слышен, но он еще не стал движущей силой сюжета. В отличие от Нилы, чья внутренняя клятва определяла ее судьбу и приводила к трагическому финалу, здесь совесть произносится — и гаснет.

Финал «Лжи для узкого круга» не дает текстуального основания для катарсической развязки — и в этом ее отличие и от «Барабанщицы», и от «Опасного спутника». Клавдия разоблачена, но не сломлена. Ее последняя реплика: «А что, собственно, произошло? Что произошло, я вас спрашиваю?! Маленькая невинная ложь, для самых близких, для узкого круга…» [13, с. 276]. Истина восстановлена, но носительница лжи не изменилась. Комиссия (как в «Опасном спутнике») не вершит суд, зритель (как в «Барабанщице») не получает очищающего потрясения. Вместо этого — узнавание: ложь не побеждена, она просто обнажена.

Данный этап оказывается переходным не только в хронологии, но и в структуре конфликта. Совесть уже слышна в слове «совестно», но она еще неспособна изменить ход событий. Этот проблеск внутреннего императива, не подкрепленный действием, подготавливает почву для четвертого этапа.

Бессильная совесть в «Молве». «Молва» (1980) — завершающий этап эволюции нравственного выбора в драматургии Салынского. Действие происходит в 1922 году, в период НЭПа, в далеком сибирском поселке Птюньки. В центре пьесы — Иван Шишлов, телефонный мастер, одержимый идеей «прозрачности». Он создает «комитет идейной борьбы», заставляет жителей заполнять анкеты, разрушает заборы. Его деятельность балансирует на грани фарса и насилия, но за гротеском стоит вполне серьезная проблема: «Случилось самое великое для человечества событие…а что мы видим? Те же торгаши… Ловчат — подстраиваются к новым порядкам. А подстраиваются, так от этого — ложь» [15, с. 46]. В отличие от Корчемного, для которого слова о долге были прикрытием карьеры, Шишлов искренне верит в свою правоту. Именно эта искренность, лишенная внутреннего императива, оборачивается насилием: Шишлов не сомневается в своей правоте, а провозглашает ее.

В сцене с анкетами конфликт переходит из бытового плана в социально-нравственный. Требование Шишлова и отказ Али и Окатьева подчиниться обнаруживают несовместимость их нравственных позиций. Окатьев зачитывает вслух вопросы, вторгающиеся в личные сферы жизни: «Кто были ваши отец, мать, деды и прадеды… Адреса их при жизни… Кто из родственников бежал с белогвардейцами…» [14, с. 31]. Бумага, которая в «Лжи для узкого круга» была инструментом манипуляции, здесь становится инструментом принуждения. Однако Шишлов получает не тот ответ, на который рассчитывает: Аля молча рвет свою анкету, а Окатьев, не заполнив, сворачивает ее и кладет в карман. Позже, когда Младенцев подкладывает в сундучок Али деньги и составляет акт, Окатьев отказывается его подписывать. Персонажи не спорят и не объясняют — они отказываются принимать условия, навязанные Шишловым. Когда Шишлов пытается навязать свою «прозрачность» всем жителям, собравшиеся отвечают открытым сопротивлением, и разговор не складывается. Анкеты, призванные сделать людей «прозрачными», не выполняют своей функции: они не фиксируют правду (деньги в сундучке Али подбросил Младенцев по указанию Садофьевой), а лишь обнаруживают насилие самого вопроса.

В этом мире, где правда провозглашается, но не переживается, совесть прямо называется в реплике председателя поссовета Можаренкова, прошедшего гражданскую войну: «Сам я грешный человек. Но скажу тебе вот что… Помни: все мы под богом ходим. А бог этот — совесть» [14, с. 26]. В рассматриваемых пьесах Салынского совесть впервые названа здесь верховной инстанцией. Однако это называние не становится побудительной силой поступка: совесть слышат, но не следуют ей. Можаренков говорит о совести, но Шишлов, слыша эти слова, не следует им. Садофьева, бывшая кавалеристка, а ныне управляющая губернской лесоторговой базой, берет взятки и вспоминает свою боевую юность без прежней веры. Виктюха, беспризорная девочка, уходит из поселка, не найдя здесь приюта. Совесть названа, но в сюжете пьесы она не определяет поведения персонажей.

Предметный мир «Молвы» отличается от предыдущих пьес. Если в «Барабанщице» граната была символом внутреннего напряжения и профессионального долга, а в «Лжи для узкого круга» письма и фотографии — реквизитом для спектакля, то здесь анкеты и заборы становятся символами насильственного насаждения «правды». Шишлов разрушает физические границы (заборы), но создает новые — между собой и людьми.

Он требует заполнять бумаги, но бумаги не фиксируют правду, а подменяют ее. Этот сдвиг в предметном коде отражает сдвиг в природе нравственного выбора: от внешней санкции через внутреннее переживание к отчуждению, при котором совесть, будучи названной, не становится двигателем поступка.

Финал «Молвы» оставляет конфликт неразрешенным. Гибель Али и самоубийство Шишлова не меняют положения вещей: Садофьева продолжает махинации, Виктюха уходит дальше. Насильственное насаждение правды оборачивается новой ложью. Совесть остается словом, не становясь поступком. В этом отличие «Молвы» не только от «Барабанщицы», где внутренний императив определял судьбу героини, но и от «Опасного спутника», где истина все же раскрывалась. Здесь не происходит ни внешнего, ни внутреннего разрешения.

Заключение. Проведенное исследование показало, что эволюция нравственного выбора в драматургии Салынского представляет собой последовательный процесс, а не смену тем. Каждая из четырех пьес соответствует определенному этапу этой эволюции.

В «Опасном спутнике» нравственный выбор еще не становится внутренним актом: это этап внешней санкции, которая, однако, не реализуется. Комиссия, о которой говорит Белышев, в пьесе не появляется, Корчемный уходит нераскаянным, а Селихов погибает, успев восстановить истину.

В «Барабанщице» источником нравственного выбора в рассматриваемых пьесах впервые становится личная клятва. Нила погибает, но ее подвиг остается неизвестным большинству персонажей: правду узнают лишь Федор, Мария Игнатьевна и Алексей. Клятва заменяет внешнюю санкцию, но не получает внешнего признания.

Во «Лжи для узкого круга» совесть впервые называется, но еще не действует. Отощева говорит «мне совестно», однако почти сразу отступает, а Клавдия, разоблаченная, не раскаивается.

Наконец, в «Молве» совесть провозглашается Можаренковым как высшая инстанция, но не становится двигателем поступка: Аля гибнет, Шишлов кончает с собой, а Садофьева продолжает махинации. Никто из персонажей не действует по совести.

Так выстраивается движение от внешней санкции, которая не реализуется, — через личную клятву, остающуюся невидимой для большинства, — к совести, которая произносится, но не срабатывает, — и далее к совести, которая провозглашается высшей инстанцией, но не находит отклика.

Эта траектория позволяет поставить вопрос о более широком сдвиге в понимании личной ответственности в советской драме второй половины XX века: от внешней санкции, не подкрепленной внутренним выбором, — через личный императив, остающийся невидимым, — к совести, которая называется, но не становится поступком.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении представлений о поэтике А.Д. Салынского: предложенная периодизация и выделенные типы нравственного выбора позволяют по-новому осмыслить его драматургию как единый, внутренне связный проект. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения разработанного подхода к анализу творчества других драматургов второй половины XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникст А.А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга / А.А. Аникст. — М. : Наука, 1967. — 456 с.
2. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века / Б.М. Гаспаров. — М. : Наука, 1993. — 304 с.
3. Желобцова С.Ф. Нравственно-эстетические поиски в советской драматургии 60–70-х годов (на примере А. Салынского) : учеб. пособие / С.Ф. Желобцова. — Якутск, 1985. — 32 с.

4. Костелянец Б.О. Драма и действие : лекции по теории драмы / сост. и вст. ст. В.И. Максимов, вст. ст. Н.А. Таршис. — М. : Совпадение, 2007. — 502 с.
5. Подлубнова Ю.С. «Здесь будет город. Мы назовем его — город Селихов». Уральское творчество А.Д. Салынского / Ю.С. Подлубнова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2023. — Т. 29, № 1. — С. 165–175.
6. Померанцев В. Об искренности в литературе / В. Померанцев // Новый мир. — 1953. — № 12. — С. 218–245.
7. Силантьев И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 296 с.
8. Томашевская Н.В. Роль второстепенных персонажей в раскрытии конфликта пьесы А. Салынского «Ложь для узкого круга» / Н.В. Томашевская // Донецкие чтения — 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра. — Донецк : Донецкий государственный университет, 2025. — С. 259–261.
9. Фельдман Я.С. Драматургия Афанасия Салынского / Я.С. Фельдман. — М. : Искусство, 1976. — 278 с.
10. Фролов В.В. Судьбы жанров драматургии. Анализы драматических жанров в России XX в. / В.В. Фролов. — М. : Советский писатель, 1979. — 423 с.
11. Хализев В.Е. Драма как род литературы / В.Е. Хализев. — М. : Издательство МГУ, 1986. — 256 с.
12. Холодов Е.Г. Драматург на все времена. Островский и его время. Островский и наше время / Е.Г. Холодов. — М. : ВТО, 1975. — 424 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Салынский А.Д. Драмы и комедии / А.Д. Салынский. — М. : Искусство, 1977. — 589 с.
14. Салынский А.Д. Пьесы : в 2 т. / А.Д. Салынский. — М. : Искусство, 1988. — Т. 2. — 526 с.

REFERENCES

1. Anikst A.A. (1967). Teoriia dramy ot Aristotelia do Lessinga [Theory of Drama from Aristotle to Lessing]. Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Gasparov B.M. (1993). Literaturnye leitmotivy. Ocherki russkoi literatury XX veka [Literary Leitmotifs. Essays on Russian Literature of the 20th Century]. Moscow: Nauka. (In Russian)
3. Zhelobtsova S.F. (1985). Nravstvenno-esteticheskie poiski v sovetskoi dramaturgii 60–70-kh godov (na primere A. Salynskogo) [Moral and Aesthetic Searches in Soviet Drama of the 1960s–1970s (on the Example of A. Salynsky)]. Yakutsk. (In Russian)
4. Kostelianets B.O. (2007). Drama i deistvie: lektsii po teorii dramy [Drama and Action: Lectures on the Theory of Drama] (V.I. Maksimov & N.A. Tarshis, Eds.). Moscow: Sovpadenie. (In Russian)
5. Podlubnova Yu.S. (2023). «Zdes budet gorod. My nazovem ego — gorod Selikhov». Uralskoe tvorchestvo A.D. Salynskogo ["There Will Be a City. We Will Call It — the City of Selikhov." Ural Works by A.D. Salynsky]. Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury, 29(1), 165–175. (In Russian)
6. Pomerantsev V. (1953). Ob iskrennosti v literature [On Sincerity in Literature]. Novy Mir, 12, 218–245. (In Russian)
7. Silantev I.V. (2004). Poetika motiva [Poetics of Motive]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury. (In Russian)
8. Tomashevskaya, N.V. (2025). Rol vtorostepennykh personazhei v raskrytii konflikta pesy A. Salynskogo «Lozh dlya uzkogo kruga» [The Role of Secondary Characters in Revealing the Conflict of A. Salynsky's Play "A Lie for a Close Circle"]. In Donetskie chteniia – 2025: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu sozdaniia Donetskogo nauchnogo tsentra [Donetsk Readings – 2025: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Modernity: Proceedings of the 10th International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Donetsk Scientific Center] (pp. 259–261). Donetsk: Donetsk State University. (In Russian)
9. Feldman Ya.S. (1976). Dramaturgiia Afanasiia Salynskogo [Dramaturgy of Afanasy Salynsky]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
10. Frolov V.V. (1979). Sud'by zhanrov dramaturgii. Analizy dramaticheskikh zhanrov v Rossii XX v. [The Fates of Dramatic Genres. Analyses of Dramatic Genres in 20th Century Russia]. Moscow: Sovetskii pisatel. (In Russian)
11. Khalizev V.E. (1986). Drama kak rod literatury [Drama as a Literary Genre]. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)
12. Kholodov E.G. (1975). Dramaturg na vse vremena. Ostrovskii i ego vremia. Ostrovskii i nashe vremia [Playwright for All Times: Ostrovsky and His Time. Ostrovsky and Our Time]. Moscow: VTO. (In Russian)

Поступила в редакцию 06.07.2026 г.

MORAL CHOICE IN DRAMA BY A.D. SALYNSKY

N. V. Tomashevskaya

One of the most pressing questions for Soviet drama after the “Thaw” was that of the limits of personal responsibility. The industrial conflict, so typical of plays of the 1940s–1950s, ceased to be self-sufficient: audiences and critics expected the playwright to present not merely a clash between an “innovator” and a “conservative,” but also the hero’s inner struggle with himself. The author of the article analyses the way this transformation unfolds at the level of dramatic poetics. In the works by A.D. Salynsky, embracing nearly three decades, one can trace a consistent evolution of moral choice — from the external sanction of the collective to the internal imperative and, finally, to its powerlessness. However, in the reviewed researches this dynamic is not focused on. The analysis presented in these papers is static. The conflict in each individual play is captured, without raising the why-question. For instance, “Rumors” (1980) is fundamentally different in structure from “A Dangerous Companion” (1952). The present contribution fills in this gap, proposing to consider four key plays by Salynsky as stages of a single dramaturgical quest.

Key words: Soviet drama, A.D. Salynsky, moral choice, evolution, duty, conscience, dramatic conflict, existential drama, internal action, motif analysis, object code.

Томашевская Наталья Витальевна.
Аспирант.
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, г. Омск.
ORCID ID: 0009-0005-9072-1542.
E-mail: 24asp27@myrambler.ru.

Tomashevskaya Natalya Vitalievna.
Post-graduate student.
Dostoevsky Omsk State University, Russian Federation, Omsk.
ORCID ID: 0009-0005-9072-1542.
E-mail: 24asp27@myrambler.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9:37.018.4
DOI: 10.5281/zenodo.23999688

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ В ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

© 2026 *Е.Е. Блинова[1], Н.В. Задорожнюк[2], О.Ю. Блинов[3]*
[1-2-3]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Херсонский государственный педагогический университет»
[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
ORCID[1] 0000-0003-3011-6082
ORCID[2] 0009-0001-1007-2046
ORCID[3] 0009-0008-0082-9368

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается трансформация межличностного общения в условиях цифровой образовательной среды. Анализируются ключевые социально-психологические феномены, возникающие при онлайн-обучении: редукция невербальной информации, изменение социальной перцепции, феномены анонимности, «цифрового следа», барьеры общения. Новая цифровая реальность обучения в высшей школе поднимает проблему удовлетворенности студентов форматом обучения и полученным результатом, а также проблему поиска психологических ресурсов, позволяющих эффективно адаптироваться в цифровой образовательной среде. *Цель*: выявить роль коммуникативной компетентности и академической мотивации в эффективной адаптации студентов в цифровой образовательной среде. *Методы*: «Шкала коммуникативной компетентности» (Е.В. Ноздрякова), «Шкала академической мотивации» (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин); письменный опрос. Эмпирическое исследование проведено на базе университета нового региона Российского Федерации, реализующего обучение с применением дистанционных образовательных технологий. *Результаты*. Выявлено, что коммуникативная компетентность личности является фактором активного, инициативного поведения в цифровой среде, обеспечивающего удовлетворенность обучением в дистанционной реальности. Студенты, обладающие высоким уровнем познавательной мотивации и мотивации саморазвития, обнаруживают более высокий уровень удовлетворенности и адаптивности в обучающей онлайн-среде.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, адаптация, психологические ресурсы, коммуникативная компетентность, академическая мотивация, студенты, социальная перцепция, групповое взаимодействие, коммуникативные барьеры.

Для цитирования: Блинова Е.Е. Роль коммуникативной компетентности и академической мотивации в эффективной адаптации студентов в цифровой образовательной среде / Е.Е. Блинова, Н.В. Задорожнюк, О.Ю. Блинов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 305–316. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23999688.

Введение. Стремительная цифровизация образования, ускоренная глобальными вызовами последних лет, привела к качественному изменению самого характера педагогического общения. Некоторые высшие учебные заведения вследствие

военно-политических событий (пограничные и воссоединенные территории) [1], вынужденно перешли на формат обучения с применением дистанционных технологий, что актуализирует исследования особенностей онлайн-взаимодействия между субъектами образовательного процесса. Если традиционный формат обучения строится на непосредственном диалогическом контакте субъектов в едином физическом пространстве, то цифровая образовательная среда (ЦОС) предлагает многоканальное взаимодействие, опосредствованное гаджетами и платформами. Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова отмечают: «В сложном переплетении традиционной и цифровой социализации сегодня рождаются новые культурные практики, новые феномены, специфические системы межличностных отношений и коммуникаций» [11, с. 81].

Переход от контактного «лицом к лицу» общения к дистанционному формату — это не просто изменение способа и инструмента доставки контента. С культурно-исторической позиции (Л.С. Выготский) любое опосредствование знаковыми системами перестраивает высшие психические функции. В ЦОС знаковая система радикально меняется: язык тела, проксемика, интонации замещаются эмодзи, мемами, скоростью ответа, «цифровым следом». Возникает принципиально иная социальная ситуация развития, в которой субъекты образовательного процесса, как студенты, так и преподаватели, вынуждены конструировать образ «Другого» при дефиците привычных перцептивных опор.

Обучение онлайн стало «цифровой реальностью», что поднимает проблему качества обучения в высшей школе, удовлетворенности студентов форматом обучения и полученным результатом, а также проблему поиска психологических ресурсов, позволяющих эффективно адаптироваться в цифровой образовательной среде.

Основная часть. *Теоретический обзор*. Рассмотрим социально-психологические особенности взаимодействия субъектов образовательного процесса в онлайн-среде, при обучении с применением дистанционных технологий.

Позитивными аспектами онлайн коммуникации можно считать возможность ее осуществления без пространственно-временных ограничений; получение любой актуальной информации в момент непосредственной потребности в ней, поскольку, как отмечают Л.В. Чеснокова [15], A. Guryanova et al. [19], потенциальная доступность информации выше по сравнению с другими способами коммуникации, кроме этого, развитие цифровых технологий сделало возможным общение почти с каждым жителем планеты, независимо от его места нахождения и социального статуса [7, с. 101].

С другой стороны, исследования R. Putri, et al. показывают, что в рамках цифровой образовательной среды осложнена привычная коммуникация студентов с однокурсниками и преподавателями [20], A. Aristovnik с коллегами констатируют, что уменьшается их удовлетворенность процессом обучения [17]; в работах S. Adno [16], A. Smoyer, et al. [22] выявлено, что дистанционное обучение приводит к изменению социальных отношений и взаимосвязей между субъектами высшего образования.

Кроме этого, как отмечает, например, А.В. Тимофеев, дистанционное общение характеризуется отсутствием ярко выраженного эмоционального сопровождения, существенно обедняя его в плане эмоциональной окрашенности, лишая значительной доли невербальных средств — взглядов, жестов, позы, интонации и пр. [14]. Г.Л. Сперанская, Т.Н. Еремеенкова констатируют: «Из общения вымывается обаяние личности, выразительность ее отношений, эмоциональная окраска речи и поведения, индивидуальность в целом» [13, с. 238].

Б.В. Марков, А.М. Сергеев указывают, характеризуя онлайн-образование: «Основная опасность видится в постепенном переходе от диалога к монологу, к субъектно-объектным отношениям, влекущим за собой утрату межличностного контакта учителя и ученика, преподавателя и студента» [8, с. 71].

Исследование Л.В. Чесноковой посвящено размыванию границ между публичностью и приватностью в социальных сетях, автор анализирует так называемый парадокс приватности и выделяет такие особенности коммуникации в социальных сетях: «1. Доступность контента за пределами определенного момента времени; 2. Контент является масштабируемым, так как он часто используется большой и разнообразной аудиторией, выходя за пределы ситуации локального взаимодействия; 3. Контент в течение неопределенно длительного времени доступен для поиска» [15, с. 29]; это феномен «цифрового следа», т.е. возможность фиксировать сказанное и написанное, и анализировать при необходимости через время [2; 6; 21].

Что касается письменной, текстовой коммуникации, то в модели гиперперсонального общения J.B. Walther отмечается целенаправленное конструирование более привлекательного образа «Я» в онлайн-коммуникации, редактирование высказываний [24]. Субъект общения при дефиците информации вынужден достраивать образ партнера, приписывая ему определенные черты. Автор указывает, что такое общение может быть даже более интеллектуально интенсивным: поскольку каждый участник получает время на обдумывание реплики или ответа, на его корректировку, то письменная дискуссия, в том числе в образовательном процессе, может быть более глубокой и рефлексивной, чем спонтанное устное обсуждение.

Для осмысления специфики общения в цифровой среде интересной является интегративная модель социального присутствия D.R. Garrison, T. Anderson, W. Archer, которая рассматривает эффективное обучение в онлайн-среде как пересечение трех видов присутствия: преподавательское присутствие (проектирование опыта, прямая инструкция, фасилитация диалога); социальное присутствие (способность участников проецировать свои личностные особенности в учебное сообщество, эмоциональная открытость, сплоченная коммуникация); когнитивное присутствие (степень, в которой обучающиеся конструируют смыслы через устойчивую рефлексию). Авторы отмечают, что в образовательном пространстве недостаток социального присутствия приводит к формализации отношений, снижению эмпатии и вовлеченности [18].

В цифровой образовательной среде можно фиксировать трансформацию перцептивной стороны общения: поскольку при использовании видеоконференцсвязи камера у большинства присутствующих выключена, то при отсутствии физического облика, мимики, взглядов собеседники конструируют образ партнера на основе цифрового следа, текстового поведения и знаков-заместителей (аватары, никнеймы и пр.). В исследованиях Г.У. Солдатовой показано, что визуальные образы «Я» часто компенсируют реальные и воображаемые дефициты общения и в определенной степени задают тональность общения (например, для преподавателя принято реальное фото (аватар) в деловом стиле) [11; 12].

Кроме этого, укажем на существование феномена «пустого экрана» и проекции. При проведении лекции с выключенными камерами у студентов преподаватель не получает сигналов обратной связи (кивков головой, контакта глаз), что повышает тревожность и делает изложение материала все более монологичным. В то же время и для студентов лектор за «черным квадратом» редуцируется до голосовой функции, утрачивая личностные черты. Психологически это запускает механизмы деперсонализации — восприятие другого не как целостного субъекта, а как носителя информации.

Перцептивные искажения может провоцировать и включенная камера, поскольку проявляется «эффект постоянного смотрения в глаза», что вызывает эмоциональное истощение и порождает «онлайн-усталость» («цифровую усталость»).

В обучении используется и общение в мессенджерах (например, MAX), где группы разного назначения создаются для студентов и создаются студентами. Образ партнера конструируется в том числе через стилистику речи, синтаксис, грамотность сообщений,

что дает возможность отчасти определить статусные позиции, возрастные характеристики субъектов общения. При этом высок риск приписывания ошибочных установок и намерений, интерпретации замыслов (фундаментальная ошибка атрибуции).

Следует отметить, что в дистанционном обучении используется понятие «учебная аудитория», точнее «виртуальная аудитория», предъявляющая требования к индивидуальным стратегиям самопрезентации, которые несомненно различаются в зависимости от группы (или чата), в котором взаимодействуют студенты (словарный запас, степень откровенности высказываний, эмоциональная окраска и т.д.) [2; 6; 15]. Слияние или «перемешивание» разнородных аудиторий может привести к росту напряжения и проблемам коммуникации.

Важно дать характеристику коммуникативных барьеров в образовательном процессе с применением дистанционных технологий. Несомненно, первую группу представляют технические барьеры. Задержка сигнала, нарушение синхронизации звука и видео, отсутствия навыков работы с различными технологическими устройствами и приложениями, внезапное отключение вызывают фрустрацию и разрушают непрерывность интеракции. В микроинтервалах ожидания ответа растет уровень неопределенности, который субъективно воспринимается как отвержение [7; 13; 14].

Для нас наиболее интересной является вторая группа — психологических барьеров, которые сходны с возможными коммуникативными барьерами в очном непосредственном общении, но имеют свою специфику: а) барьеры восприятия (первое впечатление, социальные стереотипы, эффект проекции); б) семантические барьеры, проявляющиеся в несоответствии тезаурусов собеседников, которое зависит как от жизненного опыта участников коммуникации, так и от контекста ситуации общения, что важно учесть в любом педагогическом взаимодействии; в) отсутствие обратной связи, что может быть связано как с техническими погрешностями, так и с нежеланием партнера общаться, что в целом затрудняет адекватность оценки действий собеседника; г) неумение слушать.

Молчание в чате длительностью более нескольких секунд трактуется негативно, в то время как при очной встрече пауза естественна. Стоит отметить интересное сравнительное исследование трактовки молчания в китайской и русской культуре Ду Синь, где молчание и отсутствие ответной реакции рассматривается как невербальный код онлайн-коммуникации. Автор указывает, что ответное молчание в русской культуре, действительно, воспринимается как игнорирование, нежелание общаться, и вызывает возмущение, напряжение, недоумение, раздражение собеседника [5].

Ю.А. Мазнева, В.А. Иванова, анализируя барьеры в цифровой коммуникации, выделяют особенности онлайн-общения: 1. Преимущественное использование вербального общения, ограниченность невербальных средств; 2. Разорванность коммуникации, например, ответа на письменное сообщение приходится ждать некоторое время; 3. Анонимность [7, с. 101]. Что касается образовательного процесса, то о полной анонимности мы не говорим, как правило, студенческое сообщество имеет свои границы, к обучающемуся предъявляется требование подписывать аккаунт своим подлинным именем (но такого требования нет к «аватару»), однако, они могут скрывать свои подлинные эмоции и намерения, невербальные признаки их никак не выдадут. Кроме этого, студенты во время слушания лекции могут отвлекаться, заниматься другими делами, не связанными с учебным процессом, слушать с пониженной концентрацией внимания, что существенно снижает уровень включенности.

Сам факт существования устойчивого учебного онлайн-сообщества невозможен без формирования новых или адаптации существующих социальных норм — цифрового этикета. О.В. Овчинникова отмечает, что «Очевидно, что в интернет-общении этикет — важная составляющая правильно выстроенных профессиональных отношений, ведь

система правил поведения упрощает взаимодействие с людьми в любой сфере» [10, с. 257]. Социально-психологический аспект цифрового этикета заключается в том, что он регулирует дистанцию, эмоциональную тональность и допустимые формы самораскрытия.

Можно выделить несколько принципов, имеющих психологическую природу [2; 7; 8; 13]:

Принцип интонирования письменной речи. Использование маркеров вежливости («пожалуйста», «спасибо»), знаков препинания не считается излишеством, а выполняет функцию фасилитации эмоционального контакта. Текст без этих маркеров воспринимается как холодный или агрессивный.

Приватность и границы. Уважение к личному пространству и личным временным границам, поскольку происходит «перемешивание», и даже слияние рабочей и частной личной жизни.

Норма избыточности. Участники вынуждены в переписке в мессенджере в большей степени детализировать сообщение, поясняя даже контекст, что обозначается как «избыточность сообщений». В определенной степени такая норма снижает неопределенность и предотвращает межличностные конфликты, вызванные неверной атрибуцией намерений.

Проведенный социально-психологический анализ особенностей общения субъектов образовательного процесса в цифровой среде позволил поставить вопросы о психологических ресурсах студентов, используемых ими для преодоления коммуникативных барьеров, получения удовлетворенности от процесса обучения, эффективной адаптации в образовательной среде.

Предполагаем, что одним из таких ресурсов является коммуникативная компетентность личности, понимаемая как детерминанта или предпосылка эффективного или неэффективного коммуникативного поведения [4]. В профессиональной среде студентов во время обучения коммуникативная компетентность становится фактором и важным аспектом взаимодействия с другими людьми, поскольку обеспечивает приобретение навыков делового общения.

Е.В. Ноздрякова предлагает рассматривать коммуникативную компетентность как поликомпонентный внутренний ресурс, определяющий степень коммуникативной гибкости субъекта и уровень эффективности решения поставленных коммуникативных заданий [9]. Автором предложена структура коммуникативной компетентности личности: *когнитивно-регулятивный* компонент отвечает за адекватное функционирование личности в ситуациях межличностной коммуникации (система когнитивных представлений, социальные нормы, ценности и саморегуляция личности); *лингвистический*, означает процесс и качество речевой деятельности субъекта; *инструментально-адаптивный*, определяющий уровень эффективности коммуникативных аспектов и меру ситуативной адаптированности личности (навыки конструктивного общения); *личностный*, обусловливающий особенности коммуникации конкретной личности [9, с. 46]. Эта структура положена в основу предложенной автором «Шкалы коммуникативной компетентности».

Кроме этого, существенным фактором успешности и результативности любой деятельности является мотивация, а именно, осмысление, осознание, позитивная оценка, направленность на результат, настойчивость в достижении поставленных целей. Исходя из этого рассмотрим академическую мотивацию обучающихся как фактор адаптации студентов в цифровой образовательной среде.

Цель исследования: выявить роль коммуникативной компетентности и академической мотивации в эффективной адаптации студентов в цифровой образовательной среде.

Материалы и методы. Эмпирическое исследование проведено на базе Херсонского государственного педагогического университета, имеющего в своем опыте эвакуацию; в настоящее время университет работает преимущественно с применением дистанционных образовательных технологий. В исследовании приняли участие 57 обучающихся магистратуры, все поступили на обучение на базе уже имеющегося высшего образования, полученного в обычных традиционных условиях, поэтому имеют возможность сравнения онлайн и офлайн-обучения. Возраст обучающихся от 25 до 40 лет, 42 женщины (73,68%), 15 мужчин (26,32%).

Для изучения коммуникативной компетентности использована «Шкала коммуникативной компетентности» (Е.В. Ноздрякова), включающая такие компоненты: согласованность действий для достижения общего результата; общение как эмоционально-когнитивный обмен; коммуникация как деятельность; владение лингвистическими нормами; коммуникативная адаптивность личности [9].

Опросник «Шкалы академической мотивации» (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин) [3] позволяет диагностировать три типа внутренних, три типа внешних мотивов и амотивацию. Внутренняя академическая мотивация представлена мотивами познания, достижения и саморазвития. «Внешняя мотивация включает различные типы регуляции, связанные как с удовлетворением, так и с фрустрацией базовых потребностей в автономии и компетентности» [3, с. 105]; позволяет выявить мотивы самоуважения, интроецированные и экстернальные мотивы.

Для выявления сложностей, испытываемых студентами при обучении в онлайн-формате, а также их удовлетворенности организацией процесса обучения и его эффективностью, проведен письменный опрос с использованием Яндекс-формы. В частности, был задан вопрос «Если бы у Вас была возможность вернуться в учебный корпус, в обычные условия традиционного очного формата обучения, как бы Вы отнеслись? а) да, с огромным удовольствием; б) скорее, да; в) затрудняюсь ответить; г) скорее нет, работа, дети, другая занятость уже не позволят обучаться очно; д) нет, меня полностью устраивает обучение онлайн».

Для статистической обработки полученных результат использована первичная описательная статистика, сравнение групп проведено с помощью критерия углового преобразования Фишера.

Результаты исследования. По данным письменного опроса выявлены сложности, которые отмечают студенты в онлайн-обучении: технические проблемы (отсутствие интернета, невозможность подключиться, плохой звук, не видно презентацию, которую показывает преподаватель, не включается камера, иногда нет возможности быстро уточнить информацию и т.д.) — 100% респондентов отметили хотя бы одну из технических проблем.

Психологические проблемы: длительное отсутствие обратной связи (42,11%), невозможность поговорить с преподавателем лично (38,59%), затруднения при интерпретации написанных преподавателем рекомендаций по учебному материалу (35,09%); кажущаяся анонимность, дающая возможность писать в мессенджере тексты, которые при очном общении не были бы произнесены (29,82%); ошибочная оценка студента со стороны преподавателя или по аватару (включаются социальные стереотипы), или по молчанию (хотя иногда это просто технические неполадки) (22,81%).

По совокупности ответов на вопросы рассчитан комплексный показатель, который дал возможность определить уровень удовлетворенности студентов обучением с использованием дистанционных образовательных технологий. На основе полученного показателя все студенты исследуемой группы проранжированы, и разделены по медиане

на две группы: группа 1 (n_1=29) — высокий уровень удовлетворенности; группа 2 (n_2=28) — низкий уровень удовлетворенности.

Для сравнения групп использован критерий углового преобразования Фишера, взят процент испытуемых с высоким уровнем показателя по соответствующей шкале (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение групп с разным уровнем удовлетворенности онлайн-обучением по параметрам коммуникативной компетентности и академической мотивации

Название показателей	*Группа 1 n_1=29*	*Группа 2 n_2=28*	*Критерий Фишера*	*Уровень значимости*
Коммуникативная компетентность				
Согласованность действий для достижения общего результата	27,58%	25,0%	–	–
Общение как эмоционально-когнитивный обмен	31,03%	28,57%	–	–
Коммуникация как деятельность	44,83%	21,42%	1,9792	p < 0,05
Владение лингвистическими нормами	34,48%	32,14%	–	–
Коммуникативная адаптивность личности	27,58%	10,71%	1,6588	p < 0,05
Академическая мотивация				
Познавательная мотивация	34,48%	14,28%	1,7907	p < 0,05
Мотивация достижения	27,58%	28,57%	–	–
Мотивация саморазвития	37,93%	17,86%	1,7153	p < 0,05
Мотивация самоуважения	31,03%	35,71%	–	–
Интроецированная мотивация	17,24%	21,42%	–	–
Экстернальная мотивация	10,71%	32,14%	2,0433	p < 0,05

Примечание: в таблицу внесены только статистически значимые различия

Данные таблицы показали статистически значимые различия между двумя исследуемыми подвыборками (группа 1 — высокий уровень удовлетворенности обучением с применением дистанционных образовательных технологий; группа 2 — низкий уровень).

По коммуникативной компетентности обнаружены более высокие показатели у группы 1 по шкале «Коммуникация как деятельность» ($\varphi_{эмп.}$=1,9792; p<0,05), и по шкале «Коммуникативная адаптивность личности» ($\varphi_{эмп.}$=1,6588; p<0,05), что позволяет утверждать, что активность, реализуемая во взаимодействии, инициативность в установлении контактов, в запуске онлайн-дискуссии, в поиске необходимой информации связана с удовлетворенностью общением и обучением в цифровой образовательной среде. Такие студенты, несмотря на объективно существующие технические помехи, скорее находят возможности, чтобы их максимально нивелировать, а не пытаться использовать как оправдание недостаточной академической успешности.

Студенты группы 1 выражают согласие с утверждениями «Я стараюсь точно и ясно выражать свои мысли, подтверждать свое мнение аргументами», «Я умею точно сформулировать вопрос, донести до собеседника свои возражения», «Я всегда знаю, какова цель моего общения, ориентируюсь на нее в речевом взаимодействии и стараюсь ее достигать». Представленные маркеры, несомненно, являются чрезвычайно значимыми для построения эффективного учебного взаимодействия в онлайн-формате.

Также отметим, что по шкале «Общение как когнитивно-эмоциональный обмен» не выявлено значимых различий между группами (31,03% и 28,57% соответственно), в данном случае речь идет о владении невербальными приемами общения, что, как уже указывалось, имеет ограниченную сферу их использования. Шкала «Владение

лингвистическими нормами» также не обнаружила статистически подтвержденных различий (34,48% и 32,14% соответственно), вероятно, грамотная речь, богатая лексика и т.д. в онлайн-коммуникации не являются наиболее значимым фактором адаптации студентов в цифровой образовательной среде.

С точки зрения целей нашего исследования интересен полученный результат по шкале «Согласованность действий для достижения общего результата» (27,58% и 25,0% соответственно), т.е. всего около четверти студентов из каждой подвыборки подтверждают, что могут работать в команде, договариваться, координировать действия других. Изучение процесса формирования студенческой группы, в той ситуации, когда она начинает существовать в дистанционном онлайн-формате с первого дня и до получения выпускниками диплома о высшем образовании, является перспективой дальнейшего исследования.

Рассмотрим обнаруженные статистические различия по шкалам академической мотивации. Выявлен более высокий уровень у группы 1 «Познавательной мотивации» ($\varphi_{эмп.}$=1,7907; p<0,05), а также «Мотивации саморазвития» ($\varphi_{эмп.}$=1,7153; p<0,05), причем обе шкалы относятся к внутренним мотивам. Можно утверждать, что нацеленность на получение знаний, освоение навыков, стремление к самореализации являются важным фактором, обеспечивающим включенность в учебные занятия в онлайн-формате, работу с полной отдачей, и иное отношение к техническим сложностям как к незначительной, временной и вполне преодолимой помехе. Этот же вывод подтверждает и более низкий уровень внешней «Экстернальной мотивации» в группе 1 ($\varphi_{эмп.}$=2,0433; p<0,05). Эти студенты вполне осознают, что мир изменился, цифровое пространство стало, действительно, второй реальностью, поэтому его активное освоение, обучение навыкам использования это насущная актуальная задача, и чем лучше каждый будет с ней справляться, тем спокойнее будет и процесс общей академической адаптации.

Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, С.Н. Илюхина отмечают, что реализация «различных возможностей как онлайн, так и офлайн оказывается характерной для тех, кто осознает значимость цифровой социальности. Для них также характерны высокие показатели субъективного благополучия и установки на ответственное поведение и саморегуляцию в социальных взаимодействиях» [12, с. 197].

Заключение. Таким образом, проведенный теоретический анализ и результаты эмпирического исследования позволяют сделать некоторые обобщения и выводы.

Цифровая образовательная среда не является просто нейтральным «каналом связи». Это активный психологический контекст, перестраивающий перцептивную и интерактивную стороны общения. Редукция сенсорных сигналов, с одной стороны, создает риск деперсонализации, потери эмоционального резонанса, а с другой — открывает возможности для более глубокой рефлексивности, более безопасного самораскрытия для обучающихся.

Цифровые технологии расширили доступность образования для больших масс, вне зависимости от географического положения. За счет этого поднимается уровень грамотности в различных группах населения. Обучением в университете, возможностью получения высшего образования интересуется не только молодежь, поэтому люди, занятые работой и семьей, получили возможность совмещать все в собственном темпе.

Психологическим ресурсами, позволяющими преодолеть деструктивные проявления обучения с применением дистанционных образовательных технологий, в частности, являются коммуникативная компетентность и академическая мотивация.

Выявлено, что коммуникативная адаптивность личности является фактором активного, инициативного поведения в цифровой среде, что в свою очередь, обеспечивает более высокий уровень удовлетворенности обучением в дистанционной реальности.

Студенты, демонстрирующие удовлетворенность и адаптивность в обучающей онлайн-среде, показывают более высокий уровень познавательной мотивации и мотивации саморазвития, этот факт подтверждает ведущую роль внутренней мотивации в достижении эффективного результата деятельности.

Психологическая грамотность в области «цифрового общения» должна стать компонентом профессиональной компетентности современного педагога, позволит гуманизировать технологизированное взаимодействие и сделать обучение в цифровой среде не просто эффективным, но и психологически благополучным.

Таким образом, при целенаправленном психолого-педагогическом проектировании образовательной среды возможна актуализация ее позитивных сторон: повышенная рефлексивность, продуманная самопрезентация.

Перспективами исследования является анализ психологических особенностей групповой динамики студенческих и преподавательских сообществ, формирующихся в цифровом образовательном пространстве, проблемы групповой сплоченности, командообразования, лидерства, эмоционального единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова Е.Е. Социальная поддержка как фактор субъективного благополучия студентов-переселенцев / Е.Е. Блинова, О.Ю. Блинов // Психолого-педагогический поиск. — 2024. — № 4(72). — С. 119–128. — https://doi.org/10.37724/RSU.2024.72.4.013
2. Воробьева О.М. Проблемы коммуникации цифрового поколения: технология развития навыка живого общения / О.М. Воробьева, В.В. Белов, Л.А. Дешина // Вестник педагогических наук. — 2026. — № 5. — С. 33–40. — DOI: https://doi.org/10.62257/2687-1661-2026-5-33-40
3. Гордеева Т.О. Опросник «Шкалы академической мотивации» / Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин // Психологический журнал. — 2014. — Т. 35, № 4. — С. 96–107.
4. Долгова В.И. Понятие коммуникативной компетентности в психолого-педагогических исследованиях / В.И. Долгова, Е.В. Мельник, Н. Карахан // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т.31. — С. 81–85.
5. Ду Синь Молчание или отсутствие ответной реакции как отдельный код невербальной интернет-коммуникации / Ду Синь // Наука и школа. — 2024. — № 6. — С. 194–205. — DOI: https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-6-194-205
6. Кузнецов Р.С. Социальный капитал студентов в цифровой образовательной среде: аудиторный и дистанционный форматы обучения / Р.С. Кузнецов, И.С. Кузнецов // Социологическая наука и социальная практика. — 2022. — Т. 10. № 3(39). — С. 45–62. – DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9196
7. Мазнева Ю.А. Барьеры в цифровой коммуникации и способы их преодоления / Ю.А. Мазнева, В.А. Иванова // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Отв. редактор Д.А. Погонышев. — Нижневартовск. — 2021. — С. 100–108. – DOI: https://doi.org/10.36906/KSP-2021/14
8. Марков Б.В. Диалог и коммуникация в практиках цифрового образования / Б.В. Марков, А.М. Сергеев // Человек. — 2022. — Т. 33. № 6. — С. 69–87. — DOI: https://doi.org/10.31857/S023620070023379-3
9. Ноздрякова Е.В. Модификация диагностической шкалы коммуникативного компетентностного профиля в рамках содержательно-функциональной модели развития коммуникативной компетентности обучающихся / Е.В. Ноздрякова // The Scientific Heritage. — 2019. — № 37–2 (37). — С. 45–52.
10. Овчинникова О.Э. Деловой этикет в условиях цифровизации / О.Э. Овчинникова // Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации экономики : Материалы докладов Международной научно-практической конференции. — Витебск, 2020. — С. 256–259.
11. Солдатова Г.У. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн: межпоколенческий анализ / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Психологический журнал. — 2019. — Т. 40. № 4. — С. 73–84. — DOI: https://doi.org/10.31857/S020595920005472-5
12. Солдатова Г.У. Специфика онлайн-общения и социальная ответственность у подростков и молодежи с разным размером социального онлайн-капитала / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, С.Н. Илюхина // Современная психологическая наука через призму категории общения. Сборник материалов международной научной конференции. Посвящается 100-летию академика РАО А.А. Бодалева. — Москва, 2023. — С. 194–197. – DOI: https://doi.org/10.55959/011986-2-2023-194-197

13. Сперанская Г.Л. Психологические проблемы дистанционного образования / Г.Л. Сперанская, Т.Н. Еремеенкова // Актуальные проблемы педагогики и психологии. Сборник статей X Международной научно-практической конференции. — Москва, 2025. — С. 233–239.
14. Тимофеев А.В. «Цифровой человек» как субъект виртуальной коммуникации / А.В. Тимофеев // Научное мнение. — 2019. — № 10. — С. 39–41. — DOI: https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2019.10.39.41
15. Чеснокова Л.В. Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности / Л.В. Чеснокова // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2021. — № 2(20). — С. 22–38. — DOI https://doi.org/10.17726/philIT.2021.2.2
16. Ando S. (2021). University teaching and learning in a time of social distancing: A sociocultural perspective. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. Vol. 31. No. 1–4. P. 435–448. DOI: https://doi.org/10.1080/10911359.2020.1814928
17. Aristovnik, A., Keržič, D., Ravšelj, D., Tomaževič, N., Umek, L. (2020). Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective. Sustainability. Vol. 12. No. 20. P. 1–34. 8438. DOI: https://doi.org/10.3390/su12208438
18. Garrison D.R., Anderson T., Archer W. (2020) Critical Inquiry in a Text-Based Environment: Computer Conferencing in Higher Education . *The Internet and Higher Education*. Vol. 2(2-3). P. 87–105. DOI: https://doi.org/10.1016/S1096-7516(00)00016-6
19. Philosophical View on Human Existence in the World of Technic and Information / A. Guryanova [et al.]. The Impact of Information on Modern Humans. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 622, Springer International Publishing AG, Springer, Cham, 2018. P. 97–104.
20. Putri R., Purwanto A., Pramono R., Asbari M., Wayanti L., Hyun C. (2020). Impact of the COVID-19 Pandemic on Online Home Learning: An Explorative Study of Primary Schools in Indonesia. *International Journal of Advanced Science and Technology*. Vol. 29. No. 5. P. 4809–4818.
21. Short J., Williams E., Christie B. The Social Psychology of Telecommunications. London: John Wiley & Sons, 1976. 195 p
22. Smoyer A., O'Brien K., Rodriguez-Keyes E. (2020). Lessons learned from COVID-19: Being known in online social work classrooms. *International Social Work*. Vol. 63. P. 651–654. DOI: https://doi.org/10.1177/0020872820940021
23. Spottswood E.L., Wohn, D.Y. Online social capital: recent trends in research. *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 36. Pp. 147–152.
24. Walther J.B. (1996) Computer-Mediated Communication: Impersonal, Interpersonal, and Hyperpersonal Interaction. *Communication Research*. Vol. 23(1). P. 3–43.

REFERENCES

1. Blinova E. E., Blinov O. Yu. (2024) Sotsialnaya podderzhka kak faktor subyektivnogo blagopoluchiya studentov-pereselentsev [Social support as a factor in the subjective well-being of displaced students]. Psikhologo-pedagogicheskiy poisk, Vol. 4(72), Pp. 119–128. DOI: https://doi.org/10.37724/RSU.2024.72.4.013 (In Russian)
2. Vorobeva O. M., Belov V. V., Deshina L. A. (2026) Problemi kommunikatsii tsifrovogo pokoleniya: tekhnologiya razvitiya navika zhivogo obshcheniya [Communication Challenges for the Digital Generation: Technology for Developing Live Communication Skills]. Vestnik pedagogicheskikh nauk, No. 5, Pp. 33–40. DOI: https://doi.org/10.62257/2687-1661-2026-5-33-40 (In Russian)
3. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. (2014) Oprosnik «Shkaly akademicheskoj motivacii» [Academic Motivation Scale Questionnaire]. Psihologicheskij zhurnal, Vol. 35, Iss. 4, Pp. 96–107. (In Russian)
4. Dolgova V.I., Melnik E. V., Karahan N. (2015) Ponyatie kommunikativnoj kompetentnosti v psihologo-pedagogicheskih issledovaniyah [The concept of communicative competence in psychological and pedagogical research]. Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept», Vol. 31, Pp. 81–85. (In Russian)
5. Du Sin (2024) Molchanie ili otsutstvie otvetnoj reakcii kak otdelnyj kod neverbalnoj internet-kommunikacii [Silence or lack of response as a separate code of non-verbal Internet communication]. Nauka i shkola, Vol. 6, Pp. 194–205. DOI: https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-6-194-205 (In Russian)
6. Kuznecov R. S., Kuznecov I. S. (2022) Socialnyj kapital studentov v cifrovoj obrazovatelnoj srede: auditornyj i distancionnyj formaty obucheniya [Students' Social Capital in the Digital Educational Environment: Classroom and Distance Learning]. Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika, Vol. 10, Iss. 3(39), Pp. 45–52. DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9196 (In Russian)
7. Mazneva Yu. A., Ivanova V. A. (2021) Barery v cifrovoj kommunikacii i sposoby ih preodoleniya [Barriers to digital communication and ways to overcome them] Kultura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Otv. redaktor D.A. Pogonyshev. Nizhnevartovsk, Pp. 100–108. https://doi.org/10.36906/KSP-2021/14 (In Russian)

8. Markov B., Sergeev A.M. (2022) Dialog i kommunikaciya v praktikah cifrovogo obrazovaniya [Dialogue and communication in digital education practices]. Chelovek, Vol. 33, Iss. 6, Pp. 69–87. DOI: https://doi.org/10.31857/S023620070023379-3 (In Russian)
9. Nozdryakova E.V. (2019) Modifikaciya diagnosticheskoj shkaly kommunikativnogo kompetentnostnogo profilya v ramkah soderzhatelno-funkcionalnoj modeli razvitiya kommunikativnoj kompetentnosti obuchayushchihsya [Modification of the diagnostic scale of the communicative competence profile within the framework of the content-functional model of development of communicative competence of students]. The Scientific Heritage, Vol. 37-2(37), Pp. 45–52. (In Russian)
10. Ovchinnikova O.Eh. (2020) Delovoj ehtiket v usloviyah cifrovizacii [Business Etiquette in the Age of Digitalization]. Socialno-ehkonomicheskoe razvitie organizacij i regionov v usloviyah cifrovizacii ehkonomiki : Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Vitebsk, Pp. 256–259. (In Russian)
11. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. (2019) Soblyudenie pravil obshcheniya onlajn i oflajn: mezhpokolencheskij analiz [Online and Offline Communication Compliance: An Intergenerational Analysis]. Psihologicheskij zhurnal. Vol. 40, Iss. 4, Pp. 73–84. DOI: https://doi.org/10.31857/S020595920005472-5 (In Russian)
12. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyuhina S.N. (2023) Specifika onlajn-obshcheniya i socialnaya otvetstvennost u podrostkov i molodezhi s raznym razmerom socialnogo onlajn-kapitala [Specifics of online communication and social responsibility among adolescents and young adults with different levels of online social capital]. Sovremennaya psihologicheskaya nauka cherez prizmu kategorii obshcheniya. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Posvyashchaetsya 100-letiyu akademika RAO A.A. Bodaleva. Moskow, Pp. 194–207. DOI: https://doi.org/10.55959/011986-2-2023-194-197 (In Russian)
13. Speranskaya G.L., Eremeenkova T.N. (2025) Psihologicheskie problemy distancionnogo obrazovaniya [Psychological problems of distance education]. Aktualnye problemy pedagogiki i psihologii. Sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskow, Pp. 233–239.
14. Timofeev A.V. (2019) «Cifrovoj chelovek» kak sub"ekt virtualnoj kommunikacii ["Digital Human" as a Subject of Virtual Communication]. Nauchnoe mnenie, Vol. 10, Pp. 39–41. DOI: https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2019.10.39.41
15. Chesnokova L.V. (2021) Razmyvanie granicy mezhdu publichnostyu i privatnostyu v socialnyh setyah i paradoks privatnosti [Blurring the Line Between Publicity and Privacy on Social Media and the Privacy Paradox]. Filosofskie problemy informacionnyh tehnologij i kiberprostranstva, Vol. 2(20), Pp. 22–28.
16. Ando S. (2021). University teaching and learning in a time of social distancing: A sociocultural perspective. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. Vol. 31. No. 1–4. P. 435–448. DOI: https://doi.org/10.1080/10911359.2020.1814928
17. Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomaževič N., Umek L. (2020). Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective. Sustainability. Vol. 12. No. 20. P. 1–34. 8438. DOI: https://doi.org/10.3390/su12208438
18. Garrison D.R., Anderson T., Archer W. (2020) Critical Inquiry in a Text-Based Environment: Computer Conferencing in Higher Education . *The Internet and Higher Education*. Vol. 2(2-3). P. 87–105. DOI: https://doi.org/10.1016/S1096-7516(00)00016-6
19. Philosophical View on Human Existence in the World of Technic and Information / A. Guryanova [et al.]. The Impact of Information on Modern Humans. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 622, Springer International Publishing AG, Springer, Cham, 2018. P. 97–104.
20. Putri R., Purwanto A., Pramono R., Asbari M., Wayanti L., Hyun C. (2020). Impact of the COVID-19 Pandemic on Online Home Learning: An Explorative Study of Primary Schools in Indonesia. *International Journal of Advanced Science and Technology*. Vol. 29. No. 5. P. 4809–4818.
21. Short J., Williams E., Christie B. The Social Psychology of Telecommunications. London: John Wiley & Sons, 1976. 195 p.
22. Smoyer A., O'Brien K., Rodriguez-Keyes E. (2020). Lessons learned from COVID-19: Being known in online social work classrooms. *International Social Work*. Vol. 63. P. 651–654. DOI: https://doi.org/10.1177/0020872820940021
23. Spottswood E.L., Wohn D.Y. Online social capital: recent trends in research. *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 36. Pp. 147–152.
24. Walther J.B. (1996) Computer-Mediated Communication: Impersonal, Interpersonal, and Hyperpersonal Interaction. *Communication Research*. Vol. 23(1). P. 3–43.

Поступила в редакцию 22.07.2026 г.

ROLE OF COMMUNICATIVE COMPETENCE AND ACADEMIC MOTIVATION IN EFFECTIVE ADAPTATION OF STUDENTS IN DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

E.E. Blinova, N.V. Zadorozhnyuk, O.Yu. Blinov

The article considers the transformation of interpersonal communication in the digital educational environment. Key socio-psychological phenomena arising during online learning are analyzed, among them are: reduction of non-verbal information, changes in social perception, phenomena of anonymity, "digital footprint", communication barriers. The new digital reality of education in higher educational establishments raises the issue of student satisfaction with the learning format and the result obtained, as well as the problem of finding psychological resources that allow to effectively adapt to the digital educational environment. The objective is to identify the role of communicative competence and academic motivation in the effective adaptation of students in the digital educational environment. The following researxh methods have been applied: "Communicative Competence Scale" (E.V. Nozdryakova), "Academic Motivation Scale" (T.O. Gordeeva, O.A. Sychev, E.N. Osin); written survey. The empirical study was conducted at a university in a new region of the Russian Federation that implements education using distance learning technologies. In the course of the study it has been found out that an individual's communicative adaptability is a factor in active, proactive behaviour in the digital environment, leading to satisfaction with distance learning. Students with high levels of cognitive and self-improvement motivation report higher levels of satisfaction and adaptability in the online learning environment.

Key words: digital educational environment, adaptation, psychological resources, communicative competence, academic motivation, students, social perception, group interaction, communication barriers.

Блинова Елена Евгеньевна.
Доктор психологических наук, профессор.
Херсонский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Херсон.
Заведующий кафедрой прикладной психологии и развития личности.
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Российская Федерация, г. Владимир.
Профессор кафедры общей и педагогической психологии.
ORCID 0000-0003-3011-6082.
E-mail: elena.blynova@yandex.ru

Blinova Elena Evgenivna.
Doctor of Psychology, Professor.
Kherson State Pedagogical University,
Russian Federation, Kherson.
Head of Department of Applied Psychology and Personality Development.
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Russian Federation, Vladimir.

Professor at Department of General and Educational Psychology
ORCID 0000-0003-3011-6082.
E-mail: elena.blynova@yandex.ru

Задорожнюк Надежда Владимировна.
Херсонский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Херсон.
Аспирант, преподаватель кафедры прикладной психологии и развития личности.
ORCID 0009-0001-1007-2046
E-mail: nadezhda.zadorozhnyuk@yandex.ru

Zadorozhnyuk Nadezhda Vladimirovna.
Kherson State Pedagogical University, Russian Federation, Kherson.
Postgraduate student, lecturer at Department of Applied Psychology and Personality Development.
ORCID 0009-0001-1007-2046
E-mail: nadezhda.zadorozhnyuk@yandex.ru

Блинов Олег Юрьевич.
Херсонский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Херсон.
Преподаватель кафедры общей и социальной психологии.
ORCID 0009-0008-0082-9368
E-mail: blynov.oleg@yandex.ru

Blinov Oleg Yurievich.
Kherson State Pedagogical University, Russian Federation, Kherson.
Lecturer at Department of General and Social Psychology.
ORCID 0009-0008-0082-9368
E-mail: blynov.oleg@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9.
DOI: 10.5281/zenodo.23999993

МОДЕЛЬ КОГНИТИВНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ЖЕНЩИН

© 2026 *О.Ю. Кушко*[1], *Т.Н. Разуваева*[2]
[1-2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ORCID[1] 0009-0004-7958-1115
ORCID[2] 0000-0003-0548-0675

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлены результаты разработки модели когнитивной детерминации эмоциональной зависимости у женщин. Когнитивные детерминанты в исследовании рассматриваются с позиции когнитивно-поведенческого подхода и включают в себя дисфункциональные отношения, когнитивные ошибки, базисные убеждения, иррациональные установки. Исследование проводилось в НИУ «БелГУ», выборку исследования составили 480 студентов женского пола. Исследование осуществлялось с помощью методик (Тест-опросник на межличностную зависимость (Р. Гиршфильд), шкала дисфункциональных отношений (А. Бек, А. Вейсман), опросник когнитивных ошибок (А. Фриман, Р. Девулф), шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман), методика диагностики иррациональных установок (А. Эллис). Обнаружены следующие корреляционные связи: положительная корреляция между уровнем эмоциональной зависимости и дисфункциональными отношениями, отрицательная корреляция эмоциональной зависимости с иррациональными установками, положительные корреляции с когнитивными ошибками. Была сформирована регрессионная модель, согласно которой на формирование эмоциональной зависимости оказывают влияние катострофизация, гипернормативность, дисфункциональные отношения, максимализм, степень удачи и общее отношение к благосклонности окружающего мира, убеждение относительно собственной ценности, самооценка и низкая фрустрационная толерантность.

Ключевые слова: эмоциональная зависимость, межличностная зависимость, аддикции, когнитивные детерминанты, дисфункциональные отношения, когнитивные ошибки, базисные убеждения, иррациональные установки.

Для цитирования: Кушко О.Ю. Модель когнитивной детерминации эмоциональной зависимости у женщин / О.Ю. Кушко, Т.Н. Разуваева / Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 317–325. — https://doi.org/10.5281/zenodo.23999993.

Введение. Актуальность исследования проблемы эмоциональной зависимости в связи с когнитивными детерминантами обусловлена дефицитом исследований переменных, обусловливающих феномен эмоциональной зависимости. В научной литературе представлены результаты исследований личностных, социальных особенностей лиц с эмоциональной зависимостью, но когнитивные процессы, сопровождающие эмоциональную зависимость, остаются на периферии научного интереса.

Актуальность выделения модели когнитивной детерминации эмоциональной зависимости у женщин определяется отсутствием системного изучения когнитивных механизмов, влияющих на эмоциональную зависимость. Существующие исследования фокусируются на общих психопатологических механизмах (например, зависимость от веществ или отношений), игнорируя специфику когнитивных процессов, уникальных для женщин. По нашему предположению, когнитивные детерминанты наряду с

личностными и социальными факторами, могут обусловливать формирование эмоциональной зависимости у женщин. Регрессионный анализ проведен с целью выявления ключевых когнитивных предикторов, что важно для создания адаптированных программ психологической помощи, в частности коррекции и профилактики. В целом, разработка модели актуальна ввиду отсутствия комплексных исследований, которые могли бы объединить половые и когнитивные аспекты эмоциональной зависимости в условиях современных вызовов.

Материалы и методы исследования. Диагностический инструментарий направлен на когнитивные процессы, лежащие в основе эмоциональной зависимости, и ее поведенческие аспекты. В исследовании использовался следующий инструментарий:

- тест-опросник на межличностную зависимость (Р. Гиршфильд в адаптации О.П. Макушиной),
- шкала дисфункциональных отношений (А. Бек, А. Вейсман в адаптации М.Л. Захаровой),
- опросник когнитивных ошибок (А. Фриман, Р. Девулф в адаптации А.Е. Боброва, Е.В. Файзрахманова),
- шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман в адаптации О.А. Кравцовой, М.А. Падуна и А.В. Котельниковой),
- методика диагностики иррациональных установок (А. Эллис).

В исследовании приняли участие 480 студентов женского пола Педагогического института НИУ «БелГУ». Для обработки результатов исследования использовались программы SPSS Statistics 21.0 и MS Excel. Для поиска связей в исследуемых переменных применялся критерий корреляции Спирмена, для построения модели — множественный регрессионный анализ.

Основная часть. Теоретико-методологическая основа исследования базируется на когнитивно-поведенческой парадигме и теории эмоциональной (межличностной) зависимости. Теория межличностной зависимости Р. Гиршфильда и О.П. Макушиной [3] фокусируется на психологическом слиянии личности с партнером, где индивид теряет автономию и эмоционально «растворяется» в другом человеке. Эмоциональная зависимость возникает ввиду страха потери контроля над собственной жизнью и потребности в подтверждении своей значимости через партнера, что проявляется в пассивности, уступчивости и страхе конфликтов.

Основатель когнитивно-поведенческой терапии, А. Бек [1,2,7], ввел понятие дисфункциональной триады, в которую входят искаженные представления о себе, мире и будущем. Выделенная триада может лежать в основе эмоциональных нарушений у женщин. Дисфункциональные убеждения отражают ошибки восприятия реальности, характеризующие эти представления. Дисфункциональные отношения — искаженные когнитивные паттерны, которые формируют нездоровые модели взаимодействия между людьми.

В работах А. Вейсмана [8] подчеркнута роль систематических когнитивных искажений в формировании искаженных, не соответствующих реальности, представлений. А. Фриман и Р. Девулф [4] рассматривают когнитивные ошибки — систематические искажения мышления, влияющие на суждения и поведение, которые также могут поддерживать эмоциональные дисфункции. Р. Янов-Бульман [9] исследует базисные убеждения — глубинные укоренившиеся представления о себе, мире и будущем, сформированные предшествующими психотравмирующими событиями. Иррациональные установки, согласно учению, А. Эллиса [6], это искаженные, нелогичные убеждения, которые приводят к негативным эмоциям и дезадаптивному поведению. Согласно АВС-модели, эмоциональные реакции вызываются не событиями, а иррациональными

установками. Так, когнитивные искажения, базисные убеждения и иррациональные установки могут формировать когнитивную основу эмоциональной зависимости у женщин, а межличностные дисфункции — поведенческую реализацию этой зависимости.

Целью нашего исследования стала разработка модели когнитивной детерминации эмоциональной зависимости у женщин. Мы предполагаем, что когнитивные детерминанты (когнитивные ошибки, базисные убеждения, иррациональные установки, дисфункциональные отношения) могут обусловливать формирование эмоциональной зависимости у женщин.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно данным диагностики эмоциональной зависимости было получено следующее распределение: средний уровень межличностной (эмоциональной) зависимости —73%, высокий уровень — 15%, низкий уровень — 12%, согласно которому выделены группы женщин:

Рис.1 Распределение уровня межличностной (эмоциональной) зависимости у женщин (%)

Качественное описание уровней и компонентов эмоциональной зависимости, выделенных в трудах Р. Гиршфильда и О.П. Макушиной [3], позволяет сделать вывод о том, что эмоциональная зависимость женщин формируется как повышение потребности в эмоциональной опоре на других, неуверенности в себе и снижение автономии. Дальнейший анализ будет проведен по выделенным группам.

У женщин с низким уровнем эмоциональной зависимости преобладает низкая степень дисфункциональных отношений (46%), что указывает на наличие адаптивных и рациональных когнитивных паттернов, способствующих психологической устойчивости и построению сбалансированных отношений с партнером. В свою очередь, у женщин со средним уровнем эмоциональной зависимости, доминирующей является средняя степень дисфункциональных отношений (70%), что свидетельствует о том, как даже умеренная зависимость может нарушать естественные границы в отношениях, провоцируя конфликты, манипулятивное поведение. Для женщин с высоким уровнем эмоциональной зависимости характерна средняя степень дисфункциональных отношений (50%), что подтверждает гипотезу о том, что подавляющее большинство представительниц этой группы вовлечены в отношения, сопровождающиеся выраженной дисфункцией, где когнитивные искажения и эмоциональная нестабильность становятся нормой. Анализ распределения степеней дисфункциональных отношений в зависимости от уровня эмоциональной зависимости демонстрирует постепенное усиление когнитивных и поведенческих дисбалансов по мере роста выраженности зависимого паттерна.

Перейдем к анализу отдельных когнитивных детерминант. Наглядно показатели отображены на графике ниже.

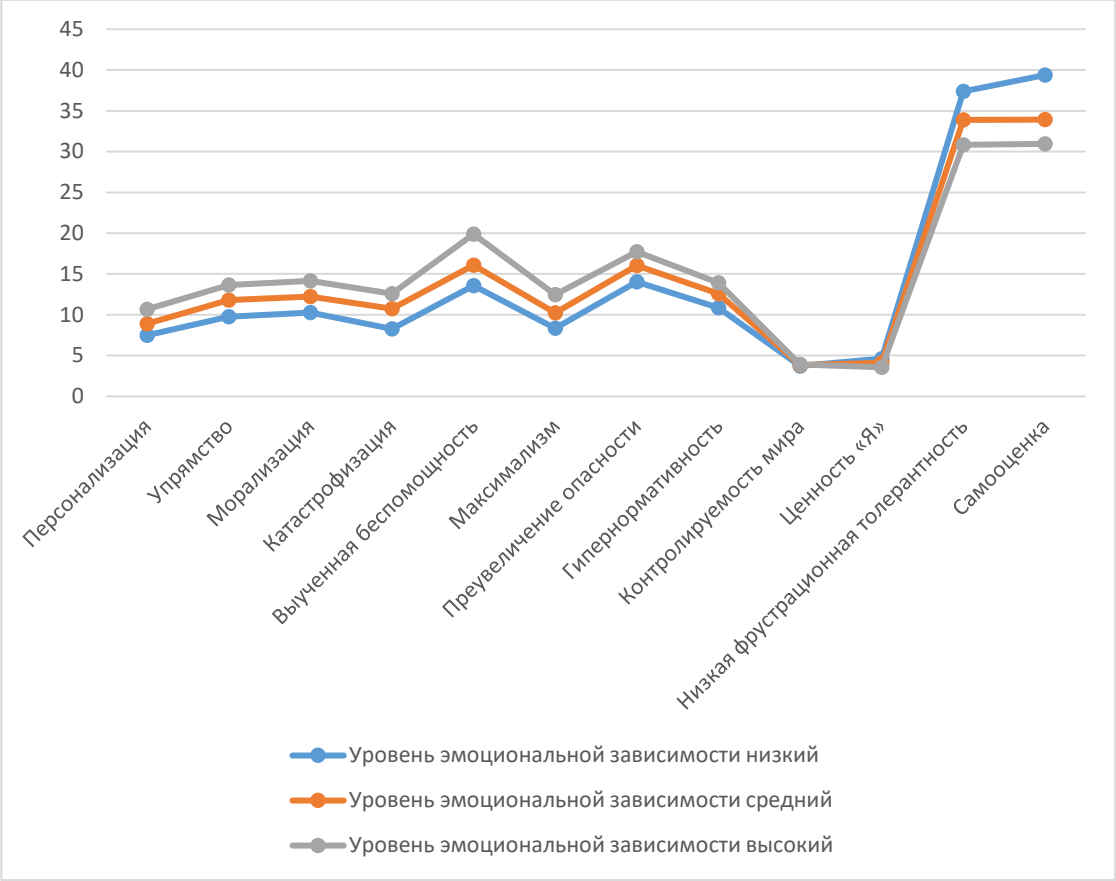


Рис.2 Когнитивные детерминанты у женщин с разным уровнем межличностной (эмоциональной) зависимости (ср.б)

По результатам диагностики когнитивных ошибок выделена закономерность, согласно которой при повышении выраженности отдельных когнитивных ошибок повышается и уровень зависимости. Так, для лиц с низким уровнем когнитивные ошибки выражены незначительно и не нарушают построению взаимоотношений, у женщин же с высоким уровнем доминирует выученная беспомощность (ср.б=19,9), преувеличение опасности (ср.б=17,7) и морализация (ср.б=14,1), упрямство (ср.б=13,6), катастрофизация (ср.б=12,6), максимализм (ср.б=12,5), что влечет за собой ошибки в интерпретации информации и нарушение отношений.

Анализ средних по показателю базисных убеждений позволяет судить о том, что только два из них значительно отличны у эмоционально-зависимых и независимых женщин: контролируемость мира (ср.б=3,9) выше у эмоционально-зависимых, а ценность «Я» (ср.б=3,6) выше у независимых, что можно обосновать через стремление женщин с эмоциональной зависимостью поддержать свою ценность через поддержку и контроль извне, со стороны социума и партнера.

Иррациональные установки у женщин с разным уровнем эмоциональной зависимости также можно описать через закономерность — чем выше иррациональная установка, тем ниже уровень зависимости. То есть, у эмоционально-зависимых ниже фрустрационная толерантность и самооценка, что проявляется в форме неспособности эффективно сопротивляться стрессорам, что усугубляет сниженная самооценка.

На следующем этапе проведена статистическая обработка полученных данных. Результаты корреляционного анализа представлены ниже.

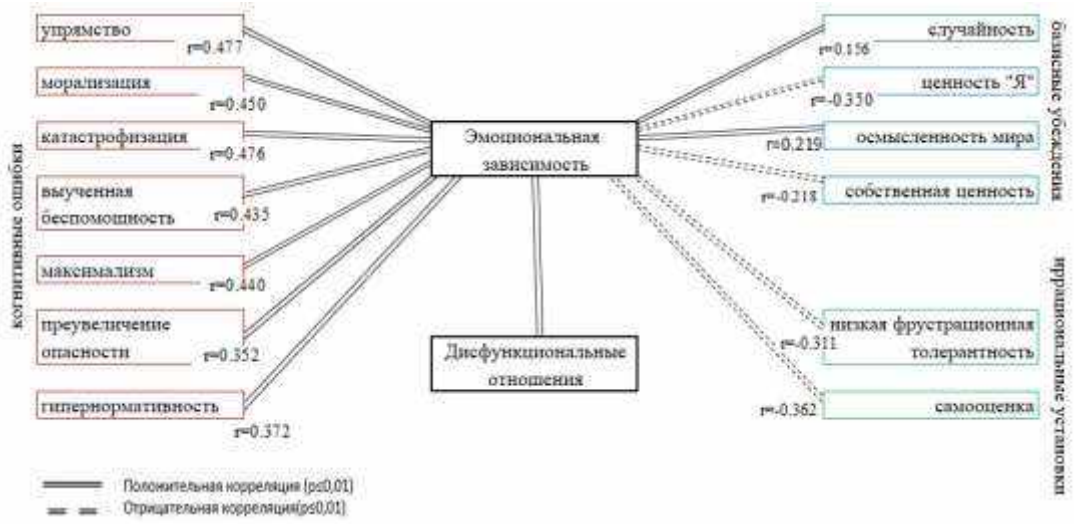


Рис. 3. Корреляционная плеяда полученных данных

Положительная корреляция между уровнем эмоциональной зависимости и дисфункциональными отношениями (p≤0,01) демонстрирует, что с ростом выраженности зависимости у женщин усиливается искажение восприятия отношений, что ведет к подавлению собственных потребностей и усилению дисбаланса в отношениях. Отрицательная корреляция эмоциональной зависимости с иррациональными установками (p≤0,01) указывает на парадоксальную закономерность: чем выше зависимость, тем ниже выраженность категоричных требований и катастрофических прогнозов. Однако это связано не с отсутствием искажений, а с снижением фрустрационной толерантности и самооценки (p≤0,01). Женщины с зависимостью демонстрируют низкую способность переносить стрессовые ситуации, при этом снижение самооценки субъективно «смягчает» иррациональные установки, так как зависимая женщина перестает верить в возможность изменения отношений. Положительные корреляции с когнитивными ошибками (p≤0,01) подчеркивают, что зависимость сопровождается систематическими искажениями мышления.

Полученные данные частично подтверждают сформированную гипотезу и позволяют перейти к следующему элементу анализа данных. Полученная регрессионная модель представлена в виде схемы на рисунке 4.

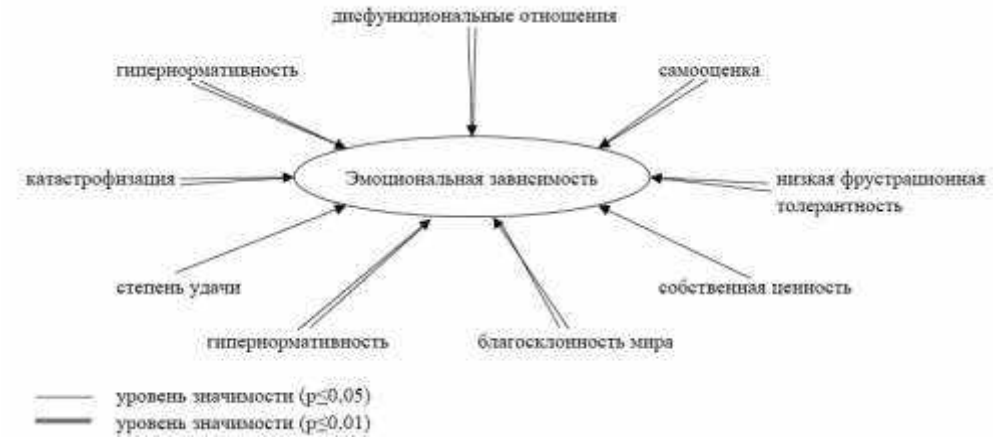


Рис. 4. Модель когнитивной детерминации эмоциональной зависимости у женщин

Регрессионная модель формирования эмоциональной зависимости у женщин, разработанная на основе многомерного статистического анализа, демонстрирует, что уровень выраженности данного феномена детерминируется совокупностью когнитивных факторов, рассматриваемых в рамках когнитивно-поведенческого подхода. Согласно результатам регрессионного анализа ($p \leq 0,01$), ключевыми предикторами выступают: катастрофизация, отражающая склонность к преувеличению негативных последствий в отношениях; гипернормативность, связанная с жестким следованием социальным нормам как стратегией компенсации неопределенности; дисфункциональные отношения, характеризующие искаженные схемы взаимодействия; максимализм, проявляющийся в крайних оценках партнера и ситуаций.

Кроме того, модель включает базисные убеждения: степень удачи, отражающая восприятие мира как хаотичного и непредсказуемого, и общее отношение к благосклонности окружающего мира, где негативные установки усиливают зависимость. Существенное влияние оказывают также убеждение относительно собственной ценности и самооценка, подтверждающие, что снижение субъективной значимости «Я» формирует почву для патологической привязанности. Не менее значимым фактором является низкая фрустрационная толерантность, опосредующая неспособность к адекватной эмоциональной регуляции в стрессовых ситуациях.

Модель позволяет рассматривать эмоциональную зависимость как комплексное состояние, связанное с восприятием себя как личности, партнера и мира в целом. Фокус внимания эмоционально-зависимых женщин смещен в сторону партнера и любое событие, воспринимаемое как угроза в отношениях является угрожающей собственному «Я». В этой логике партнер становится субъектом, через который женщина воспринимает собственную безопасность и устойчивость.

Обосновывая взаимодействие всех выделенных выше когнитивных детерминант, можно сформировать систему, описывающую модель эмоциональной зависимости. Формирование эмоциональной зависимости возникает ввиду фонового напряжения, чувства небезопасности, возникающего из-за двух базисных убеждений: представление о мире как о непредсказуемом пространстве, где все определяется удачей и снижение собственной ценности с необходимостью доказательства собственной значимости. В этой системе внешним субъектом подтверждения безопасности и значимости становится партнер в отношениях, на которого возлагается функция регуляции внутреннего состояния женщин. Триггером актуализации зависимого цикла выступает стимул, интерпретируемый посредством катастрофизации как угроза безопасности, то есть катастрофизация выполняет функцию трансформации неопределенности в абсолютную угрозу. На следующем этапе полученный когнитивный образ вступает во взаимодействие со вторым ключевым предиктором — низкой фрустрационной толерантностью, что продуцирует состояние императивного аффекта: женщина не просто прогнозирует катастрофу, но и не имеет возможности удерживать это в сознании без немедленного моторного ответа, что в совокупности с максимализмом как установкой, структурирующей восприятие альтернатив по принципу «все или ничего» и ввиду сниженной способности выдерживать эмоциональный дискомфорт приводит к немедленной аффективной реакции. Единичный зависимый акт встраивается в устойчивый цикл, воспроизводящийся от эпизода к эпизоду. Дисфункциональные паттерны обеспечивают этот цикл, приводя к формированию и закреплению определенных реакций и стиля поведения во взаимоотношениях. После совершения зависимого акта наступает кратковременная фаза негативного подкрепления (редукция тревоги). Однако следом активируется гипернормативность, ввиду чего женщина дает

оценку своему поведению как нарушающему, что запускает эмоцию стыда. Стыд в условиях исходно низкой самоценности приводит к дальнейшему снижению субъективной значимости «Я». В свою очередь, дефицит самоценности повышает зависимость от внешних источников подтверждения (партнера). Убеждение о неблагосклонности окружающего мира выполняет функцию блокировки альтернативного поведения. Мир за пределами отношений воспринимается враждебным.

То есть, у каждого звена выявленных когнитивных детерминант обнаруживается своя функция, определяющая продолжение и закрепление цикла эмоциональной зависимости. Именно поэтому эмоционально зависимые отношения выступают как единственная доступная стратегия жизни, обеспечивая устойчивость всей патологической системы и порождая новый цикл зависимого поведения. Следовательно, эффективная работа возможна лишь при условии последовательной деконструкции всех элементов системы и замены их на адаптивные — такие, которые позволяют удовлетворять базовые потребности в безопасности, принятии и близости без активации паттернов зависимости. Иначе, эмоционально зависимые отношения действительно остаются единственной доступной стратегией жизни, а их устойчивость поддерживается не силой воли или осознанным выбором, а глубинной когнитивной архитектурой, воспроизводящей себя в каждом новом цикле зависимого поведения.

Полученная модель отражает утверждение о том, что когнитивные особенности, рассматриваемые в концепции когнитивно-поведенческий психологии, детерминируют эмоциональную зависимость, а, следовательно, правомерно выдвинуть предположение о том, что путем коррекции выделенных детерминант возможно положительным образом повлиять на эмоциональную зависимость у женщин и улучшить качество их жизни. Интервенция должна выстраиваться на основе выделенной модели и с учетом каждой отдельной детерминанты. Данные анализа позволяют предположить, что изменение одной или нескольких из выявленных детерминант позитивно повлияют на женщин, позволив снизить уровень эмоциональной зависимости.

Заключение. Когнитивные детерминанты (когнитивные ошибки, базисные убеждения, иррациональные установки, дисфункциональные отношения) могут обусловливать формирование эмоциональной зависимости у женщин. Ключевыми детерминантами выступают: катастрофизация, гипернормативность, дисфункциональные отношения, степень удачи, общее отношение к благосклонности окружающего мира, убеждение относительно собственной ценности и самооценка, низкая фрустрационная толерантность, опосредующая неспособность к адекватной эмоциональной регуляции в стрессовых ситуациях.

Разработанная модель раскрывает эмоциональную зависимость как многофакторный процесс, где когнитивные ошибки, базисные убеждения и иррациональные убеждения взаимодействуют, формируя устойчивый паттерн, обусловленный внутренними когнитивными установками. Это позволяет рассматривать эмоциональную зависимость как систему связанных когнитивных детерминант, требующих комплексной коррекции и позволяет перейти в дальнейших исследованиях к разработке программы психологической коррекции. Интеграция данных позволяет рассматривать эмоциональную зависимость как комплексный феномен, где когнитивные искажения, базисные убеждения и иррациональные установки формируют ее когнитивную основу, а межличностные дисфункции — поведенческую реализацию.

Регрессионная модель позволяет выделить конкретные мишени психологической коррекции эмоциональной зависимости у женщин. То есть, математическая модель

позволяет объяснить когнитивную детерминацию эмоциональной зависимости и является опорой для построения адресной программы психологической коррекции. Регрессионная модель является не только объяснительной схемой, а может быть представлена как практический алгоритм: от диагностики — к иерархии мишеней воздействия — к психокоррекционной программе, в которой каждое воздействие соотнесено с конкретным когнитивным, эмоциональным или поведенческим звеном эмоциональной зависимости в межличностных отношениях у женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек А. Когнитивная психотерапия расстройств личности / А. Бек, А. Фримен. — М.: Питер, 2019. — 258 с.
2. Бек А.Т. Одной любви недостаточно: как пары могут преодолевать недопонимание, урегулировать конфликты и решать проблемы в отношениях с помощью когнитивной терапии / А.Т. Бек. — М.: Диалектика, 2021. — 464 с.
3. Макушина О.П. Опросник межличностной зависимости (Interpersonal Dependency Inventory). Р. Гиршфильд. Адаптация О.П. Макушиной / О.П. Макушина // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. — М.: Когито-Центр, 2011. — С. 530.
4. Макушина О.П. Причины психологической зависимости от родителей в подростковом возрасте / О.П. Макушина // Психология семьи : сб. ст. / сост. Т.П. Гаврилова. — М.: Вопросы психологии, 2002. — С. 152–160. — (Библиотека журнала «Вопросы психологии»).
5. Фриман А. 10 глупейших ошибок, которые совершают люди / А. Фриман, Р. Девульф. — СПб.: Питер, 2012. — 240 с.
6. Эллис А. Как сохранить эмоциональное здоровье в любых обстоятельствах / А. Эллис. — СПб.: Питер, 2022. — 352 с.
7. Эллис А. Ключ к счастью и уверенности. Как прекратить страдать по любому поводу / А. Эллис. — СПб.: Питер, 2021. — 256 с.
8. Beck J.S. Cognitive behavior therapy: basics and beyond / J.S. Beck. – 3rd ed. – New York: The Guilford Press, 2021. – 414 p.
9. Beck A.T. Development and Validation of the Dysfunctional Attitude Scale. Vortrag bei der AERAss / A.T. Beck, A.N. Weissman. – Toronto, 2020. – 25 p.
10. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: coping processes and outcomes / R. Janoff-Bulman // Coping: The psychology of what works / ed. by C.R. Snyder. – New York: Oxford University Press, 2000. – 300 p.

REFERENCES

1. Beck A. & Freeman A. (2019). Kognitivnaia psikhoterapiia rasstroistv lichnosti [Cognitive Psychotherapy of Personality Disorders]. Moscow: Piter. (In Russian)
2. Beck A.T. (2021). Odnoi liubvi nedostatochno: kak pary mogut preodolevat' nedoponimanie, uregulirovat' konflikty i reshat' problemy v otnosheniiakh s pomoshch'iu kognitivnoi terapii [One Love Is Not Enough: How Couples Can Overcome Misunderstanding, Regulate Conflicts and Solve Problems in Relationships with the Help of Cognitive Therapy]. Moscow: Dialektika. (In Russian)
3. Makushina O.P. (2011). Oprosnik mezhlichnostnoi zavisimosti (Interpersonal Dependency Inventory) R. Girshfil'da. Adaptatsiia O. P. Makushinoi [Interpersonal Dependency Inventory by R. Hirschfeld. Adaptation by O. P. Makushina]. In A. A. Bodalev (Ed.), Psikhologiia obshcheniia. Entsiklopedicheskii slovar' [Psychology of Communication: Encyclopedic Dictionary] (p. 530). Moscow: Kogito-Tsentr. (In Russian)
4. Makushina O.P. (2002). Prichiny psikhologicheskoi zavisimosti ot roditelei v podrostkovom vozraste [Causes of Psychological Dependence on Parents in Adolescence]. In T. P. Gavrilova (Comp.), Psikhologiia sem'i: sbornik statei [Psychology of the Family: Collection of Articles] (pp. 152–160). Moscow: Voprosy psikhologii. (Biblioteka zhurnala "Voprosy psikhologii"). (In Russian)
5. Freeman A. & DeWolf R. (2012). 10 glupeishikh oshibok, kotorye sovershaiut liudi [10 Dumbest Mistakes People Make]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian)
6. Ellis A. (2022). Kak sokhranit' emotsional'noe zdorov'e v liubykh obstoiatel'stvakh [How to Maintain Emotional Health in Any Circumstances]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian)
7. Ellis A. (2021). Kliuch k schast'iu i uverennosti. Kak prekratit' stradat' po liubomu povodu [The Key to Happiness and Confidence: How to Stop Suffering Over Anything]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian)

8. Beck J.S. (2021). Cognitive behavior therapy: Basics and beyond (3rd ed.). New York: The Guilford Press. (In English)
9. Beck A.T. & Weissman A.N. (2020). Development and Validation of the Dysfunctional Attitude Scale. Paper presented at the AERAss, Toronto. (In English)
10. Janoff-Bulman R. (2000). Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: Coping processes and outcomes. In C. R. Snyder (Ed.), Coping: The psychology of what works (pp. 305–323). New York: Oxford University Press. (In English)

Поступила в редакцию 15.05.2026 г.

MODEL OF COGNITIVE DETERMINATION OF WOMEN'S EMOTIONAL DEPENDENCE

O.Yu. Kushko, T.N. Razuvaeva

This article presents the results of developing a model of the cognitive determination of women's emotional dependency. In this study, cognitive determinants are examined within the framework of the cognitive-behavioral approach and include dysfunctional attitudes, cognitive errors, basic beliefs, and irrational beliefs. The research was conducted at Belgorod State University (BelSU). The study sample consisted of 480 female students. The research was carried out using the following instruments: the Interpersonal Dependency Inventory (R. Hirschfeld, adapted by O.P. Makushina); the Dysfunctional Attitudes Scale (A. Beck and A. Weissman, adapted by M.L. Zakharova); the Cognitive Errors Questionnaire (A. Freeman and R. DeWolf, adapted by A.E. Bobrov and E.V. Fayzrakhmanova); the Basic Beliefs Scale (R. Janoff-Bulman, adapted by O.A. Kravtsova, M.A. Padun, and A.V. Kotelnikova); and the Diagnostic Method for Irrational Beliefs (A. Ellis). Based on the data obtained and subsequent statistical analysis, several correlations have been identified, among which are as follows: a positive correlation between the level of emotional dependency and dysfunctional attitudes; a negative correlation between emotional dependency and irrational beliefs; and positive correlations with cognitive errors. A regression model has been constructed, indicating that the formation of emotional dependency is influenced by catastrophizing, hyper-normativity, dysfunctional attitudes, maximalism, perceived luck and general attitude toward the benevolence of the surrounding world, beliefs regarding one's own self-worth, self-esteem, and low frustration tolerance.

Key words: emotional dependency, interpersonal dependency, addictions, cognitive determinants, dysfunctional attitudes, cognitive errors, basic beliefs, irrational beliefs.

Кушко Оксана Юрьевна
Аспирант.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, г. Белгород.
ORCID 0009-0004-7958-1115.
E-mail: kushko@bsuedu.ru

Разуваева Татьяна Николаевна
Доктор психологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, г. Белгород.
Профессор кафедры общей и клинической психологии.
ORCID 0000-0003-0548-0675
E-mail: razuvaeva@bsuedu.ru

Kushko Oksana Yuryevna
Postgraduate student
Belgorod State National Research University, Russian Federation, Belgorod.

ORCID 0009-0004-7958-1115.
E-mail: kushko@bsuedu.ru

Razuvaeva Tatyana Nikolaevna
Doctor of Psychology, Professor
Belgorod State National Research University, Russian Federation, Belgorod.

Professor of Department of General and Clinical Psychology.
ORCID 0000-0003-0548-0675
E-mail: razuvaeva@bsuedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9.072
DOI: 10.5281/zenodo.24000118

МОТИВАЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ: РАЗРАБОТКА И ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ АПРОБАЦИЯ МЕТОДИК ШМОИ-ИИ И ШСВМ-ИИ

© 2026 ***Л.В. Жихарева[1], А.И. Лучинкина[2]***
[1-2]Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
ORCID[1] 0000-0002-7510-2963
ORCID[2] 0000-0003-1687-9649

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Психологические особенности взаимодействия личности с системами искусственного интеллекта могут быть связаны не только с интенсивностью использования технологии, но и с лежащим в его основе мотивом, однако валидизированный русскоязычный инструментарий для дифференцированной диагностики такой мотивации отсутствует. Представлены разработка и психометрическая апробация двух авторских методик: «Шкалы мотивации обращения к искусственному интеллекту» (ШМОИ-ИИ; 22 пункта, четыре подшкалы) и «Шкалы ситуативной вариативности мотивации» (ШСВМ-ИИ; 12 пунктов, три подшкалы). Апробация выполнена на выборках пользователей (N = 382 и N = 370), конфирматорная проверка структуры — на независимой подвыборке (n = 684). Внутренняя согласованность подшкал составила α = 0,76-0,83, ретестовая надежность – ICC = 0,81-0,85; конфирматорные модели удовлетворяют строгим критериям пригодности (CFI = 0,973 и 0,979; RMSEA = 0,041 и 0,038). Мотивы развития связаны с авторством и автономией, мотив избегания интеллектуального напряжения — с восприимчивостью к контролю, осознанность мотивационных переключений — с системной рефлексией и контролем доверия, что подтверждает конвергентную и различительную валидность методик.

Ключевые слова: искусственный интеллект, мотивация, мотив развития, мотив комфорта, ситуативная вариативность мотивации, субъектность, психодиагностика, валидизация, надежность.

Для цитирования: Жихарева Л.В. Мотивация обращения к искусственному интеллекту: разработка и психометрическая апробация методик ШМОИ-ИИ и ШСВМ-ИИ / Л.В. Жихарева, А.И. Лучинкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. № 6. — С. 326–340. — https://doi.org/10.5281/zenodo.24000118.

Введение. Взаимодействие с системами искусственного интеллекта стало устойчивым компонентом профессиональной, учебной и повседневной деятельности значительной части населения. Генеративные языковые модели, рекомендательные сервисы и диалоговые ассистенты включаются в решение задач, которые ранее относились к сфере самостоятельной интеллектуальной работы человека: поиск и структурирование информации, подготовку текстов, анализ альтернатив, выбор решения. В психологической литературе накоплены данные о неоднозначных следствиях такого включения: сотрудничество с генеративными системами повышает результативность выполнения задач, но может снижать внутреннюю мотивацию и чувство контроля при последующей самостоятельной работе [37]; использование

больших языковых моделей уменьшает субъективную когнитивную нагрузку, однако сопровождается меньшей глубиной содержательной проработки материала [35; 26]; систематический перенос познавательных операций во внешние системы изменяет организацию памяти и оценку собственных знаний [34; 25; 31].

Принципиально, что перечисленные эффекты, по имеющимся данным, не являются прямым следствием самого факта обращения к системе искусственного интеллекта. Один и тот же объективный паттерн использования может иметь различные психологические корреляты в зависимости от того, каким мотивом он движим: обращение к алгоритмическому агенту как к средству расширения собственных возможностей при сохранении субъектного контроля качественно отличается от обращения к нему как к способу минимизации собственного усилия и ухода от интеллектуального напряжения. Это положение согласуется с центральным для субъектно-деятельностной традиции тезисом о том, что внешние причины действуют через внутренние условия [21], и с представлением о личности как субъекте, инициирующем и регулирующем собственную активность [4; 1; 20].

Вместе с тем измерительный инструментарий, позволяющий дифференцированно оценивать мотивацию обращения к искусственному интеллекту, в русскоязычной психодиагностике до настоящего времени не представлен. Существующие методики фиксируют либо общее отношение к технике и доверие ей [2], либо вовлеченность в сферу искусственного интеллекта как интегральную характеристику [13], либо воспринимаемое качество взаимодействия с конкретными диалоговыми системами [5]. Качественное различение мотивов, стоящих за обращением к системе, а также ситуативная динамика этих мотивов остаются вне зоны измерения.

Теоретической базой разработки методик выступает представление о мотиве как системообразующем основании деятельности, задающем ее личностный смысл [14; 16]. Ключевое для первой методики разграничение мотива развития и мотива комфорта опирается на три взаимосвязанные линии. Первая — теория самодетерминации, в рамках которой автономная регуляция предполагает, что действие переживается как добровольное, внутренне согласованное и исходящее из собственных ценностей субъекта, тогда как контролируемая регуляция характеризуется действием под внешним или интроецированным давлением [24; 32; 33; 6]. Мотив развития соответствует автономному полюсу: система искусственного интеллекта включается в деятельность как ресурс познания и творчества при сохранении инициативы и ответственности за результат; мотив комфорта тяготеет к противоположному полюсу. Вторая линия — исследования когнитивного перераспределения и делегирования, показывающие, что психологические следствия переноса познавательных операций во внешние системы зависят от того, какой уровень переработки информации выносится вовне и сохраняется ли субъектный контроль над процессом и результатом [31; 29]. Это положение потребовало внутренней дифференциации мотива комфорта: рациональная оптимизация усилий, при которой субъект делегирует рутинные операции, сохраняя аналитическое и контрольное участие, качественно отличается от избегания интеллектуального напряжения, при котором делегируется сама мыслительная работа и ответственность за ее результат. Третья линия — представление о регуляторной природе мотивации, разрабатываемое в отечественной психологии саморегуляции [11; 19; 20]: мотивационная ориентация рассматривается не как жестко фиксированная диспозиция, а как характеристика, включенная в контур осознанной саморегуляции деятельности и способная изменяться в зависимости от типа задачи, ее субъективной значимости, ресурсного состояния и срочности. Диагностически значимой при этом оказывается не

сама изменчивость, а ее характер: осознанное переключение мотивационных режимов отражает гибкость субъектной регуляции, тогда как неотрефлексированный сдвиг в сторону мотива комфорта под влиянием усталости или внешнего давления выступает индикатором ослабления субъектного контроля; метакогнитивная трактовка осознанности переключений опирается на концепцию метакогнитивной регуляции деятельности [9; 10].

Цель настоящей работы — разработка и психометрическая апробация двух взаимодополняющих методик: «Шкалы мотивации обращения к искусственному интеллекту» (ШМОИ-ИИ), фиксирующей устойчивую мотивационную ориентацию, и «Шкалы ситуативной вариативности мотивации» (ШСВМ-ИИ), измеряющей ее ситуативную динамику и меру рефлексивного контроля над ней. Задачи исследования: описание процедуры конструирования методик; оценка внутренней согласованности и ретестовой надежности; конфирматорная проверка факторной структуры; анализ конвергентной и различительной валидности.

Материалы и методы исследования. Процедура разработки методик. Методики конструировались по дедуктивной стратегии: на основе спецификации конструктов, заданной теоретической моделью, был сформирован первоначальный пул из 48 утверждений для ШМОИ-ИИ (по 12 на каждый теоретически выделенный мотив) и 27 утверждений для ШСВМ-ИИ (по 9 на подшкалу); принадлежность пункта шкале задавалась операциональным определением соответствующего конструкта. Содержательная валидность оценивалась группой из четырех экспертов (кандидаты и доктора психологических наук со специализацией в области психодиагностики, общей психологии и психологии труда), которые оценивали релевантность каждого пункта конструкту по 4-балльной шкале; пункты с индексом содержательной валидности I-CVI < 0,78 исключались [30]; средний индекс шкал составил S-CVI/Ave = 0,91 для ШМОИ-ИИ и 0,89 для ШСВМ-ИИ; по итогам экспертизы исключены 9 и 6 пунктов соответственно. Формулировки уточнялись по результатам фокус-групп (n = 12) с протоколом рассуждения вслух; переформулированы пять пунктов. В пилотажном исследовании (n = 112) применялись критерии исключения пунктов: корреляция пункта с суммарным баллом своей шкалы r < 0,30; факторная нагрузка на целевой фактор < 0,40 или перекрестная нагрузка > 0,30; выраженная асимметрия распределения (|As| > 2). По совокупности критериев экспертизы, пилотажа и эксплораторного анализа сформированы итоговые версии: 22 пункта (ШМОИ-ИИ) и 12 пунктов (ШСВМ-ИИ); дискриминативность итоговых пунктов (корреляция пункта с суммарным баллом шкалы) составила 0,42-0,68 и 0,44-0,63 соответственно.

Выборка. Апробация проводилась в рамках более широкого исследовательского проекта, общую выборку которого составили 2355 участников в возрасте от 16 до 55 лет. Рекрутирование осуществлялось через образовательные организации и профессиональные сообщества Республики Крым, а также дистанционно через онлайн-платформы среди жителей других регионов Российской Федерации. Критерием включения выступало регулярное использование систем искусственного интеллекта, операционально определенное как обращение к таким системам не реже одного раза в неделю на протяжении не менее трех последних месяцев (скрининговый вопрос). Выборку апробации ШМОИ-ИИ составили N = 382 респондента (59,4 % женщин; возраст M = 27,4; SD = 9,1; высшее и неоконченное высшее образование — 68,3 %, среднее профессиональное — 18,1 %, среднее общее – 13,6 %; студенты — 41,4 %, специалисты гуманитарного профиля — 24,3 %, технического — 19,6 %, иные группы — 14,7 %), ретестовое обследование через три недели прошли n = 90. Выборку апробации ШСВМ-

ИИ составили N = 370 респондентов (59,2 % женщин; M = 26,9; SD = 8,7; ретест — n = 88); методика предъявлялась в составе батареи вместе с ШМОИ-ИИ, что позволило рассчитать связи между методиками на полной выборке; выборки апробации двух методик формировались в разных волнах сбора данных и не пересекались. Эксплораторный факторный анализ выполнялся на полных выборках апробации; конфирматорная проверка структуры обеих методик — на независимой валидизационной подвыборке основного этапа проекта (n = 684), сформированной случайным отбором из общей выборки и не пересекающейся с выборками разработки. Из первичного массива исключены 14 (ШМОИ-ИИ) и 11 (ШСВМ-ИИ) протоколов с долей пропусков более 5 %; итоговые объемы выборок приведены после исключения; единичные пропуски (менее 1 % значений) восполнялись методом максимизации ожидания.

Этические аспекты. Участие было добровольным и анонимным; респонденты давали информированное согласие на обработку данных. Для участников в возрасте 16–17 лет (6,8 % выборки ШМОИ-ИИ и 6,5 % выборки ШСВМ-ИИ) информированное согласие получено как от самих участников, так и от их законных представителей.

Разрабатываемые методики. «Шкала мотивации обращения к искусственному интеллекту» (ШМОИ-ИИ) включает 22 утверждения с 5-балльным форматом ответа (от 1 — «совсем не про меня» до 5 — «полностью про меня»), образующих четыре подшкалы: мотив развития познавательный (5 пунктов), мотив развития творческий (5 пунктов), мотив оптимизации усилий (6 пунктов) и мотив избегания интеллектуального напряжения (6 пунктов, из них два обратных). На основе подшкал могут рассчитываться производные показатели — индекс мотивационного баланса (разность мотивов развития и комфорта) и индекс критичного делегирования (разность мотивов оптимизации и избегания); на данном этапе они рассматриваются как экспериментальные исследовательские показатели, полная психометрическая проверка которых (надежность, распределения, связи с внешними критериями, основания интерпретации разностных величин) составляет отдельную задачу. «Шкала ситуативной вариативности мотивации» (ШСВМ-ИИ) включает 12 утверждений с тем же форматом ответа, объединенных в три подшкалы по четыре пункта: зависимость мотива от значимости задачи, зависимость мотива от ресурсного состояния и осознанность мотивационных переключений; все пункты прямого кодирования. Показатели ШСВМ-ИИ интерпретируются в сопоставлении с диспозиционными показателями ШМОИ-ИИ, что позволяет развести устойчивую мотивационную ориентацию и ее ситуативные колебания.

Внешние критерии валидности. Для проверки конвергентной и различительной валидности использовались: «Индекс автономного функционирования» в русскоязычной адаптации [36; 12] — шкалы авторства и восприимчивости к контролю; «Опросник каузальных ориентаций» в русскоязычной адаптации [7] — шкала автономной ориентации; «Тест смысложизненных ориентаций» [15] — общий показатель осмысленности; «Дифференциальный тест рефлексивности» [17] — шкала системной рефлексии. В качестве смежного критерия привлекался авторский «Опросник делегирования когнитивных задач искусственному интеллекту» (ОДКЗ-ИИ) [8] — шкалы стратегического и операционального делегирования и контроля / регуляции доверия.

Методы обработки данных. Психометрический анализ включал оценку внутренней согласованности (α Кронбаха, ω Макдональда, ординальная α), эксплораторный факторный анализ на полихорических корреляциях с oblimin-вращением, конфирматорный факторный анализ с оценивателем WLSMV (робастные значения индексов) и оценкой пригодности (χ^2/df, CFI, TLI, RMSEA, SRMR) по строгим критериям

[27], оценку ретестовой надежности (r Пирсона, внутриклассовый коэффициент корреляции ICC с 95 % доверительным интервалом [28]) и корреляционный анализ с внешними критериями (ρ Спирмена). При множественных проверках применялась коррекция уровня значимости по процедуре контроля доли ложных отклонений [23]; в таблицах отмечены коэффициенты, сохранившие значимость после коррекции. Расчеты выполнялись в среде R версии 4.3.2 (пакеты lavaan 0.6-17, psych 2.4.3). Общая методология конструирования и проверки шкал соответствовала принятым в отечественной психодиагностике требованиям [3; 18; 22].

Основная часть. Надежность. Показатели внутренней согласованности и ретестовой устойчивости подшкал обеих методик представлены в таблице 1. Значения α Кронбаха для подшкал ШМОИ-ИИ находятся в диапазоне 0,78–0,83, для подшкал ШСВМ-ИИ — 0,76–0,81 при сопоставимых значениях ω Макдональда и ординальной α, что соответствует хорошему уровню гомогенности. Составная надежность первичных факторов ШМОИ-ИИ составила 0,79–0,85, средняя извлеченная дисперсия (AVE) — 0,44–0,53; для двух подшкал AVE ниже условного порога 0,50, что типично для конструктов широкого содержания и учитывается при обсуждении ограничений. Ретестовая надежность подшкал за интервал три недели составляет ICC = 0,81–0,85. Общий балл ШМОИ-ИИ демонстрирует устойчивость r = 0,80; ICC = 0,79 [95 % ДИ: 0,73; 0,84]; для профильно интерпретируемой ШСВМ-ИИ устойчивость оценивалась на уровне подшкал. Ретестовая устойчивость экспериментальных производных индексов составила ICC = 0,77 (мотивационный баланс) и ICC = 0,74 (критичное делегирование) при распределениях, близких к нормальным (|As| < 0,5; |Ex| < 0,7).

Таблица 1

Надежность подшкал ШМОИ-ИИ и ШСВМ-ИИ

Методика	Подшкала	k	α Кронбаха	ω Макдональда	Ретест, ICC
ШМОИ-ИИ	Мотив развития (познавательный)	5	0,81	0,82	0,84
	Мотив развития (творческий)	5	0,80	0,81	0,83
	Мотив оптимизации усилий	6	0,78	0,79	0,82
	Мотив избегания интеллектуального напряжения	6	0,83	0,84	0,85
ШСВМ-ИИ	Зависимость мотива от значимости задачи	4	0,76	0,78	0,81
	Зависимость мотива от ресурсного состояния	4	0,79	0,80	0,82
	Осознанность мотивационных переключений	4	0,81	0,82	0,84

Примечание. k — число пунктов; ретестовый интервал — три недели (ШМОИ-ИИ: n = 90; ШСВМ–ИИ: n = 88).

Факторная структура. Результаты эксплораторного факторного анализа, выполненного на полихорических корреляциях с oblimin-вращением, представлены в таблице 2. Для обеих методик мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина превышает 0,80, критерий сферичности Бартлетта значим при p < 0,001, а число выделенных факторов совпадает с теоретически заданной структурой: четыре фактора для ШМОИ–ИИ (58,1 % объясненной дисперсии) и три фактора для ШСВМ–ИИ (56,0 %). Факторные нагрузки пунктов на целевые факторы составляют 0,50–0,77 при перекрестных нагрузках не выше 0,27, что свидетельствует о четкой простой структуре.

Корреляции первичных факторов ШМОИ–ИИ согласуются с теоретическим укрупнением подшкал: внутри блока развития r = 0,57, внутри блока комфорта r = 0,49, между блоками — от -0,28 до 0,08.

Таблица 2

Результаты эксплораторного факторного анализа (полихорические корреляции, oblimin-вращение)

Методика	KMO	Критерий Бартлетта, χ^2 (df)	Число факторов	Объясненная дисперсия, %	Диапазон нагрузок
ШМОИ-ИИ	0,85	1468,2 (231)***	4	58,1	0,51–0,77
ШСВМ-ИИ	0,82	551,3 (66)***	3	56,0	0,50–0,75

Примечание. *** $p < 0,001$.

Конфирматорная проверка структуры обеих методик выполнена на независимой валидизационной подвыборке (n = 684) с оценивателем WLSMV (таблица 3). Четырехфакторная модель ШМОИ-ИИ удовлетворяет строгим критериям пригодности [27]: $\chi^2 = 436,5$ при df = 203, $\chi^2/df = 2,15$ (при пороге < 3), CFI = 0,973 и TLI = 0,966 (при пороге ≥ 0,95), RMSEA = 0,041 (при пороге ≤ 0,06), SRMR = 0,038 (при пороге ≤ 0,08). Трехфакторная модель ШСВМ-ИИ также продемонстрировала высокую пригодность: $\chi^2 = 101,0$ при df = 51; $\chi^2/df = 1,98$; CFI = 0,979; TLI = 0,974; RMSEA = 0,038 [90 % ДИ: 0,030; 0,046]; SRMR = 0,035. Совпадение результатов эксплораторного и конфирматорного анализа на разных подвыборках является аргументом в пользу устойчивости факторных решений. Дополнительно для ШМОИ-ИИ проверена иерархическая модель с двумя факторами второго порядка (мотив развития и мотив комфорта): ее пригодность сопоставима с коррелированной четырехфакторной моделью ($\chi^2 = 447,2$ при df = 204; CFI = 0,971; TLI = 0,965; RMSEA = 0,042; SRMR = 0,040; ΔCFI = 0,002), нагрузки первичных факторов на факторы второго порядка составляют 0,68-0,84, корреляция факторов второго порядка r = -0,21, что эмпирически поддерживает укрупненное различение мотива развития и мотива комфорта.

Таблица 3

Индексы пригодности конфирматорных моделей (n = 684, оцениватель WLSMV)

Модель	χ^2 (df)	χ^2/df	CFI	TLI	RMSEA [90 % ДИ]	SRMR
ШМОИ-ИИ: 4 коррелированных фактора	436,5 (203)	2,15	0,973	0,966	0,041 [0,035; 0,047]	0,038
ШМОИ-ИИ: иерархическая (2 фактора II порядка)	447,2 (204)	2,19	0,971	0,965	0,042 [0,036; 0,048]	0,040
ШСВМ-ИИ: 3 коррелированных фактора	101,0 (51)	1,98	0,979	0,974	0,038 [0,030; 0,046]	0,035

Конвергентная и различительная валидность. Связи подшкал ШМОИ-ИИ с внешними и смежными критериями представлены в таблице 4. Познавательный и творческий мотивы развития положительно связаны с авторством (ρ = 0,34 и 0,29), автономной каузальной ориентацией (ρ = 0,31 и 0,26) и общим показателем осмысленности жизни (ρ = 0,28 и 0,24) и отрицательно – с восприимчивостью к контролю (ρ = -0,20 и -0,15). Мотив избегания интеллектуального напряжения демонстрирует зеркальный паттерн: отрицательную связь с авторством (ρ = -0,24), автономной ориентацией (ρ = -0,22) и осмысленностью (ρ = -0,20) и положительную – с восприимчивостью к контролю (ρ = 0,34). Мотив оптимизации усилий обнаруживает слабые, не сохраняющие значимости после коррекции связи с показателями

субъектности, что в сочетании с его отчетливой связью с операциональным делегированием (ρ = 0,33) свидетельствует о различимости мотивов оптимизации и избегания: рациональное делегирование рутинных операций само по себе не сопряжено с ослаблением субъектной позиции, в отличие от замещения собственной интеллектуальной работы. Содержательно значимо различие в характере делегирования: мотивы развития связаны преимущественно со стратегическим делегированием (ρ = 0,30 и 0,35), тогда как мотивы оптимизации и избегания — с операциональным (ρ = 0,33 и 0,27). Дополнительной проверкой различительной валидности выступил анализ отношений гетеротрейт-монотрейт (HTMT): максимальное значение HTMT между факторами разных мотивационных блоков составило 0,41, внутри блоков — 0,66, что не превышает порога 0,85. Вместе с тем представленный корреляционный паттерн следует рассматривать как предварительные свидетельства конвергентной и различительной валидности, подлежащие углублению на латентном уровне.

Таблица 4

Корреляции подшкал ШМОИ-ИИ с внешними и смежными критериями (ρ Спирмена, N = 382)

Критерий	Мотив развития (познават.)	Мотив развития (творч.)	Мотив оптимизации	Мотив избегания
ИАФ: авторство	0,34***	0,29***	0,10	-0,24***
ИАФ: восприимчивость к контролю	-0,20***	-0,15**	0,08	0,34***
ОКО: автономная ориентация	0,31***	0,26***	0,06	-0,22***
СЖО: общий показатель осмысленности	0,28***	0,24***	0,05	-0,20***
ОДКЗ-ИИ: стратегическое делегирование	0,30***	0,35***	0,18***	0,04
ОДКЗ-ИИ: операциональное делегирование	0,12*	0,10	0,33***	0,27***

Примечание. ИАФ – Индекс автономного функционирования; ОКО – Опросник каузальных ориентаций; СЖО – Тест смысложизненных ориентаций; ОДКЗ-ИИ – Опросник делегирования когнитивных задач искусственному интеллекту. * q < 0,05; ** q < 0,01; *** q < 0,001 после коррекции Бенджамини — Хохберга; коэффициенты без отметки статистически не значимы.

Связи подшкал ШСВМ-ИИ с внешними критериями (таблица 5) показывают, что ситуативная вариативность мотивации не является однородным конструктом: ее подшкалы дифференцированно связаны с показателями субъектной регуляции. Осознанность мотивационных переключений положительно связана с системной рефлексией (ρ = 0,36) и контролем / регуляцией доверия (ρ = 0,31), то есть относится к субъектно-регулируемому полюсу. Зависимость мотива от ресурсного состояния положительно связана с восприимчивостью к контролю (ρ = 0,28) и мотивом избегания интеллектуального напряжения (ρ = 0,30) и отрицательно — с системной рефлексией (ρ = -0,12), тяготея к реактивному полюсу. Зависимость мотива от значимости задачи демонстрирует слабые связи со всеми критериями, отражая нейтральный по отношению к субъектности характер задачной дифференциации мотивов. Тем самым методика дифференцирует осознанную и реактивную формы мотивационной вариативности: сама по себе изменчивость мотивации не является ни адаптивной, ни дезадаптивной — ее психологический знак определяется мерой рефлексивного контроля над переключениями, что согласуется с представлением о рефлексии как центральном

механизме субъектной регуляции [9; 20] и конкретизирует его применительно к взаимодействию с искусственным интеллектом.

Таблица 5

Корреляции подшкал ШСВМ-ИИ с внешними и смежными критериями (ρ Спирмена, N = 370)

Критерий	Зависимость от значимости задачи	Зависимость от ресурсного состояния	Осознанность переключений
ДТР: системная рефлексия	0,18***	-0,12*	0,36***
ИАФ: восприимчивость к контролю	0,10	0,28***	-0,18***
ШМОИ-ИИ: мотив избегания	0,15**	0,30***	-0,14**
ОДКЗ-ИИ: контроль / регуляция доверия	0,12*	-0,10	0,31***

Примечание. ДТР – Дифференциальный тест рефлексивности. * q < 0,05; ** q < 0,01; *** q < 0,001 после коррекции Бенджамини — Хохберга; коэффициенты без отметки статистически не значимы.

Несколько более низкая устойчивость общего балла ШМОИ-ИИ по сравнению с подшкальными показателями закономерна, поскольку общий балл объединяет содержательно разнонаправленные мотивационные ориентации и не предназначен для изолированной интерпретации: диагностическую ценность имеют профиль подшкал и — после отдельной проверки — экспериментальные производные индексы. В совокупности две методики операционализируют мотивационный компонент взаимодействия личности с искусственным интеллектом на двух уровнях — диспозиционном и ситуативно-динамическом – и позволяют эмпирически различать качественно разные режимы обращения к алгоритмическому агенту.

Заключение. Поставленные во введении задачи решены. Разработаны две взаимодополняющие методики диагностики мотивационного компонента взаимодействия личности с искусственным интеллектом: ШМОИ-ИИ (22 пункта, четыре подшкалы), операционализирующая диспозиционный уровень мотивационной ориентации, и ШСВМ-ИИ (12 пунктов, три подшкалы), фиксирующая ее ситуативно-динамический уровень. Обе методики продемонстрировали удовлетворительные и хорошие показатели надежности (α = 0,76-0,83; ICC подшкал 0,81-0,85), конфирматорно подтвержденную факторную структуру и содержательно интерпретируемый паттерн связей с внешними критериями, который предоставляет свидетельства конвергентной и различительной валидности: мотивы развития положительно связаны с авторством, автономной ориентацией и осмысленностью жизни; мотив избегания интеллектуального напряжения — с восприимчивостью к контролю; осознанность мотивационных переключений — с системной рефлексией и контролем доверия. Полученный паттерн согласуется с исходным теоретическим положением о том, что психологические особенности взаимодействия с системами искусственного интеллекта могут быть связаны не только с интенсивностью их использования, но и с лежащими в его основе мотивами и степенью сохранения субъектного контроля; проверка причинного характера этих связей требует лонгитюдных и экспериментальных программ и выходит за пределы поперечного корреляционного замысла настоящей работы.

Ограничения исследования связаны с составом выборки (регулярные пользователи систем искусственного интеллекта), опорой на самоотчетные данные, поперечным корреляционным характером программы исследования, а также с тем, что средняя извлеченная дисперсия двух подшкал ШМОИ-ИИ ниже условного порога 0,50, что указывает на целесообразность дальнейшей доработки отдельных пунктов; производные

индексы методики сохраняют статус экспериментальных показателей до отдельной проверки. Перспективы дальнейшей работы включают накопление нормативных данных, стратифицированных по возрастным и профессиональным группам, углубленную оценку различительной валидности на латентном уровне, дополнение самоотчетных показателей процедурами ситуативной диагностики и поведенческими индикаторами, а также использование методик для выделения мотивационных профилей пользователей и построения программ психологического сопровождения, направленных на развитие субъектной позиции личности во взаимодействии с алгоритмическими системами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. — М. : Мысль, 1991. — 299 с.
2. Акимова А. Ю. Опросник «Доверие специалиста технике» (Опросник ДСТ) / А. Ю. Акимова // Экспериментальная психология. — 2020. — Т. 13, № 3. — С. 90–104. — https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130316.
3. Батурин Н.А. Технология разработки тестов. Часть I / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». — 2009. — Вып. 6, № 30 (163). — С. 4–14.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский ; отв. ред. В.В. Знаков. — СПб. : Алетейя, 2003. — 272 с.
5. Воронин А.Н. Коммуникация и коллаборации в условиях цифровой трансформации: чат-боты, обучение, наука : монография / А.Н. Воронин, А.С. Рафикова [и др.]. — М. : Мир науки, 2025. — Сетевое издание.
6. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории / Т.О. Гордеева // Психологические исследования. — 2010. — № 4 (12).
7. Дергачева О.Е. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций / О.Е. Дергачева, Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2008. — № 3. — С. 91–106.
8. Жихарева Л.В. Разработка и первичная психометрическая апробация опросника делегирования когнитивных задач искусственному интеллекту / Л.В. Жихарева, А.И. Лучинкина // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2026. — № 4. — С. 14–25.
9. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. — М. : Институт психологии РАН, 2004. — 424 с.
10. Карпов А.В. Психология метакогнитивных процессов личности / А.В. Карпов, И.М. Скитяева. — М. : Институт психологии РАН, 2005. — 352 с.
11. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития / О.А. Конопкин // Вопросы психологии. — 2004. — № 2. — С. 128–135.
12. Костромина С.Н. Апробация и валидизация методики «Индекс автономного функционирования» (IAF) на российской выборке / С.Н. Костромина, Л.А. Даринская, Н.Л. Москвичева, А.Ф. Филатова // Психологическая наука и образование. — 2023. — Т. 28, № 5. — С. 168–183. — https://doi.org/10.17759/pse.2023280513.
13. Леньков С.Л. Опросник вовлеченности в сферу искусственного интеллекта / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова, Г.Р. Низамова // Ярославский педагогический вестник. — 2025. — № 1. — С. 122–135.
14. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
15. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. — 2-е изд. — М. : Смысл, 2000. — 18 с.
16. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. — 2-е изд., испр. — М. : Смысл, 2003. — 487 с.
17. Леонтьев Д.А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. – Т. 11, № 4. – С. 110–135.
18. Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников / О. В. Митина. — М. : Смысл, 2011. — 235 с.

19. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека / В.И. Моросанова. — М. : Наука, 2010. — 519 с.
20. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности / А.К. Осницкий // Вопросы психологии. — 1996. — № 1. — С. 5–19.
21. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — 328 с.
22. Шмелев А.Г. Практическая тестология: тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом / А.Г. Шмелев. — М. : Маска, 2013. — 688 с.
23. Benjamini Y., Hochberg Y. Controlling the false discovery rate: a practical and powerful approach to multiple testing // Journal of the Royal Statistical Society. Series B. — 1995. — Vol. 57, № 1. — P. 289–300.
24. Deci E. L., Ryan R. M. The «what» and «why» of goal pursuits: human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. — 2000. — Vol. 11, № 4. — P. 227–268. — https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01.
25. Fisher M., Goddu M. K., Keil F. C. Searching for explanations: How the Internet inflates estimates of internal knowledge // Journal of Experimental Psychology: General. — 2015. — Vol. 144, № 3. — P. 674–687. — https://doi.org/10.1037/xge0000070.
26. Gerlich M. AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking // Societies. — 2025. — Vol. 15, № 1. — Art. 6. — https://doi.org/10.3390/soc15010006.
27. Hu L., Bentler P. M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling. — 1999. — Vol. 6, № 1. — P. 1–55. — https://doi.org/10.1080/10705519909540118.
28. Koo T. K., Li M. Y. A guideline of selecting and reporting intraclass correlation coefficients for reliability research // Journal of Chiropractic Medicine. — 2016. — Vol. 15, № 2. — P. 155–163. — https://doi.org/10.1016/j.jcm.2016.02.012.
29. Parasuraman R., Sheridan T. B., Wickens C. D. A model for types and levels of human interaction with automation // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. Part A. — 2000. — Vol. 30, № 3. — P. 286–297. — https://doi.org/10.1109/3468.844354.
30. Polit D.F., Beck C.T. The content validity index: are you sure you know what's being reported? Critique and recommendations // Research in Nursing & Health. — 2006. — Vol. 29, № 5. — P. 489–497. — https://doi.org/10.1002/nur.20147.
31. Risko E.F., Gilbert S.J. Cognitive offloading // Trends in Cognitive Sciences. — 2016. — Vol. 20, № 9. — P. 676–688. — https://doi.org/10.1016/j.tics.2016.06.002.
32. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. — 2000. — Vol. 55, № 1. — P. 68–78. — https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68.
33. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. – New York : Guilford Press, 2017. – 756 p.
34. Sparrow B., Liu J., Wegner D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. – 2011. – Vol. 333, № 6043. – P. 776–778. – https://doi.org/10.1126/science.1207745.
35. Stadler M., Bannert M., Sailer M. Cognitive ease at a cost: LLMs reduce mental effort but compromise depth in student scientific inquiry // Computers in Human Behavior. – 2024. – Vol. 160. – Art. 108386. – https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108386.
36. Weinstein N., Przybylski A. K., Ryan R. M. The index of autonomous functioning: development of a scale of human autonomy // Journal of Research in Personality. – 2012. – Vol. 46, № 4. – P. 397–413. – https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.03.007.
37. Wu S. Human-generative AI collaboration enhances task performance but undermines human's intrinsic motivation / S. Wu, Y. Liu, M. Ruan, S. Chen, X.-Y. Xie // Scientific Reports. – 2025. – Vol. 15. – Art. 15105. – https://doi.org/10.1038/s41598-025-98385-2.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaia K.A. (1991). Strategiia zhizni [Life strategy]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
2. Akimova A. Yu. (2020). Oprosnik «Doverie spetsialista tekhnike» (Oprosnik DST) [The questionnaire «Specialist's trust in technology» (DST)]. Eksperimental'naia psikhologiia, 13(3), 90–104. https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130307 (In Russian)

3. Baturin N.A., & Mel'nikova, N. N. (2009). Tekhnologiia razrabotki testov. Chast' I [Test development technology. Part I]. Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Psikhologiia», 6(30), 4–14. (In Russian)
4. Brushlinskii A.V. (2003). Psikhologiia sub"ekta [Psychology of the subject]. Saint Petersburg: Aleteiia. (In Russian)
5. Voronin A.N., Rafikova A.S., et al. (2025). Kommunikatsiia i kollaboratsii v usloviiakh tsifrovoi transformatsii: chat-boty, obuchenie, nauka [Communication and collaboration in the context of digital transformation: chatbots, learning, science]. Moscow: Mir nauki. (In Russian)
6. Gordeeva T.O. (2010). Teoriia samodeterminatsii: nastoiashchee i budushchee. Chast' 1: Problemy razvitiia teorii [Self-determination theory: present and future. Part 1: The problems of theory development]. Psikhologicheskie issledovaniia, 4(12). (In Russian)
7. Dergacheva, O. E., Dorfman, L. Ya., & Leont'ev, D. A. (2008). Russkoiazychnaia adaptatsiia oprosnika kauzal'nykh orientatsii [Russian-language adaptation of the General Causality Orientations Scale]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psikhologiia, 3, 91–106. (In Russian)
8. Zhikhareva L.V., & Luchinkina A.I. (2026). Razrabotka i pervichnaia psikhometricheskaia aprobatsiia oprosnika delegirovaniia kognitivnykh zadach iskusstvennomu intellektu [Development and initial psychometric validation of the questionnaire of cognitive task delegation to artificial intelligence]. Nauchnoe obozrenie. Seriia 2. Gumanitarnye nauki, 4, 14–25. (In Russian)
9. Karpov A.V. (2004). Psikhologiia refleksivnykh mekhanizmov deiatel'nosti [Psychology of reflexive mechanisms of activity]. Moscow: Institut psikhologii RAN. (In Russian)
10. Karpov A.V., & Skitiaeva I.M. (2005). Psikhologiia metakognitivnykh protsessov lichnosti [Psychology of metacognitive processes of personality]. Moscow: Institut psikhologii RAN. (In Russian)
11. Konopkin O.A. (2004). Obshchaia sposobnost' k samoreguliatsii kak faktor sub"ektnogo razvitiia [General capacity for self-regulation as a factor of subject development]. Voprosy psikhologii, 2, 128–135. (In Russian)
12. Kostromina S.N., Darinskaia L.A., Moskvicheva N.L. & Filatova A.F. (2023). Aprobatsiia i validizatsiia metodiki «Indeks avtonomnogo funktsionirovaniia» (IAF) na rossiiskoi vyborke [Approbation and validation of the Index of Autonomous Functioning (IAF) on a Russian sample]. Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie, 28(5), 168–183. https://doi.org/10.17759/pse.2023280513 (In Russian)
13. Len'kov S.L., Rubtsova N. E. & Nizamova G. R. (2025). Oprosnik vovlechennosti v sferu iskusstvennogo intellekta [Questionnaire of involvement in the sphere of artificial intelligence]. Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 1, 122–135. (In Russian)
14. Leont'ev A.N. (1975). Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat. (In Russian)
15. Leont'ev D.A. (2000). Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Life meaning orientations test] (2nd ed.). Moscow: Smysl. (In Russian)
16. Leont'ev D.A. (2003). Psikhologiia smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality] (2nd ed.). Moscow: Smysl. (In Russian)
17. Leont'ev D.A. & Osin E.N. (2014). Refleksiia «khoroshaia» i «durnaia»: ot ob"iasnitel'noi modeli k differentsial'noi diagnostike [«Good» and «bad» reflection: from an explanatory model to differential diagnostics]. Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 11(4), 110–135. (In Russian)
18. Mitina O.V. (2011). Razrabotka i adaptatsiia psikhologicheskikh oprosnikov [Development and adaptation of psychological questionnaires]. Moscow: Smysl. (In Russian)
19. Morosanova V.I. (2010). Samoreguliatsiia i individual'nost' cheloveka [Self-regulation and human individuality]. Moscow: Nauka. (In Russian)
20. Osnitskii A.K. (1996). Problemy issledovaniia sub"ektnoi aktivnosti [Problems of studying subject activity]. Voprosy psikhologii, 1, 5–19. (In Russian)
21. Rubinshtein S. L. (1957). Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russian)
22. Shmelev A. G. (2013). Prakticheskaia testologiia: testirovanie v obrazovanii, prikladnoi psikhologii i upravlenii personalom [Practical testology: testing in education, applied psychology and personnel management]. Moscow: Maska. (In Russian)
23. Benjamini Y. & Hochberg Y. (1995). Controlling the false discovery rate: a practical and powerful approach to multiple testing. Journal of the Royal Statistical Society. Series B, 57(1), 289–300.
24. Deci E.L. & Ryan R.M. (2000). The «what» and «why» of goal pursuits: human needs and the self-determination of behavior. Psychological Inquiry, 11(4), 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01

25. Fisher M., Goddu M.K. & Keil F.C. (2015). Searching for explanations: How the Internet inflates estimates of internal knowledge. Journal of Experimental Psychology: General, 144(3), 674–687. https://doi.org/10.1037/xge0000070
26. Gerlich M. (2025). AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking. Societies, 15(1), 6. https://doi.org/10.3390/soc15010006
27. Hu L. & Bentler P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives. Structural Equation Modeling, 6(1), 1–55. https://doi.org/10.1080/10705519909540118
28. Koo T.K. & Li M.Y. (2016). A guideline of selecting and reporting intraclass correlation coefficients for reliability research. Journal of Chiropractic Medicine, 15(2), 155–163. https://doi.org/10.1016/j.jcm.2016.02.012
29. Parasuraman R., Sheridan T.B. & Wickens C.D. (2000). A model for types and levels of human interaction with automation. IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. Part A, 30(3), 286–297. https://doi.org/10.1109/3468.844354
30. Polit D.F. & Beck C.T. (2006). The content validity index: are you sure you know what's being reported? Critique and recommendations. Research in Nursing & Health, 29(5), 489–497. https://doi.org/10.1002/nur.20147
31. Risko E.F. & Gilbert S.J. (2016). Cognitive offloading. Trends in Cognitive Sciences, 20(9), 676–688. https://doi.org/10.1016/j.tics.2016.06.002
32. Ryan R.M. & Deci E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. American Psychologist, 55(1), 68–78. https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68
33. Ryan R.M. & Deci E.L. (2017). Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York: Guilford Press.
34. Sparrow B., Liu J. & Wegner D.M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. Science, 333(6043), 776–778. https://doi.org/10.1126/science.1207745
35. Stadler M., Bannert M. & Sailer M. (2024). Cognitive ease at a cost: LLMs reduce mental effort but compromise depth in student scientific inquiry. Computers in Human Behavior, 160, 108386. https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108386
36. Weinstein N., Przybylski A.K. & Ryan R.M. (2012). The index of autonomous functioning: development of a scale of human autonomy. Journal of Research in Personality, 46(4), 397–413. https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.03.007
37. Wu S., Liu Y., Ruan M., Chen S. & Xie X.-Y. (2025). Human-generative AI collaboration enhances task performance but undermines human's intrinsic motivation. Scientific Reports, 15, 15105. https://doi.org/10.1038/s41598-025-98385-2

Приложение

Шкала мотивации обращения к ИИ (ШМОИ-ИИ)

Инструкция

Каждый из нас обращается к искусственному интеллекту по разным причинам, и в разных ситуациях эти причины могут отличаться. Ниже приведены утверждения о возможных мотивах обращения к ИИ. Пожалуйста, оцените, насколько каждое из них соответствует тому, *как Вы обычно* используете ИИ за последние три месяца.

Утверждения

Подшкала 1. Мотив развития (познавательный)

Я обращаюсь к ИИ, чтобы лучше разобраться в теме, которая мне интересна.

Использование ИИ помогает мне думать глубже и охватывать больше аспектов вопроса.

ИИ нужен мне прежде всего для того, чтобы расширить собственные знания.

Я обращаюсь к ИИ, когда хочу проверить и развить свои идеи.

Работа с ИИ помогает мне формулировать собственные мысли точнее и яснее.

Подшкала 2. Мотив развития (творческий)

ИИ для меня − это партнер для генерации новых идей.

Я обращаюсь к ИИ, чтобы найти неожиданные ракурсы решения задачи.

Использование ИИ стимулирует мое творческое мышление.
Я воспринимаю взаимодействие с ИИ как пространство для творческого эксперимента.
Через работу с ИИ я открываю для себя новые способы решения задач.

Подшкала 3. Мотив оптимизации усилий

Я обращаюсь к ИИ, чтобы он облегчил выполнение рутинных задач, оставляя мне время на содержательную работу.
Главное преимущество ИИ для меня − возможность не перегружать себя там, где это не обязательно.
Если задача требует усилий, проще обратиться к ИИ.
Я обращаюсь к ИИ, когда не могу сам(а) сделать выбор и хочу опереться на готовый вариант.
ИИ помогает мне избежать неприятного чувства неуверенности при принятии решений.
Мне нравится, что с ИИ можно искать решение вместе, не оставаясь с задачей один на один.

Подшкала 4. Мотив избегания интеллектуального напряжения

Когда я в чем-то сомневаюсь, мне спокойнее, если ИИ подтверждает или предлагает решение.
Я предпочитаю получить готовый ответ от ИИ, чем долго размышлять самостоятельно.
ИИ помогает мне снять ответственность за выбор: я могу опереться на его рекомендации.
Бывает, я открываю ИИ раньше, чем успеваю подумать самостоятельно.
Я могу объяснить, чем отличаются ситуации, когда я работаю с ИИ вместе, от тех, когда просто беру готовый результат. [обр.]
Я отдаю себе отчет в том, насколько мои решения являются результатом собственного мышления, а не готовых ответов ИИ. [обр.]
Примечание: пометка [обр.] используется только в версии для исследователя.

Ключ для обработки

Прямое кодирование: все пункты, кроме обратных. Обратное кодирование (балл x заменяется на 6 − x): пункты 21 и 22 (последние два пункта Подшкалы 4).

Производные индексы:

Общий мотив развития = (Подшкала 1) + (Подшкала 2), диапазон 10-50.
Общий мотив комфорта = (Подшкала 3) + (Подшкала 4), диапазон 12-60.
Индекс мотивационного баланса = (Мотив развития) − (Мотив комфорта). Положительные значения указывают на преобладание мотива развития.
Индекс критичного делегирования = (Подшкала 3) − (Подшкала 4). Положительные значения свидетельствуют о преобладании рационального использования ИИ над замещающим.

Интерпретация

Согласно теоретической модели, ключевой переменной является не интенсивность использования ИИ, а соотношение мотивационных ориентаций. Разделение мотива комфорта на «оптимизацию усилий» и «избегание интеллектуального напряжения» позволяет дифференцировать адаптивное и дезадаптивное делегирование.

Профиль	**Мотив развития**	**Мотив оптимизации**	**Мотив избегания**	**Содержание**
Развивающий	Высокий	Любой	Низкий	Преобладает использование ИИ как ресурса; высокая эпистемическая ответственность

Оптимизирующий	Умеренный	Высокий	Низкий	Рациональное делегирование рутины при сохранении контроля над содержанием
Замещающий	Низкий	Любой	Высокий	Преобладает использование ИИ как замены собственной работы; индикатор риска
Двойственный	Высокий	Высокий	Высокий	Амбивалентная мотивация; стратегия зависит от ситуации
Низкововлеченный	Низкий	Низкий	Низкий	Слабая мотивационная включенность; ИИ используется редко

Шкала ситуативной вариативности мотивации (ШСВМ-ИИ)

Инструкция

Ниже приведены утверждения о том, насколько Ваши мотивы обращения к ИИ меняются в зависимости от ситуации. В отличие от предыдущей шкалы, здесь важно не то, *какие* мотивы у Вас преобладают, а то, *насколько они изменяются* в разных обстоятельствах. Пожалуйста, оцените, насколько каждое утверждение соответствует Вашему реальному опыту за последние три месяца.

Утверждения

Подшкала 1. Зависимость от значимости задачи

При работе над важной для меня задачей я обращаюсь к ИИ совсем не так, как при рутинных делах.

Для важных задач я использую ИИ иначе, чем для повседневных.

Цена ошибки в задаче меняет то, как я работаю с ИИ.

К ответам ИИ я отношусь по-разному в зависимости от того, насколько вопрос для меня лично важен.

Подшкала 2. Зависимость от ресурсного состояния

Когда я устал(а), я чаще обращаюсь к ИИ, чтобы не делать работу самому(ой).

В состоянии полноценного ресурса я скорее использую ИИ как партнера, чем как замену.

Стресс и спешка меняют то, как я использую ИИ.

Я замечаю, что в состоянии усталости или стресса начинаю использовать ИИ иначе, чем обычно.

Подшкала 3. Осознанность мотивационных переключений

Бывает, я ловлю себя на том, что открываю ИИ раньше, чем успеваю подумать самостоятельно.

Я понимаю, что иногда использую ИИ как способ снять с себя ответственность за выбор.

Я могу объяснить, чем отличаются ситуации, когда я работаю с ИИ вместе, от тех, когда просто беру готовый результат.

Я отдаю себе отчет в том, какие именно мотивы движут мной в обращении к ИИ в разных ситуациях.

Ключ

Все пункты прямого кодирования. Подшкальный балл − сумма (диапазон 4-20). Общий балл вариативности − сумма всех пунктов (12-60).

Интерпретация. Высокие баллы по подшкалам 1 и 2 указывают на значительную ситуативную вариативность мотивации; высокий балл по подшкале 3 − на ее метакогнитивную осознанность. Сочетание высокой вариативности с высокой осознанностью является ресурсным. Высокая вариативность при низкой осознанности − индикатор риска: мотивы переключаются автоматически, без рефлексивного контроля. Изолированно высокий балл по подшкале 3 при умеренных баллах по подшкалам 1-2

свидетельствует о развитой метакогнитивной регуляции при относительно стабильной мотивационной ориентации.

Поступила в редакцию 08.07.2026 г.

MOTIVATION FOR INTERACTING WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE: DEVELOPMENT AND PSYCHOMETRIC VALIDATION OF THE ShMOI-AI AND ShSVM-AI SCALES

L. V. Zhikhareva, A. I. Luchinkina

Interaction with artificial intelligence may depend not only on the intensity of technology use but also on the underlying motive, yet no validated Russian-language instrument exists for differentiated assessment of such motivation. We report the development and psychometric validation of two instruments: the AI Engagement Motivation Scale (ШМОИ-ИИ; 22 items, four subscales) and the Situational Motivation Variability Scale (ШСВМ-ИИ; 12 items, three subscales). Validation used samples of AI users (N = 382, N = 370); the structure was confirmed on an independent subsample (n = 684). Subscale internal consistency was α = 0.76-0.83 and test-retest reliability ICC = 0.81-0.85; confirmatory models met strict fit criteria (CFI = 0.973/0.979; RMSEA = 0.041/0.038). Developmental motives are related to authorship and autonomy. The avoidance of intellectual effort is connected with the susceptibility to control. The awareness of motivational switching is linked with systemic reflection and trust control. The mentioned above supports the method convergent and discriminant validity.

Key words: artificial intelligence, motivation, development motive, comfort motive, situational motivational variability, personal agency, psychological assessment, validation, reliability.

Жихарева Лилия Владимировна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Российская Федерация, г. Симферополь.
Заведующая кафедрой психологии.
ORCID 0000-0002-7510-2963.
E-mail: liliya_80@list.ru.

Лучинкина Анжелика Ильинична.
Доктор психологических наук, профессор.
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Российская Федерация, г. Симферополь.
Первый проректор.
ORCID 0000-0003-1687-9649.
E-mail: aluch@ya.ru.

Zhikhareva Liliya Vladimirovna.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
Russian Federation, Simferopol.
Head of Department of Psychology.
ORCID 0000-0002-7510-2963.
E-mail: liliya_80@list.ru.

Luchinkina Anzhelika Ilyinichna.
Doctor of Psychology, Professor.
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Russian Federation, Simferopol.
First Vice-Rector.
ORCID 0000-0003-1687-9649.
E-mail: aluch@ya.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.922.8
DOI: 10.5281/zenodo.24030857

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ПРЕДИКТОР СКЛОННОСТИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

© **2026** ***Л.С. Самсоненко***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет»
ORCID 0000-0002-3321-6479

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена изучению особенностей субъективного благополучия и склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте. Актуальность исследования обусловлена ростом девиантных проявлений в подростковой среде и противоречивостью существующих данных о роли субъективного благополучия как фактора, опосредующего поведенческие стратегии. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке из 68 учащихся 13–16 лет с использованием методик «Шкала субъективного благополучия» (А. Перуэ-Баду, Г. Мендельсон, Ж. Шиш в адаптации М.В. Соколовой) и «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел). Выявлен парадоксальный результат: подростки с декларируемым субъективным благополучием демонстрируют статистически значимо более высокие показатели склонности к аддиктивному и делинквентному поведению по сравнению с подростками, переживающими выраженный эмоциональный дискомфорт. Полученные данные интерпретируются как действие защитного механизма отрицания, стремления к социальной желательности участников исследования и отсутствием психологического внимания к «внешне благополучным» подросткам. На основе дифференциации выборки по уровню субъективного благополучия предлагаются практические рекомендации по психолого-педагогическому сопровождению разных групп подростков.

Ключевые слова: субъективное благополучие, девиантное поведение, подростки, психологическое сопровождение, отрицание, рефлексия, социальная желательность, аддиктивное поведение, делинквентное поведение.

Для цитирования: Самсоненко Л.С. Субъективное благополучие как предиктор склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте / Л.С. Самсоненко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 341–354. — https://doi.org/10.5281/zenodo.24030857.

Введение. Современные социокультурные трансформации, сопровождающиеся усилением информационной нагрузки, изменением традиционных социальных институтов, ростом проявлений конфликтности и насилия, оказывают существенное влияние на процесс становления личности подрастающего поколения. Эти изменения напрямую затрагивают такое фундаментальное психологическое образование, как субъективное благополучие личности [26].

Особенно в зоне риска оказывается подростковый возраст. Данный возрастной этап характеризуется интенсивными физиологическими, психологическими и социальными изменениями, которые в дальнейшем определяют личностные особенности и паттерны поведения. В этот период особенно остро встает проблема эмоционального здоровья и психологического благополучия, так как гормональная перестройка, изменение

социальной ситуации развития и поиск собственной идентичности создают риски возникновения различных форм девиации [11].

Статистические данные последних лет показывают тревожные тенденции в подростковой среде. Так, по информации Института образования НИУ ВШЭ, около 70% школьников сталкиваются с буллингом (травлей) в образовательной среде [32]. Отмечается возрастание числа преступлений среди подростков, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также преступлений, совершённых в сфере IT-технологий [18; 31].

Указанные тенденции актуализируют проблему исследования и профилактики девиантного поведения в системе образования.

Несмотря на обилие работ, посвященных девиантному поведению подростков, проблема определения предикторов его проявления остается недостаточно изученной. В современных исследованиях активно рассматривается значение субъективного благополучия как ресурса адаптации и фактора, опосредующего поведенческие стратегии личности [20; 24]. При этом часто исследования исходят из предположения о существовании обратной линейной связи: чем выше субъективное благополучие, тем ниже риск девиантного поведения. Однако данное утверждение требует эмпирической проверки с учетом возрастных особенностей подростков.

В связи с вышесказанным, целью нашего исследования стало выявление особенностей проявления склонности к различным формам девиантного поведения у подростков с разным уровнем субъективного благополучия.

Материалы и методы исследования. Эмпирическое исследование проводилось на базе средних общеобразовательных организаций города Оренбурга. В нем приняли участие 68 учащихся в возрасте от 13 до 16 лет (средний возраст 14,2 года), из них 27 юношей (39,7%) и 41 девушка (60,3%). Выборка формировалась методом сплошной выборки среди учащихся 7–9 классов, давших добровольное согласие на участие в исследовании. Участие было анонимным, предварялось получением информированного согласия от родителей (законных представителей) и самих респондентов в соответствии с этическими принципами проведения психологических исследований.

Для достижения поставленной цели в рамках эмпирического исследования были использованы следующие методики:

– Для диагностики уровня субъективного благополучия – «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) А. Перуэ-Баду, Г. Мендельсона, Ж. Шиша в адаптации М.В. Соколовой [22]. Данная методика представляет собой инструмент, соответствующий интегративному подходу к пониманию субъективного благополучия, объединяющему когнитивный (оценочный) и аффективный (эмоциональный) компоненты. Адаптированный М.В. Соколовой вариант методики доказал свою надежность и валидность для применения в отечественной практике, в том числе при работе с подростковой популяцией. В соответствии с процедурой стандартизации выделяются пять уровней выраженности субъективного благополучия: крайне низкий, низкий, средний, высокий, крайне высокий.

– Для оценки склонности подростков к девиантному поведению — опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (СОП) (А.Н. Орел) [17]. Данная методика позволяет выявить склонность к следующим видам девиантного поведения: склонность к нарушению норм и правил (характеризует готовность к игнорированию социальных норм и правил поведения); склонность к аддиктивному поведению (зависимость от психоактивных веществ, азартных игр, интернета и других аддиктивных агентов); склонность к самоповреждающему и саморазрушающему

поведению (нанесение себе повреждений, рискованное поведение, угрожающее жизни); склонность к агрессии и насилию (физическая и вербальная агрессия, жестокость); волевой контроль эмоциональных реакций (способность к произвольной регуляции поведения в эмоционально напряженных ситуациях); склонность к делинквентному поведению (нарушение правовых норм, совершение противоправных действий). Кроме того, методика содержит шкалу установки на социально-желательные ответы, позволяющую оценить тенденцию испытуемого к демонстрации социально одобряемых реакций.

Статистическая обработка результатов проводилась с использованием программ Microsoft Excel и онлайн-калькуляторов статистических критериев. Для сравнения групп с разным уровнем субъективного благополучия применялся непараметрический U-критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок, выбор которого обусловлен небольшим объемом сравниваемых групп и характером распределения данных, не соответствующего нормальному закону. Уровень статистической значимости принимался равным $p \leq 0,05$.

Основная часть. В психолого-педагогической науке сложилось множество подходов к пониманию природы девиантного поведения, каждый из которых акцентирует внимание на различных детерминантах этого сложного феномена.

Так, социологический подходрассматривает девиантное поведение как продукт социального взаимодействия, неравенства и культурных противоречий. Основоположником этого направления считается Э. Дюркгейм, концепция которого объясняет возникновение девиаций состоянием дезориентации и утраты нормативных ориентиров в периоды социальных трансформаций. Э. Дюркгейм рассматривал девиацию как неизбежный элемент любого общества, выполняющий, в том числе, функцию стимулирования социальных изменений [6]. Развивая идеи Э. Дюркгейма, Р. Мертон предложил теорию структурной деформации, согласно которой девиация возникает тогда, когда общество провозглашает определенные цели (например, материальное благополучие), но не предоставляет всем членам равные средства для их достижения. В ответ на это противоречие человек может выбирать различные стратегии: стремление к инновации (принятие целей при отказе от институциональных средств и поиске альтернативных путей), ритуализм (отказ от целей при сохранении нормативных средств), ретреатизм (отказ и от целей, и от средств) или мятеж (попытка изменить саму систему целей и норм) [16].

В рамках классического психоанализа З. Фрейд объяснял девиантное поведение результатом неразрешенных детских конфликтов, подавленных желаний и слабости структуры «Сверх-Я» (суперэго) [23]. Его последователь А. Айхорн, изучая делинквентность несовершеннолетних, подчеркивал роль травматического опыта и дефицита эмоциональной привязанности в формировании антисоциальных наклонностей [1].

В рамках теории социального научения А. Бандура показал, что девиантное поведение усваивается через наблюдение и подражание значимым фигурам (родителям, сверстникам), а также закрепляется через механизмы подкрепления [2].

В отечественной психологии проблема девиантного поведения разрабатывалась в работах таких авторов как Ю.А. Клейберг [9], Е.В. Змановская [7], Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева [12]и другие. Данные авторы рассматривают содержание понятия «девиантное поведение», его виды и характеристики. Также в отечественной науке изучались психологические механизмы формирования зависимого поведения (С.В. Березин и К.С. Лисецкий [19]), роль акцентуаций характера и психопатий в генезе

девиаций (Д.Н. Исаев, В.Е. Каган [8], А.Е. Личко [14]); психологические механизмы виктимизации (И.Г. Малкина-Пых [15]).

В работах А.Е. Личко [14], Л.Б. Шнейдер [28] и других к основным предикторам девиантного поведения относят: нарушения в становлении, формировании и развитии личности; неблагоприятная социальная ситуация развития ребенка и комплекс его психологических свойств, выраженное протекание подросткового кризиса; членство в неформальных объединениях асоциальной направленности, наличие в подростковой группе антисоциальных норм. Б.П. Яковлева, Г.Д. Бабушкина [29] основными условиями, приводящими к проявлению девиации, называют социальные, социально-педагогические и социально-психологические факторы. Личностные характеристики подростков с разными проявлениями девиантного поведения представлены в исследовании Н.С. Бобровниковой [3]. Более узко, взаимосвязь субъективного благополучия и девиантного поведения исследуется в работах В.Н. Колесникова, Ю.И. Мельник [10], Е.А. Цирульниковой, Н.С. Луканина [24], А.А. Рузиева, Р.Е. Барабанова [19], Я.А. Бондаренко [4], Ж.Ю. Брук, Г.В. Гухтериной, О.А. Мальцевой [5].

Анализ эмпирических исследований позволил сформулировать следующую гипотезу: для подростков с высоким уровнем субъективного благополучия характерна склонность к девиациям, носящим преимущественно нормативный для возрастного периода, ситуативный и ограниченный характер; для подростков с хронически низким субъективным благополучием — склонность к девиантному поведению, носящему дезадаптивный, генерализованный и компенсаторный характер.

Представим последовательно полученные результаты. На первом этапе анализировались данные, характеризующие уровень субъективного благополучия участников выборки (таблице 2). Важно отметить, что в интерпретации, предложенной авторами методики, чем ниже балл, тем выше субъективное благополучие. Для облегчения понимания результатов здесь и далее мы использовали не формально правильное определение уровня, а содержательную характеристику – низкое значение баллов, но высокий уровень субъективного благополучия.

Таблица 1. Результаты участников исследования в соответствии с уровнем субъективного благополучия (n=68)

Уровень субъективного благополучия	Кол-во человек	% выборки	Стен (среднее значение)
Крайне высокий уровень	2	3	1,0
Высокий уровень	10	15	2,8
Средний уровень	47	69	5,2
Низкий уровень	7	10	8,7
Крайне низкий уровень	2	3	10,0

Представленные в таблице 1 данные показывают, что большинство подростков (69%) находятся в зоне среднего уровня субъективного благополучия. Можно сказать, что серьезные проблемы у такой категории подростков отсутствуют, но и о полном эмоциональном комфорте говорить нельзя. Для подростков 13–16 лет этот диапазон является наиболее типичным, поскольку отражает естественные для данного возраста перепады настроения, тревогу по поводу внешности и принятия в группе сверстников, чувствительность к критике и некоторую зависимость от мнения окружающих при отсутствии выраженных психологических нарушений.

У 15% респондентов выявлены высокие показатели (средний стен = 2,8). Данную группу подростков можно охарактеризовать как обладающих позитивной самооценкой, не

склонных высказывать жалобы на различные недомогания, оптимистичных, общительных, уверенных в своих способностях, эффективно действующих в условиях стресса.

У 10% был выявлен низкий показатель (средний стен = 8,7), свидетельствующий о значительно выраженном эмоциональном дискомфорте. У лиц с таким уровнем возможно наличие комплекса неполноценности, неудовлетворенности собой и своим положением, недоверия к окружающим, трудностей в контроле эмоций, постоянного беспокойства по поводу реальных и воображаемых неприятностей.

У 3% респондентов был обнаружен крайне высокий показатель (средний стен = 1), который интерпретируется как максимальное эмоциональное благополучие и отрицание психологических проблем. Еще у 3% выявлен крайне низкий показатель (средний стен = 10), свидетельствующий о максимально выраженном эмоциональном дискомфорте, возможных депрессивных состояниях и суицидальных рисках.

Таким образом, распределение по уровню субъективного благополучия показывает, что наиболее многочисленная группа (69%) находится в зоне психологической нормы, что отражает типичное состояние подростков переходного возраста. Однако обращают на себя внимание полярные группы – подростки с декларируемым полным благополучием (низкий и крайне низкий показатели, суммарно 18%) и подростки с выраженным эмоциональным дискомфортом (высокий и крайне высокий показатели, суммарно 13%).

На втором этапе исследования анализировались результаты по методике «Склонность к отклоняющемуся поведению» в группах респондентов с разным уровнем субъективного благополучия. В связи с малочисленностью групп с крайне низким и крайне высоким уровнями мы объединили их с ближайшими группами – с низким и высоким уровнями. Итак, в группу с высоким уровнем субъективного благополучия вошло 12 человек (далее – группа «высокий уровень»), в группу с низким уровнем – 9 человек (далее – группа «низкий уровень»). Группа со средним уровнем осталась в исходном виде (n=47, далее – группа «средний уровень»). Сопоставление данных представлено в таблице 2.

Таблица 2. Показатели шкал склонности к различным видам отклоняющегося поведения в группах с разным уровнем субъективного благополучия

Шкалы СОП по уровням		Группа с высоким уровнем субъективного благополучия		Группа со средним уровнем субъективного благополучия		Группа с низким уровнем субъективного благополучия	
		Кол-во человек	Средний Т-балл	Кол-во человек	Средний Т-балл	Кол-во человек	Средний Т-балл
Шкала установки на социально-желательные ответы	Высокий	12	68	36	61	6	63
	Средний	0	-	10	57	3	60
	Низкий	0	-	1	44	0	-
Шкала склонности к нарушению норм и правил	Высокий	0	-	0	-	0	-
	Средний	0	-	2	50	1	50
	Низкий	12	38	45	33	8	32
Шкала склонности к аддиктивному поведению	Высокий	0	-	0	-	0	-
	Средний	0	-	0	-	0	-
	Низкий	12	41	47	36	9	37
Шкала склонности к самоповреждающему и	Высокий	0	-	0	-	0	-
	Средний	0	-	0	-	0	-
	Низкий	12	33	47	28	9	30

саморазрушающему поведению							
Шкала склонности к агрессии и насилию	Высокий	0	-	0	-	0	-
	Средний	0	-	0	-	0	-
	Низкий	12	36	47	30	9	30
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	Высокий	0	-	0	-	0	-
	Средний	0	-	0	-	0	-
	Низкий	12	39	47	30	9	31
Шкала склонности к делинквентному поведению	Высокий	0	-	0	-	0	-
	Средний	0	-	0	-	1	50
	Низкий	12	38	47	31	8	33

Предварительный анализ результатов показателей внутри каждой из групп показал, что общая конфигурация профилей достаточно сходная: во всех трех группах преобладают низкие значения по содержательным шкалам и высокие по шкале социальной желательности. Поэтому более информативным оказалось прямое попарное сопоставление групп с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни, позволяющего выявить даже незначительные, но статистически достоверные смещения в выраженности конкретных шкал.

Сравнение групп с высоким (n=12) и средним (n=47) уровнем субъективного благополучия представлено в таблице 3.

Таблица 3. Результаты сравнения групп с высоким и средним уровнем субъективного благополучия по шкалам методики СОП (критические значения U0,01=157; U0,05=194)

Шкала СОП	U-эмпирическое	Результат
Шкала установки на социально-желательные ответы	153,5	$p \leq 0,01$ (значимо)
Шкала склонности к нарушению норм и правил	238	$p > 0,05$ (незначимо)
Шкала склонности к аддиктивному поведению	106	$p \leq 0,01$ (значимо)
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	162	$p \leq 0,05$ (значимо)
Шкала склонности к агрессии и насилию	148	$p \leq 0,01$ (значимо)
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	187	$p \leq 0,05$ (значимо)
Шкала склонности к делинквентному поведению	190,5	$p \leq 0,05$ (значимо)

Анализ данных, представленных в таблице 3, позволяет сделать следующие выводы. По шкале установки на социально-желательные ответы ($p \leq 0,01$) подростки с высоким уровнем субъективного благополучия (декларирующие полное благополучие) демонстрируют более высокие показатели социальной желательности по сравнению с группой со средним уровнем. По шкале склонности к аддиктивному поведению ($p \leq 0,01$) респонденты с высоким уровнем благополучия проявляют более выраженную предрасположенность к аддиктивным формам поведения. Аналогичная картина наблюдается по шкале склонности к агрессии и насилию ($p \leq 0,01$), где группа с высоким уровнем также показывает более высокие значения. По шкалам склонности к самоповреждающему поведению, волевого контроля эмоциональных реакций и склонности к делинквентному поведению значения U попадают в зону значимости при $p \leq 0,05$. По шкале склонности к нарушению норм и правил значимых различий не выявлено ($p > 0,05$).

Итак, показатели группы подростков с декларируемым полным благополучием отличаются от показателей группы со средним уровнем более выраженной склонностью к аддиктивному и агрессивному поведению, повышенной социальной желательностью.

Сравнение групп со средним (n=47) и низким (n=9) уровнем субъективного благополучия представлено в таблице 4.

Таблица 4. Результаты сравнения групп со средним и низким уровнем субъективного благополучия по шкалам методики СОП (критические значения U0,01=106; U0,05=137)

Шкала СОП	U-эмпирическое	Результат
Шкала установки на социально-желательные ответы	195,5	p>0,05 (незначимо)
Шкала склонности к нарушению норм и правил	188	p>0,05 (незначимо)
Шкала склонности к аддиктивному поведению	144	p>0,05 (незначимо)
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	170	p>0,05 (незначимо)
Шкала склонности к агрессии и насилию	168,5	p>0,05 (незначимо)
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	190	p>0,05 (незначимо)
Шкала склонности к делинквентному поведению	130,5	p≤0,05 (значимо)

Сравнение результатов групп со средним и низким уровнем субъективного благополучия показало отсутствие значимых различий по шести шкалам методики СОП: шкалы установки на социально-желательные ответы, склонности к нарушению норм и правил, склонности к аддиктивному поведению, склонности к самоповреждающему поведению, склонности к агрессии и насилию, волевого контроля эмоциональных реакций. Исключением стала шкала склонности к делинквентному поведению, где эмпирическое значение U=130,5 попало в зону статистической значимости при p≤0,05. Такой результат может означать наличие тенденции: подростки с низким уровнем субъективного благополучия (переживающие эмоциональный дискомфорт) демонстрируют некоторое смещение в сторону более высоких показателей по данной шкале. Однако данный результат также требует уточнения.

Итак, группы со средним и низким уровнем субъективного благополучия оказались практически идентичными по выраженности склонности к различным формам отклоняющегося поведения.

Сравнение полярных групп — с высоким (n=12) и низким (n=9) уровнем субъективного благополучия представлено в таблице 5.

Таблица 5. Результаты сравнения групп с низким и высоким уровнем субъективного благополучия по шкалам методики СОП (критические значения U0,01=21; U0,05=30)

Шкала СОП	U-эмпирическое	Результат
Шкала установки на социально-желательные ответы	25	p≤0,05 (значимо)
Шкала склонности к нарушению норм и правил	40	p>0,05 (незначимо)
Шкала склонности к аддиктивному поведению	9,5	p≤0,01 (значимо)
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	26,5	p≤0,05 (значимо)
Шкала склонности к агрессии и насилию	23	p≤0,05 (значимо)
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	29,5	p≤0,05 (значимо)
Шкала склонности к делинквентному поведению	18	p≤0,01 (значимо)

Сравнение полярных групп показало статистически значимые различия по всем шкалам методики, кроме шкалы склонности к нарушению норм и правил, где значимых различий не выявлено.

Итак, сравнение полярных групп показывает, что подростки с декларируемым полным благополучием отличаются от группы с выраженным эмоциональным дискомфортом значимо более выраженной склонностью к аддиктивному и делинквентному поведению, а

также более высокими показателям социальной желательности, самоповреждающего поведения, агрессии и сниженного волевого контроля.

Проведенное эмпирическое исследование выявляет парадоксальный результат: наиболее уязвимыми в отношении аддиктивных, агрессивных и делинквентных тенденций оказались не подростки с выраженным эмоциональным дискомфортом, а те, кто демонстрирует благополучие и отрицание проблем. Данный результат противоречит распространенному предположению о прямой отрицательной связи между субъективным благополучием и риском девиантного поведения.

Парадоксальность полученного результата можно объяснить различными причинами. Во-первых, такой результат может быть связан с действием защитного механизма отрицания. В работах З. Фрейда и его последователей, отрицание относится к числу психологических защит, позволяющих личности блокировать осознание травмирующей или тревожной информации. В подростковом возрасте, характеризующемся незрелостью рефлексивных механизмов и повышенной ранимостью, отрицание может использоваться как способ совладания с внутренним дискомфортом. Подростки, отрицающие наличие у себя психологических проблем и декларирующие полное благополучие, в действительности могут испытывать значительное внутреннее напряжение, которое, не находя переработки и осознанного выражения, ищет выход в импульсивных, аддиктивных или агрессивных формах поведения.

Второй вероятной причиной может быть высокая социальная желательность, характерная для группы с декларируемым благополучием. Как показали результаты исследования, именно эта группа демонстрирует наиболее высокие показатели по шкале установки на социально-желательные ответы. Это позволяет предположить, что за фасадом полного эмоционального комфорта скрывается стремление соответствовать социально одобряемому образу «благополучного подростка». В ситуации диагностики такие подростки, вероятно, руководствуются не столько стремлением к искреннему самораскрытию, сколько желанием произвести благоприятное впечатление на взрослого-экспериментатора. Данный феномен хорошо описан в работах А.Г. Шмелева и других исследователей проблемы социальной желательности в психодиагностике [27].

В-третьих, полученный результат может быть связан с тем, что подростки с выраженным эмоциональным дискомфортом чаще попадают в поле зрения психологов и педагогов и получают необходимую поддержку, тогда как подростки с декларируемым благополучием остаются вне фокуса психологического внимания. Как отмечает И.В. Дубровина, «внешнее благополучие» подростка часто служит основанием для исключения его из группы психологического риска, что может приводить к упущению возможности своевременной профилактической работы [21].

Также, можно предположить, что субъективное благополучие не выполняет морально-регулятивной функции и не содержит нравственного компонента. Согласно позиции Д.А. Леонтьева, субъективное благополучие отражает соответствие реальности ожиданиям личности, а не соответствие поведения социальным нормам [13]. Можно сказать, что удовлетворенность жизнью не оказывает блокирующего воздействия на девиантные формы поведения. Более того, Р.М. Шамионов [25] подчёркивает, что субъективное благополучие может определять взаимодействие личности в социуме. Это означает, что при определённых условиях переживание благополучия может сопровождать, а не подавлять отклоняющиеся формы поведения, если они субъективно воспринимаются как источник положительных эмоций или средство поддержания комфортного состояния.

Кроме того, подростки с девиантными паттернами поведения чаще генерируют и выбирают агрессивные или нормативно отклоняющиеся реакции, ожидая от них позитивных последствий [31]. В подростковой среде такие стратегии нередко приносят статус, признание и чувство автономии, что напрямую повышает субъективное благополучие. Подростковая субкультура обладает собственными нормативами, в которых риск, независимость и нарушение правил могут цениться выше конформности [30]. В таком контексте склонные к девиантному поведению подростки чувствуют себя более уверенно, занимают более высокий статус в референтной группе и, как следствие, сообщают о более высоком уровне благополучия.

Полученные результаты также позволяют внести определенный вклад в дискуссию о сущности субъективного благополучия в подростковом возрасте. Традиционное понимание субъективного благополучия как простой суммы позитивных и негативных эмоций, дополненной когнитивной оценкой удовлетворенности жизнью, оказывается недостаточным при работе с подростковой выборкой. Согласно Р.М. Шамионову, субъективное благополучие представляет собой сложное интегративное образование, включающее оценочно-рефлексивную и эмоциональную составляющие [25; 26]. Результаты нашего исследования показывают, что в подростковом возрасте расхождение между декларируемым (оценочным) и реально переживаемым (эмоциональным) благополучием может быть весьма существенным и иметь важные поведенческие последствия.

На основе дифференциации выборки по уровню субъективного благополучия были разработаны практические рекомендации по психолого-педагогическому сопровождению трех групп подростков:

- Группа с высоким уровнем субъективного благополучия («внешне благополучные»). Подростки данной группы представляют собой наиболее сложный контингент с точки зрения своевременного выявления рисков девиантного поведения. Их декларируемое благополучие и выраженная ориентация на социальное одобрение создают иллюзию отсутствия проблем. Психологическая работа должна быть направлена на развитие эмоциональной рефлексии и осознания собственных переживаний, формирование конструктивных способов совладания с внутренним напряжением. Рекомендуется использовать техники, направленные на расширение эмоционального словаря, ведение дневников эмоций, упражнения на идентификацию телесных ощущений, связанных с различными эмоциональными состояниями. Важно создавать безопасную, безоценочную среду, в которой подросток сможет признавать наличие у себя как позитивных, так и негативных переживаний. На начальных этапах работы эффективны проективные и игровые методы, позволяющие обсуждать эмоции опосредованно, через персонажей, метафоры или художественные образы.

- Группа со средним уровнем субъективного благополучия. Подростки данной группы демонстрируют наиболее адаптивный и сбалансированный профиль. Психологическоесопровождение данной группы необходимо направить на поддержку, развитие и профилактику возможных будущих трудностей. Здесь задача психолога — поддерживать и развивать способность подростков к осознанию собственных переживаний, углубляя понимание связей между событиями, мыслями, эмоциями и поведением. Важно работать над укреплением личностных границ, развитием ассертивности и навыков противостояния групповому давлению. Вовлечение в просоциальные активности (волонтерство, наставничество, участие в организации школьных мероприятий) способствует укреплению самооценки и формированию чувства принадлежности к позитивному сообществу.

- Группа с низким уровнем субъективного благополучия (эмоционально неблагополучные). Подростки данной группы характеризуются выраженным эмоциональным дискомфортом, склонностью к тревожным и депрессивным переживаниям, однако не демонстрируют повышенной готовности к девиантному поведению. Психологическая работа должна быть направлена на снижение эмоционального дискомфорта, развитие навыков совладания с тревогой и депрессивными переживаниями. Важно признавать реальность и значимость эмоционального состояния подростка, создавать безопасное пространство для выражения тревоги, страхов, грусти. Необходимо помогать подростку замечать свои сильные стороны, достижения и ресурсы, формировать более реалистичный и обнадеживающий образ будущего. При грамотном психологическом сопровождении глубокая эмоциональность и склонность к рефлексии могут стать основой для формирования зрелой и устойчивой личности.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- Участники исследования в целом характеризуется нормативным профилем по показателям склонности к девиантному поведению — большинство испытуемых демонстрируют низкую готовность к девиантным формам поведения при высокой ориентации на социальное одобрение. Их субъективное благополучие в основном находится в пределах умеренных значений, что соответствует возрастной норме.

- Вопреки распространенным представлениям о прямой отрицательной связи между субъективным благополучием и склонностью к девиантному поведению, в исследовании обнаружен парадоксальный факт: подростки с декларируемым высоким уровнем субъективного благополучия демонстрируют статистически значимо более высокие показатели склонности к аддиктивному и делинквентному поведению по сравнению с подростками, переживающими выраженный эмоциональный дискомфорт. Данный результат можно объяснить действием нескольких взаимосвязанных факторов: защитным механизмом отрицания, препятствующим осознанию внутреннего дискомфорта; высокой социальной желательностью, побуждающей к демонстрации социально одобряемых образов; отсутствием психологического внимания к «внешне благополучным» подросткам; отсутствием морально-регулятивной функции субъективного благополучия; достижение за счет девиантных форм поведения авторитета и статуса в референтной группе или удовлетворение каких-либо иных потребностей.

Полученные результаты вносят вклад в понимание специфики субъективного благополучия в подростковом возрасте и его роли в генезе девиантного поведения. Они показывают, что при оценке рисков отклоняющегося поведения в подростковой среде необходимо учитывать не только выраженный эмоциональный дискомфорт, но и декларируемое абсолютное благополучие, за которым могут скрываться неосознаваемые внутренние конфликты.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением защитных механизмов у подростков с разным уровнем субъективного благополучия, анализом гендерных различий в изучаемых взаимосвязях, а также с разработкой и апробацией программ психолого-педагогического сопровождения, ориентированных на выявленные группы риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айхорн А.Трудный подросток / А. Айхорн. — Москва : Апрель Пресс : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 295 с.
2. Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. — Санкт-Петербург : Евразия, 2000. — 318 с.

3. Бобровникова Н.С. Девиантное поведение и личностные особенности современных подростков / Н.С. Бобровникова // International Journal ofMedicineandPsychology. — 2024. — Том 7. — № 4. — С. 104–111. — https://doi.org/10.58224/2658-3313-2024-7-4-104-111.
4. Бондаренко Я.А. Изучение осведомленности в семейной истории: психологическое благополучие и девиантное поведение / Я.А. Бондаренко // Психолого-педагогические исследования. — 2020. — Том 12. — № 1. — С. 72–85. — https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120106.
5. Брук Ж.Ю. Склонность к отклоняющемуся поведению и субъективное благополучие у подростков / Ж.Ю. Брук, Г.В. Гухтерина, О.А. Мальцева // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — С. 415–419.
6. Дюркгейм Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности (Современные буржуазные теории). — Москва : Прогресс, 1966. — С. 39–44.
7. Змановская Е.В. Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции / Е.В. Змановская // Российский девиантологический журнал. — 2021. — № 1(1). — С. 12–23. — https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23.
8. Исаев Д.Н. Половое воспитание и психогигиена пола у детей / Д.Н. Исаев, В.Е. Каган. — Л. : Медицина, 1979. — 184 с.
9. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Ю.А. Клейберг. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 287 с.
10. Колесников В.Н. Особенности психологического благополучия учащихся среднего подросткового возраста / В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник //Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2015. — Т. 5. — №. 4. — С. 21–32.
11. Кон И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. — Москва : Издательство: Акционерное общество «Издательство «Просвещение», 1989. — 255 с.
12. Короленко Ц.П. Психосоциальная аддиктология / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. — Новосибирск: Издательство «Олсиб», 2001. — 251 с.
13. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля / Д.А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2020. — № 1. — С. 14–37. — https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02.
14. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. Москва : Изд-во МГУ, 2012. — С. 288–318.
15. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. — Москва : Эксмо, 2006. — 1008 с.
16. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социология власти. — 2010. — № 4. — С. 212–223.
17. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Составители Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В. Чиркина, А.В. Лаврик. — Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. — 198 с.
18. Наруцкая Н.В. Структура преступности несовершеннолетних (обзор статистических данных за 2020–2025 гг.) / Н.В. Наруцкая// Вестник экономики и права. — 2025. — № 110. — С. 62–71.
19. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. — 206 с.
20. Рузиев А.А. Субъективное благополучие несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом/ А.А. Рузиев, Р.Е. Барабанов // Живая психология. — 2022. — Т. 9. — № 8 (40). — С. 11–21. — https://doi.org/10.58551/24136522_2022_9_8_11.
21. Руководство практического психолога. Психолог в школе : практическое пособие / под редакцией И.В. Дубровиной. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 206 с.
22. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. / М.В. Соколова. — Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. — 17 с.
23. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. — Москва: ООО «Фирма СТД», 2005. — 437 с.
24. Цирульникова Е.А. Современные тенденции проявления социально-психологического неблагополучия у подростков [Электронный ресурс] / Е.А. Цирульникова, Н.С. Луканин // Психология и Психотехника. — 2022. — № 4. — URL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39430. – https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.4.39430 (дата обращения 10.08.2026).
25. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере / Р.М. Шамионов// Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2006. — Т. 6. — Вып. 1/2. — С. 104–109.

26. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия / Р.М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2014. — Т. 14. — Вып. 1. — С. 80–86.
27. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. — Санкт-Петербург : Речь, 2002. — 480 с.
28. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л.Б. Шнейдер. — Москва : Академический проект; Триста, 2005. — 336 с.
29. Яковлев Б.П. Психолого-педагогические факторы возникновения девиаций в поведении современных подростков / Б.П. Яковлев, Г.Д. Бабушкин, Е.Г. Бабушкин, И.Б. Тарасенко // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2019. — Т. 24. — № 1 (76). — С. 68–73.
30. Brown B.B. (2004). Adolescents' relationships with peers. In R. M. Lerner & L. Steinberg (Eds.), *Handbook of adolescent psychology* (2nd ed., pp. 363–394). Wiley**.**
31. Dodge K.A. (1980). Social cognition and children's aggressive behavior. *Child Development, 51*(1), 162–170. https://doi.org/10.2307/1129603.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

31. МВД: почти треть преступлений подростков совершены с использованием IT-технологий [Электронный ресурс] // Редакция сайта ТАСС. — 2026. — Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/26956827 (дата обращения: 26.07.2026).
32. Сотрудники НИУ ВШЭ представили статистику о развитии школьного буллинга [Электронный ресурс] // Актион. Образование. — Январь 2025. — Режим доступа: https://www.menobr.ru/news/68293-sotrudniki-niu-vshe-predstavili-statistiku-o-razvitii-shkolnogo-bullinga (дата обращения: 28.07.2026).

REFERENCES

1. Aikhorn, A. (2001). Trudnyypodrostok [Difficult teenager]. Moskva: Aprel' Press :EKSMO-Press. 295 pp.(In Russian)
2. Bandura A. (2000). Teoriyasotsial'nogonaucheniya [Theory of social learning]. Sankt-Peterburg: Evraziya. 318 pp.(In Russian)
3. Bobrovnikova N.S. (2024). Deviantnoepovedenieilichnostnyeosobennostisovremennykhpodrostkov [Deviant behavior and personality traits of modern adolescents]. International Journal of Medicine and Psychology, 7(4), 104–111. https://doi.org/10.58224/2658-3313-2024-7-4-104-111.(In Russian)
4. Bondarenko Ya.A. (2020). Izuchenieosvedomlennosti v semeynoyistorii: psikhologicheskoeblagopoluchieideviantnoepovedenie [Studying awareness in family history: Psychological well-being and deviant behavior].Psychological-Educational Studies, 12(1), 72–85. https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120106.(In Russian)
5. Brook Zh.Yu., Gukhterina G.V., Maltseva O.A. (2018). Sklonnost' k otklonyayushchemsyapovedeniyuisub"ektivnoeblagopoluchie u podrostkov [Propensity for deviant behavior and subjective well-being in adolescents].Problemysovremennogopedagogicheskogoobrazovaniya, 415–419.(In Russian)
6. Durkheim E. (1966). Norma ipatologiya [Norm and pathology]. InSotsiologiyaprestupnosti (Sovremennyeburzhuaznyeteorii)[Sociology of crime (Modern bourgeois theories)] (pp. 39–44). Moskva: Progress.(In Russian)
7. Zmanovskaya E.V. (2021). Sovremennayarossiyskayadeviantologiya: istoriya, metodologiya, sotsial'nyevyzovyiaktual'nyetendentsii [Modern Russian deviantology: History, methodology, social challenges and current trends]. Russian Journal ofDeviantBehavior, 1(1), 12–23. – doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23.(In Russian)
8. Isaev D.N., Kagan V.E. (1979).Polovoevospitanieipsikhogigienapola u detey[Sex education and psychohygiene of sex in children]. L.: Meditsina. 184 pp.(In Russian)
9. Kleyberg Yu.A. (2026).Psikhologiyadeviantnogopovedeniya[Psychology of deviant behavior]. Moskva: Izdatel'stvoYurayt. 287 pp.(In Russian)
10. Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I. (2015). Osobennosti psikhologicheskogo blagopoluchiya uchashchikhsya srednego podrostkovogo vozrasta [Features of psychological well-being of middle adolescent students].PushkinLeningrad State University Journal, 5(4), 21–32.(In Russian)
11. Kon I.S. (1989).Psikhologiya ranney yunosti [Psychology of early adolescence]. Moskva: Aktsionernoe obshchestvo «Izdatel'stvo «Prosveshchenie». 255 pp.(In Russian)
12. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. (2001). Psikhosotsial'naya addiktologiya [Psychosocial addictology]. Novosibirsk: Izdatel'stvo «Ol'sib». 251 pp.(In Russian)

13. Leontiev D.A. (2020) Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatijnogo polya [Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field]. Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes. (1), 14-37. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02. (In Russian)
14. Lichko A.E. (2012). Psikhopatii I aktsentuatsii kharaktera u podrostkov [Psychopathies and character accentuations in adolescents]. In Yu.B. Gippenreiter&V.Ya. Romanov (Eds.),Psikhologiya individual'nykh razlichiy [Psychology of individual differences], 288–318. Moskva: Izd-vo MGU.(In Russian)
15. Malkina-Pykh I.G. (2006). Psikhologiya povedeniya zhertvy [Psychology of victim behavior]. Moskva: Eksmo. 1008 pp. (In Russian)
16. Merton R.K. (2010). Sotsial'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. Sotsiologiya vlasti, (4), 212–223.(In Russian)
17. Metodicheskoe rukovodstvo. Sbornik testov programmno-metodicheskogo kompleksa differentsial'noy diagnostiki povedencheskikh narusheniy nesovershennoletnikh «Diagnost-Ekspert+» [Methodological guide. Collection of tests of the software-methodological complex for differential diagnosis of behavioral disorders in minors "Diagnost-Expert+"]. (2017). Sostaviteli Dvoryanchikov, N.V., Delibalt, V.V., Dozortseva, E.G., Debolskiy, M.G., Degtyarev, A.V., Chirkina, R.V., Lavrik, A.V. Moskva: FGBOU VO MGPPU. 198 pp.(In Russian)
18. Narutskaya N.V. (2025). Struktura prestupnosti nesovershennoletnikh (obzor statisticheskikh dannykh za 2020–2025 gg.) [Structure of juvenile delinquency (review of statistical data for 2020–2025)].Bulletin of economics and law, (110), 62–71.(In Russian)
19. Berezin S.V., Lisetskiy K.S. (Eds.). (2002).Preduprezhdenie podrostkovoy i yunosheskoy narkomanii [Prevention of adolescent and youth drug addiction]. Samara: Izd-vo «Samarskiyuniversitet». 206 pp.(In Russian)
20. Ruziev A.A., Barabanov R.E. (2022). Sub"ektivnoe blagopoluchie nesovershennoletnikh, nakhodyashchikhsya v konflikte s zakonom [Subjective well-being of minors in conflict with the law]. Russian Journal of Humanistic Psychology, 9(8(40)), 11–21. https://doi.org/10.58551/24136522_2022_9_8_11. (In Russian)
21. Dubrovina I.V. (Ed.). (2026).Rukovodstvo prakticheskogo psikhologa. Psikholog v shkole [Handbook of practical psychologist. Psychologist at school]. Moskva: Izdatel'stvoYurayt. 206 pp.(In Russian)
22. Sokolova M.V. (1996).Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya [Subjectivewell-beingscale]. Yaroslavl': NPTS «Psikhodiagnostika». 17 pp.(In Russian)
23. Freud Z. (2005).Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychologyoftheunconscious]. Moskva: OOO «FirmaSTD». 437 pp.(In Russian)
24. Tsirulnikova E.A.,Lukanin N.S. (2022). Sovremennye tendentsii proyavleniy asotsial'no-psikhologicheskogo neblagopoluchiya u podrostkov [Current trends in the manifestation of socio-psychological distress in adolescents]. Psychology and psychotechnics, (4). URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39430. https://doi.org/10.7256/24540722.2022.4.39430(date of appeal 10.08.2026).(In Russian)
25. Shamionov R.M. (2006). Sub"ektivnoe blagopoluchie i tsennostno-smyslovye obrazovaniya lichnosti v professional'noysfere [Subjective well-being and value-meaning formations of personality in the professional sphere].Izvestiya Saratovskogouniversiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika, 6(1/2), 104–109.(In Russian)
26. Shamionov R.M. (2014). Sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti kak sub"ekta sotsial'nogo bytiya [Subjective well-being of personality as a subject of social existence]. Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy**,** 14(1), 80–86.(In Russian)
27. Shmelev A.G. (2002).Psikhodiagnostika lichnostnykh chert [Psychodiagnostics of personality traits]. Sankt-Peterburg: Rech'. 480 pp.(In Russian)
28. Shneyder L.B. (2005).Deviantnoe povedenie detey i podrostkov [Deviant behavior of children and adolescents]. Moskva: Akademicheskiyproekt; Trista. 336 pp.(In Russian)
29. Yakovlev B.P., Babushkin G.D., Babushkin E.G., Tarasenko I.B. (2019). Psikhologo-pedagogicheskie factory vozniknoveniya deviatsiy v povedenii sovremennykh podrostkov [Psychological and pedagogical factors of deviations in the behavior of modern adolescents]. PsychopedagogicsinLawEnforcement, 24(1(76)), 68–73.(In Russian)
30. Brown B.B. (2004). Adolescents' relationships with peers. In R. M. Lerner & L. Steinberg (Eds.), Handbook of adolescent psychology (2nd ed., pp. 363–394). Wiley**.** (In English).
31. Dodge K.A. (1980). Social cognition and children's aggressive behavior. Child Development, 51(1), 162–170. https://doi.org/10.2307/1129603. (In English).

Поступила в редакцию 31.07.2026 г.

SUBJECTIVE WELL-BEING AS PREDICTOR OF DEVIANT BEHAVIOUR IN ADOLESCENCE

L. S. Samsonenko

The article addresses the characteristics of subjective well-being and the tendency towards deviant behaviour in adolescence. The relevance of the study is accounted for by the growing prevalence of deviant behaviour among adolescents and the contradictory nature of existing data on the role of subjective well-being as a mediating factor in behavioral strategies. The results of the empirical study, conducted on a sample of 68 13-16-year-old students, are presented. The Subjective Well-Being Scale (A. Peroué-Badou, G. Mendelson, and J. Shish, adapted by M.V. Sokolova) and the Deviant Behaviour Scale (A.N. Orel) have been applied. A paradoxical result has been obtained, i.e. adolescents with declared subjective well-being demonstrate statistically significantly higher rates of addiction and delinquency compared to adolescents experiencing pronounced emotional discomfort. The data obtained are interpreted as the action of the denial defense mechanism, the desire for social desirability of the study participants, and the lack of psychological attention to «superficially well-adjusted» adolescents. Based on the differentiation of the sample by the level of subjective well-being, practical recommendations for psychological and pedagogical support of different groups of adolescents are proposed.

Key words: subjective well-being, deviant behaviour, adolescents, psychological support, denial, reflection, social desirability, addictive behaviour, delinquent behaviour.

Самсоненко Людмила Сергеевна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Оренбург.
Доцент кафедры возрастной и педагогической психологии.
ORCID 0000-0002-3321-6479.
E-mail: lsamsonenko@yandex.ru.

Samsonenko Lyudmila Sergeyevna.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Orenburg State Pedagogical University,
Russian Federation, Orenburg.
Associate Professor at Department of Age and Pedagogical Psychology.
ORCID 0000-0002-3321-6479.
E-mail: lsamsonenko@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.5281/zenodo.24030920

АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА[6]

© 2026 *Е.В. Чуканов*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID: 0009-0003-0237-767X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются адаптационные ресурсы как структурный компонент жизнеспособности личности в условиях социальной неопределенности. Цель исследования заключается в изучении взаимосвязи жизнеспособности, толерантности к неопределенности и персональных ресурсов на различных этапах взрослости. Эмпирическое исследование проведено на выборке представителей ранней (21–25 лет) и поздней взрослости (40–55 лет). Установлено, что возрастные группы различаются по характеру отношения к неопределенности, структуре персональных ресурсов и уровню жизнеспособности. В ранней взрослости адаптационные ресурсы преимущественно связаны с самоэффективностью, настойчивостью, отношением к новизне и сложным задачам. В поздней взрослости более значимыми выступают накопленные персональные ресурсы, локус контроля, духовность, семейные и социальные связи. Полученные результаты позволяют рассматривать жизнеспособность как динамическую систему, включающую личностные и социально-психологические ресурсы, обеспечивающую поддержание субъектности и функционального взаимодействия личности с изменяющейся социальной средой.

Ключевые слова: социальная неопределенность, жизнеспособность, персональные ресурсы, толерантность к неопределенности, самоэффективность.

Для цитирования: Чуканов Е.В. Адаптационные ресурсы в структуре жизнеспособности человека / Е.В. Чуканов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 355–363. — https://doi.org/10.5281/zenodo.24030920.

Современная социальная реальность характеризуется высокой динамичностью, множественностью изменений и усложнением условий, в которых осуществляется жизнедеятельность человека. Трансформация социальных институтов, изменение привычных моделей взаимодействия, неопределенность перспектив и вариативность требований социальной среды актуализируют проблему психологической адаптации личности к условиям, не позволяющим в полной мере прогнозировать развитие событий и однозначно определять стратегии поведения.

Социальная адаптация личности и социальных групп в условиях возрастающей социальной неопределенности и сопряженного с ней риска может рассматриваться как динамический процесс освоения и реализации новых форм социального поведения, паттернов взаимодействия и практик повседневной жизнедеятельности, формирующихся под воздействием субъектно обусловленной рациональности и

[6] Работа выполнена в рамках государственного задания «Личность в современном информационном и социокультурном пространстве» (№ FRRE-2026-0029).

специфики индивидуального выбора. В ситуации неопределенности и риска используемые личностью поведенческие стратегии оказывают существенное влияние на степень предсказуемости последующего развития событий, трансформируя представления как об индивидуальной, так и о коллективной перспективе [7].

Социальная неопределенность и риск при этом выступают не столько ситуативными характеристиками, сколько устойчивыми атрибутами динамично трансформирующейся социальной среды. Как указывает Н.Е. Шилкина. высокая вероятность возникновения непредвиденных и трудно прогнозируемых событий актуализирует необходимость непрерывной адаптационной регуляции поведения и постоянной модификации способов взаимодействия личности с социальной действительностью. Данный процесс осуществляется в контексте изменяющихся институциональных норм и предписаний, восприятие и принятие которых опосредуются субъективными оценками ситуации, индивидуальными ценностно-смысловыми ориентациями и особенностями интерпретации социального опыта [11].

Социальная неопределенность рассматривается как значимый фактор, определяющий специфику процессов социально-психологической адаптации личности и актуализирующий необходимость постоянной перестройки способов взаимодействия с изменяющейся социальной средой. А.В. Махнач рассматривает феномен жизнеспособности в двух взаимодополняющих аспектах. С одной стороны, жизнеспособность понимается как когнитивная репрезентация интегративного качества личности, находящего отражение в эмоциональной, нравственной, культурной и коммуникативной сферах. С другой стороны, она выступает как результат накопленного субъектом жизненного опыта, который формирует основу и ресурсную базу жизнеспособности. В рамках данного подхода жизнеспособность определяется как способность человека преодолевать неблагоприятные жизненные обстоятельства, восстанавливаться после их воздействия и мобилизовать для этого совокупность внутренних и внешних ресурсов. При этом жизнеспособность предполагает не только сохранение способности к функционированию в условиях жизненных трудностей, но и возможность дальнейшего развития личности, несмотря на воздействие неблагоприятных событий. Указывается, что адаптацию целесообразно рассматривать как один из ключевых компонентов подструктуры «общество» в структуре жизнеспособности. Она обеспечивает поддержание функционального взаимодействия личности с социальным окружением в условиях изменчивости, неоднозначности и непредсказуемости социальной действительности [6].

В условиях социальной неопределенности позитивная адаптация предполагает не только использование сформированных механизмов психологической защиты, но и их гибкую регуляцию в соответствии с изменяющимися требованиями социальной ситуации. Защитные механизмы, формирующиеся в процессе жизнедеятельности личности, выполняют адаптивную функцию, способствуя снижению субъективного переживания угрозы и поддержанию относительной устойчивости поведения. Вместе с тем их чрезмерная фиксация и превращение в устойчивые стереотипизированные способы реагирования могут ограничивать вариативность поведения и снижать способность личности к адекватной переработке новой социальной информации. В условиях высокой неопределенности это приобретает особое значение, поскольку ригидность адаптационных механизмов может препятствовать своевременной перестройке поведенческих стратегий и, как следствие, снижать эффективность социального функционирования.

Именно способность личности сохранять вариативность способов реагирования при отсутствии однозначных социальных ориентиров может рассматриваться в качестве одного из психологических ресурсов адаптации к социальной неопределенности. В данном контексте, девиантные формы социального взаимодействия целесообразно рассматривать как возможный результат нарушения адаптационной регуляции. При этом используемые личностью способы совладания с неопределенностью, оказываются недостаточно эффективными для обеспечения конструктивного взаимодействия с социальной средой. Таким образом, характер реагирования личности на неопределенные и изменяющиеся социальные условия, может выступать одним из индикаторов ее адаптационного потенциала, а в более широком контексте уровнем жизнеспособности [3].

С позиций интегративного подхода жизнеспособность целесообразно рассматривать как системное психологическое образование, формирующееся во взаимосвязи характеристик личности, параметров социальной ситуации и особенностей ее субъективного восприятия и интерпретации. В концепции А.А. Нестеровой особое значение приобретает социальная неопределенность, которая понимается как специфическое состояние социальной среды, характеризующееся изменчивостью нормативных требований, вариативностью возможных сценариев развития событий, дефицитом однозначных ориентиров и ограниченной предсказуемостью последствий индивидуальных и групповых действий. В таких условиях, жизнеспособность отражает способность личности и социальных общностей сохранять функциональную целостность, адаптировать способы поведения к изменяющимся требованиям среды и использовать имеющиеся ресурсы для преодоления возникающих трудностей [9].

Жизнеспособность личности при этом, может быть определена, как системное качество, интегрирующее индивидуальные и социально-психологические возможности субъекта, и обеспечивающее реализацию его ресурсного потенциала в сложных и неопределенных жизненных обстоятельствах. Ее психологическое содержание проявляется в способности к выбору и гибкой трансформации конструктивных стратегий поведения, поддержанию продуктивного взаимодействия с социальным окружением, восстановлению нарушенного уровня функционирования, а при определенных условиях, преобразованию кризисного опыта в источник дальнейшего личностного развития [4]. В условиях социальной неопределенности, она может рассматриваться также как способность субъекта функционировать при отсутствии однозначных социальных предписаний и гарантированных способов достижения значимых целей.

А.А. Нестерова предлагает жизнеспособность анализировать на трех взаимосвязанных уровнях — социентальном, микросоциальном и личностном. Данная уровневость позволяет рассматривать жизнеспособность не как исключительно индивидуальное свойство, а как результат динамического взаимодействия личности с различными уровнями социальной среды, каждый из которых формирует специфические ресурсы, ограничения и требования к адаптации в условиях неопределенности [9].

Социентальный уровень предполагает анализ отношений личности и социальных групп с социальной системой в целом, включая взаимодействия между крупными социальными структурами и различными сообществами. В условиях социальной неопределенности данный уровень приобретает особую значимость, поскольку устойчивость жизнедеятельности личности во многом определяется характером нормативно-ценностного пространства, институциональной поддержкой и доступностью социально значимых ресурсов. Формирование и поддержание в обществе ценностей и установок, способствующих просоциальному поведению, профессиональной самореализации, личностному развитию и социальной

ответственности, может рассматриваться как одно из условий формирования коллективных ресурсов жизнеспособности. В условиях неопределенности значение имеют не только стабильность социальных норм, но и их способность обеспечивать человеку ориентиры для поведения при изменении привычных социальных условий.

Микросоциальный уровень включает в себя характеристики ближайшего социального окружения личности — семьи, референтных групп и сети значимых социальных контактов. Именно на данном уровне происходит непосредственное усвоение способов интерпретации сложных социальных ситуаций и моделей реагирования на неопределенность. Особое значение приобретает межпоколенная трансляция моделей жизнеспособности, включающая способы совладания с трудностями, характер взаимодействия с социальной средой, установки относительно контроля над жизненными обстоятельствами и стратегии поведения, сформированные в процессе семейного воспитания [7, 8].

Социальное окружение может выступать как источником ресурсов адаптации к неопределенности, так и фактором закрепления неэффективных или ригидных способов реагирования на изменяющиеся социальные условия.

На личностном уровне жизнеспособность раскрывается через совокупность психологических характеристик, определяющих способы восприятия и интерпретации человеком социальной действительности, а также особенности регуляции поведения в ситуации неопределенности. К числу значимых предикторов могут быть отнесены базовые убеждения, атрибутивный стиль, осмысленность жизни, ценностное отношение к социальным контактам, субъективная оценка временной перспективы и стратегии социально-психологической адаптации. В совокупности данные характеристики определяют то, каким образом личность конструирует субъективную картину неопределенной социальной ситуации, оценивает доступные ресурсы и ограничения, осуществляет выбор способов реагирования при недостатке однозначной информации [6, 9].

В ситуации неопределенности возрастает значение способности субъекта к переоценке имеющегося опыта, изменению поведенческих стратегий, сохранению ценностно-смысловой целостности и выстраиванию новых способов взаимодействия с социальной средой. Жизнеспособность может быть представлена как динамическая система ресурсов и механизмов, обеспечивающая поддержание субъектности личности в условиях изменяющихся и недостаточно предсказуемых социальных обстоятельств [2].

Ведущими механизмами становления и функционирования жизнеспособности выступают процессы адаптации, идентификации, индивидуализации и интеграции. Их взаимосвязь обеспечивает, с одной стороны, включенность личности в существующую систему социальных отношений, а с другой — сохранение ее автономии, уникальности и способности к самостоятельному конструированию способов поведения. В условиях социальной неопределенности согласованность обозначенных процессов определяет способность личности не только приспосабливаться к трансформациям социальной среды, но и активно перестраивать собственные стратегии взаимодействия с ней, сохраняя внутреннюю целостность и потенциал дальнейшего развития.

Цель исследования заключается в изучении адаптационных ресурсов личности как компонента структуры жизнеспособности во взаимосвязи с толерантностью к неопределенности и персональными ресурсами в условиях социальной неопределенности.

Материалы и методы исследования. В соответствии с задачами исследования были выделены две группы: ранняя и поздняя взрослость. Выбор именно этих

возрастных периодов обусловлен их различным положением в структуре жизненного цикла. Прежде всего, различиями в характере социальной ситуации развития. Выборку ранней взрослости составили лица в возрасте 21–25 лет (M=22,9), из них: 74 женщины (58,3 %) и 53 мужчины (41,7 %). Выборку поздней взрослости составили лица 40–55 лет (M=47,7), из них: 51 женщины (53,1 %) и 45 мужчины (46,9 %).

Ранняя взрослость представляет собой период интенсивного освоения и конструирования социальной позиции. В этот период человек осуществляет активное включение в систему профессиональных, семейных и иных социальных отношений, формирует относительно самостоятельный образ жизни, расширяет и переструктурирует круг значимых социальных контактов, осваивает новые социальные роли и определяет способы их сочетания. Поздняя взрослость, напротив, характеризуется функционированием человека в уже сформированной системе социальных ролей и отношений, накоплением значительного профессионального и социального опыта и изменением содержания актуальных социальных задач. В этот период может происходить переструктурирование семейных и профессиональных ролей, изменение характера взаимодействия с различными социальными группами, а также переоценка человеком собственной социальной позиции и перспектив дальнейшей жизнедеятельности [1].

Психодиагностический комплекс представлен следующими методиками:

1. «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач) [6];
2. «Шкала толерантности к неопределенности» (D. McLain. Адаптация: Е.Г. Луковицкая, Е.Н. Осин) [5].
3. «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Н.Е. Водопьянова, М.В. Штейн) [10].

Статистическая обработка данных проводилась с применением методов описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни для сравнения независимых выборок и корреляционного анализа Пирсона.

Проведенное **эмпирическое исследование и анализ его результатов** позволили сформулировать следующие выводы о специфике адаптационных ресурсов в структуре жизнеспособности в ранней и поздней взрослости.

Возможность релевантно воспринимать неопределенные ситуации способствует эффективной адаптации к стрессам и изменениям. Сформированная толерантность к неопределенности позволяет сохранять психологическую устойчивость и принимать эффективные решения в неопределенных условиях. На уровне описательной статистики, отмечается, что показатели толерантности к неопределенности (методика «Шкала толерантности к неопределенности» (D. McLain, адаптация: Е.Г. Луковицкая, Е.Н. Осин) находятся в диапазоне средних значений. Можно предположить, что в данных группах произошло формирование адаптивных стратегий по отношению к неопределенности, в условиях социальных трансформаций. Средний уровень толерантности к неопределенности свидетельствует о сбалансированности мотивационных и поведенческих установок: нейтральное предпочтение неопределенности, умеренную склонность к принятию неопределенности, средний уровень отношения к новизне и к решению сложных задач, а также умеренную готовность реагировать на неопределенные ситуации.

Статистический анализ позволил выявить различия между группами. Для группы ранней взрослости характерно предпочтение неопределенности ($U_{эмп} = 4765$, $p \leq 0{,}01$), положительное отношение к новизне ($U_{эмп} = 4391$, $p \leq 0{,}01$), а для группы поздней взрослости — отношение к сложным задачам ($U_{эмп} = 2625$, $p \leq 0{,}01$), отношение к неопределенным ситуациям ($U_{эмп} = 4282{,}5$, $p \leq 0{,}01$). Можно предположить, что в

группе ранней взрослости неопределенность рассматривается как возможность реализации личностного потенциала. Неопределенность выступает не только как фон реализации намерений, но и как определенный мотивационный потенциал. В период поздней взрослости, накопленный социальный опыт позволяет находить наиболее эффективные способы разрешения противоречий, возникающих в ситуации неопределенности.

В рамках ресурсных концепций психологического стресса, адаптационный потенциал личности и ее устойчивость к воздействию стрессогенных факторов, рассматриваются через призму наличия у человека определенных личностных или социально-психологических ресурсов. Под таковыми понимаются ценности и внутренние или внешние ресурсы, которые способствуют успешной адаптации к стрессовым ситуациям и обеспечивают преодоление жизненных трудностей. С целью исследования индекса ресурсности использовалась методика «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Н.Е. Водопьянова, М.В. Штейн)

В группе ранней взрослости показатель потери персональных ресурсов (M=114,1; σ = 18,4) значительно превышает показатель приобретения (M=70,2; σ = 21,8). В группе поздней взрослости отмечается обратная тенденция, показатель приобретения персональных ресурсов (M=122,8; σ = 15,3) превышает показатель потерь (M=57,5; σ = 15,8). Индекс ресурсности в группе ранней взрослости находится в диапазоне низких значений (M=0,6; σ = 0,2), а в группе поздней взрослости — высоких (M=2,3; σ = 0,7). Статистический анализ выявил значимые различия по шкалам методики: потеря персональных ресурсов (Uэмп = 115, $p \leq 0,01$), приобретение ресурсов (Uэмп = 270,5, $p \leq 0,01$), индекс ресурсности (Uэмп = 117,5, $p \leq 0,01$).

Потери и приобретения персональных ресурсов выступают как ключевые детерминанты адаптационной устойчивости к стрессогенному воздействию и отражают динамику жизненных ресурсов в контексте возрастных задач и жизненного пути. Выявленные различия свидетельствуют о возрастной специфике ресурсности в условиях социальной неопределенности и отражают когнитивно-эмоциональные и социально-экономические механизмы перераспределения ресурсов.

Расхождение в группе ранней взрослости, вероятно, обусловлено спецификой социализации в условиях социальной неопределенности. Освоение социальных ролей в нестабильной среде требует мобилизации адаптационного потенциала, что в условиях дисбаланса между личностным потенциалом и непредсказуемыми требованиями социальной среды может быть затруднено. Низкий индекс ресурсности здесь выступает маркером уязвимости в условиях макросоциальных изменений.

Для группы поздней взрослости развитая система представлений о мире и наличие социальных связей могут выступать факторами, снижающими негативный эффект воздействия социальной неопределенности. В сложных условиях предыдущий опыт переживания похожих ситуаций позволяет рассматривать неопределенность не как угрозу, а как поле реализации уже приобретенных навыков переживания. Тем самым, сохраняя прежний уровень качества жизни.

Жизнеспособность является интегральным ресурсом адаптации, выступая не как пассивная способность к выживанию, а как динамическая способность сохранять и восстанавливать функциональные возможности, мобилизовать и перераспределять имеющиеся ресурсы в ответ на стрессоры и изменения окружающей среды, трансформировать опыт в адаптивные стратегии.

По методике «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач) в группе ранней взрослости, по сравнению с группой поздней, отмечается снижение показателя

семейных и социальных связей (M=39,6; σ = 11,7) и интегрального показателя (M=278; σ = 31). Статистический анализ данных выявил различия по шкалам: локус контроля (Uэмп = 5013,5, p ≤0,05), духовность (Uэмп = 4484,5, p ≤0,01), семейные и социальные связи (Uэмп = 2307,5, p ≤0,01), интегральный показатель жизнеспособности (Uэмп = 3245,5, p ≤0,01). Данные показатели в группе поздней взрослости выше.

Результаты сравнения групп отражают определенную динамику: выраженность внутреннего локус контроля в группе поздней взрослости отражает веру в возможность влияния на социальные группы, в которые они включены. Им свойственно представление о контроле собственной жизни, возможности влияния на события текущего временного периода и будущего. Развитая смысловая регуляция и сложенная система ценностных ориентаций способствуют росту духовности, что обеспечивает адаптивность поведения в условиях социальной неопределенности. Развитая сеть семейных и социальных связей обуславливает рост внешней поддержки. Аккумуляция индивидуально-психологических, духовных и социальных характеристик стимулирует рост интегрального показателя жизнеспособности.

Анализ корреляционных связей позволил выявить специфику взаимосвязей в группах. Так, в группе раннего возраста была выявлена взаимосвязь между показателем самоэффективности и принятием неопределенности (rs= -0,22; p≤0,05), отношением к сложным задачам (rs= 0,20; p≤0,05). Толерантность к неопределенности выступает как копинг-ресурс в условиях социальной неопределенности, ее динамика зависит от сочетания личностных ресурсов, таких как самоэффективность. Отрицательная взаимосвязь между самоэффективностью и принятием неопределенности предполагает, что при высоком уровне самоэффективности наблюдается отрицание неопределенности. Вероятно, в группе ранней взрослости имеется тенденция снижения принятия неопределенности как потенциального риска для достижения целей. Положительная взаимосвязь между самоэффективностью и отношением к сложным задачам у данной группы указывает на то, что молодые люди, уверенные в своих способностях, воспринимают сложные задачи как более привлекательные и достижимые в условиях неопределенности. Отношение к сложной задаче может здесь выступать формой структурирования жизненного пространства.

Также выявлена взаимосвязь между настойчивостью и отношением к неопределенным ситуациям (rs= 0,22; p≤0,05), совладанием и адаптацией и отношением к новизне (rs= -0,19; p≤0,05). При высоком уровне настойчивости, формируется активная мотивация поиска выхода из неопределённых ситуаций. Невозможность контролировать внешнюю среду провоцирует человека обращать внимание на контроль собственных (внутренних) усилий, тем самым позволяя сохранить чувство субъектности.

В группе поздней взрослости выявлена взаимосвязь между отношением к новизне и самоэффективностью (rs= -0,28; p≤0,01), локусом контроля (rs= -0,22; p≤0,05), интегральным показателем жизнеспособности (rs= -0,26; p≤0,01). Выявленные отрицательные взаимосвязи раскрывают специфическую структуру защитной системы, обеспечивающей поддержание жизнеспособности в период поздней взрослости. В отличие от представителей группы ранней взрослости, чья адаптационная активность направлена на ассимиляцию факторов социальной неопределенности посредством активизации поискового поведения и расширения репертуара поведенческих стратегий; представители старшей возрастной группы реализуют стратегию психологической сохранности.

Выявлена взаимосвязь между показателем приобретения персональных ресурсов и настойчивостью (rs= 0,21; p≤0,05), духовностью (rs= 0,23; p≤0,05), семейными и социальными связями (rs= 0,25; p≤0,05). Настойчивость можно рассматривать как

базовый компонент, позволяющий преодолевать препятствия, неизбежно возникающие в ситуации социальной неопределенности. Наличие устойчивой ценностно-смысловой системы, потенциально способствует сохранению субъективного чувства упорядоченности происходящего и поддержанию психологического благополучия. Ресурсная динамика может быть сопряжена с доступностью и сохранением значимых социальных связей, посредством которых человек получает эмоциональную поддержку и дополнительные возможности для адаптации.

Полученные результаты позволяют рассматривать жизнеспособность не как статичное индивидуально-психологическое свойство, а как динамическую систему взаимосвязанных личностных и социальных ресурсов, обеспечивающих поддержание функционального взаимодействия человека с изменяющейся социальной средой.

В ранней взрослости адаптационный потенциал преимущественно связан с активным освоением новой социальной реальности, самоэффективностью, настойчивостью и готовностью взаимодействовать с новыми и сложными ситуациями. В поздней взрослости большую роль играют накопленные персональные ресурсы, устойчивые семейные и социальные связи, локус контроля и ценностно-смысловая регуляция. Стоит отметить, что обе системы обеспечивают решение общей адаптационной задачи — сохранение функциональности и субъектности человека в условиях изменяющейся социальной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев, Б.Г. Ананьев. — 3-е изд.. — Москва [и др.] : Питер, 2010. — 282 с.
2. Белинская Е.П., Рикель А.М. Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования / Е.П. Белинская, А.М. Рикель, // Национальный психологический журнал — 2024. — № 19(3). — С. 31–45. — https://doi. org/10.11621/npj.2024.0303
3. Клейберг Ю. А. Неопределенность самоидентичности: девантологический конструкт / Ю.А. Клейберг // Пензенский психологический вестник. — 2015. — № 1(4). — С. 166–180. — DOI 10.17689/psy–2015.1.11.
4. Козлов В.В. Некоторые особенности посттравматического стрессового расстройства в современных условиях / В.В. Козлов // Ярославский психологический вестник. — 2022. — № 2 (53). — С. 45–50.
5. Леонтьев Д.А. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, Е.Г. Луковицкая. — Москва : Издательство «Смысл», 2016. — 60 с.
6. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма / А.В. Махнач. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 459 с.
7. Мерзаканов С.А. Социальная неопределенность как источник делинквентности в молодежной среде / С.А. Мерзаканов // Теория и практика общественного развития. — 2008. — № 2. — С. 41–45.
8. Нестерова А.А. Структурная модель жизнеспособности и позитивной адаптации молодежи в условиях безработицы / А.А. Нестерова // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2010. — № 7(83). — С. 172–176.
9. Нестерова А.А. Феноменология жизнеспособности личности в трудных жизненных ситуациях / А.А. Нестерова // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2011. — № 4(24). — С. 51–62.
10. Практикум по психологии здоровья. — Москва и др. : Питер : Питер Принт, 2005 (Тип. «Правда»). — 350 с.
11. Шилкина Н.Е. Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и риска : особенности и тенденции : по материалам социологических исследований начала XXI в. : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Шилкина Наталья Егоровна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2015. — 39 с.

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. (2010). Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an object of knowledge]. Moscow: Piter.
2. Belinskaya E.P., Rikel' A.M. (2024). Identichnost' pokoleniy: sotsial'no-psikhologicheskiy podkhod i opyt empiricheskogo issledovaniya [Generational Identity: A Socio‑Psychological Approach and the Experience of

Empirical Research] in Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal [National Psychological Journal]. № 19(3), pp. 31–45. https://doi. org/10.11621/npj.2024.0303.
3. Kleiberg Yu.A. (2015). Neopredelennost' samoidentichnosti: devantologicheskiy konstrukt [Uncertainty of self‑identity: a devantological construct] in Penzenskiy psikhologicheskiy vestnik [Penza Psychological Bulletin]. № 1(4), pp. 166–180. — DOI 10.17689/psy–2015.1.11.
4. Kozlov V.V. (2022). Nekotorye osobennosti posttravmaticheskogo stressovogo rasstroystva v sovremennykh usloviyakh [Some features of post‑traumatic stress disorder in modern conditions] in Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik [Yaroslavl Psychological Bulletin]. № 2 (53), pp. 45-50.
5. Leont'ev D.A. (2016). Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: Shkaly D. Makleyna [Diagnostics of Tolerance to Uncertainty: D. MacLean's Scales]. Moscow: Smysl.
6. Makhnach A.V. (2016)Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigm [The Resilience of the Individual and the Family: A Socio‑Psychological Paradigm]. Moscow: Institut psikhologii RAN.
7. Merzakanov S.A. (2008). Sotsial'naya neopredelennost' kak istochnik delinkventnosti v molodezhnoy srede [Social uncertainty as a source of delinquency among young people] in Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. № 2, pp. 41-45.
8. Nesterova A.A. (2010). Strukturnaya model' zhiznesposobnosti i pozitivnoy adaptatsii molodezhi v usloviyakh bezrabotitsy [Structural Model of Viability and Positive Adaptation of Young People in Unemployment Conditions] in Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University]. № 7(83), pp. 172–176.
9. Nesterova A.A. (2011). Fenomenologiya zhiznesposobnosti lichnosti v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh [Phenomenology of Personal Viability in Difficult Life Situations] in Novoe v psikhologo–pedagogicheskikh issledovaniyakh [New in Psychological and Pedagogical Research]. № 4(24), pp. 51–62.
10. Praktikum po psikhologii zdorov'ya [Workshop on Health Psychology] (2005). Moscow: Piter.
11. Shilkina N.E. (2015) Sotsial'naya adaptatsiya studencheskoy molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti i riska : osobennosti i tendentsii : po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy nachala XXI v. [Social Adaptation of Student Youth in Conditions of Social Uncertainty and Risk: Features and Trends: Based on Materials from Sociological Studies of the Early 21st Century] (Doctoral thesis). Saint Petersburg State University,Sankt-Peterburg.

Поступила в редакцию 10.09.2026 г.

ADAPTIVE RESOURCES OF HUMAN RESILIENCE

E.V. Chukanov

The article addresses adaptive resources as a structural component of individual's resilience under the conditions of social uncertainty. The aim of the study is to examine the relationship between resilience, tolerance for uncertainty, and personal resources at different stages of adulthood. The empirical study was conducted on a sample of representatives of early adulthood (21–25 years old) and late adulthood (40–55 years old). It has been established that age groups differ in terms of their attitude towards uncertainty, the structure of personal resources, and the level of resilience. In early adulthood, adaptive resources are primarily associated with self‑efficacy, persistence, and attitudes towards novelty and complex tasks. In late adulthood, accumulated personal resources, locus of control, spirituality, and family and social ties become more significant. The results obtained allow us to view resilience as a dynamic system that includes personal and socio‑psychological resources, ensuring the maintenance of subjectivity and the functional interaction of the individual with the changing social environment.

Key words: social uncertainty, resilience, personal resources, tolerance for uncertainty, self‑efficacy.

Чуканов Евгений Валериевич.
Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация.
Старший преподаватель кафедры общей психологии.
ORCID 0009-0003-0237-767X.
E-mail: e.v.chukanov@mail.ru.

Chukanov Evgeniy Valerievich.
Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.
Senior Lecturer of General Psychology Department.
ORCID 0009-0003-0237-767X.
E-mail: e.v.chukanov@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9:351.74
DOI: 10.5281/zenodo.24031048

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ У КАНДИДАТОВ В ОВД ПРИ РАЗНЫХ МОДЕЛЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА

© 2026 ***О.Л. Шарова***[1], ***А.А. Кожуховская***[2]
Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
ORCID[1] 0009-0009-9003-1583
ORCID[2] 0009-0004-1948-0478

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, сравнивающего два формата оценочного интервью при профессиональном отборе кандидатов в органы внутренних дел — традиционный (директивный) и консультативный (фасилитирующий). В выборку вошли 40 кандидатов (по 20 в группе). Использованы: шкала ситуативной тревожности Спилбергера — Ханина, методика Крауна — Марлоу и шкала эмоционального отклика BEES. Консультативный формат статистически значимо ассоциируется с более низкими показателями тревожности и социальной желательности; различия по эмпатии не значимы. Полученные данные позволяют предположить, что процедурные условия диагностики могут систематически влиять на результаты самоотчетных методик, а консультативный формат — создавать более безопасную среду для самораскрытия кандидатов. Однако, поскольку группы различались не только стилем интервью, но и его длительностью и моментом тестирования, каузальные выводы требуют дополнительной проверки. Сделан вывод о необходимости дальнейших исследований со строгим контролем дизайна.

Ключевые слова: профессиональный отбор, органы внутренних дел, консультативная модель, ситуативная тревожность, социальная желательность, эмпатия, кандидаты на службу.

Для цитирования: Шарова О.Л. Сравнительный анализ ситуативной тревожности и социальной желательности у кандидатов в ОВД при разных моделях профессионального отбора / О.Л Шарова, А.А. Кожуховская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 364–373. — https://doi.org/10.5281/zenodo.24031048.

Введение. Работа в органах внутренних дел (ОВД) сопряжена с постоянным стрессом, дефицитом времени, правовыми ограничениями и нередко — с угрозой для жизни [7, с. 118; 3, с. 109]. В связи с этим особую значимость приобретает качественный психологический отбор, позволяющий выявить кандидатов, обладающих необходимыми профессионально важными качествами (ПВК) — стрессоустойчивостью, эмоциональной стабильностью, коммуникативными навыками [3, с. 109].

Профессиональный психологический отбор в ОВД Российской Федерации регламентируется ведомственными нормативными актами, в частности приказом МВД России, определяющим порядок проведения психофизиологических исследований и тестирования кандидатов [5, с. 12]. Однако формат собеседования в этих документах не конкретизируется, что оставляет пространство для вариативности в практике психологов-кадровиков. Традиционная процедура отбора, сложившаяся во многих территориальных подразделениях, строится преимущественно на стандартизированных

опросниках и кратком директивном собеседовании. Для кандидата такая ситуация воспринимается как экзаменационная, что провоцирует оценочную тревогу и активизирует стратегии социально желательного реагирования [12, с. 600]. В результате психолог получает искаженные данные, а качество диагностики снижается. Это создает кадровые риски: на службу могут быть приняты кандидаты с завышенными показателями стрессоустойчивости, которые в реальных экстремальных ситуациях не смогут эффективно действовать, или, напротив, могут быть отсеяны перспективные специалисты, не сумевшие правильно представить себя в стрессовой ситуации оценочного интервью.

В современной психологической практике все большее внимание уделяется консультативному (фасилитирующему) подходу, при котором общение строится как доверительный диалог, а не как проверка. Предполагается, что в безоценочной атмосфере кандидат меньше тревожится и дает менее социально желательные ответы. Теоретической рамкой здесь выступает концепция управления впечатлением И. Гоффмана: оценочная ситуация представляет собой «переднюю сцену» (front stage), где индивид вынужден играть социально одобряемую роль. Снижение оценочного давления через фасилитирующее интервью позволяет перевести взаимодействие в более доверительное русло, ослабляя защитные самопрезентационные стратегии. Однако эмпирических работ, непосредственно сравнивающих эти два формата именно в контексте отбора в ОВД, до настоящего времени недостаточно. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела.

Цель, объект, предмет, гипотезы

Цель — сравнить уровни ситуативной тревожности, эмпатии и социальной желательности у кандидатов, прошедших оценку в двух различных организационных форматах, и обсудить выявленные различия с учетом ограничений дизайна.

Объект — профессиональный психологический отбор кандидатов на службу в ОВД.

Предмет — уровни ситуативной тревожности, потребности в одобрении и эмоционального отклика (эмпатии) в зависимости от формата оценочной процедуры.

Гипотезы:

1. В группе с консультативным форматом уровень ситуативной тревожности будет ниже, чем в традиционной группе.
2. В группе с консультативным форматом показатели социальной желательности будут ниже.
3. Показатели эмпатии как устойчивой личностной черты не будут различаться между группами.

Теоретический обзор. Основы изучения профессионально важных качеств заложены в трудах Б.Г. Ананьева, П.К. Анохина и В.Д. Шадрикова. Согласно В.Д. Шадрикову, ПВК представляют собой индивидуальные свойства, влияющие на успешность деятельности и развивающиеся в процессе ее освоения [8, с. 45]. В.А. Бодров обосновывает взаимосвязь индивидуальных психофизиологических особенностей и успешности профессиональной деятельности, рассматривая профессиональную пригодность как динамическое образование, формирующееся в процессе освоения деятельности и зависящее от соответствия индивидуальных свойств требованиям профессии [1, с. 48].

Применительно к сотрудникам ОВД в структуре ПВК традиционно выделяют когнитивные, эмоционально-волевые, коммуникативные, морально-нравственные и психомоторные качества [4, с. 89; 2, с. 111]. Наибольшее значение для успешности деятельности в условиях витальных угроз и высокой психической нагрузки имеют

эмоционально-волевая устойчивость, самообладание, коммуникативная компетентность и морально-нравственные установки [5, с. 67]. Ошибки в диагностике этих качеств ведут к кадровым рискам, что делает актуальным поиск методов оценки, снижающих влияние ситуационных факторов на результаты самоотчетных методик.

Оценка ПВК закреплена в нормативно-правовых актах, регламентирующих категории профессиональной пригодности кандидатов. В соответствии с Постановлением Правительства РФ №1259 и Приказом МВД России №595 выделяются четыре категории пригодности, основанные на структуре обязательных, желательных, компенсируемых и противопоказанных качеств. К обязательным относят достаточный уровень общего интеллектуального развития, эмоциональную устойчивость, волевую регуляцию, дисциплинированность, профессиональную ответственность, правосознание и адекватную самооценку. Желательными для I категории являются повышенная стрессоустойчивость, инициативность, саморефлексия и профессиональная этика. Компенсируемые качества допускают дефицит в отдельных сферах при наличии уравновешивающих сильных сторон (II–III категории). Противопоказанные ПВК — низкий уровень интеллектуальных и нравственных качеств, выраженная эмоциональная нестабильность, агрессивность и деструктивные мотивации — обусловливают IV категорию и отрицательный вывод о допуске к службе [4; 7].

Зарубежные исследователи используют сходные конструкты, оперируя понятием «компетенции» [6, с. 123]. В США и Европе большое внимание уделяется структурированному интервью как одному из наиболее надежных методов отбора [10; 11]. Однако, как отмечают D.M. Corey и соавторы, даже стандартизированные протоколы психологического скрининга, применяемые в большинстве штатов США, не исключают влияния ситуационных факторов: структурированные интервью могут давать искажения, если кандидат испытывает сильный стресс или стремится произвести благоприятное впечатление [10, с. 158].

Социальная желательность как психологический конструкт наиболее разработана в двухфакторной модели Р. Полхуса [12, с. 598], различающей самообман (неосознаваемое искажение в пользу позитивного образа Я) и сознательную презентацию (стратегическое управление впечатлением в социально значимых ситуациях). В ситуации профессионального отбора ведущую роль играет второй компонент: кандидат осознанно стремится произвести благоприятное впечатление на психолога и кадровую комиссию. Социальная желательность тесно связана с оценочной тревожностью — чем выше тревога, тем сильнее активизируются защитные механизмы самопрезентации; напротив, снижение тревожности создает условия для менее искаженных самоотчетов. Это согласуется с данными Ceschi и ее соавторов [9], показавшими, что кандидаты в полицию по сравнению с гражданскими лицами демонстрируют более высокий уровень социальной желательности и одновременно — более низкие показатели тревожности и агрессивности, что указывает на формирование репрессивного копинг-стиля уже на этапе отбора.

Ключевой механизм, объясняющий влияние формата процедуры на результаты, связан с социальным контекстом оценочной ситуации. При директивном, формальном стиле психолога кандидат оказывается в ситуации «передней сцены» (по И. Гоффману), активируются два взаимосвязанных процесса: оценочная тревога (страх негативной оценки) и социальная желательность (управление впечатлением). Напротив, при создании атмосферы принятия и безопасности (консультативный подход К. Роджерса) кандидат снижает защитные реакции, уменьшается тревога и потребность в социально

желательных ответах. Эмпатия как устойчивое личностное свойство при корректном измерении не должна изменяться под влиянием ситуационных факторов.

Материалы и методы исследования. Организация и выборка. Исследование проведено на базе структурного подразделения органов внутренних дел России (Московская область, г. Подольск) в период с января по март 2025 года. В исследовании участвовали 40 кандидатов на службу в ОВД (возраст 18–35 лет, M = 23,4 года, SD = 4,2), не имеющих опыта службы в правоохранительных органах. Выборка включала 28 мужчин (70%) и 12 женщин (30%), что соответствует гендерному распределению кандидатов на первичные должности в территориальных органах МВД.

Все кандидаты имели высшее или среднее специальное образование: 62,5% (n = 25) — высшее образование (в том числе 8 человек — по направлениям, связанным с юриспруденцией и правоохранительной деятельностью), 37,5% (n = 15) — среднее специальное образование. Основная часть участников (65%, n = 26) была в возрасте до 25 лет, что соответствует типичному портрету кандидатов на первичные должности в ОВД.

Кандидаты были разделены на две группы по 20 человек. Распределение осуществлялось последовательно (не рандомизированно): первые 20 кандидатов составили традиционную группу, следующие 20 — консультативную. Такой подход обусловлен организационными возможностями базы исследования и учтен при интерпретации результатов как ограничение дизайна.

Группы были сопоставимы по основным демографическим характеристикам: среднему возрасту (традиционная группа: M = 23,1 года, SD = 4,0; консультативная группа: M = 23,7 года, SD = 4,4; t = 0,45, p = 0,65), гендерному составу (традиционная группа: 14 мужчин, 6 женщин; консультативная группа: 14 мужчин, 6 женщин; $\chi^2 = 0,00$, p = 1,00) и уровню образования (традиционная группа: 13 с высшим образованием, 7 со средним специальным; консультативная группа: 12 с высшим образованием, 8 со средним специальным; $\chi^2 = 0,10$, p = 0,75).

Процедура исследования. Традиционная группа (контрольная). Кандидаты заполняли диагностические методики, а затем проходили краткое (10–15 минут) директивное интервью. Тестирование проводилось в самом начале процедуры, до какого-либо длительного общения с психологом. Психолог задавал стандартные вопросы о мотивации, опыте работы, образовании и отсутствии медицинских противопоказаний, поддерживая формальный, официальный тон общения. Интервью носило структурированный характер; психолог фиксировал ответы в протоколе, не задавая уточняющих вопросов и не комментируя содержание ответов.

Консультативная группа (экспериментальная). Сначала проводилось 40–50-минутное консультативное интервью. Психолог задавал открытые и проективные вопросы, применял активное слушание, перефразирование, метод незаконченных предложений. Беседа строилась как безоценочный диалог, направленный на понимание личности кандидата. Психолог намеренно избегал оценочных суждений, поощрял развернутые ответы и демонстрировал принятие любой позиции кандидата. Только после этого кандидаты заполняли те же методики.

Таким образом, сравнивались не только стили общения, но и две целостные процедуры, различающиеся по трем параметрам: (1) стиль интервью (директивный / фасилитирующий); (2) длительность (краткое / продолжительное); (3) момент заполнения тестов (в начале / после беседы). Это различие — основной смешивающий фактор в дизайне. Поэтому мы не можем точно определить, какой именно фактор объясняет полученные различия.

Обе группы вел один и тот же психолог (опыт работы в сфере профессионального отбора более 5 лет, высшее психологическое образование, сертификат о прохождении тренинга по консультативным техникам) совместно с психологом-практикантом, что исключает влияние межличностных различий специалистов. Психолог был проинформирован о целях исследования и гипотезах, что могло неосознанно проявиться в разной степени теплоты в экспериментальной и контрольной группах (эффект ожиданий экспериментатора). Для минимизации этого эффекта в будущих исследованиях рекомендуется использовать запись интервью с последующей независимой оценкой стиля общения.

Все процедуры проводились в специально оборудованном помещении на базе подразделения, обеспечивающем конфиденциальность и отсутствие внешних отвлекающих факторов. Время проведения процедур для обеих групп было сопоставимо (утренние и дневные часы), что контролировалось для минимизации влияния суточных колебаний функционального состояния кандидатов.

Методики. Для оценки ситуативной тревожности, социальной желательности и эмпатии использовались следующие методики (одинаковые для обеих групп, заполнялись на бумаге):

Шкала ситуативной (state) тревожности Спилбергера — Ханина (STAI). Предназначена для измерения актуального уровня тревоги как эмоционального состояния, возникающего в стрессовой ситуации. Состоит из 20 утверждений, оцениваемых по 4-балльной шкале от «совсем нет» до «очень сильно». Суммарный балл варьируется от 20 до 80. Результаты интерпретируются как низкая (до 30 баллов), умеренная (31–45) и высокая (46 и более) тревожность. Применение STAI в исследованиях сотрудников силовых структур показало его высокую чувствительность к условиям профессионального стресса и оценочным ситуациям [3; 7]. В данной выборке надежность шкалы составила $\alpha = 0{,}89$.

Методика оценки потребности в одобрении Крауна — Марлоу (адаптация Ю. Ханина). Измеряет склонность респондента давать социально желательные ответы. Включает 33 утверждения, на которые предполагается ответ «да» или «нет». Суммарный балл варьируется от 0 до 33. Чем выше суммарный балл, тем сильнее выражена мотивация социального одобрения. Методика широко применяется в исследованиях профессионального отбора для контроля эффекта социальной желательности. В данной выборке надежность шкалы составила $\alpha = 0{,}78$.

Шкала эмоционального отклика BEES А. Меграбяна (1972). Измеряет аффективную (эмоциональную) эмпатию как способность к сопереживанию и сочувствию. Состоит из 30 пунктов, оцениваемых по 9-балльной шкале от «очень нехарактерно» до «очень характерно». Суммарный балл варьируется от 30 до 270. Более высокие показатели свидетельствуют о большей выраженности аффективной эмпатии. Методика используется в исследованиях личностных особенностей сотрудников правоохранительных органов [2; 4]. В данной выборке надежность шкалы составила $\alpha = 0{,}82$.

Этика и согласие. Все участники подписали информированное согласие, были проинформированы о целях исследования, процедурах и праве отказаться от участия на любом этапе без объяснения причин. Участникам было разъяснено, что результаты тестирования не влияли на кадровые решения — исследование проводилось параллельно с официальным отбором, и заключения о профессиональной пригодности выносились на основании стандартной процедуры, а не экспериментальных данных [11].

Конфиденциальность данных обеспечивалась путем анонимизации: все протоколы тестирования кодировались, идентифицирующая информация хранилась отдельно от

исследовательских данных в запертом шкафу, доступ к которым имел только руководитель исследования. После завершения анализа бумажные протоколы были уничтожены в соответствии с требованиями защиты персональных данных.

Статистическая обработка. В связи с небольшим объемом выборки (n = 40) и отклонением распределений от нормальности (тест Шапиро–Уилка, $p < 0,05$ для всех трех шкал) для сравнения групп использовали непараметрический U-критерий Манна — Уитни. Описательные статистики представлены в виде медиан, поскольку анализ проводился с использованием непараметрических критериев.

Надежность шкал оценивали с помощью коэффициента α Кронбаха. Значения $\alpha > 0,70$ считались приемлемыми, $\alpha > 0,80$ — хорошими, $\alpha > 0,90$ — отличными. Расчеты выполнены в статистическом пакете Jamovi (версия 2.3.21). Статистическая значимость принималась при $p < 0,05$.

Результаты. В консультативной группе зафиксированы более низкие показатели ситуативной тревожности и социальной желательности по сравнению с традиционной группой. По шкале эмпатии статистически значимых различий между группами не выявлено (табл. 1).

Таблица 1. Показатели ситуативной тревожности, социальной желательности и эмпатии в консультативной и традиционной группах

Показатель	Консультативная группа (n = 20), Me	Традиционная группа (n = 20), Me	U	p
Ситуативная тревожность (STAI)	36,5	63,0	15,5	< 0,001
Социальная желательность (Краун–Марлоу)	9,5	15,0	44,5	< 0,001
Эмпатия (BEES)	80,0	83,5	148,0	0,163

Примечание. Данные представлены в виде медиан (Me). U — критерий Манна — Уитни; p — уровень значимости.

Как видно из таблицы 1, различия по ситуативной тревожности и социальной желательности статистически значимы ($p < 0,001$): в консультативной группе оба показателя ниже, чем в традиционной. По эмпатии значимых различий не обнаружено ($p = 0,163$). Отсутствие значимых различий по эмпатии следует интерпретировать с учетом небольшого объема выборки, ограничивающего статистическую мощность для обнаружения слабых эффектов.

Обсуждение. Выявлены статистически значимые межгрупповые различия по ситуативной тревожности и социальной желательности: в условиях длительного фасилитирующего интервью, предшествующего тестированию, эти показатели существенно ниже, чем при стандартной процедуре. Различия носят выраженный характер: медианные значения в консультативной группе ниже, чем в традиционной, более чем на 25 баллов по шкале тревожности и на 5 баллов по шкале социальной желательности. Полученные данные согласуются с положением о том, что снижение оценочной тревоги и самопрезентационных стратегий в безоценочной, поддерживающей атмосфере ведет к менее искаженным самоотчетам [12, с. 598].

Сравнение с данными других исследований. Аналогичные закономерности были выявлены в зарубежных работах. Так, в исследовании Джанфьорда и Аксельссона [11] было показано, что кандидаты в полицию, проходившие предварительное психологическое консультирование, демонстрировали более низкие показатели тревожности и давали более согласованные ответы по сравнению с группой стандартного тестирования. В российском контексте близкие результаты получены в работе Захаревской [2, с. 111], где применение интерактивных методов оценки (включая проективные техники) способствовало снижению социальной желательности по сравнению с бланковыми опросниками. Особенно показательны данные коллектива авторов под руководством Ceschi [9], которые на выборке из 149 швейцарских кандидатов в полицию показали, что они склонны давать социально желательные ответы и описывать себя как менее тревожных и агрессивных, чем гражданские лица. Это подтверждает, что эффект самопрезентации в сторону социальной желательности носит устойчивый характер и воспроизводится в разных культурных контекстах**.**

Настоящее исследование дополняет имеющиеся данные: эффект сохраняется при использовании стандартного инструментария, если изменяется организационный формат его предъявления. В отличие от работ, фокусирующихся на модификации самих методик [2;11], здесь демонстрируется влияние процедурных условий на результаты диагностики.

Вместе с тем дизайн исследования не позволяет выделить вклад каждого из трех варьирующих факторов — стиля общения, длительности интервью и момента заполнения тестов. Возможно, что любой продолжительный и доброжелательный контакт, независимо от его директивности, дал бы сходное снижение тревожности. Поэтому утверждение о том, что именно «консультативная модель» обеспечивает повышение достоверности диагностики, на данном этапе было бы преждевременным. Для разделения эффектов необходимы специальные экспериментальные планы с факторным дизайном (2×2), в которых независимо манипулировались бы стиль общения и длительность интервью. Также нельзя исключать, что изменение момента тестирования (до или после интервью) само по себе могло повлиять на результаты — например, эффект привыкания к экспериментальной ситуации или снижение первичной тревожности после любого вербального контакта с психологом.

Интерпретация результатов по эмпатии. Отсутствие значимых различий по эмпатии согласуется с гипотезой о том, что это устойчивое личностное свойство не должно существенно изменяться в зависимости от ситуационных условий. Однако малый размер выборки и низкая мощность не позволяют исключить наличие небольших эффектов. Описательная тенденция к незначительному снижению показателей эмпатии в консультативной группе не достигает уровня статистической значимости, что может быть связано с ограниченной мощностью выборки; для подтверждения этого наблюдения требуются исследования на более крупных выборках.

Кроме того, использованная шкала BEES измеряет преимущественно аффективную (эмоциональную) эмпатию, тогда как для профессиональной деятельности в ОВД не менее важна когнитивная эмпатия — способность понимать мысли и намерения других. Более того, излишне высокая эмоциональная эмпатия может быть дезадаптивной в стрессовых ситуациях, поскольку ведет к эмоциональному выгоранию и снижению эффективности профессиональной деятельности [3; 7]. Это указывает на необходимость расширения диагностического инструментария в будущих исследованиях за счет включения методик, оценивающих когнитивный и регуляторный компоненты эмпатии, а также показателей эмоционального выгорания.

Процедурные условия как фактор диагностики. Полученные различия между группами по ситуативной тревожности и социальной желательности могут быть объяснены не только стилем общения, но и самой логикой построения процедуры. Традиционная модель изначально задает рамку строгой оценки: кандидат воспринимается как объект диагностики, а процедура сводится к проверке соответствия фиксированным критериям. Это провоцирует состояние «экзаменационного стресса» и усиливает мотивацию представить себя в максимально выгодном свете. Консультативная модель, напротив, выстраивает взаимодействие на принципах партнерства и безоценочного принятия: психолог создает условия для самораскрытия, а не для демонстрации «правильных» ответов. Акцент смещается с соответствия внешним стандартам на понимание индивидуальных особенностей кандидата, что снижает мотивацию идеализировать собственный образ.

Вместе с тем меньшая вариативность ответов в консультативной группе заслуживает отдельного внимания. Описательно в этой группе наблюдались более низкие стандартные отклонения по всем трем шкалам, что может свидетельствовать о большей однородности реакций в условиях психологической безопасности. С одной стороны, снижение разброса отражает релаксацию кандидатов и нивелирование эффекта «экзаменационного волнения». С другой — сужение разброса в отборе осложняет дифференциацию кандидатов по уровню выраженности ПВК, что является важным практическим аспектом. Снижение тревожности не всегда однозначно полезно, если оно сопровождается потерей различительной способности методик. Практикующим психологам следует учитывать этот эффект и комбинировать консультативный формат с другими методами оценки, сохраняющими дифференцирующую силу (ситуационные задачи, кейс-методы, наблюдение в моделируемых профессиональных ситуациях).

Ограничения исследования. К ограничениям исследования относятся смешение факторов (группы различались по стилю интервью, длительности и моменту тестирования), отсутствие рандомизации, возможный эффект ожиданий экспериментатора, а также малый объем выборки (n = 40), ограничивающий статистическую мощность. Данные получены на одной базе, что требует репликации. Использованная шкала BEES измеряет только аффективный компонент эмпатии. Для разделения эффектов стиля, длительности и момента тестирования необходимы рандомизированные дизайны с факторной манипуляцией условий.

Заключение. В исследовании выявлены различия между кандидатами, проходившими оценочные процедуры в традиционном и консультативном форматах. В консультативной процедуре показатели ситуативной тревожности и социальной желательности были ниже, тогда как по показателю аффективной эмпатии статистически значимых различий не обнаружено.

Полученные результаты указывают на возможную связь процедурных условий диагностики с ответами кандидатов по самоотчетным методикам. Вместе с тем из-за нерандомизированного формирования групп и одновременного различия процедур по стилю, длительности интервью и моменту тестирования нельзя установить, какой именно фактор обусловил выявленные различия.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются рандомизация участников, стандартизация продолжительности процедур, раздельная проверка влияния стиля интервью и момента тестирования, увеличение выборки и оценка прогностической связи диагностических показателей с успешностью профессиональной деятельности.

До получения данных на расширенных и рандомизированных выборках результаты не следует рассматривать как основание для изменения действующего порядка профессионального отбора. Консультативные элементы могут апробироваться только в рамках стандартизированных процедур и при обязательном контроле их влияния на результаты диагностики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности : учеб. пособие / В.А. Бодров. — М. : ПЕР СЭ, 2001. — 511 с.
2. Захаревская Е.А. Перспективы применения ПМО «Эгоскоп» в целях профессионального психологического отбора в ОВД / Е.А. Захаревская // Национальное здоровье. — 2021. — № 2. — С. 110–112.
3. Канунников Р.И. Психологическая безопасность сотрудников правоохранительных органов в экстремальных ситуациях / Р.И. Канунников, Е.А. Коноплева // Психология и право. — 2024. — Т. 14 — № 3. — С. 107–121. — DOI: 10.17759/psylaw.2024140308.
4. Кононова М.А. Оценка динамики личностных особенностей в процессе профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / М.А. Кононова, Е.Г. Ичитовкина, А.Г. Соловьев и др. // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2019. — Т. 24, № 2(77). — С. 195–200.
5. Профессиональная пригодность и профессиональный отбор в органах внутренних дел : учеб. пособие / под ред. В.Л. Цветкова. — М. : ДГСК МВД России, 2019. — 248 с.
6. Спенсер Л.М. Компетенции на работе: модели максимальной эффективности / Л.М. Спенсер, С.М. Спенсер. — М. : ГИППО, 2005. — 384 с.
7. Шадриков В.Д. Деятельность и способности / В.Д. Шадриков. — М. : Логос, 1994. — 320 с.
8. Щербакова Т.Н. Психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / Т.Н. Щербакова // Прикладная юридическая психология. — 2019. — № 4. — С. 117–124.
9. Ceschi G., Meylan S., Rowe C., Boudoukha A.H. Psychological Profile, Emotion Regulation, and Aggression in Police Applicants: A Swiss Cross-Sectional Study // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2022. — Vol. 37. — P. 962–971. — DOI: 10.1007/s11896-022-09548-0.
10. Corey D.M., McElroy H.K., Ben-Porath Y.S. Statewide Mandates for Preemployment Psychological Screening of Police Officer Candidates in the United States: A Review and Comparison to the Standard of Practice / D.M. Corey, H.K. McElroy, Y.S. Ben-Porath // Professional Psychology: Research and Practice. — 2023. — Vol. 54, No. 2. — P. 156–166. — DOI: 10.1037/pro0000487.
11. Janfjord M., Axelsson E. On Becoming a Police Officer: A Prediction Analysis Based on Cognitive Ability, Personality and Physical Tests in the Selection Process for Police Training / M. Janfjord, E. Axelsson. — Lund : Lund University, 2023. — 28 p.
12. Paulhus D.L. Two-component models of socially desirable responding / D.L. Paulhus // Journal of Personality and Social Psychology. — 1984. — Vol. 46, No. 3. — P. 598–609.

REFERENCES

1. Bodrov V.A. (2001). Psikhologiia professional'noi prigodnosti [Psychology of professional suitability]. Moscow: PER SE. (In Russian)
2. Zakharevskaya E.A. (2021). Perspektivy primeneniia PMO «Egoskop» v tseliakh professional'nogo psikhologicheskogo otbora v OVD [Prospects for using the PMO «Egoscope» for professional psychological selection in law enforcement]. Natsional'noe zdorov'e, 2, 110–112. (In Russian)
3. Kanunnikov R.I., & Konopleva, E. A. (2024). Psikhologicheskaia bezopasnost' sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov v ekstremal'nykh situatsiiakh [Psychological safety of law enforcement officers in extreme situations]. Psikhologiia i pravo, 14(3), 107–121. DOI: 10.17759/psylaw.2024140308. (In Russian)
4. Kononova M.A., Ichitovkina, E. G., Solovyev, A. G., et al. (2019). Otsenka dinamiki lichnostnykh osobennostey v protsesse professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Assessment of the dynamics of personality traits in the professional activity of law enforcement officers]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh, 24(2/77), 195–200. (In Russian)
5. Tsvetkov V.L. (Ed.). (2019). Professional'naia prigodnost' i professional'nyi otbor v organakh vnutrennikh del [Professional suitability and professional selection in law enforcement agencies]. Moscow: DGSK MVD Rossii. (In Russian)
6. Spencer L.M., & Spencer, S. M. (2005). Kompetentsii na rabote: modeli maksimal'noi effektivnosti [Competence at work: Models of superior performance]. Moscow: GIPPO. (In Russian)
7. Shadrikov V.D. (1994). Deiatel'nost' i sposobnosti [Activity and abilities]. Moscow: Logos. (In Russian)

8. Shcherbakova T.N. (2019). Psikhologicheskie osobennosti professional'noi deiatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological features of professional activity of law enforcement officers]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiia, 4, 117–124. (In Russian)
9. Ceschi G., Meylan S., Rowe C. & Boudoukha A. H. (2022). Psychological profile, emotion regulation, and aggression in police applicants: A Swiss cross-sectional study. Journal of Police and Criminal Psychology, *37*, 962–971. DOI: 10.1007/s11896-022-09548-0.
10. Corey D.M., McElroy H.K. & Ben Porath Y.S. (2023). Statewide mandates for preemployment psychological screening of police officer candidates in the United States: A review and comparison to the standard of practice. Professional Psychology: Research and Practice, *54*(2), 156–166. DOI: 10.1037/pro0000487.
11. Janfjord M. & Axelsson E. (2023). On becoming a police officer: A prediction analysis based on cognitive ability, personality and physical tests in the selection process for police training. Lund: Lund University.
12. Paulhus D.L. (1984). Two component models of socially desirable responding. Journal of Personality and Social Psychology, *46*(3), 598–609.

Поступила в редакцию 09.07.2026 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF POLICE CANDIDATES' SITUATIONAL ANXIETY AND SOCIAL DESIRABILITY UNDER DIFFERENT SELECTION MODELS

O.L. Sharova, A.A. Kozhukhovskaya

The article deals with the results of an empirical study comparing two assessment interview formats in professional selection for law enforcement agencies — traditional (directive) and consultative (facilitative). The sample included 40 candidates (20 per group). The methodology applied includes Spielberger — Hanin State Anxiety Inventory, Crowne — Marlowe Social Desirability Scale, and BEES emotional responsiveness scale. The consultative format was associated with significantly lower anxiety and social desirability; empathy differences were not significant. The results suggest that procedural conditions of assessment may systematically influence self-report measures, and that the consultative format may create a safer environment for candidates' self-disclosure. However, because the groups differed not only in interview style but also in duration and testing timing, causal conclusions require further verification. Further research with controlled designs, larger samples, and factorial manipulation is needed to disentangle the effects of style, duration, and testing order.

Key words: professional selection, law enforcement agencies, consultative model, situational anxiety, social desirability, empathy, candidates for service.

Шарова Ольга Львовна.
Кандидат социологических наук, доцент.
Московский международный университет,
Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры психологии.
ORCID 0009-0009-9003-1583.
E-mail: o.sharova@mmu.ru.

Sharova Olga Lvovna.
Candidate of Sociology, Associate Professor.
Moscow International University,
Russian Federation, Moscow.
Associate Professor at Department of Psychology.
ORCID 0009-0009-9003-1583.
E-mail: o.sharova@mmu.ru.

Кожуховская Алена Алексеевна.
Московский международный университет,
Российская Федерация, г. Москва.
Студентка кафедры психологии.
ORCID 0009-0004-1948-0478.
E-mail: asyakozhuhovskaya@yandex.ru

Kozhukhovskaya Alena Alekseevna.
Moscow International University, Russian Federation,
Moscow.
Student of Department of Psychology.
ORCID 0009-0004-1948-0478.
E-mail: asyakozhuhovskaya@yandex.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректура статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи**: «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления**. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ**! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / *Я руку*, *бьющую меня*, *целую*. // *В грудь*, *оттолкнувшую — к груди тяну*, / *Чтоб*, *удивясь*, *прослушал тишину*. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, *красавицам мучитель*,
И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи — с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании — С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. ***Ключевые слова:*** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья
УДК 81:112
DOI:

ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2024 ***Т.А. Дьякова***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
ORCID 0000-0002-8440-7806.

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие

аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 202X. — № X. — С. XX-XX. — https://doi.org/

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1965. — № 2. — С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. — Волгоград : ВГСХА, 2005. — Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. — С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. — Воронеж, 2019. — 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. — Режим доступа: http: www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. — Барнаул, 2005. — 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 1 (43). — С. 20-31. — http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. № 1. — С. 79–96. — http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. Indogermanische Forschungen, 98, 177–185. http://doi.org/10.1515/9783110243390.177 (In Italian)

Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. Journal of French Language Studies, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). Ornitonimiia Russkogo Severa [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. Romance Philology, 56 (1), 41–50. http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495 (In English).
10. Room, A. (1988). Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

○ название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру),

○ через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по левому краю, без абзаца),

○ через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words**:* — полужирный курсив) — выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации — места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.	**Diakova Tatiana Alekseevna.**
Кандидат филологических наук, доцент.	Candidate of Philology, Associate Professor.
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.	State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10**. Контактная информация:**

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Андрюшкова Надежда Петровна**, канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Донецкого государственного университета (Email: andruchkova@rambler.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2026. — № 6

На русском и английском языках

Технический редактор: А.М. Лыкова

Подписан в печать 01.11.2026